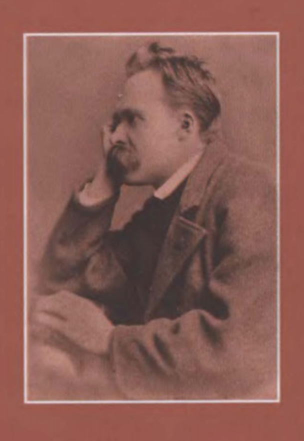
Фридрих Ницше

9

полное собрание сочинений

РЕВОЛЮЦИЯ
КУЛЬТУРНАЯ

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений в тринадцати томах

Редакционный совет
А. А. Гусейнов, В. Н. Миронов,
Н. В. Мотрошилова, В. А. Подорога,
К. А. Свасьян, Ю. В. Синеокая,
И. А. Эбаноидзе

Издательство
«Культурная Революция»
Москва

Институт философии
Российской академии наук

Фридрих Ницше

полное собрание сочинений

Девятый том

Черновики и наброски 1880–1882 гг.

Перевод с немецкого

Издательство
«Культурная Революция»
Москва 2013

ББК 87.3 Герм
Н70

Перевод А.А. Карельский, А.А. Моисеенкова, М. Селисская
Сверка, научное редактирование А.Г. Жаворонков
Общая редакция А.Г. Жаворонков, И.А. Эбаноидзе (1–3, 18–19)
Подготовка примечаний А.Г. Жаворонков, А.А. Карельский
Оформление И. Бернштейн

Ницше, Фридрих.
Полное собрание сочинений: В 13 томах / Ин-т философии.– М.: Культурная революция, 2005–
Т. 9: Черновики и наброски 1880–1882 гг./ Пер. с нем. А.А. Карельского и др.; науч. ред. А.Г. Жаворонков. – 2013. – 688 с.
ISBN 978-5-902764-28-1.

Девятый том полного собрания сочинений Ф. Ницше содержит черновики и другие записи, относящиеся к периоду 1880–1882 гг. В первую очередь это фрагменты, связанные с работой философа над «Утренней зарей» и «Веселой наукой». Среди черновиков и записей 1881 г. – чрезвычайно важные для понимания философии Ницше фрагменты, посвященные вечному возвращению и проблемам познания. Часть тома составляют заметки, сделанные Ницше во время чтения трудов Декарта и Спинозы (в изложении К. Фишера), Б. Паскаля, Ст. Милля, Г. Спенсера, Р. У. Эмерсона, а также художественных произведений французских авторов (в особенности Стендаля и графини де Ремюза).

Издано при поддержке Д. Фьюче и сайта www.nietzsche.ru.

© Культурная Революция. 2013
© А.Г. Жаворонков. Редакция перевода, примечания, 2013
© А.А. Карельский. Перевод, примечания, 2013
© А.А. Моисеенкова. Перевод, 2013
© М. Селисская. Перевод, 2013
© И. Бернштейн. Оформление, 2013

Содержание

Черновики и наброски 1880–1882 гг.

1. Начало 1880

1[1]

О суеверии.
О похвале и порицании.
О допустимой лжи.

1[2]

Оценка сострадания (с точки зрения тех, кому сострадают?).
моногамия

1[3]

Чувствуют ли люди себя плохо вследствие своей *безнравственности* или же вследствие своей *нравственности*? Или вследствие обеих, а также многих других вещей?

1[4]

Как следует поступать? Так, чтобы по возможности сохранялось отдельное? Или же так, чтобы могла сохраниться раса? Или так, чтобы по возможности сохранялась другая раса? (Нравственность животных.) Или же так, чтобы вообще сохранялась жизнь? Или так, чтобы сохранялись высшие формы жизни? Интересы этих разных сфер расходятся друг с другом. И что есть высшие формы? Играет ли здесь решающую роль уровень интеллекта, или доброта, или же сила? Об этих весьма нечетких критериях оценки даже не задумывались, не говоря уже о том, чтобы прийти к единому мнению.

1[5]

В том, что касается любезности и доброжелательности, Европа **не** на высоте; это свидетельствует *против* христианства.

1[6]

Стремление к *универсальному* счастью есть бесстыдство и глупость.

1[7]

Скверный, больной, невоспитанный человек есть результат, дальнейшее существование и действенность которого необходимо ограничить.

1[8]

Наивреднейшая тенденция — всегда думать *о других* (действовать *ради них* почти столь же дурно, как и действовать *против* них, это насилие над их интересами). Какое зверство это обыкновенное воспитание, это вмешательство родителей в сферу интересов детей!

1[9]

Нравственность (как и поэтическое искусство) сильнее всего у нецивилизованных народов (их скованность рамками традиций). У высокоцивилизованных наций традиции — это по большей части нечто наиболее отсталое, нередко даже смешное, здесь превосходный человек всегда безнравственен.

1[10]

Если, предположим, будет *более цениться* принесение себя в жертву ради других, то так и будут поступать — но лишь потому, что это *ценится*. Инстинктивно!

1[11]

Поклонение дьяволу. Спенсер, стр. 31.

1[12]

Воспитание — продолжение зачатия. Вся жизнь — это приспособление нового к старому.

1[13]

Внешний мотив Наполеона: «я хочу быть выше всех». Истинный мотив: «я хочу *казаться* выше всех».

1[14]

Величайшая проблема грядущей эпохи – ликвидация нравственных понятий и очищение наших представлений от закравшихся в них и зачастую с трудом распознаваемых нами форм или оттенков морали.

1[15]

«Убийца», которого мы судим, – это фантом: «человек, способный на убийство!» Но таковы мы все.

1[16]

Желание быть равным притупляет способность радоваться.

1[17]

Варварство в христианстве.

2) Пережитки поклонения дьяволу и т.д.

1[18]

Тот, кто испытывает чрезвычайное удовольствие от своих собственных произведений и чванится ими, опускает себя на более низкую ступень в иерархии духа: ведь тогда уже не столь важно, как он судит о других произведениях и людях. Он не выдержал великого испытания огнем справедливости и не может более претендовать на судейское кресло.

1[19]

Если не существует запрета: «ты не *должен* убивать!» – бывают целые эпохи, когда внутреннее чувство нисколько не возражает против убийства.

1[20]

Кто испытал мучительную необходимость говорить правду, *несмотря* на свои предпочтения и дружеские связи, тот, разумеется, страшится новых.

1[21]

Есть весьма боязливые люди, полагающие, что если упорно закрывать глаза на какую-нибудь вещь, то ее больше нет на свете.

1[22]

Есть ли что-либо более важное и действенное, чем отношение к каждому отдельному человеку из числа своих знакомых как к сложному процессу, посредством которого желает одержать верх *благополучие особого рода*: лишь в том случае, если такое благополучие достигнуто, устанавливается равновесие между этим человеком и всеми нами; с этого момента он делится с нами своей радостью, не вторгаясь, однако, в сферу интересов других людей; подобно могучему дереву, стоит он среди других деревьев на воле, в лесу.

1[23]

NB. *Темные и суеверные люди* верят в 1) — — — 2) — — — 3) — — — в отличие от просвещенных

1[24]

Сострадание без интеллекта — одно из самых неприятных и мешающих нам явлений: само по себе сострадание, к сожалению, отнюдь не столь прозорливо, как этого желает Шопенгауэр.

1[25]

Нет ничего хуже той безучастности и вялости чувств, какие могли бы возникнуть, если бы все люди вообразили себя единым целым или хотя бы равными друг другу. Самое пламенное чувство, amour-passion[1], как раз и заключается в ощущении величайшего различия.

1[26]

Оттого, что христианство утратило свои корни, наша молодежь растет без воспитания.

1[27]

Общество должно научиться выносить все больше *истин*.

---

1 любовь-страсть (*фр.*)

1[28]

Люди, готовые лопнуть от злобы или ревности к другим, проповедуют доброе отношение к животным.

1[29]

Новая культура — только бы ее не превратили в комедию!

1[30]

Именно сейчас, когда вновь разыгрывается жалкая комедия примирения искусства с христианством, следует вспомнить Шопенгауэра! Ему делает честь, что он никогда —

1[31]

Потребность высказаться обо всем, что нас мучает, бог заставил всегда казаться христианам насущной; для более грубых, лишенных фантазии натур церковь создала его заместителя, духовника. *Почему* хотят высказаться? Потому что к этому примешивается потребность ощутить насилие над другим — тем, кого мы заставляем слушать, сопереживать, на кого взваливаем наше страдание. Бог, как козел отпущения, вынужден к тому же быть и духовником.

1[32]

Я знаю одного человека, которого слабое дуновение собственной «свободы» изнежило настолько, что одна лишь мысль о принадлежности к какой-либо *партии* заставляет его обливаться холодным потом — даже если бы то была его собственная партия!

1[33]

Наша задача — очистить культуру, дать простора и воздуха новым инстинктам и верить, что с лихвой останется сил и после преодоления противоречий.

1[34]

Следует ли убивать человека для пользы общества? Убийца нарушает безопасность, свободный ум подвергает

душу вечному риску. Ворчуны мешают ощущать удовлетворение

1[35]

Нравственный образ жизни некоторых более грубых культур состоит из безнравственных поступков. Они всё еще заключены и в наших *органах*. Мы убиваем, крадем, лжем, притворяемся и т.д. даже в самом высоком.

1[36]

Наши позднейшие ценностные оценки складываются по аналогии с усвоенными, подобно тому как достраивается уже начатый дом — т.е. — — —

1[37]

Пока эти тезисы будут звучать для вас парадоксально в том или ином смысле, вы их не поймете: они должны стать для вас излишними и слишком очевидными.

Размышлять над подобными вещами не так уж легко.

1[38]

Свободные умы пробуют *другие способы* жизни, — бесценно! Нравственные люди высушили бы мир. Испытательные станции человечества.

1[39]

Удивительно много *страданий* понапрасну претерпевают люди на испытательных станциях новых способов жизни и полезности — ничего не поделаешь: только бы это помогло другим! Чтобы они поняли, какой неудачный эксперимент здесь проводился.

1[40]

Действовать согласно привычке значит «подражать самому себе», это самое близкое и легкое — когда мотивы прежних поступков более *не* влияют на нас.

1[41]

Изобретательный у<м> должен располагать *временем* и не слишком привыкать к *упорядоченности*.

1[42]

Некоторые телесно-душевные, а следовательно, и нравственные состояния должны происходить от бога и дьявола («бог действует в нас», дьявол неистовствует в нем и т.д.).

1[43]

Нравственность как *препятствие* для открытий. Изобретательный ум, если он достаточно ленив, выдумывает машину и зверя, честолюбивый — государства, лицедей — театральное действо и т.д. — Разумный человек живет за счет достижений человека изобретательного.

Нравственно совершать разумные поступки, цели и средства которых пользуются одобрением.

Только нравственность: тогда человечество нищает, ничего не изобретают.

1[44]

Там, где необходимы *волнения*, больше нет бесцельного избытка силы; вот что мы хотим создать — но избыток?

1[45]

Мы деятельны, потому что все, что живет, должно двигаться — *не* **ради** *удовольствия*, т.е. *без цели*, — хотя здесь и присутствует удовольствие. Это движение *не* есть подражание целесообразным движениям, здесь другое.

1[46]

Предположим, посредством науки будет положен конец весьма многим *самодовольным* представлениям и известной приятной лености; в этом случае она окажет нездоровое воздействие. С другой стороны, следует рассчитывать на то, что она уничтожит и разного рода недовольство и в особенности кошмарные представления всех дурных философий и религий, утверждающих, что мы дурны до мозга костей и что нас ожидает тяжкое наказание.

1[47]

Поступки, рожденные привычкой, можно назвать нравственными, т.е. дать им высшую человеческую оценку лишь с точки зрения их *общей пользы*, — сами по себе они весьма убоги и чуть ли не ниже поступков животных.

1[48]

Описать предмет.

1[49]

Неморальны те люди, что живут свободно, но не имеют цели или же идут проторенными путями, имея другие цели.

1[50]

До сих пор из двух основных мотивов страх перед болью оказывал намного большее воздействие, нежели стремление к удовольствию. Человек знал слишком мало удовольствий и слишком много опасностей. — Здесь обнаруживается отсталость человека в целом, по мере того как мотивы страха огрубляются, утончаются или тускнеют на фоне мотивов удовольствия.

1[51]

Случайная встреча двух слов или слова и зрелища — вот источник новой мысли.

1[52]

Люди, в которых много *случайного*, любящие скитания, и другие, которые идут к цели только *знакомыми путями*.

1[53]

Гений подобен слепому морскому раку, непрестанно протягивающему свои клешни во все стороны и *случайно* что-то схватывающему: он протягивает клешни не для того, чтобы поймать, но оттого, что его члены постоянно должны находиться в движении.

1[54]

Поступки, имеющие *неожиданный успех*, но предпринятые для *других* целей; например, животное, охраняющее свои яйца как *пищу* и неожиданно видящее перед собой себе подобного.

1[55]

Кто способен на великолепные моральные жесты, тот должен быть причислен к паяцам, упрямым канатоходцам, пожирателям огня и прочим художникам, существующим ради трудящихся масс: эти последние так падки на все невероятное и безумное; я всегда заставал лучших людей несколько сконфуженными и запыхавшимися в их лучших поступках. Есть манера смотреть на все таким моральным взглядом, что весь объект представляется сомнительным. Добродетель, не стыдящаяся самой себя, есть не что иное, как лукавство.

1[56]

Изменение оценки, например *презрение* к суеверным людям и к объектам их суеверия.

1[57]

Совершать добрые, превосходные поступки, не ожидая за них похвалы, быть слишком гордым, чтобы принимать такую похвалу, держать наготове презрительный взгляд для самых назойливых, все-таки продолжающих хвалить, и приучить к этому мужественному поведению каждого из своего окружения, но все же признать и дать волю похвале более женственным и артистическим натурам: ведь такие натуры творят добро не из гордости, но из тщеславия. Вот как нужно поступать! Если бы мы *только* в часы высшего подъема своих сил также считали это *правильным*, то тут, разумеется, нечего было бы возразить. Наверное, для больных и слабых людей некоторая толика похвалы необходима в качестве приправы и анестезии. — Я не делаю различия между справедливой и несправедливой похвалой, равно как и между справедливым и несправедливым порицанием: последнее мы должны не только допустить, но и требовать и поощрять; благодаря все-

объемлющему и постоянно слышимому порицанию, справедливо оно или нет, мы поднимаемся над собой: ведь мы видим себя в этом случае такими, какими кажемся, т.е. смотрим на себя неподкупным взором.

1[58]

Человек учится внешним мотивам.

1[59]

Полностью сознательный эгоизм лишился бы того удовольствия, которое проистекает из воображаемых мотивов или же из того, что мы хотим видеть лишь *один* из многих мотивов.

1[60]

«Все люди грешники» — такое же преувеличение, как и утверждение «все люди безумцы», к которому могли бы прийти врачи. Здесь не принимается во внимание различие степеней; слово и ощущение, являющиеся продуктом аномальной, исключительно высокой степени переживания, переносятся на сходные с ними проявления духовной жизни среднего или низшего порядка. Человечество сделали отвратительным, вложив аномальность в его сущность.

1[61]

Изобретательные и целеустремленные люди — вот противоречие.

1[62]

Понимание того, сколь мало ценности в нравственных поступках и сколь незначительна отрицательная ценность поступков безнравственных — и, напротив, сколь велико интеллектуальное различие между ними, — такое просвещение относительно мотивов людей, совершающих поступки, вызывает величайшее удивление.

1[63]

Основное положение: за всю историю человечества до сих пор не обнаружено ни цели, ни какого-либо тайного разумного управления, ни инстинкта, но всегда лишь слу-

чайность, случайность, случайность — и иногда благоприятная. Вот о чем следует говорить. Мы не должны питать ложное доверие и уж менее всего и далее полагаться на случай. Последний обыкновенно оказывается бессмысленным разрушителем.

1 [64]

Когда народ застывает в определенных моральных оценках, это ведет его к ограниченности, косности, изоляции, одряхлению и, в конечном счете, к гибели.

1 [65]

Моральные оценки высказываются наиболее уверенно людьми, которые никогда не думали, а наименее уверенно теми, кто знает людей. Тут нечего хвалить или порицать.

1 [66]

Произвольные поступки (в принципе, это негативное понятие) есть поступки, которые протекают не непроизвольно, не автоматически и бесцельно. Позитивные чувства, испытываемые при этом, следует признать заблуждением. «Непроизвольный» есть понятие позитивное. Строго говоря, преднамеренный поступок есть не что иное, как *два непроизвольных* поступка, хронологически следующих один за другим, т.е. движение мысли, за которым следует мускульное движение, не будучи его результатом.

1 [67]

Сохранять величайшее разнообразие условий существования человека, не облачая людей в униформу морального кодекса, — вот самый известный способ подготовить *благоприятную* случайность. — До сих пор человечество не ставило перед собой никакой цели, которой оно хотело бы достичь как целое; возможно, когда-нибудь это произойдет. Пока цель отсутствует, неясны и средства ее достижения. Между тем необходимо, в первую очередь, подготовить как можно большую массу индивидуумов, обладающих индивидуальным здоровьем (что взаимообусловлено).

1[68]

Мораль – это закон, установленный людьми, осознававшими собственное превосходство над окружающими и думавшими за них. Неоспоримость предъявлявшихся к человеку, часто тяжких, требований объясняли тем, что этого хотят боги.

1[69]

Итак, не существует *поступков*, достойных порицания, поскольку похвала и порицание затрагивают только людей, но не вещи.

1[70]

Все живое движется; этот вид деятельности не имеет определенной цели, это и есть сама жизнь. Человечество как единое целое в своих движениях не имеет ни смысла, ни цели, в них изначально отсутствует воля; впрочем, нельзя все же исключить, что некогда человек вложил в них какой-то смысл – точно так же, как некоторые изначально бессмысленные движения животных служат им для добывания пищи.

1[71]

Празднуя свой триумф, победоносная армия едва не гибнет сама, а победитель считает этот день своим черным днем и целый год отдыхает после пережитого напряжения – зато уличные мальчишки всех сословий и возрастов счастливы. Следует все же признать, что <есть> более дешевые средства сделать их счастливыми, и притом намного более счастливыми.

1[72]

Христианство проходило школу Ветхого Завета, пока стремилось стать мировой религией. Христианству, бежавшему от мира, не было нужды в Ветхом Завете.

1[73]

В наших школах история евреев преподносится как священная: Авраам для нас фигура более значительная, чем какая-нибудь личность из греческой или немецкой

истории, а чувства, которые мы испытываем, слушая псалмы Давида, столь же отличны от тех, что вызывает в нас чтение Пиндара или Петрарки, как родина от чужбины. Эта склонность к тому, что было создано такой далекой от нас загадочной азиатской расой, является, как нам кажется, одним из немногих надежных явлений посреди хаоса нашей современной культуры, величественно возвышающихся над противостоящими друг другу культурой и невежеством. Таково сильнейшее нравственное воздействие христианства, апеллировавшего не к народам, но к человеку и потому с чистым сердцем вложившего в руки людей индогерманской расы религиозную книгу семитского народа. Если же принять во внимание, сколь много усилий потратила несемитская Европа, чтобы принять в свое сердце этот чуждый ей крошечный иудейский мир, более ничему в нем не удивляясь, но лишь дивясь самой себе и своей ему чуждости, то, кажется, ни в чем Европе не удалось столь успешно пересилить самое себя, как в этом усвоении иудейской литературы. Нынешнее европейское чувство Библии есть величайшая победа над ограниченностью расы и спесивым мнением, что для каждого имеет ценность лишь то, что говорили и делали его деды и прадеды. Это чувство столь сильно, что всякому, кто в наше время хочет более сознательно и свободно рассматривать историю евреев, приходится приложить значительные усилия, чтобы преодолеть ощущение теснейшей связи и интимности и быть способным вновь воспринимать еврейство как нечто чужеродное. Ведь и Европе пришлось вложить в Библию большую часть себя и в общем и целом поступать подобно английским пуританам, считавшим, что все их праздники, привычки, современники и войны, их малые и великие судьбы записаны (предсказаны) в иудейской книге. – Но что же отвечает европеец, если ему задают вопрос: в чем превосходство древнееврейской литературы над всеми другими литературами древности? – «*В ней больше морали*». Что означает: в ней больше той морали, которая ныне пользуется признанием в Европе; это, в свою очередь, означает не что иное, как: Европа приняла иудейскую мораль и считает эту последнюю лучшей, более высокой, более соответствующей современной

культуре и способу познания, нежели арабская, греческая, индийская или китайская.

Каков же характер этой морали? Стали ли европейцы *благодаря* такому типу морального характера действительно первыми и господствующими людьми на земном шаре? Но чем измерить ранг различных типов морали? К тому же не-европейцы, например китайцы, отнюдь не желают соглашаться с тем, что европейцы отличаются от них своей *моралью*. Очевидно, главным в еврейской морали является то, что она считает себя первейшей и высшей; возможно, это не более чем химера. Более того, можно задаться вопросом, существует ли вообще какой-либо ранговый порядок морал<ей?> Есть ли некий канон, который царит над всеми и определяет, что нравственно, без оглядки на народ, эпоху, обстоятельства и уровень познания? Или, быть может, составная часть всех типов морали – степень приспособленности к познанию – и есть то, что допускает ранговый порядок моралей?

1[74]

Сколько счастья в самоотречении ради обожаемой секты и т.д. (человек испытывает удовольствие даже тогда, когда унижают и обижают его самого, – отчего так бывает?).

1[75]

Часто отмечали вредную сторону религии, я же хотел бы впервые показать вредную сторону морали и возразить против ошибочного мнения, будто она полезна для чувств.

1[76]

Многочисленные иллюзии в отношении морали обязаны своим возникновением ложному представлению о каузальности в тех областях, где в действительности имеет место лишь последовательность.

1[77]

Проклинать знание за то, что ему свойственно подчас причинять боль, столь же разумно, как проклинать огонь за то, что на нем обжегся ребенок или мошка.

В самом деле, в наше время на знании обжигаются лишь мошки да дети, я имею в виду — фанатики.

1[78]

Суждение весьма трудолюбивых и деятельных эпох о ценности жизни звучит едва ли не обескураживающе: люди предавались размышлениям о жизни тогда, когда уставали или больше не могли работать. Греки имели лучшее представление о жизни, недаром они были нацией, обладавшей досугом: работали они, в сущности, затем, чтобы отдохнуть от безделья, и размышляли со свежими силами.

1[79]

«*Глаза* есть зеркало души»: присущий человеку тип движений и мышечных сокращений объясняет, для чего обыкновенно нужны глаза. Мыслители имеют взгляд, исполненный чувства, ясный или же пронзительный; глаза человека робкого не осмеливаются рассмотреть все *целиком*; завистник отводит глаза, намереваясь что-нибудь ухватить. Даже если кто-нибудь и не желает использовать свой взгляд для выражения чувств, то, как он смотрит, все же выдает его привычку.

1[80]

Люди изобретательные живут *совсем иначе*, чем люди действия: им необходимо *время*, чтобы началась деятельность, не имеющая ни смысла, ни порядка, — эксперименты, открывающие новые пути. Они скорее пробираются на ощупь, нежели идут испытанными путями, подобно людям полезно-деятельным.

1[81]

Когда-нибудь искусство художников должно полностью раствориться в человеческой потребности в празднике: тип одинокого художника, живущего замкнуто и выставляющего на публику свои произведения, исчезнет; тогда они будут стоять в первом ряду людей изобретательных по части удовольствий и празднеств.

1[82]

Шопенгауэр — последний из тех, кто отстаивает этическое знач<ение> бытия; он прилагает к этому свой главный козырь, без которого не обходится ни один из его даров нам и который в глазах читателей одного сорта усиливает достоверность его мнения настолько же, насколько умаляет ее в глазах читателей другого сорта.

1[83]

Одни высказывают ум, другие доказывают его наличие, третьи высказывают его, не подкрепляя доказательствами, а многие не делают ни того, ни другого, полагая, что делают и то, и другое.

1[84]

Жалкая горстка знаний, которыми современное воспитание наделяет человека образованного, уже кажется этим ограниченным поповским башкам излишней: они опасаются, как бы это не нанесло вреда искусству, которому пришлось бы отказаться от показного высокомерия, присущего ему сейчас. — Поистине, им не следует толковать о нуждах тех редких людей, в которых пылает мощный огонь науки.

1[85]

Мы находим слабость страха достойной презрения у того, кто знает, что ему вредно вино, но все-таки пьет его.

1[86]

Мораль препятствовала познанию, поскольку не давала возникнуть потребности в познании, она диктовала правила для поступков и пробуждала веру в то, что для совершения самых целесообразных поступков нет нужды в познании.

1[87]

Иные философы соответствуют условиям прошлых времен, другие — современным условиям, третьи — условиям будущего, а некоторые — условиям нереальным.

1[88]

В некоторые эпохи личность ценилась выше и встречалась чаще. Это *более злые* времена, когда многое делалось явным, когда человек чаще пускался на риск, причинял больше вреда, но меньше лгал.

1[89]

Представление об оценках (общая ценностная оценка), равно как и неверные оценки — вот источник многих неэгоистических поступков.

1[90]

Мораль — это **азиатское** изобретение. *Мы зависим от* **Азии**.

1[91]

Способность использовать и *распознать* случайность называется гениальностью. А стремление руководствоваться целесообразностью, использовать привычное — зовется моралью?

1[92]

Столь же полезно и малоприятно, как смазанная маслом *замочная скважина*

1[93]

Робость отравляет душу.

1[94]

Не следует идти новыми путями, <если> наше сердце не полно отваги еще более, чем наша голова: иначе поглотит — — —

1[95]

Нет людей, более способных на жестокую месть, чем лишенные гордости души, чувствительные и поэтические, втайне беспрестанно испытывающие страдания, но из страха выказывающие спокойствие и кротость, — я думаю при этом, в частности, о Расине.

1[96]

Вся предшествующая эпоха – это эпоха *страха.* Мы учимся воспринимать вещи такими, каковы они в головах других людей, как их оценивают, и проделываем то же самое относительно средств. Мы боимся отличаться, выделяться. Наши навыки есть то, что полезно и доставляет радость *другим.* – Для нас величайшее удовольствие – нравиться другим, мы вечно испытываем страх, что не *сможем* им понравиться. – Это *усмирило* зверство одиночек.

1[97]

Тот, у кого есть господствующая *страсть,* испытывает, совершая необычный поступок, угрызения совести: например влюбленный еврей (у Стендаля), откладывающий на покупку браслета деньги, полученные им благодаря своему делу, или Наполеон после какого-нибудь великодушного поступка, или же дипломат, однажды сказавший правду, и т.д.

1[98]

Спенсер всегда предполагает наличие «равенства людей».

1[99]

И в поступках есть изобретательные, постоянно экспериментирующие люди, которые не могут изгнать из себя случайность (Наполеон).

1[100]

Усвоенные от других ценности сокращают удовольствие и, как следствие, жизнеспособность. Времена «равенства» вялы и бесцветны и заставляют испытывать страх перед будущим. –

Удовольствие от чужих суждений о нас является в наше время едва ли не сильнейшим из всех удовольствий.

1[101]

Что есть привычка? – *Навык.*

1[102]

«Этого никто не заметит» – но никто и не посеет в тебе ростки того, что ты совершаешь; отсюда и произрастает твоя привычка утаивать, удерживать в *себе*, однако же люди, в конечном счете, угадывают в тебе и то, и другое.

1[103]

Крохи знаний, существующих сейчас на земле, и те нагоняют на них страх, так что все громче становится их кваканье. Это гнусное научное воспитание!

1[104]

Тайные, т.е. наиболее часто совершаемые поступки в конечном счете заставляют нас совершать явные, т.е. редкие поступки, не видя в этом принуждения.

1[105]

У христиан все еще преобладают те же представления, что и у дикарей, – ср. Спенсер (стр. 52) и Роскофф.

1[106]

Спенсер путает системы моральной посылки: «как должно поступать?» – с происхождением морали. Для последнего важную роль играет недостаточное понимание каузальности.

1[107]

Повсюду, где существует наводящая ужас власть, которая повелевает и распоряжается, возникает нравственность, т.е. привычка делать то и так, как этого хочет власть; следом за этой привычкой приходит приятное ощущение, что вы ускользнули от опасности, тогда как в противном случае пробуждается совесть, страх перед грядущим, досада за совершенное и т.д. Существует личная власть, например правителей, генералов, начальников, затем – абстрактная власть, например государства, общества, и наконец власть воображаемых сущностей: бога, добродетели, категорического императива и т.д.

1[108]

Трагические шуты.

1[109]

В каждом поступке наличествует: 1) истинный мотив, который замалчивается; 2) самостоятельный, *внешний* мотив. Последний исходит от нас самих, порожден нашими удовольствиями, нашей личностью, мы *выказываем* себя в нем как *личность*. Зато первый учитывает то, что думают другие, мы поступаем так, как поступает каждый, мы *выказываем* себя как личность, но совершаем поступки как существа определенного вида. Забавно! Например, я хочу поступить на службу: 2) «моя обязанность перед самим собой — приносить пользу»; 1) «я хочу, чтобы другие уважали меня за мою должность».

1[110]

Производство потомства не акт альтруизма. Всякое животное стремится при этом к наслаждению, от которого зачастую и гибнет. Самопожертвование ради приплода есть самопожертвование во имя собственного, ближнего, своего порождения и т.д., то есть не альтруизм.

1[111]

Одни и те же вещи *совершаются* вновь и вновь, но всякий раз люди опутывают их новыми мыслями (ценностными оценками).

1[112]

Различать мотивы и механизм — тогда выражение «мотив» ложно, мотивы ничего не приводят в движение; если же они находятся в движении, приходит в движение и механизм.

1[113]

Несчастье преступника — т.е. он испытывает страх перед дурными последствиями или же отвращение и пресыщенность и т.д., но не муки совести.

1[114]

Мы должны использовать малейшее соприкосновение с людьми, чтобы упражняться в справедливости и благожелательности.

1[115]

Когда мы оказываемся в определенном физиологическом состоянии, нам приходит в голову то, о чем мы думали, когда в последний раз были в таком состоянии. Очевидно, для каждого состояния в мозгу существует определенный механизм, который и срабатывает.

1[116]

Есть люди, которые привыкли высказывать свои не вполне общепринятые мысли не иначе, как изливая злобу на все в мире. Это значит назначать за свои суждения завышенную цену. Если же таких субъектов много, возникает предубеждение в отношении всех непривычных суждений, как будто брань, досада, злословие, озлобленность, подлость должны быть их непременными спутниками.

1[117]

Поступки, диктуемые *привычкой* (иногда называемые «нравственными»), суть механизмы, не обладающие сознанием и имеющие столь же малое отношение к морали, как и работа заведенных музыкальных часов. Ничего общего со словами «свободный», «сознательное самопожертвование», «для других» — зато приятно и полезно, а потому и ценится превыше всего.

1[118]

В отношении отдельного человека мы сама предупредительность, но *когда мы пишем* — я не понимаю, почему тут мы не доходим до крайнего предела собственной честности. Ведь это для нас отдохновение!

1[119]

О морали в основном всегда пеклись лишь очень нравственные люди, большей частью из желания ее усилить. Стоит ли удивляться, что при этом мы так почти

ничего и не узнали о людях неморальных и посредственных! Люди нравственные выдумывали о них всякие сказки и забивали головы другим своими выдумками.

1[120]

Попытки внеморального взгляда на мир, прежде предпринимавшиеся мною со слишком большой легкостью, — *эстетический* же (поклонение гению) —

1[121]

Кто делает это — суеверен и т.д.
Кто делает это — суеверен.
Кто *делает все это – христианин.*

1[122]

Теория Шопенгауэра непсихологична. Сильно страдающим, беспокойным людям не свойственно сострадание. Если мы постоянно пережевываем несчастья, которые в прошлом претерпело человечество, то сами заболеваем и слабеем. Мы должны отвести взгляд. Лишь счастливые люди годятся для истории.

1[123]

Ложное понимание *гения* в нынешнее время: мы почитаем необузданный интеллект и презираем укрощенный, т.е. мы *устали* от морали.

Результат морали — *песок*. Критиковать прежнюю мораль, показывая ее последствия в будущем.

Необходимость *антиморальных* теорий.

1[124]

Есть музыка, столь сильно подражающая зримым вещам, что ее можно рекомендовать всем, кто имеет уши, *чтобы видеть*.

1[125]

Желать — это значит: я представляю себе результат
некоего поступка, этот результат имеет для меня
ту или иную ценность, эта оценка имеет
те или иные причины, результат обусловливает

то или иное действие, т.е. средства, известные мне <из> моего собственного опыта, и многие другие, которые я могу не осознавать.

Итак, чего я хочу?

Намерение: почему я хочу этого?

Мотив: что побуждает меня к такой оценке?

Намерение относится к чему-то, что имеет для нас ценность.

Как мне достигнуть цели?

Мотив есть первопричина для ценностной оценки.

1[126]

Мы всегда забываем самое существенное, потому что оно для нас наиболее естественно, например спонтанность в игре, постоянное *опробывание и нащупывание в движении. Результаты* любого движения обучают нас.

Слова непрерывно кружатся в нашей памяти, отсюда возникают мысли. Перед глазами все время бесчисленные фигуры — — —

1[127]

Редкие **поступки** совершаются с какой-либо целью, большинство их всего лишь **действия**, движения, в которых находит выход некая энергия. Результаты, получающиеся в конце, в случае своего частого повторения наводят нас на мысль о причине и следствии, т.е. мы преднамеренно создаем представление и его ценностную оценку, и при этом невольно приходит в движение механизм, результат действия которого соответствует нашей воле.

1[128]

Есть *актеры* намного более высокого ранга, которые *играют* государственных мужей, основателей культуры, морал<ьных> пророков (женщины, изображающие придворных дам) и т.д.; как только мы об этом догадываемся, мы тут же перестаем на них сердиться и получаем одним удовольствием больше.

1[129]

Моральность породила весьма утонченный вид чувственных **наслаждений**. Неморальность столь же **полезна**, как и м<оральность>.

1[130]

Восток

Европа неморальна,
дурной вкус Шопенгауэра, увлечение
будд<истскими> святыми, – брахманы лучше
стоицизм – семитский
Европа бедна в отношении морали

2. Весна 1880

2[1]

О рабстве духа (мы переносим образцы политической тирании и рабства в духовную сферу).

2[2]

Плачущий желает, чтобы другие плакали вместе с ним: так он осуществляет свою власть над людьми и получает удовольствие.

2[3]

Жить нравственной жизнью, не жалея собственных сил, может быть, и хорошо, однако если из этого, по всей очевидности, всегда вытекает требование, чтобы жизнь непременно имела некий последний этический смысл, то такую жизнь следовало бы отвергнуть как источник величайшего бесстыдства.

2[4]

Многие придумывают для поступков теорию и постоянно о ней разглагольствуют, но в своих поступках никогда ей не следуют. Это их способ восхвалять и получать компенсацию от морали (англичане). Таким образом католические священники приходят к соглашению с богом: их набожность тем сильнее, чем более греховна их жизнь. Лишь *тогда* они чувствуют себя довольными. — В других тоже есть такое противоречие, но они испытывают от этого неудовольствие. Третьи — — —

2[5]

Чрезвычайно чувственные люди достигают полной силы своего *интеллекта* лишь тогда, когда *спадает* их нервное напряжение; это придает плодам их деятельности *унылый* характер.

2[6]

Любовь к ближнему есть любовь к нашему *представлению* о ближнем. Мы можем любить лишь *самих себя*, так как мы себя знаем. Альтруистическая мораль невозможна.

2[7]

У Баха женственное предстает религиозно скованным, едва ли не монашеским; это напоминает мне некие завуалированные стыдливые жалобы, как у монахини (прелюдии Баха

2[8]

когда мы не знаем, что действительно *можем* только мы сами, мы говорим о «воле». Совершенное понимание сообщает нам лишь о *необходимости*.

Мы упускаем из виду лишь *некоторые* силы, необходимые для поступка.

Всякий поступок (волевой акт) – это эксперимент, проверяющий верность нашего суждения (в проявлении воли).

2[9]

Большинство философий выдуманы ради того, чтобы изменить наше восприятие недостатков, представив их как неотъемлемые элементы мира, – тогда как и недовольство, и недостатки изменчивы!

Философия есть часть борьбы со страданием, следовательно, ей суждено погибнуть!

2[10]

Для *отдельно взятого* человека реальность окружающего мира была бы неочевидна. Но для двух людей она приобретает достоверность. Правда, второй человек есть плод нашего воображения, нашей «воли», есть наше «представление» о нем, а мы, в свою очередь, то же самое для него. Но поскольку нам известно, что он наверняка заблуждается на наш счет и что мы реально существуем вопреки тому фантому, который сидит в его голове, мы приходим к выводу, что *он* тоже реален, хотя мы его себе и придумали, – иными словами, что существуют реальности вне нас.

2[11]

Выдуманный мир (мы любим и ненавидим чаще всего создания нашего воображения, а не реальные вещи, не реальных людей).

2[12]

Описание *брака* с целью познания. — Ст. Милль (Конт).

2[13]

Закон мировых помрачений.

2[14]

В органическом мире (начиная с растений) индивидуальное стремится распространиться как можно сильнее. В *целом* его сейчас куда больше, чем когда-либо прежде.

2[15]

Недостаток эгоизма — вот от чего страдает человечество.

2[16]

Только *нравственные* люди испытывают угрызения совести; душевные муки имморалиста — выдумка.

2[17]

Преклонение, радость от *неодинаковости* индив<идуумов>! Радость от непохожести наций и культур — первый шаг к этому («романтическое»).

Равенство присуще лишь тому вымышленному человечеству, все еще удерживающемуся в головах людей; это представление формирует реальных людей в духе равенства (каждого по своему образу и подобию). Устранить этот «вымысел»!

2[18]

Изобразительные искусства и роман находятся на верном пути!

2[19]

Существует намного *больше* морали (латентной).

Нравстве<нные> л<юди> в состоянии аффекта одобряют мораль *предпоследней степени, эффектную мораль*, которую *сильно переоценивают.*

2[20]

Наша жизнь должна стать более *опасной.*

2[21]

Как может современный человек обеспечить себе все преимущества *отпущения грехов*, покончить с угрызениями совести? Прежде говорили: «бог милостив»; ничего не поделаешь, теперь это дело людей!

2[22]

Скорбь по умершим: они не несчастны! — значит, эгоистичны

2[23]

Чем больше у меня *познаний* и здравого смысла, тем меньше у меня остается веры в свободу; нам дано не так уж много возможностей выбора.

2[24]

С помощью науки любой человек может *развить* свою оригинальность.

2[25]

Безудержность скорби, как и любви, есть свойство низких душ.

2[26]

В России абсолютизм.

В Германии жаждут того, чего Ришелье желал для Франции.

Во Франции за 100 лет испробовали 25 форм конституции.

2[27]

Развитие и вступление в культуру!

2[28]

Корсиканец считает безнравственным попрошайничество, но не жизнь бандита; более того, умерщвление ради вендетты даже становится моральным. Гордость как масштаб!

2[29]

100 глубоких одиночеств составляют город Венецию, в этом его очарование. Символ для людей будущего.

2[30]

Драматическая музыка есть средство для возбуждения и усиления аффектов: она не стремится дать удовольствие от самой музыки, как это делает музыка для знатоков и любителей (камерная музыка).

Поскольку она желает убедить нас в чем-то, что находится *вне ее*, она относится к риторике.

2[31]

С помощью слов, порхающих вокруг нас, нам приходят в голову мысли.

2[32]

И кому захочется это читать! Бог не ведает этого, как и я.

2[33]

Южная музыка. Наверное, Гайдн, слушая *италь<ян-скую>* оперу, чувствовал то же, что и Шопен при звуках *италь<янской>* баркаролы. Оба они создавали томительно-страстную музыку, используя подлинно итал<ьянские> мелодии.

2[34]

Почему нам кажется достойным презрения, что кто-то позволяет льстить себе прилюдно, например старец, слушающий лесть юнцов? Потому что такой человек оскорбляет нашу стыдливость: ведь стыдливость требует, чтобы столь великая жажда, как жажда подобострастия, либо совсем не удовлетворялась, либо же удовлетворялась

втайне от всех; столь великое безумство позорит человеческий разум как таковой.

2[35]

Посредством знания о сострадании можно уменьшить само страдание. Прямо выраженное сострадание лишь удваивает страдание, из него, возможно, и проистекает неспособность помочь (у врача). — Так отчего же знающий оказывает помощь? Оттого, что не предотвратить зло, которое ты можешь предотвратить, едва ли не столь же дурно, как и самому совершить его.

2[36]

«Животисная мораль»

Мораль, рассчитанная на эффект, насильственна, это взрыв, призванный отбросить долго копившуюся неморальность (например трусливую покорность по отношению к несправедливому властителю и т.д.). Постоянно, пусть и в малом, препятствовать несправедливости — в этом меньше патетики и *для других*, и для нас самих. Точно так же абсолютное воздержание эффектней, чем довольно малое.

2[37]

Когда нам предписана диета и мы ей не следуем, это неморально (потому что неразумно, так как вредит нам самим). Но «никто не хочет вредить самому себе»: это иллюзия, вред самому себе

значит потому, что мы не хотим причинить вред. — Но поч<ему> мы не хотим причинить вред? — *Сейчас* — по привычке, а *изначально* — из страха.

2[38]

Никто не знает точно, что он делает, когда производит на свет ребенка; даже для мудрейшего из людей это лотерея. И при этом человек должен быть *свободным*! человек, обязанный своей жизнью отнюдь не акту разума!

2[39]

Знать о страдании другого —

Если мы действительно страдаем от сострадания, то тем самым снимаем с себя по крайней мере одно страдание. Лишь тот, кто знает это, но *не страдает*, может действовать ради ближнего, как, например, врач.

Те, кто *знает* это и получает удовольствие (боги каннибалов и аскетов).

2[40]

Надеюсь, еще есть немало людей, знающих, что такое олимпийский смех: он возникает всякий раз, когда кому-то становиться легче от того, что другие не разделяют его вкусы.

2[41]

Не переносить вида крови – это морально?!

2[42]

Предаваться скорби доставляет удовольствие (Наполеон).

2[43]

Публичные чтецы
(против ресторанов и прессы).
Упадок театра.

Как учить греческий?

Вечером душа погружается в смятение.

Отсутствие нравственного воспитания, нет отчетливого представления о событиях дня.

2[44]

Второй возраст старости, жизнь в Аиде, та же недостойная жажда жизни, свойственная старым людям.

2[45]

Как можно представить себе бесчеловечного человека, когда человек есть зверь, потерявший свое звериное обличье?

2[46]

Неуравновешенные люди, их опасные мелочи в нравственности и здоровье.

2[47]

Мораль: мы придаем нашим поступкам выдуманную *ценность* (в зависимости от их *успешности*) — ощущение *бывшего раба*! на все он накладывает печать новой свободы! Сильнейшее чувство *перемены*, когда раб может делать то, что *хочет*.

2[48]

Усталость неизбежна — следовательно, приятна!

Отчего же расстройства мучительные, опасные?

2[49]

Мораль, *когда* необходима ответственность: тогда на поверхности лежат лишь исходящие из чистых соображений рассудка поступки, мотивы которых мы *способны* осознать. «Почему я сделал это?» — Для тех, которые являются следствием нашего душевного порыва, ответственность невозможна, так как мы не знаем мотивов. Следовательно, поступать нравственно означает всего лишь действовать поверхностно, без страсти и энергии, т.е. «ответственность» есть высокомерие. Там, где мы *чувствуем*, мы безответственны, т.е. «неморальны»?

Веры в свободу *достаточно* для морали: иллюзия.

2[50]

Трудно сделать то, что неприятно людям, которых мы почитаем превыше всего, — даже если бы, воздерживаясь от поступка, мы в этом случае лишь проявляли уважение к их слабостям.

2[51]

К черту все партии! Они извращают дружбу, самую искреннюю преданность, самую сильную любовь к истине; вся их деятельность — фальшивомонетничество. Даже самый выдающийся человек недалеко ушел от мошенника и клеветника, если он хочет создать какую-нибудь партию.

2[52]

Альтруизм проявляют не по отношению к другим *индивидуумам*, а к воображаемым *равным* существам. Помогать индивидууму невозможно, так как его невозможно познать. Непознаваемое – это наш ближний.

2[53]

От иностранцев можно услышать, что евреи еще не самое неприятное, что приходит к ним из Германии.

2[54]

Нервное истощение и его философия.

2[55]

Мор<аль> на службе у физиологических функций.

2[56]

«Возможность внешнего воздействия, возможность стать зависимым» предполагает вовсе не «свободу», а «обусловленность». Две безусловных вещи не могут воздействовать друг на друга.

2[57]

Абсолютное знание сделало бы невозможным возникновение понятия «свобода» и таким образом исключило бы возможность моральной оценки поступков. Если бы не существовало неморальных поступков, то *не* было бы и *морали*.

2[58]

У л<юдей> должна быть их злоба насущная.

2[59]

Люди, самоуверенные по привычке и уже этого не замечающие (и все же не похожие на гордецов, так как их жесты, интонации и т.д. иные).

2[60]

Некоторые желают слыть самоуверенными, так как это все же лучше, чем считаться жалким и униженным существом.

2[61]

Мы узнаем привычки и мнения других, но *не* индивидуумов. И в своей последующей жизни мы тоже не имеем дело с индивидуумами, т.е. мы и самих себя не считаем индивидуумами.

2[62]

Тяжелый физический труд, например труд носильщиков, гребцов, земледельцев, плохо оплачивается, а тех, кто им занимается, презирают. Коммерсант требует такую большую плату за то, что излишне умен; высшие расы, например евреи, даже в самых ужасных обстоятельствах редко впадают в столь крайнюю нужду, чтобы наниматься на работу в качестве орудий физического труда.

2[63]

Эмоции суть физиологический противовес.

2[64]

Человек, *переживающий* какое-то чувство, придает ему бóльшую ценность и даже желает повторить пережитое, например религиозное чувство (Ф. Шлегель).

2[65]

Главное — *достичь* добродетели, *не* важно, каким путем. Успех будто бы и есть счастье: все дело в том, чтобы освоить сложную механику настолько, что она покажется нам легкой, как игра.

2[66]

Каждый поступок, каждая мысль, любой душевный порыв строят твое счастье или несчастье в будущем; они формируют твою *душу*, твои привычки, нет ничего индифферентного. Тебе придется искупать свое логическое безрассудство. Душа — это огромная цистерна, незамутненное сознание — способ наконец-то обрести незамутненную душу, — но, может быть, лишь в третьем поколении.

2[67]

Нравственные поступки — это способ достижения целей, которые мы упустили из виду и само обретение которых уже доставляет нам теперь удовольствие.

2[68]

Не существует отдельного органа «памяти»: все нервы, например в ноге, сохраняют память о пережитом прежде. Каждое слово, любое число — результат физического процесса, зафиксированный где-то в наших нервах. Все, что органически усваивается нашими нервами, продолжает существовать в них. Бывают могучие волны возбуждения, когда эта жизнь врывается в *сознание* и мы вспоминаем.

2[69]

Тот, кто в наше время занимает двойственную позицию по отношению к христианству, тотчас же видит себя отвергнутым нашим суровым, благородным высшим обществом.

2[70]

Осознанный опыт отдельно взятой личности есть лишь слишком короткая цепочка, не доходящая до ее границ.

2[71]

Тщеславный человек останавливается на средстве, ведущем к цели, и получает от этого такое удовольствие, что забывает саму цель.

2[72]

В независимых классах так много недовольства, страданий и бедствий, потому что лишь немногие люди могут испытывать удовольствие от своей деятельности — вследствие неверного образа жизни, ошибочно избранной профессии, т.е. из-за чрезмерной зависимости.

2[73]

Отвратительно! Какой-нибудь человек обращается к нам с хвалебной речью, таким образом он хочет распо-

ложить нас к себе, т.е. завладеть нами, так как считает, что мы гостеприимны по отношению к тому, кто нас хвалит. Но хвалящий ставит себя выше нас, он желает владеть нами, — это наш враг.

2[74]

Любовь к ближнему

2[75]

признаюсь, мне приятно, что здесь заключены не все хорошие мысли на эту тему

2[76]

мать и дитя более не мыслят сознательно

2[77]

человек faut<e>-de-mieux[1] — Дюринг

---

1 за неимением лучшего (*фр.*)

3. Весна 1880

L' Ombra
di
Venezia[1].

3[1]

Предисловие.

Когда я недавно попытался ознакомиться со своими старыми, уже забытыми мною сочинениями, меня ужаснуло одно общее для них свойство: все они говорят языком фанатизма. Почти повсюду, где речь идет об инакомыслящих, явственно видны та кровожадность поношения и то упоение злобными выпадами, которые являются первыми признаками фанатизма, — признаками столь отвратительными, что я по одной только этой причине не смог бы дочитать до конца эти сочинения, если бы их автор был мне чуть менее знаком. Фанатизм портит характер, вкус и, в конце концов, здоровье — а тот, кто искренне желает вернуть себе все упомянутое, должен заранее готовиться к длительному лечению.

Рассказав о себе так много, да к тому же еще и не самого похвального (что хотя и не приветствуется, но все же традиционно дозволяется в предисловии), я, по крайней мере, имею право надеяться, что мои самые новые идеи, излагаемые мною в настоящей книге, будут прочитаны *не без осторожности.*

3[2]

1. Нас легче приводят к краху наши преимущества, нежели наши недостатки, ведь в отношении последних мы ведем себя рассудительно, совершенно не так, как в отношении наших преимуществ.

---

1 Тень Венеции (*ит.*). См. прим.

3[3]
2. В нас подходит к завершению один вид миросозерцания и одновременно начинается другой: ведь наше туманное воспитание в одно и то же время знакомит нас с разными типами миросозерцания, каждый из которых стремится в нас утвердиться.

3[4]
3. Свою любовь к истине мы отчетливее всего проявляем в своем отношении к тем «истинам», которые *другие* считают таковыми; тут-то и обнаруживается, что мы любим на самом деле: истину или всего лишь самих себя.

3[5]
5. Вот какова градация сострадания по мере его убывания: *на первом* месте сострадание к тому, что является нашей собственностью (ребенок; продукт нашего труда, имущество, женщина, слуга), на *втором* — к тому, чем мы жаждем обладать, на *третьем* – к тому, что похоже на нас, на *четвертом* — к тому, что нам знакомо. Характерная черта, отличающая сострадание от страдания, это горькая обида за то, что нашей собственности или тому, что выглядит как наша собственность, наносят какой-либо ущерб. Страдание врага доставляет нам удовольствие, как признак убывания силы нашей враждебности; по отношению к страданию чужака, не похожего на нас, мы испытываем нечто близкое к удовольствию, поскольку он кажется нам почти врагом, в то время как схожее с нами и знакомое нам вызывает в нас чувство, родственное чувству обладания.

3[6]
8. Для грядущей эпохи, которую нам хотелось бы назвать *пестрой* и которой предстоит провести множество экспериментов над жизнью, будут характерны: *во-первых*, отказ от окончательных решений (в принципе, как только мы поймем, отчего мы прежде столь чудовищно переоценивали их, они тотчас же перестанут казаться нам значимыми); *во-вторых*, пристрастность по отношению ко всем традициям и ко всему, что связывает нас наподобие

традиций; *в-третьих*, бóльшая честность в выявлении так называемых пороков.

3[7]

10. Существует предрассудок, будто пища, считающаяся целесообразной, является для человека и самой естественной и с самого начала должна была доставлять ему удовольствие; вероятно, многое из того, что человеку приходилось есть из нужды, изначально имело дурной вкус и было для него «неестественным» — но по мере привыкания такая пища стала привлекательной и приятной. Точно так же дело обстоит и со многими другими вещами, не имеющими отношения к пище: сначала имеет место принуждение — и лишь затем рождается удовольствие, причем зачастую достаточно поздно.

3[8]

11. Человек самоуверенный притворяется гордым, но как раз гордость и лишена притворства (в отличие от тщеславия); следовательно, самоуверенность есть лишь лицемерие, скрывающее своеобразное отсутствие притворства, а в тех случаях, когда игра ведется мастерски, самоуверенность часто путают с гордостью.

3[9]

12. Очевидно, люди по-прежнему стремятся ко всяким удовольствиям, но все же испытывают сомнения в тех случаях, когда такие удовольствия неизбежно влекут за собой пресыщенность и изнеможение; к таким дурманящим и изнуряющим видам удовольствия можно отнести, в зависимости от типа человека, такие чувства, как восторг, сострадание, экстаз, гнев, месть или опьянение алкоголем, опиумом, сексуальными удовольствиями и т.д. В конце концов, к числу самых ценных и желанных удовольствий относят не те, которые обладают высшей или очень слабой степенью интенсивности, а удовольствия среднего уровня, т.е. такие, которые длятся долго и не влекут за собой отвращения и, с другой стороны, более интенсивны, чем те, что дают небольшое удовольствие. В этом смысле правы Платон и Аристотель, считавшие радость познания наи-

более желанной, — при условии, что они таким образом отразили свой собственный, а не некий обобщенный опыт: ведь для большинства людей удовольствие от познания относится к самым малым и ценится намного ниже, чем удовольствие, связанное с приемом пищи.

3[10]
13. До того, как мы научились подходить к физиологическим состояниям с точки зрения физиологии, люди считали, что имеют дело с состояниями моральными. Следовательно, область морального чрезвычайно сузилась — и все еще продолжает сужаться: точно так же, как религия у древних охватывала более широкие сферы жизни, нежели у христиан-католиков, а протестанты, в свою очередь, еще больше сузили сферу влияния религии.

3[11]
18. Природа зла, утверждает христианство; не следует ли из этого, что христианство противоречит природе? В противном случае оно, согласно своему собственному суждению, тоже должно быть злом.

3[12]
21. В человеческих страстях проявляется зверь; для людей нет ничего более интересного, чем это возвращение в область непредсказуемого. Похоже, что разум изрядно наскучил им.

3[13]
22. Мы заботливо защищаем и охраняем то, чем владеем; в свою очередь, то, что мы любим, к чему стремимся, т.е. чем жаждем обладать, мы защищаем с еще большим воодушевлением, потому что обладание еще не привело нас к разочарованию, мы им еще не пресытились. Чувство *любви* предполагает наличие чувства собственности.

3[14]
25. Мы можем помочь своему ближнему, лишь отнеся его к определенной категории (больные, узники, нищие,

художники, дети) и, таким образом, *унизив*; индивидууму помочь невозможно.

3[15]
26. В Ризано (Далмация) падших женщин побивали камнями; еще в 1802 году австрийцы предотвратили подобный акт: тогда именно отец, предводительствовавший толпой, первым бросил камень. В городе Бискра, расположенном в Сахаре, все девушки из живущих по соседству племен, желая обогатиться, некоторое время занимаются проституцией; заработанные таким образом деньги они отдают своим родителям, и там сочли бы безнравственным, более того, непростительным, если бы кто-то не выказал таким способом свой пиетет.

3[16]
27. Поскольку сострадание увеличивает одно горе в этом мире вдвое, в сто и даже в тысячу раз, то в глазах тех богов, которым поклоняются каннибалы и аскеты, оно, наверное, считается величайшей добродетелью.

3[17]
30. Осуждающий отмежевывается от нас; он не питает к нам добрых чувств и не желает выказывать нам свое расположение: он предоставляет нам свободу, тогда как человек, восхваляющий нас, желает завладеть нами. Это должен иметь в виду всякий, кто желает познать самого себя и при этом сохранить независимость.

3[18]
32. Образ ближнего, каким он нам обычно представляется, есть либо производное от той полноты чувств, которая жаждет разрядки, либо от пустоты, стремящейся к заполнению; это именно физиологическое состояние, для определения которого у нас нет точного слова.

3[19]
33. Новым в нашем современном отношении к философии является убеждение, которого еще не было ни у одной

эпохи: *мы не владеем истиной.* Люди всех предыдущих поколений «владели истиной», даже скептики.

3[20]

34. Как же получилось, что в течение истории христианства к нищим духом, среди которых и из-за которых оно возникло, в конце концов присоединились умные и даже богатые духом? Христианство, как массовое движение плебса в римской империи, представляет собой восстание простых людей, необразованных, угнетенных, больных, безумных, нищих, рабов, старых баб, трусливых мужчин и вообще всех тех, кто мог бы иметь причины для самоубийства, но не обладал мужеством для этого; они страстно искали средства, которое помогло бы им терпеть такую жизнь, считать ее достойной своего терпения, они нашли такое средство и предъявили его миру как свой собственный, новый вариант счастья. Счастье, возникшее таким образом, было величайшим парадоксом древнего мира; тогдашнее образование было слишком падким на парадоксы, чтобы не найти его весьма привлекательным. «Спасение идет от иудеев» — вот постулат, против которого ни один богатый духом человек Древнего мира не мог устоять. «Что ж, попытаем счастья с евреями», — сказал их внутренний голос, призвавший *дух* встать на сторону великого движения.

3[21]

35. Наши близкие играют роль случайных причин в круговороте наших телесных и душевных функций, чтобы ускорить необходимые нам физиологические процессы.

3[22]

37. Когда один человек зевает — а это неприятно — и другой человек тоже начинает зевать, мы имеем дело с простым примером проявления феномена сострадания. Но действительно ли при этом нарушается principium individuationis[1]?

---

1 принцип индивидуации (*лат.*)

3[23]
38. Та мораль, которой строжайшим образом требуют от каждого, почитают и провозглашают священной, мораль как основа социальной жизни — разве она не притворство, необходимое людям для того, чтобы сосуществовать *без страха*? (Так что один человек ведет себя как равный другому и одновременно позволяет себя использовать, как и сам использует другого.) По большей части подобное притворство уже вошло в нашу плоть и кровь, в наши мышцы, мы уже не ощущаем это как притворство, точно так же как не считаем притворством приветливые слова и вежливое выражение лица — хотя это и есть притворство. Самые распространенные виды притворства: *первый* — когда приспосабливаются к окружению, как бы скрываясь в нем; *второй* — когда подражают другому человеку, пользующемуся уважением и успехом, и выдают себя за нечто более высокое, чем в действительности. В первом случае мы следуем обычаю и становимся «нравственными», во втором — следуем за авторитетом и становимся «верующими»; в любом случае мы уже не вызываем страха: ведь теперь мы имеем множество «себе подобных».

3[24]
43. Мы узнаем о притязаниях и мнениях других людей раньше, чем о своих собственных: последние становятся частью нашего организма благодаря длительной тренировке. Позднее, когда мы обретаем бóльшую самостоятельность, мы тем не менее продолжаем соотносить свои осознанные суждения и поступки с тем, что в нас заложено, сравнивая или противясь этому, восставая или же примиряясь с ним.

3[25]
45. Мораль и цивилизация имеют целью «меньше страдания», но отнюдь не «больше счастья».

3[26]
46. Сердцу, наполненному мужеством и весельем, время от времени требуется некоторая толика опасности, в противном случае мир станет для него невыносим.

3[27]
48. Сочинитель музыкальных драм должен всецело быть актером не только как поэт, но и как музыкант. Это неумолимо отделяет его от настоящего поэта и настоящего музыканта: в сравнении с каждым из них он представляет менее высокий жанр. Но как *актер* он может возвыситься до гениальности и стать вровень с ними.

3[28]
53. Один человек, истолковывая свои поступки определенным образом, придает им в конце концов самоуверенный характер, другой же изначально поступает самоуверенно. Первый, дающий себе свободу и лишь под конец своих действий оглядывающийся на других, более высокомерен, нежели второй, но меньше него знает о сущности высокомерия.

3[29]
56. Невозможно любить то, чего не знаешь, в противном случае любишь нечто иное, т.е. фантом, как это обычно и происходит. Разумеется, любовь — это все что угодно, но только не способ познания.

3[30]
67. Чтобы фантазировать о сострадании так, как это делает Шопенгауэр, нужно быть знакомым с ним не на собственном опыте. Как раз в том, чем человек обделен, его идеалы приобретают фантастический характер.

3[31]
68. Германия трижды оказывала влияние на Францию: в третьем столетии она принесла с собой дикие обычаи и варварское невежество; в эпоху Монтеня она принесла второе, возрожденное средневековье и религиозные войны, и в этом столетии она дала Франции немецкую философию, романтизм и пиво.

3[32]
70. Светлый ум часто увлекал его на путь одиночества, где он был избавлен от людей; однако его сердце было

для этого чересчур робким и нестерпимо сильно билось в его груди. Когда он уступал своему сердцу, он вновь смешивался с людьми, а его ум приходил в жалкое состояние.

3[33]
74. Все, что мы делаем для себя, мы делаем ради других; но также и все, что мы делаем *для* других, мы делаем ради них. – Но это не «альтруизм»!

3[34]
75. Подражание, обезьянничанье есть древнейшая, исконно присущая человеку привычка, доходящая до такой степени, что мы едим лишь те блюда, которые другие находят приятными. – Ни в одном животном нет столько от обезьяны, как в человеке. – Возможно, сюда же следует отнести человеческое сострадание, поскольку оно есть невольное внутреннее подражание.

3[35]
77. Самые стеснительные девушки разгуливают полуголыми, если того требует мода, и даже увядшие старые женщины не рискуют противостоять требованиям моды, как бы умны и благонравны они ни были во всем прочем.

3[36]
78. Сила желания, которой некоторые люди и культуры обладают в более высокой степени, чем другие, заключается в том, что мы располагаем приблизительно *одинаковым количеством* привычных внутренних механизмов и ценностных оценок: как только выдвигается на первую позицию какая-либо подвергаемая оценке вещь, тотчас же включается и соответствующий ей механизм. У других людей и эпох отсутствует такое количественное согласование механизмов и ценностных оценок. Они производят куда больше оценок, из которых ничего не вытекает, чем таких, которые, как принято говорить, оказывают «воздействие». При этом не следует забывать, что ценностная оценка никогда не бывает причиной действия: скорее уже существующие ассоциации автоматически приводят механизм в движение в тот момент, когда в мозгу возникает подвер-

гаемое оценке представление; это закономерная последовательность, а не причина и следствие, точно так же как слово не является причиной понятия, возникающего в нашей голове, когда звучит это слово. — До настоящего времени эпохи, которым была свойственна воля, всегда были бедны идеями, хотя это и не обязательное правило.

3[37]
79. Видимость данности и устойчивости в индивидууме, видимость произвольных поступков, видимость абсолютного характера поступков, видимость абсолютной ценности определенных поступков (т.е. безгранично высокой ценности), — эти четыре заблуждения больше всего способствовали дальнейшему развитию морали.

3[38]
80. Многие объясняли, почему религиозная вера уже не может быть устойчивой, однако еще никто не продемонстрировал, почему вера в мораль тоже утратила свою силу.

3[39]
81. Брак дает людям, относящимся к различным типам, повод проявить различные виды морального героизма; я не знаю точно, не в этом ли следует видеть его высшую ценность. Одни не вступили бы в брак даже с любимым человеком, если бы церковь не дала на то своего благословения, другие, наоборот, отказались бы от брака, если бы вступление в него было поставлено в зависимость от церковного благословения, третьи находят повод для героизма в мысли, что однажды заключенный брак нерасторжим; Жорж Санд, напротив, вложила свое самое суровое и нравственное чувство в требование, чтобы брак *обязательно* длился лишь до тех пор, пока плотское единение обоих супругов сочетается с духовным восхищением друг другом.

3[40]
82. Ошибка церковного отпущения грехов (а нередко и государственного наказания) состоит в том, что здесь «однажды» должно превратиться в «никогда». Если память о вине уже больше не мучит нас, тогда намного легче

вступает в действие выработанный этой виной внутренний механизм, и уже нет препятствий для повторения старой песни. Поэтому среди католиков нередко встречаются благочестивые и неверные жены, ежедневно грешащие и ежедневно получающие отпущение грехов.

3[41]
83. То неописуемое неудовольствие, которое столь часто вызывают у окружающих люди продуктивные, следует выдвинуть как ответный счет, после того как пройдут радость и душевный подъем, которыми отвечают на их труды. Их неумение владеть собой, завистливость, злонамеренность и неустойчивость характера превращают их в злых гениев человечества с той же легкостью, с какой они могли бы стать его благодетелями. В особенности отношение гениев друг к другу представляет собой одну из самых мрачных страниц в истории. Поклонение гению часто бывало не чем иным, как неосознанным поклонением дьяволу. Стоило бы подсчитать, скольким людям их принадлежность к ближнему кругу гения испортила характер и вкус. Великие люди, не совершающие великих дел, может быть, более необходимы, чем великие дела, ради которых приходится расплачиваться ценой человеческих душ. Впрочем, пока мы вряд ли понимаем, что такое великий человек без великих дел.

3[42]
84. Шопенгауэр слишком рано заметил свою славу и был недостаточно горд, чтобы продолжать свое развитие вопреки провозглашенным им принципам. Он боялся потерять свою славу и предпочел сравнительную бесплодность постыдной необходимости противоречить самому себе.

3[43]
87. Хваля или порицая, мы испытываем при этом страх. Порицая кого-то, мы хотим заставить других бояться нас; своей похвалой мы втайне желаем расположить к себе другого человека, примирить его с собой или же хотим сами перейти на сторону той силы, перед которой мы испытываем страх. — Однако похвала или порицание очень редко

бывают искренними, прямо выражающими наш страх по отношению к какому-то лицу: куда чаще мы выражаем свой страх перед другими людьми не так, как ощущаем его, — из страха, который мы испытываем по отношению к третьему лицу. Обычно похвала и порицание — это страх, помноженный на страх.

3[44]
91. Нравственность мужчин с возрастом убывает; в детском возрасте мы нравственны в высшей степени, так как не испытываем страха, окружены любовью и далеки от высокомерия. Нравственность женщин, которые всю свою жизнь проводят в таких же условиях, как и дети, именно по этой причине с годами скорее усиливается, чем убывает.

3[45]
93. То, чего мы ожидаем, мы называем справедливым и уместным; то, что нас удивляет, представляется нам необычным, мы хвалим или порицаем. Первое, что мы ощущаем, испытывая удивление, — страх: похвала и порицание суть продукты страха. Напротив, все, что справедливо и уместно, заставляет нас испытывать удовлетворение, для ощущений оно нейтрально и способствует нравственному здоровью. — То, чего каждый ожидает от себя и других в любой ситуации, т.е. нечто в целом обычное для определенной культуры, не является таковым для другой культуры и вызывает удивление у ее представителей, побуждая к похвале или порицанию и в любом случае становясь предметом чересчур сильных чувств. Одни культуры не способны понять то, что сохраняет здоровье других культур. Ожидаемое, привычное, здоровое, нейтральное для ощущений — вот большая часть того, что любая культура считает для себя нравственным.

3[46]
94. Если предположить, что мы постоянно ожидаем зла и внезапных неприятностей, из этого следует, что мы постоянно пребываем во враждебном напряжении, становимся невыносимы для окружающих и сами наносим урон

своему здоровью; подобные натуры вымирают. Выжили в целом более довольные, исполненные надежд расы. — Тот, кто всегда ждет лишь дурного, сам становится злым, враждебным, недоверчивым, беспокойным; таково влияние пессимистического мышления.

3[47]
95. Наука, желающая упразднить похвалу и порицание, хочет таким образом устранить удивление и заставить людей всегда ожидать только уместных и справедливых вещей; все кончится тем, что даже если начнется извержение вулкана, им придется говорить себе: это уместно и справедливо, иначе и быть не может; чему же тут удивляться?

3[48]
96. Когда мы чувствуем, что делаем что-то с чрезмерной силой, тогда мы ощущаем себя свободными; когда само действие доставляет наслаждение и совершается не только ради приносящей удовольствие цели, появляется чувство свободы воли: хотя мы и желаем добиться цели, но эта цель не овладевает нами полностью, она лишь предоставляет нашей силе возможность для самостоятельного применения, и мы знаем, что для этого существует множество других возможностей. Поскольку мы несколько произвольно и не очень высоко оцениваем свою цель, мы не ощущаем себя ее рабами, т.е. мы ощущаем свое желание добиться цели, но при этом чувствуем себя свободными по отношению к ней.

3[49]
99. На людей, часто сталкивающихся с неожиданностями — как возникающими изнутри, так и приходящими извне, — все, чего они могут спокойно ожидать, производит гуманизирующее воздействие; так, сюда можно отнести любую привычку, управляющую этими людьми и обществом, в котором они живут: ведь привычное не вызывает резкого напряжения и не требует немедленных ответных мер. Спонтанные, порывистые действия имеют почти такой же полудикий характер, как и резкое, энергичное преодоление аффектов; для таких состояний морально все привыч-

ное, спокойствие, терпение, обдумывание. Однако в другие эпохи, когда эти качества оказываются в избытке, страсти и порывистые поступки кажутся более моральными; можно сказать, что живущим в такие времена людям как бы дозволено заглянуть в глубины природы, отчего они чувствуют себя более смелыми, свободными, испытывают подъем; таким образом, спонтанность представляется им гуманизирующим началом, в то время как для других упомянутых выше людей она имеет обратное значение.

3[50]
101. Существуют ли люди, которые восхищаются аффектами, презирают разумность и отметают <в сторону> моральные оценки? Среди людей деятельных, разумеется, нет; однако здесь и там иногда встречается художник, находящий рассудительность и нравственность недостаточно живописными: ему требуются люди с сильными контрастами.

3[51]
102. Моральные суждения — это способ дать выход нашим аффектам более интеллектуальными средствами, в отличие от жестов или поступков. Бранное слово лучше, чем удар кулаком или плевок; лесть (похвала) лучше, чем поглаживание или облизывание (поцелуй); проклятие переадресует божеству или духу ту самую месть, которую зверь совершает по отношению к своему врагу самостоятельно. Посредством моральных суждений человек облегчает свою душу, дает выход аффекту. Уже одно только использование форм, присущих разуму, приносит определенное успокоение нашим нервам и мускулам; моральное суждение возникает в такие времена, когда аффекты начинают воспринимать как нечто излишнее, а жесты как чересчур грубое средство для выхода эмоций.

3[52]
103. Внезапные аффекты — вот то, что со временем делает человека отвратительным. Христианство дало свободу внезапным аффектам, следовательно —

3[53]
106. Простые католики низкого звания, ничего не знающие о добровольном воздержании, но зато очень много о вынужденном – отчего они и боготворят жизненные удовольствия, – видят в святых противоположность такого образа действий, в которой они ничего не понимают: они верят в святых, quia absurdus est[1]. В наших протестантских странах, где в настоящее время моральное воспитание почти отсутствует или проводится совершенно бездумно, к святым относятся почти с таким же благоговением; люди думают об аскетизме как о чем-то сверхчеловеческом и забывают при этом, что составной частью всякой античной морали, не исключая эпикурейской, является аскетизм.

3[54]
107. В первую очередь мы обучаемся не проникновению в суть вещей и людей, но лишь оценочным суждениям о вещах и людях, что препятствует доступу к истинному познанию. Для того чтобы обрести свободу, нужно было бы сначала опрокинуть все оценочные суждения с помощью радикального ценностного скепсиса.

3[55]
108. Изысканная придворная культура эпохи Людовика XIV во многом требовала стоицизма; люди вынуждены были утаивать в своем сердце многочисленные душевные бури, скрывать усталость, прикрывать боль веселостью. Нашим привыкшим к удобству современникам подобный образ жизни показался бы слишком суровым.

3[56]
109. Евреям свойственно прибегать к любым приемам в отношениях с людьми, при этом они доходят до самой границы личности и дают понять, что знают о ней. Это делает их назойливыми: ведь нам хотелось бы быть недосягаемыми для других и к тому же показать беспредельность своей личности. Евреи противодействуют этому несбыточному желанию непостижимости, свойственному как

---

1 ибо [это] абсурдно (*лат.*)

отдельным личностям, так и нациям, вызывая их чрезвычайную ненависть.

3[57]
110. Теория познания – предмет страсти тех умников, которые слишком мало учились и мнят, что по крайней мере здесь каждый может начать все с чистого листа и что для этого достаточно «самоанализа».

3[58]
113. Когда мы, несмотря на все свои усилия, уже не способны обозреть то благо, которое дает нам обладание, возникает любовь: безбрежное чувство в отношении чего-то безграничного; любовь не способна понять всю ценность какой-либо вещи или личности, потому что нет столь больших весов, на которых эту ценность можно было бы взвесить. Самое высокое из того, что нам известно, мы постоянно подвергаем сравнению; когда мы любим, мы постоянно думаем о самом высоком, а поскольку такие мысли всегда приходят нам на ум, когда мы думаем о предмете нашей любви, то мы, разумеется, путаем одно с другим.

3[59]
114. Вместо того чтобы желать, чтобы другие знали нас такими, каковы мы есть, мы желаем, чтобы они думали о нас как можно лучше; таким образом, мы хотим, чтобы другие в нас обманывались, – значит, мы вовсе не гордимся своей неповторимостью.

3[60]
115. Деградация многих людей имеет своей причиной то, что эти люди постоянно думают о представлении, сложившемся о них в умах других, т.е. принимают всерьез то, какое воздействие они оказывают, а не то, что оказывает такое воздействие: самих себя. Однако воздействие, которое мы оказываем, зависит от того, на что оно должно быть оказано, а следовательно, оно не в нашей власти. Отсюда и все многочисленные тревоги и недовольство.

3[61]
116. Мрачные и горькие мысли не возникают без физиологических причин. Чтобы стать главным обвинителем эпохи или жизни вообще, нужно препарировать собственную печень.

3[62]
117. Наши первые пылкие решения «за» или «против», принимая которые, мы с юности направляем свой жизненный челн, обыкновенно свидетельствуют о скверном воспитании, незрелости вкуса и скудности размышлений, в которой мы жили до сих пор.

3[63]
121. Большие, широко открытые глаза имеет тот, кто привык сразу охватывать взглядом многое, т.е. ребенок, который часто удивляется, любящий, который хотел бы объять взглядом свое счастье, мыслитель, имеющий дело с множеством важных вещей и желающий их классифицировать; у других, думающих в основном о вещах малых, суженные острые глаза, они хотят видеть все как можно более точно, будто следя за движениями насекомого, — таков и человек недоверчивый. У страха глаза велики, так как в них отражается удивление, страх заставляет зоркий взгляд быстро менять свое направление, встревоженно ища источник опасности.

3[64]
122. Наши ценностные оценки определяют наш образ жизни (место жительства, род занятий, круг общения и т.д.), а наш образ жизни определяет то, насколько сильно или слабо мы ощущаем боль или наслаждение, не только в вещах тонких и духовных, но даже и в самых низких, телесных. Кто изменяет ценностные оценки, тот опосредствованно изменяет виды и градацию человеческих удовольствий и неудовольствий.

3[65]
123. К средствам, способным умерить пылкие, несдержанные характеры, относится трагедия; она рекомендует ожи-

дать покоя и внутренней свободы *только* в потустороннем мире – и таким образом попутно устраняет моральную неудовлетворенность подобных натур в отношении самих себя, будто говоря: не нужно огорчаться из-за того, что не удается достичь невозможного.

3[66]
125. Все, что мы в наше время называем неморальным, уже считалось когда-то и где-то моральным. Кто же поручится нам, что оно не изменит когда-нибудь свое название еще раз?

3[67]
128. Существует забавное определение комического: согласно Винэ, это наивность греха.

3[68]
129. Общество должно быть уверено в себе настолько, чтобы переносить некоторое количество преступлений, не разрушаясь при этом как целое; точно так же государство должно быть устроено столь разумно и прочно, чтобы многочисленные неудачи и глупости его слуг не могли причинить ему существенного вреда.

3[69]
130. Моральные оценки в отношении людей и вещей суть средство утешить страждущих, угнетенных, терзаемых внутренними муками: своеобразный вид мести.

3[70]
131. В течение целого тысячелетия свободомыслящие умы были не в состоянии представить себе нерелигиозное мышление; в настоящее время мы обладаем таким мышлением и, в свою очередь, не можем представить себе внеморальное мышление; люди следующих эпох, вероятно, будут обладать и таким мышлением.

3[71]
132. Наука постоянно выдвигает требования, например к здоровью и воспитанию: она обосновывает их ссылкой

на вредные последствия в случае пренебрежения ими; точно так же в прежние времена законодатели морали обосновывали свои требования, с той лишь разницей, что последствия от пренебрежения ими проистекали не из естественных причин, но были, как предполагалось, произвольным актом божественного наказания. По отношению к последствиям человеческих поступков народная мораль не различает естественной причинной связи, она знает лишь чудеса.

3[72]
133. Тот, кому общепринятые предрассудки не начинают казаться парадоксальными, недостаточно предавался размышлениям.

3[73]
134. Достойно сожаления, что Иисус Христос не прожил дольше; возможно, он стал бы первым отступником от своего учения и тогда, быть может, научился бы смеху и не плакал бы так часто.

3[74]
135. Средства утешения, которые придумали для себя нищие и рабы, суть идеи, возникшие в умах людей плохо питавшихся, изнуренных или чрезмерно раздраженных; сообразно с этим и следует судить о христианстве и социалистических фантазмах.

3[75]
136. *Во-первых*: покончить с наказанием; *во-вторых*: покончить с грехом; *в-третьих*: покончить с моральными измерениями и взвешиваниями.

3[76]
137. Похоже, что многочисленные преступления порождает та же сила, из которой рождается пессимистический образ мышления; и то, и другое есть высвобождение этой силы через поступки.

3[77]
138. Сколько болезней все еще существует на свете! Сколько изнеможения вследствие чрезмерных усилий! Сколько злобной скуки! И во всех этих состояниях размышляют и судят — о самих себе, о других людях, о ценности всего сущего. Вывод: сколько же еще должно быть пессимизма!

3[78]
139. Как? истина проста? — Правдивый человек прост, но истина очень, очень сложна.

3[79]
140. В исключительных обстоятельствах человек полагает, что стоит ближе к истине, в минуты высшего возбуждения он приписывает себе сверхчеловеческие способности — и все же такие состояния и волнения менее всего пригодны для познания какого-либо предмета, но зато человека посещают видения, он видит духов, седьмое небо и адские пропасти. Вот откуда религия и большая часть метафизики. — И с такими вот порождениями полубезумного ума наука должна *примириться*?

3[80]
141. Мы забыли диких зверей: были целые тысячелетия, когда люди думали о них во сне и наяву.

3[81]
143. В будущем появятся: 1. многочисленные учреждения, куда человек будет время от времени отправляться, чтобы полечить свою душу; здесь будут вести борьбу с гневом, там — со сластолюбием и т.д.; 2. разнообразные средства от скуки; в любое время можно будет послушать чтецов и тому подобное; 3. праздники, в которых для общей цели соединится множество отдельных изобретений, поскольку люди, собирающиеся на праздник, должны будут и сами привнести в него свою долю изобретательности; 4. отдельные люди и целые группы дадут клятву никогда не прибегать к помощи суда.

3[82]
145. Суммы всех духовных сил, которые люди тратят на борьбу со злом, им не хватает для изобретения радости, поэтому до наших дней человечество в целом не добилось большего, чем изобретение средств утешения; возможно, науке удастся наконец-то уничтожить монстров, а напоследок придется еще и ликвидировать те средства утешения, которые за долгое время своего существования сами превратились в монстров.

3[83]
146. Пессимистические воззрения сдерживают выражение чувств с помощью жестов, они рекомендуют притворство, в частности симуляцию невероятного искажения (чтобы вызвать страх), они требуют того, чтобы душа, находящаяся в состоянии возбуждения, не искала своего выражения в слове, короче говоря, пессимизм обезображивает человека в его жестах и речи. – Презрение обезображивает точно так же, как и страх.

3[84]
148. То, чего в наше время требует воспитание – не обнаруживать наши душевные переживания, – является долговременным последствием страха: люди не должны видеть то, что происходит внутри нас; при этом предполагается, что происходящее внутри нас всегда дурно, или что тем самым мы даем хороший шанс своим врагам. Изысканное притворство, стоицизм, выражающиеся в застывшей учтивой мимике, связаны с нашим предположением о том, что окружающие злы: они не должны узнать о нас, иначе это принесет нам вред.

3[85]
149. Чтобы не делать ошибки, рассматривая отношение родителей к своим детям, т.е. инстинкт сохранения рода, как исходный пункт совершенно новой цепочки так называемых неэгоистических мотивов, следует предъявить следующие гипотезы: низшая форма инстинкта сохранения вида обнаруживается у некоторых видов рыб, охраняющих свою икру и отгоняющих врагов. Я предполагаю, что здесь,

как и в других случаях из жизни животного мира, родители видят в икре и мальках пищу, которую необходимо сохранять и защищать; часто бывает, что животные действительно питаются ими. Те виды, которые более всего охраняют и заботятся о пище такого рода, имеют наилучшие перспективы для размножения, а привычка заботиться о кладке и молодняке, передается по наследству и проявляется все сильнее, превращаясь в конечном итоге в могучий и самостоятельный инстинкт, тогда как первоначальный его мотив уходит в забвение.

3[86]

150. Сострадание усиливается, если его первостепенным результатом являются приятные ощущения; оно уменьшается, если приносит больше страданий, чем удовольствия. Если постоянно видеть страдающих людей, сострадание неуклонно уменьшается, и наоборот, мы становимся более чувствительными к чужому страданию, чем больше мы разделяем чужую радость. — Наибольшее сострадание испытывают те люди, которые часто ощущают внутреннее удовольствие: всякое противоречие причиняет им боль; неудачники и воины жестоки.

3[87]

151. Кто окрасил мир в такие краски, кто окунул его в пылающий свет? Это сделали люди, испытывавшие духовные судороги, предельный страх и восторг и глубокую подавленность: медики, трагики, святые и т.д.; их боялись; им верили, потому что они того хотели, ведь они были ужасны.

3[88]

152. Животные одного вида часто щадят друг друга, не потому что ими движет бесподобный инстинкт сочувствия, а потому что они чувствуют, что обладают равной силой, и не рассматривают друг друга как гарантированную добычу; они стараются жить, употребляя в пищу животных другого вида и воздерживаясь от поедания *своих*. Так вырабатывается привычка не принимать друг друга во внимание, в конечном счете начинается сближение и тому подобное.

Уже само намерение привлечь к себе самку или самца может заставить животных вести себя в отношении своего вида так, чтобы казаться не страшным, а безобидным. В рыцарские времена чем более высокомерно вел себя мужчина по отношению к другим мужчинам, чем больший страх внушал им, тем более учтивым и благосклонным он был с женщинами; только так он привлекал самку.

3[89]
153. Тот безудержный, фантастический пафос, с которым мы даем оценки самым необычным поступкам, оборачивается абсурдным равнодушием и презрением, которыми мы встречаем поступки незначительные и заурядные. Мы помешаны на редком и тем самым обесцениваем наш насущный хлеб.

3[90]
154. У большинства хватает духа лишь тогда, когда они находятся в воинственном настроении, т.е. при нападении, когда они чувствуют страх, защищаются, мстят, — но как только такое состояние проходит, они впадают в отупение. Требуются огромные душевные силы, чтобы их достало и на благополучные состояния.

3[91]
155. То, что существует, не может иметь волю к существованию; то, чего не существует, также не способно на это. Следовательно, нет никакой воли к существованию. Это всего лишь дурной и противоречивый набор слов. Скорее стоило бы понимать это так: воля к долгому, или высшему, или к иному существованию. — Воля есть представление о ценимом нами предмете в сочетании с надеждой на то, что мы сможем завладеть им. «Struggle for existence»[1]?

3[92]
156. Если бы не продолжалось действие древнего jus talionis[2], то казни подвергали бы, разумеется, не убийцу,

---

1 «Борьба за существование» (*англ.*)

2 закона возмездия (*лат.*)

а, соответственно тезису, что честь дороже жизни, человека, посягнувшего на честь, клеветника. Точно так же болезненное увечье и подобные ему вещи приносят более тяжкие страдания, чем смерть; поэтому следовало бы казнить скорее жестокого человека, чем убийцу, а также недобросовестного врача, повивальную бабку и т.д. Итак, поскольку человек, повинный во многих смертях, опасней, чем убийца, то казни следовало бы подвергнуть всех правителей, министров, народных ораторов и газетных писак, разжигающих и поддерживающих войны; разумеется, я имею в виду несправедливые войны, хотя мне могут и возразить, что несправедливых войн не бывает.

3[93]
157. Моральные предписания возникли в те времена, когда о природе, народах и человеке было известно куда меньше, чем в наше время. Невежество и ложные предпосылки причислены, благодаря торжественной неприкосновенности морали, к прочим святыням.

3[94]
158. Когда говорят: это полезно, а то вредно — этот тезис должен быть доказательным в своих последствиях, т.е. он постоянно подвергается проверке и, в зависимости от ее результатов, совершенствуется или отбрасывается. Когда же мы говорим: это нравственно — мы полагаем, будто сказали нечто такое, что не только не требует доказательств, но и не может быть доказано тем, что из этого следует. Поэтому вещи вредоносные столь долго сохраняются под вывеской «нравственности».

3[95]
159. Некоторые чересчур трусливые государственные мужи могут делать все, что угодно, — на них всегда останется пятно: точно так же, как некоторые люди не могут разбить яйцо, не запачкавшись.

3[96]
160. Жизнь ради будущего — вот вывод из той морали, для которой вся жизнь, т.е. сумма всех настоящих моментов,

есть глупость, суета и неприятности. Жизнь ради других — итог такой морали, которая позволяет произвольно распоряжаться другими людьми, в то время как сам человек ради достижения своей благой цели, не раздумывая, предается всем слабостям своего ума и сердца.

3[97]
161. Почему мораль оказывала *вредное* воздействие? Потому что она, в своем аскетизме долга, мужества, прилежания, верности и т.д., презирала телесное. Я имею в виду неразрывно связанное с религией положение, что стремление к удовольствию божеству неугодно, а стремление к страданию ему угодно. Проповедь страдания, отказ от удовольствий — во всех типах морали (за исключением эпикурейской), это значит, что до наших дней мораль была средством, предназначенным для того, чтобы помешать развитию физиологической основы человека, — лишь из-за своей слабости морали не удалось разрушить эту основу; она была ужасной игральной костью в большой игре. — Мы должны забыть о совести в том виде, какому нас учили. — В целом великой сохраняющей силой, одержавшей верх над моралью, было то, что они называли злом, стремление индивидуума самостоятельно утвердиться, не считаясь ни с какими учениями, чувствовать себя комфортно, искать наслаждений, подчинять сиюминутные потребности более отдаленным, тогда как мораль не только различает среди них потребности высокие и низкие, но и учит нас презирать, а нередко и проклинать эти последние (так называемые чувственные удовольствия).

3[98]
162. Чем шире распространяется чувство единства с ближними, тем большей унификации подвергаются люди, тем сильнее они воспринимают любую непохожесть как нечто неморальное. Так неизбежно возникает человечество, состоящее из песчинок: все чрезвычайно одинаковы, чрезвычайно малы, чрезвычайно округлы, чрезвычайно миролюбивы, чрезвычайно скучны. До сих пор христианство и демократия далее всего продвинули человечество на его пути к песку. Мелкое, слабое, едва брезжащее, равно-

мерно охватывающее всех чувство комфорта, улучшенная и доведенная до крайности форма китайства — не такую ли картину могло бы в конечном счете являть собой человечество? На том пути моральных ощущений, которым оно шло до сих пор, это неизбежно. Следует серьезно подумать, не должно ли человечество подвести черту под своим прошлым; может быть, ему стоит создать новые принципы, адресованные каждому в отдельности: будь не таким, как все остальные, радуйся тому, что каждый не похож на другого; конечно, при господстве прежней морали были истреблены самые ужасные чудовища — в этом и заключалась ее задача; мы же не желаем бездумно жить дальше под властью страха перед дикими зверями. Долго, слишком долго существовало правило: один как все, один за всех.

3[99]
163. Что бы ни произошло, говорить: бог этого не допустил бы, если бы это не шло мне на пользу, — из-за такого чудесного ребячества человечество уже не единожды могло бы погибнуть. По счастью всегда существовали люди, которые были недостаточно христианами, чтобы успокаивать себя столь наивным способом.

3[100]
164. Если бы целью каждого поступка было всеобщее счастье, то каждому человеку в отдельности пришлось бы отказаться по-настоящему совершить в своей жизни хотя бы один поступок: мысль о том, будет ли его намерение способствовать высшему благу всех современных и будущих поколений, поглотила бы всю его жизнь. Христианство объявило ближнего конечной целью наших поступков и предоставило богу решать, кто должен быть нашим ближним; тот, для кого такой религиозный путь решения вопроса закрыт, должен был бы сказать: я не желаю удовольствоваться первым попавшимся ближним в качестве объекта для своих поступков, но хочу отыскать тех, для кого мои поступки больше всего подходят, кому они действительно *могут* принести пользу. Правда, для этого следовало бы знать своего ближнего так же хорошо, как

самого себя, а это, в свою очередь, могло бы поглотить всю жизнь.

3[101]
165. Предписания, указывающие как нужно поступать, тем менее подлежат обсуждению, чем сильнее сознание предписывающего преобладает над сознанием совершающего поступки. Поскольку никто, кроме предписывающего, не знает точно, *каких* результатов он ожидает от поступков, значит и те результаты, которые в действительности следуют из предписаний, также не подлежат обсуждению. Так относится религиозный человек к заповеди бога, а человек моральный к нравственному закону — наследие тех времен, когда существовал один предводитель и беспрекословно подчиняющиеся ему сторонники, видевшие в нем свой разум и без него не имевшие такового.

3[102]
166. Метафизический пессимист, бегущий от удовольствий и надежности и придающий несчастью и страданию высшую ценность — чтобы подчеркнуть, сколь малоценна жизнь, — отчего бы ему испытывать сострадание, когда страдает другой? Ему следовало бы лишь радоваться этому, точно так же, как он должен был бы отвергнуть сострадание, если бы сам был в беде; с другой стороны, ему следовало бы, увидев радость другого человека, лишь скорбеть о нем и постараться отравить ему удовольствие, — вот так должна была бы выглядеть практическая мораль Шопенгауэра. Сострадание, как его описывает Шопенгауэр, с его точки зрения есть не что иное, как перверсия в чистом виде, наиболее основательная из всех возможных глупостей.

3[103]
168. Я не могу объяснить, как получилось, что из всех наций именно евреи превыше всего ценили нравственное превосходство как теоретически, так и практически. Только им удался Иисус из Назарета, святой бог и грехопадение. Вдобавок и пророк, и спаситель — все это их изобретения.

3[104]
169. Римлянам была ненавистна в евреях не их раса, а подозрительный в их глазах вид суеверия и прежде всего энергия веры (римляне, как все южане, относились к вере небрежно или скептически и строги были лишь в соблюдении обрядов). В евреях их возмущало то же, что и в христианах: отсутствие изображений божества, так называемая одухотворенность их религии, сама религия, страшащаяся света, с богом, который не может показаться людям, — все это вызывало недоверие, а еще больше — распространявшиеся слухи о пасхальном агнце, о том, что они едят плоть, пьют кровь и т.п. — In summa: образованные люди в то время думали, что евреи и христиане тайные каннибалы. Кроме того считалось, что они искренне верят во всякую чушь, римляне презирали неумеренность евреев и христиан в вере; именно еврей в Христе в первую очередь и требовал веры; образованные люди того времени, из-за которых перессорились все философские системы, находили это требование веры несносным. «Credat Judaeus Apella»[1] (Гораций).

3[105]
170. Христианство 1) считает возможным основательно усовершенствовать природу человека, не совершенствуя его знаний и не улучшая состояния общества; 2) его цель — отказ от мира, а не развитие мира; 3) оно предпочитает страдание и уныние и возбуждает неприязнь к довольству; 4) знанию оно предпочитает веру, а пониманию непостижимость и внушает недоверие к разуму; 5) оно не принимает во внимание пол, сословие, народ, для него эти различия несущественны; если же эти различия являются причиной бедствий, тогда оно предпочитает сохранить их ради самих бедствий и их благого воздействия; 6) оно не сомневается в глубокой испорченности всех вещей и людей и считает их гибель неизбежной; оно не желает предотвращать эту гибель и хочет внушить себе отвращение к миру. — Если бы христианство во всей его силе стало господствующей религией, если бы ему не противодей-

1 «Пусть этому верит иудей Апелла» (*лат.*)

ствовали никакие силы, то оно за короткий промежуток времени привело бы к гибели весь род человеческий: ведь оно отнимает у человека здоровье, радость, доверие, мечты о будущем мира (а значит, и деятельность). С этими выводами согласны и некоторые отцы церкви: в этом они не видят повода для упреков или возражений.

3[106]
172. Христианское сострадание, в отличие от сострадания индийцев и их ученика Шопенгауэра, возникает при мысли о вечном проклятии другого, немилости бога, недостатке веры, наслаждении земным, изобилии дьявольских уловок, незримо окружающих не-христиан, к примеру, некрещеных варваров; это жалость по отношению к обманчивости счастья или к заблуждению, в которое впадают другие, оплакивая свое несчастье; одним словом, это сострадание к невежеству и заблуждению, но не к страданию — то есть не со-страдание как таковое.

3[107]
173. Почти повсюду на земле, где стоит или стояла церковь или храм, когда-то происходило чудо, я хочу сказать, гриб сакральной архитектуры бурно прорастает везде, где религиозный человек сталкивался с мелким помешательством. Сооружал ли когда-нибудь человек свои постройки там, где его впервые озарил свет великой истины? полагаю, что нет; да и зачем, ведь такая истина жаждет критики, а не поклонения.

3[108]
175. *Кажется*, будто поэт постоянно открывает пути к новому или лучшему познанию природы и вещей, связанных с человеком: прежде чем мы успеваем как следует понять, что в данный момент нас так привлекает всего лишь обманчивый свет, наше сознание уже дразнит следующий. Сравнения, метафоры поэта используются им вовсе не как таковые, но как новые, доселе неслыханные тождества, при помощи которых будто бы открывается царство познания. Чем меньше ясности в том, что доказуемо и действительно существует в природе, тем сильнее влияние

поэта, тем большее артистическое искусство требуется от него, чтобы на время принять облик первооткрывателя тайн природы. Вопрос о том, насколько высказывания поэта соответствуют истине, — это вопрос педанта. Вся ценность заключается как раз в том, что сказанное всего лишь на одно мгновение *кажется* истинным, это относится ко всему его взгляду на мир, его моральному строю, его моральным сентенциям в той же степени, как и к его сравнениям, характерам и сюжетам. Пытаться подкрепить свойственное науке серьезное мнение тем аргументом, что какой-то автор трагедии сказал нечто похожее — глупость: в вещах, имеющих отношение к познанию, поэты всегда неправы, потому что они, как художники, желают ввести в заблуждение, и, будучи художниками, вообще не понимают стремления к высшей правдивости; когда же они случайно говорят нечто соответствующее истине, то их авторитет все же не того свойства, чтобы заставить верить или даже не верить. Какое наслаждение, что жажда познания тоже временами играет сама с собой и скачет с ветки на ветку в уборе из приятных мелодий и пестрых перышек, — а мы должны оставаться в дураках и ждать оракула там, где поет и выводит рулады птичка!

3[109]
176. Здесь один поступок ценится за то, что совершающему его он дается с трудом, там — другой за то, что он дается ему легко, там — потому что он редок, а там — потому что отвечает правилу, там — потому что судящий втайне считает его неосуществимым, тут — потому что судящий считает его в принципе невозможным (чудо), там — потому что он считается полезным, тут — потому что не считается с выгодой, там — потому что человек заботится о своем благе, тут — потому что он о нем не заботится, там — потому что он отвечает долгу, тут — потому что он соответствует склонностям человека, там — потому что был совершен без оглядки на них, тут — потому что он инстинктивен, там — потому что он проявление истинного разума, — и все это при случае называют нравственным! В наше время мы одновременно пользуемся мерками самых разных культур и благодаря этому можем назвать едва ли не любую вещь

нравственной или безнравственной, как нам заблагорассудится, в зависимости от того, проявляем ли мы по отношению к окружающим или к самим себе добрую или злую волю; сейчас мораль являет собой большой ареал для похвалы и порицания — но зачем же вечно хвалить и порицать? Если бы можно было от этого отказаться, то не было бы больше нужды и в этом ареале.

3[110]
177. Мрачная серьезность, напряженность и страх свойственны всем страстям: в них нет избытка жизни, более того, кажется, что им ее не хватает.

3[111]
179. Теперь заботятся прежде всего о сохранении человеческой жизни, это придает нашей культуре оттенок малодушия и свойственной старикам жажды долгой жизни; в прежние времена, когда можно было лишиться жизни при гораздо более случайных обстоятельствах, чем сейчас, добродетель состояла в том, что люди легко расставались с жизнью, а многие другие вещи ценились куда выше.

3[112]
180. Современная жизнь стремится как можно лучше защититься от любых опасностей — но вместе с опасностями пропадает столько живости, задора и инициативы; наши грубые вспомогательные средства — революции и войны.

3[113]
181. С помощью подаяния мы поддерживаем состояние, действующее как мотив для него, следовательно, мы подаем не из сострадания, ведь сострадание не пожелало бы сохранять такое состояние.

3[114]
182. Избыток сил жаждет битвы и в ней обретает злость; но злость здесь всего лишь средство (для разрядки), и потому она более безвредна, чем у слабого человека, который зол для того, чтобы причинить боль.

3[115]
183. Тот, кто желает утверждать, будто германец был создан и изначально предназначен для христианства, должен иметь изрядную долю наглости, ведь не только верно, но и очевидно обратное. С какой стати изобретение двух превосходных евреев, Иисуса и Савла, двух, быть может, самых еврейских из когда-либо живших евреев, должно было именно германцам стать более близким, чем другим народам? (Оба считали, что судьба каждого человека во все времена до и после них, равно как и судьба земли, солнца и звезд, зависит от одного еврейского события; эта вера есть еврейский non plus ultra[1].) Как сочетается высшая моральная изощренность, отточившая разум раввинов, а не бездельников-варваров, и сумевшая выдумать святого бога и грех перед ним, как сочетается чувство несвободы и рабства в безмерно тщеславном народце, его ожидание спасителя и исполнителя всех надежд, иерархия священников и простонародный аскетизм, ощущаемая во всем близость пустыни, а вовсе не населенного медведями леса, — как сочетается все это с ленивым и одновременно воинственным и алчным германцем, с этим чувственно холодным любителем охоты и пива, который смог подняться лишь до уровня плохой религии индейцев и еще десять столетий назад убивал людей на жертвенных камнях?

3[116]
184. Не развращенность нравов — она распространялась лишь на пять-десять городов огромной империи, — а повсеместная усталость и разочарование в отношении культуры и государственных форм, ввиду того, что цель считалась достигнутой, привели старый мир в ловушку христианства: люди предпочитают скорее погибнуть, чем сознавать близость конца, мысль о выживании как единственной цели в жизни для них невыносима; они устали от мира и самих себя. Христианство вновь сделало все интересным, перевернув все представления о ценностях и назначив суд после конца всех вещей.

---

1 крайний предел; высшая степень (*лат.*)

3[117]
185. Христианство похоже на панику, вызванную эпидемией; было предсказано, что в скором времени земля погибнет. За мысль об этой страшной опасности цеплялись другие, связанные с этим мысли: погибель? за что? за наши грехи? значит, будет суд? но где же защитник? и пр. В конце концов сочли наиболее благоразумным явиться на место казни так, как это было принято в античности, т.е. в самом жалком и вызывающем сострадание виде. Этот образ обвиняемого времен античности позднее заимствуют отшельники: они желают быть готовыми к суду в любое мгновенье, а представление, что суд может нагрянуть внезапно, заставило их выдумать все, что помогло бы человеку выглядеть достойным жалости; подобно римскому претору, бог не сможет вынести такого зрелища и счесть виновным столь жалкое и безмерно страдающее существо. – Христианство знает лишь виновного, лишенного чувства собственного достоинства.

3[118]
187. Поэт заставляет жажду познания *играть*, музыкант же дает ей *отдохнуть*, – может ли действительно существовать одновременно и то, и другое? Когда мы полностью находимся во власти музыки, слова в нашей голове исчезают, – безмерное облегчение; как только мы вновь начинаем слышать слова и строить умозаключения, т.е. как только мы начинаем понимать текст, наше восприятие музыки становится поверхностным: мы уже связываем ее с понятиями, сверяем ее с чувствами и упражняемся в понимании символов, – весьма занимательно! Но странное, глубокое очарование, однажды давшее отдохновение нашим мыслям, тот красочный полумрак, который на мгновение заставил померкнуть дневную ясность мыслей, исчезли. – Правда, как только мы перестаем понимать слова, все снова приходит в порядок: к счастью, это входит в правило; все же скверные тексты предпочтительнее хороших, поскольку они не привлекают к себе внимания и их легко пропускать мимо ушей. – Опера стремится также дать пищу для глаз, а поскольку у большинства людей глаза больше, чем уши, что говорит о многом, то оперная музыка подлаживается

под зрительное восприятие и ограничивается характерными фанфарами при появлении на сцене чего-то нового, — вот начало варварства.

3[119]
189. Девушка, отдающая свою невинность прежде, чем мужчина торжественно, при свидетелях поклянется, что не расстанется с ней всю свою жизнь, считается не только неблагоразумной: ее называют безнравственной. Ведь она не следовала обычаю, она была не только неблагоразумна, но и непослушна, поскольку знала, чего требует обычай. Там, где обычай этого не требует, поведение девушки в подобном случае не считается безнравственным, более того, есть местности, где нравственной называют потерю невинности до брака. — Значит, упрек в первую очередь относится к непослушанию, именно оно безнравственно — и только? Такая девушка считается достойной презрения — но какого рода непослушание подвергается презрению? (Неблагоразумие не презирают.) О ней говорят: она не смогла удержаться и поэтому проявила непослушание, презрев обычай; следовательно, мы презираем слепое вожделение, животное начало в девушке. Потому и говорят: она нецеломудренна, — ведь нельзя сказать, что она делает то же, что и законная супруга, хотя последнюю не называют за это нецеломудренной. — Следовательно, обычай требует, чтобы человек терпел неудовольствие от неудовлетворенной потребности, считая, что вожделение может *подождать*. *Чувство* должно *быть побеждено мыслью*, точнее говоря: идеей страха (будь то страх перед священным обычаем или страх позора и наказания, которыми обычно угрожает обычай). То, что потребность удовлетворяется *немедленно*, само по себе нисколько не предосудительно, а напротив, вполне естественно и правильно; таким образом, в упомянутой девушке в действительности презирают *слабость ее страха*. Быть нравственным означает: быть в высшей степени открытым для страха; страх — это сила, способствующая сохранению общества. — С другой стороны, если принять во внимание, что всякому первобытному обществу в других вещах прежде всего требуется как раз бесстрашие его членов, получается,

что то, чего следует безусловно опасаться в нравственном отношении, должно вызывать страх *в высшей степени*; по этой причине обычай повсеместно вошел в обиход в виде *божественной* воли и спрятался за внушающими страх богами и демоническими способами наказания, так что быть безнравственным означало *не* испытывать ужаса перед безгранично ужасным. — От того, кто отрицал существование богов, ожидали чего угодно, а потому он был самым страшным человеком, которого общество не могло терпеть: он вырывал корни страха, из которых оно произросло. Считалось, что таким человеком безгранично владеет вожделение; вообще всякого человека, не имеющего этого страха, считали безгранично злым. — В наше же время совершенное бесстрашие связано с отсутствием фантазии; в этом смысле злой человек — это всегда человек, лишенный фантазии. Фантазия добрых людей была фантазией страха, злой фантазией, — иная была пока еще неизвестна. Злая фантазия была призвана сдерживать злые страсти, таков был древний закон нравственности; вечное господство страха над чувственностью — вот что было сутью нравственного человека. Из этого возникает аскетизм как проявление нравственности: умение терпеть, умение ждать, умение молчать, умение голодать — такова, к примеру, мораль индейцев. — Относительную безопасность общества связывали со способностью часто и отчетливо демонстрировать своей душе неприятные картины, при помощи которых люди могли удержаться от немедленного удовлетворения мучительных потребностей. Это картины позора и наказаний, и в первую очередь неясных, жутких наказаний, насылаемых богами и духами, тогда как наказания, налагаемые светским правосудием, не ставят своей первой целью устрашение (прежде всего речь здесь идет о денежных штрафах, которые должны возместить нанесенный ущерб). Даже вероятность самых болезненных наказаний, налагаемых светским правосудием в виде мучительной смерти и других вещей такого рода, в менее цивилизованные времена не оказывает такого воздействия, как перспектива наказаний, насылаемых богами и духами: в те времена люди боялись смерти меньше, чем теперь, они привыкли к пыткам и умели с гордостью их перено-

сить; в силу этих причин обуздание своей жажды мести, алчности, похоти вряд ли сочли бы тогда достойным мужчины. Совсем иначе дело обстоит, когда грозят безумием, фуриями, болячками, седыми волосами, внезапной старостью, ночными кошмарами: угроза таких наказаний весьма действенна. Короче говоря, страх, бывший в то время основой нравственности, был страхом суеверным: *быть безнравственнымъ означало не иметь суеверного страха.* — Чем более мирным бывает состояние общества, тем более трусливы его граждане, тем меньше они привыкли переносить страдания, тем в большей степени способны светские наказания служить средством устрашения и тем скорее угрозы религиозные оказываются излишними. Таким образом, мир оттесняет религию на задний план, а неопределенные страхи, как средства воздействия фантазии, оказываются более не нужны: ведь боязнь известных наказаний со стороны государства и страх изгнания из общества и так достаточно велики. Наконец, у высокоцивилизованных народов сами наказания, очевидно, станут совершенно ненужным средством устрашения: сам по себе страх позора, дрожь тщеславия, средство столь действенное и неизменное, что благодаря ему безнравственные поступки не состоятся вовсе. — Нравственность становится более изощренной вместе с изощрением боязни. В наше время страх перед неприятными ощущениями, испытываемыми другими людьми, есть едва ли не сильнейшее из наших неприятных ощущений. Многие весьма охотно хотели бы жить, не делая ничего иного, как только лишь доставляя другим *приятные* ощущения, а то, что не соответствовало бы этому условию, не доставляло бы удовольствия и им самим.

3[120]
190. Мы понимаем лишь самую малую долю того, из чего складывается любой поступок, а длинная цепь тесно связанных друг с другом нервных и мускульных процессов остается для нас абсолютно непонятной. Поступок, как совершаемый в данный момент волевой акт, мы воспринимаем точно так же, как один иудейский писатель говорит о боге: он повелевает, и все свершается, иными словами,

мы превращаем поступок в волшебство и сами чувствуем себя могущественными, как волшебники. Наше невежество подыгрывает нам, позволяя сохранять свое высокомерие. Если же вдруг не получается так, как мы хотим, то вина за это лежит, скорее всего, на враждебном нам существе, которое, опять же волшебным образом, ставит преграду между нашей волей и поступком. Желать добра и делать противоположное: один приписывает это дьяволу, другой греховности, третий видит в этом наказание за вину в прошлой жизни — и почти все толкуют это с точки зрения морали и демонологии. Короче говоря, с тех пор как мы отказались от свойственной дикарям веры в *чудеса как в закон природы*, эта наша вера переместилась на происходящие внутри нас психологические процессы; здесь чудо все еще считается законом. В действительности желать чего-то означает совершать эксперимент с целью узнать, на что мы *способны*; дать нам ответ может лишь успех или неудача эксперимента.

3[121]
191. Некоторые проявляют ум, другие скрывают и доказывают его наличие.

3[122]
192. Всеобщее счастье или всеобщая любовь к ближнему есть *результаты*, которые, *возможно*, могут быть достигнуты благодаря постоянному росту нравственности (а возможно, и нет!). Не отказываться ни от одного из достижений человечества и постоянно удерживать человечество на достаточной высоте — таков, вероятно, *вывод* из всеобщей нравственности (сопутствующее явление); однако к моральным поступкам людей побуждают, и побуждают *сейчас*, не вышеупомянутые результаты и уж тем более не выводы, равно как и не то, что первоначально привело к признанию моральных предикатов. Истоки нравственности не могут заключаться в морали. Прежде всего не следует смешивать: *во-первых*, результаты морали, *во-вторых*, последствия, производимые моралью, *в-третьих*, мотивы моральных поступков, *в-четвертых*, мотивы возникновения моральных понятий. И тем не менее в существовавших доныне мора-

лях одной вещи, а именно — «принципа», оказывалось достаточно для столь различных функций.

3[123]
193. Мы почитаем то, чего не понимаем, например древние обычаи, торжественно произносимые слова и т.п. Однако нам следовало бы держать при себе свое суждение там, где мы не понимаем, чтобы не умножать на земле горы бессмысленного почитания, ведь наш духовный мир и так все еще довольно сильно похож на Египет: пустыня, и в ней огромные пирамиды, а в пирамидах, чаще всего недоступных, — жалкий труп.

3[124]
195. Платону пришлось еще при жизни увидеть, как его учение об идеях было опровергнуто умом более ясным и широким, чем его собственный; а ведь совсем недавно ниспровергатель был его учеником. До тех пор, пока мыслители будут рассматривать накопленные ими знания как свои собственные создания, пока в них будет свирепствовать смехотворное отцовское тщеславие, опровержение останется терновым венцом философов — сколь многим из них пришлось носить его! А ведь друг истины, то есть враг обмана, то есть друг независимости, должен был бы, столкнувшись с опровержением, воскликнуть: я избежал великой опасности, чуть было не задохнувшись в собственной петле. Человека желчного и властолюбивого, каким был Шопенгауэр, можно только поздравить с тем, что он так и не догадался, каким кратким будет триумф его философии и как скоро все его великолепные выдумки будут признаны миражами.

3[125]
196. Едва лишь школьная премудрость примется об этом грезить, тут же между небом и землей становится одной вещью больше; но когда истина познана, число таких вещей убывает и некоторое количество мнимых звезд гаснет. Но, разумеется, не тотчас же! Подобно звездам, свет которых, как говорят, доходит до нас тогда, когда сами они уже давно рассыпались в пыль, заблуждения также не теряют

свой блеск еще долгое время после того, как были опровергнуты. Если же учесть, как коротка человеческая жизнь, то достаточно, пожалуй, и одного заблуждения, чтобы залить светом жизнь многих поколений; когда же этот блеск наконец померкнет и пропадет, то все эти поколения давно сгинут и так и не познают жесточайшей горечи, какая только есть на свете: видеть, как гаснут звезды.

3[126]
197. Позволить совершиться злу, которое можно предотвратить, значит почти то же, что совершить его, поэтому мы спасаем заигравшегося ребенка, бегущего к открытому колодцу, убираем камень, свалившийся на ровную дорогу, подхватываем стул, который того гляди упадет, — и все это не из сострадания, а потому что мы опасаемся причинить вред. Мы к этому *привыкли*; каковы бы ни были мотивы для этой привычки, теперь мы совершаем поступки, следуя привычке, а отнюдь не в силу упомянутых мотивов.

3[127]
199. Мы можем не воспроизвести какое-нибудь слово из чужого языка или даже не *услышать* его правильно; мы можем не увидеть некоторых вещей, если не научились различать их отдельные элементы. Говорить, слышать и видеть тоже нужно учиться; однако, не очень точно наблюдая за процессом обучения, мы все же смеем полагать, что во всех трех случаях достаточно доброй воли, а в молодом человеке, у которого с этим ничего не получается, предполагаем злую волю. Сколько зла было причинено человечеству тем, что его неспособность приписывали воле.

3[128]
201. Европа допустила, чтобы в ее недрах избыточно разрослось порождение восточной морали в том виде, как ее выдумали и прочувствовали *евреи*. Нельзя быть самым счастливым и рассудительным народом, если настолько не знаешь чувства меры в морали и переносишь такие вещи на божественное и для человека невозможное. Им часто приходилось сносить плен и порабощение, они испытали восточное презрение за свое упорство в вере; они вели

себя по отношению к этой вере так же, как азиатские народы по отношению к своим владыкам, — были раболепно преданы и исполнены страха, но в то же время не лишены стремления к независимости. Отсюда их беспокойная, чувственная, втайне вознаграждающая себя фантазия, вскормившая их утонченную обличающую мораль и дикий героизм, проявляющийся как в беззаветной преданности своему предводителю — богу, — так и в презрении к себе. В силу своего еврейского происхождения христианство передало европейцам это еврейское недовольство собой, представление о нормальности внутреннего беспокойства человека; вот откуда это бегство европейцев от самих себя, отсюда же проистекает их неслыханная деятельность: они всюду суют свои руки и голову. Кроме того, христианству удалось поспособствовать появлению в Европе таких чисто восточных фигур, как отшельник и монах, в качестве представителей «высшей жизни»; таким образом оно подвергло огульной критике все другие способы жизни и сделало невозможным существование греческого в Европе. Хотя афиняне и считали себя самыми беспокойными из греков — но какими спокойными, какими наполненными собой и другими добрыми вещами кажутся они рядом с нами! Они не чувствовали никого над собой, им не было нужды презирать себя.

3[129]
202. Что же такое фантазия? Грубая, неочищенная форма разума — разум, совершающий крупные ошибки при сопоставлении и классификации, неровный в своем темпе, сотрясаемый аффектами: дикий и красочный вид разума, мать ложного познания и «внезапных озарений» (когда блеск идеи ошибочно принимают за свет истины); и разум, и фантазия продуктивны, но последнюю легче оплодотворить, а семя ее порождает намного больше уродцев и ублюдков. Разум — это фантазия, выучившаяся на ошибках благодаря все улучшающейся способности видеть, слышать и вспоминать.

3[130]
203. Общая для всех обычаев и типов морали заповедь гласит: размышляй и бойся, владей собой, притворяйся.

3[131]
204. Существуют следующие причины порою все более очевидного помрачнения мира: *во-первых* — пересечение культур, что порождает множество уродств; постоянное лицезрение уродств делает нас угрюмыми; *во-вторых* — моральные фантазии христианства, присвоившие человеческим поступкам только негативные предикаты и в сущности вознамерившиеся сделать невозможным прославление жизни, человека, его поступков; если нам запрещено прославлять, мы становимся угрюмыми; *в-третьих* — варварские и звериные черты, от которых мы не так уж далеко ушли; *в-четвертых* — страх перед индивидуальным и подозрительное к нему отношение, поскольку общество более не уверено в себе; *в-пятых* — страх перед естественным, сменивший прежний страх перед природой; *в-шестых* — сравнение жизни с воображаемыми наслаждениями, о которых твердили как христианство, так и поэты; *в-седьмых* — преувеличенное чувство ответственности, отметающее все индифферентные, мелкие и безобидные вещи и всегда желающее знать, что совершаемые поступки устоят перед обвинителем.

3[132]
205. Действительно ли мораль принесла людям больше счастья, чем несчастья? Даже если мы на место счастья поставим «отсутствие страдания и меньше боли», все равно останется повод для сомнений; мораль есть продукт тех эпох, когда причинить делом или суждением боль другому человеку было куда приятней, чем теми же средствами принести ему пользу: это время, когда верили в злых богов. Удовольствие от того, что посредством моральных суждений можно было причинить боль другому, постоянно усиливало склонность к вредным и жестоким поступкам и само по себе принесло еще больше страданий, чем моральные суждения.

3[133]
206. И моральным, и религиозным суждениям свойственны: *во-первых* — вера в то, что они обладают знанием человеческой натуры и внутреннего мира человека; *во-вторых* — они не признают, что имеют лишь локальную и относительную ценность: где бы они не появились, они ведут себя как абсолютные, действующие во все времена суждения; *в-третьих* — и те, и другие верят в подходы к познанию, отличные от известных науке; *в-четвертых* — и те, и другие выдумывают несуществующие сущности: религиозные суждения — богов, моральные суждения — добрых и злых людей и тому подобное; *в-пятых* — и те, и другие ненавидят исследования и говорят о бесстыдстве и еще худших вещах, как только их желают увидеть без одежд; *в-шестых* — сами они сродни друг другу, они заключили между собой союз, чтобы поддерживать друг друга, как ни пытайся, их никогда нельзя разделить полностью: одни продолжают жить в других.

3[134]
207. Вежливый (прелестный), gentile[1], благородный, аристократичный, noble[2], genereux[3], courtoisie[4], gentleman — все это обозначает качества, заимствованные у высшей касты и являвшиеся предметами подражания; таким образом, мораль в значительной мере происходит скорее из инстинктов *этого* класса, чем из личной гордости и желания повиноваться начальнику, раздающему награды. Они презирают тех, кто ниже их, и почитают тех, кто им равен или выше их, а сами требуют уважения от всего мира (верхнего, срединного и подземного мира), они ведут себя как лучшая половина человечества. И, напротив, в немецком языке «простой человек» означало прежде «дурной человек»: вот как далеко заходило недоверие к тому, кто не владел артистическими жестами и оборотами речи приличного общества.

---

1 любезный (*ит.*)
2 благородный (*фр.*)
3 великодушный (*фр.*)
4 учтивость (*фр.*)

3[135]
208. Христианство (и не только католическая церковь) продолжает притворяться, будто требует всего, но оно весьма довольно и благодарно, когда получает хоть *что-нибудь*. В этой своей непритязательности ныне и самый лучший христианин, если его мерить христианской меркой, хуже язычника: он не желает ни жить *для* своей веры, ни умереть *вместе* со своей верой; он доволен, когда им обоим протягивают подаяние.

3[136]
209. Испытывать сильные чувства, уметь надолго сохранить сильное чувство и играть на одной струне много мелодий — вот из чего состоит пафос у некоторых величайших писателей, к которым относится также и Шопенгауэр; они отличаются от философов, хотя Шопенгауэр и причислял себя к последним: их главное желание не познавать любой ценой, а во что бы то ни стало пропеть *свою* песню.

3[137]
210. Христианство *вышло* из иудаизма и ни из чего другого, но оно вросло в римский мир и дало плоды, в равной степени являющиеся римскими и иудейскими. Это полученное в результате скрещивания христианство нашло в католицизме ту форму, в которой преобладал римский элемент; протестантизм — его другая форма, где господствует иудейский элемент; дело здесь не в том, что германцам, основным носителям протестантской веры, евреи ближе, а в том, что от римлян они стоят еще дальше, чем католическое население южной Европы.

3[138]
211. Моральные представления — это возбуждающие средства и приправы, ради которых мы с большей легкостью совершаем нужные поступки; без них эти поступки были бы нам отвратительны или скучны.

3[139]
212. *Не* думать о другом, неизменно делать только то, что полезно тебе самому, — это тоже высокая мораль. Человек

должен сделать для себя столь многое, что он всегда проявляет небрежность, делая что-то для других. Наш мир выглядит столь несовершенным оттого, что слишком многое делается для других.

3[140]
213. Не следует ли рассматривать нашу свободу мышления как деятельность чрезмерную и одностороннюю, лишенную противовеса? Разве собственное творчество зачастую не лишает художника равновесия? И разве бегство от себя, забвение себя, измена себе не те опасности, которые подстерегают продуктивного одиночку?

3[141]
214. Редко бывает так, чтобы человек, сделавшись знаменитым, не стал трусом и не сошел с ума; масса его приверженцев постоянно цепляется за его слабости и гипертрофии и с легкостью убеждает его в том, что здесь-то и следует видеть его достоинства, его предназначение. Разве современники великого человека когда-либо распознавали то, в чем он действительно велик? и разве бывал когда-нибудь знаменитый человек врагом своих приверженцев? — Шопенгауэр стал шутом своей славы еще до того, как она к нему пришла.

3[142]
218. Зло причиняют по большей части из-за слабости и болезненности, для того чтобы обеспечить себе чувство превосходства (причиняя боль) и тем компенсировать отсутствие ощущения физической силы. Слабость же и болезненность коренятся главным образом в невежестве.

3[143]
219. Когда радость других причиняет нам боль, например, если мы пребываем в глубокой скорби, мы препятствуем этой радости, например, запрещаем детям смеяться. Напротив, если мы счастливы, то страдания других нам неприятны. Что же тогда симпатия?

3[144]
220. Равенство уменьшает счастье отдельного человека, но прокладывает путь к отсутствию страданий для всех. Правда, в конце этого пути их ожидает не только отсутствие страданий, но и отсутствие счастья.

3[145]
221. Ложь и лицемерие, культивируемые в обществе для установления равенства, в конечном итоге оказываются в значительном избытке, который находит для себя выход, порождая поэтов и актеров. Стоит лишь вспомнить, сколько удовольствия доставляют обществу хвастовство, брань, трюкачество и прочие первобытные искусства.

3[146]
226. Любовь к отечеству ослабевает, если отечество перестает быть несчастным.

3[147]
227. Фанатики не знают моральных, но, пожалуй, хорошо знакомы с интеллектуальными угрызениями совести; всем инакомыслящим они мстят за то, что сами в сущности тайно, испытывая жестокие муки, — думают иначе.

3[148]
228. Природа использует мозг, чтобы помочь работе чрева, и наоборот.

3[149]
229. Не существует непосредственного, инстинктивного страха смерти; мы бежим от страдания, стоящего на пороге смерти, от неведомого, к которому ведет смерть и которое есть она сама; люди все еще хотят чаще радоваться, поэтому они хотят жить и поэтому они терпеливо переносят страдания. Инстинкт самосохранения тоже является частью мифологии.

3[150]
230. Вот люди, желающие с помощью музыки повергнуть весь мир в состояние опьянения и полагающие, что тогда

придет культура; однако до сих пор вслед за опьянением всегда приходила не культура, а нечто другое.

3[151]

232. Счастье заключается в увеличении оригинальности; возможно, поэтому другие эпохи были более оригинальны, чем наша. – Наука есть средство, призванное доказать необходимость взращивания оригинальности. – Если традиции и прочие cosí fan tutti[1] составляют мораль, тогда она лишь помеха для счастья. – Учение о том, что мораль верное средство для устранения страданий из человеческой жизни, разумеется, является продуктом эпох, наполненных страданием. – Когда же оригинальность желает тиранить, она посягает на свой собственный жизненный принцип. – Испытывать удовольствие от чужой оригинальности, не подражая ей словно обезьяна, – вот что станет когда-нибудь признаком новой культуры.

3[152]

233. Никакая мифология не имела более губительных последствий, чем та, которая утверждает, будто душа пребывает в рабстве у тела.

3[153]

237. Мораль выглядит живописно, если ее долгое время перекрывала неморальность.

3[154]

238. Интеллекта нынешних людей было, по всей видимости, вполне достаточно, чтобы из хаоса создать упорядоченную солнечную систему, хотя ему, может быть, и не хватает необходимого для этого времени и прежде всего хаоса; мир был бы наверняка бесконечно шире, если бы управлять им мог не случай, а человеческий интеллект, к тому же это сэкономило бы миллиарды лет.

---

1 так поступают все (*ит.*)

3[155]
240. Тот, кто в наше время ссылается на традицию как причину своего поведения, почти что говорит: я суеверен, или: я терпим, – но прежде это означало: я умен и добр.

3[156]
241. Цель христианской морали не земное счастье, а земное неблагополучие. Цель практического христианина, живущего в миру, не земной успех, а возможность ничего больше не делать и даже неудача. И упомянутое выше неблагополучие, и неудачи суть средства и ступени к отрешению от мира. Существует ли еще христианство? Складывается впечатление, что оно уже подошло к цели своего отрешения от мира, а именно: готово покинуть этот мир. Но прежде чем уйти, оно начертало на стене свои письмена, и они еще не исчезли: мир достоин презрения, мир зол, мир – это погибель.

3[157]
242. Происходит сокращение морального чувства: все составляющие этого чувства, обязанные своим происхождением фантазиям, почитанию того, что не достойно почитания, нагромождению пиетета, вследствие отсутствия критики, попутно совершающемуся закату религии – все это постепенно будет вычитаться, и в результате получится, что обязательность морали для глупцов ослабнет. Следовательно, наша задача в том, чтобы всеми силами постараться уменьшить число глупцов.

3[158]
243. Конечно, наше современное образование есть нечто убогое, пропахшая тухлятиной миска, в которой плавают лишь всякие несъедобные куски, огрызки христианства, знаний, искусства, которыми бы не насытились даже собаки. Однако средства, с помощью которых пытаются что-нибудь противопоставить этому образованию, едва ли менее убоги, это христианский фанатизм, или же фанатизм научный, или художественный фанатизм людей, еле-еле способных удержаться на ногах; создается впечатление, что изъян хотят лечить с помощью порока. В действитель-

ности современное образование представляется жалким, потому что на горизонте перед ним маячит грандиозная задача: пересмотр всех ценностных оценок; однако, прежде чем положить все вещи на весы, необходимо иметь сами весы — я имею в виду ту высшую справедливость высшего интеллекта, которая видит в фанатизме своего смертельного врага, а в современном «всестороннем образовании» обнаруживает обезьяну, своего жалкого подражателя.

3[159]
245. Если мы везде, где христианин видит влияние своего бога, поставим на место бога случай, у нас составится общее представление о том, в какой степени христианин всей суммой своих поступков отнимает у мира разум и вновь отдает его на волю случая (например, когда он, будучи больным, отказывается от врача). Религии *продлили* царство случая, т.е. ограничили время и силу разума. — Пока мы совершаем моральные поступки, мы позволяем той случайности, благодаря которой появились на свет в этой стране и окружены этими людьми, стать законом над нами и бежим от разума, который ищет лишь индивидуальной пользы.

3[160]
246. Мы, мухи-однодневки, не хотим подвергать опасности и запугивать кого-либо своими мыслями; с их помощью уже нельзя подвергнуть душу другого вечной опасности — как верили в средневековье. Принцип свободы мысли и прессы основывается на неверии в бессмертие.

3[161]
247. Какими бы ни были уровень цивилизованности, состояние общества и степень познания, для индивидуума при этом всегда существует возможность *счастливой* жизни, — вот что хотят показать и предложить ему религия и мораль. Вызывает сомнения, действительно ли чувство счастья и несовместимости последнего со страданием *возрастает* с ростом познания, улучшением состояния общества и облегчением жизни, поскольку этот рост всегда сопро-

вождается утратой или ослаблением тех сил, которым в прежние времена преимущественно были обязаны ощущением счастья: безопасность и удлинение жизни, которыми, как своими достижениями, так хвалится наш современный мир, оплачены скорее ценой *ослабления чувства счастья*, чем его усиления. В этом смысле способствовать развитию культуры *ради счастья отдельного человека* было бы весьма сомнительным, а то и просто глупым предприятием! — Но коль скоро мы тем или иным образом стали счастливы, *то нам не остается ничего другого*, как способствовать развитию культуры! Новое, высокое доверие к нам, удовлетворенность собственными силами, исчезновение страха перед другими, желание быть с ними рядом, соревнование с ними в добре, осознаваемый нами избыток способностей, орудий, детей, слуг — in summa[1], чувство благополучия любого рода направляет нас на путь более высокой культуры и заставляет двигаться вперед. Нужда же ведет к отставанию, делает нас инертными, недоверчивыми, суеверными и чрезмерно суровыми в соблюдении обычаев. Культура есть постепенно складывающееся *следствие счастья бесчисленных одиночек*, но не их замысел! — Чем большей индивидуальностью обладает каждый в отдельности, тем более продуктивным будет для культуры его счастье, даже если оно будет продолжаться недолго, а его интенсивность будет менее постоянной и значительной, чем счастье на низших стадиях культуры. Отказать счастливому человеку в возможности развития культуры только ради того, чтобы сохранить на высоком уровне счастье в целом, было бы столь же нелепо, как запретить шелковичному червю прясть свою нить ради счастья всех шелковичных червей. Что же еще может *дать* нам счастье какого бы то ни было рода, если не обязанность использовать его для блага культуры? — Счастье *нельзя* удержать ни на высоком, ни на низком уровне, если постоянно пресекать его необходимые *проявления*. Итак: культура есть *проявление счастья*.

1 одним словом (*лат.*)

3[162]
248. Возникновение категорического императива не представляет собой ничего необычного. Естественно, большинство людей предпочитает безусловный приказ, безусловную заповедь чему-то условному: безусловность позволяет им не использовать свой интеллект, к тому же она больше сообразуется с их леностью; нередко она хорошо сочетается с известной склонностью к упрямству и приходится по вкусу людям, похваляющимся своим характером. В целом она относится к сфере слепого армейского послушания, в котором воспитывали людей их властители: они верят, что порядок и безопасность возможны более всего тогда, когда один господствует абсолютно, а другой абсолютно подчиняется. Оттого-то и желают сделать моральный императив категорическим, полагая, что в таком качестве он более всего полезен для нравственности. Люди жаждут категорического императива; это значит, что абсолютный властитель должен быть создан волей многих, тех, кто испытывает страх перед собой и друг перед другом: он должен осуществлять моральную диктатуру. Не было бы этого страха, не понадобился бы и такой властитель.

3[163]
249. Произведения германского гения не выдерживают переноса за рубеж: как итальянские вина, их нужно пить на месте.

3[164]
250. Европейская разновидность морального идеализма имеет свойство выдумывать моральные представления столь высокие и утонченные, что человек, оценивающий свои поступки, исходя из этих представлений, чувствует себя униженным. Такой идеализм прекрасно сочетается с жизнью корыстолюбивой, бесцеремонной, тщеславной, минута унижения есть плата за жизнь, ничего общего с этим идеализмом не имеющую.

3[165]
251. Чего только не сочиняли философы о счастье тех, кто преодолел земное! Какие чудеса воображал себе

Шопенгауэр о том состоянии, когда сексуальность больше не доставляет человеку неудобств.

3[166]
253. Присутствие духа: это значит способность позволять обстоятельствам управлять словами и поступками — то есть способность лгать и лицемерить.

3[167]
254. Лучше всего мы лжем, когда ложь соответствует нашему характеру.

3[168]
257. Были боги, желавшие несчастья, боги, хранившие от несчастья, и боги, утешавшие в несчастье.

3[169]
259. Где существует наибольшая нравственность, там гибнет интеллект. Предположение, что сосед обманывает нас, где только может, держит наш ум в напряжении; то же самое происходит, например, в итальянских городах с жульничеством, но при этом мы не держим зла на соседа.

3[170]
260. Честность требует, чтобы вместо неопределенных благородно звучащих слов морального характера, какие принято говорить, мы называли лишь хорошо узнаваемые, преобладающие в смешении элементы, несмотря на некоторую их неполноту и на то, что до сей поры эти преобладающие элементы имели дурной смысл; это, по крайней мере, разрушит ложный ореол святости. Вещь следует называть a potiori[1], а не a nihilo[2].

3[171]
261. Как следует поступать? Так, чтобы по возможности сохранялся отдельный человек? Или же так, чтобы по возможности сохранялась раса? Или так, чтобы благода-

---

1 после овладения (*лат.*)

2 после ничего (*лат.*)

ря нашей расе по возможности сохранялась другая раса? Или же так, чтобы сохранялось как можно больше жизни? Или так, чтобы сохранялись высшие формы жизни?

3[172]
262. Совершенная мораль есть мораль справедливости, воздающая каждой вещи по ее заслугам и ничего не знающая о вознаграждении, наказании, похвале и порицании. В каждом истинном познании действует эта совершенная мораль, каждое упражнение в познании есть упражнение в этой морали, и если даже познание занимается самой опасной критикой моральных поступков, оно все же далеко от того, чтобы навредить им. В то мгновение, когда осуществляется познание, познающий в моральном отношении абсолютно совершенен, в недостаточном познании содержатся обычно и моральные ошибки, например нетерпение, несправедливость, зависть, высокомерие. Но не будем скрывать от самих себя: не бывает другого познания, кроме недостаточного.

4. Лето 1880

4[1]
263. Народ, или, вернее, те немногие люди, которые имеют привычку посещать театр, воспринимают происходящее там как сказку и торжественно уверяют нас, что это не что иное, как миф, что все это вполне серьезно и не лишено философских тайн.

4[2]
264. Мы требуем от музыки, чтобы она была *сказочной*, причудливой и непонятной; о таких вещах предыдущие эпохи не имели вообще никакого представления. Да, праздничная, радостная, дружеская, задушевная, торжественная! Но – – –

4[3]
265. У каждого времени есть свой рассказчик тысячи и одной ночи. В наше время это Вагнер; есть вещи, в которые мы не верим, которые не считаем возможными, – зато любим смотреть на них в театре, будто бы они и в самом деле реальны.

4[4]

Моральные предрассудки.

4[5]

ЧТО СЛЕДУЕТ ЗАБЫТЬ.

4[6]
2. Все успехи индивидуумов становятся бесполезными вследствие случайности браков, потому-то у человечества ничего не получается. А заключать браки должен бог!

4[7]
7. Иллюзии взрастили в человеке в том числе и те *потребности*, которые истина *не* в состоянии удовлетворить.

4[8]
Байрон говорит: «если бы Колридж не *загубил* свой прекрасный талант трансцендентальной философией и немецкой метафизикой, он бы стал величайшим поэтом своего времени».

4[9]
10. Моральные предписания во времена образованности становятся все более неопределенными, одновременно представления о боге все более тускнеют. Область морального все более сужается (повсюду, где успех становится контролируемым и где начинается познание, перестают действовать моральные масштабы). В этих условиях мораль находит убежище в «идеальном» и т.д.

4[10]
11. Сколько иллюзий требуется человеку для беззаботной жизни!

4[11]
12. Там, где мы перестаем что-либо понимать, мы становимся высокопарными. Мораль от этого только выиграла.

4[12]
Как же следует действовать? *Для чего* следует действовать? Но чем выше мы поднимемся, тем более *произвольным* будет решение — и тем большую авторитарность ему придется искусственно *придать*. Чем больше патетики придают целям и средствам, тем меньше ясности в них самих.

4[13]
21. *Доказательство* в пользу обычаев заключается не в том, что из них следует, а в случайностях, постигающих общество. Если на него обрушивается несчастье, люди полагают, что согрешили или что следует приучиться к новым обычаям.

4[14]
23. Против того, кто вне общины, не действуют никакие обычаи. Здесь имеет место страх перед индивидуумом и сострадание к нему. Внутри общины страдающий является объектом не сострадания, а недоверия: вероятно, он в чем-то согрешил. Болезнь есть явление демоническое. — По отношению к врагу сострадание возникает на почве презрения, отсутствия необходимости бояться его.

4[15]
24. Добродетель буддистов: присовокупить к своему страданию страдание другого (при том что все наполнено страданием). Добродетель Христа — взять на себя кару за грехи, а добродетель христианина — в *добровольном* страдании по примеру Христа (не в сострадании —). Таковы истоки морали, имеющей целью *индивидуальные последствия.* Таков прогресс. **Суеверное убеждение**, будто страданием можно *искупить* вину, есть явление мистическое: не устрашение, не месть, но очищение от скверны.

4[16]
25. Новая мораль начинается тогда, когда общество и государство перестают жить в страхе перед врагами и *нравы смягчаются*, т.е. на передний план выходит индивидуум, то, что противоречит нравственности. В центре внимания оказываются *индивидуальные последствия*, в первую очередь те, что связаны с суеверием.

4[17]
28. Две морали индивидуумов: а) жить так, чтобы стать совершенно *похожим* на распространенный в данном обществе тип («как его отец», изречение спартанцев) или б) жить так, чтобы выделиться среди себе подобных. В первом случае непохожесть на общепринятый тип воспринимается как недостаток, а цель труднодостижима. Во втором случае равенство считается вещью легко достижимой и отнюдь не приносит почета.

4[18]
29. В Германии испытывают ни с чем не сравнимое благоговение перед незрелыми или выродившимися талантами, их называют «гениями»; немцы вообще очень восприимчивы к красочным эффектам духа, отсюда вкус к романтической экзотике. Они не «наслаждаются» совершенством, прелестью и свободой ума: здесь говорят esprit[1] и т.п.

4[19]
30. Безумец и калека в роли *комедианта.* Ужасающий пример Дон Кихота. Гефест на Олимпе.

4[20]
32. Ценность вещи возрастает, если усиливается почитание, т.е. если теряют из вида пользу вещи для индивидуума и принимают во внимание лишь то, *скольким* индивидуумам она была чрезвычайно полезной (или казалось таковой). Тогда верят в ее бóльшую силу.

4[21]
33. Немецкое *простодушие*! и все эти выродившиеся таланты разыгрывали с ним настоящую комедию! Во Франции его погубил двор, в Германии гении (в том числе Бетховен).

4[22]
Во времена греческой трагедии проблема заключалась в следующем: каким образом могли происходить столь *отвратительные* вещи, в то время как те, кто их совершал, были героями, а не преступниками? Это было великое упражнение в психологии Афин.

4[23]
Пристрастие к отвратительным темам: изнасилование, кровосмешение и т.п. — почему?

4[24]
Неловкие жесты и слова, употребленные для отрицания, воспринимаются как оскорбление, когда ты хочешь

---

1 остроумие (*фр.*)

сказать что-то от чистого сердца, например: «не говорите мне комплиментов».

4[25]

Детоубийца совершает свое дело из боязни позора, принося своему страху величайшую жертву. Если бы общество не позорило и бесчестило женщину, ребенок бы остался жив. Адам Бид.

4[26]

Утаивание совершенного поступка как изначально *моральное* явление: с точки зрения общества оно должно быть искоренено из жизни — как и укрывательство преступника.

4[27]

Ценность морали можно определить, лишь *измерив* его какой-то меркой, например пользы (или счастья), однако пользу, в свою очередь, также нужно чем-то измерить; все относительно, абсолютная ценность — это чушь.

4[28]

Разум как *первопричина* моральных чувств — и влияние моральных чувств *на развитие разума*!?

4[29]

Обращение «мой господин» показывает, в какой степени подчинение льстит *всем* людям и насколько каждый желает, чтобы его считали *великим*, господином.

4[30]

Шопенгауэр, столь далекий от отрицания, был, однако, достаточно порядочным, чтобы никогда не лицемерить и не ставить себе это в заслугу; последнее непременно делают честолюбивые художники, надеющиеся таким образом превзойти других. Актерская игра, использующая аскетический и чудодейственный материал, служит *примером индивидуального* лицемерия.

4[31]

Риторика такое же искусство, как и архитектура: польза – его главная норма (а поскольку риторика как искусство действует *сознательно*, она упраздняет действие своей собственной пользы или ставит эту пользу под вопрос. Или же наоборот?). Нам следует при этом не *думать* о пользе, а позволить исподволь вести себя к тому, что принесет нам пользу.

Нет! *Оратора* и *актера* следует сравнивать: 1) рассчитывает на эффект, 2) изображает эффект.

4[32]

Шекспир и Эсхил, поэты разносторонние, *преклоняются* перед высшими людьми, имеющими лишь один талант, – поэтами своего времени. Гёте преклоняется перед Шекспиром – но *не* театральным автором, а как истинный последователь Руссо – перед *беспредельностью природы* в нем. Таковы вкусы эпохи.

4[33]

Ах, человеческий интеллект! Ах, «гений»! Не такое уж большое дело создать «Фауста», шопенгауэровскую философию или Героическую симфонию!

4[34]

Быть *справедливым* – ничто! Все течет! Чтобы *увидеть*, нам нужны поверхности, ограниченные пространства!

4[35]

Факт – это вечный поток. Государство пытается создать из своих граждан нечто, имеющее непреходящий характер, мораль из каждого индивидуума желает сделать нечто прочное. – *Память* служит фундаментом для этой мнимой устойчивости (изо дня в день, из поколения в поколение), так *учат отвращению* к переменам.

4[36]

Слепой крот произошел от крота с хорошим зрением. Действие темноты на зрительные нервы.

4[37]

В морали до сих пор никогда не было даже периода гипотез: в наше время они необходимы; диапазон возможностей, из которых *могла бы* брать свое начало мораль, ныне ограничивается лишь фантазией. Я сделаю почин; весьма скептически!

4[38]

Когда-нибудь «*наследственность*» также будет считаться последним прибежищем неясного и мифического; пока же она служит чем-то еще.

4[39]

Тот способ, с помощью которого один ч<еловек> ставится в духовную *зависимость* от окр<ужающих>, весьма *парадоксален* и сам по себе отнюдь не очевиден.

4[40]

Гёте в немалой мере гордился теми усилиями, которые ему пришлось приложить, чтобы не поддаться вольтеровскому взгляду на природу. Он заблуждался, и это характерно для *реакции.*

4[41]

Исходящая от гения похвала доброте у Шопенгауэра была красивым жестом.

4[42]

Человек, существо удивительно трусливое, лишь под давлением обстоятельств пробует что-то новое. Если это ему удается, он повторяет его до тех пор, пока оно не превратится в обычай, который он объявит священным.

4[43]

Разве созерцательные люди не станут превратно оценивать людей деятельных? Так можно ли от них ожидать глубоких познаний в отношении истории? Но есть и *вернувшиеся назад люди действия*: это их дело.

4[44]

Высшее счастье, как обнаружили Платон и Аристотель, заключается *не* в интуитивном познании (гениальность Шопенгауэра); деятельный диалектический ум — вот источник этого счастья. — Кстати, суждения о том, что высшее счастье заключено именно в этом, являются субъективными — но я бесконечно благодарен таким субъектам.

4[45]

Люди, живущие в одиночестве, на удивление часто терзаются по поводу своего характера; но ведь не характер, а одиночество и есть как раз <то>, отчего они страдают. Тому, кто не хочет с этим смириться, следует вернуться в поток жизни, в котором «формируют собственный характер», тогда как одиночество его изнуряет. — Говорят, нужно приучить себя к общению с мертвыми; это сохраняет характер. Нет, в уединение дóлжно уходить, лишь уже *сформировав характер* – не раньше!

4[46]

Подобно монашенке отказаться от мира, *не* зная его, значит оказаться в одиночестве бесплодном, а может быть, и мрачном, самоотверженном — но vita contemplativa[1] не должна иметь ничего общего с самоотречением, ее следует избирать лишь тем натурам, для которых vita practica[2] была бы отречением, отказом от самих себя.

В конечном счете vita contemplativa совсем не обязательно должна быть *одинокой*: она возможна даже в форме брака.

4[47]

Тот, кто выпил крепкого кофе, не только выглядит более оживленным, если взглянет на себя в зеркало, но и более живо вглядывается в свое отражение (видит в себе больше, чем обычно).

---

1 жизнь созерцательная (*лат.*)

2 жизнь практическая (*лат.*)

4[48]

Пасть ниц перед божеством, всецело положиться на его милость, быть на верху блаженства от его подачек, пресмыкаться перед ним, как собака, — вот что считалось *высшей задачей* человека! Из-за этого *любовь* как *моральный принцип* на все времена стала несколько подозрительной. То, что прежде воздавалось божеству, теперь <воздается> гению, властителю, женщине — —

4[49]

На мой вкус Рихард Вагнер носит слишком много фальшивых бриллиантов.

4[50]

Не лишенные эгоизма действия возникли (через забывание) благодаря наследственности, а **постоянная** *мысль о других* как мерило наших поступков.

4[51]

Мы делаем ради других так много, почти всё, так что поступки, во время которых мы думаем только о себе, представляют собой исключения; *эгоисты* суть наибольшее из исключений.

4[52]

Даже учтивость, эта (китайская) добродетель, является следствием мысли: я делаю добро другим, *потому что* это полезно мне — однако это *«потому что»* предано забвению. Но благорасположение *не* возникает на уже упомянутом пути через забвение. — И все же учтивость — явление весьма сходное. Китайцы *ввели* в обиход семейное чувство (детей *к* родителям), римлянам было более свойственно чувство отцов по отношению к семье (долг).

4[53]

κρεῖττον τ' ἀγαθὸν ἀληθείας[1], говорят неоплатоники, т.е. полезное приносит большую пользу, чем истина, — что естественно. Если конечная задача — сохранение и под-

---

1 благо лучше истины (*древнегреч.*)

держание счастья, пусть тогда истина попробует выстоять в споре с заблуждением. В конечном итоге человечеству так или иначе придется *приспособиться* к истине, точно так же как оно приспосабливается к природе, хотя вера в вездесущесть сил, преисполненных любви, *приятна* ему. Тогда количество обманчивых надежд, а следовательно, и разочарований, существенно *уменьшится*, а поводы для *утешения* станут более редкими, чем сейчас.

4[54]

В наше время философы — это искусные декораторы науки, они придают природе эффектное оформление.

4[55]

Главные постулаты: в природе нет никаких целей, не существует никакого иного разума, кроме разума человека и человекоподобных существ, нет ни чудес, ни провидения, не существует никакого творца, нет ни законодателя, ни вины, ни возмездия.

4[56]

Лютер отрицает, что «пресловутые духовные подвиги святых» угодны богу, — довольно язвительно. Угодны лишь 10 заповедей.

4[57]

(Баум<анн> 243) Лютер: иметь что-то, чему человеческое сердце может доверять во всем, значит иметь бога. Согласно Фоме Аквинскому, человек в силу недостатков, которые он ощущает, нуждается в высшем существе, которому он подчиняется и которое может ему помогать и руководить им: в боге. — Оба считают существование бога необходимым, потому что люди *нуждаются* в нем. Им вторит г-жа ф<он> М<ейзенбуг>, считающая, что жизнь была бы невыносима, если бы все имело лишь конечное физическое значение. В действительности все наоборот: **поскольку** мы привыкли верить в бога или в этический смысл существования, мы полагаем, что «человеку» они необходимы, в противном случае жить было бы невозможно. Кстати, отсюда вытекают всего лишь «*необходимые*

представления», а не необходимость наличия бога или этического смысла существования.

4[58]

Среди *созерцательных* натур 1) религиозные люди более всего способствовали тому, чтобы осложнить жизнь людям практическим, 2) художники обычно несносны как личности, что и следует вычесть из пользы, которую приносят их произведения, 3) философы были и тем, и другим одновременно, да еще с примесью диалектики, отчего они стали скучны для практиков, 4) мыслители — — —

4[59]

Когда Лютеру не удалась монашеская жизнь и он почувствовал себя неспособным к святости, он направил свой гнев против vita contemplativa; человек мстительный и властный, он перешел на сторону vita practica — хлебопашцев и кузнецов.

4[60]

Я полагаю, что если бы мы, со всей нашей традиционной умеренностью и воздержанием, кротостью и чувством справедливости, перенеслись в полуварварские условия 6–10 веков, нас бы почитали как святых.

4[61]

Ах, какое чувство *глубокого унижения* охватывает меня, когда я слышу болтовню курортного общества, или вхожу в обеденный зал, где сидят молодые люди, или беру в руки газету.

4[62]

Представим себе, что хороший врач попадает к дикарям и выступает в роли колдуна, — каким превосходным колдуном был бы он по сравнению со всеми другими! Точно так же любой хороший историк нашего времени намного превосходит любого пророка!

4[63]

Цели зачастую суть непроизвольные, но весьма желанные результаты, при помощи которых мы задним числом оправдываем перед разумом совершаемые нами поступки.

4[64]

Не позволять погибнуть тому, что существует с давних пор, — весьма предусмотрительно, ведь любое развитие совершается столь медленно, да и сама почва столь редко бывает благоприятна для насаждения. *Придать иное направление* действию существующих сил!

4[65]

Музыка театральная (но не «драматическая музыка») губит музыкальный вкус, подобно тому как сам театр ослабляет удовольствие от поэзии (здесь не хватает уединенности, природы, подлинной жизни, есть лишь пышность да сборище бездельников, скучища).

4[66]

Смешанный, *нечистый* характер людей искусства: они тщеславны и бесцеремонны, исполнены яростного соперничества со всем, что имеет авторитет, и даже с тем, что дельно и достойно уважения, они неразборчивы в средствах, злоречивы, коварны — совершенно как *Наполеон*, но с *ним* не чувствуешь лукавства, ведь он знает, чего хочет, и не строит иллюзий на свой счет. Спекуляции, рассчитанные на массы, на энтузиастов любого рода, этот страх перед духом и моралист<ской> наукой (Наполеон не терпел, чтобы о де Траси и Кабанисе говорили хоть в каком-то смысле) — все, что могло бы задеть инстинкты главных сторонников и фанатиков, извлекается на свет и предается поношению, объектом ненависти становится сам *мотив искусства*, и наоборот: *посредством искусства* проповедуется фанатизм, неистовая любовь до самой смерти. Люди, в собственной жизни совершенно инертные, становятся поборниками наиболее крайних фанатических *добродетелей* (например непорочности, святости, безусловной верности) — все становится школой фанатизма, искусство, мнения, приверженцы.

4[67]

Все морали и законы направлены на то, чтобы насаждать *привычки*, т.е. в отношении многих поступков упразднить вопрос «почему?», чтобы они совершались инстинктивно. В долгосрочной перспективе это не что иное, как *посягательство на разум*. Кроме того, «действие по привычке», действие, совершаемое из-за инертности, по первому побуждению, это одновременно и страх перед необычным, перед тем, что делают другие, т.е. *посягательство на личность*. Вырастить расу, обладающую сильными инстинктами, — вот чего желает мораль.

4[68]

Немцы говорят о «моральных чувствах», англичане о «моральных суждениях». Так, для Ст<юарта> Милля «сострадание» относится не к моральным феноменам, а к феномену «любезности», оно есть предмет «симпатии»; великие стоики даже называли его неморальным. Для чувств не существует «ты обязан», но лишь «я должен»; но что же станет с чувством долга, если человек скажет себе: «я *должен* это сделать, невзирая на то, обязан я или нет», «я не *могу* иначе». Именно это и восхищает немца, например, в Лютере: *не* то, как человек склоняется, подчиняется *закону*, а то, что он *вопреки* всем заповедям и запретам остается верен *себе*, т.е. в Германии *восхищаются индивидуальным* поступком, скорее всего потому, что для боязливого и покорного немца это большая редкость.

4[69]

Когда я говорю: «этот человек мне нравится, я ему симпатизирую», — это, по утверждению Шопенгауэра, морально! И снова антипатия, неморальность — как будто не по *одной и той же* причине мы испытываем симпатию к одному человеку и антипатию к другому! Следовательно, человек нравственный непременно должен быть неморальным! — Скорее чувства симпатии и антипатии *никогда* не относили к морали, это своего рода *вкус* — и Шопенгауэр смеет требовать, чтобы мы имели вкус ко *всему живому*? Это был бы невероятно грубый, вульгарный и неразборчивый вкус, которому все впору!

4[70]

Если практический идеалист не обладает инстинктивным скептицизмом, он становится тщеславным шутом и в конце концов воображает себя сыном божьим.

4[71]

В интересах человека именовать то, что он отвоевал у своей личной пользы и принес в жертву общему благу, самыми высокими словами; те, кто жертвует лишь малым, настойчивее всего требуют моральных восхвалений. Тот, для кого жертвовать естественно, желает, чтобы об этом говорили *просто*, даже несколько пренебрежительно: в этом случае его жертва не бросается в глаза и *втайне* может быть повторена неоднократно. Лучшие люди заинтересованы в умалении моральных оценок.

Другим же необходимы возвышенные моральные жесты, это те полуактеры, для которых важно, что они *значат*, а не что они *есть*.

4[72]

Когда человек, чья жизнь полна прелюбодеяний и разврата, восхваляет целомудрие, у него есть на то все причины: ведь целомудрие сделало бы его жизнь куда более достойной; эрос для него не что иное, как дикий, ненасытный, беспутный демон. Но тот, для кого эрос есть нечто иное (например Анакреонт), не видит в целомудрии ничего столь достойного почитания.

4[73]

Подобно тому как природа не преследует никаких целей, так и мыслитель не должен *думать* о целях, т.е. не должен ничего искать, ничего доказывать или опровергать, его дело *слушать*, как слушают музыкальное произведение: получаемое им впечатление зависит от того, *как много* или *как мало* он услышал. Это впечатление происходит из сравнения с теми, которые были получены от музыки прежде, нужно уметь понимать ее язык; чем лучше мы его понимаем, тем *большее удовольствие* и *неудовольствие* мы при этом испытываем. Человек грубый воспринимает жизнь так же, как музыку *любого рода, в основном как удоволь-*

ствие и *наслаждение.* — За удовольствие от искусства *тонкого* свойства, равно как и за глубокие познания приходится *дорого* платить, слишком часто он страдает от разочарования и неприятных ощущений. — Чем более рафинированным становится вкус, тем меньше количество и интенсивность получаемого от музыки удовольствия, — разве это *не аргумент против* развития и пропаганды музыки? И разве не так же обстоит дело во всем, в том числе и в познании? Ведь какие только вещи не приносят ребенку радость познания? И сколь великую!

4[74]

Нам не стоит удивляться, если кто-нибудь будет учить нас, что до сих пор человек не знал мотивов своих поступков, ведь к истинному мотиву с самого момента возникновения человека примешивался благоприобретенный *мнимый мотив.* Мы *видим* и *слышим* так *плохо,* и к тому же мы так *высокомерны!*

4[75]

Многие заботы и огорчения образованных сословий, даже самых возвышенных умов —

4[76]

Высшими инстинктами называют такие, которые *противостоят* инстинктам *презираемым.* Но люди презирают то, что не внушает им страха, что свойственно людям низкого звания и т.д. — Самые различные, зачастую противоположные друг другу вещи причисляют к свойствам высшей гуманности.

4[77]

Мораль, которая в первую очередь думает *не* о счастье индивидуумов, но скорее даже страшится и пытается его подавить («мера» у греков), имеет целью то, что не ограничивается сроком жизни отдельных индивидуумов, — соединение многих поколений, исходя из интересов общины: индивидуум — это козел отпущения для коллектива, «государства», человечества и т.д. «Мы можем сохраниться лишь как *общность*» — таково основное убеждение. Так ду-

мают старики и правители, которые хотели бы гарантировать передачу общины своим потомкам. «Добродетель» здесь была не чем-то выдающимся, но необходимым для всех правилом, не заслуживающим похвалы (как в воинских организациях). *Индивидуальное* поощрение вообще было введено лишь греками, в Азии существовали только цари и законодатели. Мораль для индивидуумов *вопреки* обществу и его установлениям начинается с Сократа.

4[78]

Когда мораль предписывает мужество, верность, воздержание вне брака, она не ставит себе целью счастье отдельного человека, его духовное и телесное здоровье: напротив, все это она приносит в жертву всеобщему благу. Для морали низкий уровень гуманности человеческой массы имеет такое значение, что она, не раздумывая, готова пожертвовать за это высокой гуманностью отдельных личностей; в равной мере это касается здоровья и счастья. При этом она придерживается весьма ненаучных взглядов на те *средства*, при помощи которых масса может обеспечить себе счастье, здоровье, продолжение рода: она довольно часто ошибается. *Изменения* в морали служат доказательством того, что была допущена ошибка и что ее осознали.

4[79]

Все существовавшие до сих пор морали исходят из предрассудка, согласно которому якобы известно, *зачем* существует человек, — т.е. известен его идеал. Сейчас мы знаем, что есть много идеалов; следствием этого является индивидуализм идеала, отрицание всеобщей морали.

4[80]

Многие люди способны лишь на очень *малое счастье*: то, что мораль не может дать людям больше счастья, точно так же не является аргументом против морали, как не является аргументом против искусства врачевания то, что некоторые люди постоянно испытывают немощь или не поддаются излечению. — Необходимо выбрать такой взгляд на жизнь, благодаря которому мы можем достичь

своей высшей меры счастья, хотя последняя может быть и весьма малой.

4[81]

Благодаря чему благородные семьи так хорошо могли сохраниться во все времена? Благодаря тому, что молодой человек не искал в браке в первую очередь плотского удовлетворения и потому слушался советов и *не* позволял amour-passion[1] или amour-physique[2] завладеть собой настолько, чтобы заключить неподобающий брак. Прежде всего браки заключались молодыми людьми, *опытными* в делах любви; к тому же они должны были думать о соблюдении этикета и т.д., короче говоря, думать больше о своей семье, чем о себе. Я считаю, что нужно снова растить моральную аристократию и допустить некоторую свободу вне брака.

4[82]

Не существует ни одного поступка или образа мыслей, которые были бы *нравственны сами по себе*, без оглядки на то, что считается традицией для какой-то страны или народа. Вполне возможно, что какому-нибудь философу удалось бы уговорить людей этой страны изменить свои взгляды, поверить в то, что «нравственно само по себе». Так этот образ мыслей (вера в нравственное) превратится в традицию: заблуждение будет здесь считаться моральной заповедью.

4[83]

Коварство, обман, нарушение обещания, убийство, жестокость по отношению к *врагам* общины — считаются добродетелями: частое обращение с врагами как с достойными похвалы и награды.

4[84]

В своем предположении, что индивидуум существует *вечно*, индивидуализм крайне радикален, он не принимает в расчет существующие типы общества, любые подобные

---

1 любви-страсти (*фр.*)

2 физической любви (*фр.*)

соображения бессмысленны по сравнению с вечностью: тут не до компромиссов и милосердия, нельзя уступать ни на волос, когда речь идет *об этом*. Здесь *фанатизм* индивидуума достигает своей *вершины*: нам с нашими 70 годами, напротив, дозволено быть менее твердыми. В конце концов, что за важность, если кто-то страдает 70 лет!

4[85]

Создать *идеал*, поставить его на первое место как прелюдию? В вечном покое беспрепятственно творить, не вмешиваясь активно, но следуя своему образцу, обнаружить себя, желать не долгой, а индивидуальной жизни, не выделяться никакими добродетелями, не быть сведущим ни в какой традиции, не иметь родины, не слишком зависеть от своих потребностей, не брюзжать и никого не поносить, но быть *смелым* во всем, в познании и в признании, а потому смиренным в деле, не иметь какого-либо умысла, не любить высоких слов и слов морального осуждения, не питать зла к тем, кому некоторые из этих откровений кажутся гадкими и кто поэтому *не* желает идти дальше вместе с нами, — может быть, это слишком тонкие натуры, а мужество отнюдь не добродетель, но свойство темперамента —

4[86]

После революции история вышла на сцену в форме *реакционной* власти (см. Ст. Милль о Колридже). А сейчас? —

4[87]

Натурам, которые сильнее всего *противились морали* (короче говоря, индивидуумам!), следует все же отдать *должное*. До сих пор *прогресс* наблюдается лишь у противоположной стороны.

4[88]

Это рассуждение написано не для —. Сердечное и тактичное участие в человеческих делах, без желания навязать свои советы.

4[89]

«Спасение» способствовало формированию самомнения: достаточно того, что одно лишь *представление* способно обеспечить человеку победу над собственной неотвязной, неизбежной сущностью и привести его к триумфу.

4[90]

Людей можно было бы *оценивать* по тому, сколь велика мера счастья, *возможного* для каждого из них, – и, с другой стороны, сколько счастья человек способен принести другому, сколько неприятностей, несчастья и т.д.

4[91]

Иметь *занятие* люди желают куда сильнее, чем быть счастливыми. Следовательно, всякий, кто находит им занятие, для них *благодетель*. Бегство от скуки! На Востоке мудрость мирится со скукой, и этот фокус столь труден для европейцев, что они думают, будто мудрость невозможна.

4[92]

Воздействие музыки на истерических личностей как мужского, так и женского пола может быть чудовищным, причем это отнюдь не является заслугой композитора. Элементарная реакция часто возникает при слушании музыки Вагн<ера>. Пределы чистых элементов м<узыки> все еще не познаны (горный воздух, красота).

4[93]

Место совести среди болезней человечества, поскольку она порождает главным образом неприятные ощущения.

4[94]

Обратите внимание, как, например, действует на разных людей неожиданно разразившийся ливень: каждый интерпретирует происшедшее соответственно своему настроению и темпераменту. Кажется, что наши *болевые* ощущения суть лишь *слабости* нашего организма: те

же самые раздражители приводят к наслаждению. *Ничто* не может быть *несчастливым само по себе.*

4[95]

«Глаз ни в коем случае не мог возникнуть благодаря зрению» (Земпер). NB. «*Цвет* никогда не порождается с помощью естественного отбора или аккомодации, это относится лишь к *окраске*, сочетанию цветов» (Земпер).

4[96]

Все еще преобладает стремление объяснять все высоко ценимые вещи и обстоятельства еще более высокими причинами, так что этот мир высоких вещей представляется как бы отражением мира вещей еще более высоких. Таким образом, *умаление* какого-либо качества человека кажется более естественным, чем его усиление: «совершенное не может *стать*, оно может лишь исчезнуть» — такова древняя гипотеза. Воспоминание о более раннем, лучшем мире (предсуществовании), или об изначальном рае, или о боге как первопричине всех вещей — все это исходит из одной и той же гипотезы. «Бог становящийся» — это мифологизированное выражение реальных процессов.

4[97]

«Мозг в ноге», у некоторых моллюсков; ухо в хвосте, ракообразные.

4[98]

Уничтожение чувственности в морали и восхваление святости располагаются на более низкой ступени, чем эллинский призыв к умеренности. Восточная безудержность не знает других способов помочь себе. Отрицание мира — следствие свойственного подобным натурам высокомерия. — Они предпочитают не господствовать, а *уничтожить*, так чтобы не осталось ничего, над чем можно было бы господствовать: средство крайне опасное.

4[99]

Абсолютно неверно мнение, будто великие умы в основном *одинаково* судили о бытии и человеке: при доказательстве этого сходства исходят из убеждения, что гении ближе всего к сущности мира и потому могут более верно, т.е. более соразмерно, высказываться о том, какова она. *Но* гениям всегда были присущи *индивидуальные* воззрения, они внедрялись в суть вещей, поэтому они так глубоко противоречат друг другу и считают своим долгом уничтожение всех остальных.

4[100]

В наше время существует так много моралей: каждый человек невольно выбирает ту, которая ему наиболее выгодна (ведь он боится самого себя), т.е. ему приходится *обнимать заблуждение*, отчасти потому, что это опасный зверь. Прежде, когда люди одной расы были *равны*, достаточно было и *одной* морали.

В наше время люди очень даже *не равны* друг другу! Не будем обманываться, сейчас куда больше личностей, чем когда-либо! Просто они *не* видны столь наглядно и грубо, как прежде.

4[101]

Поскольку сейчас существует больше индивидуальных критериев, чем когда-либо прежде, то и *несправедливости*, очевидно, больше, чем когда-либо. — Чувство истории — мораль<ная> антисила. Величайшее зверство, которое еще существует в наши дни, — это боль, причиняемая суждениями. Больше нет *общепринятой* морали, по крайней мере она ослабевает, равно как и вера в нее среди мыслителей.

Довольно много людей живет *без* морали, поскольку она им больше не нужна (подобно тому, как многие живут *без* врачей, лекарств и неприятных процедур, потому что здоровы и имеют соответствующие привычки).

Морально осознанная жизнь предполагает наличие ошибок, а следовательно, их тяжесть и последствия, т.е. мы все еще не нашли условий своего существования и пребываем в их поиске.

Для индивидуума, *если он не мыслитель*, мораль представляет *ограниченный* интерес: когда он ощущает душевную тяжесть и неудобство, он принимается думать о том, чем это вызвано, и ищет моральные причины, поскольку ему, как человеку плохо образованному, другие причины неизвестны. *Переносить* недостатки своей конституции, своего характера на собственную нравственность, искать в себе *вину* за свой недуг — **морально**!

4[102]

Если кто-то установит для себя некие обычаи, с помощью которых он может переносить собственное окружение, а окружающие могут переносить его, то это человек *нравственный*. Если он сомневается и никто не может на него положиться, он пока таковым не является. «Нравственный» человек становится «*предсказуемым*», если он, например, член партии; отсюда столько ненависти к человеку *безнравственному*.

4[103]

Утешением для Лютера, когда дело не двигалось вперед, был «конец мира». Философом нигилистов был Шопенгауэр. Всем крайне деятельным людям хочется вдребезги разрушить мир, когда они понимают, что их воля неисполнима (Вотан).

4[104]

Мы должны быть честными только с самими собой: быть честным с *другими* — это уже *самопожертвование*, и только в том случае, если мы имеем к этому естественную склонность, честность по отношению к другим людям является заповедью природы, которая должна быть исполнена. — По отношению к самим себе это всего лишь самосохранение, например, мы должны иметь *верное* представление о собственных физических силах. Вера в то, что мы в состоянии совершить в духовной или же моральной сфере такой скачок, на который наши ноги не способны, может стать причиной переломов и тяжелейших страданий; мерой идеального в нашей морали является возможное для нас количество сил, при условии, что мы способны их на-

ращивать. Всякий рост должен при этом происходить не скачкообразно, а постепенно. — Сколько бедствий происходит в мире из-за того, что мы применяем к себе заведомо неисполнимую меру моральности! Ведь никто не испытывает стыд оттого, что не умеет бегать, как скороход, но в моральных вещах мы столь ребячливы, что воспринимаем *отсутствие* естественных условий как *вину* и *позор*. Как будто мы являемся собственным творением! Вот из какого предположения в действительности произросло это чувство стыда.

4[105]

Люди высшего порядка отличаются от людей низких, точно так же как животные высших классов от животных низших классов, сложностью своих органов и их количеством. Стремиться к простоте — значит желать себе легкой жизни!

В наше время всё еще продолжают, в особенности художники, прославлять полуварвара: сила, эмоции, невежество, естественность жестов и инстинктов — с *художественной* точки зрения «эта порода людей хорошо смотрится»; сейчас для многих органов велика опасность заболевания и частичного отмирания.

4[106]

Сейчас многим нравится быть гонимыми и подвергать травле других: даже люди искусства выбирают себе дух недовольства в качестве музы, вдохновляющей их. Если понаблюдать за ними в часы досуга, то они пусты, им не хватает лишних сил на безрассудства, они предпочитают самые пошлые вещи (в том числе и крупные ученые). Было бы несправедливо судить об эпохе *по таким* вещам: в удовольствиях и досуге она не раскрывается полностью, *не говоря* уже о ее лучшей части. Так будем же терпимы к ее искусству и посочувствуем высшим художникам, которые не соответствуют этой эпохе, *поистине* не соответствуют, потому что она их недостойна! Молодые люди судят об этом неверно.

4[107]

Моралисты восприняли почитаемую в народе мораль как священную и *подлинную* и постарались лишь ее систематизировать, т.е. облекли ее в научные одежды. Ни один моралист не решился исследовать ее истоки: ведь это было бы посягательством на бога и его посланцев! Они посчитали, что в устах народа мораль существует в искаженном виде и что ее необходимо «очистить». —

4[108]

Почитания удостаиваются те, чья *мысль* разрушила оковы традиции. Но тех, кто совершил это с помощью *дела*, подвергают поношению и приписывают им дурные мотивы. Это несправедливо: по крайней мере следовало бы приписывать те же дурные мотивы вольнодумцам. — Никто не упоминает о том, что в *преступлении* можно было бы найти много смелости, оригинальности ума и независимости. «Тирану» скорее присущ ум свободный и более смелый, его нрав не хуже, чем нрав человека робкого, а часто и лучше, потому что честнее. Вопрос о том, являются ли русские нигилисты более неморальными, нежели русские чиновники, сейчас повсеместно решается в пользу нигилистов. — Бесчисленное количество традиций стало жертвой нападок людей свободной мысли и действия: наш современный индивидуальный образ мыслей есть результат *преступлений* против нравственности. Каждый, кто нападал на уже существующее, слыл «дурным человеком»; история рассказывает только о таких дурных людях!

4[109]

Люди свободного действия проигрывают по сравнению с людьми свободной мысли, поскольку двигающие их поступками эгоистические мотивы более очевидны. Зато люди свободной мысли часто находят удовлетворение для своих эгоистических мотивов уже в том, что вслух произносят запретное: вещи неморальные кажутся при этом более безобидными, а потому и не подвергаются поношению. Что касается первоисточника, все едино: Наполеон и Христос.

4[110]

Согласно Аристотелю, греки часто страдали от избытка сострадания: отсюда необходимость разрядки через трагедию. Мы видим, какой сомнительной представлялась им эта их склонность. Она опасна для государства, лишает их необходимой жесткости и дисциплинированности, превращает героев в плаксивых баб и т.д. – В наше время сострадание желают *усилить* с помощью трагедии – что ж, на здоровье! Однако не видно, чтобы это подействовало, ни в прежние времена, ни в будущем.

4[111]

Человек либо *подчиняется*, как раб и слабое существо, либо *повелевает* **вместе** с другими; последнее есть путь всех гордых натур, которые *воспринимают* любую обязанность как закон, *устанавливаемый для себя и других*, – пусть он и дан им извне. Вот где великое хвастовство морали: «я обязан делать то, что я *хочу*», – так принято говорить.

4[112]

Со времен Руссо восхвалялась *непосредственность чувства*, способность броситься кому-нибудь на грудь, извергнуть свой гнев, будто слюну, и т.д. Странно, что все великие мудрецы морали требовали ровно обратного! – Сдержанности чувств – и достоинства в поведении человека нравственного. Есть прелестные, совершенные души, которым это, вероятно, подобает, потому что в них нет ничего чрезмерного, однако устанавливать закон по образцу какого-нибудь Моцарта означает – – –; мы не певчие птички. Даже добрые и внушающие уважение чувства, выраженные неумеренно и прямолинейно, вызывают к себе отвращение: наверное, каждому хоть раз в жизни приходилось посылать ко всем чертям сострадание, не умеющее держать себя в рамках.

4[113]

Есть ли необходимость в сохранении нравственных слов? Какое отношение к химии имеют алхимические выражения?

4[114]

1) Предубеждение: будто последствия, вытекающие из одного объявленного священным морального установления, являются также последствиями прочих установлений; однако при этом полагают, что только это первое обладает привилегией; 2) эти последствия в дейст<вительности> представляют собой вовсе не последствия, а лишь частое post hoc[1]; 3) эти последствия в действительности есть следствие какого-то неучтенного сопутствующего явления и т.д.

4[115]

Поскольку всякая вещь при длительном существовании желает обрести некоторое достоинство, то и вагнеровское искусство, как мы видим, хватается за все, что способно придать ему достоинство: христианство, благосклонность властителей и высшего сословия и т.д., больше всего на свете ему хотелось бы получить ореол святости, но где те силы, которые могли бы вручить ему этот ореол?

4[116]

Вещи, которые мы хотели бы любить вечно, следует ставить несколько ниже реально присущей им ценности: нам никогда не позволено понять до конца, что они такое. Горе тому, кто не знает меры! Он потеряет любое сокровище — в том случае, если из состояния безмерного обожания впадет в другую крайность.

4[117]

В нравственном нельзя доходить до крайностей, не то почувствуешь отвращение к нравственности.

4[118]

Знание своих сил, закона их устройства и проявления, их распределение таким образом, чтобы одни из них не использовались чересчур много, а другие слишком мало, проявление *неудовольствия* как недвусмысленный сиг-

---

1 последействие (*лат.*)

нал того, что совершена ошибка, некий эксцесс — все это лишь для одной *цели*; сколь *трудна* эта *индивидуальная наука*! И за отсутствием таковой прибегают к народному суеверию — морали: ведь здесь уже имеются готовые рецепты. Но посмотрите на результаты — ведь мы жертвы этого лекарства, прописываемого медициной суеверия; с помощью ее рецептов *должно было* сохраниться общество, а *не* индивидуум!

4[119]

Никакая фантазия не поможет *разгадать*, из чего складываются ценностные оценки первобытных народов, это следует узнавать на опыте. Определенные обычаи и обусловленный ими круг мыслей *невозможно сконструировать*; когда мы говорим о «естественных» потребностях и желаниях человека, то представляем себе все слишком упрощенно: например, интеллектуальные потребности удовлетворяются совершенно особым образом.

4[120]

Часто сходятся два человека, которые в своей нравственности плохо гармонируют друг с другом, и там, где у одного вакуум, другой ощущает свою силу и добродетель; они называют друг друга «*безнравственными*».

4[121]

Высоко ценить *выходящие за рамки* естественных потребностей предметы, излишества, украшения свойственно человеку издревле: своего рода *презрение* ко всему, что составляет организм и жизнь. У греков это *καλόν*[1], у римлян honestum[2] — весьма странно! Необычное? Мораль стремилась придать человеческим поступкам некое значение, красоту, странную притягательность, то же касается и любых отношений с божеством — **интеллектуальное** *побуждение* сказывается в представлении, что жизнь должна быть интересной; до появления науки, которая и сделала все, относящееся к естественным потребностям, в высшей

1 красота, прекрасное (*древнегреч.*)

2 достоинство, добродетель (*лат.*)

степени интересным, считали, что следует быть выше естественных потребностей, чтобы испытывать интерес к человеку. Отсюда допущение, что в нем заложены таинственные демонические силы и т.д. (В частности, там, где удовлетворение естественных потребностей давалось легко, при высоком плодородии почвы и т.д., тотчас же обнаруживалось пренебрежение к «естественному».)

4[122]

Закономерность в природе есть нечто поддающееся исчислению, чему мы подчиняемся, с тем чтобы оно не причинило нам вреда или даже принесло *пользу*: так, повсюду, где царствовал закон, верили в *добрые*, творящие благо силы (вследствие смешения понятий). Зло непредсказуемо, например молния. С позиции морали человек предсказуем, а потому *добр*, чужой народ непредсказуем, следовательно зол, чужие обычаи считаются злыми. Перенос того, что хорошо *для нас*, на объект, который отныне зовется хорошим —

4[123]

Чувство симпатии, возможно, возникло из своей противоположности: страх и антипатия по отношению к чему-то чужому, иному — естественны. Но однажды происходит какой-нибудь случай, когда это чувство не срабатывает, нет страха: мы начинаем относиться к *этой* вещи, *как к самим себе.*

4[124]

Человек *не* унаследовал *все* виды симпатии, свойственные животному миру.

4[125]

Когда два пола ищут и привлекают друг друга, возникает противоположность антипатии; здесь родина морали как порывов симпатии. «Испытывать удовольствие от совместности» — ощущать потребность друг в друге, но не для того чтобы съесть. — Мораль как проявление симпатии в поведении животных связана с мерой их чувственности. — То же и среди людей? Религии, выше всего ставившие

сострадание и любовь, возникли у очень чувственных народов, и это подтверждается уже тем обстоятельством, что в противовес чувственности они создали идеал аскетизма: доказательство того, что в этом отношении они сознавали свою неумеренность и необузданность (индусы и евреи).

4[126]

Новелла производит более сильное впечатление, чем театральный спектакль, поскольку она уподобляет себя истории, в то время как театр непрерывно разрушает иллюзию; предположим, *один* актер создает иллюзию, тогда другой разрушает ее, и уж *наверняка* это делает театр и окружающие нас люди. Каким вялым и малоубедительным кажется Дон Жуан у Моцарта по сравнению с Дон Жуаном у Мериме! Кроме того, слушая рассказчика, мы намного более *активны*, чем наблюдая спектакль: в последнем случае куда чаще возникает тяга к критике. Музыка, как непрерывный аккомпанемент, в любом случае отвлекает и мешает, даже самая лучшая музыка слишком часто наводит скуку.

4[127]

Испытывать симпатию к кому-то, т.е. не бояться <его> и ожидать от него удовольствия. Это ли не эгоизм!

4[128]

Понимать, какие чувства испытывает другой человек (или животное), есть нечто иное, чем *разделять* чьи-то чувства, например знание врача и знание матери больного ребенка, — но какова исходная посылка? Это вовсе не копирование *конкретного* ощущения страдания, а страдание, вызванное тем, что кто-то страдает. Знание же, напротив, связано с определенным видом боли. «Воспринимать его боль как собственную», потому что сам пережил что-то подобное, сродни *знанию* врача о боли, это не истинное сострадание, которое сострадает страданию *какого-то человека* вообще, а не конкретному страданию. Чувство, что страдает кто-то, кого мы любим, кто находится на нашем попечении или нам подвластен, есть чувство *абсолютно личное*, ему обыкновенно сопутствует гнев из-за своего

бессилия (при сострадании способность представить себе страдания другого может быть весьма невелика).

4[129]

Щадить друзей из сострадания к ним считается слабостью и противоположностью добродетели, предписывающей суровость по отношению к себе тогда, когда необходимо принять меры, направленные на общее благо.

4[130]

В Индии созерцательность есть наивысшее, на втором месте — жизнь согласно предписаниям касты —

4[131]

Страсти суть «ложные суждения», как говорят стоики.

4[132]

Первоначальное христианство выше всего ценило те *качества*, которые способствовали выполнению миссии — ввиду близкого конца нести свое учение до самого края земли (безбрачие и отказ от имущества). — *Бегство от мира* означало отказ от римско-греческой жизни, поскольку она целиком и полностью опиралась на языческую культуру. Основной постулат неоплатоников предполагал, что мы должны жить для высшей жизни, земля казалась слишком низкой, культура тоже. Какое наивное высокомерие! «Отрешенность от земного, возвышение над ним, чувственное соприкосновение с высшим основанием мира» — некое подобие платоновского познания — всё обман. Мировоззрение неоплатоников слилось с христианством, это люди религиозные, люди высшего порядка. Реформация отвергла этих высших людей и отказалась от осуществления нравственного религиозного идеала, она отрицала vita contemplativa и подвергала ее многочисленным и злобным нападкам.

4[133]

В морали от каждого *требуют* строжайшей *теории*.

4[134]

Теоретической жизни свойственна поверхностность; практическая жизнь основательна и с помощью всех *необходимых* средств всегда ведет к цели, в противном случае цель недостижима. Мыслитель же зачастую ошибочно предполагает, что цель достигнута, и не признает ошибочность пути и прыжка: слишком часто и легко к нему приходит чувство успеха.

4[135]

Целомудрие является добродетелью лишь для юношей-подростков и молодых девушек: в принципе это противоестественно, так как может привести к уничтожению вида. В порядке исключения — как индивидуальная мера в интересах других: в тех случаях, когда только полное воздержание может спасти ч<еловека>.

4[136]

Возможно, через столетие человечество сумеет овладеть природой и благодаря этому накопит больше сил, чем будет способно истратить, и тогда людям будут доступны те излишества, которые нам сейчас трудно себе вообразить. Если идеализм людей в отношении их целей не будет стоять на месте, тогда могут быть осуществлены грандиозные проекты, о которых мы сейчас даже не задумываемся. Одно только воздухоплавание опрокидывает все наши культурные представления. Вместо того чтобы создавать произведения искусства, люди за пару столетий преобразят природу в столь больших масштабах, что, исходя из своих мотивов и представлений о красоте, смогут, например, довести *Альпы* до совершенства. И тогда вся литература прежних времен будет отдавать ограниченностью маленьких городков. Грядет новая эпоха в архитектуре, когда вновь, подобно римлянам, будут строить для вечности. Отсталые народы Азии, Африки и т.д. будут использоваться в качестве работников, населяющие землю народы начнут смешиваться. Вспоминая о прошлом, люди будут представлять себе его мрачную меланхолию и ленивую созерцательность: пылкость и избыток сил суть следствия здорового образа жизни. Чтобы подготовить такое будущее,

мы будем вынуждены отделить от общества меланхоликов, угрюмцев, нытиков и пессимистов и обречь их на вымирание. Политика будет устроена так, чтобы ей было достаточно людей невысокого интеллекта и чтобы не было необходимости каждому повседневно вникать в нее. Точно так же и экономические отношения, без алчности и борьбы за выживание. Эпоха празднеств.

4[137]

Я считаю возможным, что владеющий массой фактов и искушенный в логике ум в минуты невероятного напряжения интеллекта последовательно производит колоссальное количество выводов и приходит таким образом к результатам, которых могут достичь лишь несколько поколений исследователей: это еще и фантазия — и ему придется за нее поплатиться.

4[138]

У наших современных исследователей, опирающихся на индуктивный метод, проницательность и осмотрительность куда более отточены и изобретательны (и более богаты воображением), чем у настоящих философов.

4[139]

Предубеждение, будто человек, чтобы судить самостоятельно, должен представлять высший класс, некую власть, а люди низшие не имеют права на свободу мыслей. «И это желает рассуждать, иметь взгляды и т.д. и т.п.», — — — когда, по его мнению, слишком долго — — — о взглядах.

4[140]

Как много расплодилось плакс и нытиков!

4[141]

Счастье людей, которые позволяют собой командовать (в особенности военных, чиновников): отсутствие полной ответственности за направление своей деятельности, легкомыслие и простодушие, требование неукоснительного выполнения своих обязанностей (несколько облагороженное наименование повиновения, его досто-

инство). Даже разумным христианам свойственно это легкомыслие. Наука точно так же *освобождает* (безответственность).

4[142]

Нежелание иметь что-либо общее с реальностью, стремление нащупать подлинную реальность в ускользающих чувствах, стремление выделиться, отсутствие понимания жизни – для всего этого прежняя «наука» имела свои собственные формулы, ей это казалось разумной тенденцией, поскольку она верила в иной мир. Поэту снисходительно позволяют рассказывать прекрасные глупости о «возможном» мире; в том случае, если сам он *презирает* наш мир, ему приходится расплачиваться за такое пренебрежение своими произведениями. Но горе ему, если он захочет соблазнить нас на то, чтобы мы «возвысились над миром», т.е. чтобы мы претворяли свои фантазии в поступки и сделали бы приятную ложь безделья судьей жизни! С этим у нас теперь строго.

4[143]

Разве все «возвышенные чувства» не стали теперь подозрительными из-за того, что уже с давних пор ложная философия фантазеров столь сблизилась с ней и что рядом с каким-нибудь высоким чувством почти регулярно обнаруживается вздорная мысль, эксцентричная точка зрения?! Печально. К тому же эстетические соображения находят фантастические мысли более привлекательными, чем строгие и согласованные, а все виды искусства принимают едва ли не как догму мысль, что интеллектуальная экзальтированность и высокие чувства живут и умирают вместе. Прошу вас ежедневно и ежечасно доказывать, что существует возвышенное без нелепых фантазий, друзья!

4[144]

Если мы проследим за моральным чувством, то обнаружим, что по мере его развития с помощью подражания в конце концов возникает очень высокая ценностная оценка какой-либо вещи или поступка, основывающаяся на теории. То есть, когда понятия убеждают и подчиняют

себе людей и когда люди всё *измеряют ими*, практическим результатом этого является вожделение или отвращение. Все это продолжает насаждаться и далее без всякой надлежащей мотивации, а зачастую и на основе некой новой, приписанной им задним числом. Там, где существуют моральные чувства, мы обнаруживаем либо вошедшее в плоть и кровь понятие, либо имитацию чувства.

4[145]

Все считают моральным то, что сохраняет их *сословное положение*: мать – то, что умножает уважение к ней, политик – то, что приносит выгоду его партии, художник – то, что поможет обессмертить его произведение; лишь уровень духа и знаний решает при этом, *как далеко* могут завести человека эти интересы, не объявит ли он своей *нравственной* целью реформирование всего мира или даже его гибель *для того, чтобы* принести наибольшую пользу интересам своего сословия, и т.д. Властитель или аристократ имеют одну мораль с человеком из народа, но обвиняют друг друга в безнравственности методов. «*У нас* нравственность всегда как дома»; вопрос лишь в том, как широко нам трактовать это «у нас».

4[146]

Кровосмешение, прелюбодеяние, физическое насилие, эротическая одержимость, к которым обращаются в своих произведениях не только французские драматурги с романтическим вкусом, но также и немецкие оперные композиторы, – о чем это свидетельствует? Эта склонность к мифологическим мерзостям, от которой страдали и греки, в любом случае есть признак дурного вкуса; весьма скверно, когда философия нуждается в *таких вещах*, чтобы придать достоверность своим постулатам.

4[147]

Мы не *понимаем*, чего хочет другой человек, сердимся сами и сердим его; ужасающая нищета в семье – вот в чем причина, причем больше всего сердятся *хорошие* люди, так как они, сами того не понимая, чувствуют себя чужими, а следовательно, *дурными*.

4[148]

Поскольку моральные суждения и чувства принесли много бед, в частности угрызения совести, следует задать вопрос: уравновешивалось ли это бо́льшим количеством добра? Утверждение, что «благодаря им существует человечество», сомнительно: животные виды существуют и без них. Многие племена вследствие моральных различий яростно жаждут уничтожения своих соседей.

4[149]

В науках специфического рода мы изъясняемся наиболее определенно: каждое понятие имеет точно установленные границы. Наименее четки они в морали, каждый человек воспринимает каждое слово по-своему и в зависимости от своего настроения (вот где изъяны воспитания), *всем* словам присуща своя сфера, то более обширная, то более узкая.

4[150]

Пресыщение человеческим, как если бы это была все та же старая комедия, вполне возможно; для существа познающего ужасным ограничением является обязанность всегда осуществлять познание с точки зрения человека, она может вызвать интеллектуальное отвращение к человеку.

4[151]

Весьма тщеславные люди, для которых закрыт доступ к области, где они могли бы отличиться, например в полководческом искусстве, астрономии или медицине, мстят за это, либо подвергая такие предметы и их представителей презрению и осмеянию, либо — вообразив, что им уготовлена особая, «царская дорога», помогающая мгновенно дойти до самой сути. Тогда человек и начинает воображать, что наделен провидческой силой.

4[152]

Это пылкое, страстное чувство людей, охваченных экстазом, говорящее им: «вот истина», — эта способность дотронуться рукой и охватить взором у тех, кто находится

во власти фантазии, нащупывание нового, иного мира — все это болезнь интеллекта, но не путь познания.

4[153]

Первый принцип: близкие и осуществимые идеалы — т.е. индивидуальные!

4[154]

«Вам достаточно лишь стать мучениками, и вы всегда будете уверены в своей правоте!» — твердил голос соблазна, возвещавший нашу победу над моральными требованиями. Намерение, сходное с решением удалить себе зуб!

4[155]

Без *физического* совершенства — возможно ли совершенство духовное или нравственное? — Сколько осторожности в болезненном состоянии, как необходимо отсеивание ненужного! Кстати, выздоровление очень сходно с упоением от здоровья, так что приобретенный *благодаря ему* опыт также становится несколько сомнительным.

4[156]

Когда потерпевший кораблекрушение видит землю, страстно хочет очутиться на ней, но не умеет плавать — что толку ему от этого *желания* попасть на землю? Когда мы не добиваемся многого, дело не в нашей воле, а в наших силах или в отсутствии навыков: в первую очередь дело в знании собственных сил, иначе мы очень многого вообще не стали бы *желать*.

4[157]

Дух, «человек в человеке», Филон (у которого всякое подлинное бытие чуждо реальности и присуще лишь тем, кто наделен даром пневматического откровения).

4[158]

Евреи воспринимали все земное как слабое, преходящее по сравнению с возвышенным, царствующим на небесах, — в «смиреннейшей покорности».

Чисто духовное бытие — это изобретение греков, а *не* евреев. Но царство земное и небесное — это еврейское.

Евреи *не* верят в *неосуществимые* идеалы, «небесные скрижали» (сродни платоновским идеям) полностью претворяются в жизнь, небесная мудрость адекватно отражается в законе. У Платона иначе.

4[159]

Эллинистическое: путь к откровению идет через умеренность в употреблении мяса и вина. Еврейское *не* нуждается в подобных условиях.

4[160]

Через ессеев проникают эллинистические идеи.

4[161]

Телесное восстание из мертвых — это *еврейская* догма. Мертвый сохраняет плоть и кровь. И то, и другое принимает участие в блаженной жизни. Мученик надеется вернуть себе при воскрешении свои вырванные внутренности (2 Макк.).

4[162]

«Плоть желает противного духу (*πν<εῦμα>*), и дух — противного плоти» (Павел). «В плоти моей живет грех», плоть оказывает свое воздействие на ум и сердце, на внутреннего человека.

Связь смерти и греха! Все люди умирали, значит, все они грешили.

4[163]

Согласно Филону, первый человек — существо высоко совершенное и очень мудрое: поддавшись плотскому вожделению, он совершает падение абсолютно добровольно.

4[164]

У евреев и у Павла: существует связанный с религией грех, неосознанный и невольный.

Нарушение закона порождает грех, требующий искупления (установления левитов о чистом и нечистом).

Согласно Филону, грех — *осознанное* подчинение *νοῦς*[1] дурным свойствам телесного; так у греков.

«Следует избавиться от плоти»: Павел. Сопротивление внутреннего человека, основанное лишь на *знании* закона и *радости* от него, совершенно беспомощно и неэффективно. (Значит, он *не* имел в виду, что знания и ценностной оценки достаточно для эффективной воли.)

Для Павла доказательством было видение по дороге в Дамаск: божественный свет на лике Иисуса.

Он принял чувственное, греховное человеческое тело, обрел грешную человеческую плоть. Это *ἁμαρτία*[2]: до появления закона она овладевает *πνεῦμα ἀν<θρώπου>*[3] *бессознательно*, а после появления закона — уже *с* ведома разума, порождая *παράβασις*[4]. В Христе же был *πνεῦμα Θεοῦ*[5], который держал *ἁμαρτία* в связанном состоянии. Когда бог умертвил, разрушил *σάρξ*[6] Христа, он осудил на смерть, уничтожил и *ἁμαρτία*. Победа над *σάρξ* осуществляется *не* через земную жизнь Христа, а *через его телесную смерть*. — Через *крещение* то, что свершилось с Христом, происходит и с тем, кого подвергли крещению. Мгновенное действие. Если его *σάρξ* умерла, значит, он свободен от греха. Радикальное истребление греха! Человек слился воедино с Христом, с «животворящим духом» — следовательно, он стал бессмертным и воскреснет так же, как воскрес Христос.

Человек, преисполненный *πνεῦμα*, праведен и *свят*. А Лютер? Плотское, телесное не исчезло, но оно — *мертво*.

То обстоятельство, *что* Павел прибегает к увещеванию, доказывает, что *σάρξ* суждено погибнуть. Угасание *σάρξ нельзя остановить*.

Терапевты, ессеи, позже эбиониты предоставляют отдельно взятому человеку умерщвлять свою чувственность.

Весь промежуток времени вплоть до второго пришествия христианин будет носить *σάρξ*.

---

1 разума (*древнегреч.*)

2 ошибка, прегрешение (*древнегреч.*)

3 духом человека (*древнегреч.*)

4 преступление (*древнегреч.*)

5 дух бога (*древнегреч.*)

6 плоть (*древнегреч.*)

У Павла нет: 1) воскрешения плоти, 2) воскрешения тех, кто не обрел спасения.

4[165]

Поскольку чувство греха и собственной порочности есть плод воображения, значит есть и противоядия, помогающие его искоренить. Постоянная жизнь в противоположной идее, идее единения с богом. Вообще всякое существование, отмеченное интенсивной миссионерской деятельностью, готовностью идти на смерть и мученичеством, есть средство от морального отчаяния: это *установление неслыханного высокомерия*, прыжок из пропасти к вершине. Или вовсе не быть «праведным и святым», или стать им мгновенно! Вместо постепенного улучшения — чудо совершенства.

4[166]

Всем творческим в религиозном отношении натурам было свойственно впадать в экстаз и иметь видения. Это свидетельствует против здоровья человека религиозного.

4[167]

Космическая позиция Христа, спаситель природы. Тоска по совершенству, часто не получающая выражения, стенания. Остатки плоти полностью спадают, мы становимся «сынами бога» — при воскрешении.

4[168]

Поскольку мораль есть сумма предрассудков, она может быть *упразднена* благодаря предрассудку.

4[169]

Ощущение собственной абсолютной доброты может быть создано с такой же легкостью, как и ощущение своей абсолютной порочности. Речь идет об истолковании, об умении приспособиться.

4[170]

Фанатизм есть средство против отвращения к самому себе. Что было на совести у Павла? *σάρξ* со своими соблаз-

нами привела его к нечистоте, идолослужению и колдовству (*φαρμακεία*), к вражде и убийству, пьянству и пирушкам (*κῶμοι*). Все это *средства* для обретения *чувства власти.*

4[171]

Если смерть Христа сделала достаточно для установления закона, то мы можем чувствовать себя *независимыми* от него. Богопротивный принцип разрушается с гибелью тела Христова: совершается не только искупление одного греха — из мира изгоняется «грех» как таковой.

4[172]

В четырех главных посланиях — работа мысли в борьбе с иудаизмом.

4[173]

В нынешнее время мы лечили бы склонность к религиозной восторженности с помощью слабительных средств.

4[174]

Что порождает в человеке это ощущение необузданного *увеличения власти?* Брахманы: представить себе могучих богов и придумать способы, чтобы получить над ними власть и использовать их как орудия.

(Или: увеличить великих людей до гигантских размеров и использовать их в качестве начальных этапов для самого себя.)

4[175]

Чувство власти? Аскетизм как способ его достижения (соединение с богом, общение с мертвыми и т.д.). Желание умереть для этого мира — это уже высокомерие.

4[176]

Ощущение власти вследствие принадлежности сильному вождю, семье, общине, государству — вот основа для создания моральных обязательств; мы подчиняемся, *чтобы* обрести чувство власти. — Тот, кто не питает любви к отечеству, в минуты грозящей отечеству опасности тотчас же

вновь обретает дух самопожертвования: он не желает испытывать чувство бессилия.

4[177]

Переход от чувства бессилия к чувству власти чрезвычайно *приятен*; вот отчего часто ищут самых глубоких оскорблений. Давид, *чтобы* затем —. Может быть, это еврейское?

Тайное высокомерие *раба*: религиозное.

К примеру, отличие от животных, земли от звезд.

4[178]

В отношении драмы немцы хотят, чтобы все поняли, *что* происходит, французы же, чтобы все поняли, *отчего* это происходит; они более рассудительны, немцы не идут дальше зрительного восприятия и удовольствия.

4[179]

Первым результатом успеха является чувство власти; эта последняя желает проявить себя: 1) по отношению к нам самим, 2) по отношению к людям, 3) по отношению к представлениям о вещах, 4) по отношению к воображаемым существам. *Уничтожить, осмеять, одарить.*

4[180]

Власть над природой, навязчивая идея 20 века — это брахманизм, индогерманское.

4[181]

Актерский гений. Мыслимо ли, чтобы кто-нибудь мог сказать подобную чушь? — Я сам когда-то это сделал. Dulce est desipere in loco. — Sed non hic locus[1].

4[182]

Не стоит полагать, будто утверждение, что мораль есть суеверие, легко опровергается утверждением, что

---

1 Отрадно предаться безумию там, где это уместно. — Но не в этом месте (*лат.*)

мораль невероятно полезна сейчас, а тем более прежде: крайне полезное, а возможно и неизбежное суеверие.

4[183]

В наше время чувство власти — одна из сторон науки: не отдельная личность сама по себе («философ»), а элемент целого. Ей служат властители и народы. — Брахманизм, вероятно, можно превзойти. Какими средствами можно усилить независимость отдельной личности? Ощущение высших существ?

4[184]

Во все времена люди стремились достичь чувства власти: способы, которые они для этого изобретали, едва ли не составляют всю историю культуры. Сейчас многие из этих способов более *невозможны* или же *нежелательны*.

4[185]

Он ощущает себя, она ощущает себя, оно ощущает себя — мужчина, женщина и дитя.

4[186]

«Не индийские боги суть податели даров: из священных обрядов, из песен и даже из их стихотворных размеров исходит все богатство и все земное счастье». В<акернагель>.

4[187]

Компенсацией за моральное ограничение индивидуума является усиление его чувства власти (как члена общины, позднее как части высшего, более духовного человеческого общества, ордена). Посредством морального поступка можно *творить чудеса*. Погибнуть, обладая чувством власти, — это некий особый прием, победить, умирая («отбросить материю» и т.д.).

4[188]

Безличная духовность бога — греческая, у евреев был бог их народа, бог союза, личность. Христиане неустойчивы, но все же в них больше еврейского.

4[189]

Киприан говорил: «всякое доброе дело, творимое вне церкви, будь то даже мученичество, никчемно».

Христианство дало старому миру «твердые, как скала, убеждения и уверенность, презирающую смерть».

4[190]

Платон в основе своей пантеист, но облаченный в одежды дуализма.

4[191]

Спиртные напитки и наркотики как способ достичь чувства власти. Опьянение искусством, празднествами, красотой, долгом.

4[192]

Сознание, что столько-то и столько человек — наши приближенные, наши супруги и т.д. — умрут вместе с нами, внушает нам чувство *власти*; это ее проявление, в свою очередь, заставляет будущие жертвы *гордиться* тем, что они подчинены столь могущественному господину.

4[193]

Умение льстить богу, властителям, женщинам упало в цене; в наше время предпочитают добровольных или недобровольных приспешников и презирают раболепство: так эстетичнее.

4[194]

В зависимости от того, преобладает ли чувство слабости (страх) или чувство власти, возникают системы пессимистические или оптимистические.

4[195]

Самое разумное — ограничить себя такими вещами, благодаря которым мы *можем* обрести чувство власти, *которую* призна́ют и другие. Однако их *неосведомленность* о самих себе слишком *велика*: страх или почитание способны увлечь их в такие сферы, где чувство власти приоб-

ретается *только посредством иллюзии.* Стоит лишь сорвать покрывало, и обнаружится *зависть.*

4[196]

Заставить других доказывать собственную власть, в которую ты сам не веришь, т.е. из страха подчиниться суждению других, — таков окольный путь людей тщеславных.

4[197]

Огромная жажда вл<асти> (Наполеон, Цезарь): при этом следует казаться более тщеславным, чем ты есть, *желать* этого, чтобы утолить чувство власти у ее орудий (наций). Власть для меня и моего народа, и не просто чувство *внутри* нас, но зримая власть вне нас. Поскольку такая власть удовлетворяет наше самое сильное и возвышенное чувство, здесь проявляется *великий ход* истории: главные роли в ней отведены завоевателям, а то, что происходит внутри народов, их нужды и чаяния — дело второстепенное, т.е. они *всегда так воспринимаются:* народы *предпочитают* вино хлебу.

4[198]

В современном мире власть науки создает такое чувство власти, каким люди еще никогда не обладали. И все благодаря ей самой. — Где же здесь опасность? В чем главный риск — конечно, *при условии,* что наука останется наукой?

4[199]

Если лопается мыльный пузырь мнимой власти, это становится главным событием нашей жизни. Человек отстраняется от дел, злясь, отчаиваясь или глупея. Смерть самых любимых, падение династии, измена друга, несостоятельность философии или партии. — В этих случаях мы жаждем *утешения,* т.е. нового мыльного пузыря.

4[200]

Держать наготове для каждого заостренное, обоюдоострое, задорное словцо: таковы те, кто любит, чтобы быки двигались порезвее, и по возможности способствует этому. Но есть отчаянные головы, которые желают каж-

дого довести до безумия, чтобы порадоваться проявлению своей силы.

4[201]

Так называемые комменсалы не пожирают животных, спутниками которых они являются, но часто используют их как средство добычи подходящего им корма. Здесь мы сталкиваемся с бережным обхождением с целью добычи пищи.

Иметь рядом с собой что-нибудь одушевленное, не внушающее страха, — вот что могли бы посоветовать детеныши своим родителям. Нетрудно догадаться, что они хотят получать корм. Чувство собственности и власти заставляет родителей выражать крайнее недовольство, когда у них хотят отобрать детенышей. Возникновение сообществ у животных явление такое же старое, как и забота о детенышах.

На многих животных поселяются *паразиты*, от которых невозможно избавиться, и точно так же происходит с людьми; от слуг паразиты отличаются тем, что живут за счет своего хозяина, по его воле или против нее, и без него погибли бы: таковы многие женщины. Некогда обособленное существование и масса органов, которые впоследствии становятся излишними для жизни паразитов: они вырождаются, превращаясь в *рудиментарные* органы. Существует ли нечто подобное у людей?

4[202]

Эти войны, эти религии, радикальные морали, фанатичные искусства, ненависть к партиям — все это великая комедия бессилия, внушающего себе самому ложное чувство власти, желающего стать когда-нибудь силой и при этом постоянно впадающего в пессимизм и разражающегося стенаниями! У вас нет *власти над собой*!

4[203]

Я рекомендую вам создать общества умеренности, не потому что вы обладаете некой силой, которую следовало бы умерить, а для того чтобы вы не пили чересчур много *спиртных напитков*, приносящих вам чувство власти на несколько часов и отвращение к себе — надолго.

4[204]

Аскеты достигают невероятного чувства власти; также и стоики, поскольку им необходимо постоянно показывать свое торжество и непоколебимость. Но *не* эпикурейцы: эти обретают счастье не в ощущении власти над собой, а в бесстрашии перед лицом богов и природы; их счастье *негативно* (таким, согласно Э<пикуру>, и должно быть удовольствие). По сравнению с разнообразными чувствами власти поддаваться приятным ощущениям значит проявлять себя почти нейтрально, проявлять слабость. У эпикурейцев не было власти над природой и проистекающего из нее чувства власти. В то время познание еще не было созидающим, но проповедовало подчинение установленному порядку и спокойное наслаждение.

4[205]

Чувство власти должно проистекать даже из истории морали: поневоле она искажается, человека считают прекрасным, высшим существом с качествами, которые отсутствуют у животных. Почти все сочинения вызывают *подозрение* в том, что они желают польстить *человеку*.

4[206]

Если мы с помощью науки желаем вернуть людям их гордость, которую они приобрели благодаря войнам, тогда наука должна *стать более опасной*, должна требовать *большего самопожертвования*: отказаться от самой себя.

4[207]

Богов создали *не* просто из страха, но тогда, когда чувство власти стало фантастическим и нашло себе выход в личностях.

4[208]

Для мужа познания роскошь унизительна. Она для него не просто вещь излишняя, но *выражение* другой жизни, не *скромной и героической*, — и потому подавляет фантазию и противоречит ей. Мы чувствуем себя «не в своей тарелке». Склонность к роскоши коренится в глубине человече-

ской натуры: для его глаза и уха излишнее и неумеренное подобно воде, в которой он чувствует себя прекрасно.

4[209]

Фокусник как будто бы представляет *новую причинную связь*, с которой мы еще незнакомы, — это *возвышает*! Точно такое же воздействие оказывает поэт своими образами и притчами.

4[210]

О *любви* столь страстно и выразительно всегда говорили те люди, у которых ее было мало. *Всеобщая* любовь к человеку была бы просто невыносима: если бы не один человек, а сотни пылали к нам страстью и добивались нашего расположения, как это делают влюбленные, то каждый бы возжаждал вернуться в те времена, когда *не было любви*. Чувство власти, как основание для желания помочь, опасно уже потому, что предполагает наличие человека, допускающего такую помощь.

4[211]

На каком этапе истории мы бы ни остановились, это всегда оказывался момент глубокого брожения, когда новые понятия одерживали победу над старыми, — так что это началось не сегодня.

4[212]

Переходный период — так каждый называет наше время и делает это справедливо. Между прочим, не в том смысле, что нашей эпохе это название подходит больше, нежели какой-либо другой. В истории куда ни ступишь, повсюду найдешь брожение, борьбу старых понятий с новыми; люди с тонким чутьем — те, кого прежде называли пророками, но кто на самом деле просто видел и чувствовал все, что с ними происходило, — знали это и по большей части испытывали сильный страх. Если так пойдет и дальше, то все развалится на куски, и тогда мир должен погибнуть. Но мир не погиб, старые деревья в лесу рушились, но всегда вырастал новый лес, и во все времена сосуществовали мир разлагающийся и мир нарождающийся.

4[213]

Если бы художники знали, сколько фантазии требует всякое крупное открытие, сколько идей должно появиться и расцвести, чтобы быть безжалостно отброшенными! Мы подобны плодовому саду: неужели вы думаете, что это легкое дело — отказываться от самых привлекательных находок и гипотез? По отношению к самим себе мы подчас едва ли не жестоки, но все это ради плодов, которые предназначены вам и всем! — Гёте знал, каким должен быть человек науки: это идеал, в котором соединяются все человеческие способности, как реки в море. Почему же вы судите о нем по рядовым работникам умственного труда? Ведь мы же не судим о вас по вашим статистам и тем, кто растирает для вас краски.

4[214]

Немцы видели пьяное остромыслие гегельянцев, возомнивших, что они смогут объяснить Гёте, разложив его на мелкие части, и отталкивающую ограниченность поклонников Вагнера, превращавших в догму любую слабость своего учителя и требовавших от каждого такой же слабости.

4[215]

Способ утешиться: то, что ты пережил *больше*, чем все другие, дает чувство преимущества, власти.

4[216]

Как можно: 1) сделать чувство власти более материальным, не иллюзионистским? 2) устранить его эффекты, которые вредят, подавляют, заставляют презирать и т.д.?

4[217]

Тот, кто «говорит на языках», не имеет четкого представления о том, что он говорит.

4[218]

Сердце, как его понимают евреи, — неразумно, темно, слепо, жестоко, чересчур податливо на лесть или же как раз наоборот; его функции — аффекты; Ветхий Завет на-

деляет сердце способностью *νοῦς*[1]: один лишь бог может заглянуть в сердце. Сердце из плоти: в аффектах участвуют внутренности. Это примерно соответствует шопенгауэровской «воле».

4[219]

Павел верит в небесную плоть, которую получит тело при воскресении.

Павел чувствует, что внешне он показался коринфянам человеком очень робким.

«Мы обречены на внезапную смерть, вот в чем корень загадки, здесь должны мы постигнуть волю бога». Поначалу смерть Христа *опровергала* мессианство — но чудо при Дамаске было доказательством прихода мессии.

Освобожденные от *σάρξ*, преисполненные *πνεῦμα*, мы уже не подчиняемся закону. Закон демонстрирует *σάρξ* подлинную силу ее *ἁμαρτία*, отчего последняя становится для человека невыносимой. «Быть во плоти» значит «быть в законе». Умереть для зла означает также и умереть для закона. — Какую глубокую ненависть к закону выказывает здесь Павел!

В *нескольких* актах Павел объявил закон низвергнутым, для него это был важнейший пункт. С этих пор христианину *больше не нужно* было соразмерять свои дела с законом, закон был мертв, так же как и *σάρξ*. Один из этих актов: Христос исполнил это.

Первое обоснование — в чувстве божественного *прощения и милости*, другое — в чувстве глубочайшего духовного соединения во Христе через крещение. «Верою и милостью» — закон сам, по словам Павла, провоцировал преступления.

Смерть Христа по воле бога была бы невозможна, если бы вообще было *возможно* исполнение закона: «Ибо если бы справедливость проистекала от закона, это значило бы, что он умер напрасно». Позволить духу руководить собой, предаться ему совершенно, не посоветовавшись с собственной волей, —

---

1 разума (*древнегреч.*)

Закон — вот причина моей смерти. Но вместе с тем я умер и для закона. *Если* христианин и совершает грех, то уже не против закона, так как он вне его: «Не *я* живу, но Христос живет во мне. То, что осталось мне прожить во плоти, то проживу я в вере в него. Если же снова приму я закон (и подчинюсь ему), то этим сделаю я Христа пособником греха».

ἁμαρτία еще существует, но она преодолима, тогда как под законом она непреодолима: закон, умножающий грехи, уничтожен (а точнее, уничтожена *естественная* необходимость греха).

Грех представляется то как слабость и несовершенство перед лицом священного бога, то как самостоятельный дьявольский принцип.

На стр. 204–5 — вся суть проблемы.

4[220]

Как только что-нибудь начинает считаться истинным, приходит конец всякому более тонкому пониманию: например, весь христианский мир в назидание читал каждое слово, каждое предложение своего Павла, но *абсолютно не* понял суть его диалектики, противоречивость его мыслей, то, что его по-настоящему тяготило, его crux[1], т.е. Павла страдающего и борющегося: он был мертв, т.е. говорил, повинуясь внушению, был устами бога.

4[221]

Тот, кто слушает музыку только одного рода, в конце концов уже не способен понять, как ужасно она звучит; более того, он уже не может отличить произведения тонкие и удачные от слабых и напыщенных и в конкретных случаях получает меньшее удовольствие, чем принято думать, но в целом, разумеется, испытывает чувство власти: ведь *его* музыка самая лучшая и всегда удачная — хотя и то, и другое не соответствует истине. Кто любит только себя, тот способен получать наслаждение от самого дурно-

---

1 крест (*лат.*)

го вкуса и превращать это в закон, в тиранию: le mauvais goût mène au crime[1].

4[222]

Когда до нашего сознания наконец дойдет донкихотство нашего чувства власти и мы очнемся, вот тогда мы, подобно Дон Кихоту, поползем к кресту, — ужасный конец! Человечеству постоянно грозит опасность такого позорного *отречения от самого себя, которым завершается* его устремление.

4[223]

Я хочу положить конец фанатическому высокомерию искусства, оно не должно выставлять себя панацеей, оно лишь минутное утешение, мало что значащее в жизни; очень опасно, если оно хочет быть чем-то бо́льшим.

4[224]

Древние греки считали молоко и мед пищей богов — в те времена было мало любителей вина. Любимым напитком богов у германцев был мед, дававший бессмертие: вот откуда у нас пьяницы. Сома у иранцев была *одурманивающим* напитком, использовавшимся только во время жертвоприношений. Итак: в своих представлениях люди связывают одурманивающие напитки с ощущениями бессмертия и отсутствия страданий. Вкушая сому, смертные в конце жизни расстаются со всеми страданиями своего смертного бытия, уступающими место божественному блаженству. — Экстаз от меда и молока: стоит вспомнить Нинон де Ланкло, которую опьянял даже суп.

4[225]

Дионисийское начало — для нас вино есть нечто чересчур трезвое. И потому мы ищем истоки дионисийства в чем-то *помимо* вина, а его воздействие воспринимаем в лучшем случае как символ. Напротив! Воздействие вина было тем новым, что людям представлялось некоей новой

---

1 дурной вкус ведет к преступлению (*фр.*)

жизнью и новым божеством, — *после него* другие явления воспринимались символически.

4[226]

Эпилептические конвульсии, в которые впадали истеричные женщины Греции, сравнивали с опьянением от вина.

4[227]

Если бы все слезы, каждую минуту проливаемые на земле, слились вместе, то по «лугам злополучия» постоянно струился бы мощный поток.

4[228]

Все тщетно, все преходяще, ничто не стоит длительных усилий, так что лови мгновенье, а беда придет. — Соломон.

4[229]

Упорным трудом, бурным весельем вытеснить из своих мыслей несчастье. Эпикурейцы.

4[230]

Не желать видеть дурную вещь, не признавать ее существование, отрицать и перетолковывать ее, вложить в отрицание свой интеллектуальный авторитет — вот средство утешения.

4[231]

Павел был фанатиком и блюстителем чести закона и хотел его уважать — но у него не получилось! *σάρξ*! Да и сам закон просто заставлял совершить преступление! — Он привнес жестокую ненависть к нему: видеть, как смерть Хр<иста> *уничтожает* закон, было его триумфом, *непобедимый* враг этого властолюбивого человека был побежден.

4[232]

Вино действовало на греков иначе, чем на наши проспиртованные мозги. «Неразбавленное вино делает безумным», говорили они.

4[233]

Ложные выводы: «я невысоко ценю людей, следовательно они ценят меня высоко», «я не боюсь людей, следовательно они боятся меня» — но *противоположные* выводы ложны точно так же. В данном случае ошибочно само умозаключение, оно похоже на ход мыслей ребенка: я закрываю глаза, следовательно другие меня не видят.

4[234]

Гении, которые удаляют своим последователям, подобно курам, часть мозга, так что те, в полутрансе, пошатываясь, выполняют рефлекторные движения для поклонения.

4[235]

Христиане разучились *читать*, а ведь сколько усилий потратила античность в лице своих филологов, чтобы научиться этому! Но Библия!

4[236]

В прежние времена думали: где вино, там и бог. И до сих пор все еще считают, что бог там, где превозносят. Ах, превозношение подобно вину: алкоголь и наркоз.

4[237]

Несчастье человечества и причина его медленного развития заключается в том, что вещи *возвышенные* и *возбуждающие* всегда ценились выше вещей, *дающих пропитание.*

4[238]

Когда человечество теряет для нас свою ценность (например во время болезни), падает и наше уважение к его институтам; «больной — это мошенник», так же как и святой!

4[239]

Не говорите, что вас преследует скука: вас ничто не привлекает, так как ваша воля к власти не знает, как насытить себя, — все прочее ничто по сравнению с этим.

4[240]

При совершении преступления: ужасное унижение чувства власти из-за потери незапятнанного имени. Мысль о врагах уже более не причиняет мучений. Никаких угрызений совести!

4[241]

Сущность искусства: выполнять вредоносную роль, *не* принося вреда. Наиприятнейший парадокс.

4[242]

Марш Ракоци — прекраснейший в мире.

4[243]

В наше время с терпимостью относятся к истине даже о ближайшем прошлом, потому что новые поколения не строят свои воззрения на взглядах поколений предыдущих, сохраняя *таким образом* свое достоинство; напротив — они противостоят воззрениям прошлого и таким образом обретают свое чувство власти и независимости.

4[244]

Великие государственные мужи обладают фантазией, присущей их народу, оттого они и велики, т.е. эффективны: народ понимает, что они порождают чувство власти, которого он так жаждет. Один народ желает власти с роскошью, великолепием и воен<ными> успехами, другой — с хитростью и дипломатическими ухищрениями.

4[245]

Великие властители и завоеватели говорят патетическим языком добродетели в знак того, что добродетель получила признание среди людей благодаря чувству власти, которое она дает. Бесчестность *любой* политики заключается в том, что высокие слова, к которым вынужден прибегать каждый, чтобы обозначить свое обладание вл<астью>, не *могут* соответствовать истинным обстоятельствам и мотивам.

4[246]

Увы, невозможно оказывать *воздействие*, пользуясь языком истины: здесь необходима риторика, т.е. старая привычка *откликаться* только на определенные слова и мотивы по-прежнему в силе и заставляет скрывать истину.

4[247]

Я не говорю уже об интересах и тщеславии отдельного человека и целых народов, но потребность чувствовать власть в себе, черпать *из нее* расточительные, самоотверженные, полные надежд и доверия, мечтательные переживания — вот что, подобно могучему водному потоку, приводит в движение большую политику. Здесь люди поступаются своими интересами, своим тщеславием (поскольку им, возможно, приходится выполнять и обязанности рабов или подвергать опасности свою жизнь, свое имущество и честь для того, чтобы нация смогла обрести чувство власти). (добродетель)

4[248]

Не стоит предлагать народам праздность и удовольствие, не украсив их лавровым венцом: как будто спокойным и довольным можно быть лишь обладая *чувством власти*, и никак иначе, — как будто мы обязаны проявлять себя именно так, поскольку этим мы демонстрируем свою власть.

4[249]

Фальшивость чувства власти, оплачиваемого фальшивой монетой, есть самый великий недуг человечества. Народы можно обмануть таким образом, поскольку они *ищут* обманщика, т.е. вина для возбуждения своих чувств, а не добротной пищи. Правительства являются средством дать народу вышеупомянутое чувство; избранники народа могут дать куда меньшее чувство власти, чем блестящие завоеватели, отважные заговорщики, древние легитимные династии: в них должно быть нечто опьяняющее.

4[250]

Когда все восторги и ужасы христианства поблекнут, лишь войны до поры до времени будут более всего будо-

ражить фантазию. Социальная революция сулит в этом смысле еще больше, потому она и придет. Но ее успех будет куда меньшим, чем принято думать: человечество *может* намного меньше, чем *хочет*, что и обнаружилось во время французской революции. Когда упоение и сильное впечатление от бури уляжется, обнаружится, что для того, чтобы быть способным на большее, нужно иметь больше сил и опыта.

4[251]

Христианство победило, подобно тому как одерживает верх крепкое вино; Античный мир упивался, потому что уже не чувствовал себя сильным и довольным и привык к большим волнениям. В условиях римской imperium[1] представление о конце мира казалось чрезвычайно невероятным и пьянящим.

4[252]

В принципе Павел был последователен, утверждая, что через смерть Хр<иста> и соединение с ним в крещении *σάρξ* умерла, а наше тело стало таким образом иным, небесным телом. Однако говорить это было нельзя: хотя сам он, возможно, в какие-то минуты в это верил — но *никто не верил ему в этом*! Если соединение было неполным – *что же* способно было сделать его таковым? Веры и крещения для этого недостаточно. Отчего же это возможно лишь при воскресении? В подражание Хр<исту>! Три дня *тления*?

4[253]

Желание разделить с богом его величие и блеск (славу), стать его сынами — конечно, цель в этом! Тут уже нет места скромности! Главное, чтобы их не было чересчур *много*, иначе чести в этом будет мало! Вот *о чем* заботятся!

4[254]

Натуры, подобные Павлу, объясняют себе все пережитое в соответствии с логикой своей страсти. Видению при Дамаск<е> предшествовала мысль: «допустим, христиане правы» — и он уже предугадывал преимущества для

1 владычества (*лат.*)

своих личных страданий; прежде всего это было для него новой пробой, поскольку слишком велико было его отвращение к своей нынешней жизни. И вот он увидел «Христа» — откуда это было ему известно!? отчего он поверил, когда призрак сказал ему об этом? «*Что* ты гонишь меня?» — это *неразумно*, сказал себе умный еврей.

4[255]

Павел как миссионер, проповедующий *язычникам*: для этого нужно было «освободиться от закона» — величественная задача — — ах, *Святой* Павел! Его видно насквозь!

4[256]

Повиноваться, делать больше, чем того требует долг, не принимать похвалы, гордиться своей безупречностью: это *по-немецки*. В настоящее время у нас развилось бешеное тщеславие, и, к сожалению, некоторые из наших выдающихся мыслителей и художников подают в этом пример: каждый желает больше значить, чем быть, и делает себе «рекламу».

4[257]

Отчего культура *расслабляет*? Карфаген потерпел поражение от менее культурного Рима, высокая арабская культура пала и т.д. Оттого что в культуре слишком высоко ценится и чересчур легко достигается удовлетворение фантазий власти — вследствие чего истинная власть ослабевает (власть над самим собой и т.д.).

4[258]

Как же удалось христианству подняться над понятием «воплощенного иудаизма», этой главной иудейской особенности, тогда как народ считал, что его идеал все еще не нашел своего воплощения? — На самом деле это и есть история самого Павла, который *неприязненно* относился к иудеям и иудео-христианам — он больше не хотел иметь ничего общего с законом. Представление о том, что можно стать христианином, не став до этого иудеем, — было *его* изобретением. — Кстати, в этом он заблуждался: христиане все же стали иудеями.

4[259]

Стоит ли нам жить в мире так, словно здесь мы не должны делать ничего иного, как *выполнять* заповеди *высшего мира духов?* Это могло бы произойти в силу интереса, или из тщеславия, или же из чувства власти (в силу убеждения, что мы *принадлежим* к этому миру духов и удовлетворяем свои собственные *потребности*). А если *вера оставит* нас? Тогда в своих поступках мы будем уже не косвенно, а *прямо* руководствоваться своими интересами, своим тщеславием, своим чувством власти. Поскольку все более древние морали, какими бы священными они ни казались, проистекают из *низкого опыта,* они уже *не имеют права* на господство.

4[260]

Наша жизнь должна представлять собой подъем от вершины к вершине, но не взлеты и падения, – последнее есть идеал людей фантазирующих: высшие мгновения и периоды унижения. Эта дурная привычка ведет к деградации большую часть нашей собственной жизни, вместе с тем мы приучаемся презирать других людей, так как не видим их в состоянии экстаза; это вредно, ведь нам приходится расплачиваться за мор<аль>ные и эстетические излишества. Чем глубже укореняются болезненные ощущения и внутреннее недовольство, тем большей должна становиться доза возбуждения, и в конечном счете мы будем проявлять полное равнодушие к ценности, довольствуясь сильнейшим эмоциональным *волнением.* Распад. – Этот процесс можно наблюдать в истории любого вида искусства: в классическую эпоху различие между приливом и отливом едва заметно, и нормой является приятное ощущение силы, *отсутствует* то, что порождает глубочайшие потрясения: их возникновение приходится на периоды распада.

4[261]

В Наполеона верили, поскольку люди нуждались в ком-то, кто мог дать им поддержку и спокойствие; Павел поверил в Христа, так как ему был необходим некий объект, который давал ему сосредоточение и тем самым удов-

летворение. Лютер боролся с духовенством, оттого что его серьезное намерение стать идеальным представителем клира не только не удалось, но и было для него невозможно и казалось невозможным ни для кого. Полученный им урок заставил его поставить под сомнение всю vita contemplativa: он верил в *Библию*, так как отныне не желал верить в папу; он дал ее в руки каждому и провозгласил, что *все* могут быть священниками, — ведь он *ненавидел* именно священнослужителей.

4[262]

В глубочайшей скорби, вопя и стеная, лежать в своей каморке — как вдруг туда, будто яркий дневной свет, врываются люди, крича и закрывая себе лицо, — ах, эти люди! ах, эти люди!

4[263]

Блуждать, будто преобразившись, ощущая иную тяжесть в ногах, обремененный ношей настолько, что в любую минуту готов упасть, голоса других доносятся будто из густого тумана, их доводы звучат как глухой рокот водного потока, *светло*, и при этом ощущение темноты.

4[264]

Верно и добросовестно служить власти, которая в конце концов оказалась злой и губительной, и уже не быть способным ни повернуть назад, ни свернуть влево или вправо — как горько! Осознавать, что ты пойман в ловушку собственной наивной добродетели! Быть добросовестным и получить как обязательную награду за это презрение тех, кто презирает власть, т.е. самых лучших! Выстоять в таких условиях — поступок, может быть, более героический, чем бегство, борьба и отказ от надежности и благ.

4[265]

Существуют представления, действующие так же, как вино: они возбуждают, веселят, вселяют бодрость, но при неумеренном употреблении вызывают опьянение, а при частом — потребность, без удовлетворения которой жизнь станет пустой и несносной.

4[266]

Моральные предрассудки все еще необходимы; достойно сожаления, что мы пока не можем обойтись без них, ведь тот прилив сил, который они дают, наилучшим образом поддерживает слабость и бессилие, против чего они и должны были бы служить лекарством.

4[267]

Беречь честь своей возлюбленной, притворяясь, что она тебе почти чужая, когда о ней говорят в твоем присутствии, и вдруг услышать оскорбление в ее адрес, за которое ты не можешь отомстить, чтобы не испортить ее репутацию, — отвратительно!

4[268]

Тот, кто познал когти прелестных кошек, стаями собирающихся вокруг великих художников, уже не будет думать, что гений может исправить характер людей, его окружающих.

4[269]

Почему простые люди, особенно на Востоке, счастливы и спокойны? Им чуждо ложное удовлетворение фантазий, духовное опьянение и отрезвление, в духовном отношении они живут равномерно. Опасен не *дух*, а *духовность*.

4[270]

Что оказывает своего рода *опьяняющее* воздействие на современных немцев, видно на примере ваг<неровских> тем; в отношении немцев предыдущей эпохи — на примере тем Шиллера. Вспомните Корнеля.

4[271]

Позвольте же и мне сказать слово! Для меня все истины суть кровавые истины — обратитесь к моим предыдущим трудам.

4[272]

Самоубийство, примененное к целой эпохе нашей жизни, наших переживаний, — все должно умереть — и все

должно быть забыто — все было *иначе*, чем в действительности! Павел.

4[273]

Язык стал *невнятным*, так как в *разграничении понятий* свирепствовала огромная *неясность*, а *потребность* в точном определении до сих пор не насаждается. Итак, задача ясна.

4[274]

Увы, простые радости обесцениваются! Начало этому положили греки; способность довольствоваться только *ἀναγκαῖα*[1] считалась рабской. Жизнь должна быть *радостной*! Простой народ прав! — В духовной жизни царит роскошь, в этом причина нашей болезни. Истина же такова: вы живете, как рабы, в чрезмерных трудах, испытывая давление со стороны общества, духовность нужна вам как *дурман* — и она идет вам во вред.

4[275]

Люди любой эпохи, испытывающие потребность в искусстве, но в первую очередь те, кто обладает глубоким и тяжелым складом ума, отдают предпочтение художнику глубокому и серьезному, они одобряют его, приписывая ему свои собственные добродетели, — а он охотно принимает это. Однако для художника тем самым еще ничего не *доказано.*

4[276]

Душа переполнена пережитыми мерзостями и дурными опасени<ями>; от искусства следует, разумеется, требовать другого: очищения, потрясения, забвения.

4[277]

Размышление и изобретательность в отношении *элементарных соблазнов* (в музыке, красках и т.д.) необходимы для философа нашего времени — так же, как и следование природе для художника. Мы заходим настолько далеко, насколько можем, мы радикальны.

---

1 необходимым (*древнегреч.*)

4[278]

Они презирают форму — как будто эта музыка могла бы вызывать хоть малейший интерес, если бы не запечатлела себя на заднем плане, как прямо *противоположное* требование формы, если бы не отличалась от него!

4[279]

Все те мнения, симпатии, антипатии, привычки и эксцессы, которые нужны художнику для того, чтобы создать атмосферу, в которой он ощущает свой творческий рост, — все это нас абсолютно не интересует: столь же мало мы думаем о земле, когда едим хлеб. Правда, если он потребует от нас разделить с ним все это для того, чтобы получить полное впечатление от его искусства, ему следует ответить, что наслаждение от величайшего произведения искусства не компенсирует ни одного безумного суждения, ни одного изменения в наших взглядах. Художественное произведение не является нашей насущной потребностью, а вот чистый воздух и равновесие в голове и в характере является естественной жизненной необходимостью. Мы должны освободиться от искусства, требующего чересчур высокую цену за свои плоды. Если же художнику трудно выдержать в атмосфере чистоты и ясности, если ему, чтобы оплодотворить свою фантазию, нужно забраться в пещеры и преддверия ада, прекрасно — но мы не последуем за ним. Как и в том случае, если ему необходимы ненависть и зависть, чтобы остаться верным своему художественному характеру. Как я уже говорил, художник — это не проводник по жизни.

4[280]

Представить себе, что чувствует другой, когда мы делаем то или иное, — т.е. подсчитать свою выгоду или ущерб, учитывая при этом выгоду или ущерб другого, которые мы причиняем ему своим поступком, — такое правило в мире животных давно уже *закреплено* в способах обороны и нападения. Представлять себе, как мы действуем на другого, и делать что-то ради другого — грандиозная школа! познания! Этому менее всего способствовало инстинктивное сострадание, к этому привел *страх* и *его*

фантазии – а их результат был подкреплен голодом (как исходом нападения на другое существо). Без *высшего напряжения* интеллекта, обусловленного *необходимостью*, невозможно было бы научиться угадывать намерения другого по его повадкам: собирается ли он убежать или напасть и т. п. Сострадание приходит позднее, когда все уже усвоено, оно *не напрягает интеллект*; для понимания человека оно довольно непродуктивно.

4[281]

Любовь фантазирует о другом человеке: ею движет тайное побуждение обнаружить в другом как можно больше прекрасных черт или же *представить* его как можно более прекрасным. Таким образом, в данном случае иллюзия является скорее преимуществом. *Страх* желает разгадать, кто этот другой, на что он способен и чего хочет; иллюзия была бы здесь величайшим недостатком. Итак, познанию *подлинного* человека куда *больше* способствует *страх*, чем любовь (сострадание).

4[282]

Мне знакомы этот восторг, переполняющий грудь, эта высокомерная улыбка, адресованная земным вещам, этот горячий поток, гордая поступь, эти глаза, пылающие презрением и надеждой –

4[283]

Если задуматься о том, сколько страданий нам приходится брать на себя, сколько боли причинять самим себе, как неверно было бы выбрать немедленное утоление боли, то окажется, что мы вынуждены причинять страдания и другим людям и не можем их тотчас же загладить, т.е. что не сострадание должно *руководить* нами, но наше представление о пользе, и *о* сост<радании>.

4[284]

Мужчины создают семью, чтобы получить чувство вл<асти>, женщины тоже (быть независимой). Но заблуждаются и те, и другие. Любовь не является причиной брака, скорее антипричиной: глубокое чувство скрывает себя.

4[285]

Свои труды я всегда писал всем своим телом, своей жизнью: мне неизвестно, что такое «чисто духовные» проблемы.

4[286]

Платон стал нетерпеливым, он желал подойти к концу. А почему? Его чувство власти жаждало удовлетворения, это было сильным политическим мотивом. Кратковременность нашей жизни требует, чтобы в какой-то точке наступил ее высший момент и была достигнута цель: в противном случае мы бы вечно пребывали в состоянии неопределенности, а это невозможно выдержать по причине нетерпения. Индивидуальная *необходимость* видимости истины.

4[287]

Платон не придерживался пути, проложенного Сократом, первые впечатления от Гераклита преобладали, Пифагор был тайным идеалом, на который он смотрел с завистью.

4[288]

Когда древние говорят о необходимости — *ἀνάγκη*, — они имеют в виду царство, где все происходит как угодно (случайно), где за каждой причиной не обязательно должно идти следствие. Исключение составляет лишь сфера телеологии, где божество оставляет свои явственные следы: дух *привносит* порядок и регулярность. — Прямо противоположно мнение новейших авторов, которые видят в духе принцип свободы, а в природе — принуждение.

4[289]

Существовало убеждение, что путем *обобщения* свойств какой-то вещи можно прийти к ее причине — а самые всеобъемлющие обобщения должны быть причиной всех вещей. Так, должно было существовать совершенство само по себе как сущность, исходя из которой можно было бы толковать все добродетели и добродетельных людей.

4[290]

Я знаю очень мало о достижениях науки. И тем не менее даже это малое кажется мне *неисчерпаемым изобилием*, способным осветить тьму и уничтожить прежние способы мышления и действия.

4[291]

В молодости, со свойственными ей самоотверженностью и своенравием, мы привязываемся именно к тем наставникам и мужам, которые чужды нашим собственным свойствам и достигают высот в тех областях, где мы ощущаем свои недостатки. Таким образом, благодаря своему выбору, мы торжествуем над случайностью, в силу которой мы родились как раз с этими недостатками и низкими качествами. Позже мы упорно придерживаемся своих *сильных* качеств, так как только здесь мы можем хорошо работать, созидать и достигать мастерства.

4[292]

Чем больше мы понимаем, *как* возникли наши ценностные представления, тем меньше становится их ценность, обнаруживая потребность в новых оценках. Исследование первых и последних вопросов теряет свое безмерное значение, если мы замечаем, какие заблуждения заставили нас *связать с ними* свое нынешнее состояние и вечное спасение.

4[293]

Тот факт, что учение Шопенгауэра о «воле» с такой легкостью вкрадывается к нам в доверие, объясняется тем, что мы уже затвердили самое *существенное* в нем — через еврейское понятие «сердце», ставшее для нас привычным благодаря лютеровской Библии. Ощущение, что какая-то вещь для нас нетрудна и связана с уже имеющимися ощущениями, мы принимаем за *свидетельство* истины.

4[294]

Если кто-то совершил один из тех великих *прорывов в высшее царство* духов и может *изобразить* это, человечество тут же пытается впитать его в себя: многие пытаются лететь в том же направлении, и это стремление гаснет

лишь со временем. Это мода большого стиля, в особенности для наиболее тщеславных. Когда-то это был способ *путешествовать* в поисках *приключений*.

4[295]

Науки дают нам пример более высокой нравственности по сравнению с нравственностью тех, кто решает загадки мира или выстраивает системы: самоограничение, справедливость, умеренность, миролюбие, терпение, мужество, скромность, молчаливость и т.д.

4[296]

Искусство *тоже* имеет свои фантазии – и они более невинны и безобидны, чем прочие, так как красота вносит в них критерий *меры*, а также и потому, что музы говорят: «мы лжем».

4[297]

Что заставляет нас столь быстро делать обобщения, когда мы по одной черте представляем себе человека и решительно никто не желает оставить рисуемый им портрет другого незаконченным? *Страх* и привычка страха: «он обнаруживает эту черту – а что, если он всегда таков? Допустим это *на всякий случай*, особенно если это опасная черта!»

4[298]

Животных, которые из-за своей ужасной *пестроты* притягивают к себе все взоры, тем не менее никто не трогает: у всех у них есть грозное оружие, яд и тому подобное, – притча.

4[299]

Когда мы совершаем какой-то поступок под влиянием *чувства власти*, мы называем такой поступок моральным и ощущаем свободу воли. Поступки, совершенные под влиянием чувства бессилия, считаются невменяемыми. Выходит, что настроение, сопутствующее поступку, решает, следует ли его отнести к моральной сфере, «добр он или зол». Отсюда эти непрестанные поиски средств, способных вызвать такое состояние: оно *свойственно человеку*!

«Творить зло во власти важнее, чем творить добро в бессилии», т.е. чувство власти ценится выше, чем какая бы то ни было польза и репутация.

4[300]

Однажды увлекшись чем-то в юности, они долго еще признательны за это, между тем как все более *отдаляются* от объектов своего увлечения, – но пиетет *удерживает* их от *критики*. Обожествление *усиливается* пропорционально тому, как все более отдаляется момент увлечения и мы чувствуем себя все дальше от его объектов. «То, что нас некогда столь *возвысило*, *должно* было быть *истиной*». «Теперь мы далеки от этого и уже не можем проверить – но в то время мы хорошо это знали». Заблуждение, будто все возвышающее нас истинно и все истинное непременно возвышает, есть следствие пренебрежения земным, материальным как чем-то нереальным и <почитания> всего духовного и потустороннего мира как мира *истинного*, от которого исходят все возвышающие нас побуждения.

Если бы история с Христом произошла в этом веке, *безумцем* сочли бы всякого, кто поверил бы в то, во что сейчас многие все еще верят.

4[301]

Все греки (ср. Горгий у Платона) верили, что обладание властью тирана есть счастье, достойное зависти: его злодейская сущность задана изначально. *Все* старались воспрепятствовать появлению этого величайшего счастливца, а в том случае, если он уже существовал, помешать ему или уничтожить. Высшее счастье, в которое верил каждый, полностью ассоциировалось с *чувством власти* – однако такое положение вещей считалось абсолютно безнравственным (враждебным нравственности, т.е. индивидуалистским, эгоистическим). Счастливца ненавидели и боялись: ведь в своем высокомерии он не щадит никого. Всемогущество выглядело бы в их глазах совершенной бестактностью и дьявольщиной, не из-за стремления творить зло, а из-за того, что ради удовольствия тирана в жертву приносили всех. Точно так же поступает ныне тиран духа, он счастливейший и бессовестнейший из людей.

Быть справедливым значит непрестанно идти на жертвы, что можно вынести только в надежде на *славу* в обществе (т.е. на чувство власти): быть справедливым *без* такого успеха было бы ужасной судьбой. Это с точки зрения греков. Для тех, кто не был справедливым (т.е. обходился без усилий и жертв), величайшим счастьем считалась слава — награда за справедливость. Практический выход из положения (поскольку путь к тирании был, как правило, закрыт): *видимость справедливости*, подобно тому как Наполеон в речах и поступках выражал свое одобрение благородным стремлениям, более того, награждал их, таким образом присваивая себе их блеск. Равенство граждан есть средство для предотвращения тирании, их взаимный надзор и подавление. Обладай каждый из нас кольцом Гига, все стали бы несправедливыми. — Очевидно, все эти равные люди сочиняли безумные фантазии о счастье тиранов, оно питало их фантазию; даже в трагедии это отражено в великом парадоксе: «быть царем» и «быть несчастным», «не завидовать даже царю персов». Полагали, что чувство власти способно с лихвой возместить все тяготы властвования, все страхи и т.д. («Гиерон» Ксенофонта воплощает сократовский парадокс: незавидно счастье тирана!) Мысль, что счастливый человек — это добродетельный человек, звучала едва ли не *безумно*: ведь воздержание так обременительно! В конечном счете сохранилась лишь добродетельная *гордыня* стоиков, этот царь и мудрец: новое чувство власти; его ничем нельзя подчинить, он правит. — У любой философии были свои властные стороны: эпикурейцы торжествовали, когда победили Ахерон и страх перед смертью, страх перед природой, — то есть став царями природы.

4[302]

Главный упрек Платона направлен не против софистов, а против *поэтов*: они увлекают юношей, **предназначенных** для **высокого**, на путь политического честолюбия, — в то время как *он* хотел бы вывести их на путь философского честолюбия. *Обычный способ* удовлетворения чувства власти — густая тень, которую видит Платон: он хочет указать другой. Впрочем, упрек можно было бы повторить и наоборот. Философы утоляют гордыню юношей точно так же, как и поэты, — *они отвращают их от науки.*

4[303]

Придумано для меня и записано для тех, кто способен на сердечное и тонкое участие в человеческих делах настолько же, насколько они ощущают свою свободу от навязчивой прихоти реформатора и моралиста, — так пусть же эти мысли — — —

4[304]

Миллъ о филос<офе> платон<овской> школы, который, подобно богам, возвышается над землей и погружен в созерцание истинных вещей. Стр. 67.

4[305]

Ранговый порядок мыслящих умов еще только должен быть создан. До недавнего времени философов слишком часто рассматривали как художников, их изобразительный дар, фантазию, умение передать колорит считали доказательствами их гениальности — оставляя без внимания меру их справедливости, способность к самоограничению, т.е. оценивая их вне морали. Решающее значение имело *их воздействие*, и тот, кто оказывал его на наиболее восприимчивых людей, у которых с губ то и дело срывались слова благодарности, считался самым великим: *вдохновителем молодежи*!

4[306]

Ах, эти жалкие, они думают, что человечество вскоре *чересчур поумнеет* и придет конец *их* влиянию, *их* славе!

4[307]

Все существа, которых поглотила собственная страсть, — Вертер, Тассо, Тристан, Изольда — взывают к нам: будь мужественным и *не* следуй моему примеру! — О том же кричат и люди, увлеченные философией, которые желают с помощью познания добиться высшей индивидуальной власти, — алхимики, а также платоники и т.д.

4[308]

Побуждение, заставляющее жертвовать собой, считается благим. Но само по себе оно таковым *не* является:

как может желание причинить вред кому-то (в данном случае самому себе) быть благим само по себе? К тому же столь бессмысленный вред! Не что иное, как прихоть жажды власти и желания идти наперекор самому себе, не умеющая найти для себя разумного удовлетворения.

4[309]

«Воля к мочеиспусканию» означает, во-первых, давление и настоятельную необходимость, во-вторых, наличие способа избавиться от этого, в-третьих, привычку прибегать к этому, когда разум подаст сигнал. В принципе упомянутое давление и необходимость не имеют ничего общего с освобождением мочевого пузыря, он не говорит: «я желаю», а всего лишь: «я страдаю».

4[310]

Учение Шопенгауэра есть замаскированная телеология, но телеология существа злобного и слепого, преследующего цели, которыми невозможно восхищаться и которые невозможно любить. Если прежним телеологиям казалось, будто глава Вселенной и его самый ясный и справедливый разум создали мир и людей – хотя и невозможно было понять, почему они не вышли при этом несколько более разумными и справедливыми, – то у Шопенгауэра, кажется, корень вещей заключен в чреве Вселенной, а его вожделения придумали интеллект, чтобы с его помощью строить для себя новые гнезда. Первое столь же ложно, как и последнее, – но последнее менее ясно, поскольку оно говорит о воле, не предполагая изначально существование интеллекта, способного представить себе, *чего* мы хотим; такой воли, направленной в пустоту (или в бытие!), не существует, это пустое слово.

4[311]

Vita contemplativa.
Указатели и путеводные знаки
к ней.

4[312]

О жизни мыслителей.
Моральные вопросы.

4[313]

Vademecum Vadetecum[1]
Размышления об индивидуальной нравственности.

4[314]

Моральные предрассудки.
Чувство власти.

4[315]

Спасение.
Чему следует разучиться.

4[316]

Как разбойники и великие бойцы соотносятся с солдатамами, точно так же и *философы в сопоставлении с людьми науки.* Правда, из первых делали *героев*, а из философов — *гениев*!

4[317]

В *людях науки* сосредоточены солдатские добродетели и свойственная солдатам особая веселость — им не хватает лишь предельной ответственности. Они суровы по отношению к себе и друг к другу и не ожидают похвалы за добрые дела. Они более мужественны и предпочитают опасность, они должны стать *дельными* людьми и не бояться ставить на карту свою жизнь ради познания; им ненавистны высокие слова, они безобидны и немного смешны.

4[318]

Я собираюсь поговорить о величайшей болезни л<юдей> и хочу при этом показать, что она возникла из попыток одолеть другие болезни: мнимое лекарство надолго вызвало ухудшение состояния, которому должно было помочь.

Удовольствуются ли мои читатели одной единственной мыслью в сотнях ее вариантов и поворотов? Но это необходимо для всеобщего здоровья, а на службе здоровью людям приходилось терпеть и большие труд-

---

1 *букв.*: иди за мной, иди за собой (*лат.*)

ности, чем чтение книги, которую нельзя отнести к развлекательным.

4[319]

Восторженные, свойственные юным девушкам чувства, так называемое высшее счастье, мечты о спасенных и возвращенных на путь истинный распутниках, верность вплоть до прыжка в воду, а сам возлюбленный представляет собой нечто жуткое и зловещее, человек, в котором мнятся неведомые злодейства, он злодей, не виноватый в злодействе, и одновременно бог и принц в ином обличье, и все это в самом привлекательном виде, — таковы нынешние отдохновения *железной* Германии. — Злая гармония, бешеные ритмы и невыразимые хроматические стенания, чередование всех возможных тональностей как символ непостоянства всех вещей под луной — вот так можно описать *действительность.*

4[320]

Вторая венгерская рапсодия — музыка столь *прекрасная* и одновременно столь *необузданная*, как будто в бога вселился дьявол.

4[321]

«Мгновенные озарения», «интуиции» не являются познанием, это в высшей степени жизненные представления; в столь же малой степени галлюцинация представляет собой ис<тину>.

4[322]

Высокомерие, чувство власти часто бывает весьма безобидным и ведет себя, как дитя, не знающее ни добра, ни зла.

4[323]

В прежние времена человек видел чудо в том, *как далеко* он отошел от самого себя, а в наше время, наоборот, скорее пренебрегают собственным участием и видят лишь то, что *оказало на них воздействие.*

5. Лето 1880

5[1]

Ему необходимо сеять враждебность, чтобы сохранить свою славу и стать еще более знаменитым. Когда ему не верят, он прекрасно осознает свой обман. Он испытывает потребность в фанатизме друзей и врагов, чтобы лгать самому себе.

5[2]

Желание удержать глубокие, жуткие и восхитительные ощущения, черпать их со дна —

5[3]

Немецкое театральное искусство никуда не годится, достаточно того, что оно удовлетворяет немцев. Другое дело Вена, где никогда не считалось зазорным учиться у итальянцев и французов — точно так же, как это делали австрийские музыканты.

5[4]

Перед нами великий художник — но ему хочется казаться еще более великим, чем он есть. И вот каждые пять минут на протяжении всей его художественной деятельности о нем говорят: он дерзок, он приписывает себе то, что пристало художникам более высокого ранга, он грабит принадлежащее им, он нечестен по отношению к себе — ему не хватает не величия, а наивности, вот отчего он лишь изредка испытывает удовлетворение: напряжение слишком велико.

5[5]

Страстное желание! В нем нет ничего простого, стихийного! Более того, следует различать между потребностью (давлением, неотложной необходимостью и т.д.)

и знакомым по опыту способом удовлетворения этой потребности. Потребность и цель соединяются таким образом, как будто потребность изначально *стремилась* именно к этой цели. Такого желания не существует вовсе. «Мне хочется помочиться» — заявление столь же неверное, как и утверждение: «существует воля к ночному горшку».

5[6]

Очень трудно сохранить радостное чувство собственного достоинства, когда идешь своим собственным, новым путем. Нам не дано знать, чего мы *стоим*, в этом нам приходится верить другим; если же эти последние не *могут* оценить нас правильно, именно потому, что мы идем неизведанным путем, мы начинаем сомневаться в себе: нам необходимы радостные возгласы одобренья. В противном случае одиночка *мрачнеет* и теряет *половину своего усердия*, а с ним и его плоды.

5[7]

О, как я знаю вас, вы, тайные лжецы! Я вижу, как вы стоите перед двумя путями и останавливаете свой выбор на том, который ведет к восторгам, надеждам, излишествам и дурманам: я вижу, как вы принимаете такой вид, будто собираетесь обмануть самих себя, убеждая себя в том, что путь этот более труден и суров, что это более узкий и смиренный путь, одинокий и не приносящий славы. В глубине души вы прекрасно понимаете, что недостаточно правдивы, чтобы поступать так, как вы себе внушаете, но все же достаточно правдивы, чтобы почувствовать легкий укол. Благочестивые люди и энтузиасты относятся как раз к тем, кто ощущает уколы совести.

5[8]

И если нужно принять решение, от которого зависит ваша жизнь, можете ли вы довериться кому-то, будь он Христом, Платоном или Гете?! Но ваша вера должна быть столь слепой, безусловной и фанатичной, что вы заглушили бы мелодию вашей нечистой совести и с помощью энергии звуков и движений вселили в себя мужество. О, вы, лицедеи, играющие для самих себя!

5[9]

Ну хорошо, слушая музыку, мы позволяем погрузить себя в грусть и вздыхаем, словно ива на ветру, – но потом мы вдруг с веселым смехом стряхиваем с себя все это и восклицаем: вот действие музыки, грусть и слезы *без причины*! Жить чувством, не зная о причинах чувства! А потом снова вернуться в реальный мир, но душа наша уже стала свободней, избыв свой недуг.

5[10]

Будить чувства – это может даже плохая музыка. Но то, что она пробуждает эти чувства в *тебе*, легкомысленно воспринимающем музыку как нечто скучное, или высокопарное, или лживое, или актерское, – это и составляет ее ценность.

5[11]

Мы испытываем такую признательность за добро и так мало избалованы, что причисляем музыканта, сочинявшего одну лишь скверную музыку и придумавшего сотню отдельных тактов хорошего и высшего уровня, к великим музыкантам.

5[12]

Остановиться в удивлении перед фатумом внутри нас, подобно Шопенгауэру, но не придумывать в этой связи свои «озарения»: на своем интеллекте мы должны воспарить вширь и ввысь над своим характером.

5[13]

Утверждение, что в человеке уже заложена норма, в соответствии с которой ему и дóлжно поступать, – чудовищная глупость, в которую продолжают верить и по сей день! Совесть! Это сумма ощущений, чувства одобрения и неодобрения по отношению к поступкам и мнениям, *скопированные* чувства, подсмотренные нами у родителей и учителей!

5[14]

Искажение истины *в пользу вещей*, которые мы *любим* (включая и бога), — достойная проклятий скверная привычка просвещенных умов, которым человечество имеет обыкновение доверять и которые *за это* его губят, держа в его заблуждении. И зачастую жертва эта была для вас так тяжела, sacrificium intellectus propter amorem[1]! Ах, я и сам расточал этому похвалы! В<агнер> в Б<айройте>.

5[15]

Когда музыка приносит нам какое-то чувство, то разум должен сказать: эти чувства ни на чем не основаны, нас вводят в *заблуждение*. То же происходит и при зевании, мы зеваем *вслед* за кем-то, без причины.

5[16]

Борьба не с глупостью, а с фантазиями: вытеснение выдуманных вещей из умов: Дон Кихот, Сервантес.

5[17]

Общая примета времени: нам известно то, чего не знало никакое другое время, существует и существовало прежде несметное количество различных ценностных оценок одних и тех же вещей, и вполне возможно, что их число умножается, по мере того как увеличивается число людей самостоятельных (в прежние времена им соответствовали цивилизованные народы). Но чем более разнообразны ценностные представления, тем больше возможность *обмена* между людьми, духовное и душевное общение становится более интенсивным. Мы *учимся понимать* других, для того чтобы знать, что мы можем им предложить и чего потребовать от них. — Необходимо позаботиться о том, чтобы не протаскивались вещи мнимые, из-за которых извращается ценность всех подлинных вещей. В этом заинтересованы *все*.

---

1 жертвование разумом ради любви (*лат.*)

5[18]

Чувства, связанные с вещами нереальными, *необоснованны*, не имеют права на существование: только реальные вещи имеют право на чувства, а вмешательство вещей вымышленных сокращает это право.

5[19]

Опасность искусства заключается в его способности приучить нас к вещам вымышленным, более того, внушить большее почтение к ним: отдавать предпочтение полуправде, *ослепительным* фантазиям, короче говоря, принимать производимый этими вещами блеск и эффект за свидетельство их доброкачественности и даже их реальности. «Нет совершенства без реальности» — подобная ошибка мышления допускается очень часто. «То, что нас сильно восхищает, должно быть *подлинным*».

5[20]

Ничто не интересует меня больше, чем случаи, когда кто-нибудь идет окольным путем через далекие страны и звезды, чтобы в конце концов рассказать о *себе* нечто подобное.

5[21]

Человек способен выдержать самое ужасное презрение (например евреи), но ему необходимо хоть в чем-то ощущать чувство вл<асти> (у евреев оно имеет отношение к деньгам).

5[22]

Ценность искусства заключается в том, что с его помощью мы можем однажды выпрямить *перевернутый* мир, сделать ложное подлинным, чтобы дать себе передышку (представить нереальное как реальное, необоснованное как обоснованное и т.д.).

5[23]

Для К<езелица>: В юности Вам не хватало признания и успеха, равно как и хороших, упорядоченных занятий, из полугодия в полугодие (?), и т.д. Оттого-то Вы позволили

рассеянности одержать верх над собой, как будто бы Ваше Я сулило Вам недостаточно много. Молодые люди из благородных семей растут в атмосфере общественного успеха: он становится основанием для их дальнейших предприятий, как если бы то было ощущение счастья. — Вы сошли с привычного пути, чтобы идти путем истины, — но на этом пути всегда есть угрызения совести. — Ж. Санд.

5[24]

Христианство дало каждому право считать себя невероятно *важным*: он «вечное существо»! «гений», «личность».

5[25]

Наша задача — насаждать верное ощущение, т.е. такое, которое отвечает реальным вещам и правильным суждениям. Это *не* значит восстанавливать: ведь они никогда не существовали. Не позволяйте обманывать себя словами «естественное или реальное ощущение»! Это означает «народное», «древнее», «всеобщее» — но к реальности не имеет никакого отношения. Только опираясь на *подлинные* чувства, люди смогут *понимать* друг друга надолго, невзирая на расстояние. Для этого необходимы *новые* ценностные оценки. Сначала — критика и устранение старых оценок. Первое, что сейчас требует большой работы, — это вещи, которым *следует разучиться*.

5[26]

Ценностные оценки, опирающиеся на *неправильное* основание, ведут друг с другом войну на уничтожение, но, возможно, они все вместе стараются *укрепить* некие базовые ложные представления. Поэтому их нельзя предоставлять самим себе, а необходимо атаковать. NB. — Действия, в которые они вовлекают человека, способствуют постоянному порождению ложных масштабов. — Постоянно изображаются всякие ужасы, и в конце концов людьми *овладевают* чувства, подобные тем, с которыми они борются. Вывод: не стоит слишком уж *рьяно* бороться с ними!

5[27]

Учение Шопенгауэра содержит в своих недрах основной постулат: нами правят наши *желания*, а *не* наши полезные и разумные интересы, не говоря уже о нашей добродетели и мудрости. Мир есть желание.

5[28]

Мученичество является свидетельством истинности и высокомерия.

5[29]

Чувство счастья имеет две формы: чувство власти и чувство смирения; последнее есть чувство усталости и расслабленности.

5[30]

Хаос ложных чувств, а иногда и анархия суть переходные фазы — для привлечения определенных групп.

5[31]

Подлинные чувства по-прежнему будут оставаться чрезвычайно разнообразными, их объединяет то, что все они не содержат мнимых факторов, т.е. *реально* то, что *взвешивается*: разница в *весах*, а не в том, какие предметы взвешивают.

5[32]

Во многих вещах мы еще долго *не* сможем *испытывать чувства*, так как в этом отношении еще не сказано *ничего определенного*. Здесь необходимо создать для себя мертвые точки!

5[33]

В прежние времена в качестве средства для избавления от грехов рекомендовалось верить в Иисуса Христа. Теперь же я говорю: средство одно — не верьте в грех! Это лечение *более радикально*. Прежнее пыталось сделать одно заблуждение более выносимым с помощью другого.

5[34]

Не верить — это, конечно, нелегкое дело, мы ведь и сами когда-то верили, а весь мир еще верит или делает вид, что верит. Нам нужно не только *переучиваться*, но и *отвыкать* от наших оценок, а это требует *тренировки*!

5[35]

«Примите *мое* искусство: ведь тогда у немцев будет такое искусство, которое не стыдно показать рядом с искусством других наций, “немецкое искусство” — правда, поначалу всего лишь “*одно* нем<ецкое> ис<кусство>”; сейчас нужно *доказать*, *насколько* именно это искусство отвечает самой сути немцев, выросло из нее, сюжеты, мысли, музыка и т.д.». — Таким способом Вагнер проявляет заботу о *своей* славе: он хочет, чтобы *нация* вступилась за него, вобрала его в себя и присоединила к своей «славе». Такая игра еще никогда не велась столь открыто — причина, по которой она до сих пор не была успешной. Это станет возможным позднее, когда Вагнер умрет, а его сочинения будут забыты. Между тем музыканты всех стран осваивают его музыку, и вскоре ее будут называть не немецкой, а просто «музыкой». — Это музыка *большой оперы*.

5[36]

Вагнер претендует на то, чтобы называться *немецким* художником, но увы, ни большая опера, ни его собственный характер не принадлежат к специфически немецким явлениям; вот отчего он до сих пор любим не народом, а классом аристократов и сверхумников, т.е. тем кругом людей, которым в прошлом веке нравился Руссо.

5[37]

Во Франции христианство нашло своих самых совершенных представителей: квиетистов (Франциск Сальский), которые стоят выше Павла. Фенелон — совершенный христианин, стоящий на фундаменте античности. Паскаль — — —

5[38]

Удовлетворение своего инстинкта не следует превращать в повседневную практику, от которой терпит урон раса, т.е. когда больше не делают выбора и все спариваются друг с другом, производя на свет детей. *Вымирание* многих человеческих типов столь же *желательно*, как и размножение. — Неужели мы должны из-за подобной близости с женщиной отказаться от собственного развития или позволить помешать ему — ради вышеупомянутого инстинкта!! Когда мы даже не находим столь близкие связи полезными (в высшем смысле)! Что женщина есть «продолжение» м<ужчины> и вместе они составляют цельного человека — это чепуха: *отсюда* абсолютно ничего не следует. — Напротив, жениться нужно только: 1) с целью высшего развития или 2) чтобы оставить после себя плоды такого высокого типа человечества. — Для всего прочего достаточно и конкубината, с предотвращением зачатия. — Нам нужно покончить с этим пошлым легкомыслием. Эти гусыни не должны выходить замуж! Браки должны стать *большой редкостью*! Пройдите по улицам больших городов и спросите себя, должен ли такой народ размножаться?! Пусть ходят к своим девкам! — Проституция не сентиментальна! Это должно быть жертвой, приносимой *не* дамам или еврейским кошелькам, а делу улучшения расы. И притом не следует неверно судить о такой жертве: потаскухи честны, они делают то, что им нравится, и *не губят* мужчин «узами брака» — этой удавкой!

5[39]

Итальянским художникам так прекрасно удался обратный перевод «священной истории», они раскрыли все умилительные эпизоды из жизни семейства, все те моменты, когда значительный человек делает какое-то мгновение *незабываемым* для многих: над каждой из их картин можно проливать слезы. Лишь там, где начинается святое убожество, зритель уже не испытывает *со*чувствия, — *противовес* здесь составляет осведомленность о его последствиях.

5[40]

[+ + +] более ценно присматривать за столь редкими *завершенными* людьми, а не монстрами с горбом и самомнением.

5[41]

Только не навязывайте свои мнения, не спросясь! Выскажите их и пошлите вслед небольшой смешок, ведь никогда еще не существовало гения, без мнений которого нельзя было бы обойтись.

5[42]

Нам следует изменить свое мнение о гениях. Не вижу причины, отчего бы людям продуктивным не вести себя скромно и смирно (Мольтке); более того, бросить свою личность в сумятицу мнений и быть во власти желаний, делающих нас беспокойными и нетерпеливыми и отнимающих у нас священную тайну беременности, — такое противоречит всякой продуктивности. И все-таки в каждом такте я различаю недуги, владеющие музыкантом: его желание значить больше, его неприятие правил, стремление подчеркнуть то, что он делает лучше, чем другие, любые мелочи неизбежно играют продуктивную роль, когда он одержим безумием гения. И, напротив, л<юди>, подобные Мольтке.

5[43]

[+ + +] уметь обещать: *когда* вступление в действие какого-либо явления столь же непреложно, как появление этого, то не имеет значения, говорим ли мы «я хочу», «я сделаю», вместо того чтобы говорить: «это происходит», «это делается». В прежние времена лекари точно так же предвещали явления природы словами: «*я хочу*, чтобы светило солнце, чтобы пошел дождь», — но однажды мы поймем, что желание, направленное на нас самих, также есть предрассудок. — Значит, долг основывается на предрассудке? На неоправданном высокомерии?

5[44]

Действительно ли мотивом наших действий являются представления? Может быть, они всего лишь формы, в которых мы воспринимаем наши действия, нечто побочное, создаваемое нашим интеллектом при совершении тех действий, которые мы вообще замечаем? Большинство действий нами не замечается, они проходят мимо нас, не раздражая интеллект. Я имею в виду, что даже интеллектуальное действие, мыслительный процесс как таковой, совершающийся в мозгу, есть нечто существенно отличное от того, что осознается нами как мысль: представления, в которых мы отдаем себе отчет, суть самая малая и скверная часть того, что мы имеем. Мотивы наших действий погружены во мрак, а того, что мы *считаем* мотивами, было бы недостаточно, чтобы заставить шевелиться палец.

5[45]

Язык несет в себе большие предрассудки и поддерживает их утверждением, будто, например, то, что обозначается одним словом, представляет собой один процесс: желание, вожделение, побуждение — сложные вещи! Боль, заложенная во всех трех (как следствие нажима, настоятельной необходимости), перемещается в процесс «куда?» — но с ним оно никак не связано, это привычная ошибка, основанная на ассоциации. «У меня такая потребность в тебе» — Нет! У меня крайняя нужда, и я полагаю, что ты можешь ее облегчить (сюда добавляют *веру*). «Я люблю тебя» — Нет! Во мне присутствует состояние влюбленности, и я *полагаю*, что ты его успокоишь. Ах, эти прямые дополнения! Вера присутствует во всех этих словах, выражающих чувства, например желать, ненавидеть и т.д. *Боль* и *мнение* касательно его облегчения — таково положение вещей. Точно так же происходит, когда говорят о целях. — Безумная любовь — это *фанатичное*, упрямое *мнение*, что только эта личность может облегчить мои страдания; это вера, делающая нас счастливыми и несчастными, подчас даже и в обладании, и упорно противостоящая любому разочарованию, т.е. истине.

5[46]

Таким образом, необходимо изучать присущие людям состояния нужды и при этом учитывать их суждения о том, *как* их можно разрешить: —

Если же мы изменяем суждени<я> о способах облегчения страдания, то изменяем и «потребности», «волю», «вожделения» человечества. Следовательно: изменение ценностных оценок есть изменение воли. Если же окажется, что человечество более всего страдает от неисполнимости своей воли, то необходимо проверить: возможно, сильное страдание, если его облегчить другими средствами, отнюдь не ведет к появлению несбыточного желания, а значит, идеалы человечества осуществимы и должна возникнуть иная ценностная оценка всего неосуществимого.

5[47]

Если кого-то постоянно *поражают* своей неожиданностью его собственные поступки (например совершаемые с дикой страстью), т.е. он не может заранее предусмотреть их, то он начинает сомневаться в своей *свободе*, нередко в таких случаях рассуждают о воздействии демонических сил. Значит, *регулярность*, с которой в нас сменяются определенные представления и поступки, заставляет нас поверить, что здесь мы независимы: можем калькулировать, предугадывать! — т.е. из всеведения бога мы выводим его всемогущество — обычная логическая ошибка. Чувство власти в интеллект<уальных> вещах, возникающее при предугадывании, мы вопреки логике связываем с тем, что предугадываем: *в роли пророков* мы мним себя чудотворцами. Факты говорят: «мы обычно делаем это в таком-то и таком-то случае». Иллюзия такова: «это такой-то и такой-то случай; теперь я хочу сделать это». Воление есть предрассудок. Что-то происходит в нас и благодаря нам, и я предугадываю, что из этого получится, и придаю большое значение тому, что это происходит. Вопреки всему это происходит независимо от нашей свободы, а часто и вопреки нашему поверхностному знанию; тогда мы удивленно говорим: «я не могу сделать то, что хочу». Мы всего лишь *наблюдаем* за своим существованием, в том числе и интеллектуальным; всякое сознание лишь скользит по поверхности.

5[48]

Ты ищешь «нечистой совести»? Ты найдешь ее у людей трусливо сентиментальных, отрекающихся от истины во имя любви.

5[49]

Наиболее часто встречающееся явление – самообман. Интеллект<уальная> совесть слаба, *другая* с<овесть> сильнее. Необходимо очищение и укрепление, а не уничтожение и той, и другой.

6. Осень 1880

6[1]

По сравнению с брахманами мы знаем человечество лишь в состоянии чудовищного истощения сил и веры в себя — даже у наших самых гордых философов.

6[2]

Люди, чьи влечения из-за длительного воздержания возросли столь безмерно, что они после этого в такой же мере потеряли власть над ними; например лорд Байрон в еде.

6[3]

История науки демонстрирует победу благородных побуждений: в научной практике используется *оченъ много мофали.*

6[4]

Какие инстинкты составляют индивидуум? При известной степени глупости ин<дивидуумы> губят друг друга. То же самое происходит, когда фундаментальные инстинкты *исчезают* и их место занимает альтруизм. При наличии у других индивидуумов определенных качеств возникает ощущение странности или противоречия, но, возможно, мы их вовсе не чувствуем — или же воспринимаем гармонические отзвуки или основные движения, с которыми мы соразмеряем свои собственные движения. «Музыка индивидуумов», «контрапункция». Наверное, это прелестно: параллельное движение, пересечение двух линий, образующих угол, и т.д., причудливая арабеска линии, порой, как бы дразня, соприкасающейся с другой прямой линией и тотчас же уходящей прочь. С В<агнером> я пересекся: мы с великим усердием сближались друг с другом,

затем вспышка, а после мы с той же скоростью помчались в разные стороны, все дальше и дальше.

6[5]

Мы достигаем высшей точки своей нечестности — но тут мы становимся ненавистны сами себе и обращаем зеркало *против* себя, с этого момента мы испытываем удовольствие даже от лицезрения безобразного, ведь так мы мстим за себя, или же чувствуем отвращение к насыщению, опьянению иллюзиями. — *Инстинкт истины!*

6[6]

Грекам наибольшие страдания причиняло лицезрение безобразного, евреям — зрелище греха, французам — лицезрение собственной личности, неуклюжей, бездуховной и жестокой, — оттого-то *они идеализировали свою противоположность* — и этот идеал преобразил их самих. Возмездие за страдание — вот мотив для создания богов и художественных образцов. Недостаток пленительной чувственности делает из немецких художников горячих сторонников чувственного. Мучимые жаром страсти итальянцы становятся поклонниками холодного неестественного формализма — а заодно и почитателями Девы М<арии> и Христа. Шопенгауэр идеализировал сострадание и целомудрие, так как страдал главным образом от вещей прямо противоположных. «Независимый человек» — идеал для людей наиболее зависимых и впечатлительных. — Таковы *неосуществимые идеалы*, поистине ложные иллюзии: их лицезрение *восхищает и унижает*; это двойственное состояние характерно для людей, чьи идеалы не осуществились. Здесь их вершина: после этого они *неподвижно стоят над* своим существом, обратив презрительный взгляд вниз.

6[7]

Часто какой-нибудь инстинкт искажается, ложно истолковывается, например половой инстинкт, голод, жажда славы. Может быть, вся мораль и есть *интерпретация* физических инстинктов.

6[8]

В тот час, когда мы не знаем, насколько мы добры или злы по отношению к себе, и когда то и другое кажется нам бесконечным —

6[9]

скорее лжец, чем лицемер
жесток на словах, в сущности робок
деспотичен и в то же время труслив, как Нап<олеон>

6[10]

Ах, с какой силой, с каким очарованием действует наука на пылкие умы! Разумеется, они видят в ней чудесное волшебство и становятся фантазерами.

Какой великолепной подушкой является сомнение для правильно сформированной головы!

6[11]

Нельзя не видеть ту пропасть, которая отделяет нас от тех, кто желает зарабатывать деньги, рабочих, ремесленников, художников: она существует испокон веков.

6[12]

«Необходимо *время*, чтобы завоевать любовь, — и, даже когда мне совершенно нечего было делать, мною владело смутное чувство, что я от этого ничего не теряю». Наполеон.

6[13]

Наполеон заводил романы и по их окончании свои грезы «измерял компасом своего рассудка». «С помощью *мысли* я окунался в идеальный мир».

6[14]

«Я всегда любил анализировать, и когда я был влюблен всерьез, то постепенно разбирал свою любовь на части».

6[15]

Время и обстоятельства не благоприятствовали его *положительным качествам*, они не способствовали их *развитию.*

6[16]

«Человек, которого *постоянно приходится подкупать»*, – так отзывался Наполеон о Савари, он верил ему безоговорочно, поскольку изолировал его от всех порядочных людей и был уверен, что держит его в руках.

об *интеллекте*

идеальный слуга своего господина – Дюрок (герцог Фриульский): холодный, неразговорчивый, непроницаемый, никогда не думал о том, что не входило в его задачи, не льстил, идеальная добросовестность, точное отражение его окружения для своего господина и господина – для его окружения; не имел друзей и потребности в беседе, никакого желания узнать, действительно ли его господин великий человек или нет, ко всему безразличен, не испытывал ни скуки, ни энтузиазма. Холоден и сух, очень индивидуален, никаких пристрастий в отношении других, остроумен и ловок в известных кругах.

6[17]

«Только юности подобает иметь терпение: ведь перед ней будущее», – говорит Наполеон. «В этой (итал<ьянской>) армии можно было организовать все, людей и обстоятельства».

6[18]

Польза не может быть конечной целью или принципом морали, равно как и вещи приятные (какой из приятных вещей следует отдавать предпочтение?), конечных целей нельзя достигнуть мгновенно только благодаря понятиям: мы всегда можем видеть цель лишь *настолько далеко*, насколько *прежде* простирались наши *стремления.* Но как далеко могут произрастать наши стремления, не знает никто.

6[19]

сухой и ледяной тон недовольного человека

6[20]

бесстыдная форма назойливости, в чем наша эпоха превосходит все прочие. Никогда афинский художник —

6[21]

«Во Франции никогда не умеют проявлять интерес к вещам, когда проявляют его к личностям», — Наполеон. Привычки старой монархии приучили вас персонифицировать все. Вы ничего не умеете принимать всерьез, «может быть, за исключением равенства. И все-таки каждый с удовольствием отказался бы от него, если бы мог льстить себя надеждой, что он первый. Каждому нужно дать надежду на возвышение».

6[22]

Наполеон утверждал, что время, проведенное в Египте, было самым лучшим в его жизни, так как было для него идеальным. Он мог осуществить все, о чем мечтал. Цивилизация не стесняла его.

6[23]

Главное различие: одним идеальное положение вещей вне их представляется таким, когда эти вещи самым приятным для них образом как бы играют ими (политики, социалисты и т.д.). Другие грезят о своем собственном идеальном положении, когда они самым благоприятным для себя образом играют внешними обстоятельствами и людьми; последнее есть идеал продуктивных нат<ур>, первое — идеал людей, тяжко работающих: они предпочитают пассивную позицию! Одни из них властолюбцы, другие рабы. Первые не сомневаются, что, став такими-то и такими-то, смогут извлекать из мирового инструмента самые чудные звуки; последние же не сомневаются, что, если все будет прочно устроено и *освободится* от индивидуума (властителя), можно будет предусмотреть все, а жизнь будет доставлять им одни лишь приятные *впечатления*. «Люди проявления и люди впечатления».

6[24]

«Что совершило революцию? Тщеславие. Что ее прекратит? Опять-таки тщеславие. Свобода всего лишь предлог».

6[25]

Он внезапно перестал играть *роль* bonhomme[1] и отдал приказ с сухостью настоящего господина, не упускающего случая, чтобы приказывать.

6[26]

Слабая сторона Наполеона: он не был способен вынести мысли о поражении в чем-либо. Так как душа его была лишена *аристократизма* и ему были незнакомы великие чувства, превышающие его несчастную судьбу, он перестал думать об этой своей слабости; напротив, он сосредоточил свой ум на своей удивит<ельной> способности *расти вместе с успехом*. Его удача была его личным суеверием (Je réussirai![2]), а культ, к которому, как он полагал, его обязывала удача, оправдывал в его глазах все жертвы, на которые он нас обрек.

6[27]

«Неприятие преступления столь глубоко заложено в нас от рождения, что мы с легкостью верим в *безвыходное положение*, заставившее человека совершить его».

6[28]

Слабую привязанность заменить подлинным страхом, который он внушал: дерзость его игры вызывала восхищение.

6[29]

«Вы видели другие времена — я же, я помню себя лишь с того времени, когда начал чем-то быть», — Наполеон.

---

1 доброго малого (*фр.*)

2 Я преуспею! (*фр.*)

6[30]

«Мне незнакома ненависть, я не способен совершить что-то из мести: я просто убираю то, что меня стесняет!» – сказал Наполеон по поводу казни герцога Энгиенского.

6[31]

Наши инстинкты бушуют в уловках и хитроумии метафизиков, они апологеты *человеческой гордости*: человечество никак не может забыть утраченных им богов! Допустим, эта страсть уляжется: какое утомление, бледность, потухший взгляд! Величайшее недоверие к интеллекту как орудию инстинктов: вслед за гордостью – скепсис. Мучительное инквизиторское расследование, направленное против наших инстинктов и их лжи. Вот где последнее отмщение, в этом *самоуничтожении* человек все еще остается богом, потерявшим самого себя. Что следует за этим насильственным скепсисом? Изнеможение, новое изнеможение, дряхлость: все прошедшее кажется бесцветным, само отчаяние становится историей, а в конечном счете знание обо всех этих вещах все еще сохраняет для этих старцев достаточную привлекательность. –

Все эти события разыгрываются во все меньшем количестве умов. Однако потеря веры становится известной всем остальным, и тогда происходит следующее: прекращение страха, действия авторитета, доверия, жизнь, удовлетворяющаяся настоящим моментом, самыми грубыми целями, самым очевидным: начинается *обратное* движение. Наибольшим доверием пользуется как раз то, что более всего противоречит прежней цели! Пробы и экспериментирование, чувство безответственности, страсть к анархии! Место гордости заняло *благоразумие*. Наука пошла *к нему* на службу. К власти приходит более низкая порода людей (вместо noblesse[1] или священников): сначала коммерсанты, потом рабочие. Толпа ведет себя как властелин; индивидуум вынужден *лгать* о своей принадлежности к толпе. – И сейчас еще рождаются те, кто в прежние времена принадлежал бы к господствующему классу священников, аристократов, мыслителей. В наше

1 дворянства (*фр.*)

время они видят во всей полноте уничтожение религии и метафизики, благородства и индивидуальности. Это дети умерших отцов. Они должны *придать* себе значение, *поставить* себе цель, чтобы не оказаться в скверном положении. Пусть будут чужды им ложь и тайное бегство назад, к преодоленному, ночные бдения на развалинах храмов! Так же, как и служба на ярмарках! Пусть они захватывают те разделы познания, которые не развиваются, поскольку не отвечают *интересам благоразумия*! Равно как и те искусства, которым чужд современный дух! Они наблюдатели времени и живут вне событий. Они учатся быть свободными от эпохи и только понимать ее, подобно летящему в вышине орлу. Они ограничивают себя ради большей независимости и не желают быть бюргерами, политиками и собственниками. За всем происходящим они отыскивают индивидуумов, воспитывают их — возможно, они однажды понадобятся человечеству, когда рассеется вульгарный дурман анархии. Тьфу на тех, кто сейчас назойливо предлагает себя толпе — или нациям! — в качестве ее спасителей! Мы эмигранты. — Мы хотим быть нечистой совестью науки, которая служит умникам! Мы хотим быть наготове! Мы хотим быть смертельными врагами для тех из нас, кто находит себе прибежище во лжи и жаждет реакции! — Это правда, мы отпрыски властителей и жрецов — но мы дорожим своими предками именно по той причине, что они *преодолели самих себя.* Мы навлекли бы на них позор, если бы отреклись от их величия! Нам нет дела до властителей и священников нашего времени, вынужденных и желающих жить самообманом!

6[32]

По отношению к любым обязательствам мы должны испытывать те же сомнения и скепсис, какие ощущает моряк в отношении плавания, не уверенный, благополучным ли оно будет, даже если оно предпринято в подходящее время. На мне *не* лежит абсолютная обязанность, мне не приходится *легко.* Мы экспериментируем со своими добродетелями и добрыми делами и не уверены, что именно они необходимы для достижения цели. Мы должны поддерживать в себе подозрения и ставить под сомнение любые

моральные предписания. К тому же они столь неточны, что ни один реальный поступок не может отвечать таким предписаниям: реальность намного сложнее.

6[33]

Наполеон был весел, втайне он наслаждался тем небольшим насилием, которому подвергал нас всех новый церемониал.

6[34]

«Держаться в стороне от каких бы то ни было интриг: при дворе это почти что ошибка. Что менее всего прощают властители: когда в служении им видят способы ускользнуть от их власти».

6[35]

«Здесь недостает пышности: это не способно пустить пыль в глаза», — сказал Наполеон господину де Ремюза, когда тот предложил ему план торжественных церемоний новой империи.

6[36]

«Я, и только я, и есть вся революция», — сохранив свою личность, он также принимал меры, чтобы не уничтожить все, что было полезно. Он хотел ослепить и одурманить французов всеми средствами одновременно. Он любил помпезность старого режима, полагая, что таким образом парвеню еще легче скрывать себя.

6[37]

«Vengeons nous, par en médire»[1], — Монтень.

6[38]

«Всегда находится очень мало людей, позволяющих себе осуждать успех». Угодливость одерживает победу над критикой.

---

1 Давайте в отместку его очерним (*фр.*)

6[39]

У музыки нет звуков, изображающих восторги духа; когда она хочет передать состояние Фауста, Гамлета и Манфреда, она отставляет в сторону дух и обрисовывает душевные состояния, которые без духа крайне непривлекательны и вовсе не пригодны для обозрения. Музыка утрирует, изображая досаду и несчастье, хотя, возможно, здесь и есть *музыкальный* дух, — но как ужасно это искусство, когда оно без всякого разбора пытается изобразить безобразное, какая пытка слушать эти звуки, эти назойливые звуки! — Не связано ли это с тем, что тонкий и прекрасный ум среди музыкантов вообще редок? С тем, что они никогда не отделяют себя от чувствования и не знают, как оно преломляется и отсвечивает, когда освещено вспышкой мысли? Они принуждены огрублять любые состояния, как бы возвращая их к дочеловеческому: как будто еще не изобретены слова и мысли. Вот в чем, кстати, кроется великое очарование музыки: наличие в ней первозданной природы; она относится к эпохе, когда люди обожествляли дикую природу своей местности и осваивали высокогорья. Обществу, которое не доросло до духовных наслаждений, неспособно понять даже картины и, очевидно, растратило попусту все свои умственные способности, если желает *лишь наслаждаться*, — такому обществу остается лишь обращаться к чувствам и эмоциям — и в этом отношении музыкант предлагает нам величайшее наслаждение. Более низкого рода удовольствие от театра с его изображением человеческих переживаний и грубым очарованием от прямого воспроизведения захватывающих сцен. Еще один шаг в сторону, и здесь мы можем, чтобы расслабиться, пробудить свои инстинкты с помощью напитков и пр. — Поэт стоит выше музыканта, он предъявляет более высокие требования, ему нужен весь человек; еще более высоки притязания мыслителя: ему требуется сред<оточие> всех свежих сил, он призывает не к наслаждению, а к борьбе и полному отказу от всех личных склонностей.

6[40]

Я любил человека, который жил, как на острове, без гнева, *скрывшись* от мира: так мне это виделось! Как чужд

он мне стал теперь, когда, окунувшись в поток национальных притязаний и национальной ненависти, он стремится удовлетворить потребность современных *народов*, ослепленных политикой и алчностью, в религии! Когда-то я думал, что он не имеет ничего общего с людьми нашего времени, — вероятно, я был глупцом.

6[41]

Когда Наполеон становился весел, он проявлял гарнизонные привычки и не знал меры.

6[42]

«Посредственным умам случай всегда представляется таинством, но для людей благородных он становится реальностью». Следует заранее, с математической точностью определить долю случайности: «на одну десятую больше или меньше может все изменить». «Люди посредственные могут быть доведены до состояния некоторой ясности волею обстоятельств, созданных не ими».

6[43]

«Pour être un veritable grand homme, il faut réellement avoir improvisé une partie de sa gloire et se montrer au-dessus de l'événement,qu'on a causé»[1].

6[44]

«Тацит искусный писатель, но редко проявляет себя как государственный муж».

6[45]

«Если политики действительно знают свое дело, они умеют овладевать своими страстями, поскольку доходят даже до того, чтобы *просчитывать* их последствия».

---

1 «Чтобы быть поистине великим мужем, нужно действительно сымпровизировать частицу своей славы и всегда оказываться над событиями, причиной которых ты был» (*фр.*)

6[46]

«Политический деятель – личность абсолютно эксцентрическая; с одной стороны, он всегда одинок, а с другой стороны, всегда вместе с миром». И в то время как он следит за ходом вещей и одинаково крепко держит в своих руках такие подчас неодинаковые нити, уделяя этому чрезвычайно большое внимание, – как может он, в качестве развлечения, щадить чувства, столь важные для обычного человека! (Узы кровного родства, интересы и пр.)

6[47]

Энергия напряжения (между любовью и ненавистью) никогда не была большей, чем у Христа. У него больше, чем у всех людей, проявлялась odium generis humani[1].

6[48]

Чувство и счастье самоотверженности – объяснять окончанием страха и появлением чувства безопасности (а *не* жен<ским> инстинктом).

6[49]

власть:	противоречие	Основы логики. A > < B
покорность:	согласие	A = A

власть заставляет признать неодинаковость
покорность желает установить равенство

6[50]

Моя цель годится не для любого человека, но поэтому о ней и можно сообщать, как ради *людей, подобных мне,* так и оттого, что *противоположные* смогут, черпая из нее силы и желание, также сформулировать для себя свою сущность и преобразовать ее в деятельность духа. Всем тем, кто ищет для себя образец, я хочу помочь, показав, *как* нужно его искать: величайшая радость для меня – находить индивидуальные образцы, *не* похожие на меня. Черт бы побрал всех подражателей, последователей, панегиристов, восхищенных и самоотверженных!

---

1 ненависть к человеческому роду (*лат.*)

6[51]

«В истории надолго сохраняется та военная слава, которая быстрее всего меркнет для современников». Наполеон после величайшего момента своей власти (Тильзитского мира).

6[52]

В войне Наполеон видел средство одурманить нас или, по крайней мере, заставить молчать.

6[53]

Растущее половое возбуждение поддерживает напряжение, которое находит себе выход в чувстве власти: желание властвовать есть признак наиболее чувственных людей. Затухание полового инстинкта проявляется в ослаблении жажды власти: сохранение и вскармливание, а часто и интерес к еде выступают в роли заменителя (родительский инстинкт есть сохранение, упорядочивание, вскармливание, не властвование, а благодеяния для себя и других). Во власти присутствует желание причинить боль — состояние глубокого раздражения всего организма, постоянно желающего отомстить. В этом состоянии похотливые животные более всего злы и агрессивны и забывают себя, находясь во власти инстинкта.

6[54]

Любовь как страсть есть *желание абсолютной власти* над какой-нибудь личностью (например, желание быть единственным объектом мыслей и чувств). Любящий почти не замечает весь остальной мир и в своей жажде власти приносит в жертву все прочие интересы. Вера в то, что нас любят, приносит глубокое удовлетворение: «нас воспринимают как абсолютную власть»!

6[55]

Необходимо *различать* повышенную половую возбудимость и последствия ее умиротворения для продолжения рода: выражение «половой инстинкт» содержит в себе предрассудок.

6[56]

Поглощение семени кровью есть самое интенсивное питание, которое, очевидно, сильнее всего возбуждает жажду власти, вызывает беспокойное стремление всеми силами преодолеть сопротивление, тягу к противоречию и неповиновению. До сих пор наивысшее чувство власти обнаруживали склонные к воздержанию священники и отшельники (например брахманы).

6[57]

Чувство вожделения и *покорности*, скорее всего, *женственное* — и на оба чувства способны и тот, и другой пол, но в каждом преобладает одно из них. Бог знает, с какими особенностями женской половой функции может быть связано то, что чувственное возбуждение у женщин не проявляется как воля к власти: подчиняться власти, служить, из-за любви они чувствуют себя более слабыми. Насыщение яичников отнимает силы.

6[58]

Тот, кто способен на глубокие чувства, принужден переносить их жестокую борьбу с противоречащими им чувствами. Чтобы сохранять в себе совершенное спокойствие и безболезненность, можно отказаться от глубоких чувств, чтобы они в своей слабости вызывали такое же слабое противодействие других сил: последние в силу своей крайней тонкости *не принимаются* во внимание, и у человека создается ощущение полного согласия с самим собой. — *То же самое* и в социальной жизни: если бы все происходило бескорыстно, то противоречия индивидуума следовало бы свести к исчезающе малому минимуму, так что все враждебные тенденции и напряжения, благодаря которым индивидуум сохраняет свою индивидуальность, почти невозможно различить, то есть индивидууму приходится довольствоваться лишь слабыми отзвуками индивидуального! Следовательно, равенство существенно преобладает! Это эвтаназия, она абсолютно непродуктивна! Точно так же, как непродуктивны любезные, спокойные, так называемые счастливые люди, не знающие глубоких чувств! Значение науки состоит в том, что она представляет собой

гигантскую противодействующую силу: наверное, в противовес ей вновь и вновь возникает алогичность и разгораются нелепые фантазии! — Пожалуй, это необходимо!

6[59]

Человечество точно так же не имеет никакой цели, как ее не имели когда-то динозавры, но ему свойственно *развиваться* — т.е. его конец имеет *не большее значение*, чем любой пункт на его пути! NB. Следовательно, добро нельзя определить как средство для достижения «цели человечества». Но, возможно, именно оно максимально продлевало развитие? Или позволяло достичь наивысшей точки (между подъемом и спадом, становлением и исчезновением)? Но это, в свою очередь, предполагало для высшей точки наличие некой меры! И *почему* максимально продлить? Ведь и это предполагает нечто положительное, например удовольствие от жизни. — Цель — получить как можно больше удовольствия? Но ведь с ее помощью человек не может управлять даже своей частной жизнью, так как источники удовольствия, инстинкты, непонятны нам с точки зрения их глубинных потребностей, например мы не знаем, не вызовет ли как можно большее количество удовольствия, в свою очередь, чудовищное неудовольствие? — Или же как можно *меньше* неудовольствия в развитии? — К этому сейчас стремятся все — но это означает также и крайне слабое развитие, всеобщую расслабленность, невыразительный отказ от прежней человеческой сущности, вплоть до того предела, за которым звери вновь овладеют нами! Вялость и дремота к тому же не тот идеал, который мог бы заставить идти на великие жертвы, — и все-таки, если бы человечеству пришлось подняться на такой уровень, это потребовало бы колоссального отречения! И скорее всего это, *не* являясь целью стремлений, могло бы стать его *концом*! Возможно, какая-нибудь обезумевшая звезда сжалится тогда над человечеством!

6[60]

Высшей степени индивидуальности достигает тот, кто становится отшельником и посреди величайшей анархии создает свое царство.

6[61]

Жажда власти характерна для *развития*, для стадии подъема, а жажда подчинения – для стадии спада. Все радости старческого возраста в глубине своей содержат это подчинение вещам, мыслям, людям: господствует растущий. – Больной предвосхищает то, что свойственно старости.

6[62]

Мы *всегда* воспринимаем внешний мир *по-разному*, потому что он всякий раз отличается от преобладающего в нас инстинкта, а поскольку инстинкт нарастает и убывает как нечто одушевленное и не является чем-то застывшим, то наше восприятие внешнего мира каждый миг постоянно *возникает и исчезает*, то есть меняется.

6[63]

Суждение есть нечто весьма неторопливое по сравнению с вечной, бесконечно малой работой инстинктов – инстинкты, таким образом, всегда возникают намного быстрее, суждение же всегда появляется лишь после fait accompli[1] – либо как результат и последствие пробуждения инстинкта, либо как действие *противоположного инстинкта, пробудившегося вместе с ним.* Инстинкты приводят память в состояние возбуждения, заставляя ее выдавать свой материал. – Каждый инстинкт вызывает к действию противоположный инстинкт, и не только его, но, подобно обертонам, и другие инстинкты, отношения которых между собой невозможно охарактеризовать таким привычным словом, как «противоречие».

6[64]

Нам неприятно, когда кто-нибудь нас не ценит. В свои высшие моменты мы оглядываемся сверху на это неприятное ощущение как на нечто далекое, уже не имеющее к нам никакого отношения, и ощущение почти превращается в *знание*: почти все вещи, о которых у нас остается ощущение знания, мы воспринимаем как находящиеся далеко и вне

---

1 совершившегося поступка (*фр.*)

нас, не замечая их основы — инстинкта, вызывающего болезненные или приятные ощущения. Но он неизбежно *должен* присутствовать, память регистрирует лишь проявления инстинктов: она узнаёт только о том, что стало объектом инстинкта! — Наше сознание есть очень слабая форма нашей инстинктивной жизни, поэтому оно так беспомощно по сравнению с сильными инстинктами.

6[65]

В духовных вещах велик каждый, кто в порядке величайшего исключения глубоко ощущает вещи, связанные со знанием, и к вещам далеким относится так же, как и к вещам близким, так что они причиняют ему страдание, возбуждают страсть, умеют вызывать сильное волнение, — у таких людей все это сплавлено с сильнейшими инстинктами. (Честность, например, оборачивается любопытством, гордостью, властолюбием, мягкостью, великодушием, мужеством применительно к тем вещам, которые для большинства людей остаются совершенно холодными и абстрактными.) Пристрастие к абстракциям и неспособность держаться в стороне от абстракции, не обращать на нее внимания — вот что создает мыслителя.

6[66]

Люди, истязаемые теми, кто проповедует покаяние, похожи на косулю, запутавшуюся в силках и умирающую в буйном неистовстве.

6[67]

Моя **задача**: довести все инстинкты до такой утонченности, чтобы восприятие чуждого простиралось как можно дальше и, в то же время, сочеталось с наслаждением: инстинкт честности по отношению к себе и справедливости по отношению к вещам столь силен, что *удовольствие* от него превышает ценность других видов наслаждения и последние в случае необходимости приносятся ему в жертву, полностью или частично. Хотя незаинтересованное созерцание и невозможно, поскольку было бы сплошной скукой, зато *самого легкого* проявления эмоций вполне достаточно!

6[68]

Ничто в мире Наполеон не ненавидел так сильно, как проявление по отношению к нему способности судить, или вообще обладание ею.

6[69]

Ей не хватало спокойствия (мадам де Сталь): согласно Ремюза, «une privation sans remède pour le bonheur et même pour le talent»[1].

6[70]

Я не представляет собой позиции одной сущности по отношению ко многим (инстинктам, мыслям и т.д.), тогда как Эго составлено из множества персонифицированных сил, из которых на первый план в качестве Эго выступает то одна, то другая и ищет контакта с другими, подобно тому как субъект ищет для себя влиятельной и определяющей внешней среды. Точка субъекта перемещается то туда, то сюда; возможно, мы воспринимаем градацию сил и инстинктов как близость и удаленность и интерпретируем их как ландшафт и равнину, что в действительности есть многочисленность количественных степеней. Ближайшее для нас больше «я», чем отдаленное, и, привыкнув к неточному выражению «я и все остальное, tu[2]», мы инстинктивно превращаем то, что *преобладает* в данный момент, в *целое Эго*, а все более слабые инстинкты располагаем более *отдаленно* и делаем из этого *целое Ты* или «Оно». К себе мы относимся как к множеству и привносим в эти «социальные отношения» все те социальные привычки, которые у нас существуют по отношению к людям, животным, странам и вещам. Мы притворяемся, запугиваем себя, образуем партии, разыгрываем сцены суда, нападаем на себя, мучаем себя, прославляем себя, создаем из того или иного в нас своего бога и своего дьявола и бываем в той же степени нечестными и честными, в какой бываем обычно в присутствии общества. — Сводить все

---

1 «невосполнимая утрата как для благополучия, так и для дарования» (*фр.*)

2 ты (*ит.*)

социальные отношения к эгоизму? Прекрасно — но для меня истинно и то, что все наши эгоистические внутренние переживания следует сводить к нашему заученному, привычному отношению к другим. Какие из наших инстинктов не поставили бы нас с самого начала в определенную позицию к другим существам — быть может, инстинкт насыщения, половой инстинкт? То, чему нас учат *другие*, чего они от нас хотят, чего заставляют нас бояться и чему повелевают следовать, есть первоначальный материал нашего разума: чужие суждения о вещах. Они дают нам наше *представление о самих себе*, с которым мы себя соизмеряем, в соответствии с которым бываем довольны или недовольны собой! Наше собственное суждение есть лишь *воссоздание* совокупности чужих суждений! Наши собственные инстинкты предстают перед нами в интерпретации других людей; хотя в принципе все они привлекательны, тем не менее они под воздействием усвоенных суждений об их ценности столь сильно перемешаны с сопутствующими им неприятными чувствами, что некоторые из них сейчас воспринимают как дурные инстинкты: «он заводит туда, куда не должен был бы завести» — в то время как дурной инстинкт как таковой есть contradictio in adjecto[1]. — Так что же хочет сказать *эгоизм*?! Мы можем *в глубине своей души* быть эгоистами или альтруистами, жестокосердыми, великодушными, справедливыми, мягкими или лживыми, испытывать желание причинять кому-нибудь боль или вызывать удовольствие: когда инстинкты борются друг с другом, собственное Я всегда сильнее всего ощущается там, где в данный момент наблюдается перевес.

6[71]

Как неописуемо отвратительно, когда наши образованные люди фантазируют о необходимости идеального образования и обновлении религии! этот изолгавшийся сброд, желающий вновь обрести религию в музыке и театре и вбивший себе в голову: как только он вновь почувствует сердечную дрожь, отбросить всякую идущую от разума честность и очертя голову ринуться в трясину

---

1 противоречие в определении (*лат.*)

мистики! Мысль, достойная оболваненного политикой и корыстолюбием поколения лакеев!

Ведь вне зависимости от того, служишь ли ты какому-нибудь Наполеону или национальному принципу, и то, и другое ведет к рабству и, в конечном счете, к отвращению к самому себе — и да благословенна будет та религия! благословенны те художники, для которых свободная духовная позиция не является врожденной! Прежде я думал: мы другие, у нас другое происхождение, никакая мысль не была мне более чужда, как мысль *предложить свои услуги этим* течениям, пропитанным национальным духом и склонностью к мистике! Я видел их — меня тошнило от этой мысли тогда, тошнит и теперь. Быть одиноким! жить в стороне! — всегда было моим девизом. Какое мне дело до того, что те, кто прежде казались моими единомышленниками, теперь *предлагают свои услуги там*! Здесь — призрачные пальцы спиритиста и фокусников от математики и магии, там — выжигающий мозги культ музыки, там — вновь воскрешенные мерзости преследования евреев, — взгляните на это всеобщее упражнение в ненависти.

6[72]

«Те, кто придет навестить меня, окажут мне честь; те же, кто не придет, доставят мне удовольствие», — Ожье.

6[73]

После первого итальянского похода Наполеон сказал одному журналисту: не забудьте, рассказывая о наших победах, говорить *только обо мне, всегда обо мне*, Вы слышите?

6[74]

Все моралисты единодушны в своем понимании общей тенденции: куда должны быть направлены поступки и что есть общее благо для человечества, — *я* считаю, что они находятся во власти одного инстинкта и при этом совершенно предвзяты. Мне кажется, что господство альтруизма доведет человечество до гибели, — процесс умирания, эвтаназия; возможно, таким способом моралисты служат делу всеобщего развития — но при этом они *ожидают* чего-то *противоположного*! Я хочу поддержать эгоизм и то мудрое

благоразумие, которое *не любит* совать свой нос в дела и поведение чужой личности: мы бываем альтруистами только по необходимости.

6[75]

Все моралисты одинаково оценивают доброе и злое, в зависимости от того, окрашены ли наши инстинкты симпатией или эгоизмом. Я считаю благим то, что служит цели, но «хорошая цель» — это вздор. Ведь повсюду задают вопрос: «хороший для чего?» «Хороший» — это лишь оборот речи для понятия средства. «Хорошая цель» есть хорошее средство для достижения цели. Всякая цель — — —

6[76]

Добродетель опрятности. NB. Корень инстинкта красоты.

6[77]

Жизненная система, основывающаяся исключительно на пристрастиях, — альтруизм. Но в таком случае судьба должна была бы играть на нас одними аккордами — тогда нужно было бы покончить с неразумностью бытия и превратить его в человеческий разум. А для того чтобы каждый слышал одни только гармонические звуки, каждый другой должен был бы оказаться ему подобным и не иметь других обстоятельств — но тогда пристрастия потеряли бы свою силу, а в конце концов и необходимость, так как все *предоставлялось бы* само собой, без усилий.

6[78]

Когда теряется благородная независимость, *тускнеют* все таланты — и неважно, находятся ли они под деспотической властью Наполеона или альтруизма: конец гения!

6[79]

«С одним лишь вкусом к реальности человек ни на что не годен, ни на ферме, ни во дворце».

6[80]

Наше отношение к самим себе! *Эгоизм* еще *ни о чем* не говорит. Мы обращаем против себя все привычные добрые и дурные инстинкты; то, что мы думаем о себе, чувства, направленные в защиту или против нас, наша внутренняя борьба — мы никогда не относимся к себе как к индивидууму и рассматриваем себя как двуединство или множество, все социальные практики (дружбу, месть, зависть) мы добросовестно отрабатываем на себе. Наивный эгоизм животного подвергается благодаря нашей *социальной тренировке* полной альтерации: мы вообще уже не способны ощущать неповторимость Эго, поскольку *постоянно пребываем среди множества.* Мы раскололи себя на части и продолжаем это делать вновь и вновь. *Социальные инстинкты* (такие, как *враждебность, зависть, ненависть*), которые предполагают наличие множества, изменили нас: мы поместили «общество» внутрь себя, в уменьшенных размерах, а уединение с самим собой — это не бегство из общества, но нередко мучительный *бесконечный сон и истолкование* совершающихся в нас процессов в соответствии с шаблонами, выработанными прежними переживаниями. Мы заключаем в себя, даже не давая им имя, не только бога, но и все существа, которых мы признаём: мы суть космос *в той степени, в какой мы его осознали или увидели во сне.* Оливы и бури стали частью нас, биржа и газета тоже.

6[81]

Когда мы *бодрствуем,* наша *жизнь* представляет собой *толкование* совершающихся внутри нас инстинктивных процессов, опирающееся на воспоминания обо всем пережитом и увиденном: произвольный образный язык для этого, подобный привидевшимся во сне грезам об ощущениях.

6[82]

Каким образом появляется привычка жить для других?! У слуги, которого поначалу только принуждение и наказания заставляют думать об интересах своего господина, они постепенно начинают приходить ему в голову прежде его собственных, так как он уже заметил, что его

благо зависит от блага и доброго расположения духа его господина; наконец, он принимается заботиться о нем как садовник о своих растениях, они всегда с ним, сделавшись нетрудной, необременительной привычкой, источником его радостей и страданий. Так же, как конюх печется о своей лошади, ученый о своей теме, отец о своем ребенке, коммерсант о своих деньгах. Мы забываем идеи, формирующие мотивацию, и живем, следуя установившемуся чувству приятного, привычного, – это считается моральным! Разумеется, это приятно для всех, для господ и слуг, и потому весьма *похвально*; по этой причине оно облекается в многочисленные *мыслительные фантазии*, чтобы выдать такую жизнь за нечто высшее!

6[83]

Когда наши побуждения обладают одинаковой силой и влекут нас к противоположным целям, возникает та борьба и та необходимость, которые столь высоко ценят моралисты. В принципе, для многих добродетель ничего не значит, если она не побуждает к такой борьбе, т.е. человек желает, чтобы противоположные побуждения были одинаково сильны! Лаокоон, давящий своих змей! Патетическая поза!

6[84]

Сколько благосклонности со стороны тех, кто легко забывает зло, кого легко привести в возбуждение и столь же легко успокоить, кто не способен на длительные эмоции, не умеет серьезно мыслить, кто экспансивен и несколько бестактен.

6[85]

«L'entraînement de ma destinée»[1], – говорил Наполеон.

6[86]

Величие души! в большинстве случаев это экзальтированность!

---

1 «Меня влечет моя судьба» (*фр.*)

6[87]

«строгие в принципах или чувствах, созданных их воображением»

6[88]

Писатели, производящие эффект, доказывают, что слово есть лишь намек, что человеку не дано ничего завершить и что в этом писатели обладают преимуществом по сравнению с художниками.

6[89]

Геометр Ампер: je crois que le monde extérieur a été créé tout simplement pour nous être une occasion de penser[1].

6[90]

Наполеон был мечтателем, молчаливым, неловким в общении с женщинами, но страстным и пленительным, хотя в юности его личность была в целом странной. Позднее у него случались приступы мрачной и угрожающей ревности.

6[91]

Ровный юмор, мягкость и естественная веселость делают частную жизнь счастливой. Последний довод: *не реагировать сильно ни на что.* Это называют философией, если подобная индифферентность проявляет<ся> не только по отношению к тому, что интересует других, но и по отношению к личным терзаниям.

6[92]

Ее воображение подстегивалось возложенными на нее обязанностями, она заставляла себя идти на самые мучительные жертвы именно потому, что имела несчастье не любить своего супруга. Она так старалась ему понравиться, как будто действительно его любила.

---

1 я думаю, что внешний мир был создан только для того, чтобы дать нам повод для размышлений (*фр.*)

6[93]

Non consilia a casu differo[1], судьба ведет их, цели неясны.

6[94]

Наполеон умел переходить от состояния полного спокойствия в состояние величайшей ярости, когда считал это полезным для себя. «Мой гнев никогда не поднимался выше, чем до сих пор», — сказал он аббату де Прадту, указывая на свою шею (cou). «Он находит способ имитировать свои страсти, хотя они и существуют в действительности», — говорил Талейран.

6[95]

На Наполеона нападали приступы чувствительности, он проливал слезы, но после этого у него всегда портилось настроение. «Если кровь в моих жилах не будет течь со своей обычной медлительностью, я рискую сойти с ума». Корвизар рассказывал, что у него был редкий пульс. Но он жаловался на intraitable[2] нервы. Он утверждал, будто ему абсолютно непонятно, что значит «у меня кружится голова».

6[96]

Втайне ему доставляло удовольствие вызывать страх и заставлять людей трепетать. Поскольку «волнение стимулирует рвение», он старался не показывать свое удовольствие от личностей и людей: «une petite terreur de detail[3] всегда существовал в самых потаенных закоулках его дворца».

6[97]

Казалось, ему был всегда ненавистен покой, для себя и для других.

---

1 Нет советов, пригодных для разных случаев (*ит.*)

2 несговорчивые (*фр.*)

3 маленький террор пустяков (*фр.*)

6[98]

Если беседа в обществе протекала спокойно, он одним повелительным словом вдруг резко менял ее тон и ставил собеседника на место по отношению к себе, то есть в состояние страха.

6[99]

Поистине счастлив тот, кто скрывается от меня в глухой провинции, а когда я умру, мир с облегчением выдохнет: уф!

6[100]

Когда он платил за какую-то услугу, то давал понять, что покупает нечто новое. Чтобы заставить жену волноваться, он ни разу не выразил желания привести в порядок ее долговые обязательства.

6[101]

Мать Наполеона имела весьма заурядный ум.

6[102]

У Луи Бонапарта романтическое воображение сочеталось с абсолютной сердечной сухостью. «Его притворные добродетели причиняют мне столько же неприятностей, как и пороки Люсьена», — говорил о нем Наполеон.

6[103]

Лафонтен: «Et la grâce plus belle encore que la beauté»[1].

6[104]

Дикие животные должны научиться не принимать себя в расчет и постараться жить интересами других (или бога), забывая самих себя, насколько это возможно! Так для них лучше! Наша мораль есть все еще мораль диких животных! Они должны стать орудиями сложных механизмов, находящихся вовне, и предпочитать вращать колесо, только бы не остаться наедине с собой. До сих пор моральность была связана с требованием *не заниматься*

---

1 «А любезность еще более прекрасна, чем красота» (*фр.*)

собой, отложив в сторону размышления и отнимая у себя время — время и силы. Доводить себя работой до скотского состояния, утомляться, тащить ярмо, называемое долгом или страхом перед адом, — мораль была огромным рабским трудом, а также страхом перед Эго.

6[105]

Можно представить себе время, когда человечество ради сохранения вида — а это должно быть его обязанностью! — откажется от возвышенной жизни, какого бы рода она ни была, и будет ограничиваться жизнью все более низменной, поскольку все виды возвышенной жизни требуют слишком больших затрат и лишают плодотворности — подобно тому как старик, для того чтобы выжить, принужден отказаться от своих самых лучших занятий. Но как! разве жизнь есть долг?! Чушь! Вы, физиологи! Люди стали настолько жалкими, что даже философы не видят глубокого презрения, с которым Древний мир и средневековье относились к этой «бесспорно высшей из всех ценностей — жизни»!

6[106]

Главное достижение *труда* — недопущение лености у простых натур, например у чиновников, коммерсантов, солдат и т.д. Основной аргумент против социализма заключается в утверждении, что он намеревается дать простолюдинам возможность ничего не делать. Праздный человек низкого звания становится обузой для себя и для мира.

6[107]

ночная холодность возлюбленной

6[108]

Я предлагаю вам образ; если он привлечет вас, вы должны будете подражать ему. К той или иной морали нас толкают не цели, а удовлетворение уже существующего инстинкта. *Не* рассудок! если он не служит инстинкту!

6[109]

Сколь убоги составные части немецкого социализма, представленные в лице его *вождей*, видно из того, что ни один из них не потребовал полного отказа от спиртных напитков – хотя это бедствие куда более губительное, чем какой бы то ни было социальный гнет!

6[110]

Злые инстинкты отнюдь не неприятны, скорее приятны и приемлемы как злые, так и добрые инстинкты. Они становятся *неприемлемыми* лишь 1) из-за неумеренности и 2) когда подавляются другими инстинктами. Если мы, к примеру, находимся во власти представления о том, что сладострастие (в основе которого лежит брачный инстинкт) постыдно, или о том, что на том свете нас ждут дурные последствия, то к нашему инстинкту примешивается неприятное чувство, более того, мы можем воспринимать его как нечто совершенно отвратительное. Точно так же склонность к состраданию может восприниматься как постыдная слабость, как нечто неприятное. Неумеренное размышление по своему действию ощущается как боль, что происходит даже с восторженными его поклонниками; *неумеренность* есть *вынужденное* проявление инстинкта, *подавление* стремящегося к прекращению (усталого) инстинкта – то есть подавление развития. Всякое развитие связано с *удовольствием*.

6[111]

Гений – продукт *счастливых случайностей*: условия его появления не известны заранее. Исключительно благоприятные условия в духе существовавшей до сих пор морали отнюдь не создают гения и не обеспечивают плодотворности; о воспитании и использовании злых инстинктов и случайностей морали, а уж тем более их практике, ничего не известно. Гениев невозможно взрастить *преднамеренно*, для этого их нужно было бы знать целиком и полностью. Женщины, намеревающиеся создать гения, как правило его только губят.

6[112]

Каким ужасным было положение в прежние времена! Ненадежность познания, в том числе и в морали, и вечные опасности! С каким спокойствием и естественностью следовали за мыслью и истиной!! Подхлестываемые бичом страха перед адом! Или из-за боязни согрешить против вечной любви, усомниться в откровении!!

6[113]

Парадоксальная добродетель, например великодушие, служит предметом восхищения и чрезвычайно почитается как некое чудо!

Иное дело те, кто ощущает принуждение инстинкта, чья жажда власти гордо ему сопротивляется и кто по этой причине бросается в другую крайность.

Иные ожидают большего от удовлетворения и, разочаровавшись, мстят инстинкту.

Другие испытывают слабость, трусость, принуждение из-за страха перед смертью и, *презирая* самих себя, совершают прямо противоположное тому, что подсказывает им страх перед смертью.

6[114]

Мотивы, которыми руководствовались создатели нравственного закона, и их *изменение* в тех, для кого закон был создан. NB.

6[115]

Мнимые последствия моральных чувств, хотя уже само их *появление* есть не причина успокоения, а последствие того, что успокоилась нервная система, и т.д. NB.

6[116]

Все люди стараются придать своему долгу *безусловный* характер: для них унизительна мысль, что они из *страха* приносят себя в жертву человеку, властителю, государству, партии и *подчиняют свой* инт<еллект> другому интелл<екту>; им хочется, чтобы *перестала* существовать *стыдящая их высшая сила*, приказывающая им подчиняться, абсолютный долг, слово бога (например: будьте покорны властям).

Даже и в наше время философы-моралисты пытаются создать *окончательный* фундамент для этики: *без этого*, чувствуют они, политик и социалист не имеет права на высокий пафос и красивые жесты. «Человеку нужно существо, которому он безоговорочно доверит себя», — говорит Лютер, т.е. мы хотим иметь возможность безоговорочно доверять самим себе и противопоставлять миру свои поступки как нечто несомненно выдающееся и не подлежащее обсуждению. Тщеславие!

6[117]

То, что часто оказывает на нас давление (причем с нашего согласия, *несмотря на то*, что это давление неприятно!), мы называем *долгом*. После многократного повторения отсюда возникает *приятная привычка*, и тогда говорить о долге — это ложь. Но такое происходит едва ли не постоянно. Чуть ли не каждый представляет свою деятельность как вещь неприятную, желая таким образом вызвать восхищение своим самопреодолением, т.е. своей *властью*. Существует так много *вымышленных неприятностей бытия*! И так же много вымышленных привлекательных черт у властителей, женщин, празднеств, бездельников, путешественников, христиан, добродетельных людей, народов, партий, философов и писателей: люди выставляют напоказ свое «счастье», большей частью для того, чтобы причинить боль, вызвать зависть.

6[118]

Попытка растворить все моральные побуждения в поб<уждениях> религиозных: бог повелевает, и *ради него человек совершает нечто*. Это уже не морально. То, что человек страшится или любит бога, не есть следствие морали, но результат *размышлений о выгоде*. Такова христианская точка зрения. Право на существование имеют лишь религиозные поступки, все мотивы эгоистичны, а религиозный поступок сам по себе совершается из эгоизма. Или: *всякий поступок зол. Следовательно, религиозный поступок тоже. Отсюда выбор в пользу пощады*! В противовес этому квиетисты заявляют: я совершаю поступок не ради самого себя, но ради бога. Какой низкий уровень самопознания! Сколько

в этом нечестности! Это можно сравнить с женщиной, которая говорит: «я делаю все ради моего возлюбленного!» Неправда! Даже само это «ради в<озлюбленного>» она делает только для того, чтобы следовать *своему* инстинкту, а не *его*. Ведь в последнем случае она должна была бы поступать так, как он, что невозможно. Она может действовать, только сообразуясь с тем образом возлюбленного, который *она* для себя создала: *ее* произведение, разумеется, не = возлюбленному, но есть часть *ее*.

6[119]

В каждое мельчайшее мгновение в нас присутствует чувство абсолютной необходимости происходящего. Если бы мы могли это осознать, то на всякий случай подкрепили бы такую необходимость, назвав ее непреложным долгом, если бы непременно хотели *солгать* о своей *свободе*! Мы говорим: я хочу, хотя должны были бы <говорить>: «я должен», и предсказываем то, что произойдет в следующую минуту, с видом прорицателя и героя, исполняющего свой долг. Это уже верх лживости. К счастью, мы *никогда* не знаем об этой причинной связи, и «я хочу» всегда означает «если я смогу». «Это мой долг» означает «это получится при условии, что у меня будут силы». Приказывать солнцу взойти тогда, когда оно как раз восходит, — такова свобода наших добродетельных. Когда мы чувствуем, что нами управляет достойный и любимый мотив, тогда нужно сказать: «я хочу»! (что должно означать: «я повелеваю себе») — — —

6[120]

Поскольку все наши поступки представляют собой абсолютную необходимость и являются для нас столь же абсолютно неизвестными явлениями, то любое «ты непременно должен» — это лишь слова на ветер. С одной стороны, мы не можем действовать иначе, чем должны, а с другой стороны, мы не можем в каждом отдельном случае проконтролировать, произошло ли то, что мы обязаны были сделать.

6[121]

Неприятным, страдающим от самих себя индивидуумам должно быть свойственно стремление к государству, обществу, альтруизму! А приятные, доверяющие себе личности должны руководствоваться *противоположным* инстинктом, уводящим их **прочь** *от морали первых*! NB, NB.

6[122]

У *скепсиса* есть параллель: «лучше голодать, чем есть что-то мерзкое». Взгляды авторитетных личностей стали нам омерзительны — лучше умереть с голоду! Вот редкая страсть: скепсис — это страсть.

6[123]

Знание о том, что «это полезно, это поддерживает жизнь, а это вредит потомству», — вовсе не является моральной инструкцией! Зачем жить? Зачем непременно жить счастливо? Зачем потомство? — Допустим, все это куда приятней, чем, наоборот, смерть, болезнь, изолированность вследствие отсутствия потомства, — очевидно, найдется нечто еще более приятное, чем эти приятные вещи, например чувство собственной чести, или познание, или сладострастие, ради которых нам пришлось бы выбрать смерть, или болезнь, или одиночество. Зачем сохранять вид? Нас отсылают к *инстинктам* — но *не существует ни инстинкта самосохранения, ни инстинкта сохранения вида.* Небытие могло бы показаться нам *более ценным*, чем бытие; в этом случае нет места физиологической этике. Или же мы могли бы казаться более ценными нам самим, как государство, общество, человечество. Что же ведет к такому возникновению ценностей? Инстинкт. Мораль может только повелевать — т.е. утверждаться за счет возбуждения страха (иными словами, с помощью инстинкта) или же легитимировать себя посредством другого инстинкта — в любом случае она предполагает свою непосредственную доказанность и убедительную силу, она *появляется* тогда, *когда уже имеются в наличии* инстинкт и определенная ценностная оценка. Это можно сказать обо всех этиках. *Здесь присутствует* и инстинкт индивидуальной жизни: моя мысль ему служит. Тех, кто лишен этого инстинкта,

я не смогу ни к чему *обязать*. «Обязанность» есть мысль, посредством которой один инстинкт утверждает свое господство над другими инстинктами — всегда с затуманенным сознанием! этим подкупленным слугой!

6[124]

«Настрой себя так, чтобы получать максимально возможное удовольствие от своих качеств» — вот глупость! Ведь и без какого бы то ни было приказания *каждый добивается* именно этого, если живет так, как хочет, т.е. как должен! Тот факт, что он получает, хочет обрести, забывает, отвергает предписания и полезные знания, есть неизбежное влияние его природы. Мораль *не может сделать ничего другого, как только формировать, подобно искусству, образы человека: быть может, они окажут воздействие на того или другого.* Строго говоря, она не может подкрепить их никакими доказательствами. «Высокий» и «глубокий» - это лишь иллюзии, навеянные впечатлением от морального образца. Эти образы имеют стимулирующее влияние, они разжигают инстинкт и *соблазняют интеллект служить* ему. Однако наш интеллект, как и наш вкус, уже *достиг* определенной высоты, и вследствие этого мы будем отвергать многие образы, так как они вызывают в нас отвращение; в определенный момент наших сил *мы не способны* ни на что другое, кроме как *следовать этим образам*! Это психологическое принуждение часто *представляется* нам как «долг»: чувство абсолютной необходимости, проявление причинной связи. Внутреннее «так дóлжно». Например, что касается таблицы умножения, механику мы, как *мыслители*, считаем обязательной, точно так же и А = А: люди со слабым интеллектом не ощущают здесь необходимости. Разумеется, это субъективное чувство необходимости все-таки очень субъективно. Многие люди *ни в чем* не ощущают такой *суровой* необходимости. Но отвращение, охватывающее нас при виде червей, тоже есть необходимость: эту необходимость мы приукрашиваем с помощью слова «долг», хотя прекрасно знаем, что здесь наличествуют разнонаправленные необходимости. (??)

6[125]

«Стань более разумным, более свободным, более чувствительным, более совершенным человеком, стремись к совершенству своего вида»? На чем основывать этот закон? На пользе индивида или коллектива.

Некоторые говорят: нужно развивать все способности, подчиняя те, которые представляют собой средства и органы, тем, которые составляют для людей их цель. Наша природа имеет сложный состав: в ней следует различать факты высшего и низшего порядка. Но почему я должен следовать цели моего вида, если по воле случая в моем представлении перевернут установленный порядок целей и средств? Например, если я более склонен к плотским удовольствиям, чем к духовным, если у меня своя голова на плечах, а малая толика разума в ней как раз и является средством удовлетворения моих желаний? Здесь на помощь приходят метафизические идеи: подлинная природа человека, его духовное предназначение и тому подобное.

«Тебе дозволено желать достижения цели, *если* ты на это способен». При отсутствии данного условия это означает дать человеку ничем не ограниченную возможность, безусловную силу. Безусловный долг включает в себя безусловную возможность его выполнить: в противном случае это долг не для меня, но для другого существа, он висит в воздухе. — Всякий, кто рассуждает о долге и свободе, предполагает наличие метафизических принципов.

6[126]

Утверждение, что религия якобы дала нам мораль, неверно — все наоборот! Мы подтверждаем истинность или ложность религии *с помощью* морали.

6[127]

Наши моральные инстинкты заставляют интеллект защищать их и принимать за абсолют или же заново их обосновывать. Наши инстинкты самосохр<анения> подталкивают интеллект к тому, чтобы он приводил доводы в пользу относительности или ничтожности морали. Это *борьба инстинктов*, разыгрывающаяся в интеллекте. К это-

му примешивается инстинкт честности — наряду с инстинктом самопожертвования, высокомерия, презрения: *Я.*

6[128]

«земное наслажденье — нести *земную скорбь*»

6[129]

Наш нервный век с претензией заявляет, что великих людей отличают постоянная возбужденность и неровность настроения: им незнакомо равномерное, глубокое, мощное стремление к цели, они бурлят, производят шум и не чувствуют ничтожества своей капризной раздражительности.

6[130]

Интеллект есть не более чем орудие наших инстинктов, он *никогда* не станет *свободным*. Он оттачивается в борьбе различных инстинктов и благодаря этому придает изощренность проявлению каждого отдельно взятого инстинкта. В нашей высшей справедливости и честности кроется воля к власти, к непогрешимости собственной персоны: скепсис — только по отношению к любым авторитетам, мы не желаем, чтобы нам кто-то морочил голову, будь то даже *наши инстинкты*! Но что же все-таки не *желает* этого? Разумеется, инстинкт!

6[131]

Как может развиваться какое-нибудь дерево, можно доказать только с помощью образцового экземпляра. Без такового у нас даже не возникнет намерения вырастить его больше обычных размеров, и мы будем довольны. Выдающиеся люди заставляют других испытывать недовольство собой: — — —

6[132]

как песок на зубах

6[133]

В этих завистливых высказываниях я слышу голоса ревнивых котов.

6[134]

Моралиста, желающего *учредить* новую мораль, вынуждают указать конечную цель. «*Если* вы хотите быть здоровы, вам следует соблюдать умеренность. Но вы обязаны желать себе здоровья, поскольку это условие для того, чтобы быть счастливым, или чтобы выполнить свои задачи, или... и т.д.» За каждой целью обнаруживается новая цель, и моралист уже больше не *обязан* указывать цель бытия. Я мог бы сказать: не существует цели бытия, следовательно, невозможна нравственность только ради достижения цели бытия. Однако люди верили в такие цели — и поэтому смогли учредить мораль с некими притязаниями. В конце концов *неизбежно* возникают жизненные типы и привычки, которые осуществляют принуждение, так как противиться ему *неприятно*.

6[135]

«Долг» — это значит желать какой-то цели не ради другого, но ради самого себя, т.е. это абсолютная цель. Категорический императив, приказ без условий. *На этом* Кант строил свою метафизику: ведь если существует цель без условий, то это может быть только совершенством или беспредельным благом; если бы существовало нечто более совершенное или еще более высокое благо, то это уже не было бы целью без условий. Итак: нужно выдвинуть метафизическое предположение, подобно Канту!

6[136]

«Что есть благо для существа? Свершение своей цели. Что есть цель существа? Развитие собственной природы». Природа, цель, благо существа — три вопроса, логически вытекающие один из другого таким образом, что благо определяется целью, а цель — природой. Если с помощью наблюдения и анализа познать человеческую природу, то из этого можно вывести цель, благо и закон человека. Поскольку благо влечет за собой мысль об обязанностях. Вашеро.

Значит, цель человека есть развитие его природы, быть человеком, а не лошадью. Это не имеет никакого значения! Тогда люди помогают себе, обратившись

к «истинной природе» природы, такой, какой она *должна* быть по их мнению, а не какова она есть.

6[137]

Один инстинкт сильнее, чем другой, и оттого приносит его в жертву себе, например когда мать заботится о ребенке и голодает ради него. *Совершенно неверно* следом за *Спенсером* видеть в уходе за приплодом и в самом размножении проявление альтруистического инстинкта: разница заключается не в том, что это нечто другое. Человек приносит в жертву своей мести, например, собственное дитя. Или приносит месть в жертву своему ребенку — в зависимости от того, какое чувство сильнее. В *жертвоприношении* нет ничего альтруистического.

6[138]

Тот, кто мыслит и чувствует весьма непостоянно, гибнет, он неспособен продолжить свой род. Таким образом, возможно, существует некий предел индивидуализации. В эпохи, когда этот предел ощущается *болезненно*, как это происходит сейчас (как и во *всей* предшествующей *моральной истории* человечества), стремление к нему слабо передается по наследству. Во времена, когда этот предел воспринимается *с удовольствием*, он охотно придает себе преувеличенное значение и создает крайнюю степень изоляции (и тем самым препятствует общей продуктивности человечества). *Чем больше сходства*, тем сильнее возрастает продуктивность, каждый находит себе удовлетворяющую его самку — то есть следствием морали становится *перенаселение*. Чем меньше сходства, тем —

6[139]

Образцы, которым мы подражаем, созданы в соответствии с тем, что нам в себе больше всего могло бы понравиться, если бы нам удалось этого достигнуть, и, с другой стороны с тем, что нам представляется *достижимым* (в соответствии с нашими силами и положением). Условием для этого является *умение отдавать себе отчет* в том, что доставляет нам наслаждение, в своих силах, в самом процессе и его предпосылках — т.е. высокоразвитый интеллект;

в большинстве случаев это наверняка будет *искаженное* представление! Поэтому большинство людей предпочитают *получить* образец — а заодно и *необходимость* подражать ему («долг», не осознанную силу, а некую *силу*, в которую *верят*). Неудача с достижением идеала и ошибки в подражании ему порождают глубокое недовольство — в этой живописи мало кто достигает мастерства. Всю свою жизнь человек делает наброски, чтобы получить образец, годный для подражания; мы придаем ему форму, соответствующую тому, что нами уже достигнуто, и объявляем нас образцом — часто от отчаяния.

6[140]

Прежде спрашивали: верна ли мысль? Сейчас: как мы пришли к такой мысли? Какая сила побудила нас к ней? Если мы обнаружим это — — —

6[141]

Зачатие есть часто возникающее случайное последствие одного из способов удовлетворения полового инстинкта — но *не* его цель или неизбежный результат. Половой инстинкт не обязательно связан с зачатием: случайно благодаря ему достигается попутно такой результат, подобно тому как получение пищи происходит благодаря наслаждению едой.

6[142]

Совершенствование интеллекта оттачивает и нашу злобу, а удовольствие от интеллекта в конечном счете дает нам и удовольствие от изощренной злобы других. Прогресс заключается в том количестве злобы, какое человек может вынести, *не страдая*.

6[143]

Христос носил в своем сердце не только бога, но и сатану; такова компенсация за моральный гиперидеализм: абсолютное проклятие человека, odium generis humani[1]. — Чтобы чувствовать, что человечество достойно такой

---

1 ненависть к человеческому роду (*лат.*)

жертвы бога, нужно было до глубины души презирать это человечество, умалять его по отношению к себе.

6[144]

Мораль есть сумма заблуждений, сплавившихся с инстинктами, так что, когда высказывается ошибочное суждение, пробуждается инстинкт – кстати, непостоянно и без concordia[1]. Эти заблуждения касаются действий человека с точки зрения ценностей, связанных с похвалой и осуждением: за похвалой и осуждением скрывается уверенность, что нам известна *цель* человека и *характер* его действий, а также вера в *свободу* д<ействий> – равно как и в идентичность людей или определенных групп, которым свойственны одинаковые обязанности и поступки, – то есть что мы знаем, что идет на пользу вышеупомянутой конечной цели, а что нет. Все это проявления самонадеянности интеллекта. Но *сдерживаемые* таким образом *инстинкты* жаждут удовлетворения, а это *подстегивает и моральные системы* к новым попыткам задним числом представить, что эти инстинкты соответствуют истине, – в то время как люди наивные соизмеряют весь свой прочий опыт по части моральных побуждений с тем, *истинны* они или нет. Главный предрассудок: «истинно только то, что нравственно».

6[145]

NB NB. Нет никакого инстинкта самосохранения – поиск приятного и избегание неприятного объясняет все, что приписывают этому инстинкту. Точно так же не существует инстинкта, побуждающего к продлению существования вида. Все это мифология (даже у Спенсера и Литтре). Генерация – это дело наслаждения: его последствием является продолжение рода, т.е. без продолжения рода сохранился бы этот вид наслаждения и никакой иной. Половое влечение не имеет ничего общего с продолжением существования вида! Удовольствие от пищи не имеет ничего общего с сохранением!

---

1 согласия (*лат.*)

6[146]

Доказать, что: а) любовь, б) родительская любовь, в) чувство истины, г) справедливость происходят от эгоизма. Разумеется, предположение, что чувственный образ мира у всех людей почти одинаков, что этот вид заблуждения с величайшей силой *передавался по наследству*.

6[147]

Мы можем использовать все свои силы, чтобы сформировать *множество образов* или же отсутствие образа. Есть известная художественная *свобода* в нашем представлении о тех образцах, которых мы можем достичь.

6[148]

«Моральный закон, долг, нравственная свобода, неприкосновенность, безусловное почтение к личности» — все это *нам* запрещено, этим нельзя насыщаться. Точно так же и цели человечества и индивидуума — их не может установить никто, кроме него: это *гипотеза*, более или менее произвольная *программа* — произвольная в отношении материала, случайного материала его знаний о себе. —

6[149]

Не существует ни добра, ни зла самих по себе. «Общепринятые истины» морали имели целью сформировать людей, *идентичных* друг другу, — с помощью заблуждений, тесно связанных с инстинктами. Подобно тому как заблуждение патриотизма делает их одинаковыми в ограниченности их любви и национальной ненависти.

6[150]

«Истинная природа человека» — запрещенное выражение!

6[151]

Я не средство для достижения цели: в природе нет ни средств, ни целей.

6[152]

Нелепо воспринимать нас как причину: что мы знаем о причине и следствии!

6[153]

Удовольствие и страдание: неужели правда, что наиболее индивидуальное существо *больше всего удовольствия испытывает от самого себя?* Да, и *еще больше*, если к этому его побуждают индивидуальные сущности вокруг него. «Как же помешать их вторжению в сферу друг друга?» Но зачем мешать! Для того, чтобы и<ндивидуум> выявился во всем своем блеске, необходима враждебность, наличие всех злых аффектов. Мораль не принимается в расчет! Вместо этого — углубление познания, усиление удовольствия, доставляемого друг другу, высокомерный вид при любом неприятном событии, использование всех ресурсов полноценных личностей в крайних случаях, в борьбе с неизменным! И наконец: существует лишь один *удобный момент* для *процветания* индивидуального — и, быть может, человечество **должно** погибнуть из-за морали.

6[154]

«Ты не должен убивать» — но мы непрерывно убиваем мысли и произведения других, это необходимо, мы постоянно убиваем в себе что-то для того, чтобы продолжало жить нечто другое. Человеческая жизнь идет рука об руку с непрерывным попустительством смерти: человечеству необходимо постоянно *сбрасывать с себя кожу*.

6[155]

Половой инстинкт способствует быстрому продвижению индивидуализации: для моей морали это важно, так как этот инстинкт антисоциален, он отвергает всеобщее равенство и одинаковую ценность людей в их отношении друг к другу. Этот инстинкт есть *образец индивидуальной страсти*, для него нужно большое воспитание: *упадок* какого-либо народа происходит в той степени, в какой *идет на убыль* индивидуальная страсть и при заключении брака начинают *преобладать* социальные причины. — Разделение полов не фундаментально, зачатие, собственно

говоря, не является половым и не принадлежит *сущности всего живого*. Это очень сильное выражение индивидуального желания; чем выше существа, *тем сильнее в них индивидуальное начало.*

«Генерация есть повторение клеткой самой себя, ее наращивание и репродуцирование» — некий вид *избыточности*, при которой часть совершенной и обильно вскормленной массы отделяется, причем нередко вскармливание продолжается и после отторжения.

Генерация есть следствие вскармливания.

6[156]

Корень разума есть A = A? Нет! A = B, вера в то, что две вещи равны друг другу. Высшее развитие разума стремится *опровергнуть это* и тем самым поставить под сомнение и ограничить самое себя.

6[157]

Что же есть конечная цель: удовольствие или долг? — в настоящее время все рассматривают эту проблему так. Некоторые утверждают, что здесь имеет место логическая идентичность.

Ни один поступок, который вообще *возможен*, не бывает *бессмысленным*, нелогичным в том смысле, как это понимают матем<атики>, физики, механики.

6[158]

Когда мы желаем определить цель человека, мы прежде всего оговариваем понятие «человек». Но существуют лишь индивиды, а из того, что нам известно *до сих пор*, понятие можно получить, только *отбросив* все индивидуальное, — следовательно, установить цель человека означало бы воспрепятствовать личностям в их индивидуальном развитии и приказать им стать *всеобщими*. Не должен ли всякий индивид, наоборот, быть попыткой *достичь вида более высокого, чем* **человек**, при помощи его наиболее индивидуальных свойств? В соответствии с моей моралью следовало бы все больше *отнимать* у человека его всеобщие черты и придавать ему особость, сделав его до известной степени менее понятным для других (а значит

предметом переживаний, удивления, поучительным для них).

6[159]

Развивай все свои силы – но это значит: развивай анархию! Погибни!

6[160]

Наша любовь к идеалу есть крайняя степень инстинкта питания (как и себялюбие, любовь к собственности, потребность во власти, в средствах для жизни, для здоровья). Л<иттре>.

6[161]

Развитие полового инстинкта до высоты человеческой любви, сострадания, самоотречения – это не враждебное, а самое высокое чувство человечества. Литтре. Non! non![1]

6[162]

Признание тождественности одного человека другому – должно быть основанием для справедливости? Такая тождественность весьма поверхностна. Для тех, кто распознает индивиды, справедливость *невозможна* – ego.

6[163]

Прогресс морали заключается в преобладании альтруистических инстинктов над эгоистическими, а также общепринятых суждений над индивидуальными? В наше время это locus communis[2]. *Я* же, напротив, вижу, как развивается индивидуум, прекрасно понимающий свои интересы и защищающий их от других индивидуумов (справедливость среди равных, в случае если другой индивид признает ее *таковой* и поощряет ее); я вижу, что суждения становятся более индивидуальными, а общепринятые суждения более плоскими и шаблонными. *Я* вижу, что альтруистические инстинкты наиболее сильны в грубом

1 Нет! нет! (*фр.*)

2 общее место (*лат.*)

эгоизме животных (это некая разновидность подтверждения своего желания), альтруистический инстинкт является *препятствием* для признания индивида, этот инстинкт стремится признать или сделать другого *равным* нам. В общественных и государственных тенденциях я вижу подавление индивидуализации, формирование homo communis[1]; однако появления простого и *равного* столь нетерпеливо желают лишь оттого, что слабые люди боятся сильной личности и предпочитают *всеобщее ослабление*, а не развитие индивидуальности. Я вижу в современной морали приукрашивание всеобщего ослабления — точно так же, как христианство желало ослабить и сделать равными всем людей сильных и духовных. *Тенденция альтруистической морали – податливая масса, рыхлый песок человечества.* Тенденция *общепринятых суждений* – общность чувств, т.е. их бедность и вялость. Это тенденция, ведущая к *концу человечества.* «Абсолютные истины» — это орудие нивелирования, они истребляют формы, обладающие собственным характером.

6[164]

Половой инстинкт отъединяет людей от других людей, это неистовый эгоизм, а *не* источник социальных чувств, — никакого альтруизма!!

6[165]

Детеныш зависит от родителя, походит на него, понятен ему, забавляет его, он его творение — более того, в нем нет: 1. *ничего враждебного*, 2. ничего чуждого, 3. ничего мертвого; наверное, именно эти *негативные* причины и *сделали* детеныша привлекательным. В мире было так мало или вообще ничего, что бы походило на него в этих трех пунктах.

6[166]

Честность в отношении собственности вынуждает нас говорить, что мы целиком составлены из наворованного и оттого слишком тупы и грубы в своих чувствах.

---

1 человека общественного (*лат.*)

Индивиду свойственна ложная гордость в отношении материалов и красок, но он способен, на диво знатокам, *нарисовать новый образ* — и этим *искупает свое посягательство на блага мира*. Видеть смысл своего существования в том, что мы должны внести в него свой вклад, — *не как «вину»*, но как аванс и обязанность! Мы питаемся всем, и будет справедливо, если мы отдадим что-то для насыщения всех. (Христос не был тонок в этом чувстве, он излагал как свое то, что другие выдумали до него.)

6[167]

Мы страдаем и поносим вещи и людей! Прекрасный способ мстить! *нанося ущерб* собственному мнению! Мы сами совершаем возмездие над собой, понося и вредя другому. Мы омрачаем собственную душу, приучаем ее к *двуличию* — и наконец — —

6[168]

Быть благородным означает принадлежать к избранным, составлять исключение. Для других самопожертвование есть страстное желание, посредством которого становятся исключением. Но по отношению ко всем другим, делающим то же самое, ты не благороден, а *обычен*. Среди «добрых» людей доброта считается не индивидуальным качеством, но правилом, а потому никто *не восхищается и не хвалит* ее. — Некоторые мечтают о таком обществе, где их наиболее индивидуальные качества будут считаться правилом, где они перестанут быть наиболее и<ндивидуальными>. Другие же впадают в неистовство при мысли о такой всеобщности. Первые страдают от роковых последствий своей исключительности, а вторые наслаждаются ей. Третьи ее вовсе не замечают.

6[169]

Два вида интереса к вещам: 1. знать, что они *такое*, 2. что из этого можно сделать.

6[170]

В целом я, как бы плывя с закрытыми глазами, поочередно находил необходимую для себя пищу: оттачи-

вание интеллекта, затем взлет и принесение в жертву собственного Я, после этого справедливость и самостоятельность, потом осторожная доброжелательность ко всему самостоятельному и т.д. Без суждения: неумеренность постоянно влекла меня все дальше, и вкус новизны доставлял мне удовольствие. Боль научила меня ценить редкие радости их существования, моя позиция научила меня одиночеству: ученый во мне заставлял меня понимать художника и т.д.

6[171]

Осторожное отношение Гёте к музыке: весьма полезно, что немецкая склонность к неясности получила еще и художественную поддержку.

6[172]

приятный озноб при звуке колокола

6[173]

Одни совершают совершенно эгоистические поступки, но их моральное суждение приучено тотчас же рассматривать все с точки зрения похвальности и добродетельности: они совершенны в своей нечестности по отношению к себе и представляют в обществе «чистую совесть». Другие выше их, но их суждения обусловлены пессимистическими привычками, они все расценивают эгоистически и *презирают все* эгоистическое. Самые благородные из их поступков оставляют в их душе осадок отвращения. Это те, кто верит в *добродетель, которой нет* и *быть не может*! Они честны, но их честность приносит им одни лишь муки и отвращение к себе: ведь их чувство удовольствия ограничено поступками, на которые сами они, как им известно, неспособны, — но они считают, будто другим эти поступки *под силу, что не соответствует истине.* Тот, кто сказал: «я исполнил закон», — наверняка был не слишком взыскателен в толковании закона и не склонен к размышлениям.

6[174]

«Не укради!» Но где же заканчивается собственность? Мысль, побуждение, точка зрения, выразительность образа, здания, человека – разве все это не собственность?! И все это мы постоянно крадем. Мы украдкой вбираем в себя все вещи и солнца, мы уносим *к себе* все, что есть и что случилось прежде. При этом мы не думаем о других. Каждый *отдельный* человек поглядывает, что бы ему еще припрятать для себя.

6[175]

Высшие натуры менее благоразумны, чем низкие, некоторые их инстинкты, отвечающие за удовольствие и неудовольствие, *сильны настолько*, что в это вряд ли можно поверить. В этом отношении их мышление порой отключается или *всецело* отдается им. Они рассуждают о *страсти*; ее удовлетворение для них важнее, чем жизнь. Но то же происходит и с пьяницами, сластолюбцами, мстительными людьми. Необходим *объект* страсти, облагораживающий и делающий ее признаком высшей натуры. Не еда, не питье, не похоть – но вещи, *редко* дающие *сильные* ощущения, например мысли, познание, благо города, государства, человечества, спасение души, счастье других. Таким образом, то, что обычно оставляет нас *безучастными*, здесь является объектом страсти – вот что составляет высокую натуру: ее вкус ориентируется на исключения из правил. Здесь на первый план выступает *индивидуальный вкус*: такую страсть столь же невозможно *понять*, как невозможно понять индивидуум. Высшей натуре присуще *своеобразие страстей*: она не относится к обыкновенным, следовательно, не поддается учету. Здесь ее безрассудство огромно: она приносит какому-нибудь делу величайшие жертвы, цену которым знает только она, и не считается с ценностными мерками других. Итак, высшей человеческую натуру делает обладание е*диничной ценностной меркой*: *либо* лучше определять цену других вещей, чем быть оцененным, *либо* оценивать другие вещи иначе, чем их о<ценивают>. – Низкие натуры не верят в разницу масштабов, т.е. *они не верят в индивидуумов*. «Я верю в индивидуумов» – говорит высокая натура? – При этом она часто

обманывается, поскольку *предполагает* наличие индивидуальных суждений и масштабов у других и не владеет практической сметкой, позволяющей распознавать в них людей среднего уровня (подобно Наполеону, который сам был таким).

Подвид: *высшие натуры*, во всем и *повсюду* предполагающие найти свой собственный индивидуум и присущий им масштаб чувств, а значит и свою собственную историю, и *не* признающие индивидуальное, т.е. ценящие его *столь же мало*, сколь мало они понимают *низкое* (например Христос). *Сами себя они не воспринимают* индивидуально. — Другой вид: они осознают свою индивидуальность, понимают индивидуумов, но им трудно дается понимание общности — *ей они должны учиться*. Возможно, они сами горят желанием основать общину — это вполне вероятная страсть. (Ларошфуко?)

6[176]

Непрерывно наблюдается движение к образованию видов, людей с общими признаками: города, государства, культуры способствуют этому. Доказательством служит статистика. Отклоняющиеся переходные натуры (между двумя видами) или же вырождающиеся натуры и есть натуры индивидуальные, иначе говоря, это попытки образовать внутри вида некий особый тип.

6[177]

«Человек не то, что он есть всегда, он то, чем бывает очень часто», — Ремюза.

6[178]

Итак: не самопожертвование делает человека благородным, это лишь включает его в категорию людей страстных (так, например, жертвует собой человек, обуреваемый неистовой похотью), есть низкие страсти, т.е. общие, и *высшие*: индивидуальные. Благородный *жертвует индивидуальной* страстью: благородным его делает не то, что он жертвует собой ради других, а то, что это побуждение редко встречается у других — *индивидуальная* особенность, как и многие другие особенности, *также делающие благородным*.

6[179]

В принципе христианство не *требовало* ничего иного, как *интеллектуальной жертвы*: чтобы *верили* в Христа. — Кто придает такое значение вере в него, что за это гарантирует небеса, тот, должно быть, испытывал ужасные сомнения? Или?

6[180]

Крылатая богиня, записывающая твое деяние на бронзовом щите, та, которой поклоняются люди.

6[181]

Он не может постичь степени родства, не говоря уже о том, чтобы тонко понимать ответственность за некоторые из них! — ego.

6[182]

Самое мучительное для меня — необходимость защищаться. При этом я сознаю, что сперва мне нужно сравнить свой способ существования со способом существования других и *приписать ему вразумительные мотивы*; непривычный к таким вещам, я знаю, что это мне не удастся. Более того, всякое изображение моего портрета другими повергает меня в смятение: «но ведь *это* вовсе не я!» — таково мое ощущение; если бы я пожелал высказать свою благодарность, то счел бы себя *нечестным*.

6[183]

Учение об умеренности есть следствие наблюдений за природой; всякий, кто желает стать высоким и сильным, должен постоянно умножать свои силы, как будто это капитал, и не имеет права претендовать на них для собственной жизни.

6[184]

Наши мысли следует рассматривать как *жесты*, соответствующие, как все жесты, нашим инстинктам. Следует связать с теорией Дарвина.

6[185]

Как суровы по отношению к Кальвину всего из-за одной казни! А Христос отправлял всех, кто в него не верил, в ад – люди же, еще более ужасные, чем он, присовокупили к тому: «с обратной силой».

6[186]

Существуе жадный и торопливый способ мышления. И для него тоже требуется мораль.

6[187]

Независимость не доставляет удовольствия, когда она лишена шипов. – А при абсолютной невозможности хоть одним глазком взглянуть на независимость зависимость теряет свои неприятные черты. Так и с несвободой воли – мы должны обломать шипы древней иллюзии! и тогда мы будем счастливы и довольны.

6[188]

«Потребность поддерживать иллюзии в отношении своего *господина*, поскольку человеческое тщеславие не любит краснеть за того, кому мы *подчиняемся*».

6[189]

Царство совершенно нечеловеческих необходимостей все больше раскрывает свои тайны! Наконец-то мы и сами смеемся над тем, как прежде думали, будто можно понять и заместить его нашими инстинктами и инстинктиками, склонностями и ненавистью, волей или целью и т.д. Мир как сфера людей стал для нас предметом насмешек, подобно астрологии. Как можно более патетически овладеть нашим отношением к этому миру стремились все философы; в конце концов идеалистам удалось превратить нас в главную сущность, а мир в своеобразный плод нашей деятельности – как если зеркало сказало бы: «без меня нет ничего, творец – это я». В конечном счете мы сами оказались вплетенными в чудовищную систему и вращаемся в ней; и все же для нас остается еще достаточно много непознанного в нас самих, и *это остается ареной нашего высокомерия.* Да, после того как мы так хорошо объяснили

положение человека в мире, на этом последнем пятачке разыгрывается битва за «высшие права человечества», битва не на жизнь, а на смерть. Вот оно, *высокомерие*, и *все инстинкты* служат ему в этом! *Высшая ценность* нравственности отважно противопоставляется всеобщему мировому закону, а цели человечества объявляются целью мира. Люди считают, что слова «добрый», «красивый», «истинный» служат доказательством их исключительности, божественности: наука на службе древних инстинктов борется и защищает бога в человеке, после того как она во всем остальном отреклась от него — от свободного бога.

6[190]

Честолюбие Наполеона было направлено на власть: он предпочел бы мир, если бы *тот* умножил его власть.

6[191]

Никогда не позволять любить себя, но препятствовать любви другого там, где не чувствуешь импульса ответной любви, и, если это необходимо, высмеивать его, более того, унижать себя в его глазах! Ничто не делает художников (и женщин!) столь низкими, как то, что они позволяют любить себя. Мы должны помешать другому сделать из *нас* свой идеал: он таким образом понапрасну растрачивает свою силу, позволяющую ему создать для себя свой собственный идеал, мы *вводим его в заблуждение и уводим его от самого себя* — мы обязаны сделать все для того, чтобы просветить его или оттолкнуть от себя. Брак или дружба, должно быть, являются способом (редкостным!!) укрепить свой собственный идеал с помощью другого идеала: нам нужно видеть *и* идеал другого и, исходя из него, свой собственный!

6[192]

Куда делись великие люди? В тех, что сейчас так называют, я не вижу ничего, кроме людей, которые тратят невероятное количество сил, разыгрывая комедию перед самими собой, желая произвести впечатление на себя и при этом с немыслимой жадностью прислушиваясь к реакции публики, так как ее овации и обожание могут

дать им веру в себя. Их влияние на других оказывается для этих постоянно изнемогающих от чрезмерного напряжения людей питательным бульоном. Это история болезни!

6[193]

Во Франции любые личные отношения (любовь, дружба) скоротечны. «Постоянно изменяться» – иначе наступает скука. Для итальянцев это было бы мукой: подобно коровам, им свойственно спокойное доверие – малейший нюанс, замечаемый ими (большинство его вовсе не заметило бы), едва ли не убивает их. Ст<ендаль>.

6[194]

«Навоз творит больше чудес, чем святые». – Сицилия.

6[195]

В Германии отсутствует *всякое* нравственное воспитание.

6[196]

Учиться молчать и уходить. Уходить следует всегда в том случае, когда жизнь связана с известным противоречием, не дающим нам свободно дышать.

6[197]

«ощущение ватерпаса и перпендикуляра, которое, в сущности, делает нас людьми и является основанием любой гармонии», – Гёте.

6[198]

Нет ничего глупее насмешки над тем, что составляет главный предмет профессии какого-нибудь человека, например ученого, – как это позволяют себе делать избалованные дети, художники.

6[199]

Подлинным величием характера среди музыкантов обладает один лишь С. Бах.

6[200]

Коммерческий дух имеет великую задачу привить людям, не способным к возвышенному, страсть, которая ставит перед ними далекие цели и придает осмысленность их повседневной жизни, но в то же время *использует* их, чтобы нивелировать все индивидуальное и оградить как от духа, так и от излишества. Он создает новый тип людей, имеющих такое же значение, какое имели *рабы* в Древнем мире. То, что они становятся *богатыми*, делает их влиятельными на то время, пока могучие духом не осознают своих преимуществ и желают заниматься политикой. Это рабочее сословие в течение длительного времени *вынуждает* высшие нат<уры> отделяться от него и образовывать *аристократию*. *До поры до времени* художники и ученые принадлежат к этому рабочему сословию и служат ему, так как хотят иметь много денег. Неприспособленность к досугу и неспособность к страсти свойственна им всем (*отсюда* невероятная аффектация и того, и другого у художников, поскольку они желают развлекать с помощью чего-то необычного). Денежные интересы навязывают им интересы политические, а *те*, в свою очередь, заинтересованность в религии: им необходимо держать в зависимости и благоговении отдельные свои элементы — вот откуда *английское* ханжество, свойственное коммерческому духу.

6[201]

То, что *не передается по наследству*, для кристаллизации характера еще более важно, чем то, что передается. Благородный характер — т.е. *не пользоваться* некоторыми привычками и взглядами, удобными для других.

6[202]

Когда мы едим, гуляем, живем среди друзей или в одиночестве, наше поведение до мельчайших деталей определяет *высокий замысел нашей страсти*, ставя себе на службу разум и науку и с неистовым жаром требуя у последней подходящих для себя указаний. Не следовать слепо своим, пусть даже и сильным, инстинктам, а привлекать все полученные до сих пор познания: только *так* и можно иметь высокое мнение о себе; все, что было

познано до сих пор, должно служить твоей страсти. Кто легко *примиряется* с наукой или же связывает с ее применением причудливые фантазии, тот не испытывает глубочайшего и несомненного благоговения перед своей страстью, для которой никакая жертва не кажется чрезмерной. Опорой для нашей сущности должен стать весь мир предыдущего опыта человечества! — Вы принимаете чью-то сторону, любите и ненавидите; если бы вы испытывали больше уважения к своим трудам, если бы *всерьез* считали их важным делом, вы бы побоялись так *затемнять* свое суждение, вы должны с жаром вопрошать познание и стать *честными* по отношению к самим себе. Страсть вновь и вновь выводит нас из равновесия: наш идеал жаждет все более высокого подтверждения и жертв, стремясь таким образом к постоянному развитию и *самоочищению*. — Вы влюблены в себя, но это временная прихоть, частичка полового инстинкта, вы смутно сознаете, что прихоти удовлетворяются с помощью *прихотей*, вы всего лишь исполняете *каприз*! *Или* вы *тщеславно влюблены* в свой идеал и делаете для него все, что вызывает *у людей* уважение и восхищение, вам нужна *публичность* вашей страсти, но в глубине души вы испытываете от этого скуку. Вы вершите свой труд, но *за ним* скрывается цель — *отражение самих себя в головах* других; это увеличительное стекло, которое вы подносите к глазам других, когда они смотрят на вас! — Многие честно делают свое дело, как они привыкли, как научили их строгие учителя, они рассуждают о чувстве долга и требуют обязанностей — но испытывают при этом угрызения совести, ведь их *обязанностью было* совершать *только что-то незаурядное*!

6[203]

Не то, что мы хотим помогать и быть полезными людям, — нет, то, что мы *радуемся людям*, составляет суть так называемого доброго человека и нравственности. Это новое для нас достижение последнего времени. Наши «добрые дела» этой радостью подразумеваются сами собой: если мы не боимся людей, не относимся к ним враждебно, но в то же время связаны с ними многочисленными связями, то связи эти могут быть лишь такими, которые умножают нашу радость от них, т.е. мы стараемся поддер-

жать их стремление к стилизации индивидуальности или же, по крайней мере, избежать вида безобразного (страдающего). Любовь к людям?? Но я говорю: радость от людей! А чтобы эта радость не была бессмысленной, нужно способствовать существованию того, что нас радует. — Мы видим, что этому должны предшествовать честность по отношению к себе и уважение к чуждой нам сущности, развитие вкуса, для которого необходимо лицезрение *прекрасных, радостных людей.* Здесь осуществляется *селекция:* мы отбираем тех, кто доставляет нам радость, поощряем их и избегаем других — вот истинная нравственность! *Приводить к гибели* всех жалких, изуродованных воспитанием, выродившихся должно быть тенденцией! Не поддерживать их существование любой ценой! Как ни прекрасно желание быть милосердными к тем, кто нас недостоин, и стремление помочь дурному и слабому, — в целом это исключение, ведь вследствие этого все человечество сделалось бы низким (как это случилось, например, из-за христианства). Всегда следует основываться на природном инстинкте: «доставлять радость тому, кто радует нас, и страдания тому, кто огорчает нас». Мы истребляем диких животных и выращиваем прирученных: это великий инстинкт. Мы *сами вырождаемся,* когда смотрим на безобразное и соприкасаемся с ним: возводите защитные насыпи! Сводите все к полезности! и тому подобное.

Если мы станем общаемся лишь с теми, чья близость радует и возвышает нас, то начнут образовываться группы и прослойки, в свою очередь относящиеся друг к другу с большей или меньшей отчужденностью. Это *очень хорошо,* необходима такая конструкция общества, основанная на честности!

6[204]

Инстинкты сами по себе не влияют на чувство ни хорошо, ни дурно. Тем не менее возникает некий ранговый порядок, в силу того, что удовлетворение некоторых инстинктов связано со страхом, а эти последние в иерархии чувств стоят *ниже,* чем те, что связаны с наслаждением. Эта разница в степени чувств в области моральных суждений превращается в *противоречие.* Если удовлетворение

инстинкта *всегда* происходит благодаря чувству запретного или чувству страха, возникает *отвращение* к нему: теперь мы считаем его *злым*. Для нас с ним неразрывно связано сопутствующее чувство, отчего возникло некое *единство*. «Злой поступок». Кто ни в чем не ощущает запрета и делает все, что хочет, тот ничего не знает о добре и зле. Кто ощущает запрет на многое и не делает ничего запретного, тот чувствует себя *хорошим*; при этом безразлично, от кого исходит запрет, имеет ли кто-то власть над нами или *мы сами* властвуем над собой! — Совершенный человек не разрешает себе очень многого (бесконечно больше, чем могут себе представить *другие*!) и оттого ощущает себя *хорошим*: мы имеем дело с искусно усмиренной и переосмысленной природой, ведь она пребывает в становлении, и дело тут не в *однократном* построении или разрушении чего-то, — это висячий сад.

6[205]

Нет никакого резона оставаться в тех условиях, при которых наши мелочные волнения повторяются каждый день: это наиболее веская причина для того, чтобы расторгнуть брак, выйти из партии, прервать дружбу или отказаться от службы. Если ты велик в своем одиночестве, знай, что в других обстоятельствах ты испортишь себя. Властная снисходительность: где тебя охватывает это ощущение, там ты у себя — там и строй себе дом!

6[206]

Я не обращаюсь к слабым: они желают повиноваться и повсюду оказываются в рабстве. Перед лицом человека с непреклонным характером мы и сами чувствуем себя непреклонными! — Но я нашел силу там, где ее не ищут, — в простых, мягких и любезных л<юдях>, не обладающих ни малейшей склонностью к власти, — и наоборот, склонность к власти нередко казалась мне признаком внутренней слабости: они испытывают страх перед своей рабской душой и набрасывают на нее королевскую мантию (но в конце концов становятся рабами своих приспешников, своей славы и т.д.). Сильные н<атуры> *властвуют*, таков

закон, – и даже пальцем не шевелят. Даже если заживо хоронят себя в беседке!

6[207]

Неправильность соррентийского ландшафта. – Оливковое дерево прекрасней апельсинового.

6[208]

Германия нуждается в движении за воздержание: огромное большинство преступлений, как и самоубийств, связано с алкоголем!

6[209]

До сих пор ни один немецкий художник не обладал достаточным умом, чтобы *объяснить* то, что он делает: самые умные из них умели лишь приукрашивать свою деятельность, как будто их совесть была нечиста; в действительности же они *подрывали* свое влияние, демонстрируя свою ограниченность, значение их произведений от этого снижалось, и они могли оказать воздействие только на ничтожных подражателей. Ведь если считать *намерением* искусства самовосхваление, самооправдание или игру в прятки, тогда за него станут браться многие из тех, кому необходимо возвеличить или скрыть свою природу.

6[210]

Поступки, долгое время воспринимающиеся как исключения и приносящие *почет*, в конце концов превращаются в привычку и тогда уже кажутся *приличными*. Честность по отношению ко всему реально существующему тоже может когда-нибудь стать признаком хорошего тона, а фантазеров просто не будут принимать в расчет как людей неприличных.

6[211]

В этом столетии французы развили в себе (благодаря рисованию) вкус к живописи, которого не было у предыдущего столетия. Итальянцы утратили свой певческий слух, немцы научились увлекаться политикой, англичане заняли первое место в науке.

6[212]

Наши инстинкты зачастую противоречат друг другу, в этом нет ничего удивительного! Странно было бы, если бы они действовали в гармонии. *Внешний мир* играет на наших струнах — что ж удивляться, если они часто диссонируют!

6[213]

После Аустерлица война была скорее следствием его системы, чем проявлением его вкуса: — — —

6[214]

Молодые люди, успехи которых не соответствуют их честолюбию, ищут для себя объект, который они из мести готовы растерзать, в основном людей, сословия, расы, не слишком способные на ответную месть: *лучшие* из них начинают неприкрытую войну; сюда же следует отнести и страсть к дуэлям. Лучше всего выбирать противника не слабее себя, достойного уважения и сильного. Так, борьба с евреями всегда была признаком дурных, завистливых и трусливых натур: тот, кто в наше время участвует в этом, должен носить в себе изрядную порцию вульгарных воззрений.

6[215]

Мрачен конец всех великих мыслителей и художников, честность которых по отношению к себе постоянно убывала. Им не свойственно радостное расставание с жизнью и постепенный переход в иной мир.

6[216]

Мнения людей столь же *необходимы*, как и их поступки, — но оттого не «истинны для них»! Лишь невероятная способность встать над собой и вобрать в себя другие способы мышления позволяет нам отличать истину <от> лжи. *Идеал*! Мнение, независимое от всего личного, пределом которого может быть только сам «человек». Это мнения, *более всего полезные* для «человека», его суровое отношение к вещам (которым он уже не поклоняется так слепо).

Человечеству придется долго и жестоко расплачиваться за каждое заблуждение — ведь для того, чтобы заблуждение продолжало существовать, нужно стократно исказить и представить в ложном свете другие вещи. Например нежелание понять, т.е. упадок честности, ослабление интеллекта, возрастающая опасность для жизни.

6[217]

«с 1730 года ни у кого больше не доставало ни необходимой *страстности*, ни *фантазии*, чтобы достигнуть колоссальной вычурности Поджо и Биббиены», — Я<коб> Б<уркхардт>.

6[218]

Среди всех, кто внес свой вклад в создание и распространение религий, не было ни одного выдающегося ума, равно как и ни одного честного человека. Эти великие страсти масс были порождены самыми грубыми умами, *теми, кто, подобно животным, слепо верит в себя.*

6[219]

Силе свойственна мягкость.

6[220]

потребность в гениях как в питательном бульоне.

6[221]

коммерческий дух и его плоды

6[222]

Вкус *английского* садового искусства — «подражание вольной природе с ее случайными проявлениями» (Я. Б.): в этом весь современный вкус. Таких людей желают создать поэты, тогда как существует иная цель — «подчинить людей законам искусства». Против элегичной и сентиментальной любви к природе, NB: мне нужно отучить себя от этого. «Контраст с вольной природой, чей свет проникает в итальянский сад» (Я.Б.). Главное условие для впечатления. Подобные люди, *люди стиля*, сильнее всего проявляют себя в *полудиком* окружении.

6[223]

Любовная страсть показывает, насколько нам не хватает честности по отношению к самим себе; более того, это предполагают заранее и *на этом* строят брак (давая обещания, которые не может дать *себе ни один честный человек*!). Так же было прежде с *верностью* подданных своим правителям, отечеству или церкви: они торжественно отрекались от честности по отношению к себе!

6[224]

Что касается вещей, то мы более склонны верить тому, что нам приятно. Животные, которые менее последовательны в такой склонности, осторожные животные, лучше всего сохраняются. Робость — первый шаг к честности.

6[225]

Мы говорим «прогресс», но подразумеваем развитие, т.е. становление и исчезновение. И<счезновение> мы также можем воспринимать только как движение вперед, поскольку оно, как всякое развитие, *соединено с удовольствием*. Боль причиняет лишь *прекращение развития*.

6[226]

Злоязычные создания, которые даже свою благосклонность не могут выразить, не прибегая к колкостям.

6[227]

Чтобы стать нежным, человеку требуется бездна притворства.

6[228]

Ценность науки и ее *привлекательность* — в противоположность лицемерию. Кто не воспринимает ее целиком, тот не понимает ее героического очарования.

6[229]

Если в душу ребенка, растущего в эпоху суеверия и в окружении суеверных людей, закрадывается мысль: «ты сын божий» — и если этот ребенок <с> ранних лет слушает наставления своей набожной матери, что этот бог свят

и жаждет святости, если к тому же он обладает кротким характером, буйной провидческой фантазией и вскормленной одиночеством и воздержанием верой в себя, – то такой человек может уверовать в свою непогрешимость, лишь только он возомнит себя сыном божьим и станет повиноваться *своим собственным повелениям*: утонченная разновидность высокомерия. Будучи законодателем, он стоит выше закона, он может проявить свое верховенство над ним, вершить его; как же нелепо для него делать нечто такое, что идет вразрез с его идефиксом! Находясь на такой высоте, *он тоскует по любви* – люди должны *поверить* в него: это единственное, чего ему не хватает, и за это он готов дать им все, что может дать, например божью милость. Дети, нищие, глупцы, презираемые и презирающие сами себя – вот его любимцы. Он творит себе своего бога по собственному образу и подобию, чтобы, словно бог, проявлять любовь: он вытесняет и ослабляет представления, из которых проистекает появление другого бога. Его честность по отношению к самому себе весьма незначительна, он не может с чистой совестью положиться ни на свою веру в то, что он сын божий, ни на свое знание природы и человека. Слуга своей страсти, он лжет самому себе: он не ценит того, чего не знает, и считает себя мерой вещей, с наивностью одинокого пастуха, вокруг которого лишь овцы. Его больное место – то, что люди не желают ему верить, тогда как он сам верит себе; при этом его фантазии становятся жестокими и мрачными, и он придумывает ад для тех, кто не в<ерит> в него. Недостаток образования не дает ему представить себе, как возникает страсть, и хоть раз объективно взглянуть на *самого себя*; он никогда не поднимается над собой (как, например, Наполеон). Самой ужасной, вовек неискупимой виной людей стало то, что они отвергли его любовь, – это *низкая* черта. Сюда же следует отнести его подозрительное отношение к богатым, к духу, к плоти – его мягкость и терпимость недолги и совершенно эгоистичны.

6[230]

Более тонкие рассказчики стараются не нагнетать в переживаниях своих героев их монструозные, криминальные, грубые черты: они скорее снижают и сглаживают

события, показывая, как тонким натурам приходится страдать *даже* от этой малости, или давая понять, что здесь только и начинаются *их* испытания; грубые натуры не видят здесь никаких проблем. — Любого хорошего писателя отличает то, что своего героя он считает не non plus ultra[1], а дельным человеком. — Истории о полубогах не требуют большого таланта, им нужны грубые краски — их рассказывают *толпе.* Таковы идеальные повести о разбойниках и привидениях. — Тот, кто влюблен в своих героев и их приключения, не относится к первому разряду — ведь он должен быть *беден.* — Великолепные, вызывающие восхищение материи и герои занимают бедняков, которые не верят, что без этого другие могут принять их за богачей.

6[231]

Мы не достигаем своего максимума, поскольку в период самого быстрого роста должны наличествовать все прочие благоприятные условия. Мы приземленны и грубы.

6[232]

Если бы мы воздерживались и от приступов слепой любви и ненависти по отношению к людям — насколько меньше ошибок нам пришлось бы *исправлять,* т.е. проделывать ложный путь в обратную сторону (упуская при этом время для следования *своим* путем)! Нас охраняет бóльшая честность по отношению к самим себе: ведь в своей любви и ненависти к людям мы имеем обыкновение внезапно *поддаваться* нашим долго сдерживавшимся инстинктам.

6[233]

нищим духом христианство сулило царство небесное, но первый же образованный и острый умом христианин дал христианству его диалектику и риторику, без которых оно погибло бы вследствие своей духовной нищеты.

6[234]

Инстинкты роднят нас всех с животными: развитие честности делает нас более независимыми от того, что

1 тем, кто достиг пределов совершенства (*лат.*)

внушают нам инстинкты. Эта честность есть результат работы интеллекта, в особенности если на интеллект воздействуют два разнонаправленных инстинкта. При каждом новом аффекте память предлагает нам представления о какой-то вещи или личности, которые эта вещь или <эта> личность пробуждали в нас прежде, при каком-то другом аффекте; здесь проявляются *различные* свойства, признать их все значит сделать шаг на пути честности; иными словами, это значит сравнить наше прежнее представление о том, кого мы теперь ненавидим и кому не можем простить, что когда-то любили его, с его нынешним образом и смягчить, выровнять этот нынешний образ. Так велит *благоразумие*: ведь без этого мы в своей ненависти могли бы зайти слишком далеко и тем самым подвергнуть себя опасности. Основа справедливости: мы признаём право на существование у нас нескольких образов *одной и той же* вещи!

6[235]

Привычка различать в одной вещи *многие* свойства, *помимо* наших аффектов, помогает создать ряд устоявшихся вещей, все более увеличивающийся и уточняющийся. Эта привычка формирует *потребность*, по мере познания вещей во всей их многочисленности: основа *интеллектуального инстинкта.*

6[236]

Честность по отношению к самим себе существует *дольше*, чем ч<естность> по отношению к другим. Животное замечает, что его часто обманывают, и оттого принуждено часто притворяться. Это побуждает его распознавать ложное и подлинное, притворство и реальность. Умышленное *притворство* основывается на первом ощущении честности по отношению к себе.

6[237]

Христос: «кроткий, скорбный и эгоистичный».

6[238]

Что значит «*понять мысль*»? Мысль пробуждает представление, представление будит ощущения, а они

вызывают чувства — так камень в конце концов издает глухой звук, упав вниз и достигнув дна: это сотрясение почвы мы называем «пониманием». Здесь имеют место не причина и следствие, а лишь ассоциация: такое-то слово привычно пробуждает такое-то представление — *как* это происходит, не знает никто. Наше «понимание» есть нечто непонятное, а упомянутый мной отзвук в наших инстинктах все же есть не что иное, как новая великая неизвестность. —

Ложь приводит в движение ту самую почву нашего ближнего таким образом, что в нем пробуждается инстинкт, удовлетворить который он не может, поскольку природа вещей совершенно иная; итак, лгать значит *пробуждать потребность*, которая *не может быть удовлетворена*.

6[239]

Люди исподволь вкладывают в *природу* ту ценность и значение, которыми она сама по себе не обладает. Крестьянин видит в ней свои поля, испытывая эмоции относительно их ценности, художник видит свои краски, дикарь вкладывает в природу свои страхи, а мы свое ощущение безопасности, это беспрерывная тончайшая символизация и отождествление, без участия сознания. Всю нашу нравственность, культуру и привычки наш глаз переносит на открывающийся ему ландшафт. — Точно так же мы смотрим и на другие *характеры*: для меня они представляют собой нечто иное, чем для тебя, — в них заключены взаимосвязи, иллюзии и отделяющие нас друг от друга границы. — Тут уж не до справедливости! Спектр взаимосвязей постоянно расширяется, *все*, что мы видим и переживаем, *получает более глубокий смысл*. При взгляде на солнце, например, — но так же непрерывно *отмирает* и в то же время выхолащивается бесчисленное множество старых смыслов и символов. Когда мы ступаем на путь справедливости, пропадают произвольные и фантастические толкования, при помощи которых мы наносим урон и чиним насилие над вещами: ведь их *истинные* свойства имеют свои законы, и мы в конце концов должны чтить их больше, чем себя.

6[240]

Похвала филологии как изучению честности. Древний мир погиб из-за ее упадка.

6[241]

Роковой «*Второй смысл*», скрывающийся за явлениями природы, переживаниями, страстями, несправедливостью! Несчастное человечество!

6[242]

«Нравственное устройство мира» — своего рода астрология.

6[243]

Наши величайшие взлеты, потрясения, чистое небо — всем этим мы обязаны самим себе: это мы вкладываем в произведения искусства, и оттого они становятся великими, мы совершенствуем их, временами недооценивая для их же пользы.

6[244]

Честность в искусстве — ничего общего с реализмом! Важна честность художников по отношению к своим силам: они не желают ни лгать самим себе, ни одурманивать себя — не производить впечатление на себя, но *подражать* переживанию (подлинному впечатлению).

6[245]

Если принять во внимание, *кто* составляет славу любой эпохи, то станет очевидным, что самые выдающиеся *умы* занимают место лишь во втором или третьем ряду, а лучшие мастера остаются неизвестными.

6[246]

Мой пафос: ужасающее, неизменно приносящее страдание чувство греха. NB.

6[247]

Пусть никто не думает, что если бы Платон жил в наше время и придерживался платоновских воззре-

ний, то он был бы *философом:* он был бы религиозным безумцем.

6[248]

Недостаточная тренировка в умении видеть и *желать* видеть реально существующее способствовала возникновению мифологии в отношениях между людьми, их суждениях друг о друге и о самих себе — появлению «нравственного мира».

6[249]

Сомнение в том, что есть реальность, *не* делает нас более расположенными к иллюзиям — но постепенно уничтожает добрую волю, необходимую для *создания* иллюзий.

6[250]

Принято не считать понятным ни один поступок, кроме целесообразных, — как и вообще любое движение в мире. Поэтому в прошлые времена мыслители стремились объяснить любое движение в мире как нечто целесообразное и осознанное (бог). Величайшим поворотным пунктом в философии явилось то, что поступки целесообразные *перестали считать понятными*, тем самым обесценив все предыдущие тенденции.

6[251]

Когда мы возлагаем ответственность на другого, то предполагаем наличие в нем равной силы и такого же знания о ней — что есть всего лишь миф.

6[252]

Людей отличает спонтанная масса энергии, а не присутствие некоего атома личности. Далее — привычные движения этой массы, переданные ей по наследству. Это *та же самая* сила, которую используют мышцы и нервы.

6[253]

Мысль, точно так же как и слово, есть лишь символ: о каком-либо равенстве между мыслью и реальностью не

может быть и речи. Реальность есть некое движение инстинкта.

6[254]

Всякое действие безмерно отличается от того бледного представления о нем, которое существует в нашем сознании в момент его совершения. Точно так же оно отличается и от представления, мелькающего в нашем сознании перед его совершением (конец действия = цель и путь к ней), реально *проделываемые* бесчисленные отрезки пути никому не видны, да и сама цель является небольшой частичкой реального *успеха* действия. Цели есть *символы* — и ничего больше! Сигналы! Тогда как обычно копия следует за образцом, здесь образцу предшествует нечто вроде копии. На самом д<еле> мы *никогда* не знаем *полностью, что* мы делаем, когда хотим, например, сделать шаг или издать какой-то звук. Возможно, это «хотение» лишь бледная тень того, что уже возникает, запаздывающее отражение наших *возможностей* и поступков — весьма искаженное, в котором мы кажемся себе *не*способными сделать то, что хотим. Здесь наше «хотение» было направленной по ложному пути иллюзией, созданием нашего разума; какой-то из символов мы поняли неверно. — Когда кто-то *отдает приказ* и мы хотим его выполнить, но находим себя слишком слабыми, это значит, что страх (или любовь) дал нам толчок, который привел в движение огромные силы. — *Первая* же положительная реакция нервных и мышечных волокон дает преждевременное представление, что мы это можем, а отсюда *появляется* преждевременный образ желанной цели: *представление о цели* возникает *после того,* как действие начало *совершаться*!

6[255]

Вера в себя — это наипрочнейшие путы, сильнейший удар хлыста и *самые могучие крылья.* Христианству следовало бы в качестве догмата веры выдвинуть безгрешность человека — тогда люди стали бы богами: в то время еще *могли* верить.

6[256]

Молить «о суровости, холодности, изнеможении» — мука, когда мы перестаем верить в свою жизненную цель. «Благородный гнев, судорожные упреки» — засыпать в рыданьях — просыпаясь в холоде, вглядываться в холод и мрак — «тесная нищенская келья» — всего лишь сторонний взгляд на жизнь другого, ничего больше. «Обилие опыта симпатии обернулось своей противоположностью». — Справедливость: отвергать собственную боль.

«Потребность в справедливости».

«Преувеличивать добро в других», не видя того хорошего, что мы вызываем в других.

6[257]

Мы должны научиться ощущать интеллектуальное *отвращение* к невозможному, неестественному, совершенно фантастическому в идеальном образе бога, Христа и христианских святых. Пример для подражания не должен быть химерой!

6[258]

За каждую измену друга отдавать более высокую душу.

6[259]

Если вы научились думать о других и что-то для них делать, то в том случае, когда невозможно достигнуть собственной цели, у вас остается множество других дел, а именно содействовать другим в достижении их цели. Хорошо и разумно уметь играть на этих двух струнах. Понимать другого и смотреть *на нас с его точки зрения* необходимо для мыслителя.

6[260]

За 100 шагов я различаю в вашей терпимости по отношению к науке вот что: вы считаете, что она вам не нужна, и, несмотря на это, воображаете себя ее защитниками, даже если она сражается против ваших взглядов: ведь вы не обладаете столь острым чувством реального, чтобы мучиться и переживать из-за ваших с ней противоречий; столь же мало способны вы с жадностью следить

за тем, *что* сейчас изучается и находится на пути к познанию.

6[261]

Упражнение в познании в конечном счете вырабатывает *потребность в истинности*, которая в наше время является новой великой силой, со всеми ее опасностями и достоинствами.

Возможное название: «*потребность в истинности*».

6[262]

Всем моральным системам, предписывавшим, *как* **должен** *поступать человек*, недоставало знания и изучения того, *как человек поступает*. Но люди полагали, что обладают таким знанием.

6[263]

Потребность в активной деятельности является преградой между нами и мудростью индусов.

6[264]

Даже самой тонкой мысли соответствует переплетение инстинктов. — Слова — это как бы *клавиатура* инстинктов, а мысли (выраженные в словах) — аккорды, которые берутся на ней. Однако сила слова, пробуждающая инстинкт, не всегда одинакова, и порой слово не содержит почти ничего, кроме звука.

6[265]

1. Период инстинктов без мыслей. 2. Период инстинктов, соединенных с мыслями (суждениями). Здесь возникают *представления* об инстинктах и переплетении инстинктов. Частое повторение, одобрение и неприятие таких представлений оказывает обратное воздействие на сами инстинкты, в некоторых из них упражняются, а другие выходят из употребления и увядают. *Мало-помалу* благодаря колоссальной тренировке интеллекта возникает *удовольствие от собственной активной деятельности*, а из него, в конечном счете, *удовольствие от истинности* в этой деятельности. Изн<ачально> интеллектуальные функции

очень *тяжелы* и *обременительны.* Самое лучшее – подражание, ненависть к новому. Потом, наконец, быстро появляется обратное – отвращение к подражанию, огромное наслаждение новизной, переменами.

6[266]

Людей губит *изощренность интеллекта:* физически, а возможно, и морально. – Мы, счастливцы! Мы пребываем в *срединном мире!*

6[267]

Совершенство какого-нибудь Наполеона или Калиостро приводит в восхищение: наши преступники не имеют перед собой образцов для подражания, у их совести нет легкости. Хорошими разбойниками, мстителями, прелюбодеями – вот чем отличались итальянское средневековье и Возрождение, они *знали толк в совершенстве.* В наш век добродетели и пороки опасаются друг друга, общественное мнение во власти людей половинчатых и посредственных, скверных *копий,* заурядных людей, украденных отовсюду.

6[268]

Мы не хотим делать из себя *бога,* нас не привлекают идеалы *древних* народов. Именно небожественность, радость от существования бесчисленного множества резко отличающихся друг от друга одиночек, которые, конечно, могут сделаться *противниками,* но такими, как греки и троянцы!

6[269]

Страсть помогать другим отравляет свое собственное удовольствие.

6[270]

В присутствии людей с *великой душой* мы проявляем *большее* согласие с самими собой и *рядом с ними верим* в него *больше,* чем наедине с собой. Поэтому мы нуждаемся в них. Мы можем *отказаться* от бесчисленного количества мелких отклонений – что приятно! Другие *способны* увидеть

только эти мелочи, перед ними мы принуждены признаваться в них или отрицать их; и в том, и в другом случае это не приносит удовлетворения.

6[271]

Имея *великую цель*, мы с высокомерием смотрим не только на злословие в ее адрес, но даже и на большое преступление.

6[272]

Самое прекрасное – оберегать людей от *низкого опыта*, – низкого не по отношению к нам, а к *нему*.

6[273]

Супруга как помеха, супруг как инструмент вырождения.

6[274]

Нашему организму в целом *изначально присущи* излишне поспешное проявление симпатии и антипатии, притворство и т.д.; постепенно его можно приучить и к верности истине, способствовать ее все более глубокому укоренению, и с какими же последствиями? Пока он представляет собой подвижное сплетение лжи и обмана и их щупальцев: полезно и совершенно как у животных. Воспитание для истины – что это? усовершенствование животной природы? более высокая степень приспособления к реальности? – Наша благосклонность, сострадание, наше самопожертвование, наша «нравственность» стоят на *том же фундаменте* из лжи и лицемерия, как и наша злоба и себялюбие! Вот что нужно показать! Неприятное и даже трагическое впечатление от этого открытия поначалу неизбежно. Однако все наши инстинкты должны сначала стать боязливее, неувереннее, постепенно вбирать в себя больше разума и честности, становиться более прозорливыми и таким образом все больше терять *основания* для *недоверия* друг к другу: вот так когда-нибудь может появиться более великая радость; пока же эта *радость доступна* лишь человеку *нечестному*. *Пессимизм и героическое удовольствие от сопротивления и победы – единственные формы проявления нашей радости, если мы*

люди познания. NB NB NB!!! Как же получается, что мы ведем борьбу с *глубоко укоренившейся лживостью и лицемерием?* Чувство *власти*, высвобождающейся в развитии и действии нашего интеллекта, подстегивает нас: оно возбуждает аппетит.

6[275]

Проклятый пафос учителей, реформаторов и проповедников: «и наш долг повелевает нам делать людей несчастными».

6[276]

Усиливающееся *вранье* патетических (см. Липинер) или толерантных личностей (фрейл. ф<он> М<ейзенбуг>).

6[277]

Скупую на слова страсть с мрачными глазами, которую мы находим у Кальвина, несложно очернить. Грациозность и одухотворенность страсти в Германии не пользуются доверием.

6[278]

в форме трагедии:
1. Путь
2. ужасная перспектива
3. отдохновение

6[279]

Страх смерти: «я древесный червь»
Утрата ребенка
Утрата чести
Болезнь

6[280]

Насколько полезна попытка полюбить врага? Она разрушает чувство неудовлетворенности и приносит победу *над нами*.

6[281]

Выдумать *высшую* цель для гибели человечества — когда-нибудь задача будет сосредоточена на этом. Не жить ради того, чтобы жить.

6[282]

Древние считали, что женщины в своей страсти способны на нечто поистине нечеловеческое, немыслимое, — во времена Эсхила.

6[283]

Кто переходит на сторону евреев (согласно Тациту), тот должен презреть богов, отказаться от своей родины, отречься от родителей, детей, братьев и сестер. Души тех, кто погиб в бою или казнен, бессмертны (идея мученичества в христианстве), отсюда и презрение к смерти. Когда Калигула повелел установить в храме свое изображение, они взялись за оружие.

6[284]

«Они ни с кем не делят ни пищу, ни ложе и избегают чужих женщин, хотя до крайности преданы разврату».

«Всякий, даже и самый низкий человек, посылал в Иерусалим подати и милостыню, пренебрегая страной, в которой жил».

6[285]

Тацит с насмешкой рассказывает о том, как глубоко иудеи (и христиане) привержены суеверию. Рим, став христианским, впал в крайнюю его степень: этот крутой поворот есть символ impotentia[1] людей того времени. Бешеная ненависть в конечном счете сделала евреев (христиан) интересными.

6[286]

Мы берем различные «лучшие вещи», согласно суждению других (которые сами весьма отличаются друг от друга), и обнаруживаем, что они противоречат сами себе,

---

1 бессилия (*лат.*)

— т.е. мы полагаем, что *наша* совесть пребывает в тревожном состоянии.

6[287]

У хороших людей в трудный момент не возникает *никаких сомнений.*

6[288]

Разновидность справедливости: «Я делил с ним его счастье. Ныне же делю с ним его позор и вину».

6[289]

Жить **так**, чтобы наша энергия была *величайшей* и давала *наибольшую радость*, — и для этого пожертвовать всем. NB

6[290]

Метафизическая потребность есть не источник возникновения религий, но результат их упадка. Люди привыкли к представлению об ином мире, им его недостает (а из этого инстинкта могут вырасти новые ростки — «*пост*религии»), однако же к предположению о существовании иного мира их подталкивали заблуждения, неверные толкования определенных процессов, т.е. *ложные суждения интеллекта. «Метафизическая потребность» есть результат*, а не первопричина. Вследствие *недостаточного удовлетворения* потребность может исчезнуть! Бывает, например, *потребность* слушать колокольный звон, не имеющая никакого отношения к *первоначальной цели* звона колоколов. — Мы привыкли ставить свои потребности в начало.

6[291]

Против христианства: абсолютная нравственность не только невозможна, но и **нежелательна**. Ее ценность основывается на ложных воззрениях биологии.

6[292]

Поскольку с древнейших времен высказывались моральные *суждения* (в виде ошибочных мнений о поступках),

то из них неизбежно формировались *моральные ощущения, симпатии и антипатии.* Следовательно, эти последние *реальны. Но как они соотносятся с реальностью поступков,* о которых выносятся ошибочные моральные суждения? — Все действия, в отношении которых у людей в первую очередь формировались моральные суждения, обнаруживаются у животных, т.е. их мотивы *не* нужно было сначала создать. Люди *воображали,* что понимают эти поступки; моральные суждения суть «их объяснение в соответствии с их целями» — зачаток науки. Называя их (дурными, добрыми, справедливыми и т.д.), человек не сомневался, что понимает их целиком и полностью. Сократ первым стал сомневаться, понимает ли он их. Зато он не сомневался, что *словам* «хороший», «дурной» и т.д. соответствует нечто *существенное*!

6[293]

«Как *должен* поступать человек?» Это следует соизмерять с неким идеалом: с тем, *чего* должно достигнуть человечество или же *чего* должен достигнуть отдельно взятый человек. *До сих пор* существовали подобные образцы (частично реально существующие, частично вымышленные), наглядно представленные народам или религиозным общинам. Или партиям, или [совершенный коммерсант, солдат] чиновникам. Или философским сектам. Но в прежние времена — всегда большому числу людей. Цель же состояла в том, чтобы *каждый создал* свой образец и претворил его в жизнь. Для его создания нужны вся творческая сила, юность и мужественность, понимание своих сил, самопознание. *Сейчас* это *пока еще невозможно*!

6[294]

Создавая свой идеал, мы должны не отбрасывать свои ошибки и инстинкты, а уметь находить для них *возвышенную форму.*

6[295]

Вот что может быть трагедией! Наше милосердие, и сострадание, и — наше чувство истины, сражающиеся друг с другом за мнения других.

6[296]

Женщина, сознающая, что она мешает полету своего мужа, должна расстаться с ним — почему мы ничего не слышим о *таком* акте любви?

6[297]

С мыслями дело обстоит так же, как и с телесными движениями: даже если я и желаю их, мне приходится ждать, *пока* они состоятся, все зависит от того, вошли ли они в привычку. Желание здесь является не представлением о цели, а представлением о логических формах (антитеза мысли, параллельность, сходство, предпосылка, завершение и т.д.), выраженном в форме желания. Память должна задать содержание. — В случае с предложением память старается *присовокупить* к отдельным словам нечто, имеющее к ним отношение, а наше суждение определяет, соответствует ли оно им и каким образом. Так, в тот момент, когда мы спотыкаемся, нога пробует множество позиций. Из внезапно всплывающих мыслей-эмбрионов мы производим отбор, подобно тому как мы с помощью имеющихся в нашем распоряжении слов сводим свои мысли к формулам. Самая важная часть процесса совершается помимо нашего сознания. *Наш* **характер** определяет, являются ли соответствующие мысли в своей сущности теми, что выражают противоречие, ограничение, одобрение: возникновение каждой мысли есть *событие моральное*. — Таким образом; логические формы представляют собой наиболее обобщенное выражение наших инстинктов, склонностей, противоречий и т.д. — В этом смысле нет других движений, вплоть до уровня клетки, кроме таких «моральных».

6[298]

Тот, кто после 2 дней строгого поста выпьет глоток шампанского, ощутит нечто, весьма похожее на сладострастие. Для человека, жившего неделями в темной пещере, один вид природы дурманит взор. Или после многолетнего перерыва вновь услышать нашу музыку! — Одни лишь аскеты знают, что такое сладострастие.

6[299]

Согласно Тациту, *христиане* были уличены не столько в поджогах, сколько в odio generis humani — «ненависти к роду людскому». И это правда! «На них лежала вина, и они заслуживали самой суровой кары» — «в Риме, куда отовсюду стекается все гнусное и постыдное», «навлекшие на себя ненависть своими *мерзостями* — flagitia — люди» (так характеризуются христиане). Считалось, что они способны на все, — почему? Пессимисты

6[300]

Всегда поступать так, чтобы мы были довольны собой: здесь важна степень правдивости по отношению к себе. Второй важный элемент — масштаб, которым мы измеряем. Следовательно, чистая совесть может быть весьма красноречивым показателем низости и интеллектуальной грубости, а нечистая совесть — интеллектуальной деликатности.

Если бы другие не были недовольны нами и если бы многое не имело скверный исход, то чувство удовлетворения самим собой было бы правилом. Нежданное и неприятное последствие нарушает это чувство удовлетворения: сталкиваясь с чем-то неприятным, мы стараемся дать выход своему чувству мести и при этом в большинстве случаев поражаем самих себя. *Злая судьба* награждает человека нечистой совестью: «все могло бы быть иначе». Тогда мы принимаемся бранить себя, давая слишком низкую оценку как своей проницательности, так и своим намерениям. Если бы мы не были *л<юдьми>, жаждущими мести*, мы были бы более *довольны* собой — как и большинство женщин, потому что у них чувство мести не столь сильно. — Итак, успех формирует совесть: она задним числом осуждает намерения, более того, она их задним числом *искажает*: вся неморальность и нечестность человека проявляется в том судебном процессе, который вершит над ним его совесть. Нечистая совесть, равно как и чистая совесть человека, столь глупа, насыщена клеветой или восхвалениями, льстива и ленива — как и сам человек. Каков *уровень* человека, *такова и его совесть*.

6[301]

Некоторые люди чувствуют себя счастливыми благодаря тайной мысли, что их счастье должно злить других, живущих по иным принципам: своим счастьем они хотят *опровергнуть* эти принципы. (Pique-bonheur[1])

6[302]

Неожиданная суровость христиан заставляет предполагать глубокий внутренний кризис, то есть совершённые злодеяния. — —

6[303]

С какого-то момента мы начинаем превратно понимать свои страсти и называть их иначе — духовным обновлением.

6[304]

Мы не можем передать свои мысли словами: подобно теням, они слишком быстро прячутся за ощущениями.

6[305]

Как бы внимательно мы ни следили глазами за движением кипящей воды, мы не сможем таким образом вникнуть в *мотив кипения*. Так же и с поступками, когда мы пытаемся уяснить для себя необыкновенно подвижное сплетение представлений, которые вообще доходят до нашего сознания. Все это действия, позволяющие догадываться о скрытом пламени, — но нелепо пытаться дать ему определение.

6[306]

Восхищение личностью Христа мало что значит, если оно базируется на той основе, которую выбрал для себя Христос: на глубокой греховности человека. Что бы подумал об этом грек эпохи Перикла?

---

1 Счастье в отместку (*фр.*)

6[307]

Человеку, желающему достигнуть идеала, приятно видеть людей, уже достигших своего идеала. Ему неприятны нечистые, туманные, гибридные образы! Все они потом занимают место «добрых» и «злых» людей!

6[308]

Все общественные идеалы, в соответствии с которыми до сих пор воздавалась моральная похвала или выносилось порицание, делали людей односторонними и оставляли без внимания массу качеств: люди переставали замечать ценность личности и прекрасную соразмерность ее сил. Что за варварство — стремиться из *любого* материала лепить один и тот же образ!

6[309]

Пожалуй, главная заслуга художников — создание идеальных образцов: развитие чувства целостности и пропорциональности. Художник таким образом *производит отбор* и *воздает похвалу*! Древние греки были велики в своем удовольствии от характерного, типического: Фукидид и Софокл — это расцвет вкуса!

6[310]

Стоит лишь заговорить о «неабсолютных истинах», как все мечтатели вновь начинают жаждать доступа к ним, или даже так: эти добродушные люди становятся у ворот, считая себя вправе отворять их для всех — как будто заблуждение уже больше не является таковым! Все, что *опровергнуто, остается за дверью*!!

6[311]

Разницу между иудеями и римлянами Тацит описывает так: «у них считается священным все, что мы признаем богопротивным, и наоборот, у них разрешается все, к чему мы испытываем отвращение». Эти парадоксы были подхвачены и распространены христианами, они вели пропаганду: «они сохраняют неколебимую верность и охотно помогают друг другу в беде, зато ко всем прочим людям относятся враждебно и с ненавистью».

6[312]

растрачиваемая на огорчения и заботы энергия: при осознании этого человек мельчает

6[313]

женщины видят в науках вампира рядом с мужчиной.

6[314]

Я презираю приятный дурман спиртных напитков и страсть к игре — но греки?

6[315]

предостерегать от меня самого

6[316]

Трепет и преображение при виде прекрасного поступка — как при зрелище высоких утесов и внезапном восторге от вида цветущих растений.

6[317]

Не поступок, а наше суждение о поступке (пусть даже ошибочное) формирует нашу совесть, личную историю каждого из нас.

6[318]

Глупо считать фарисеев лицемерами, их жизнь исполнена глубокой веры в собственные поступки, они не рассматривают их более глубоко и правдиво и в силу привычки отмечают у себя лишь добрые мотивы: других они не видят, их глаз слеп для таких причин. — Предположим, им вставят новые глаза и вызовут в них таким образом недовольство собой — но это лишь умножит общее несчастье. Последствия их поступков для других людей остались бы теми же, что принесло бы излишние *мучения людям.* Этого и желает христианство.

6[319]

Допустим, мы воспринимаем какой-то поступок как добрый, тогда развертывается все событие. Каков поступок сам по себе, полезен или вреден, при этом не играет

никакой роли. Потому-то и важно, чтобы добрые поступки были реально *выполнимы* и совершались *часто: в противном случае* — моральный ад, а моральность есть *перспектива для святости*, что ведет к появлению удивительных ракурсов и оттенков!

6[320]

Твоя нравственность — *дело твоего везения*. Твоя чистая совесть — дело твоего везения! Если бы тебя застигли на каких-то вещах и предали это огласке, это подействовало бы на тебя разрушительно. То, что при этом исправится твой характер, — вопрос везения! Наибольшей силой обладают мелкие шаги и бесчисленные мелкие неприятности! | Требуется не только сострадание, мы должны либо создавать *мировоззрение* для *злых* и несчастных людей, либо терпеть! | Исповедников мы должны *заменить философиями, подобно солнцу освещающими* жизнь *всех* людей, тогда как до настоящего времени лучшие экземпляры обыкновенно создавали мораль лишь для себя! |

6[321]

То, что *другие* знают и думают о нас, может внезапно обрушиться на нас. То, что *мы* знаем о себе (держим в памяти), не играет решающей роли!

6[322]

Те, кому их жизнь и характер не приносят радости, вероятно, пытаются найти ее в своем *уме* — подобно Ш<опенгауэру>. Но человеку совершенному следовало бы уметь находить радость во всем вместе! И какую радость! Все вместе мы взбираемся на свою гору и не хотим добираться до вершины поодиночке! Некоторые одолевают ее своим характером (например Бисмарк), но их ум не соответствует ситуации.

6[323]

Подходить к переживаемому тобой сурово и правдиво, как к научному эксперименту, — в таком случае уже нельзя будет рассказывать сказки о чудесах, «ангелах вокруг нас» и руке господней: это покажется нечестным.

6[324]

Поступок не изглаживается самим фактом прощения. Прошлое никуда не ушло, наши поступки суть наше бытие, и мы уже несем в себе свои будущие поступки. Память ничего не решает.

6[325]

«Совершать безумства под воздействием глубокой и страстной мечтательности», как говорит Стендаль. Это ли дело гения?

6[326]

«Древние ничего не делали для *украшения*, красота у них лишь *la saillie de l' utile*[1]».

6[327]

Не забыть: глубина и энергия чувства; прощение есть жертва (а *не* вялый и добродушный отказ от некой мысли, сопровождающийся чувством *удовольствия от того*, что ее больше не нужно носить в себе). Итальянская простота, едва ли не холодность, как покров для таких страстных натур.

6[328]

Во Франции esprit[2] охотно желает выдать себя за гениальность. В Германии же гениальность охотно желает выдать себя за esprit.

6[329]

«Напряженный стиль»!

6[330]

Новелла д'Андреа преподавала в Болонье (14 в.), скрываясь, по причине своей красоты, за занавеской.

6[331]

Прекрасное представляется нам, в конечном счете, всего лишь состоянием, которое порождается тем, что

---

1 подчеркнутая полезность (*фр.*)

2 ум, остроумие (*фр.*)

полезно для всех: это состояние глубокого удовлетворения, проявляющееся во всех очертаниях и жестах, сопровождающих наши поступки и слова, — озвученная гармония множества полезных вещей.

6[332]

Проблему правдивости еще не осмыслил никто. Все, что сказано против лжи, — это простодушные излияния школьных педантов, в особенности требование: «ты не должен лгать»!

6[333]

Всякая отцветающая мысль напоследок производит на свет своего рода роскошный цветок — свое последнее проявление. В разных видах искусства, в том числе и в искусстве общения. У всякой *зрелой* культуры есть свой роскошный цветок. — Но покажите мне изобретателя какой-либо идеи, который не обнаруживал бы простоты и скудости как во внешности, так и в словах. — Роскошно цветущая мысль оставляет свои письмена на любом сосуде, запечатлевается в любом жесте (например величие, простота и грация в древних Афинах).

6[334]

Немцам не хватает esprit, поскольку они не обладают избытком ума: стоит им использовать свой ум, как тут же обнаруживаются их убожество и пассивность. Они ненавидят ум, но тем не менее чувствуют, что без него общительность есть всего лишь скучная неотесанность, — вот откуда их «нрав».

6[335]

Желание произвести эффект — это немецкая болезнь.

6[336]

Человек, обладающий умом, в Германии поднимается *чересчур высоко* над своими согражданами и превращается в шута; его ум погружен во мрак. — Его вырождение происходит с такой легкостью, поскольку возле него нет ничего,

что держало бы его в рамках, он пускается во все тяжкие и обладает отвратительной плодовитостью.

6[337]

В Германии *смешное* не страшно для того, кто обладает умом. Поскольку под смешным понимается не то, что смешно для людей остроумных, а то, над чем смеются молодые ослы. — Нет этой *воспитанности.*

6[338]

Загораться какой-то мыслью, быть сжигаемым ею — это свойство французов. Немец восхищается собой, встает со своей страстью перед зеркалом и призывает других присоединиться к нему.

6[339]

Наши мнения: *шкура,* которую мы надеваем на себя, в которой мы хотим себя видеть или хотим, чтобы нас видели другие; это внешний слой. Чешуйчатые панцири вокруг человеческих мыслей. Так кажется. С другой стороны, эта шкура есть продукт неизвестных нам сил и инстинктов, своеобразное *отложение,* отдельные куски которого постоянно отделяются и образуются заново. — Звуковые и оптические образы, как иероглифы определенных впечатлений и чувств, — это материал для мнений, усовершенствования слуховых и зрительных ощущений и их взаимосвязь.

6[340]

Наше сознание плетется в хвосте и способно наблюдать одновременно лишь немногое, делая между тем паузу для чего-то другого. Возможно, из этого несовершенства и происходит наша вера в вещи и предположение, что в становлении есть нечто непреходящее, — а также наша вера в Я. Если бы познание продвигалось столь же быстро, как и развитие, и столь же упорно, никто не стал бы думать о «Я».

6[341]

Это ограниченность, но таково мое ощущение. *Потребность* <в> *роскоши*, как мне кажется, всегда указывает на глубокий внутренний *недостаток духа*: как будто кто-то окружает себя кулисами, потому что является не полноценным, реальным, а лишь чем-то таким, что должно представлять некую вещь в его глазах и в глазах других. Я полагаю, что тот, кто обладает духом, способен вынести много страданий и лишений и чувствовать себя при этом счастливым, более того, он должен испытывать стыд, сравнивая себя с тем, кому необходимы почет, роскошь и дружеское окружение, поскольку ему слишком уж повезло при распределении благ. Я чувствую глубокое презрение к какому-нибудь банкиру. Кто окружен роскошью, тот порой вынужден притворяться, что живет в соответствии с представлениями других, но затем ему приходится перенимать и взгляды этих других и терпеть их. Смелые, либеральные, новые взгляды я считаю надувательством и отвратительным видом расточительства, если они не подталкивают к бедности и униженности. Так, Лас<с>аль опроверг сам себя в моих глазах своими белоснежными сорочками. Люди с такими потребностями должны хранить благочестие и стремиться приобрести уважение в качестве членов магистрата, ведь есть масса хороших вещей, которые можно поддерживать и представлять. Но им не следует лезть в представители *духа*! Человек духовно богатый и независимый так или иначе все равно является и самым могущественным, и для него постыдно, по крайней мере в столь человеколюбивые времена, желать еще большего: это ненасытные люди. Простота в еде и питье, ненависть к спиртным напиткам — вот что его отличает, так же как напитки есть неотъемлемая принадлежность тех, кто мог бы сказать: «жизнь была бы совершенно лишена привлекательности...» и т.д. — Меня влечет к идеальной независимости: место, общество, окрестности, книги — их выбор может и *не* быть *достаточно возвышенным*, и вместо того, чтобы приспосабливаться и становиться таким, как все, нужно уметь терпеть лишения *без* страдальческих складок на лице.

6[342]

Даже в области интеллектуального, например при оценке мнений, мы не всегда приводим свои *доводы*, но зато весьма часто даем выход интеллектуальному *отвращению*, поскольку по некоторым признакам мы видим, насколько туп, недалек и бесцеремонен человек или как далеко заходит самоуверенность невежд и неопытных людей. Таким образом, мы судим о методе распознавания человека как льстивого, гнилого, зловонного, изрыгающего нечистоты, твердящего одно и то же, пораженного гнилью, пресного, выдохшегося, тупого и т.д.

6[343]

«Я этого хочу»: мы различаем «предмет, оценку предмета и упражнение», но в принципе мы хотим *не* предмета, а *некоего нашего приятного состояния*, в которое мы попали в связи с этим предметом, — оценка же предмета есть *попытка* объяснить действительно приятное ощущение, *изображая* приятное как *следствие* благоразумия (например еду как утоление голода, сохранение жизни и т.д.), тогда как приятное ощущение в большинстве случаев не является результатом познанной целесообразности. «*Я хочу*» означает: «я делаю нечто для меня приятное в той мере, в какой смогу это делать». Мы представляем себе какое-то свое состояние (например когда мы наносим удар или едим) и подражаем этому образу.

6[344]

У памяти есть моральные причины — и мы ею не владеем! NB.

6[345]

Любопытство, желание выискать что-то порочащее столь же возможно и постыдно по отношению к вещам. NB.

6[346]

Главное удовольствие, обижать других, — отчего же это неморально? Поддразнивание — всего лишь одна из его степеней. Здесь различие между моральным и неморальным *не* является одновременно противопоставлением.

6[347]

Но *должна* ли вообще существовать нравственность, если свобода, согласно Канту, является необходимым для нее основанием? Разве не достаточно *вообразить* свободу? А если сохранять такую фантазию уже более невозможно, является ли абсолютной необходимостью сохранение нравственности? *Может ли быть*, что *она* уже сыграла свою роль? (против [— — —]

6[348]

Я знаю, как жалко вы выглядите на фоне подъема идеализма (взваливающего на свои плечи материализм и скепсис и выносящего их на солнечный свет), но я общаюсь и ставлю себя на одну доску с вами, более того, я очерняю себя.

6[349]

Субъективное чувство возрастает по мере того, как мы при помощи своей памяти и фантазии создаем *мир тождественных вещей*. Мы воображаем себя элементом этого созданного нами мира образов, непреходящим в череде изменений. Но это заблуждение: мы отождествляем знаки со знаками и состояния с состояниями.

6[350]

Лишь то, что мы думаем о других и о самих себе, определяет наше поведение, *в той мере, в какой оно осознанно.* Итак, представления о других и о себе: они, в свою очередь, суть результат того, чему научили и что внушили нам другие. *Толкование наших состояний* — это плод труда других, привитый нам. За это цепляется нравственность, она тень.

6[351]

Целых полчаса я нес вздор, но в конце концов устал и несколько сконфузился — но мне хотелось унизить себя, чтобы дать кому-нибудь возможность не чувствовать себя столь жалким и воскликнуть: ах, этот жалкий мир! — ведь в эту минуту он думал обо мне так, что уже не испытывал стыд рядом со мной, и это явно принесло ему облегчение.

6[352]

«двойной смех» (Эпиктет) – это когда человек занимает более высокое положение, чем то, которое он мог бы вынести, а затем лишается его. Ах, мы желаем выносить и это, мы хотим вернуться к иллюзиям и вселять в своих собратьев смелость к жизни, давая им повод вдвойне смеяться над нами. Мы хотим достигнуть своей цели окольными путями и, сближаясь с другими людьми, обманывать их *ради них самих.* – Прямые пути, например путь Христа или Наполеона, предполагают презрение к людям, как бы далеко ни простиралась любовь Хр<иста> к ним (ведь милостивая любовь Хр<иста> все же далека от того, чтобы ради грешников захотеть стать грешником)

6[353]

Окружение, при котором можно дать себе волю, это последнее, чего человек должен себе желать, своеобразный венец для того, кто преодолел самого себя, кто довел себя до совершенства и хотел бы источать совершенство. Иные превращаются в чудовищ. Осмотрительность в браке. Отсутствие страсти и формы в семье и в дружбе есть причина повсеместного появления небрежности и пошлости – мы распускаемся сами и распускаем других. (Качества, присущие не только современным манерам, но и характерам.)

6[354]

Подлинное *бесстыдство доброты* я особенно ясно заметил у евреев. Вспомним об истоках христианства.

6[355]

Я играл в кости с самим владыкой подземного мира.

6[356]

Скептицизм! Да, но *скептицизм экспериментов*! а не инертность отчаяния

6[357]

Напряжение, создающееся между представляющимся все более чистым и далеким богом и кажущимися все более грешными людьми, – одно из величайших испытаний сил

человечества. Любовь бога к грешнику чудесна. Почему же греки не знали такого напряжения между божественной красотой и человеческим уродством? Или между божественным познанием и человеческим невежеством? Мостками, перекинутыми между этими двумя разломами, могли бы стать новые создания, которых сейчас не существует (ангелы? божественное откровение? сын божий?)

6[358]

В любую минуту нравственное чувство может стать настолько сильным, что способно породить частичное бесплодие: например, стремление к свободе могло бы убить искусство, прекрасное общение в кругу друзей, а также красноречие. Целомудрие. Щедрость. Усердие. Чистоплотность. (Пуритане против театра. Ксенофан против состязаний. Платон

6[359]

Допустим, нашей культуре пришлось бы лишиться благочестия. Она не смогла бы создать его из самой себя. Для этого ей не хватает некой последней внутренней решимости и умиротворения. Больше, чем когда бы то ни было, воинственных и склонных к авантюрам умов! Поэтам еще предстоит обнаружить возможности жизни, *звездный круг* открыт для этого, это не Аркадия или долина Кампании: здесь открывается возможность для бесконечно более смелых фантазий, опирающихся на знания о развитии животных. Вся наша поэзия так мелкобуржуазна и приземленна, еще нет великих возможностей высших людей. Лишь после смерти религии вновь сможет пышно расцвести *вымысел в области божественного.*

6[360]

Единственное, что требуется: *изоляция* одаренных людей, вскармливание ими самих себя, их воздержание от славы и службы, презрение ко всем людям и процессам, происходящим из огромных человеческих масс. Бунт и газеты большого города насквозь «наиграны» и «фальшивы».

6[361]

Наша система приятных и неприятных ощущений разветвляется и совершенствуется, как и наша умственная жизнь. Последняя уже давно *полностью* соотносит себя с сознанием и полагает, что ей известна причина всех приятных и неприятных вещей. Наивные люди все еще верят, будто мы знаем, *почему* мы хотим. Собственно говоря, мы и *до* совершения поступка можем представить себе лишь те возможности, которые позволяют объяснить наш поступок в зависимости от того, насколько хорошо мы себя знаем, — но *что* нами *движет*, мы не узнаём даже и посредством самого действия, и никогда этого не узнаем! Мы *интерпретируем* свой поступок до и после его совершения, *следуя канону* наших предположений о человеческих мотивах. Эта интерпретация может оказаться правильной, но в ней самой нет того, что в реальности побуждает к поступку или совершает его. Поставить перед собой цель, то есть предлагать инстинкту мысленный образ, который должен мысленно представить себе этот инстинкт. Но в *полном* смысле этого никогда не происходит! Мысленный образ состоит из *слов*, он в высшей степени неточен, он не имеет рычага, вызывающего движения. Только через ассоциацию, через абсурдную и недоступную для логики связь между мыслью и механикой инстинкта (они, возможно, соединяются в каком-то образе, например представляя себя отдающими строгий приказ) мысль может (например при произнесении слов команды) «породить» поступок. В принципе они существуют параллельно. Между понятием цели и поступком нет *ничего от причины и следствия*, а думать, будто так и есть, — **великое заблуждение**!

6[362]

Мы мыслим словами! Когда знаешь, что такое слова, как можно думать, что мысль способна прямо произвести движения! Все это лишь мелкие заблуждения, но наши инстинкты располагаются столь близко к этой области ошибок, а каждому инстинкту соответствует некоторое число разнообразных произвольных вещей, называемых «словами», так что слово часто является не причиной, а сигналом для определенного действия (как звук рожка —

сигналом к остановке локомотивов). Чем точнее мы познаем, тем точнее мы ограничиваем слова, они суть образы в зеркале, скорее даже отражения этих образов! Переход к познанию причины и следствия никогда не будет возможен. Наше познание — это более или менее неточное *описание*, строгая последовательность и сосуществование, которые, по-видимому, складываются в памяти в некий образ (единство вне времени): — — —

6[363]

Там, далеко в лесу, где деревья еще ничего не слышали о городе, лишь там юноша начинает мыслить, не оглядываясь на город.

6[364]

Бесконечность! Прекрасно «потерпеть крушение в этом море».

6[365]

Изначально все инстинкты относительно целесообразны в своем проявлении («добрые» *и* «злые»). Мораль возникает: а) когда один инстинкт доминирует над другими, например страх перед сильным или склонность к общительности. При этом более слабо выраженные инстинкты, должно быть, ощущаются, но *не* получают удовлетворения. Ответы на все возникающие при этом «почему?» как можно более грубы и ложны, но тем не менее они дают начало *моральным суждениям*, устанавливают ценностную шкалу поступков, деля их на необходимые, допустимые и недопустимые. Иметь какой-то инстинкт и испытывать отвращение к его удовлетворению есть «нравственный» феномен. К примеру, любовь к детенышам, к собственности, во имя которой некоторые голодают, подвергают себя опасностям. Дети и собственность суть нечто столь приятное, но если бы вы захотели доискаться до причин, то недостаточно было бы просто сказать «они приятны» — разумность морали представляет собой старание не замечать инстинкты и делать вид, будто мы совершаем поступки с некой целью, т.е. *желаем* себе *блага*. И в самом деле, приятное в большинстве случаев и есть наше благо, но

это благо мы неспособны осмыслить, для этого нам не хватает знания природы и человека. Человек строил свое «благо», *исходя из* своего предположения о том, что такое природа и человек. Сюда относится, например, спасение души. Или честь. Или заповеди какого-нибудь бога. Человек вечно притворяется, будто действует сообразно цели, — эта комедия продолжается, а он разыгрывает «ответственность». К мотивам инстинктов присоединяются и следуют за ними представления о цели, но они *почти никогда* не совпадают с побудительной причиной. Человеческая машина могла бы вообще остановиться, если бы она действительно управлялась одними лишь *предполагаемыми* мотивами. Даже теперь заблуждение все еще очень велико.

6[366]

Суть не в *забытых* мотивах или привычке к определенным действиям — как я предполагал *прежде*. Суть в бесцельных инстинктах удовольствия и неудовольствия: человек жаждет приятного, причем *не* ради выгоды, которую оно может принести, а оттого что действие приятно само по себе. Цель достигается, но ее не желают. *Те* разновидности доставляющих удовольствие действий, которые способствуют сохранению вида, мы получили в результате селекции.

6[367]

Если бы он меня очень просил или же если бы я понял, что у него бо́льшая надобность во мне, тогда бы я, хоть и покривив душой, принял его сторону. В этом проявилась бы моя слабость. Предпочтительнее было бы бросить на произвол судьбы и *нас* самих, и тех, кто в нас нуждается! Мы же способны на всякого рода притворство — а следовательно, и на разнообразные преобразования и *честность второго сорта.*

6[368]

Не чувствуете ли вы потребности в правоте *по отношению* к какому-нибудь человеку и в ее публичной демонстрации? Так ли легко дается вам критика? Просто ли вы самоутверждаетесь в ответ на его самоутверждение?

Разве вы не видите, что он хочет отдать вам лучшее из того, чем обладает, и что вы обязаны принять это, даже если это лучшее кажется вам ничего не стоящим и даже пагубным? Но вы ведете себя подобно тем, кто пребывает в состоянии самообороны, и у вас есть на то право. Вы с трудом держитесь на ногах, а он хочет взвалить на вас нечто, что вы не были бы в состоянии нести. Он говорит: «дар!» — вы же говорите: «задача!»

6[369]

Политики и чиновники, в вашей жизни есть нечто шумное, вокруг вас звенят ручьи и грохочут мельничные колеса, этот шум делает вас неспособными мыслить: ну как тут расслышишь мелодию своей души! Оттого вы становитесь пустыми, жестокими — и поверхностными! А ваша так называемая «обязанность» становится ужасом для других, сбивая их с пути, она лишь *кажется* благородным самопожертвованием, но это лишь забвение самого себя; с той минуты, когда самая малость этой «самости» только пытается обнаружить себя, — нужно побольше небрежности, в качестве жертвы!

6[370]

Если принять во внимание, что охота в течение многих тысячелетий была нашим главным занятием, наш *научный инстинкт* есть нечто в том же роде. Как мальчишки, мы всегда охотимся.

6[371]

Когда я слышу о злобных высказываниях других в свой адрес, я прежде всего чувствую своеобразное удовлетворение: мне кажется справедливым, что люди, чье мнение столь мало совпадает с моим и по отношению к которым я сознаю свою совершенную правоту, со своей стороны также получают удовольствие. В то же время, как мне кажется, никогда не было недостатка в поступках и мыслях, обеспечивающих этим другим ощущение собственного превосходства и дающих им на это полное право. Такова уж природа вещей: своими ошибками и упущениями мы доставляем другим большую радость, а возможно, и кое-что еще.

6[372]

Рядом с этим человеком и при мысли о нем мы ощущаем продуктивность, как и при созерцании пейзажа, после еды и т.д.

6[373]

Преследуя какую-то цель, мы *никогда* не используем средства для этого в полную силу, однако наши инстинкты наделяют нас необходимой слепотой. Все верующие люди руководствуются инстинктами, их догматы веры *не* возникли из оснований: они доставляют этим людям *внутреннее, не поддающееся учету удовольствие. Склонность* к размышлениям, т.е. к мыслительным импульсам, передается по наследству и усиливается.

6[374]

В своих поступках человек всегда руководствуется наиболее приятными для него представлениями. Однако это зачастую бывает довольно затруднительно, а навык в различении их бесчисленных степеней весьма незначителен, особенно если учесть, что фантазия должна была бы обладать способностью изображать будущие страдания и удовольствия в их *полноте*, близкими к наслаждениям сегодняшнего дня, которые, вероятно, уже ощущаются.

6[375]

Говорить о мотивах некоторых личностей для меня дело чести. NB.

6[376]

Я хочу не взвалить на людей новый тяжкий груз, а избавить их от ноши. NB

6[377]

Как можно меньше государства! Я не нуждаюсь в государстве, без его основанного на обычае принуждения я мог бы дать себе лучшее воспитание, подходящее для моего тела, и сэкономил бы силы, попусту растрачиваемые на то, чтобы вырваться из него. Даже если бы окружающие нас вещи показались несколько менее надежными — тем

лучше! Я желаю, чтобы мы жили с некоторой осторожностью и воинственностью. Именно коммерсантам, с помощью своей философии подчинившим себе в наше время весь мир, желательно сделать для нас привлекательным это неудобное государство. «Индустриальное» государство — это выбор Спенсера, но не мой выбор. Я сам хочу быть в как можно большей степени государством, во мне сосредоточено столько расходов и доходов, столько потребностей, я стольким мог бы поделиться. И при этом оставаться нищим, не рассчитывать на почетные должности, не восхищаться военными лаврами. Я знаю, что гибель этим государствам принесет совершенное государство социалистов; я его противник и ненавижу его уже в современном государстве. Я хочу постараться даже в тюрьме сохранять бодрость и человеческое достоинство. Громкие причитания по поводу человеческих бедствий не заставят меня присоединить к ним свой голос, но вынудят сказать: *вот чего вам не хватает*, вы не умеете прожить свою жизнь как личности, вы неспособны противопоставить лишениям никакое богатство и удовольствие от власти. Статистика доказывает, что л<юди> *становятся все более равными*, т.е. что —

6[378]

Чтобы преобразовать человека, мы должны исходить из того обстоятельства, что *наша ценностная оценка* добрых и злых поступков *неверна* и произвольна; необходимо все заново подвергнуть исследованию, длительному — на столетия, — так же как для *исцеления тела* нужно отбросить *все* медицинские *теории*! В этой сфере следует искоренить инстинкты и прежде всего пробудить *уважение* к тому, чья *жизнь* представляет собой *эксперимент*: это самый важный вид человека, подобно тому как для врача подопытное животное — самый важный вид животных.

6[379]

1) Как трудно причинять боль человеку! Как жаль, что это приходится делать! Зачем мне таиться, если я не желаю хранить в секрете то, что причиняет неприятности людям?

6[380]

Заставлять участвовать в наших волнениях и муках других людей, у которых их нет и которые лишь изображают страдания, разве это не жестоко? Разве это не возникло из того чувства, которое во всем дурном, что с нами происходит, желает видеть *страдание*, – из изощренного вида мести? И не оттого ли полны опасностей дружба и *брак*, что они поощряют эту жестокость, эту передачу страдания? *Трудно* жить, не сообщая страдания другому, – так что мы должны пользоваться возможностью и проводить жизнь в одиночестве.

6[381]

В вопросах души я нахожу Шопенгауэра довольно неглубоким, он мало радовался, но и мало страдая; мыслитель не должен *черстветь* – иначе откуда же ему черпать свой материал? Его страсть к познанию *не* была достаточно *велика*, чтобы желать пострадать ради нее: он окопался со всех сторон. Его высокомерие также было больше жажды познания, он отрекся, побоявшись за свою репутацию.

6[382]

До сих пор существовали те, кто прославлял человека, и те, кто его поносил, – но и те, и другие руководствовались *мораль<ной>* точкой зрения. Ларошфуко и христиане находили вид человека *безобразным* – но ведь это нравственная оценка, а никакой другой оценки человек не *знал*! *Мы* же считаем человека частью природы, которая не может быть ни злой, ни доброй, и находим, что он не всегда безобразен в том, за что эти люди испытывали к нему отвращение, и не всегда прекрасен в том, за что они его прославляли. Что же здесь прекрасно и что безобразно? То усложненно-целесообразное, что вводит разум в заблуждение и обманывает его, мошеннические трюки, проделываемые с ним; помимо этого способность к выражению и сила самого высказывания: тот великий свод, который соединяет его планы и идеалы. Его прошлое. Его способ одурманивать себя. О, это животное, его изучение не закончится никогда! Он не грязное пятно на природе, грязным мы его сделали сами. Мы слишком небрежно

обращались с этой «грязью». Нужно иметь глаза голландцев, чтобы даже в ней обнаружить прекрасное.

6[383]

Отличительные черты античности: дружба, оракулы, рабы, otium[1], отсутствие богов, ответственных за грехи, и стыдливости перед обществом. Фукидид — это тип человека, который мне более всего близок; он радуется типическому в человеке, считая, что каждый тип обладает неким количеством здравого смысла, и *пытается его обнаружить*: в этом его практическая *справедливость*.

6[384]

Даже если я обдумаю каждое слово из того, что хочу сказать, и затем вполне сознательно воспроизведу обдуманное, то сказанное все же будет в сотни раз более богатым и *иным* (например в своей интонации, в паузах, в сопровождающей речь мимике), а обдуманное нами окажется лишь незначительной частью сказанного. Каков же здесь объем *необдуманного, импровизации*?

6[385]

Огромная разница: желать понравиться другому ради *него* или ради нас самих. Отчего же любить нас ради него — морально?

6[386]

Самоубийство как масштаб культуры: немецкая черта. Использование мыла — английская.

6[387]

Некоторые люди могут говорить и писать все, что хотят, — в этом всегда есть что-то от хорошей музыки. В других же слышится скверная музыка. В большинстве людей отсутствует какая бы то ни было музыка.

---

1 праздность, отдых (*лат.*)

6[388]

Только люди спокойные различают и сполна наслаждаются тончайшими *красками* в литературе и музыке — что им делать в нашу эпоху!

6[389]

В наше время *с большой тщательностью изображают* отвратительное — почему? — Сюда относится и пессимизм. Причина тому не порча нравов, а *чрезмерность труда.*

6[390]

Страдания причиняет стыд, а не преступление. Лишь немногие столь *чутки*, чтобы отличать одно от другого.

6[391]

Потребность читать молитвы, произносить покаянные речи, восхвалять, благословлять или проклинать кого-то — все религиозные привычки вырываются наружу, как только человек становится патетичным: доказательство того, что стать патетичным означает отойти на одну ступень назад. Когда мы *наиболее далеки* от этого? Когда мы играем, проявляем остроумие и обмениваемся остротами, когда мы довольны, веселы и при этом лукавы, когда отпускаем шутки по поводу всякой выразительности в слове, звуке, инстинкте, — возможно, в эти моменты мы *опережаем* свое время. Человек героический, дающий себе отдых от борьбы, напряжения и ненависти и стыдящийся пафоса, а с другой стороны — священник!

6[392]

Моральный фанатизм античных философов подготовил почву для христианства, слишком уж большое значение они придавали спасению души. По сравнению с эпохой античности наше время глубоко неморально, и в этом наше *преимущество.* В отношении христианства мы глубоко нерелигиозны.

6[393]

Натуры, которые вообще не думают *о* себе, а точнее, не любят присматриваться к определенным вещам (жен-

щины, например, не замечают, как работает желудок, не говоря уже о половом инстинкте), – эти натуры объясняют для себя все феномены иначе, не *желая* ни видеть, ни признавать простейших причин. Оттого их страсть становится мечтательной и мистической для них самих, они отдаются ей быстрее и с большей горячностью, так как идеализируют себя. Что знают незамужние женщины о вырождающемся половом инстинкте, когда они страстно увлекаются искусством и определенными его направлениями, или же когда испытывают сострадание, или когда слепо предаются какой-то идее!

6[394]

Любовь бога к человеку есть не что иное, как мысленное распутство человека, лишенного сексуальной жизни; в античную эпоху что-либо подобное никому не могло бы прийти в голову.

6[395]

Полная удовлетворенность (Эпиктета, *и* Христа тоже!) всем, что происходит, – ведь всем этим можно пользоваться. Мудрец использует это как *орудие*, и только глупцу оно приносит *зло*. Правда, из этого следует, что мудрец не может ни уменьшить, ни уничтож<ить> зло в мире. В его понимании *зло не есть зло* – вот каковы результаты *учения о свободе воли*! об абсол<ютной> душе!

6[396]

Эпоха античности заканчивается моральным и религиозным квиетизмом: усталость древнего мира и всемогущий индивид, признающий лишь самого себя, истолковывающий все происходящее в мире *в свою пользу*; все, что происходит, имеет для *него* значение. Это *астрология*, обращенная на государства, явления природы, человеческие отношения и черепицу на крыше; все это имеет только для индивида тот смысл, который он способен в нем найти: *все остальное* недостойно внимания мудреца. Моральнорелигиозное использование и толкование происходящего – *все прочее* стало безразличным и достойным презрения. Научный смысл *потерпел поражение*!

6[397]

Встаньте и идите, друзья: слишком долго пришлось вам слушать мои речи. Ветер становится прохладнее и сильнее, трава колышется — окутанная тишиной высота содрогается и наступает вечер. Идите и, прошу вас, как только спуститесь в долину, тотчас же совершите маленькое безумство, чтобы весь мир видел, в чем я наставляю вас здесь.

6[398]

Наши мнения о страстях причиняют нам большие муки, чем сами страсти. — В тех случаях, когда необходимость инстинкта для поддержания жизни не кажется людям столь очевидной, как это бывает при испражнении, мочеиспускании, приеме пищи и т.д., они полагают, что его можно *ликвидировать* за ненадобностью, например инстинкт зависти, ненависти, страха. Невозможность избавиться от инстинктов они считают несправедливостью или, по меньшей мере, несчастьем, хотя в то же время *не* воспринимают так голод или жажду. *Инстинкт* не должен *властвовать над нами*, но мы обязаны принимать его как данность и управлять его силой для своей пользы. Для этого необходимо, чтобы мы *не* сохраняли его во *всей полноте* его силы, подобно ручью, который должен вращать мельницы. На того, кто не знает его досконально, он обрушивается, словно горный поток, с окончанием зимы спускающийся в долину и крушащий все на своем пути.

6[399]

Своим страстям мы можем даровать более высокую жизнь, если будем препятствовать их непосредственной разрядке. Но порой это отвратительно, например когда речь идет о половом инстинкте.

6[400]

Факт заключается в том, что во времена древних греков и римлян человек недостаточно страдал из-за своих страстей и несправедливых поступков; это страдание было обыкновенно похоже на то, как некоторые говорят: «как *глупо* было с моей стороны совершить подобное!» Нечто

похожее на чувство греха могло появиться лишь у философов на основании их представлений о чистоте божественной души и о том, что способно ее замарать: не только глупость и действительные недостатки, но и чувство унижения и осквернения, оскорбление *возвышенных* представлений о нас. Философа сбивало с толку скорее его мнение о страстях и о зле, а не дурные последствия. Все двигалось вперед по одной колее и в *этом* направлении, наиболее отчетливо это проявилось в христианстве, которое совершенно игнорировало реальные результаты, относясь к ним едва ли не безразлично. Итак: последствия действий для самого органа действий. Идеал Эпиктета: всегда видеть в себе врага и преследователя; воинственный анахорет, обязанный хранить и защищать от погибели ценное сокровище, некогда им добытое. *Не* людей остерегается он; *думая, что знает их*, он не имеет *никакого представления* об интересах личности: люди для него тени, истинное в них – это их мысли и побуждения, которые он классифицировал с точки зрения философии. В этом мире призраков он живет и ведет свою борьбу. Ему доступна *лишь* радость воина. Таково и христианство: человек не приносит ему радости. *Мы* же снова возвращаем его природе и наслаждаемся природой: мы не только справедливы к любому проявлению природы, но и находим, что она богата, удивительна, не познана, достойна изучения. Роман и психологические наблюдения *благодаря удовольствию от человека* – это наше! Мы прощаем себе много больше, мы презираем себя куда меньше и *не* хотим *убрать* многое, даже если иногда страдаем от него. Нам не по душе ужасная примитивизация добродетельного человека – так же, как мы не отдаем предпочтения только лишь плодородной ниве.

6[401]

Мы способны понять лишь те характеры, которые можем создать из самих себя, и *ровно настолько*, насколько это для нас возможно. Подобно тому, как наш глаз может видеть лишь то, к чему у него есть *привычка*.

6[402]

Я вижу дерево и принимаю его за ребенка. Я совершенно отчетливо различаю во время беседы черты лица собеседника, но эту отчетливость я воображаю.

6[403]

Пошлость, присущая *этому* веку: существование бога нельзя доказать *тем доводом*, что кто-то должен вознаграждать добрых и наказывать злых. В то, что это необходимо, уже не верит никто (как в это еще верил Кант). *У нас иные представления о справедливости.*

6[404]

заключить брак со своими лучшими побуждениями

6[405]

Тот, кто не слушается своего высшего «я», а служит обществу, или должности, или семье, всегда рассуждает о необходимости «исполнить долг» — так он хочет успокоить себя. Но в действительности он **требует** от других подчинения существующему порядку: он оправдывает себя, совершая *насилие* посредством своей деятельности.

6[406]

Новая мысль восхищает меня, я все больше забываю о том, кому она принадлежит — мне или кому-то другому. Как глупо ревновать в таких случаях! И, тем не менее, какую ужасную роль играла эта ревность в истории сокрытия истины!

6[407]

Люди, носящие *маску*, так называемые *выдающиеся личности*, не стыдятся демонстрировать эту маску.

6[408]

2) С помощью мягкости и доброжелательности уравновесить поставленную перед собой великую и дерзкую цель и быть заносчивым с заносчивыми, влюбленным с влюбленными, домовитым с домовитыми и мечтательным с мечтателями. Искупать перед отдельными людьми

то, в чем мы виноваты перед всеми, — отступничество, причинение страданий и т.д. Более того, с удовольствием смотреть на месть других людей по отношению к нам — это справедливо, если учитывать высокомерие, присущее *такой степени* отступничества.

6[409]

Прежде в доказательство несвободы воли ссылались на прорицателей. Это подорвало доверие к учению в тот момент, когда пр<орицатели> лишились д<оверия>.

6[410]

В чуждом существе нам понятны лишь впечатления, те отпечатки, которые оставляет в нас его образ: мы испытываем на себе изменение формы и воспринимаем этот отрицательный факт как нечто положительное — например, называя того, кто нам вредит, *злым*.

6[411]

Какую *жестокую* плату мы требуем за несколько своих добродетелей от других людей, мучая и ущемляя их за это! С чувством истины я хотел бы обращаться так же, как с людьми. NB. Когда мы *не знаем меры* в своем с ним обращении и позволяем ему расти быстро, будто в *теплице*, мы портим себе жизнь, а люди становятся нам *отвратительны*, да и мы себе тоже!

6[412]

Причина и следствие для нас непостижимы, поскольку и то, и другое мы осознаем лишь как негативные отражения, а между ними существует только преемственность. Из подобных преемственностей состоит «тело», «вещь». Мы воспринимаем не движения, а несколько одинаковых вещей в их воображаемой линейности; мы также не воспринимаем линию временной *последовательности* — для нашего восприятия характерны лишь *моменты осознания* (*отделенные* друг от друга); соединяя их в единое целое и прикладывая к себе, мы таким образом *формируем* из разрозненных ощущений некое существующее, прочное тело. Но так же, как одна и та же вещь в своем движении есть

иллюзия, т.е. воссоздаваемое нами движение в любом случае есть нечто отличное от «реальности», так и этот образ, созданный из действующих на нас многочисленных отрицательных впечатлений и выстроенный нашей фантазией, в любом случае отличается от реальности. Он не может быть *полным*, так как составлен из того, с чем мы имеем какую-то связь, и то в нас, что не может иметь никакой связи с предметом, препятствует созданию полного отображения. Даже в виде отражения этот образ не полон. Кроме того, следует принять за условие, что вещь, оставляющая в нас впечатление в *данный* момент, есть *та же самая* вещь, которая в другой момент (мы говорим «в следующий» — и ошибаемся) оставляет в нас новое впечатление, т.е. создает другую связь. Дерево, которое представляется нам длинным, *потом* круглым, потом зеленым и т.д.

6[413]

*Трех*мерное пространство, так же как и движение, относится к области представлений, третье измерение «реализуется лишь во времени». Мы соединяем в единое целое плоскости, которые можем видеть *последовательно.* Мы сами, как существа познающие, представляем собой постоянно возобновляющуюся энергию, порождающую некую последовательность, что относится и к постоянным объектам.

Мы объекты движения, сами совершающие движение вокруг вещей; мы *не останавливаемся*, обратное утверждение верно для того, что является всего лишь видимостью.

6[414]

«Будем же естественны! Природа *зла* — что ж, тем больший эффект она производит», — так думают великие, а все они не знают стыда!

6[415]

Как мала ответственность за косвенные или отдаленные последствия! При этом ближайшие последствия, напротив, с ужасающей жестокостью обрушиваются на нас, а все, что происходит вокруг нас, заставляет нас чувствовать свою вину, даже если мы ни в чем не виноваты. Точка зрения!

6[416]

Когда мы заходим слишком далеко со своей справедливостью и разрушаем скалу своей личности, совершенно отказываясь от твердой исходной позиции, основанной на несправедливости, мы тем самым отвергаем возможность познания: тут *отсутствует* та *вещь, с которой* все имеет свои отношения (в том числе и справедливые). Разве что мы всё будем измерять меркой *другого* индивида и таким образом постоянно возрождать несправедливость – причем ее будет становиться *все больше* (но чувство при этом, возможно, станет чище, так как мы сделаемся привлекательными и, в забвении самих себя, более свободными)

6[417]

Они прячутся внутри себя, их внешность как бы парализуется и приобретает вид маски. Ах, этот взгляд – совершенно *поверхностный*, холодный!

6[418]

Мы узнаем лишь *негативную* сторону всех действующих вещей, как бы их отображение, след, оставляемый ими в нас; это не сущность вещей, а *лишь наша собственная натура*, наталкивающаяся на определенные *препятствия* и *ограничения*!

6[419]

Другого человека мы понимаем только благодаря подавляющему и стесняющему воздействию, которое он оказывает на нас, т.е. следу, оставленному им в воске нашего существа. В предлагаемых возможностях изменения мы всегда *познаем* лишь *самих себя*; некоторые люди вовсе не оказывают на нас никакого воздействия, так как в этих случаях наш воск либо чересчур тверд, либо слишком мягок. В итоге мы можем познать лишь *возможности* изменения **нашей** структуры и больше ничего.

Точно так же «человек сам по себе» относится ко всем остальным вещам: они запечатлевают на нем свой образ в той мере, в какой он способен их воспринять, и он не может познать их иначе, как через изменение *собственного* образа.

6[420]

Восприятие времени и пространства у человека, разумеется, отличается от восприятия у животных, более того, в этом каждый человек не похож на другого. Один час *никогда* не бывает похож на другой час, ощущаемый другим человеком, — он не повторяется даже для нас самих. Но и усредненное восприятие часа *у каждого человека иное*! а *у всех людей вместе взятых* **не такое**, как у муравья.

6[421]

Хорошая мысль представляет собой *исключение*, большинство оригинальных мыслей — это глупости. *Привычные мысли* потому и ценятся так высоко и даже делаются обязательными: в них содержится своеобразное *доказательство* того, что обладающий ими человек не погиб. Это «не погиб» служит доказательством верности мысли. *Истинный* значит «*необходимый для существования человека*». Но поскольку мы *очень неточно* знаем условия существования человека, то, строго говоря, решение в пользу *верности* или *неверности* должно диктоваться только результатом. То, что *меня* погубит, *для меня* не является истинным, т.е. налицо неверная связь между моей сущностью и другими вещами. Ведь существуют лишь индивидуальные истины, абсолютная взаимосвязь есть вздор. Наш способ мышления, напряжение и частотность мысли, ее объекты, способность не видеть и не чувствовать многие вещи — все это условия нашего существования. Любая ошибка для него вредна. Итак, чаще всего мы совершаем ошибки, в большинстве случаев мы непрерывно испытываем какие-то болезненные ощущения, связанные с нашими мыслями, и можем лишь проделывать эксперименты, а то, что касается в познании лично нас, является исключением.

6[422]

Истина в историческом событии: все совершается в головах людей, видящих друг друга в неверном свете и не полностью.

6[423]

Никогда не сообщать кому-либо о его грехах! Но прервать наше общение с ним!

6[424]

То, что *заметно в нас*, растет и вянет под воздействием света, изливаемого на нас другими людьми, словно глаза людей являются для нас самым необходимым источником тепла и света. Заметный и явный рост ориентируется на других, например наша манера держать себя, выражение лица. *Далее* — то, что заметно для нас, но чего другие не могут знать! — И, *наконец*, то, чего мы тоже не замечаем! Границы отличаются друг от друга: *многое* из того, что для меня озарено *светом*, для других пребывает во *мраке* и, следовательно, *развивается* совершенно **иначе**, например религиозность, чувство истины, симпатия, порок.

6[425]

Во время солнечного затмения дневные животные мгновенно погружаются в сон.

6[426]

Ночные животные начинают бодрствовать лишь с наступлением темноты. Их зрение развито так же хорошо, как и у дневных животных. Почему же они летают только в ночи? Зависимость животных от света посредством глаз.

6[427]

«Было модно, чтобы молодые дамы при встрече с Вольтером бледнели, приходили в возбуждение, умилялись и даже испытывали недомогание, бросались ему в объятья, смущенно лепетали, рыдали — короче говоря, впадали в состояние, сходное со страстной любовью». *Преклонение*!

6[428]

Усвоение *прошлого* — сколько приязни, страстности, самозабвения, даже презрения к себе требуется для того, чтобы воскресить душу прошлого! Это *начало*, для этого

потребны и склонность к мечтам, и много упрямства и фанатизма. *Впереди всех немцы* — на что это указывает?! — Сравним с Реформацией Лютера (тоже история!): неприязнь к разуму, к яркому свету, ко всему неблагочестивому, не связанному с традицией, к тому, что не имеет прочной опоры.

Но история, движимая указанными выше мотивами, *невольно* дает *результаты*! Прошлое *не* доказало того, **что мы в нем искали**!

6[429]

Все связи, столь для нас важные, не отвечают реальности, это лишь связи *зеркальных отражений*. Промежутки между ними — оптические промежутки в зеркале, они не подлинны. «Без зеркала нет и мира» — чушь. Все наши отражения, какими бы точными они ни были, описывают человека, а *не мир*: они являют собой законы той высшей оптики, от которой нас невозможно оторвать. Это не иллюзия, не обман, а зашифрованные письмена, в которых выражено неизвестное, — они совершенно понятны для нас, написаны для нас, в них наше отношение к вещам. Таким образом, вещи скрыты от нас.

6[430]

Муха, которая не может проникнуть сквозь стекло

6[431]

Для нас зеркало есть не что иное, как отражающийся в нем мир —

6[432]

Человек скрывает от нас вещи.

6[433]

В этом зеркале постоянно что-то происходит, одна вещь все время следует за другой — мы называем это причиной и следствием, но *понять* не можем ничего, так как видим лишь образы причины и следствия.

Мы рассуждаем так, как будто действительно имеются *существующие вещи*, а наша наука толкует только о таких

вещах. Но существующая вещь является таковой только с *человеческой точки зрения*, от нее мы не можем избавиться. Нечто становящееся, движение как таковое, для нас совершенно непостижимо. Мы *касаемся* **только** *существующих вещей* — из них складывается наша картина мира в зеркале. Если мы мысленно уберем вещи, тогда и движение окажется как бы несуществующим. Движимая сила — это бессмыслица для нас.

Если мы попробуем рассматривать зеркало само по себе, то в итоге не найдем в нем ничего, кроме вещей. А если захотим постичь вещи, то в конце концов придем опять-таки ни к чему иному, как к зеркалу.

Наше *мышление* действительно есть не что иное, как чрезвычайно изощренная игра, в которой участвуют *зрение, слух и осязание*, логические формы суть физиологические законы чувственного восприятия. Наши чувства — это развитые центры восприятия, имеющие мощные резонаторы и зеркала.

6[434]

Если мы обратим внимание на то, к каким заблуждениям нас чаще всего подталкивают наши ощущения, то сможем разгадать, каковы будут основные ошибки наших чувств (например вера в тело

6[435]

Зеркало, в котором вещи отражаются не как плоские образы, а как тела.

6[436]

Воодушевление проявляется совершенно по-другому у тех людей, которым, чтобы быть счастливыми, нужно *забыть самих себя*, — самовыражение. Тренировка *сознания* у них *противостоит* чувству счастья, из чего они делают вывод, что рассудок и пылкие чувства исключают друг друга. *Устремляться вверх, с острым орлиным взором*, — этого они не могут, предпочитая слепоту и подавление своей личности!

6[437]

Мы воображаем, что истина постепенно сама установится, — *но только человек утверждает себя в своей связи с другими силами.* Возникает полнота отношений, т.е. полнота ограничений и заблуждений. Это не абсолютные заблуждения, а те, которые относятся к категории оптических. Мы способствуем развитию науки? Нет, человека! Благодаря этому он становится более стойким, более прочным.

6[438]

Если бы мы *в своей жизни строго придерживались какой-либо моральной системы,* то человечество *погибло* бы. Это касается и христианства. Мы все еще живем *благодаря неморальности.*

6[439]

Мы проделываем с *познанием* ничего *более* того, что проделывает паук со своей паутиной, охотой на муху и высасыванием из нее соков: мы констатируем свои потребности и пути их удовлетворения — к ним относятся солнце, звезды и атомы, — это такие же окольные пути к нам, как и отказ от бога. В долгосрочной перспективе нам причиняет *вред* каждое неверное соотнесение (предположение о наличии связей). По этой причине наше познание *само по себе* не имеет ценности: здесь проявляются лишь оптические законы (в форме сравнения). Сам человек, в окружающем его пространстве протяженностью в 5 футов, является произвольным допущением, *построенным* на несовершенстве его органов чувств.

6[440]

Подражание (фантазирование) дается нам легче, чем ощущение, новое восприятие; оттого всякий раз, когда мы, по нашему мнению, просто воспринимаем что-то (например движение), нам помогает наша творческая фантазия, которая *избавляет* нас от усилий восприятия многочисленных деталей. Эта *деятельность,* как правило, нами не замечается, мы *не испытываем страданий* при воздействии на нас других вещей, но тотчас же противопоставляем им

собственные силы. *Вещи прикасаются к нашим струнам, мы же извлекаем из них мелодию.*

6[441]

Наше познание и ощущение подобны точке в системе: это похоже на глаз, острота зрения и поле обзора которого медленно увеличивается и охватывает все больше вещей. При этом в реальном мире *ничего* не меняется, но эта непрерывная деятельность нашего глаза вызывает во всем постоянно усиливающуюся направленную деятельность.

Мы проецируем свои законы на весь мир и, с другой стороны, не можем воспринимать эти законы иначе как результат воздействия этого мира на нас. Исходный пункт – обманчивость зеркала, мы *живые отражения.*

Так что же такое познание? Условием для него является ошибочное ограничение, как будто существует некая единица для измерения ощущений; везде, где имеются зеркало и органы осязания, возникает некая сфера. Если мы откажемся от такого ограничения, то вместе с ней признаем несуществующим и познание: представление об «абсолютных связях» нелепо. Следовательно, в основе познания лежит заблуждение, иллюзия. Только при помощи *сравнения многих иллюзий* возникает вероятность, т.е. разные степени иллюзорности. – Язык также представляет собой некую мнимую и предполагаемую основу для истин: человек и животное *сперва* конструируют новый мир заблуждений, а затем совершенствуют эти заблуждения, вскрывая при этом многочисленные противоречия и уменьшая тем самым количество возможных заблуждений или же продолжая упорствовать в своем заблуждении. По сути дела «истина» присутствует лишь в тех вещах, которые *изобретает* человек, например в числе. Он сюда что-то вкладывает и затем постоянно это находит – такова истина на человеческий лад. Большинство таких истин имеют на самом деле *лишь* **негативный** характер: «то-то и то-то *не* есть то-то» (хотя форма высказывания в основном положительная). Последнее есть источник *всякого прогресса* в познании. Таким образом, мир представляется нам суммой связей с некой ограниченной сферой основополагающих неверных допущений. Все законы оптики, как и законы слухового восприятия, суть заблуждения.

Предположим, в бытии существует несметное количество *чувствительных* точек: каждая из них имеет определенный круг, очерчивающий *силу* и *дальность* воспринимаемых ею связей, т.е. сферу действия ограничений и ошибок. Точно так же и любая сила обладает собственной сферой, действующей с такой-то дальностью и с такой-то интенсивностью и только на то-то и то-то, а на другое не действующей, т.е. сферой ограничения. Подлинное знание всех таких сфер и их области ограничения – идея безумная, поскольку в таком случае следовало бы предположить наличие ощущения, *не* имеющего ни «дальности», ни «силы», ни «воздействия на то-то и то-то»; точно так же сила *без* границ и одновременно *со* всеми мыслимыми границами, порождающая *все* связи, была бы силой, не обладающей *определенной* силой, т.е. оказалась бы бессмыслицей. Итак, ограничение силы и постоянное соотнесение этой силы с другими есть «познание». *Не* отношение субъекта к объекту, а нечто другое. Оптический обман, твердящий о происходящих вокруг нас схватках, *которых в реальности нет вовсе*, – вот его предпосылка. Познание есть в значительной мере *иллюзия*.

6[442]

Поскольку мы скептики, наши поступки суть эксперименты, задачи с несколькими неизвестными – очень интересные, ведь нас раздражают не нелепые формы проявления нашей *власти*, в случае если они оказываются неудачными, а попытки использовать успех для того, чтобы составить мнение о чем-то. Мы не терпим над собой ни тирании своих поступков, ни деспотической власти своих успехов.

6[443]

Склонность *желать* другим *добра усиливается* по мере того, как в человеке возрастает чувство *власти*: радостное расположение духа и чувство большой ответственности заставляют его всюду искать добрые дела.

6[444]

Мы все думаем, будто в чувстве зависти, ненависти и т.п. с уверенностью можем *различить*, *что есть* зависть,

ненависть и т.д., — какое заблуждение! То же и с мышлением: мы полагаем, будто нам хорошо известно, что такое мышление. Но когда мы наблюдаем некоторые *симптомы* незнакомой болезни, то приходим к мысли, что именно *в них и заключается* болезнь. Все моральные состояния мы измеряем и обозначаем в соответствии с тем, *что мы при этом* осознанно ощущаем, — да и то не *тонко*, а совершенно грубо. — И вот мы узнаём, что *желание*, определяемое целью, понимается нами абсолютно неправильно. Значит, существует вероятность, что мы неверно понимаем и все аффекты, имеющие моральную окраску, что даже симптомы мы *толкуем* неверно, в соответствии с предубеждениями *общества*, не упускающего из виду то, что *для него* полезно и вредно.

6[445]

Моральные состояния суть состояния *физиологические* — очевидно, например, в любви. Почти все они весьма приятны и необходимы для организма отдельного человека.

6[446]

Любовь, взваливающая на одного то, что принадлежит многим, тем не менее прославляется как неэгоистическая сила: такой она на первый взгляд *представляется*, к тому же она желает приносить пользу. Между тем она *отбирает* едва ли не *всю притягательность* у остальных людей и вещей и сваливает все это на одного, так что в целом ее последствия неблаготворны.

6[447]

Музыканты и писатели, всегда изображающие что-то, чем они сами не являются, ораторы и актеры

6[448]

Эти вещи вам известны лишь в форме мыслей, однако ваши мысли суть не пережитое вами, а отголосок того, что пережито другими: подобно тому, как ваша комната сотрясается, когда мимо проезжает экипаж. Я же сижу в экипаже, а нередко я сам экипаж.

6[449]

Подчеркивание греха стократно усиливало эгоистичную мысль о личных последствиях любого поступка и отвлекало от придумывания таких последствий для других. Несправедливость к богу — вот что взрастило *бездумность* в отношении поступков и *их общих последствий для человечества*. Раскаяние, угрызения совести! Христианину *нет* дела до ближнего, он безмерно занят самим собой.

6[450]

Когда мы знаем, что читаем какую-то книгу не ради другого, сколь жалкой она становится! Мы должны испытывать те же чувства, что и автор, — разве это нравственно? Целое побережье с его горами, морем, оливковыми деревьями и очаровательными одинокими соснами — все это предстоит нам открыть. Столь же непринужденно, как путешественники и первооткрыватели, мы можем обращаться и с людьми, *делать им добро или причинять зло для того, чтобы* заставить их обнаружить *присущую им красоту*, озаренную солнцем или окутанную тучами.

Если мы замкнемся в себе, за счет чего мы будем расти, чем обогащаться?! Для насыщения нам *необходимо* испытывать удовольствие от чуждого, то есть получать *другое питание*. Удовольствие от человека необходимо ради нашего *питания* —

6[451]

Еще более возвысить дружбу. NB. Э<мерсон>, с. 149.

6[452]

NB. Принять братские чувства к великим умам и отвергнуть соперничество! Никакой изоляции!

6[453]

Сердце сжимается, когда видишь, как люди совершенно не *стыдятся* своей антипатии к чему-либо. Мы должны бояться того, кто ненавидит сам себя, мы жертвы его мести. Наша обязанность — соблазнить его любить самого себя.

6[454]

Бесстыдный эгоизм *любви*, желание быть единственным обладателем другого, единственным объектом восхищения — все это не пользовалось бы такой славой, если бы не было столь приятно!

6[455]

Поступки лишь *тогда* начинают казаться нравственными, когда их полезность *перестает* быть очевидной: предписанная, унаследованная, священная полезность. При этом могут существовать наказания и вознаграждения — но не *ради* самого наказания или вознаграждения, а оттого что *их требует авторитет*, по **неизвестным** причинам!

6[456]

Неправда, что понятия добра и зла составлены из полученных опытным путем представлений о «целесообразном и нецелесообразном». *Все злые* инстинкты *в столь же высокой степени целесообразны* и *необходимы для сохранения вида*, как и добрые! NB. Против Спенсера. Даже на то, что целесообразно для общества, нет одной единственной точки зрения. Важнее всего: *слепое повиновение приказу* и превращение страха в почитание. Канонизация почитаемого!

6[457]

К истории
честности.

6[458]

Фамильярность
с близким другом
и близким врагом.

6[459]

Страсть
к честности.

6[460]

Эмигранты.

6[461]

Passio Nova[1]
или
О страсти честных людей.

1 Новая страсть (*лат.*)

7. Конец 1880

7[1]

Христианство учило: 1) ужасающему недоверию к нам 2) и пониманию человека – в этом наши преимущества перед античностью.

7[2]

Лишь в глубокой тьме мы по-настоящему бываем самими собой: прославленность окружает нас людьми и их претензиями к нам. Нужно сбросить свою славу в море.

7[3]

Христианство назвало *чувство униженности* (смирение) *добрым*, превратив его в страсть! Благодаря чему и возвысилось!

7[4]

«В сорок лет – верблюд, в 70 – обезьяна», – испанцы

7[5]

Мы тоже можем иметь свой собственный вкус – но это уже не вечный, обязательный вкус! Каждая эпоха *считала* таковым свой собственный! Только нам это не дозволено! Абсолютно новая ситуация!

7[6]

«Со временем мы замечаем лишь образы природы, которые соответствуют нашей манере искать счастье: один видит только то, что возвышенно, другой утонченные, редкие мнения. Все прочее ему *скучно*», – Ст<ендаль>.

7[7]

Неестественность – всего лишь резкая характеристика той пассивности, в силу <которой> м<ужчина>, как

и женщина, всегда производит на свет детей, похожих на своего отца, а не на самих себя! Пассивные художники, подобные Листу. А также мыслители, которым по-мужски импонируют и внушают любовь все типы реальности. Борьбу с такой пассивностью часто ведет тщеславие. Но также и чувство верности, ведь ее часто нарушают. Существует **лукавая** *порода людей высшего порядка, стоящих над* этой пассивностью, дающих ей свободу в форме страсти, но предоставляющих себе *возможности*: таким образом они усваивают опыт, чуждый для других мыслителей.

7[8]

Муки вожделения сами по себе не так страшны, если не считать их чем-то дурным. Столь же мало глубоких душевных мук нам причиняет потребность опорожнить кишечник.

7[9]

Эти мысли не оставляют меня ни днем, ни ночью: они врываются в мои сны. Даже самые неистовые боли не защищают меня от них. Нет таких уз симпатии, которые бы не разорвались, когда вмешиваются эти безжалостные мысли. Это вмешательство вещь и печальная, и возвышающая, и прекрасная — не думаю, что нашлось бы много людей, которые принимали бы жизнь так же, как я, хотя она и окутана густой меланхолической дымкой и озарена огнем.

7[10]

Неприязнь греческого искусства к ужасному: у людей хватало подлинных горестей.

7[11]

Микеланджело *лишил* своего бога доброты и справедливости и сделал из него бога страха и возмездия — он сделал его *логичным*.

7[12]

Чем хороша служба: мы ставим ее между собой и людьми, строя тем самым тихое и укромное убежище, где можно говорить и делать то, что всякий считает себя

вправе от нас ожидать. Таким же образом можно использовать и раннюю славу — при условии, что, прикрываясь ею, «наше "я" снова может неслышно смеяться над собой и свободно играть с самим собой».

7[13]

Независимость есть отречение властолюбцев, которым не дано властвовать ни над кем, кроме самих себя. Здесь вызревает величайшая жажда власти, ведь мы можем таким образом расширяться до бесконечности и распространить свою власть и могущество на эту бесконечность. Использовать всю мощь своей страсти к бесконечности и победить ее!

7[14]

Немцы совмещают в себе увлечение всем иностранным с мстительной жаждой оригинальности (это месть за стыд, испытываемый при взгляде назад) — те же немыслимо добрые, продуктивные немцы играли роль *посредников* и трудились для Европы (как Моцарт, историки и т.д.). — Доказательством того, что их оригинальность не продукт природы, а плод их тщеславия, для немцев служит мнение, будто она заключена в их полной, чрезмерной *непохожести* на других; однако древние греки не имели такого мнения в отношении Востока, римляне в отношении греков, а французы в отношении римлян и Ренессанса — и *становились* не похожими на предшественников (ведь поначалу *присутствует* не оригинальность, а грубость!).

7[15]

Вся эта философия — не есть ли она нечто большее, чем стремление доказать, что спелые плоды, пресный хлеб, вода, одиночество и упорядоченность во всех вещах мне более всего по вкусу и наиболее для меня полезны? То есть инстинкт, требующий правильной *диеты* во всем? И умеренный солнечный свет! Не приближаюсь ли я в своем понимании возвышенного, в котором нет ничего мрачного и претенциозного и которое похоже на укромный и одинокий полет бабочки высоко по скалистому берегу моря, где растет много хороших растений и цветов? И мне нет дела

до того, что всей жизни мне отпущен лишь день и что ночь слишком холодна для моей окрыленной бренности?

7[16]

«Климат или темперамент создают *силу* пружины, обычай или воспитание придают ей *смысл*». Направление!

7[17]

Ваш культ силы – это все что угодно, но только не доказательство силы, как это было у М<икел>анджело! Вы отдаете себя, желая черпать в этом силу, вы устали от собственной слабости –

7[18]

Подобно тому как итальянцы *приспосабливают* к себе любую музыку, вовлекая ее в свою страстность, – более того, эта музыка готова к тому, чтобы ее истолковывали индивидуально, и это дает ей больше, чем все искусство гармонии, – так и я читаю мыслителей и пою их мелодии: я знаю, что за всеми холодными словами движется алчущая душа, я слышу ее песнь, ведь моя собственная душа поет, когда приходит в движение.

7[19]

План.

Глава 1. Мы полагаем, что имеем дело с противоположностью страсти, но это производит благотворное действие, и потому мы начинаем борьбу *против* страстей, за разум и справедливость. Мы, простодушные!

Глава 2. Внезапно мы обнаруживаем в нем самом все признаки страсти. Осознание этого причиняет нам боль, мы жаждем ничем не омраченного, вечного, тихого света мудрости. Но мы догадываемся: и этот свет также есть *волнение страсти*, но волнение утонченное, неразличимое для грубых людей.

Глава 3. Мы стараемся избежать рабства и подчиняемся другим страстям (искусство). Мы пытаемся убить их с помощью анализа, исследуя их происхождение. При этом нам открывается, *как* возникают страсти вообще, *как* они *облагораживаются* и какое действие производят.

Гл<ава> 4. Начинается ответная реакция извне: все возражения, которые мы высказывали, желая освободиться от них, все наши заблуждения обращаются извне против нас самих, в форме разрыва с друзьями и т.д. Это новая, незнакомая страсть. Мрачное наслаждение ею! Она поддерживает нас! Она творит одиночество, она открывает для нас мыслителей!

7[20]

Один из людей, кого я ценил превыше всех, показался мне достойным презрения с той минуты, когда он, человек, имевший представление о требованиях, событиях и трагедиях познания, предпочел, из-за некоторых неприемлемых для него результатов познания, оклеветать *науку*. Только мы, те, кто испытывает из-за нее столь бесконечные страдания, по-прежнему любим ее! — Что за проклятая мягкотелость и отсутствие строгости к себе! Не ненавидеть следует, а лишь презирать!

7[21]

Кант: человек есть существо моральное, следовательно: 1) он свободен, 2) он бессмертен, 3) существует некая карающая и воздающая по заслугам справедливость: бог. — Однако моральное существо есть плод воображения, следовательно: — — —

7[22]

Не следует оплачивать возвышенное слишком дорогой ценой (например святость бога)

7[23]

Во Франции (при Л<юдовике> 14) оригинальность сделалась опасной, достойной презрения и скучной; вот *откуда* (а не от инертности, как у н<емцев>) эта модель поведения.

7[24]

1) Различия в благоприобретенных суждениях, исходящих от своего рода второй натуры и чуждых или же противоречащих натуре первой: большинство из них

несколько неуклюжи и робки, но, так как они выражают победу, мы относимся к ним едва ли не с большей любовью, чем к полученным без усилий плодам из своего сада (и в целом оцениваем их куда выше; это ровно то, что способен принести наш климат, для одних это растения *юга*, для других — *севера*). Разумеется, использующаяся для этого сила отнимается у нашей первой натуры! И это даже хорошо там, где она уже *буйно цветет*! «Справедливость» — это вещь для людей *изобильных*! То есть для силы, которой грозит опасность не сдержать себя! Иные люди охотно хотели бы слыть такими переполненными нат<урами>, им нравится проявлять несдержанность. Для лицемеров этого сорта есть другая, более изысканная утонченность: пытаясь сдержать себя, давать понять, что тебе есть что сдерживать!

7[25]

Чтобы довести до совершенства свое искусство, художнику или мыслителю, пожалуй, необходимо обладать верой, которая по отношению к вере других людей оборачивается несправедливостью и ограниченностью. Ведь ему необходимо видеть в ней нечто *большее*, нечто более великое, чем это есть в действительности: в противном случае он не способен использовать всю свою силу. От долгого трения при воплощении идеи экстаз, содержащийся в первой мысли, бесконечно истончается, поэтому он должен быть куда больше, чем это считается пристойным, — иначе он не сохранится до конца!

7[26]

Как получилось, что христианство, вопреки своей религии сострадания, распространило в Европе жестокое обращение с животными? Потому что оно в гораздо большей мере религия жестокости, обращенной против человека.

7[27]

Для того чтобы человек мог искренне проявлять великую справедливость по отношению к людям и к вещам, в нем должен совершиться некий первообразный процесс: необходимо, чтобы он ощущал, как в нем борются две или

несколько сил, и при этом не желал ни гибели одной из них, ни продолжения борьбы. Так он открывает в себе потребность в *договоре*, в котором различные силы обладают определенными правами по отношению друг к другу, а также *удовольствие от справедливости*, основанное на привычке к уважению этих прав. Его внутренние переживания отбрасывают свои лучи наружу. Вполне возможно также, что кто-нибудь сможет привнести такое чувство справедливости извне. Осторожность — такова практика справедливости: многое видеть, но не желать замечать, многое терпеть, но ради всеобщего мира смотреть на это с радостью — из этого может выработаться стоицизм, *похожий* на эпикуреизм.

7[28]

Грация древних греков была столь сдержанной, что в наше время она могла бы показаться достоинством. А gravitas[1] античного философа или государственного мужа мы бы вряд ли смогли вынести. Наши художники, которые что только не связывают с прекрасной возможностью ни в чем себя не сдерживать, в глазах стоика выглядели бы невоспитанными мальчишками.

7[29]

Беседа Паскаля с Иисусом прекрасней, чем любое место из Нового Завета! В ней заключена самая меланхоличная очаровательность, какая когда-либо была выражена в слове. С тех пор уже никто более не связывал свои сочинения с этим Иисусом, вот почему христианство после Пор-Рояля повсюду пришло в упадок.

7[30]

Я могу относиться к себе точно так же, как садовник к своим растениям: я могу отстранить от себя мотивы, удалившись от места и общест<ва>, я могу и приблизить к себе мотивы. Я могу искусственно взрастить или заглушить в себе способность обращаться с собой, как садовник с растением.

---

1 серьезность (*лат.*)

7[31]

Несч<астны> те, кто с помощью преобразований хочет одним махом добиться добродетели! И приходит в отчаяние в случае рецидива! В то время как мастера делает *навык*.

7[32]

Во времена дикости и воинственности *трудно* было пробудить симпатию и сострадание — какая задача стояла тогда перед драматургами! Однако в нашу сверхчувствительную эпоху культ сострадания представляет собой поистине самый жалкий из всех культов — словно людям не приходится слишком часто испытывать сострадание! Словно и сам по себе поступок управляется скорее сопереживанием, чем переживанием!

7[33]

собственная «*душа*» — так я хотел бы именовать *индивидуальн<ость>*

л<юди> без собственной души

л<юди> без души

7[34]

Собственная душа.

Даже Канта, как ни убога его душа по сравнению с душой Паскаля, во всех его движениях его ума сопровождала сходная тайная мысль: развенчать интеллект, обезглавить знание — для блага христианской веры! И всегда это должна быть *христианская* вера! как будто не *все* виды веры были бы нам доступны, если бы знание было обезглавлено!

7[35]

Для Шопенгауэра *страсть* была непостижима, он признавал лишь общий половой инстинкт и его причуды (но страсть — это достижение индивида, оттого она у итальянцев встречается часто, а у немцев слаба). Немец *вульгарен* в любви.

7[36]

Изящество — это отдохновение для сильных душ. Слабые жаждут обольщения, пленения, соблазна, изяще-

ство они находят неэффективным и пресным, они жаждут того, что возбуждает (эмоций)

7[37]

Существует так много вид<ов> приятных ощущений, что я отчаялся определить, какое из них наивысшее. Совсем недавно мне казалось, что это парение и полет.

7[38]

«Вещь» — понятие упрощенное. Если человек хочет понять самого себя, то первое, что ему для этого требуется, — это слова: давая название тем или иным вещам, свойственным человеку, он предполагает, что из суммы всех этих вещей в конце концов складывается человек, именно так он его и *понимает*.

7[39]

Каждый день я поражаюсь: *я не знаю самого себя*!

7[40]

Я не считаю, что честность по отношению к себе есть нечто абсолютно высокое и чистое, но отношусь к этому так же, как к требованию соблюдать чистоту. Человек может быть кем хочет: гением или комедиантом — лишь бы он был чистым! (В Г. Гейне есть нечто чистое.)

7[41]

Великолепные тела античных статуй кажутся прекрасными, так как они приятны и *полезны* (постоянная мысль о войне!).

7[42]

Провинциальный «дух»

7[43]

Пробуждение сострадания к чему-то *доброму* — черта христианско-буддистская.

7[44]

Вещи или эффект вещей были намного более высокими.

7[45]

«Что толку во мне!» – это выражение подлинной страсти, высшее проявление желания *видеть что-то, кроме себя.*

7[46]

Реализм в искусстве есть заблуждение. Вы воспроизводите то, что притягивает и восхищает вас в вещи, – однако эти ощущения пробуждают отнюдь *не* реально существующие предметы! Вы просто не знаете, отчего возникают ощ<ущения>! Всякое хорошее искусство *воображало* себя реалистичным!

7[47]

В отношении сильнейшего инстинкта, который в конечном счете регулирует нашу мораль, мы должны отказаться от вопроса: почему? (Например те, у кого в основе лежит высокомерие)

7[48]

Переделать «тебе нужно» в «ты обязан» – вот в чем фокус! Это прямо противоположно ощущениям человека обыкновенного, для которого это «тебе нужно» непостижимо.

7[49]

У животных и растений мы должны учиться тому, что называется *процветанием*, и переиначивать его применительно к человеку. Эти бледные, чахлые импотенты, эти люди, страдающие от своих идей, больше не могут быть идеалом. Должно быть, внутреннее *вырождение* способствовало *развитию* дурного вкуса. Я веду борьбу с этим дурным вкусом.

7[50]

Неужели нет выхода! Нигде нет закона, который мы не просто познаём, но познаём через себя!

7[51]

Привлекательность побежденной трудности (Вагнер) и трудности, которую нам удалось преодолеть (*сквозь*

искусственные фигуры *все же* передать, как у Петрарки, чувство, например любовь).

7[52]

В реальности не происходит *ничего*, что бы строго соответствовало логике.

7[53]

Я не способен признать величие, которое не сочетается с *честностью по отношению к себе*: актерство по отношению к самому себе внушает мне отвращение; если я обнаруживаю что-то подобное, никакие великие достижения для меня ничего не стоят; я уверен, что это актерство распространено повсюду, даже в самых глубинах души. — Напротив, актерство, направленное вовне (например у Наполеона), для меня понятно: очевидно, в нем нуждаются многие люди. — Это проявление ограниченности.

7[54]

Некоторые люди не отличаются сложностью, в большинстве же случаев индивид *непознаваем* и ineffabile[1]. *Следовательно, образец* — это неизбежный обман! Если я не буду знать количество и тип материала, необходимого для строительства, что толку в планах постройки! Как ограничивают нас эти вечные размышления об эго! У нас почти не осталось бы времени для познания мира! И даже если бы это познание мира было всего лишь способом познания эго, у нас *никогда* не дошли бы руки до самой задачи! В конце концов влюбленность в свой собственный образец — это еще одна несвобода!

7[55]

священный гнев (евреи и драматурги), божественная зависть (греки, *ἀγών*[2]) — аффек<ты>, воспринимаемые как положительные (в том числе у Гесиода)

1 невыразим (*ит.*)

2 состязание (*древнегреч.*)

7[56]

Что, согласно строго научным понятиям каузальности, для нас действительно *хорошо* (например безусловная вера и пр.), то для нас уже невозможно — вероятно, именно вследствие строгости научной мысли! (Против простодушной веры Спенсера в гармоничное сочетание знания и пользы)

7[57]

Сами того не замечая, мы наслаждаемся в этом мире самым доверчивым покоем, как будто его уготовило нам провидение: погруженные в свой холодный фатализм, мы ощущаем теплый воздух *прежних*, религиозных чувств. Наша ужасающая взрослость! Нас вытолкнули в мир!

7[58]

Различение *высшего* и *низшего* по отношению к телу и органам *не* свойственно науке! Ведь мы ставим какой-то орган тем выше, *чем менее* его деятельность *доступна нашему взгляду*. Или обонянию! Или осязанию! *Отвращение* играет решающую роль! в определении высокого и низкого! *Не ценность! Вот откуда берут начало мораль<ные> различия!* NB

7[59]

Ученый под гнетом: 1) церкви, 2) дворов, 3) галантного общества, 4) воспитания *молодого поколения*, 5) коммерческих и промышленных интересов, 6) наций — такова вся его история! Далее *одиночки!* Монтень, Стендаль и др.

7[60]

Меня **потрясает** представление: «эта мысль, *возможно, неверна!*» Зато заявление: «она будет *считаться* неверной» — меня не волнует, *я это заранее предполагаю*: ведь им не нужно тратить столько времени и страсти, сколько потратил я.

7[61]

В *наших* устах морал<ьный> жаргон звучал бы для нас оскорблением или насмешкой. В качестве средства выражения нам остаются лишь *поступки*. А если сочинения можно отнести к поступкам, —

7[62]

Как соотносится образец с нашим развитием? с тем, чего мы непременно должны добиться? Не есть ли образец в лучшем случае предвосхищение? Но для чего же он тогда?

Наибольшее удовольствие нам доставляет *надежное* и *длительное* представление о «Я», являющееся *мотивом* нашего поведения (у большинства его нет!). Если же такое представление невозможно сформировать *или же оно не формируется*, значит, его проект содержал ошибки, связанные с нашим незнанием себя. В любом случае оно есть закономерный продукт всех наших способностей: у одного это бесплодная мечтательность, у другого прекрасная поэзия, у третьего архитектурный проект – и здесь, в свою очередь, обнаруживаются все разновидности архитектурного вкуса. Это *попытка* увидеть и понять *нашу бесконечно* сложную сущность в некой *упрощенной* форме. Образ вместо «вещи».

7[63]

Труд в данный момент – добро, но в принципе – зло. Два героических периода у Гесиода, обратная сторона, добро и зло.

7[64]

Христианство и иудаизм: идеал, помещенный вне нас, обладающий высшей властью, повелевающий! и дарующий вознаграждение, и карающий! – Сколь высоко нужно стоять каждому, чтобы позволить себе такое! И *сколь непроизвольным* должен казаться ему собственный образ! Может ли он чувствовать себя собственным создателем?! Едва ли!

7[65]

Возможно ли сделать совесть тем языком, на котором наш образец говорил бы с нами? *Тогда* бы что-то получилось. Очень редко! Но это не аргумент!

7[66]

Человек автономный очень редок. «*Ч<еловек>, подчиняющийся правилам*», и «сама пр<ирода>, подчиняющаяся законам».

7[67]

Испытывать радость, когда мы чувствуем смущение из-за своего собственного церемониала.

7[68]

Так как л<юди> меняются, постоянно меняется и *картина истории.* NB.

7[69]

Мы хвалим и порицаем, следуя некоему образцу (называем что-то моральным или неморальным). Этому предшествует *подчинение* какому-то образцу. Об<ычно> тот, кто обладает властью над нами, кто хвалит или порицает по своей воле, служит нам образцом, ведь для этого не нужно ни особой находчивости, ни ума. Таким образом, индивиды, *выдвигавшие себя в качестве цели*, прежде всего создавали образец. Мораль, т.е. «образец вне нас», существовала лишь для слабых.

7[70]

Я хочу иметь дело лишь с теми людьми, у которых есть свой собственный образец и которые *не* видят его *во мне.* Ведь тогда я должен был бы взять на себя ответственность за них и превратиться в раба.

7[71]

Не принимать на веру ложной необходимости — что было бы равносильно покорности бессмысленному заблуждению и означало бы рабство, — вот в чем источник познания природы! — Но тогда и не *желать* того, что противоречит необходимости! Это было бы пустой тратой сил и отклонением от идеала, кроме того это значило бы желать разочарования, а не успеха. — NB.

7[72]

Я повидал людей и не нашел среди них своего идеала.

7[73]

Быть моральным, т.е. *поставить* перед собой *цель* и логически следовать ей во всех наших поступках. Но наша

природа не обладает ни *такой целью*, ни *подобной логикой*! Поэтому мораль сводится к тому, чтобы внушить нам *ложное представление* о природе, т.е. заставить нас руководствоваться ею и при этом внушать себе, будто *мы* ею руководим.

7[74]

«Для нас необходима неизвестность: сердце должно биться, мускулы дрожать от предвкушения действия. Все вопросы решены, кроме одного: все они, словно осы, будут роиться вокруг этой единственной точки»

7[75]

Показать на примере *любви*, как инстинкт представляется добрым или злым в зависимости от того, приветствуется он или осуждается (греками, христианскими аскетами, в христианском браке и т.д.).

Всякая *идеализация инстинкта* начинается с причисления его к вещам, достойным похвалы. Указание для будущих времен?? NB

Вместе с тем подвергнуть исправлению зависть и ненависть. Принять во внимание, как изменилось сострадание.

7[76]

Животным свойственно чувство власти, т.е. *жестокость*, и блаженство смирения, т.е. спокойствие и инертность. NB.

7[77]

Древние римляне называли тщеславие хорошим качеством и высоко ценили его (honestas[1])!

7[78]

Все в наше время кажется более надежным, мир — более устойчивым (благодаря многим строго доказанным истинам). Однако в прежние времена люди более доверяли заблуждениям, чем мы сейчас истине: мы бесконечно

---

1 почет (*лат.*)

более осмотрительны, склонны к скепсису, а значит, *при известных обстоятельствах*, и *более склонны к фантазиям*, чем прежде. Мы можем видеть совсем иные сны, чем люди, жившие до нас!

7[79]

Влияние полета! уже не в некоторых областях! На сам стиль!

7[80]

Практикуемое везде и повсюду презрение к миру: всякое удовлетворение отвергается или воспринимается как большое зло — так что любая жажда удовлетворения устремляется в одном направлении: к потусторонней жизни!

7[81]

Жиль Блас меня не утомляет, я вздыхаю с облегчением: ни капли сентиментальности, никакой риторики, как у Шекспира.

7[82]

Если мы с отвращением отвернемся от неразрешимой задачи нравственной автономии и не выдерживающего критики задания представить нравственность в виде всеобщ<его> закона и обратимся к познанию природы, мы тотчас же вновь столкнемся с проблемой долга: наша позиция по отношению к вещам моральна в том случае, если мы действительно хотим *познать* их, — то есть она несостоятельна на длительное время! Однако мы можем долго обманываться на этот счет. Мы инстинктивно отвернемся от высших проблем и остановимся на тех, в отношении которых легко создать иллюзию познания *без* морали (здесь мы применяем мораль, которая стала для нас *естественной*, как будто бы она нечто естественное и внеморальное!).

7[83]

Принципа «благо большинства превыше блага отдельных людей» вполне достаточно для того, чтобы заставить

человечество сделать столько шагов назад, сколько необходимо для достижения низшей ступени животного состояния. Ведь противоположный принцип («отдельный человек более ценен, чем масса») его *возвысил*

7[84]

Мораль<ные> суждения о поступках *решают вопрос* об их моральности: она *есть* нечто относительно *внешнее.* Поступки, если рассматривать их изнутри, не бывают добрыми и злыми. Зато м<оральные> сужд<ения> могут *побудить* нас к поступкам и *сказаться* на их осуществлении, подобно вездесущей полиции, которая сама не *совершает* действий, за которыми надзирает. При этом могут *исчезнуть* целые разряды поступков; мор<альное> сужд<ение> непосредственно связано с вопросом о целесообразности: отвечали ли мор<альные> суждения до сих пор интересам человеческого развития? Какие из них не отвечали? Не является ли неприятие мор<ального> сужд<ения> недостатком для человечества? Но ведь прежде существовала вера в мор<альные> сужд<ения>!

7[85]

Для людей весьма эгоистичных (к ним относятся и люди, склонные к моральн<ому> самобичеванию) жизнь ради других безмерно приятное отдохновение

7[86]

passionner les détails[1], NB.

7[87]

Стендаль: «хороший вкус» в том, как человек умирает, убивает соперника, разоряется и пр. во времена мадам д'Эпине.

7[88]

Античность *привлекала* и *давила* на людей эпохи Возрождения, в которых энергия била ключом. Они подчинялись стилю, они ощущали победу над трудностью не

---

1 волновать при помощи деталей (*фр.*)

быть естественными, они вели себя как сильные л<юди>, гордые и властолюбивые *по отношению к себе.* Не путать с трусливым раболепием робких ученых!

7[89]

«il faut être comme un autre»[1]: что прежде было почтенно и продуктивно, то теперь презренно и унизительно для того, кто это так воспринимает.

7[90]

Писать то, что через несколько лет лишится всякого смысла, — такое я не могу себе представить. Это, очевидно, признак ограниченности. Ведь все, что *переживаю* я сам, для меня все еще важно, как памятник состоянию, некогда для меня ценному. Я хотел бы, чтобы в старости меня окружали такие памятники.

7[91]

Я испытываю *страстное влечение к независимости,* я жертвую ей все — возможно, потому что обладаю самой зависимой душой и тоненькие веревочки причиняют мне больше страданий, чем другим цепи.

7[92]

Отвращение к силе, глубокой серьезности и показной доброте современно. *Следовательно,* мы, немцы, и я тоже, наследники *античности.* Так у Ст<ендаля>: Peint<ure>, с. 278

7[93]

Король, отрекшийся от престола и проживший свою жизнь мудрецом в полной нищете; народный вождь, пожертвовавший своей местью и т.д.

7[94]

Немцы *любят покой* и потому охотно берут себе какой-нибудь образец, *это избавляет их от необходимости мыслить.*

---

1 «Нужно быть такими же, как все» (*фр.*)

7[95]

Облагораживание повседневных привычек. Когда-то это было отчасти характерно для священника: его поступь, то, как он воздевал кверху руки, его голос. Позже – для жизни при дворе: усилилось стремление сдерживать себя, не показывать свои чувства (или окутывать их шелковой завесой). – Но что значит в наше время облагораживать, служить идеалу! Какому идеалу?! Нам немедленно нужно *найти* идеал! Откуда же взять его и при этом не украсть! – Мой идеал: не оскорбляющая глаз независимость, умеренное, замаскированное высокомерие, – высокомерие, окупающееся отношением к другим, не соперничая с их почестями и удовольствиями и выдерживая насмешки. Вот что может облагородить мои привычки: никогда не быть вульгарным, всегда проявлять любезность, не быть алчным, но всегда сохранять спокойное стремление к полету и возвышению, быть скромным, даже скаредным по отношению к себе, но мягким к другим. Легкий сон, свободная, неспешная поступь, никакого алкоголя, никаких властителей и прочих знаменитостей, никаких женщин и газет, никаких почестей, никакого общества, кроме общества высших умов и время от времени простого люда, – это так же необходимо, как наблюдение за сильными и здоровыми растениями, – чтобы не толкаться среди жадно чавкающего сброда, есть самые простые блюда, желательно приготовленные тобою самим или не требующие приготовления.

Идеалы такого рода предвосхищают то, к чему стремятся наши инстинкты, и ничего больше. Несомненно, нам свойственны инстинкты, как несомненно и то, что они посредством нашей фантазии создают своеобразную схему нас самих, *какими мы должны быть*, чтобы в полной мере удовлетворить наши инстинкты, – это и есть идеализация. Даже у негодяя есть свой *идеал* – не очень-то для нас привлекательный. Но он *возвышает* его! и его тоже!

7[96]

Как все переменилось! Эти Эпиктеты думали только *о себе* – в наше время их лишили бы эпитета «моральный», в соответствии с принятым сейчас прославлением тех,

кто думает о других. И действительно: если в вас есть что-то отвратительное или наводящее скуку, так думайте о других! В этом случае альтруизм доставляет большое удовольствие. — Самоотверженность, освобождение от «Я». Похоже, что сами себе люди приносят мало радости, если они *отводят взгляд* от себя и ценят это превыше всего. Приносим ли мы больше *пользы*, когда *помогаем* другим (хотя и весьма поверхностно, а то и деспотически переделывая их) или же когда формируем из себя то, что приятно для взгляда других: этакий прелестный, тихий, уединенный *сад*, — я этого не знаю. — Но мы хотим убрать из жизни любой *риск*, и *каждый* **обязан** участвовать в этом!

7[97]

Глупо говорить рабочим, что им следует экономить и т.д. Их надо было бы научить наслаждаться жизнью, довольствоваться малым, быть довольными, как можно меньше обременять себя (женой и детьми), не пить, короче говоря — ко всему относиться философски и работать ровно столько, сколько необходимо для пропитания, высмеивать все, быть циниками и эпикурейцами. В *этих* кругах нужна философия.

7[98]

Для искусств состояние варварства и борьба индивидов предпочтительней, чем чрезмерная надежность —

7[99]

Смешное не имеет временны́х границ. Современники Мольера смеялись горьким смехом, если кто-то на их глазах неудачно подражал образцам.

7[100]

Вызывающая изумление *мерзость* американской жизни (во всех новеллах Брет Гарта), зато они умеют *смеяться* и во всем сохраняют наивность и удаль. Даже мошенничество приобретает у них совершенную форму, а соседство дикости, револьверной стрельбы и морских пейзажей придает крепкий аромат.

7[101]

Добродетели греков служат идеалом для людей, имеющих слишком много *противоположных* качеств: они выдумывают и преувеличивают ценность благоразумия, рассудительности, справедливости, храбрости. Люди, осуществлявшие в жизни этот идеал (Эпиктет), принимали за образец *не* своих богов, а скорее *их антагонистов*!

Добродетель у греков была предметом состязания (ἀγών), люди смотрели друг на друга с завистью. *Статичность* как идеал: в эпоху, когда люди уже сделались чересчур *чувствительными*, а их страдания и надлом достигли слишком *большой* глубины (эпоха Фукидида). Превращение в статуи – в то время как трагики делали из статуи (бога или героя) человека.

7[102]

Мое усердие и моя праздность, мое преодоление и упорство, моя храбрость и мой трепет, мой солнечный свет и моя молния, сверкающая в облачном небе, моя душа и мой разум, мое суровое, тяжкое, как гранит, Я – способное все же вновь и вновь говорить себе: «что толку во мне!»

7[103]

Интерес к вещам («Вдова ее сына»), а не к очарованию вещей – вот что делает из человека первоклассного мыслителя, т.е. я, конечно, имею в виду, что привлекательность вещей *для других вещей* = связи, но не с человеком и даже не с индивидом.

7[104]

Аристократическая внешность обязана своим происхождением тому обстоятельству, что в течение многих поколений тело располагало собой *свободно* и могло выучиться движениям, соответствующим тому, чего требует гордость: оно не было принуждено, из-за привычки к движениям, связанным с ремеслом или с отдаваемыми простым работникам приказаниями, воспроизводить вульгарные и унизительные жесты и звуки: вульгарный, т.е. не подобающий нашему индивид<ууму>, не отвечающий его гордости. Когда гордость набирает большую высоту и пе-

реходит в область духовного, тогда появляется английская королевская величественность, смесь доброты и величия: ведь именно наивысшая гордость склоняется с отеческой добротой к другим людям и считает своей обязанностью власть и попечение. – Именно этого и не хватает нашим парвеню от политики: никто не верит в их *естественное*, данное *от рождения* право властвовать и заботиться о других.

7[105]

Странно! Мною постоянно владеет мысль, что история моя есть дело не только личное, но что я, живя такой жизнью, формируя и описывая себя, делаю что-то для многих людей: мне постоянно кажется, будто я множество людей, и я беседую с этим множеством серьезно, задушевно и обнадеживающе.

7[106]

Все эти святые эгоистичны, да и как не быть эгоистом тому, кому грозят адом! В таком положении ни у кого не достанет сил и рассудительности думать о других! У Паскаля я нахожу глубочайший эгоизм: даже весь его экстаз пропитан им.

7[107]

Воли к восторженности и к расширению своего влияния у этой партии еще больше, чем сил: в противном случае она, наоборот, старалась бы умерить этот жуткий натиск и *страдала* бы от него.

7[108]

Торгашеский класс – он способен дать оценку всему, ничего не производя, т.е. разбирается в нуждах потребителя, но не **в нем самом** – черпает отсюда свой план культуры: всюду спрос и предложение, *в соответствии* с которыми определяется ценность вещи и человека! Это и отталкивает меня от него!

7[109]

Восприятие своей болезни (и того, какое отношение она вызывает в обществе) у больного совершенно **изме-**

нилось (особенно у душевнобольных), *отчего изменились и многие последствия болезни.*

7[110]

Греки взывали не к жалости богов, но к их чувству благодарности или же обещали им что-либо. Жалкая роль *нищего, выпрашивающего* что-то *у богов*, была недостойной.

7[111]

Признаки грядущего столетия: 1) Вступление русских в культуру. Грандиозная цель. Близость варварства, пробуждение искусств. Юношеское великодушие, фантастическое безрассудство и действительная сила воли. 2) Социалисты. Также действительные инстинкты и сила воли. Ассоциация. Небывалое влияние отдельных субъектов. Здесь возможен идеал нищих мыслителей. Пылкие заговорщики, мечтатели и люди великой души находят единомышленников. — Наступает эпоха варварства и обновления сил. 3) Религиозные силы, возможно, все еще достаточно мощны для того, чтобы создать атеистическую *религию* наподобие буддистской, способную перечеркнуть различия между конфессиями; при этом наука не будет иметь ничего против появления нового идеала. Но это не всеобщая любовь! Должен появиться новый человек. — Я сам далек от этого идеала и **ни в коей мере** *не* желаю его! Но его появление возможно.

чересчур распространенное среди социалистов и прочих **индивидуальное самопожертвование** характеризуется обобщенно одним словом: **великодушие**! А холодному благоразумию коммерсантов будет противопоставлено полное презрение к благоразумию и респектабельности — *следовательно*, масса глупостей.

7[112]

«Боссюэ, талантливый лицемер, испытывавший тайный экстаз в присутствии Людовика XIV, ravaler[1] любое проявление остроумия, которым он столь гордился».
У Стендаля.

---

1 сдерживал (*фр.*)

7[113]

Впечатление, производимое англичанами на восторженных немцев!!

7[114]

«Время, которое нужно человеку холодному для того, чтобы разглядеть подобные истины (то, что отличает другого, врага и т.д.), гений использует для подготовки своего успеха». NB.

7[115]

Ах, как мне надоело иметь и даже выслушивать мнения о мнениях! Я хочу сам быть справедливым и несправедливым по отношению к вещам.

7[116]

Понимать в той мере, в какой это доступно каждому, значит с как можно большей определенностью очертить границу между нами и предметом, так чтобы предмет определял наш образ в пределах этой границы и чтобы мы ясно осознавали, *насколько приятна* и *неприятна* нам эта очевидность. То есть нужно спросить наши инстинкты, как они относятся к предмету! Но при этом вести себя без удовольствия, отвращения и пристрастия, с искусственной бесчувственностью — этого не способно дать никакое понимание; напротив, в этом случае мы воспринимаем какое-то явление тем остатком наших инстинктов, который еще не погиб, т.е. крайне вяло и упрощенно, хотя и можем справиться у каждого из наших инстинктов об их отношении к данному предмету и сравнить их суждения — например о женщине или нашем друге.

7[117]

Ничто не приносит мне достаточной радости — и тогда я принимаюсь сочинять книгу, которая мне по сердцу.

7[118]

(к *предыдущей* странице): всеобщие военные способности, более высокая оценка силы.

7[119]

Удушение *гражданского мужества* — такова была задача Ришелье и Л<юдовика> 14 (Стендаль)

7[120]

Когда в один прекрасный момент сердечный пыл преодолевает тщеславие, вспыхивает furia francese[1]: возвышенные безумства. Стендаль.

7[121]

Гниение, брожение и выделения — омерзительные и отталкивающие — посредством определенной символики чувства распространились и на людей и их поступки. Так возникло понятие «низкий», т.е. вызывающий отвращение, — *моральное ядро*!

Далее возникает презрение к *легкости* — еще один повод, чтобы провести различие между высоким и низким! Затем противопоставление силы и слабости — *внезапного* и *повседневного* и т.д. Животного и т.д. Во всех этих противопоставлениях ощущений, связанных с поступками, совершенно не учитывается реальная актуальность сохранения жизни, строгая причинная связь — т.е. **реальное** *значение какого-то действия*! Зато принимаются во внимание второстепенные понятия («приятное» в различных видах). NB.

7[122]

Мы предаемся познанию не ради какой-то цели, но ради тех изумительных и частых чувств, которые нам доставляют ее поиск и нахождение.

7[123]

Мне кажется, что я слишком высоко ставлю удовольствия от мудрости и справедливости — как это делали греки. Я околдован всем, что намекает на них, — вероятно, в силу свойственной мне чрезмерной страстности! — Я с крайним недоверием отношусь к болтливым поклонникам всяческой страстности — предполагая, что им очень бы *хотелось* что-то представлять собой. — Жизнь греков была

---

1 французское неистовство (*ит.*)

полна опасностей: преклоняясь перед силой, спокойствием, справедливостью, они проявляли почтение к своему *отдыху, передышке, празднику.* Они не желали новых эмоций — разве лишь сострадания в трагедии (ведь они, как правило, были *жесткими*).

7[124]

Здоровье подвержено непостижимым внезапным изменениям и полно всяческих ловушек — что поддерживает в человеке глубокую недоверчивость: каждую минуту счастья мы проводим с **нарочитым** *легкомыслием,* закрывая глаза на будущее, — без чего счастье невозможно

7[125]

Фауст и Гамлет — мыслители, с которыми полемизируют немецкие философы!!

7[126]

Этот путь так опасен! Мне не позволено окликнуть самого себя, подобно прогуливающемуся по крышам лунатику, который имеет священное право не быть названным по имени. «Что толку во мне!» — вот единственный голос утешения, который мне хотелось бы слышать.

7[127]

К *предисловию.* Чем я занимался? Тревожился о своей старости: о том времени, когда душа уже не предпринимает ничего нового, когда время ее морских путешествий и приключений прошло. Как если бы я приберегал музыку до той поры, когда сделаюсь слеп.

7[128]

Я не люблю общаться с людьми, так как не могу видеть их лица, а без этого их речь становится мне подозрительной или непонятной — или же я принимаюсь говорить один, следуя тому, что мне нашептывает стыд.

7[129]

Христианин (в особенности *праздный!*) постоянно *гоняется* за своими прегрешениями — чтобы *затем* вновь

пережить великую драму отчаяния и пощады. Это ужасный и прекрасный вид развлечений; что бы ни стало с миром, главное — «вечное блаженство».

7[130]

Культ πόλις[1]: человек знал себя слишком хорошо, чтобы понимать, каким варваром и деспотом он становится, *как только* прекращается полис: обнажается его керкирская душа. Человек обожает силу, справедливость, доброту; *наслаждение* есть результат гражданского мира. Соседство вулкана придавало именно *этим* чувствам древних такую возвышенность и тонкость.

7[131]

Фукидид и Софокл — представители софистической культуры.

7[132]

Неуемное желание отдать свою жизнь какому-то делу пробуждается тогда, когда появляются вещи, отвечающие этому желанию.

7[133]

Никогда не скрывай того, что может говорить *против тебя*! *Поклянись себе в этом*! NB

7[134]

«Ни одна вещь не стоит тех усилий, которые мы прилагаем, чтобы ее заполучить», — Стендаль.

7[135]

Женщина с великой душой и не менее достойным умом, обладающая силой, достаточной для полета, и ловкостью, достаточной для того, чтобы пролезть через игольное ушко —

1 полиса (*древнегреч.*)

7[136]

Кто сейчас смог бы выдержать пропагандировавшееся Лессингом воспитание рода чел<овеческого>, построенное на поучениях и суеверии!

7[137]

Мужиковатый, тоскующий по л<юдям>, мстительный по отношению ко всякой обходительности и ее законам, то впадавший в глубокое отчаяние, то одержимый внезапным упоением, скрытный, деспотичный и безжалостный с равными ему людьми, скупой на внимание, всегда в движении, не имеющий времени на досуг, не знающий, что такое любезность, не любящий и не знающий жалости к самому себе, страстный в своих трудах, он набрасывался с молотом на мрамор, как на врага, никогда не актерствовал и всегда был честен как в своих добрых, так и в злых взглядах.

7[138]

Безличность мышления преувеличена! Более того, с самыми сильными натурами происходит ровно обратное! Но именно так и перекидывались *мосты к морали*!

7[139]

Вам не стать Дон Жуанами в познании, так как вам не хватает последовательности и характера.

7[140]

«Ничего не поделаешь: чтобы почувствовать совершенное спокойствие античной скульптуры, надо быть непорочным. Чтобы изобразить это спокойствие, нужно обладать способностью написать страсти во всей их стремительности», — Стендаль.

7[141]

Я ненавижу славу, приносящую только любовь женщин, престиж, богатство, счастье. Я не *хочу* быть благоразумным, умеренным, мудрым! Одинокий, необузданный — — —

7[142]

«Должно ли судить о жизни по *длительности* нелепо прожитых дней? Или же по количеству сильных удовольствий?»

7[143]

«Как можно написать страсти, если ты их <не> знаешь! И как найти время для таланта, если ты чувствуешь его в биении своего сердца!»

7[144]

Et odoratus est deus suavitatem[1].

7[145]

«В других мы можем ценить лишь самих себя. Суждения великих художников о произведениях их соперников – это не более чем комментарии к их собственному стилю», – Стендаль.

7[146]

Нужно уметь убирать руку со своего произведения.

7[147]

Владеет ли человечество методом, использовавшимся греческими художниками, которые придавали своим статуям, изображавшим богов, слишком человеческие черты (мускулы и т.д.)? отбрасывая все *детали*? Не является ли великим человеком тот, детали личности которого нами мысленно *отбрасываются* под влиянием обожествляющей силы его *целого*? Не возникла ли добродетель в тот момент, когда мы отняли от своих глаз микроскоп, т.е. стали смотреть *менее честно*? Не создал ли человек божество, когда стал *все меньше* замечать то, что присуще человеку?

7[148]

«Четыре линии, набросок рисунка – вот главное в изобретениях великих мастеров; добросовестные же

1 И обонял господь приятное благоухание (*лат.*)

ремесленники прежде всего передают мелкие подробности», — Стендаль.

7[149]

«Античное страдание было менее интенсивным, чем наше», — Стендаль.

7[150]

Пока вы видите в Аполлоне воплощение красоты, вы должны искать и соответствующую ей мораль: эта красота несовместима с христианской моралью!

7[151]

Лорд Байрон, Руссо, Рихард Вагнер были единственными объектами их собственного внимания. «Эта дурная привычка — проказа цивилизации», — говорит Стендаль.

«По этой причине он *преувеличивал* свои страдания».

«Постоянно был занят собой и тем впечатлением, которое он производил на других». «Он не умел перевоплощаться в другого, автор мало драматичный».

7[152]

Угрызения совести у Байрона были еще одним видом позерства, они сделались модными.

7[153]

Не стыдиться самого себя, подобно героям В. Скотта. Стендаль. Это *христианская* черта, сделавшаяся наследственной!

7[154]

Нельзя *жить вне морали* — но для *познающего* мораль *невозможна.* Мораль как регулятор поведения инстинктов в отношении друг к другу. Но откуда это пошло?! В конце концов это могло быть инспирировано каким-то одним, преобладающим инстинктом! Но кто же может это удостоверить! (Гордость и т.д.) Наши *знания о природе* не позволяют нам обнаружить никаких мотивов. NB.

7[155]

Серьезно воспринимать близкие нам мелочи и развивать человека в том, что связано с телесным, — наблюдать за тем, какая этика у него от этого выработается, — ждать! Этические потребности должны быть удобны для нашего тела! — Но атлеты!

7[156]

Я не могу припомнить времени, когда меня терзали бы угрызения совести. Мои сны и явь почти уравновешивают друг друга; разве только сумасбродства, совершенные мною во сне, больше проступают в дневных мыслях — но тоже в равной мере. В моих снах я тоже много размышляю, и притом не намного *более разумно*, чем сейчас.

7[157]

«Время лечит любое горе»: время вовсе ничего не делает. Скорее уж это последствие удовлетворения разнообразных инстинктов, происходящего постепенно и приносящего забвение, — средство Эпикура от великих страданий: предаться удовольствиям (у Паскаля — охота на вепря после смерти сына). «Утешения религией и философией» также представляется одним из видов этих отвлекающих удовольствий: их ценность в том, что ими занимаются, размышляют и т.д.

7[158]

Представление, что с нами постоянно связано что-то ужасное, изменяет палитру всех наших ощущений. Или быть изгнанным божеством, или искупать грехи прошлого. Все эти жуткие тайны вокруг нас — делали нас чрезвычайно интересными в собственных глазах! но также совершенно эгоистичными! Мы не *могли*, да и *не имели права не* принимать во внимание *самих себя*! В наше время стала возможной утрата этого болезненного интереса к самим себе, мы можем обратить свою страсть наружу, на предметы (наука). Что толку во мне! Этого не мог бы сказать Паскаль.

7[159]

Я хочу сделать так, чтобы требовалось быть человеком *героического склада*, если *посвящаешь себя науке*! NB.

7[160]

«de l'amour»[1] symbolice[2]!

7[161]

Способность добиться сочувствия — иллюзия того, кто жаждет власти? того, кто жесток? Стендаль. Но, может быть, наоборот: жажда сочувствия есть потребность стремления к власти? —

7[162]

Вы привыкаете к жизни, полной великих тревог, к упорному труду, пожирающему ваш мозг и вашу душу, к одурманиванию — и в конце концов думаете, что *невозможно* жить иначе: вы уже привыкли и тащите свое ярмо! Но жить иначе *можно*.

7[163]

Одиночество, много свободной природы
Простота и справедливость
Здоровье
Редкое и избирательное общение в чтении и дружбе
Никакого бессмысленного труда
Время и настроение для возвышения сердца

7[164]

Отдать самому лучшему в вас свои лучшие силы и время! Невозможно добиться ничего лучшего!

7[165]

Мне нашептывали что-то о спокойном счастье познания — но я его так и не нашел, более того, теперь, познав блаженство неудачи в познании, я с презрением отношусь к тому счастью. Испытывал ли я когда-нибудь скуку? Все-

---

1 «О любви» (*фр.*)

2 символически (*лат.*)

гда в тревогах, всегда в душевном трепете ожидания или разочарования! Я благословляю эту муку, она делает мир богаче! Самыми медленными шагами иду я, вкушая эту горькую сладость.

Мне больше не нужно безопасное познание: пусть ищущего всегда окружает коварное море или безжалостные горы!

7[166]

Я не собираюсь призывать к отрицанию: напротив, *помогите* мне сформулировать проблему! Как только вы начнете испытывать чувства, *противо*речащие **моим**, вы не сможете понять мое состояние, а следовательно, и мои аргументы! Вы должны пасть жертвой *той же страсти*!

7[167]

Здоровье проявляется: 1) в мыслях, охватывающих широкие горизонты; 2) в чувствах, дарующих примирение, утешение и прощение; 3) в мрачной насмешке над кошмаром, с которым мы сражаемся.

7[168]

— привычка принимать все проблемы слишком близко к сердцу, мрак, дурной путь, скверное прибежище для странника и вся эта *вечная* нищета жизни странника [+] людей!!!

7[169]

Наши страсти — растения, тотчас же принимающиеся опутывать голую скалу фактов. Вечная игра!

7[170]

Не добрая и не злая!!!

7[171]

Да, эта страсть приведет нас к гибели! Но это еще не аргумент против нее. В противном случае смерть могла бы быть аргументом против жизни индивида. Мы *должны* погибнуть, как люди и как человечество! Христианство указало один из путей, путь вымирания и отказа от всех

естественных инстинктов. Мы придем к тому же, если откажемся от деятельной жизни, от любви и ненависти, если пойдем путем страсти к познанию. Безучастные *зрители* — до тех пор, пока уже больше не на что будет смотреть! Вы, люди действия, презирайте нас за это! Мы будем взирать на ваше презрение [—]; *прочь* от нас, от человечества, от вещественности, от становления —

7[172]

Я полагал, что знание убивает силу, инстинкт, не давая вырасти из себя действию. Истина лишь в том, что новое знание поначалу не располагает налаженным механизмом, не говоря уже о приятной и страстной привычке! Но *все* это может произрасти! Пусть даже нам придется ждать, пока вырастут деревья, плоды с которых будет *срывать* более позднее поколение — но не мы! Вот оно, смирение знающих! Знающий стал более нищ и бессилен, его поступки стали неумелыми, словно он лишился своих членов, — *ясновидящий*, потерявший зрение и слух!

7[173]

Наслаждающиеся тоже желают еще и восхищаться своей нравственностью (своей смелостью и прилежанием); оттого-то тяжеловесные авторы, а также манерные поэты и музыканты становятся предметом изучения и восхищения! Марини. Те, кто обладает наивным стилем, высшим достижением искусства, лишены права претендовать на это. Всякий *воображает*, что Рафаэля понять нетрудно, а потому даже тот, кто знает, что с ним этого не происходит, не станет браться за дело с таким героическим пылом: у разыгрываемого *им* спектакля нет благодарных зрителей!

7[174]

Ваша душа недостаточно *сильна*, чтобы тащить с собой на вершину многочисленные мелочи познания, столько незначительного и низкого! Вам придется обманывать себя относительно вещей, чтобы не потерять ощущение силы и величия! Паскаль и я, мы другие. — Мне нет надобности избавляться от мелких и низменных деталей — ведь я не собираюсь делать из себя бога.

7[175]

У евреев — религия страха, презрения и лишь изредка милости (как у древних патриархов)

У *греков* — религия наслаждения силой, собственным совершенством с редкими проявлениями зависти к желающим подняться слишком высоко (Агамемнон, Ахилл)

7[176]

«Безумный» — понятие столь же неопределенное, как добрый и прекрасный! а также «смешной» и «стыдливый»

7[177]

Честность великих мужей веры проявляется лишь в ужасающей горечи их сомнения в себе; в тех случаях, когда это не столь очевидно, это безумцы или актеры.

7[178]

Стоит только нам довериться инстинктам, они тотчас же снова создают идеалы! Как это постоянно делает любовь. Далее: если время от времени подавлять какой-то инстинкт с помощью гордости — все прочие немедленно приобретут новые оттенки. Эта игра может продолжаться долго, как смена дня и ночи.

7[179]

Наука может только указывать, но не предписывать (но если будет отдан касающийся всех приказ, «в каком направлении?», тогда она может указать на средства), приказать всем двигаться в каком-то направлении она не может! Это фотография. Нужны созидающие художники, а это — инстинкты!

7[180]

Я уступаю своей склонности к одиночеству, я не могу иначе, «хотя мне это и не нужно», как принято говорить. Но мне это *нужно.* Я отправляю самого себя в изгнание.

7[181]

Эта внезапно возникающая ненависть к тому, что я любил. Эта робость и мысль: «что толку во мне!»

7[182]

Я всегда считал Моцарта радостным — как же глубока моя меланхолия! *От нее* у меня это **безудержное стремление!!** ко всему светлому, чистому, радостному, праздничному, разумному! моя надежда, что все это мне даст она! *наука*!

7[183]

Теперь французы и итальянцы подражают в музыке немцам, придавая ей грубые и уродливые черты и создавая тем самым контраст, необходимый, чтобы распознать в звуках утонченные, неземные процессии и откровения райского волшебства; ничего, если перед тем нашему уху придется стерпеть немалые физические страдания, — ведь лишь после чистилища начинаешь по-настоящему ценить рай. Люди прошлого этого не знали! Они требовали, чтобы тот, кто желал слушать музыку, непременно был влюблен, а еще лучше — охвачен страстью! В наше время лучшим состоянием, подготовляющим к слушанию музыки, считается отчаяние, усталость от мира. Бесчувственные из-за собственных бед и глухие к любому горю, мы терпеливо сносим муки и бесконечно благодарны за охватывающее нас под конец умиление, за пережитое потрясение! Сочувствие к себе и ко всем страждущим — вот счастье, которое сулит нам эта музыка.

7[184]

Самообман у Паскаля: он исходит из предрасположенности к христианству. «Дурные вожделения»! Смысл смерти! Если же мы попробуем представить себе смерть так же, как смерть в животном мире, — она окажется не столь уж страшной. Быть обреченным на смерть — само по себе это не столь ужасно: лишь смертный приговор преступникам вызывает в нас чувство страха, из-за позора. Паскаль был недостаточно осмотрительным, он *желал* доказать! — Христианское искусство обольщения.

7[185]

Христианство преувеличило беды человеческого бытия, т.е. оно их и *создало*. Паскаль в этом доходит до крайности.

7[186]

Человека гордого и независимого сочувствие глубоко огорчает и озлобляет: «пусть лучше ненавидят, чем жалеют».

7[187]

Не следует думать, что здоровье — это твердая цель; уж как христианство отдавало предпочтение болезни, и по вполне убедительным причинам! Понятие «здоровый» почти равноценно понятиям «красивый», «хороший» — то есть весьма изменчиво! Ведь *ощущение здоровья* может, как следствие долговременной привычки, возникать у нас в совершенно разных состояниях тела!

7[188]

Алкоголь: немцы стали бессовестно корыстолюбивы, предпочитают заниматься политикой, а не работой, и сделались рабами национальной спеси — три источника оболванивания

7[189]

Мне никогда не встречались люди, внушавшие такое же благоговение, как греческие философы.

7[190]

У Паскаля страсть желает *проявиться* как нечто единственно необходимое, *нужное* каждому человеку.

7[191]

Я ощущаю на себе презрение Паскаля и проклятия Шопенгауэра! При этом никто не мог бы быть их бóльшим приверженцем, чем я! Хотя, конечно, это привязанность друга, сохраняющего прямоту, чтобы остаться другом, не превратившись во влюбленного и шута.

7[192]

Это афоризмы! Афоризмы ли это? — Пусть те, кто попрекает меня ими, немного подумают и попросят извинения у самих себя — я же в заступничестве не нуждаюсь!

7[193]

Радость при виде прекрасных садов и зданий, питаемая мыслью, что есть люди, у которых хватает времени для такого рода любви, и что *у меня* этих садов и домов нет, — это радость вдвойне!

7[194]

Красота: в наше время американцы представляют ее себе как нечто трогательное и тихое. Она существует вопреки деловитости и серьезности, практическому вниманию к последствиям, сухости и таким страстям, как спешка, приобретательство и расчетливость

7[195]

Немцы считают, что *сила* должна проявляться в грубости и жестокости, в этом случае они подчиняются с удовольствием и восторгом: тогда они разом сбрасывают с себя свою жалостливую слабость, впечатлительность по отношению ко всякого рода ничтожествам и благоговейно предаются *страху*. Им трудно поверить, что мягкость и покой тоже обладают *силой*. В Гете они не видят силы и полагают, что у Бетховена ее больше, — но тут они ошибаются!!

7[196]

Поклонники Вагнера хотят уверить нас в своей способности к экзальтации и экспансивности — в наш век *здравомыслия* это немалое тщеславие! Но век наш отнюдь *не* век здравомыслия — следовательно, они обязаны предаваться излишествам!

7[197]

Инстинкт познания пока еще молод и груб, а значит, если сравнивать его с более древними и более развитыми инстинктами, уродлив и оскорбителен, — но *все* инстинкты когда-то были такими! Однако мне хочется видеть в нем страсть, нечто такое, что дает возможность душе отойти в сторону, чтобы сохранить примирительное отношение к миру и готовность помочь; иногда снова возникает необходимость отрешиться от мира, но не в форме аскетизма!

7[198]

Эпоха Людовика XIV: магия подчинения *искусственной форме* захватила и *сильных* людей, какими они были в ту эпоху. (Они были полны ненависти и зависти друг к другу и не должны были этого обнаруживать. Они были охвачены желанием отомстить поэту и его героям, заставлявшим их сдерживать свои чувства. «Естественное» вызвало бы их возмущение: чего стоила бы тогда их неестественность! Только не peuple[1]!) Как трудно оценить это в наше время! У греков иначе! Они крепко держались за свои обычаи и с большой осторожностью относились к новшествам (но зато обладали *тончайшим гастрономическим вкусом* к каждому глотку новизны!).

7[199]

Кого поклонники Вагнера называют «музыкальным человеком»? И кого другие люди и те, что жили прежде?! Едва ли не полные противоположности! Итак, будьте осторожны!

7[200]

Чего мне *не хватает*: глубокого интереса к самому себе. Я слишком люблю смотреть на себя со стороны и слишком легко признаю правоту всего, что меня окружает. Попытки рассматривать себя патетически быстро надоедают мне. Я никогда не предавался глубоким раздумьям о себе.

7[201]

Слово «страсть» появилось у немцев всего лет сто назад, они переняли его из греческого языка, это находка переводчика. –

7[202]

Густая желтизна зданий, над ней темная зелень кипарисов – монастырь, а в нем раненые солдаты.

---

1 толпа (*фр.*)

7[203]

Мы *ищем* ситуаций, требующих от нас высшего напряжения сил, но часто происходит обратное. Один жаждет одиночества, стараясь ускользнуть от людской молвы. Другой предлагает свои услуги нации, чувствуя, что его побуждает к тому представление о желании нации возвеличить себя в его лице, — и не может достигнуть желаемых высот. Третий хочет понравиться своей возлюбленной, но, считая ее несравненной, никогда не может добиться этого. — *Другие ищут* ситуаций, позволяющих им ничего не делать.

7[204]

Я ненавижу людей неделикатных, страдающих идиотским властолюбием, которые, едва мы сблизимся с ними, тут же берут нас в свои руки, как будто мы для них инструмент и орудие. Уже само их притязание, позволяющее им думать, будто они нас знают и имеют право судить о нас, есть нахальство самого дурного пошиба. Так ведут себя интеллектуальные выскочки; в них нет ни капли аристократизма.

они не имеют никакого представления о том, каким снисходительным нужно быть, чтобы почитать и отмечать их, кем бы они ни были

7[205]

К *плану*.

Показать *эллинизм* как эпоху, породившую большинство индивидуальных черт. Продолжающееся Возрождение!

Полемика со средневековьем, куртуазностью, либеральным парламентаризмом, социализмом. Я вижу, как формируются элементы социализма, это неизбежно! Позаботимся же о том, чтобы у этого *тела* появилась еще и *голова*! Эти организации формируют будущее сословие рабов, вместе с их вождями, но над ними возвысится аристократия, возможно, аристократия *отшельников*! **Время ученых**, живущих и верующих, как все прочие (орудий церкви, двора, торгашеских партий и пр.), *миновало*! Вновь требуется *великий героизм*!

Единственная грандиозная и способная к завоеваниям держава — это Россия. (*Без* этого стремления к завоеваниям государства уподобляются кастратам! Им *необходимо* направлять избыток силы наружу!) Следовательно, Европа будет вынуждена объединиться. Но в конце концов социализму опротивеет эта бесконечная война, и он преодолеет конфликты между народами и династические распри! Нас ожидают *более дикие* времена! Но это имеет свои преимущества, так как наша излишне нервная эпоха уже ни на что не годится, необходимо очиститься от гиперхристианского морализма, должно *погибнуть* и *потерять влияние* все изящное, немощное, изнеженное и т.д.!

7[206]

Говорить о воле к власти уже не отваживаются — в отличие от Афин!

7[207]

Что заставляло древних делаться стоиками (ведь ни страх адских мук, ни человеческое презрение, ни божественная святость не принуждали их к самоотречению)? Страх перед *возможностью* великих и неожиданных страданий и страшная сила их собственных *страстей*: им причиняли страдания их собственная сущность и неустойчивость мира (раб и Цезарь!). Кроме того, тщеславное желание быть первыми в добродетели — зависть. Это был способ получить известность и играть роль утешителя везде, вплоть до императорского двора.

7[208]

В своих тайных записях Паскаль обещает «принести в жертву» богу «даже свою месть».

7[209]

Невежественные люди, не видевшие ничего другого, заставляют окружающих следовать своим привычкам, превращая их в закон, — так молодежь приучается *почитать* все, что этому противоречит, вот что ново: так нравы становятся «нравственными».

7[210]

Всякую страсть (в историческом процессе) следует развивать до тех пор, пока она не достигнет *индивидуального* расцвета. NB.

7[211]

Мы сами можем формировать свой темперамент, словно сад: взращивать одни переживания и искоренять другие, насадить прекрасную тихую аллею дружбы, в глубине души надеясь на славу, — расчистить подходы ко всем чудесным уголкам этого сада, чтобы он был доступен для нас, когда станет нам *необходим*!

7[212]

Интеллектуальная щедрость заключается в умении сломить стремление к абсолютной достоверности и к вечным вещам с помощью осознания относительности и *любви к недолговечному, изменчивому* (вместо презрения к нему). Немного жестокости.

7[213]

Я отношу к области мифологии веру в то, что мы сможем обрести свое Я, если оставим или забудем те или иные вещи. Мы вечно копаемся в себе, и этому нет конца; вместо этого мы должны *создать самих себя*, *придать* форму разрозненным элементам — вот задача! Всегда задача скульптора! Человека продуктивного! *Не* с помощью познания, а с помощью упражнения и следования образцам обретем мы *свое Я*! Познание в лучшем случае годится как средство!

7[214]

Аполлон и мораль, проповедующая умеренность, связаны неразрывно; тот, кто считал бы идеальной вагнеровскую красоту, должен был бы сделать ее распухшей, огромной и нервной.

7[215]

Очевидно, мы никогда не сможем с пренебрежением относиться к нравственной деликатности и тонкому вкусу повествований об Иисусе, так как нам внушили, что они

есть высшее проявление вкуса в изображении добра. Что бы при этом ощутил Аристотель?! А Будда?!

7[216]

Немцы предаются впечатлениям без сопротивления, потому что слабы, — поэтому именно они столь мало ценят религию, проповедующую сострадание, ведь она льстит всеобщей слабости, вместо того чтобы противостоять ей. Кант со своим категорическим императивом принес немцу пользу. Вышеупомянутая слабость в наши дни получила свое наиболее удивительное выражение в музыке — бесконечные скитания души в погоне за эмоциями и, как следствие, крайняя нервозность. *Мы* страдаем от нее, позже. *Какие* же пряности годятся для столь чувствительной расы? Самые грубые! Ведь это раса пьяниц! Вполне возможно, что именно пьянство и сделало ее столь слабой и сентиментальной. — Восхваление военщины, противопоставляемой падким на лесть художникам.

7[217]

Стремление заставить ч<еловека> ограничиться *одним* вечным идеалом — стоики, христианство, Кант, Конт — весь этот еще не сгинувший классицизм. Абсолютная мораль!

7[218]

я не совершаю приятного поступка, так как его цель, его *окончание* дает нам приятное ощущение, которое не является средством для достижения цели поступка. Приятное столь тесно переплетено с поступком, что он приятен нам тотчас же, а *не только лишь при своем завершении*. Ставя перед собой цели, мы, люди, воображаем себя более разумными, чем мы есть! «Отчего мы находим это кушанье вкусным? Quem in finem?[1]» Нет ответа! — Когда в нас говорят инстинкты, «*цель*» — всегда бахвальство!

1 Для чего? (*лат.*)

7[219]

Доводилось ли вам испытывать такое? Мы изо всех сил стараемся преодолеть самих себя и встаем из своей могилы, полумертвые, зато довольные победой, — а наши добрые друзья думают, что у нас особенно хорошее настроение, ничего не замечают и считают себя вправе посмеиваться над нами. Мне кажется, что в Гефсиманском саду апостолы вовсе не спали, а лежали на траве, играли в карты и посмеивались

7[220]

Почему нам приносят радость наиболее трудные и мучительно-болезненные виды знания и художественных форм? Почему мы стыдимся всего пошлого и легкого? Тут говорит наша гордость, победа над трудностями, *воля* стать *героем* в собственных глазах!

7[221]

В Ветхом Завете есть одна *христианская* черта: начинаешь понимать, откуда взялся бог любви!

7[222]

Скепсис Сократа относительно знания о морали все еще остается *великим явлением* — мы это просто выбросили из головы.

7[223]

В чем же заключается подлинное различие между хорошим и дурным человеком, принимая во внимание общие для того и другого инстинкты? Дурной человек чувствует, что его суждение о хорошем и плохом совпадает с суждением окружающих, и совершает зло одним тем, что стыдится суждений других и самого себя. — Противоречие между знанием и поступком. Или он притворяется добрым, чтобы пользоваться преимуществами добра, а потихоньку и преимуществами зла. — Все это совершенно не важно! Разве его *нервная система* становится другой вследствие того, что он *терпит* или *отыскивает* это противоречие?

7[224]

Любовь к потомству – это не так просто, как принято думать! Потомство – это продукт, имущество, развлечение, нечто неопасное, покорное, то, над чем мы *властны*, что нас *согревает*, – сколько поводов для *приятных ощущений*!

7[225]

Гарантии существования нашего ближнего, обеспечиваемые социальными установлениями, говорят *не* об усилении чувства сострадания, а о растущей предусмотрительности и холодности.

7[226]

Вид этого мира кажется нам сносным, только если мы смотрим на него сквозь легкую дымку от огня счастливых страстей, то скрывающую и делающую его загадочным, то заставляющую становиться маленьким и тесным, то скрадывающую его очертания, но всегда облагораживающую. Мир, лишенный наших страстей, – это число, и линия, и закон, и полная бессмыслица всего этого, отвратительнейший и глупейший парадокс.

7[227]

«Мы никогда не дойдем до сути вещей» – я говорю, мы никогда не доходим до самого донышка наших страстей и, в лучшем случае, благодаря одной страсти не *различаем* другую.

7[228]

Для Расина благородно предаваться страстям уже было распутством; читая его, следует помнить о Пор-Рояле.

7[229]

Мне нравится смех американцев, этой породы моряков, как Марк Твен. Ничто немецкое не заставляло меня так смеяться.

7[230]

«Классицизм в морали» все еще властвует над нами. Следовать здесь его духу: так же поступали и приверженцы трех единств.

7[231]

На протяжении всей истории болезней их сопровождали моральные феномены: поначалу как нечто привнесенное извне, результат воздействия сверхъестественных сил. Затем как нечто совершенно человеческое, но существующее *само по себе*, «моральное». Наконец, приходит понимание, что эти явления определяются столь же неточно, как и болезни (о которых у каждого есть свое мнение, но *наиболее разумные* стараются молчать), и *что настала эпоха великого скептицизма*! Не существует ничего, что «морально само по себе», а есть мнения, *порожденные инстинктами* и, *в свою очередь, воздействующие на эти инстинкты.*

7[232]

«Воспитанные в лоне мнимых философских систем, представляющих собой всего лишь темную, дурно написанную поэзию, но в моральном отношении полных высшего, самого святого благородства, они унаследовали от средневековья не республиканство, недоверчивость и коварство, а склонность к фанатизму и добросовестности. Зато они нуждаются каждые 10 лет в новом великом муже, который должен вычеркивать из их памяти всех предыдущих».

7[233]

Главное заблуждение Паскаля: он думает, будто доказал, что христианство *истинно*, потому что *необходимо*, — это предполагает существование благого и истинного провидения, которое все *необходимое* делает также и *истинным*; но ведь могут быть и необходимые заблуждения! И наконец! Необходимость может только *казаться* нам таковой, так как мы настолько привыкли к заблуждению, что оно приобрело над нами власть, став как бы нашей второй натурой.

7[234]

Состояние, в котором пребывает Паскаль, — это страсть: в нем обнаруживаются все признаки и последствия счастья, горя и глубокой, постоянной серьезности. Потому-то его высокомерное отношение к страстям просто вызывает смех: это некий вид любви, презирающей все другие ее виды и сочувствующей человеку, лишенному ее.

7[235]

Что мне за дело до друзей, не знающих, что нам легко и что тяжело! Бывают часы, когда мы взвешиваем наши дружбы.

7[236]

Мы стареем, и на нас уже трудно произвести впечатление какой-нибудь местностью, как бы знаменита она ни была. Я наблюдал неправильные очертания окрестностей Сорренто. Малокровная красота lago maggiore[1] в дни поздней осени, придающая одухотворенность всем очертаниям и делающая все вокруг похожим на мираж, не приводит меня в восторг, но говорит со мной *печально-задушевно*; нечто подобное я испытывал не только в общении с природой.

7[237]

Мне нужно говорить с предметами, слишком долго я был один и мне не с кем было поговорить; мне хочется польстить им, сказать им что-то хорошее.

7[238]

Черты характера немцев: 1) созерцание не успокаивает их, а приводит в состояние экзальтации; 2) они сгорают от желания иметь характер. Стендаль

7[239]

Людям древности *надежда* представлялась совсем не такой, как нам, — Гесиод. То же можно сказать и о *зависти*. У других народов в чести была ложь (например у Наполеона). У немцев умение пить нередко считается заслуживающим уважения.

7[240]

Эсхилу женщина, охваченная страстью, представлялась чем-то столь же мерзким и ужасным, как морские животные, — тем, что нельзя показывать.

---

1 большого озера (*ит.*)

7[241]

Суждения о Моцарте изменяются по мере развития музыки, т.е. они затрагивают его *характер и темперамент*, — кажется, все это меняется в связи с новым освещением и вследствие тех противоречий, которые постоянно вызывает его личность. Вот знак для художников и мыслителей *любого* рода! Лучше всего могут судить о том, что дал великий творец, лишь те его современники, которые *вместе с ним радовались* <всему> и *одерживали победы.*

7[242]

Платон характеризовал страсть к познанию как идеализированный афродизийский инстинкт: всегда в погоне за еще большей красотой! Высшая красота открывается мыслителю! Это психологический факт: созерцая и обдумывая универсалии, он не мог не испытывать чувственного наслаждения, напомнившего ему наслаждение афродизийское.

7[243]

Слова остаются, они дурачат нас, так что мы даем разным вещам одинаковые названия, а потом думаем, что это одно и то же (например ridiculum[1]).

7[244]

Как произошло *отделение* нравственных поступков от всех иных видов действия? Важно! Еда и ходьба *не* моральны. Где же заканчивается нейтральность?

7[245]

Пренебрежение и почитание придавали вещам в глазах людей определенную форму, иногда одну, иногда другую. Первое заставляет их блекнуть, чахнуть, убивая тягу к ним, а обращенную к ним фантазию утомляет или наполняет ядом. Второе действует прямо противоположно.

7[246]

Эта наивность всех моралистов! Они полагают, что чувства симпатии к другим людям моральны как таковые!

---

1 шутка, острота, нелепость (*лат.*)

Они не понимают, что это лишь степень развития той культуры, которая в своих оценках отдает предпочтение *данным* чувствам: другие культуры ставили на первое место другие, даже противоположные чувства! Что такое моральный «сам по себе»?! Сейчас мы хвалим жалостливых и порицаем жестокосердых! В самих словах ощущается этот неприятный привкус. Тем не менее еще стоики восхваляли непреклонного, неподвижного, не поддающегося впечатлениям человека и порицали жалостливого! И это тоже была мораль! принесшая более внушительные результаты, чем наша!

7[247]

Англичане удивляются тому, какого свободомыслия можно достичь благодаря высшей степени трезвости в делах морали: Спенсер, Стюарт Милль. Но в конечном счете мы всего лишь *формулируем* свои моральные ощущения и ничего больше. Необходимо нечто совершенно иное: подлинная способность *чувствовать по-другому*, а испытав такие чувства, иметь рассудительность, чтобы их проанализировать! Итак, нужны новые внутренние переживания, мои дорогие моралисты!

7[248]

Я слишком часто говорю «вы»? Но вещи беседуют со мной, я им отвечаю, и это избаловало меня.

7[249]

Предпосылкам христианства не хватает *великодушия*: 1) Для чего нужно было приносить жертву справедливости бога? Мученическая смерть Хр<иста> не нужна была никому, кроме бога возмездия (который ко всему прочему позволил себе иметь *заместителя* – без всякого великодушия!). 2) Для чего нужна вера в Хр<иста>, если его воля выражается в желании помогать людям! 3) Для чего нужен deus absconditus[1]?!

---

1 незримый бог (*лат.*)

7[250]

Сервильный идеализм Геллерта, мечтательный идеализм Шиллера, жизнерадостный и деятельный идеализм молодой Германии, красочно-мистический идеализм Вагнера, идеализм теней подземного мира — *мой*!

7[251]

Выдумать грех, а затем и избавление от него — самое беспримерное из всех достижений человечества. На фоне этой трагедии все прочие бледнеют!

7[252]

Ваша жизнь отделена от проезжей дороги высокой садовой оградой, и когда из ваших садов повеет ароматом роз, пусть сердца других наполнятся тоской.

7[253]

Вам не случалось краснеть, когда в вашей голове проносилась мысль, что предмет, которому вы отдали свое сердце, этого недостоин? И не устыдились ли вы тотчас же краски на вашем лице и не просили ли прощенья у любимого предмета за ваше бессовестное высокомерие?

7[254]

Паскаль не видит перед собой примеров *полезной* жизни, лишь примеры жизни расточительной, что связано с его собственным эгоизмом. Но что из суммы этих проявлений возникает новое поколение, со своими страстями, привычками и способами (или антиспособами) их удовлетворения, — этого он не замечает. Он всегда видит лишь отдельного человека, а не то, что находится в становлении.

7[255]

Многие художники видели *красоту* в благочестии. А поскольку людей благочестивых отличала некоторая скудость плоти и педантичность, то именно на эти формы и было перенесено представление о красоте. Очень долгая и строгая привычка такого рода могла бы в конце концов обмануть даже чувство пола, которое *не имеет ничего общего*

с бессознательными закономерностями, преследующими цель рождения потомства.

7[256]

К *плану*.

Почему стала столь сильной потребность в *прочной опоре*? Потому что нас приучили не доверять себе – т.е. всякая страсть вызывает у нас угрызения совести! Это очернение нашей сущности развило *инстинкт*, заставляющий искать *определенности* вне нас: 1) путь религии, 2) путь науки, 3) увлечение деньгами, властителями, партиями, христианскими сектами и т.д. – мы должны фанатически принимать их, т.е. *должны* обманываться, чтобы получить от них желаемое. Евреям всегда было свойственно это презрение к себе и к человеку вообще!

Цель: 1) В конечном счете измерить этот все еще очень стабильный мир *индивидуальной меркой*; в процессе измерения мы часто можем исключать индив<идуум>, так как к тому, что мы получим в итоге, всегда будет существовать *субъективное отношение*! 2) Наше мнение о себе должно быть достаточно высоким, чтобы мы могли занимать субъективную позицию только к действительным вещам, а не к схемам! Лучше испытывать сомнения и страдать морской болезнью, чем стараться поскорее добиться уверенности! 3) Восстановить честь *собственной души*!

7[257]

Если там, где прекращается ваша наука, вы призовете на помощь христианскую веру или метафизику, вы лишите себя героической силы – и вся ваша ученость будет *совершенно посрамлена*! Ваши высшие проявления вам отныне неподвластны! Вы стали холодны, вас ничто не волнует, вы ничем не жертвуете! Как отталкивающе выглядит «ученый»: отказавшись от своих последних величественных замыслов, он не пошел до конца, в нем что-то сломалось, и он бросился в объятия церкви, или власти, или общественного мнения, или поэзии, или музыки. Это отречение ему *необходимо* –

7[258]

Мы учимся говорить, но разучаемся болтать, промолчав целый год.

7[259]

Так ты *жаждешь славы*? Я в это никогда не верил. Однако я заметил, что для меня невыносимо, если я не могу отдавать всего себя, срастаясь с тем, что кажется мне самым важным на свете. – Когда я понял, что охладел к искусству, я отошел в сторону с каким-то чувством *ненависти*: искусство представлялось мне обманщиком, хотевшим отвлечь меня от главного.

7[260]

Паскаль верил в то, что реальный голос Христа излечил малышку Перье: cette voix sainte et terrible, qui étonne la nature et qui console l'église[1].

7[261]

«Демосфен страстной логики»

7[262]

Сравнить с Паскалем: разве *мы* не столь же сильны в самопреодолении, как и он? Он ради бога, а мы ради честности. Правда, идея оторвать людей от мира и от самих себя вызывает неслыханные конфликты, заставляет нас в *глубине души постоянно противоречить себе*, дает нам счастливую возможность отдохнуть *от самих себя*, с презрением отвернувшись от всего, что зовется «я». Мы испытываем меньше горечи, в том числе по отношению к миру, наполненному местью, наша сила вдруг уменьшается, но зато мы не сжигаем сразу все свечи и надолго сохраняем силу.

7[263]

Ее гордость была *отравлена* ее робостью.

---

1 этот голос, священный и грозный, который потрясает природу и утешает церковь (*фр.*)

7[264]

Большой вопрос: не существует ли в культуре ч<еловече>ства кругового вращения, малого и *большого*? Мы в *первом*?

7[265]

Диалектика обладает особым очарованием для таких поэтических, пылких и стремительных душ, как душа Платона. Но понять, в чем волшебство *сумеречной* сущности христианства для светлой и логичной души Паскаля, — весьма трудно

7[266]

Великие моральные натуры появляются во времена распада, как те, кто стремится к *самоограничению*. Это признак гордыни, они натуры *повелевающие* (Гераклит, Платон и др.), живущие в изменившемся мире, где им приходится управлять лишь собой. Мораль покорности совершенно иная.

7[267]

Общество времен Мольера находило удовольствие в срывании всех покровов, когда человек уже никого не может обмануть, когда проявляется характер; одновременно презрение вызывал тот, кто не мог придерживаться своей роли: глубокое понимание комедиантства в жизни и даже вера в то, что быть комедиантом необходимо и что самое смешное происходит тогда, когда комедиант выдает себя.

7[268]

Наивность — черта не немецкая, а старофранцузская!

7[269]

Аристотель: «в принципе люди творят зло, когда им представляется такая возможность».

7[270]

В странах, где властвовала инквизиция, человек, привычный к греху, не осмеливался отказываться от причастия

из страха перед доносом, отлучением, обвинением в ереси (как в случае с Христом) и судебным преследованием – вот почему здесь выросли самые беспринципные казуисты.

Чрезмерно суровые меры убивали искренность веры и сводили на нет ее саму – великолепный способ сохранять церковь. (Самые строгие люди лгут более всего даже самим себе)

Остракизм добродетели (янсенизма)

7[271]

Говорить, как Паскаль: «это бог совершает во мне», – не значит уничтожить человека и поставить на его место бога: ведь милость, к которой он взывает, есть *высшее напряжение человеческой природы*. Он называет богом всю ту восторженность и чистоту, что ощущает в себе.

7[272]

«Отвратить душу от мира, заставить ее убить самое себя, чтобы крепче привязать ее к одному лишь богу, – на это способна только всемогущая рука», – Паскаль.

7[273]

Великий Конде, Ришелье, Паскаль
Боссюэ называет Лабрюйера – – –

7[274]

Даже в тех победах, которые мы одерживаем над собой, немалая доля принадлежит случаю, потому-то мы столь сурово критикуем торжествующую добродетель, находя, что в моральной тактике *дух* людей добродетельных не был столь же высок, как их счастье.

7[275]

Наполеон, страстно жаждавший *власти*, внутренне представляет собой тип стоика; раскрыть это, NB. К отдельным сторонам своей сущности, которые он подчинил с помощью соблазнов, он проявлял впоследствии деспотическую холодность и равнодушие.

7[276]

«И от всей этой свободы взгляда нет толку?» Как? Разве нет толку от телескопа?

7[277]

Огромные чудовища тщеславия, у которых хватает сил, чтобы нас привлечь, но не чтобы *удержать* нас.

7[278]

Паскаль против иезуитов – все равно что Демосфен против Филиппа: здесь мы наблюдаем отклонение от общих интересов человечества!

7[279]

Германия для меня невыносима, дух мелочности и холопства пронизывает все дерево, от крохотных газет в городах и деревнях до самых уважаемых и достойных художников и ученых, – к тому же эта убогая наглость в их отношении ко всем независимым людям и народам. Немцы ведут себя нетерпеливо и трусливо в настоящем, не доверяют будущему, осыпают друг друга упреками и, с показным и помпезным наслаждением, делают вид, будто выбрасывают из головы неприятности.

7[280]

Есть люди, всерьез думающие, что оказывают честь какому-нибудь предприятию, называя его *немецким*. Это верх национального идиотизма и наглости.

7[281]

Наш недостаток *согласно* христианству: после того как наши мускулы и все наши силы невероятно расслабляются под давлением высшей гордости, мы обречены представлять собой людей более слабых, ослабленных – разве что нам удастся вдруг обрести невероятную *мужественность*, которая даст нам силы переносить это состояние человеческого унижения с еще большей гордостью, чем это делало христианство. Возможно, нам поможет в этом наука? Воздействию христианства на фантазию благородных

натур мы должны противопоставить что-то более ценное — самоотречение и суровость!

7[282]

Не следовать Паскалю в его ложном толковании стремления к покою! и к движению!

7[283]

Счастливый век *русских*! Энергия воли и переход к искусствам!

7[284]

Когда я больше не могу выносить зрелища чужих *бедствий* или чужого *счастья*, я делаю все, чтобы изменить такое состояние, либо отходя в сторону, либо изменяя чужую судьбу (хотя сама мысль об этом для меня мучительна); здесь имеет место процесс *того же рода*. Разница заключается в том, что мне чужое счастье *причиняет боль*, тогда как на другого его вид *действует благотворно* (как и вид чужой независимости). Это причиняет боль: так мы говорим, когда что-то мешает нам развиваться. Мы чувствуем свое бессилие, и это же чувство испытывают другие люди при виде чужого несчастья. Сочувствие причиняет нам боль, так же как и зависть: и то, и другое *вредит* нам. Радость при виде чужого горя и чужого счастья для нас *полезна*, она источник *более сильного развития* (Н<аполеон> становился весел, когда видел, что новый церемониал смущает его придворных). Страдающий человек испытывает злость при виде того удовольствия, которое нам доставляет его страдание, и *принимается поносить* нас: будучи источником суждения, порицающего и восхваляющего, он *требует* такого же *ответного чувства*, хотя сам **его не проявляет**, иначе он не осуждал бы того, кто радуется его страданию, но *радовался* бы вместе с ним (как те, кто смеется над собой *вместе* с другими). Всем своим опытом он признает, что другой человек имеет право быть таким, каков он есть, точно так же как сам он имеет право сердиться на этого другого. Это *неприятно* для других, «но само по себе не предосудительно»! Как все печальное и болезненное в природе!

Тот, кто чувствует себя счастливым и замечает, что другой (будучи завистником) от этого страдает, не требует, чтобы такое положение изменилось; он доволен своим счастьем, *но* он доволен также и тогда, когда кто-то другой радуется вместе с ним, иными словами, благодаря счастью он готов истолковывать поведение другого человека так, чтобы оно увеличивало его счастье. Несчастье заставляет его искать облегчения в поведении другого, *перекладывая* на него часть своего несчастья или с помощью упреков становясь выше него. *Ненависть к не-сочувствующему в сущности не что иное, как месть – иными словами, тот же призыв к сочувствию*, т.е. необходимым образом возникающее чувство, противоположное этой ненависти.

7[285]

К происхождению сострадания.

Когда сострадание считается *необходимым* и *похвальным*, оно приобретает моральную окраску, как нечто *положительное*. Мы увлекаемся им, совершенно не стыдясь его обнаруживать, – в других обстоятельствах это рассматривается как слабость. Философы рассматривают сострадание и все другие виды *самозабвенного увлечения губительными аффектами* как слабость. Оно множит страдание в мире, и даже если <оно> косвенно способно умерить страдание, *в сущности это следствие его* **не** *может оправдать*! Если оно **возобладает**, человечество *тотчас* погибнет.

Способность разделять чужую радость, напротив, *умножает* мировую силу. Радоваться такому индивиду, который, *что бы с ним ни происходило*, сам получает радость от самого себя свыше, – весьма высокая идея! Мы должны помогать людям, чтобы потом иметь право радоваться вместе с ними, – но при этом нужно держать свою душу в узде и сохранять хладнокровие, чтобы не заразиться несчастьем, подобно тому, как это делает хороший врач.

Есть особое сострадание, обращенное к самым незаметным видам страдания, оно достойно уважения не само по себе, а как признак высокого *интеллекта*!

Какая низость утверждать, что мы добры к тому, кто проявляет к нам сострадание! Мы должны были бы сказать: мужайтесь, чтобы мое страдание не отняло у вас вашу весе-

лость; мы должны были бы *пожелать* им не терять из вида то радостное, что есть вокруг нас! Но ведь мы *тираны*!

7[286]

Разделять радость наших недругов от нашего несчастья — возможно.

7[287]

Из богатого опыта люди не умеют извлечь ничего укрепляющего, это *запретные* блюда, например моя книга.

7[288]

Нужна тонкость, чтобы выбирать примеры из истории и наук, согласуя их с всеобщим невежеством и недостаточностью знаний, — в противном случае мы ничего не докажем и вызовем ненависть тех, кого посрамили. Нужно встать на одну доску с нищими духом, но не в мыслях или целях, а в материале. В аргументации прибегать лишь к самым известным вещам; в этом есть и гордыня, ведь великие истины невозможно доказать с помощью укромных фактов и ученых рассуждений.

7[289]

О, ученые мудрецы, я слышу вашу песнь сирен! Ах, ничто не волнует меня столь сильно! Но я говорю вам: вы сами заслушались собственного пения, вы были такими же, как я! Вы были помешаны на прекрасном рае «справедливости и умеренности», в действительности это лишь *утопия*.

7[290]

Чтобы считать искусство *средством власти* — как нужно исказить вещи *или* стремиться к низвержению всего существующего! Сколько разочарования!

7[291]

подобно тому как в драме видеть свои внутренние страдания есть ступень более высокая, чем просто страдание.

7[292]

Компенсация поэта, его страдания и *удовольствие* выразить их.

7[293]

Крах всех расчетов старца более достоин сочувствия, чем —

утрата смысла его жизни и трудов, например потеря детей

7[294]

1) О, это *чувство греховности*! Как оно умножило страдания! 2) Как отвратило взор от естеств<енных> последствий вины и, следовательно, помешало использовать здравый смысл в жизни! 3) Как эгоистично повело себя, предложив забыть о последствиях *для других* (в том числе и в силу наследственности)!

7[295]

Вы уже не верите в свою способность испытывать страсть к чему бы то ни было, то ли из-за его мимолетности, то ли из-за его относительных достоинств! Вспомните о любви к женщине! К деньгам! К почетным должностям! Если нет ни вечного вкуса, ни вечной красоты, ни вечной добродетели, тогда *краткий* образ может *тем более* пробудить восторг, заставляющий раскрыть для него объятья и, насколько это возможно, *вырвать* из потока! *Отныне* нами владеет *нежность ко всему непрочному*!! NB.

7[296]

Мы легко делаемся *сухими*, поскольку обращаем внимание лишь на нюансы душевных движений. Великое train[1]!

7[297]

Зачем же мы хотим предписывать вещам законы, которые сами знаем лишь из вторых рук! «Вы претендуете на абсолютную *универсальность*? Оставьте эту странную

---

1 следствие (*англ.*)

претензию тем несчастным, которые сами ничего собой не представляют», — Стендаль.

7[298]

Когда интенсивность их неприкрытых побуждений заставляет человека *краснеть*, искусство становится другим. Открытое проявление глубоких чувств считается пошлостью и неотесанностью. Сперва церемонные манеры. *Затем веселые* манеры, еще более *свободные* от всякого чувства (Людовик XV): исчезновение какого бы то ни было энтузиазма и энергии!

7[299]

Одолжить людям средневековья *нашу* впечатлительность и симпатию.

7[300]

Чувство власти, которое может возвысить кого-то из грязи, сделать подкидышей богатыми наследниками и пр., абсолютно идентично жестокости: «я могу делать, что пожелаю», — особенно в отношении того, кого это *злит*.

7[301]

Немцы восхищаются всем необычным — от скуки; французы тщеславны — от скуки; итальянцы любят, ненавидят и т.д. — от скуки.

Француз высмеивает то, что необычно, воплощение смешного.

7[302]

Страсть к познанию может *закончиться трагически* — вам не страшно? Так бывает со всякой страстью! — Однако у вас, ученых, как правило нет вовсе никаких страстей, а есть лишь *привычка как средство от скуки*! — Отношение к этому у *разных* народов! —

7[303]

Наука не может *доказать* ни того, что все л<юди> равны, ни того, что полезно длительное время следовать этому принципу.

7[304]

«Наука!» Что это такое?! *Все* силы – на службу науке! – Опыт, извлеченный человечеством из собственных инстинктов, и стремление получить знания об инстинктах.

7[305]

Обычаи отражают события столетней давности – а не настоящего времени.

7[306]

(Северо)германская культура обязана своим происхождением не благородному сословию, как французская, а учителям (профессорам, органистам и др.) и проповедникам. *Совсем иное* подчинение, в котором всегда присутствует тайная мысль, что есть нечто более *высокое*, чем властители (Лютер). Преклонение перед властителем, государственной властью, армией – наивно. Люди не противятся *угнетению*, зато в отместку позволяют себе размышлять *о* вещах. – Как же *бес*плодна аристократия! Элемент **германской** *расы*

7[307]

Стремительный темп в музыке и в жизни отшлифовывает многие характеры и поступки – при условии, что это не делает их несносными из-за *смены аффектов*; стремительный темп требует постоянного настроя, ἦθος[1].

7[308]

Немецкая аристократия: непродуктивна даже в роскоши, в помпезности, в садовом искусстве, архитектуре, манерах

7[309]

И если мы и не доверяли себе в сложнейших моральных счетах и расчетах, то все же *все* мы полагали, что знаем моральные азы, и чувствовали себя уверенными в этом.

---

1 характера (*древнегреч.*)

7[310]

Мои мысли стали моими событиями; все прочее — каждодневная история болезни.

7[311]

Буря: я ощущаю ее приближение часа за 4 до начала, когда на небе нет ни облачка. Стоит ей разразиться, и мое состояние улучшается.

7[312]

Нынешний политический перевес Германии не сможет длиться долго; этим перевесом она обязана силе воли одного человека, который к тому же был настолько убежден в свойственной всем немцам слабости характера, что не опасался ни партий, ни правителей. Как бы превосходно ни были организованы первые и какую бы покорность ни выказывали последним, все дело в том, что повелевающие рождаются в этой стране так редко, а еще того реже те, кто повелевает и обладает духом. — Поэтому превосходство представляет собой большую опасность: оно насаждает самонадеянность и чрезмерные притязания. — С партиями можно делать все, что захочется, если, конечно, *хочешь* этого, — но velle non discitur[1]. Действительно, здесь более уместна даже не воля Ришелье, а воля Бисмарка, иначе говоря, гораздо большее своеволие и страстность.

7[313]

Миролюбивый немец — можно рассчитывать на его подчинение власти и религии, так как ему ненавистны всякое серьезное *беспокойство* и *опасность*; тем больше он нуждается в легких, кажущихся опасными увлечениях, позволяющих воображать себя героем. Он очень часто меняет предмет своих увлечений, так как *не* желает совершать поступок!

---

1 нельзя научиться хотеть (*лат.*)

8. Зима 1880–1881

8[1]

Религия мужества

1. Страсть к честности.
2. Величайший вопрос.
3. Мужество и ничего больше.

8[2]

1) Разница в *развитии* инстинктов в климатических условиях различных основных моральных суждений
2) Причины различия в моральных суждениях
3) Ложность и иллюзорность всех моральных суждений
4) Может ли наука давать цели? Нет
5) Личная мораль: наши инстинкты, сформировавшиеся в соответствии с *нашим* идеалом и благодаря помощи науки. (*Создавать* наш идеал, подобно художникам.
6) Благоприятные политические и социальные условия для этих отшельников!

8[3]

Сострадание, жестокость.
Любовь, сладострастие
Зависть, тщеславие, соперничество.
Месть, справедливость.
Смешной, оригинальный
Трусость, покорность
Притворство, актеры.
Убийство, война
Грабеж, обман, коммерсант
Раб, солдат, чиновник.
Безумец, поэт, святой
Мудрость, «благоразумие»

8[4]

Развитие *вопреки* негативному суждению может происходить под воздействием:

а) страха (его последствия у Дарвина, NB);

б) гордости и упрямства (мести и жестокости). отсюда и разница: все дело в темпераменте.

8[5]

Перечень моральных *предрассудков.*

8[6]

NB. Введение: Все считают, что моральные чувства нашего времени представляют собой моральные чувства вообще. Однако это моральные чувства евреев.

8[7]

NB. Если современная мораль будет и дальше развиваться, *это приведет человечество к гибели.* Но обратное утверждение есть *причина* его дальнейшего развития. Здесь я ставлю большой знак вопроса! Представляет ли собой цивилизация путь к счастью, к самой высокой страсти и продуктивности?

8[8]

Нам нужно героическое познание! чтобы подготовить великий *практический* вопрос: **нужно ли** насаждать еще *большее* равенство?!

8[9]

Верят ли люди в сострадание, считая его чудом и источником познания, или они верят в кровь святого Януария, — в любом случае мне кажется, что я живу в полубезумном веке.

8[10]

Из сострадания к другим изображать религиозность? Фу! Мы должны *поднять* их до нашего *мужества*! И это выполнимо! Пусть даже с помощью фатализма!

8[11]

Понимание постепенно возрастает, и мы *отказываемся* от попыток развивать и направлять человеческую культуру: *нам пришлось бы совершить слишком много зла*! NB. NB.

8[12]

Счастье достигается прямо противоположными путями, *оттого* и невозможно дать определение этики (против Спенсера)

8[13]

Чувства, которые мы испытываем в отношении определенных обычаев и моральных установлений, и их общепринятые основания не имеют ничего общего с их происхождением и причинами возникновения. NB.

8[14]

Классицизм и поощрение равенства, стремление подчиниться *абсолютной* норме: в эпоху Августа – возврат к старым греческим образцам. (Классицизм в морали: возврат к Сократу и Стое.) Христос как *абсолютная* норма. Двор. В основе всего – вечность. Вергилий – Гомер. Все равны под властью единого хозяина. Новая ridiculum[1]: «быть не таким, как все!» Последняя причина: индивиды перебесились, высокомерие направляется против самого себя. (Паскаль) (а также Гёте)

8[15]

Я счастлив оттого, что не имел никакого морального воспитания (если не считать воспитания с помощью образцов).

8[16]

Не воспитание, а реальные потребности сохраняют энергию. Чем станет цивилизованный мир?! *Песком* и *слизью*!

---

1 нелепость (*лат.*)

8[17]

«Относиться ко всем великим интересам с иронией», так как ни у кого нет времени для их глубокого рассмотрения, — современная манера *европейцев*,

8[18]

столь же ребяческая, как привычка Паскаля и наших теологов, которые, толкуя о науке и вере, невольно думают, что под верой всегда понимается одна лишь христианская вера

8[19]

Говорить о морали только с теми, кто хорошо знаком с образом жизни многих животных.

8[20]

Мы избегаем безобразных и болезненных сцен, так как не желаем *со*страдать. Так поступают тонкие натуры. Натуры грубые отдаются всему, что приводит их в возбуждение и прогоняет скуку; при каждой перебранке или драке собирается толпа. — Там, где приходит на помощь инстинкт, преодолевается неприятное чувство жалости, а поскольку этому постоянно сопутствует приятное чувство от возможности удовлетворить свой инстинкт, мы сами думаем, что сострадание приятно. Помощь может заключаться всего лишь в утешении. Стекольщик во время града!

8[21]

Крики и мольбы о помощи всегда вызывали презрение (Эсхил, Septem[1])

Но Прометей!

8[22]

Манфред: никому не давать *право* карать, миловать или *жалеть* нас («умереть не так уж трудно, старик»).

8[23]

Увертливый и довольный, как греющаяся на солнце ящерица

---

1 Семеро (*лат.*)

8[24]

З<ахариас> Вернер, и Клейст, и Брентано

8[25]

следовать обычаю и в конце концов привыкнуть к нему – это значит быть *нечестным*! NB, быть *малодушным*! *ленивым*! Источник морали!!!

8[26]

Ничто не бывает естественным или неестественным! Греки придали однополой любви высшую степень идеальности, любовь к мальчикам они считали *хорошей*.

8[27]

Какая низость! Бог требует от человека любви – и припасает ад для тех, кто отказывает ему в ней! Подобно Тиберию и Нерону! Разве не достоин уважения отказ служить такому тирану?

Бог как праведник и судья *не* может быть предметом *любви*! Это нетактично! Ему **следовало бы отречься** от должности судьи! Христу не хватало тонкости чувств! Мы в этих вещах люди более зрелые! Если бы бог хотел быть объектом любви, то – – –

8[28]

Отчего у немцев нет духа? Они неторопливы в чувствах, не дают им созреть и пресекают их развитие, всемерно отдаваясь профессии или будничным вещам, и делают себя заурядными, оставаясь вечно недозрелыми плодами.

1) Они не умеют быть праздными.

2) Свои переживания они не воспринимают всерьез, как нечто требующее всестороннего обдумывания.

3) Они чересчур много читают и усердно лакействуют перед стоящей у власти партией или придворными.

4) Они музицируют, но не для того, чтобы испытать страсть и почувствовать облегчение, а чтобы привести себя в состояние *возбуждения*!!! Вот отчего они испытывают потребность в самой страстной музыке.

8[29]

Немцам очень *хотелось бы* испытывать великие страсти, и неважно, что они не могут изображать их без гримасы, — со временем они будут владеть этими страстями! Позже им станет понятно, что сила — это первое условие, однако существуют такие виды силы, которым гримаса не пристала.

8[30]

Чем меньше они раздумывают и уясняют себе что-то, тем более бесстыдно накладывают они краски чувства, в полной уверенности, что в конечном счете немец всегда *верит* в какого-то бога, представляя себе кого-то, кто выглядит непонятно и величественно.

8[31]

Паскаль советовал развить в себе привычку к христианству: тогда, говорил он, вы почувствуете, как страсти угасают. Это означает компенсировать свою *нечестность* и радоваться ей.

8[32]

Проповедовать сострадание — это пристало бы художнику по отношению к суровому, строго хранящему индивидуальность, одержимому мрачной страстью человеку! Такое действие в прежние времена оказывала музыка в Неаполе! — Но на эти чересчур подвижные души?! Тьфу!

8[33]

Мой прежний *стиль*: широта перспектив, много скрытого, таинственного, удивительного. Факты вспыхивают, подобно мнимым озарениям, раскрывающим эти тайны. Главное кредо: передать сущность невозможно, приподнятое, пророческое настроение *приводит* к откровениям. Трезвое состояние *вредно* для такого постижения. Созерцательное спокойствие и воспоминание о чем-то ужасном и томительном сменяют друг друга.

8[34]

Мои сомнения относительно цивилизации: она принимает опасности, великие страсти, необходимость великих

людей – но была бы нужна защита, нужно было бы построить города на Везувии, чтобы таким образом достигнуть наивысшей продуктивности *и* величайшего *наслаждения*!

8[35]

Ценность альтруизма *не* является научным результатом; люди науки, движимые *преобладающим в настоящее время инстинктом*, готовы поверить, будто наука подтверждает то, чего желает их инстинкт (ср. Спенсер).

8[36]

Допустим, наука укрепит свое влияние и будет властвовать: вы увидите, что ложь и умение выдумывать будут *цениться* как никогда прежде! Точно так же и христианство в наше время имеет, может быть, *больший вес*, чем когда-либо прежде! Даже для его противников!

8[37]

Возможно, об этом знает уже весь мир, я же узнал это лишь вчера, когда оно пришло мне в голову! И с этой минуты я каждый день переживаю свое вчерашнее открытие, я готов написать его на стене, чтобы весь мир радовался ему вместе со мной. – Какая глупость!

8[38]

Однажды я понял, что музыка убога и бесстыдна, она хотела отнять у меня мои мысли и внушить мне, будто она – – –

8[39]

На Коркире слова всегда меняют свое значение в большом масштабе! Гражданский мир воспитывает совсем иные вкусы, иное считается приятным и полезным, а *следовательно*, и **похвальным**.

8[40]

Но когда мы даем своим страстям вырасти, вместе с ними, как нам известно, усиливается и «кристаллизация»: я хочу сказать, мы становимся *нечестными* и добровольно предаемся заблуждениям?

8[41]

Если мы перестаем хвалить и порицать с моральной точки зрения, значит перестают развиваться наши инстинкты?

8[42]

вечный меланхолик, я все же с детства следовал принципу мужества и благодаря этому одерживал множество маленьких побед, что сделало меня более радостным, чем это подобает моей мел<анхолии>.

8[43]

У меня есть своя цель и своя страсть, от искусства я требую только одного: чтобы оно изображало мою цель *просветленной* или чтобы оно меня радовало, ободряло, а иногда и отвлекало. *Первое* – это мой род религии: когда я вижу, что другие любят, и прославляют, и превозносят мой идеал до небес, я молюсь *вместе* с ними!

Искусство *не* должно похищать меня у самого себя, *не* должно избавлять меня от чувства отвращения.

8[44]

У Р<ихарда> Вагнера любовь имеет вампирические черты, ее главный козырь в том, что она по части счастья может затмить весь мир и как бы опустошить его, она жаждет завладеть всем счастьем, какое только *возможно*, и тем самым как бы отомстить всему сущему (за что? за то, что оно не любит нас так же, как эту Сенту, Брунгильду и пр.).

8[45]

Проклятая склонность к покою и удобству обрекает немцев на заурядность в духовной сфере и делает их неспособными сказать свое слово в том, что касается всех значительных вещей, например проблемы счастья. Стоит лишь нарушить их покой, и они оказываются самым нервным и мелочным народом, с кратковременной жаждой мести, характерной для заурядных людей, ищущих любой возможности причинить боль.

8[46]

«Любовь к роду человеческому», привитая разумным воспитанием, — Стюарт Милль, умереть со смеху!

8[47]

Цивилизации *жаждут* те, кого гложет страх. Цивилизация *удовлетворяет* слабых, трусливых, ленивых, отверженных, а также заурядных: равенство как цель, а в конце концов как состояние. *Песок.* Мораль (христианско-иудейская) в наше время стала моралью цивилизации. Наполеон и французский народ после революции. Кто был доволен устройством?

8[48]

Там, где существует героизм, больше нет места *преступлению.* Ведь героизму присуща вера в *добро.*

8[49]

с той твердостью, которая свойственна человеку, занимающему свое место, и доброжелательностью, которую он испытывает ко всем

8[50]

Немцы с недоверием относятся к тому, что их считают народом, подверженным страстям, оттого они сразу же строят гримасы и совершают скандальные выходки, *не* из-за силы эмоций, а чтобы придать себе веру. Страсти у Р<ихарда> В<агнера> того же свойства: в жизни мы сочли бы безумцем всякого человека, подобным образом проявляющего свои чувства (чтобы убить кого-нибудь, достаточно почувствовать к нему отвращение). Полностью отсутствует наслаждение, которое в прежние времена называли нравственным: когда вы умеете ездить на своем коне, а конь этот столь же красив, смел и полон пыла, как и его всадник, но у последнего красота, смелость и пыл озарены разумом, придающим всему умеренный и благопристойный вид. Если же эти кони принимаются скакать как безумные, мы чувствуем головокружение и изнеможение.

8[51]

Классицизм: наслаждение, испытываемое при виде покорности столь многих людей и при мысли о переживаемой ими внутренней *борьбе*, придает подчинению легкость, с ним едва ли не легкомысленно соглашаются ради удовольствия видеть, как самые важные и высокомерные ползут к кресту! *То есть отрекаются от своей индивидуальности*!

8[52]

Обаяние любых проповедников, открыто презирающих *большую* **власть**! Очарование глубочайшего унижения, преданности и воздержания для всех, кто обладает высшей властью, — демонические чары!

8[53]

Новое мужество: презрение к почестям! к славе! к имени! *Мы платим за себя* и презираем ту славу, которой нас могли бы одарить другие!

8[54]

полная неспособность к пению убила чувство мелодии — сейчас существуют лишь драматическое пение и звуки природы!

8[55]

Размышление приводит к ошибкам. Это идущий вверх путь, противоположный привыканию, берущий начало в самом слабом. Изменить мораль вполне возможно, как и вкусы: главное — привычка!

8[56]

Простодушие морали было утрачено из-за христианства (а до него — из-за Сократа), как и простодушие французов при Л<юдовике> 14 — по тем же причинам.

8[57]

Жестокость и удовольствие от нее в человеке сильном, который ломает самого себя и подчиняется закону (правителю, христианству). Прежде он изливал ее на других, формируя их судьбу (в дурном или хорошем смысле

— так или иначе это жестокость, удовольствие от возможности *месить* глину).

8[58]

Святость: можно приучить свое сознание *больше не замечать* того, что происходит в твоих кишках и в твоей крови, или *истолковывать* это иначе (как нечто божественное).

8[59]

Поступок порицают, если он кажется нам (или тому целому, частью которого мы себя считаем) позорным или оскорбительным: в противном случае мы его хвалим. Следовательно, сам по себе он не хорош и не плох.

8[60]

Мне трудно понять ч<еловека>, который хочет быть таким, как *требует хороший тон*, который не решается любить, ненавидеть, высказывать свое суждение, если не знает, что велит делать в этих случаях хороший тон. Значит, во мне нет ни капли хорошего тона! Более того, я с презрением отношусь к тем, кто хочет быть похожим на других! кто озирается, желая знать, что говорят другие о его действиях! кто постоянно думает о других, но не чтобы быть им полезным, а чтобы не показаться смешным, — ведь если бы он стал смешон, это доставило бы им удовольствие! Ужасно! — Но почему бы нам не дать другим повод *посмеяться*! Ведь для нас тоже полезно, когда окружающие нас люди пребывают в хорошем настроении! — «Но когда они смеются, они перестают нас уважать!» — Но почему они должны меня *бояться*? Горе мне, если чего-то смешного во мне хватает, чтобы лишить меня уважения к самому себе! Именно это и происходит с тщеславными людьми, которые, погрешив против этикета, готовы *уничтожить* себя.

8[61]

NB. Наступает эпоха варварства, науки будут служить ему! — Постараемся *все же* сохранить самое высшее, суть

наших современных знаний с помощью сообщества свободных личностей, которые говорят:

1) бога нет;
2) нет воздаяния и наказания за добро и зло (нравственный мир);
3) что есть добро и что зло, определяется тем идеалом и направлением, в котором движется наша жизнь; лучшая часть всего этого унаследована нами, есть также вероятность, что суждения о добре и зле даже с точки зрения развития соответствующего идеала могут оказаться *ложными*. Идеал предвосхищает то, к чему стремятся наши инстинкты (преобладающие инстинкты).

чтобы все же *сохранить* себя в условиях варварства, эта община должна обладать строгостью и мужеством: аскетическая подготовка

8[62]

«*Здоровье*» нельзя определить словом «крепкий». Это идеальное состояние, в котором каждый может лучше всего делать то, что ему больше всего по душе, — однако дикарь, светский лев и ученый пожелали бы для себя *совершенно разных* состояний! — Мы все еще страдаем от «классических» терминов, от которых еле-еле избавились в поэзии. Мы говорим, что Аполлон «*прекрасней*», чем какая-нибудь афинская фреска!

8[63]

Человечество все еще находится в очень примитивном состоянии, некоторые из наиболее важных для него вопросов даже не поставлены. — Наша современная наука носится с некоторыми из предрассудков, как будто человечество всегда будет единодушным в своем отношении к ним, например к ценности поступка из симпатии, к земному благополучию, связанному со здоровьем, и т.д. Но ведь стоит появиться новому идеалу или возобладать другому инстинкту, как науке придется подчиниться *им*! *Я пытаюсь разгадать главные предрассудки современной* науки! Это *европейскость*!

8[64]

Одни называют это моим мужеством, другие назовут это бесстыдством. Похвала и порицание не относятся к самому предмету, а выражают отношение хвалящего или порицающего к этому предмету.

8[65]

С появлением прекрасных голосов, введением школы пения, дарующего наслаждение, был утрачен вкус к мелодии — и она сама тоже! Появились пианисты-виртуозы и принесли с собой гармонию. В наше время оркестр копирует то, что совершили *они*; вместе с тем распространяются *варварские театральные* эффекты, воздействующие на страсти и *вдохновляющие* композиторов. Все это более грубо по сравнению с волшебством виртуоза.

8[66]

Одни и те же свойства страстей, например их глубокая серьезность, их колдовское превосходство над реальностью, их требование абсолютного доверия и т.д., могут быть истолкованы как *в их пользу*, так и *против* них, в зависимости от наших общих предпочтений.

8[67]

Я часто думал, что могу чему-то научить людей, и относился к ним со смешанным чувством гордости и любви. Сейчас, подходя к концу, я понимаю, что мне нечему их учить; я от всей души желаю, чтобы нашелся кто-нибудь, кто оказал бы мне честь, разрешив учиться у него: ведь проблемы, которые я ставил перед собой, грандиозны и — — —

8[68]

Геккель: принятие теории о происхождении видов и унитаристской философии есть высшее мерило духовного превосходства среди людей: он называет англичан и немцев; французов он сбрасывает со счетов (Ламарк и Конт!

8[69]

В жизни женщин присутствует весьма соблазнительная парадоксальность: вся она сводится к одному акту, который совершенно противоречит какой бы то ни было стыдливости и привитому им воспитанием образу мыслей. Стоит ли удивляться, что им кажется чудом все связанное с этим парадоксом!

8[70]

Языки как дело отдельных личностей или священников — так же, как и религии.

8[71]

Как объяснить то безмерное наслаждение, которое доставляли Конту альтруистические чувства? Amour?

8[72]

Молодые цивилизации находят *большое* наслаждение в церемониях и формальностях; не забывать об этом, говоря об искусстве!

8[73]

Говорю для тех, кто не думал об этом: мы предаемся состраданию не **для того**, чтобы оно вызвало в нас приятные ощущения (это вовсе не так, разве только у редких людей), но *потому*, что оно всегда вызывало в нас приятные ощущения; по той же причине зверь любит свое потомство и т.д. Мы говорим «да» этому чувству, когда оно уже здесь!

8[74]

«Le long espoir et les vastes pensées»[1], — Лафонтен.

8[75]

Какое мне дело до людей, впадающих в *идиотскую раздражительность*, если они не принимаются немедленно поклоняться состраданию!

---

1 «Долгая надежда и обширные замыслы» (*фр.*)

8[76]

Сбрасывать с себя все человеческие, моральные и социальные узы до тех пор, пока мы не начнем плясать и резвиться, словно дети

8[77]

Я вобрал в себя дух Европы — и теперь собираюсь нанести встречный удар!

8[78]

Благородные, ἐσθλοί, правдивые, которым *нет нужды притворяться*! Потому что они обладают властью и индивидуальностью!

8[79]

Существование церкви оставляет свободным умам свободу даже *перед наукой*, NB, даже в наше время!

8[80]

В Германии почти утрачена потребность, а следовательно, и вкус к простой и безыскусной музыке; поневоле вспомнишь те времена, когда даже добропорядочные женщины не считали себя вполне готовыми ко сну, если на столике перед ними не стояло усыпляющее питье — крепкое, горячее, обильно сдобренное пряностями вино.

8[81]

Против Шопенгауэра: он выглядел как ч<еловек>, довольный собой и тем, что может выражаться так же хорошо, как персонажи Расина и Шиллера (у Стендаля). Разумеется, его переполняет страсть, но прежде всего — удовольствие от своей способности говорить красиво.

8[82]

Отчего люди вздумали *чтить* кого-то только *потому*, что он способен к глубокому и разнообразному состраданию и легко им проникается? Это наверняка человек более несчастный, чем другие, ему приходится постоянно думать о том, как утешить, помочь и т.д., — ему *приятно* чувствовать себя несчастным: 1) потому что несчастье есть след-

ствие *наших* страданий, 2) потому что оно дает надежду на облегчение, смягчение страданий. Мы почитаем его за то, что оно иное, чем мы ожидали? — Но отчего же мы не презираем его? Оттого, что если мы *не* будем *воспринимать* его как нечто *достойное уважения*, то наше воздействие на него не даст нам приятных ощущений. Мы считаем отвратительным производить впечатление на низкие души. Тогда в нас исчезает и скрытая потребность считать такого человека дельным, добрым, достойным уважения. Кроме того нам не нужна жалость дурных людей, она унижает нас в собственных глазах! Так когда же сострадание не унижает человека? Когда оно возвышает! Это происходит, когда нам сочувствует человек уважаемый (за его душу, ум, положение в обществе и т.д.) или же бог, — то есть в тех случаях, когда уравнивание с другими делает нам честь (что позволяет нам ощущать свое более высокое положение!!). Вывод: мы охотно чтим сочувствующих нам, *чтобы* получить удовольствие от собственного возвышения! или *потому что*!

8[83]

Воодушевление, которое в Германии тут же приводит к оболваниванию и раболепию

8[84]

Результатом абсолютной морали был бы полный упадок, а возможно, и уничтожение человека. Ее *нельзя* обосновать счастьем!

8[85]

О наших великих мужах следует сказать: было бы неплохо, если бы в них было побольше гениальности и поменьше актерства!

8[86]

В современной живописи немецких художников, в музыке немецких композиторов и сочинениях немецких писателей мы различаем самомнение и наигранное величие.

8[87]

Что значит «хотеть»? Женщины могут заплакать, когда хотят. Мужчины тоже могут *хотеть* заплакать, но без надлежащего эффекта. В чем же разница? В отсутствии тренировки механизма. — Мы можем *хотеть* говорить четко, однако никто нас не понимает. — Значит, успешность или неуспешность *не* связаны с понятием «воля». Тогда остается *страстное желание*, т.е. наличие представления и ценностной оценки.

8[88]

Какое прекрасное время для свободных духом — и пропадает бесполезно!

8[89]

Эпоха поддельной *оригинальности* (в качестве возбуждающего средства)

8[90]

Преимущество одиночества: обращаем всю свою природу, в том числе ее расстройства, *против своего главного объекта*, а не против других вещей и людей, *проживая* таким образом его жизнь!

8[91]

Почему я препятствую страсти?

Я мог бы изложить свое дело в полный голос, страстно и увлекательно, так, как его ощущаю, но после этого я был бы едва жив, страдая и стыдясь за свои преувеличения, разглагольствования и пр. Другие *полностью* обретают свой дух лишь в страсти, я же — в страсти *подавленной* и побежденной. Мне *приятно* все, что вызывает в моей памяти *это состояние*!!

8[92]

Вера в порочность эгоизма сделала людей *слабыми*. Греческие философы учили, что вера в глупость нефилософов есть *причина их несчастий*.

8[93]

Пока еще нет великих людей, обладающих даром убеждения, но все остальное уже созрело для полного переворота: принципы, недоверие, разрыв всех договоров, привычка и даже потребность в потрясениях, недовольство.

8[94]

Religion nouvelle[1]:

1) сохранять для особых моментов;
2) уважать стремление к самопожертвованию;
3) нет бога, нет потустороннего мира, нет воздаяния и наказания;
4) нет больше обвинений, нет угрызений совести, есть лишь *угрызения разума*;
5) восстановленное Я;
6) прекрасным считается приносящее себя в жертву Я;
7) нет любви ко всему человечеству, есть лишь власть инстинктов;
8) высшее благоразумие есть *общая* норма, которая не почитается, так как привычна;
9) неблагоразумие великодушия вызывает восхищение; сострадание всегда слабость и отдых — согласие в этом;
10) почитать не самопожертвование *ради других*, а полную победу одного аффекта над другими, чтобы мы могли отдать ему свою жизнь, честь и пр.; главное — полнота страсти.

8[95]

Проанализировав то, на чем основывается мое религиозное чувство, я пришел к выводу, что мужество есть самое возвышенное из чувств.

8[96]

Ошибка В<агнера>: ему не хватает гордости, чтобы чувствовать отвращение к льстецам.

---

1 Новая религия (*фр.*)

8[97]

Никогда прежде гнев не достигал такого мрачного величия и богатства возвышенных оттенков, как у иудеев. Разве можно сравнить гнев Зевса с гневом Иеговы! Они перенесли на него гнев своих пророков. Так гнев стал священным, а потому благим. Но иногда эти грозовые облака прорезал луч отеческой доброты — на фоне такого пейзажа Христос грезил о своей радуге, о небесной лестнице бога к человеку; такое могло произойти только у народа пророков, и *нигде больше*!

8[98]

Наука принесла много пользы; в наше время, из-за недовольства религиями и близкими к ним вещами, возникло желание подчинить<ся> *ей* полностью. Но это заблуждение! Она *не* может *повелевать*, определять путь! Она *может* быть полезной, только когда мы будем знать, куда идти. В целом можно отнести к мифологии веру в то, что познание всегда обнаруживает наиболее полезное и необходимое человечеству: оно способно как сильно навредить, так и принести пользу. — Высшие формы морали, вероятно, не смогут существовать при ярком свете.

8[99]

Испытывать сострадание и *не* иметь возможности помочь — что может быть горше? *Сублимация жестокости*: вызывать сострадание. Христианин стремится *заставить* бога страдать.

8[100]

Прекрасное: каждый называет прекрасным то, что имеет зримые черты чего-то для него приятного (или полезного), или пробуждает воспоминание об этом, или обычно кажется связанным с ним.

8[101]

Один и тот же инстинкт может под воздействием порицания, которое вызывает данный поступок, проявиться как *трусость* или, под воздействием похвалы, как *покорность*. NB. Возможно, мне не стоило бы говорить

о сублимации; есть два вида развития: один — ведущий к угасанию, сопровождаемый противоречивыми чувствами, другой — цветущий, уверенный в собственной полезности. (Зло как меланхолия

8[102]

Огонь в теле, снег на голове и рот, полный черного дыма, подобно Этне, — Савонарола

8[103]

Длинные тени, отбрасываемые христианством (такие философы, как Сократ, тоже внесли свою лепту): они *убедили* людей в том, что альтруизм есть источник счастья, и ослабили их *пружины* (индивидуальную страсть), забрав у людей доверие к ним. С этих пор *всякая* мораль стремится завоевать симпатии: *превзойти* христианство в любви к человечеству — породить песок и кашу! *Разрушить* основы христианства — задача науки! Однако это значит, по нынешним понятиям, сделать людей злыми, эгоистичными и т.д.

8[104]

Удивленный проявлениями инстинкта, который, казалось, хотел завладеть им, он злился, обращался с ним настолько бесцеремонно, насколько это было возможно, но, убив его, тут же впал в рассеянность и освободился от него, публично заявив о своем успехе.

8[105]

Одна единственная идея порождала в нем тысячу других, незначительное слово могло увлечь его в высшие сферы, куда здравая логика не всегда следовала за ним, зато дух непрерывно давал о себе знать. *Чтобы прийти в состояние возбуждения*, ему *не требовался* второй человек. Он тотчас же забирался очень далеко, но при этом обращал внимание на то, способен ли кто-нибудь следовать за ним.

8[106]

Cette civilisation[1] всегда немножко была «его личным врагом», как сказал Талейран,

8[107]

«В мире не существует ничего благородного и ничего низкого». Je suis lâche, moi, essentiellement lâche[2]. Наполеон был **выше** honneur[3]!

8[108]

«Даю слово, мне отнюдь не неприятно делать то, что мир называет бесчестным поступком».

8[109]

Мои тайные наклонности après tout[4] суть свойства природы, противоречащие тому притворному величию, которым мне приходится себя украшать, но они являются неиссякаемым источником, помогающим мне играть с любой верой в мире (обманывать тех, кто якобы знает меня)

8[110]

До сих пор музыка никогда не изображала разгневанного бога. В<агнеров>скому Вотану свойственна слабость немецкого характера, он хочет слишком многого и ничего совершенно определенного. Его гнев не стоит даже упоминания рядом с гневом бога у Микеланджело — зато у последнего присутствует только одна эта идея.

8[111]

«Солдаты, возбужденные победой, преисполняются такой гордости, что их с трудом удается спустить на землю».

8[112]

Страх перед любыми деспотами — это страх порицания за малейшее упущение; чувства и дух умолкают,

---

1 Эта цивилизация (*фр.*)

2 Я ничтожен, я в высшей степени ничтожен (*фр.*)

3 чести (*фр.*)

4 в конечном счете (*фр.*)

поскольку нет возможности обменяться с кем-то своими чувствами или даже самыми незначительными мыслями. Так самые разные люди приравнивались друг к другу и, наконец, делались *равны*. Деспот, имеющий направленные вовне планы, пренебрегает мелкими победами, которые он мог бы одержать над своим окружением; к каким бы приемам обольщения он ни прибегал в своем стремлении подчинить их, стоит ему *добиться* желаемого, как он уже не думает о том, чтобы сделать свое иго и себя самого приятным.

8[113]

власть женщин сделала французских королей слабыми; при дворе Наполеона они должны были служить лишь украшением.

8[114]

Наполеон был убежден, что у французских женщин больше ума, чем у мужчин. Он часто говорил, что воспитание, которое они получают, прививает им известную ловкость, от которой приходится защищаться.

8[115]

Наполеон называл dévouement[1] того, кто отдавал ему всего себя, все свои чувства и мнения; он часто повторял: необходимо отдавать все, вплоть до самой малой из своих старых привычек, оставляя себе не более одной мысли — той, что связана с его интересами и его волей.

8[116]

«Я имею право на все ваши жалобы отвечать своим бессмертным Moi[2]. Я стою особняком от всего мира, я не принимаю ничьих условий». «Вы должны подчиняться любым моим фантазиям и находить вполне естественным, что я предаюсь подобным развлечениям».

---

1 преданным (*фр.*)

2 Я (*фр.*)

8[117]

«Военное ремесло воспитывает в генералах ту прямоту, которая не позволяет им скрыть даже свою большую склонность к зависти: привычка сражаться с врагом в открытом бою приучает их ничего не скрывать, любое сопротивление представляется им сражением».

8[118]

Гигантский план: он готов его разрабатывать, готов выполнять его — периодически возводя его фундамент. Одержимый одной лишь этой мыслью — освободившись от второстепенных впечатлений, которые могли бы задержать его проект. Благодаря своему широкому и *проницательному уму* и *упорству воли*, он человек исключительный. Если бы его целью было благо человечества, он был бы величайшим из людей.

8[119]

Снедаемый тревогой, подозрениями и недоверием, раб своих внутренних страстей, страшащийся любой власти, даже той, что создана им.

8[120]

Большой вопрос.

9. Зима 1880–1881

Лемех.
Мысли
о моральных предрассудках.
Сочинение
Фридриха Ницше.

9[1]

Не ищи же больше, чужеземец, наивности и тем паче первозданности у немцев! Во Франции наивность удушил двор, в Германии – «гении», – слишком долго ломали с ней комедию либо вели войну. Все от проклятой завистливой спеси всех тех гениев, которые не могли простить французам их остроумие и покоряющую живость, а грекам – первозданность и противопоставили этому «немецкую наивность». Но есть не только призраки, исчезающие, когда о них заговорят, но и реальные качества, у народов и одиночек.

9[2]

Неумение выносить недовольство собою часто является признаком отвратительной мягкотелости – а превозносится как моральная добродетель! Ради цели мы должны уметь переносить много страданий, даже искать их, добровольно избирая страдания, если цель требует таких тягот. Разве мы заключили союз с судьбой, чтобы наш корабль не потерпел крушения? А наше путешествие не завело в пустыню?

9[3]

«Пусть люди пекутся о нас, в то время как мы заботимся и думаем о них: иначе это сделают птицы и пчелы. – Но мы слишком горды, чтобы ждать “вознаграждения”, – и слишком серьезно заняты, чтобы иметь время для славы и угождать ей». – Так пели некогда философские музы.

9[4]

Каждый полагает, что вправе судить о погоде, о болезнях и о добре и зле. Это признак интеллектуальной пошлости.

9[5]

Всем моральным системам, повелевающим, как *следует поступать*, недоставало знания, *как человек поступает*, — но все они полагали, что обладают им, как это думает всякий человек.

9[6]

Разве, имея перед собой великую цель, мы не становимся выше не только поклепов на себя, но и своей несправедливости? Своего преступления? — Так мне кажется. Не то чтобы цель *освящала* это — но она это возвеличила.

9[7]

Чем немцы *могут* быть обязаны своему Шопенгауэру? Тем, что тот разрушил оледенелый и сверкающий идеализм благородных общих слов и выспренних чувств, распространяемый Шиллером и его кругом, наилучшее представление о котором дает переписка между Вильгельмом фон Гумбольд<т>ом и Шиллером, этот пропитанный фальшью «классицизм», с его глубокой неприязнью к естественной наготе и страшной красоте вещей, нарочитым благородством жеста и голоса, невольно насаждавший во всем (в характерах, страстях, эпохах, нравах) ряженую и мнимую наготу и грацию, в стиле Кановы; все это, как целая сумма, составленная из благородных половин, весьма мучило Гёте, который, однако, противостоял этому не иначе, как в привычной своей манере — мягко сопротивляясь, молчаливо, отводя взгляд, — утверждаясь таким образом на своем собственном и лучшем пути. Грубиян Шопенгауэр, вновь обнаживший дьявольщину мира, не зашел, однако, на этом пути так далеко, чтобы выявить и раскрыть еще и дьявольское начало в добре, а в дьявольском добро и красоту. — Во всяком случае, если после Шопенгауэра кто-то станет чувствовать, как Шиллер, то он окажется большим ретроградом, но в то же время в сотни раз превзойдет

современного немца, такого, каким он реально стал с той поры!

9[8]

Как часто брак с грубостью и скандалом разрушается только для того, чтобы достичь нравственного или правового состояния, в котором можно расторгнуть ставший невыносимым брак!

9[9]

Размышления о возможных мотивах твоих друзей и врагов должны стать для тебя таким же делом чести, как и публичные суждения об этих лицах.

9[10]

Ты, вероятно, знаешь, что открыто говорить о характере и мотивах какого-нибудь человека — это дело чести. Друг! *Размышлять* о них касательно себя самого — тоже дело чести!

9[11]

[...] Вряд ли кого-то теперь убедит, что *нечто противоположное* тоже хочет считаться и считалось *добрым*: говорить «я» чаще и настойчивее, чем обыкновенные люди, брать верх над ними, противиться любой попытке превратить нас в инструмент и некое звено, делаться независимым с риском подчинить себе других или пожертвовать ими, если независимость нельзя обрести иначе, предпочесть чрезвычайное положение общества дешевым, безопасным и стандартным хозяйствам, а дорогой, расточительный, исключительно личный образ жизни рассматривать как залог того, чтобы «человек» стал выше, сильнее, плодотворнее, отважнее, стал еще более необычным и редким — чтобы человечество *убывало в числе и прибавляло в качестве.*

9[12]

В обычаях наши события и наши мысли переживают нас, если они были достаточно сильны, чтобы сложился обычай, — но кому дозволено смотреться в нынешние нравы как в зеркало современной жизни? Следовательно,

в нынешних нравах мы должны искать людей и вещи, которые были сто и более лет тому назад, а не *себя и свои переживания*: с *ними* предстоит разбираться, быть может, нашим внукам!

9[13]

[...] Затем следует смириться и со скучными немецкими женщинами, с присущим им вялым и самодовольным духом и, в то же время, с живостью, чувствительностью и злопамятностью. Однако о них тоже говорят, что в исключительных ситуациях они могут стать сильными, как львицы, и достаточно тонкими, чтобы пролезть сквозь игольное ушко.

9[14]

Монах, оставляющий мирскую жизнь, через нищету, целомудрие, послушание, особенно через эту последнюю добродетель, а в сущности благодаря всем трем, отказывается от воли к власти: он выходит не столько из «мира», сколько из определенной культуры, счастье которой в чувстве власти. Он отступает на более древнюю ступень культуры, которая духовным дурманом и надеждами тщится оградить нуждающегося, слабого, одинокого, лишенного женщин, бездетного человека.

9[15]

[...] Совершенное знание, вероятно, позволило бы нам — еще какое-то время — холодно, сияя подобно звездам, кружить вокруг вещей! Затем *нам* пришел бы конец, как существам, жаждущим познания и наслаждающимся жизнью и счастьем паука, тянущего все утончающиеся нити интересов, — тем существам, которые, вероятно, в конце концов добровольно и самостоятельно обрезают тончайшую и нежнейшую нить, потому что из нее уже не вытянуть еще более тонкой.

9[16]

Гений остается непризнанным, он сам не осознает себя таковым, и в этом его счастье! Горе, если он осознает себя! Если впадет в самолюбование, самое смешное и

опасное из всех состояний! От богатейшего, плодотворнейшего человека не остается и следа, когда он начинает восхищаться собою, он опускается ниже, становится менее значительным, чем он был — тогда, когда он мог еще радоваться *себе самому*. Когда страдал от себя самого! Тогда он еще относился к себе самому как *к равному*! Тогда существовали еще порицание, и предостережение, и стыд! Когда же он взирает на себя самого снизу вверх, он превращается в собственного лакея и поклонника, тогда ему не остается ничего иного, кроме повиновения, а это означает *подражание самому себе*! В конце концов он убьет себя собственными венками, либо предстанет пред самим собою статуей, то есть камнем, окаменелостью!

9[17]

«Какое великое множество зорь еще никогда не занималось!»

Ригведа.

10. Весна 1880 – весна 1881

10[A1]

Да, мы хотим, чтобы люди жили скромно, пристойно и праведно – но все ли? Я не отважусь судить. Человечество слишком быстро <пришло бы> к концу!

10[A2]

Наш гений и наша добродетель возрастают с нашей ненавистью.

10[A3]

Когда весьма распутные л<юди>, окончательно пресытившись, станут проповедовать целомудрие, это будет абсолютно *честно*: они знают *лишь* ужасную сторону дела (как Софокл преподал однажды урок Периклу) или хранят в своей памяти лишь мерзость, лишь то, что вызывает презрение к себе. – Но есть и в самом деле л<юди>, которые, зная похоть лишь понаслышке, страшно ее *боятся*, – они тоже проповедуют целомудрие, по Библии.

10[A4]

большая опера, франко-итало-еврейского происхождения

10[A5]

Несчастные случаи и глубокие страдания никак нельзя исключить из нашей жизни. Должны ли мы подчинить *этому* всю свою жизнь и свои чувства? *ἀταραξία*[1]. Она возможна. Но не отважна! (Семитское.) – Но нет! Мы не желаем испортить себе хорошее, и у нас есть, наконец, одно средство – – – –.

---

1 невозмутимость (*древнегреч.*)

10[A6]

Фу, какие дешевые добродетели! Написать пару страниц против издевательств над животными!

10[A7]

Пафос драматического художника является мишенью для насмешек, если он проявляется иначе, чем на сцене: он ведь прежде всего актер.

10[A8]

Следует испытать, кто из наших друзей и людей, «пекущихся о нашем благополучии», выдержит экзамен: поступите с ними однажды грубо.

10[A9]

Память: мы замечаем, что приближаемся к предмету, достигнув ощущения, которое уже испытывали однажды, обдумывая предмет.

10[A10]

Мы *легкомысленно* смотрим на вещи, предаваясь столь одностороннему анализу и фанатично ему следуя: это наша форма легкомыслия. Мы хорошо знаем, что это поверхностно. Художник же, *если* зайдет столь далеко, будет удивляться, каким *строгим* и *серьезным* он стал.

10[A11]

По отношению к *вещам* существуют самоотдача (отсюда дедукция) и гордость (индукция).

10[A12]

Самая странная книга? NB

10[A13]

Наполеон утверждал, что он один сдержал ход революции: после него она продолжила бы свою поступь. — «Он абсолютно точно знал свое время и неустанно боролся с ним». «Он подменил смысл всех слов и способствовал вырождению всех партий». Р<емюза>.

10[A14]

Часто необходимо вступить с кем-то в союз, чтобы подавить его. *Если* мы слывем лучшими знатоками кого-либо, то наше отпадение весит ужасно много.

10[A15]

Оплачивать услуги, чтобы больше не толковать о них. – Преувеличенные вознаграждения порождают претензии, а не признательность. Р<емюза>.

10[A16]

Возвышать души своего окружения, делясь с ними своим блеском! Наполеон ничего не отдавал, он был ревнив, он хотел *обладать* всем блеском – так он умалял свое окружение и расстраивал его.

10[B17]

Непосредственное подражание чувству и последующая *подмена* причины.

Музыка сум<ерки>

Откуда этот навык? Страх побуждал воспроизводить все жесты, чтобы судить об ощущениях (у врага).

Иннервация лица у боязливых и кокетливых женщин.

Эта способность ослабевает при гордых самовластных мужчинах – она усиливается в *трусливые* времена (вкус к подражательным искусствам тогда возрастает).

10[B18]

Отчего я всегда **жажду** людей, которые *не* становятся маленькими перед лицом природы, вылазки на укрепленные высоты над Генуей! Не умею их находить?

10[B19]

Взволнованность, нервозность – это нескончаемая робость.

10[B20]

Мы больше не изучаем вещи, потому что нет той опасности, которая заставляла бы нас *обязательно* знать их. Отсюда любительство – а на его месте и леность.

10[B21]

Составить список всего, в чем я *прощаю*. Стать над грехами, признать их.

10[B22]

Эпикурейцы, меланхолики со слабыми желудками, — отсюда их «чревоугодие»

10[B23]

Гораций и Катулл переводили с греческого, приспосабливая все чужеродное к своему времени и к Риму, по крайней мере к тому, что Риму было известно. Иными словами, никакого романтизма!

10[B24]

дело не стоит *ни разбоя, ни разбойников*, — ego

10[B25]

Наша первая радость при чтении поэта — встреча с теми же мыслями и ощущениями, что есть *и* у нас, например когда Гораций говорит о своем поместье. Радует и то, *как складно* он выражает *наши* мысли! — Этим он делает нам честь!

10[B26]

Сны: есть жабу. — «Альпа, Альпа, кто несет свой прах на гору?» — кровавый месяц.

10[B27]

Мне часто бывает стыдно того, что все у меня теперь так хорошо, и меня здорово подстегивает мысль о том, что может свершить человек с таким спокойствием — и я!

10[B28]

Боевое состояние души только *наступает*. И пусть будет, что будет: вперед! Презреть фальшь, весело сносить все страданья, которые выпадут на нашу долю, выходить под град нагишом — презирать и сносить несправедливость, которую мы причиняем сами себе, — он издевается над «болезнью», «благополучием» и т.п.

10[B29]

Даже в самом незначительном, что мы делаем *умышленно*, например жуем, бóльшая часть протекает без умысла. *Намерение* относится к огромному царству возможностей.

10[B30]

Более инстинктивно разгадывать человека. Карно разоблачил Журдана, Гоша, Бонапарта.

10[B31]

Наслаждаясь Шопенгауэром как своим учителем, я забывал, что уже давно не находил опоры своему недоверию ни в одной из его догм, меня не заботило, как часто приписывал я под его сентенциями «плохо доказано», или «недоказуемо», или «преувеличено», я благодарно упивался мощным впечатлением, которое вот уже несколько десятилетий производил на меня сам Шопенгауэр, свободно и отважно представший перед вещами, обратившийся против них. Свидетельствуя позднее свое почтение Рихарду Вагнеру по какому-то торжественному поводу, я опять забыл, что вся его музыка свелась для меня к паре сотен тактов из разных мест, которые были дороги моему сердцу (пожалуй, я и сейчас неравнодушен к ним), – точно так же, глядя на его жизнь, этот мощный жизненный поток, словно устремленный ввысь, я забывал выразить свое мнение о Рихарде Вагнере перед лицом истины. Кому бы не хотелось придерживаться другого мнения, чем Шопенгауэр, думал я, в целом и главном, – и кто *мог бы* разделять мнения с Рихардом Вагнером, в целом и в малом!

10[B32]

Ce qui importe, ce ne sont point les personnes: mais les choses. Carnot[1].

Когда (по Виктору Гюго) Наполеон perça[2] как Бонапарт, Карно вступил с ним в борьбу, высказавшись против пожизненного консульства и голосуя за сохранение Республики. В 1814 г. он забудет про империю, чтобы напом-

---

1 Важны вовсе не лица, а вещи. Карно (*фр.*)

2 обрел известность (*фр.*)

нить, что отечество в опасности. Наполеон скажет: «Карно, я слишком поздно узнал Вас». «Никто не дал мне такого впечатления истинного величия, как Карно». Нибур

10[B33]

Совет другу. Еще не слишком поздно для тебя достичь величия характера.

10[B34]

Уравновешивающие натуры, сознательно заменяющие в себе ненависть к немцам среди французов и американцев и ненависть к евреям среди немцев на благожелательность — не из противоречия, а из потребности в справедливости. Этот настрой по отношению ко всем историческим периодам!

10[B35]

Десять лет учительства и ни одного наказания.

10[B36]

Горячая вода, ходьба в сочетании с духовной работой во время прогулки под открытым небом, опрятные и *скупые* привычки, до обеда на свежем воздухе, по-солдатски строгий распорядок дня. По вечерам подведение итогов в духе древних философов.

10[B37]

Мы не верим в фатум, при слабости личностей и переменчивости вещей.

Наши мнения о фатуме и есть фатум.

Мир целесообразности в *целом* — это **часть** *нецелесообразного, неразумного* мира.

1. Если бы мы захотели оценить реальное бытие интеллектуально или 2. морально, то оно оказалось бы *низко*интеллектуальным и *низко*моральным. И жить было бы *гадко. Изымем* же из мира эти предикаты! И индивид как *целое* так же глуп и неморален, как и *остальной мир* и даже *лучший* индивид в нем!

Так что *либо* желать гибели, *либо* отучиться восхвалять и порицать. **Безразличие**

Цена *мертвого* мира. Инстинкты и их развитие обнаруживают **под конец** свою *неразумность*, они вступают в *противоречие с собой* (в форме интеллекта, который не любит бытие), то же самое обнаруживает боль.

Наша разумность *соответствует* бытию

10[B38]

Отыскать вокруг себя людей, среди которых можно сохранить и проявить свое идеальное человеческое начало. Сперва облегчить себе задачу, а затем постепенно привлекать в свой круг людей *более чуждых.* – Но сперва сформировать свой круг, остальных гнать прочь.

Быть может, так мы придем к состоянию, которое обнаружит селективную целесообразность лишь через тысячелетия и для куда более слабого человечества! (какова мера их интеллекта! = световая расточительность солнца и т.д.)

10[B39]

Я мучительно *справедлив*, потому что это позволяет сохранять *дистанцию.*

10[B40]

я не выношу близости харкающего человека

10[B41]

Какие человеческие качества неблагоприятны для селекции, то есть не вызывают предпочтения у женщин? Книги – вот средство, чтобы *все же* передать их потомству.

10[B42]

И у людей необходимы *эксперименты*, как в дарвинизме!

10[B43]

Помешательство без бредовых представлений (Affective Insanity)

а) Импульсивное помешательство, когда человек должен безвольно повиноваться. Manie sans délire.

(возможно, как абортивная или замаскированная эпилепсия?)

10[B44]

Негр прячет фетиш под своим платьем, если не должен чего-то видеть.

10[B45]

У островитян Южного моря аристократия бессмертна, а граждане нет.

10[B46]

1) Мой *успех* у экзальтированных умов: от него я быстро устал и потерял доверие.

2) Я никогда не жаловался на невнимание, и мне неведомо это чувство.

3) Надеюсь *постепенно* приблизиться к высшим натурам, но вряд ли знаю, *где* они и есть *ли* они здесь! До сих пор я всегда преодолевал даже своих хвалителей и хулителей, поднимаясь на следующую ступень (и преодолевая *себя*).

10[B47]

Возвышенные натуры стремятся *воспарить* туда, где останавливается их фантазия, — им так хочется выйти *за свои пределы.*

10[B48]

Спенсер полагает, что человечество *незаметно* подошло ко всему правильному, что было ему необходимо, — к суждениям, совпадающим с *истиной*!! Чушь! Совсем наоборот!

10[B49]

Бисмарк, заслуга которого в том, что он испортил немцам удовольствие от европейских партийных шаблонов.

10[B50]

Теперь мы можем радоваться! Мы прогнали призраков и обрели право на свое *безрассудство*: мы *не хотим больше* быть умнее, чем мир!

10[B51]

Отдельная личность действительно может теперь достичь счастья, недоступного для всего человечества. Прежняя аристократия: теперь годна лишь на то, чтобы *воспринимать* других как рабов, как наше *удобрение*.

10[B52]

Я желаю науке немного *праздничности* — сейчас настало веселье, поскольку больше нет никаких *забот*. Полагаю, что скоро тут будет *преизбыток духа*, который следует *растратить*!

10[B53]

До сих пор мы *усложняем* себе вещи (например при перенаселенности), потому что не отваживаемся применить свои новые ценностные оценки. Скоро мы *заметим* по жизни, что *живем* с преизбытком духа!

10[C54]

§1. Человек познания, его становление, его перспективы.
§2. Прамораль.
§3. Христианство.
§4. Мораль времени (сострадание).
§5. Ориентация в ближайшем окружении, сословиях, народах и т.д.
§6. Афоризмы об аффектах.

10[D55]

Сначала в своих интеллектуальных страстях имеешь добрую веру; когда приходит лучшее понимание, появляется *упрямство*, мы не желаем сдаваться. *Гордость* твердит, что нам достанет духа, чтобы вести и *свое* дело. *Высокомерие* презирает возражения как более низкую, жестокосердную позицию. *Сладострастие* приписывает себе и радости *в* наслаждении и очень сомневается, что лучшее понимание способно на что-либо подобное. Сюда же следует добавить *сочувствие* кумиру и его тяжелому жребию, оно запрещает пристально вглядываться в его несовершенства; то же и даже еще больше делает *благодарность*. Но больше всего

задушевная близость, *верность*, разлитая в воздухе вокруг виновника торжества, общность счастья и опасности. Ах, а его доверие к нам, его раскрепощенность перед нами, все гонит мысль о том, что он может быть не прав, как предательство, бестактность с нашей стороны.

10[D56]

Если бы добро было добрым само по себе, это было бы ограничением всемогущества бога: он творец всего, одно разрешает, другое запрещает тому, кого сотворил, дав ему силу *и на то, и на это*. Если бы это было добрым и злым само по себе, то не было бы необходимости в божественных заповедях и запретах. Если бы они распознавались сами по себе, человек не нуждался бы ни в боге, *ни в священнике*. Вот почему они заявляют: мораль следует понимать только как веление бога, а *не* исходя из пользы и вреда от совершающего поступок. Эту позицию, с которой критикуют поступки, они отвергают.

10[D57]

«красота завтрака»

10[D58]

Разве мораль священника *больше*, оттого что он постоянно ориентирован на интересы церкви, а собственными, напротив, пренебрегает? И не есть ли такое восприятие, рассматриваемое как большой комплекс, всего лишь еще одна *разновидность* самости *с еще большей гордыней*? И не так ли это у матери по отношению к своему ребенку? У граждан по отношению к своему государству? Этот «самоотказ» является абсолютно мнимым: человек живет ради **своей** *страсти*! и жертвует от себя чем-то гораздо меньшим!

10[D59]

Мода считать *моральным* человека, совершающего основанные на симпатии и бескорыстии поступки, пошла в Европе, очевидно, от христианства. А так моральным считали того, кто сильнее чувствует свою ответственность за собственное благо, за свои высшие интересы, того, кто говорит «я» еще чаще, чем все остальные, — даже если он

жертвует другими ради себя, подобно великим завоевателям. Никому не причинять вреда, быть максимально полезным другому, себе, однако, больше всего – это не считалось моральным, потому что рассматривалось как нечто невозможное. И по праву! Не отвечает природе вещей возможность гармонии двух противоположных страстей. Пока мы здесь и пока мы самоутверждаемся, уготовляя себя к высшему, мы вынуждены собственные интересы ставить выше других и в этом черпать силу: *нельзя и шагу ступить, не затронув как-либо чужих интересов*. Хотя бы потому, что мы *не можем достаточно знать* их, невозможна ориентация на интересы *каждого* индивида и *всех* других. Да и с нами дело обстоит точно так же: то, что мы объявляем главным своим интересом, живет *за счет* других *наших* интересов. Эта невозможность доказана уже в нас самих. «Законность» охраны чужих прав возможна лишь в весьма грубом смысле. Ее источник в еще более тонкой несправедливости, это условие существования для *очень грубого* понятия «существования»! Однако само *желание существовать* уже несправедливо.

10[D60]

Такая подгонка, какую имел в виду Спенсер, возможна, но лишь тогда, когда каждый индивид становится полезным инструментом и только таковым себя воспринимает, то есть как *средство*, как *часть*, – а это означает *упразднение индивидуализма*, в котором каждый желает быть *целью* и *единым* целым, не теряя своей *уникальности* и в том, и в другом! Такая трансформация возможна, быть может, туда и движется история! Но тогда отдельные индивиды будут **все слабее и слабее** – а это уже история *заката человечества*, где царит принцип незаинтересованности в vivre pour autrui[1] и для социальности! Когда индивиды становятся сильнее, то общество обязательно оказывается в *чрезвычайном положении*, в котором всегда нужно ждать больших изменений: *постоянно* вести *предварительное существование*.

---

1 жизни для других (*фр.*)

10[D61]

Еще один шаг в чувстве реального — и оно подавит авантюрное начало, свободный полет, станет непозволительным утверждать нечто на основе незначительных знаний и слабых аналогий и строить предположения, исходя из этих утверждений. Спонтанная избыточная сила попадает под гнет предосторожностей, сбора материалов, скепсиса в оценке отдельных экземпляров. Итак, интеллектуальный имморализм *необходим* до какой-то неопределимой степени.

10[D62]

У Мильтона и у Лютера, где музыка неразрывна с жизнью, ущербное, фанатичное развитие разума и необузданность в брани и ненависти вызваны, возможно, недисциплинированностью музыки.

10[D63]

Насколько действующий *недобросовестен* по отношению к себе самому? —

Разум, заранее просчитывающий третье, четвертое, пятое последствие какого-либо поступка, должен все же когда-то остановиться и действовать наугад, т.е. с чувством неполноценного осознания следствий, однако так, словно он уверен в них: рисковать с решительной миной безусловного понимания, т.е. играть роль или обманывать себя, заставив умолкнуть свою интеллектуальную совесть.

10[D64]

Неправедный фон у благороднейших, например у Христа.

10[D65]

Совокупность моральных качеств у каждого человека в разных соотношениях: это имена для *неизвестных конститутивных* отношений *физических факторов*.

10[D66]

Необходимость вызвать нарастающее, *наполняющее* волнение через волнение *опустошающее* (дать волю гневу,

мыслям о мести и т.п.). Пример: страдающий головной болью, вокруг которого идет шумный праздник, в конце концов из-за слишком сильной боли направляет свои мысли на врага и мысленно причиняет ему боль — либо обрушивается с кулаками на себя самого. *Неморальное* является здесь *физически необходимым целительным средством* от безумия: пример того, как *неморальные* действия обретают ценность *факторов здоровья.*

10[D67]

Объект и субъект — ошибочное противопоставление. Это не отправная точка для размышлений! Язык вводит нас в заблуждение.

10[D68]

Жан Жерсон: «Бог хочет определенных поступков не потому, что они хороши, но они хороши, потому что он их хочет, а другие действия злы, потому что он их запрещает». Иезуиты.

10[D69]

Различать цель действия и цель того, кто действует.

10[D70]

Эскобар: «в действительности, размышляя о различиях в моральном чувстве, я нахожу в них благодатное воздействие (effet) провидения, поскольку разница мнений помогает нам *легче нести* бремя господне».

10[D71]

Самый лучший и самый духовный человек удалил с глаз своих *грубо* оскорбляющего его *взор*, обманывающего, намеренно говорящего себе «да» (за счет других) человека, он укрылся в таких тонких и таинственных сферах, где тот элемент *проявляется* как ангельский. Он самый изощренный и неправедный, он научился *подменять свою неправедность внешним видом.*

10[D72]

99 процентов всего «творчества» — это подражание, в звуках или мыслях. Воровство, более или менее сознательное.

10[D73]

Будьте десятикратно холодны и нелюбезны по отношению к кому-либо, и в конце концов это станет вашим законом, вашей повседневной нормой.

10[D74]

Чрезмерное потребление музыки и спиртных напитков, от которого страдают умственные способности народа, тогда как аффекты усиливаются, — так что, по достовернейшим данным, немцы превосходят по числу самоубийств все н<ароды>, а именно в отношении к очищению расы.

10[D75]

Мы вступили в век *дипломатической искусности*. Никто уже не верит в обещания, в основательность исследования чрезвычайных положений, в длительную неизменность в расстановке властных сил, все импровизируют и работают с притворным благоприятствованием то одному, то другому мнению и партии. Цель уже не оправдывает неправедные средства, но все очень быстро забывается.

10[D76]

Мы можем рассматривать нашу «духовную деятельность» целиком и полностью как *воздействие, оказываемое на нас* объектами. Познание не есть деятельность субъекта, оно лишь кажется ею: это изменение нервов, вызванное *другими вещами*. И лишь потому, что мы обманываем *волю*, говорим «я познаю» в смысле «хочу познать и, следовательно, делаю это», мы переворачиваем дело, видя активное в пассивном. Но опасны и слова «пассивное» и «активное»!

10[D77]

Те формы познания суть продукты воздействия на нас других вещей. Мы наделяем ими все вещи, поскольку

все вещи наделили ими нас. Наша деятельность мнимо продуктивна.

10[D78]

Как мал круг идеализма у молодых людей! Они так мало думают об общении, чести, продвижении, влиянии. Да, они во *всем* банальнее, потому что их энергия и их взлет *растрачиваются* по пустякам. И как они обманчивы, когда *на это* падает взор другого!

10[D79]

Процесс дополнения (например, когда мы полагаем, что видим в движении птицы движение), немедленное *уплотнение* происходит уже в чувственных восприятиях. Мы всегда формулируем *целого* человека из того, что видим и знаем о нем. Мы не выносим *пустоты* – вот причина бесстыдства нашей фантазии: как мало она связана с истиной, как не приучена к ней! Мы *ни секунды* не довольствуемся познанным (или познаваемым!). *Игровая обработка материала* – наша постоянная основная деятельность, то есть постоянные упражнения в фантазии. Сколь сильна эта деятельность, доказывает игра зрительного нерва, когда наши глаза закрыты. Точно так же мы читаем, слышим. Слышать и видеть *точно* – это очень высокая ступень культуры, мы от нее еще очень далеки. Никто даже не чувствует здесь *лжи*! Эта спонтанная игра силы воображения есть основа нашей духовной жизни: мысли *являются* нам, *осознание*, отражение процесса в процессе – это всего лишь относительно редкое *исключение*, может быть, преломление контраста.

10[D80]

Захария, 9:9.

Иисус должен въезжать на навьюченной ослице и на молодом осле. Первая – это иудеи, которые верят в него: они несли ярмо закона. Молодой осел – это язычники, жившие в беззаконии: Христос обуздал их своим словом, и они послушно легли, позволив нагрузить на себя все, что он хотел.

Тайная вечеря (евхаристия). Жертвенный пшеничный хлеб был предназначен тем, кто хотел очиститься от проказы.

10[D81]

Борьба за толкование Ветхого Завета: по александрийской методе он целиком трактовался как *книга христианского учения*.

В борьбе с евреями, которые иначе излагали мессианские места. Юстин высмеивает их экзегетические кунстштюки.

10[D82]

Мир без субъекта — мыслимо ли это? Но представьте себе теперь, что вся жизнь вдруг уничтожена, почему бы тогда всему остальному не продолжить спокойно движение, оставаясь точно таким, как мы видим это теперь? Я не имею в виду, что так оно и было бы, но не вижу причин, не позволяющих представить себе это. Предположим, что цвета субъективны, — *ничто* не мешает нам *мыслить* их *объективными*. Вероятность сходства мира с тем, каким он является нам, вовсе не исчезает оттого, что мы признаем субъективные факторы.

Мысленно убрать субъект означает желание представить себе мир без субъекта, это противоречие: представлять без представления! Возможно, существуют сотни тысяч субъективных представлений. Уберем наши человеческие — тогда останутся представления муравья. А если мысленно исключить всю жизнь, оставив лишь муравья, бытие и впрямь будет зависеть от него? Да, *ценность бытия* зависит от воспринимающего существа. А для человека бытие и ценное бытие чаще всего одно и то же.

10[D83]

Человек в конце концов открывает *не* мир, а его осязательные органы и щупальца, а также их законы — но разве их существование не является достаточным доказательством реальности? Думаю, зеркало *доказывает* вещи.

10[D84]

Они облегчают себе задачу, пытаясь понять меня на переходе в другую крайность, — они не замечают ни продолжения борьбы, ни случайных, исполненных блаженства пауз в борьбе, не замечают, что эти ранние сочинения порождены теми восхитительными минутами затишья, когда борьба казалась оконченной, а человек начинал задумываться о ней и успокаиваться. Это была иллюзия. Борьба продолжалась. Радикальность языка выдает волнение, которое только что отбушевало, и попытку насильно удержать иллюзию.

10[D85]

Высшая ценность фантазирующего мышления (некоторые называют его также продуктивным мышлением) заключается в придумывании возможностей и отработке механизмов чувств, которые затем можно было бы использовать в качестве инструментов для исследования настоящего бытия. Все это сперва должно быть как бы угадано путем всевозможных опытов и добыто благодаря случаю. Все *механизмы* в этой большой работе строгого исследования сперва установлены и разучены в качестве «истины». Поэтому все еще так желательны поэты и метафизики, они ищут *возможный* мир и находят то там, то сям нечто пригодное. Это тоже опытные станции. Слепые звери, которые постоянно тыкаются вокруг себя, пытаясь что-нибудь съесть, *открывают* продукты питания (но и легче погибают или вырождаются). Другие же звери живут, питаясь *признанными* продуктами.

10[D86]

На стороне первых христиан не было ни малейшего понимания преимущественных прав Израиля и ветхозаветных институтов.

10[D87]

NB. Продолжение самого свободного познания и жизнь с *временным* характером!

10[D88]

19 век, реакция: поиски *основных принципов* всего того, что обладало *стабильностью*, стремление доказать его *истинность*. Стабильность, плодотворность и чистая совесть считались индикаторами истины! Таков консервативный настрой: они собирали все, что еще не было подорвано, эгоизм собственника служил сильнейшим доводом против философии 18 века: для неимущих и недовольных существовала *еще* церковь да, пожалуй, искусства (для отдельных, особо одаренных еще и культ гения в знак благодарности, если они работали на консервативные интересы). С помощью *истории* (новое!!!) было *доказано*, что люди *восторгаются* великими плодотворными комплексами, культурами (*нациями*!!!). Невероятно велика *доля исследовательского рвения*, а также *почитания*, обрушенного на прошлое: новейшей философии и естествознанию *достались крохи*! — — Теперь новый **ответный удар**! История доказала *в конце концов* нечто иное, чем от нее ждали, проявив себя надежнейшим средством уничтожения тех самых принципов. Дарвин. С другой стороны скептический историзм как следствие, сочувствие. В истории мы *лучше* узнали ее *движущие* силы, а не свои «прекрасные» идеи! Социализм обоснован *исторически*, точно так же и национальные войны из истории!

10[E89]

Поступать и думать как многие, как все — это дает чувство власти. «Как никто» — это знак ч<увства> в<ласти>. — Моральные предписания — это подпорки для индив<идов>, которые не сознают себя строго индивидуально и должны иметь нормы вне себя.

10[E90]

Долг — это принуждение, *отчасти идущее в убыток* нашему инд<ивиду>, а *отчасти* одобряемое им.

10[E91]

Совсем не обязательно любить животных, *чтобы* ненавидеть людей. Как Шопенгауэр. Вспомните Вольтера, первого, кто —

10[E92]

Вагнер первым в наше время устремился к высшим целям на пути *соединения* искусств. Он начал экспериментировать в этой области.

10[E93]

Наш чувственный мир на самом деле не существует вовсе, он противоречит себе самому: это обман чувств. Но что тогда чувства? Причины обмана должны быть реальны. Но мы знаем о чувствах только через чувства, что тоже входит в мир обмана. Следовательно, *обманывает нечто, нам не ведомое*, и его первый обман – чувства. Сюда же относится наша множественность – но как нам обратить обманчивые образы в знание об обмане? Как узнать воображаемому образу о том, что он воображаем? – Следовательно, мы должны быть также *тем, что обманывает*, т.е. должны существовать также реально, а наше сознание должно исходить из того, что мир – это обман, чисто логически: это каким-то образом *мы сами*. Итак: каким образом реальная реальность может быть причиной обманчивого мира? – Она должна в нем *нуждаться*: быть может, истинное терзается, подобно художнику, и ищет избавления, отвлечения в сладостных образах и представлениях; истина – это, возможно, *боль*, а видимость – смягчение этой боли, перемена – это метания сильно страждущего, который ищет более удобное положение. А может быть, истинное *переполнено удовольствиями*, выплескивающимися в фантазиях, как у художника (рождение трагедии). Мир как эстетический феномен, вереница состояний у познающего субъекта: фантасмагория по закону каузальности. То, что интеллектуальный процесс проявляется лишь в царстве животных и без животных не могло бы быть никакого мира, тоже следует отнести сюда, к той же театральной игре, которую субъект разыгрывает перед самим собой: это иллюзия. История – это не более чем мнимость, а каузальность – средство для *глубины* воображения, кунстштюк, позволяющий обманываться иллюзией, тончайший аппарат артистического обмана.

10[E94]

Перевернутый мир: инкубатор фанатизма.

Большей частью жить и поступать в неверии, как христианин, но в отдельные моменты осуждать свою жизнь и себя самого — это проклятое состояние, в котором жизнь не может ничего стоить, чтобы фантазии немногих непривычных минут *казались* раскрывающими значение бытия! Мы не желаем больше терпеть в философии такой образ мышления, который в малом или большом бреду видит судью и обвинителя бытия, мы сопротивляемся тому, чтобы это мышление продолжало жить, укрывшись под покровом искусства. — Нам здесь не хватает терпимости? Опять фанатизм? — Сперва взгляните, что мы хотим сделать: ничего более, чем перестать *заботиться о перевернутом мире.*

10[E95]

Мир, насколько мы можем его распознать, — это наша собственная нервная деятельность, и ничего более.

10[E96]

Другие религии выступают против действительных зол, христианство против зол моральных (отчасти мнимых).

10[F97]

Усталость несет мыслителю одно преимущество: она позволяет проскользнуть и тем мыслям, в которых мы не признались бы себе при большем самоконтроле и, следовательно, при большей маскировке. Нам уже лень что-то себе демонстрировать — и смотрите! истина нисходит на нас.

10[F98]

Амур и Психея. — Когда взор чересчур бесстыдно устремлен на чувственные утехи, то удовольствие очень скоро становится противным. Следовало бы, как это умели греки, примешивать сюда богов и фантазии, затуманивая грубый взгляд; нужно уметь забывать или по крайней мере никогда не называть многие вещи прямо по имени; удовольствие должно застать интеллект врасплох, когда он спит или погружен в мечты.

10[F99]

«Ты счастливчик! Каждый раз, когда твой характер достигает высшей точки своего прилива, того же достигает и твой интеллект». В: Ты кое-что забыл!

10[F100]

Свойства вещи вызывают наши *ощущения*, например что это серое, а также форма, вид движения, прежде всего ее наличие как тела и субстанции — все связано с ощущениями удовольствия и неудовольствия и, следовательно, с доверием, склонностью, стремлением к сближению либо страхом и т.д. Одна и та же вещь благодаря различным своим качествам может и привлекать нас, и внушать ужас. *То, что* качества эти вызывают такие ощущения, есть суждение — а это *суждение* предполагает опыт и веру в тождественность в опыте. Наконец, и самый древний опыт опять-таки предполагает суждение, то есть *трактовку раздражения*, так что оно оказывается либо удовольствием, либо горестью. «Преумножит этот раздражитель нашу силу или умалит ее?» Короче говоря, суждение — это источник, в котором возникает или ослабевает ощущение силы. — Итак, в конечном итоге воздействие вещей бывает приятным и неприятным, в зависимости от того, верим мы в подпитку нашей силы или нет. Однако *вера* эта не может опираться на предыдущий опыт, она должна происходить из возникающего при этом ощущения силы. В силу верят, *когда имеют ощущение силы. Ощущение силы служит доказательством силы.* С таким доказательством чувство возбуждения превращается в удовольствие. Итак, все свойства вещей есть на самом деле раздражения в нас, которые отчасти умножают ощущение силы, отчасти умаляют его: всякая вещь есть сумма суждений (опасений, надежд, что-то внушает доверие, что-то нет). Чем больше мы знаем физику, тем *менее фантастична* сумма суждений (ложные составляющие выпадают, например «все, что черно, опасно»). — В конечном итоге мы понимаем: вещь — это сумма возбуждений в нас, *но поскольку мы не есть нечто постоянное, то и вещь не является суммой постоянной.* И чем больше постоянства умеем мы вложить в вещи, — — —

10[F101]

В доказательство того, что и скептик нуждается порой в необузданных мечтаниях, чтобы затем вновь смиренно вернуться в страну «может-быть-а-может-и-нет», хочу поведать, какие тезисы принесли мне недавно парящие в облаках голуби. Во-первых: самая обычная форма знания — бессознательная. Осознание — это знание о знании. Ощущение и сознание имеют много общего в самом главном и могут совпадать. Первое зарождение ощущения является зарождением знания о знании: процесс, в котором нет ничего трудного и таинственного, поскольку он задает знанию лишь перемену направления — для этого достаточно случайных импульсов, а их, очевидно, можно угадать. До того, как появилось ощущение, уже давно — а именно всегда — существовало знание: распознавание и заключение как его функции. Знание есть свойство всех движущих сил — все сводится к тому, что это свойство материи, если только мы знаем, что есть материя: движущая сила мыслится как предубеждение наших чувств, так что сила и материя — это одно, обозначаемое либо само по себе, либо относительно наших чувств, как граница нашего восприятия силы. Движущие силы не есть нечто последнее и сопротивляющееся анализу, как полагал Шопенгауэр, который понимал их как «волю»: мы можем еще понятийно обособить в них знание как их свойство; без распознавания и заключения нет импульса, нет понуждения и воли. Интеллект (а не ощущение) — это врожденная «сущность вещей»; ощущение — это случай в истории его направлений, в нем нет ничего нового. Чтобы понять первые тезисы механики, следует дать движущим силам распознавание и заключение — но не осознание, не ощущение. Распознавание и заключение предполагают множественность, но однородность сил, по крайней мере их дуализм. Ошибка в распознавании и заключении стала возможной лишь с появлением ощущения. — Вот так! А теперь летите назад, вы, голуби, и отдайте облакам, что им причитается!

11. Весна–осень 1881

11 [1]

Выработать в себе безразличие к похвале и порицанию; рецепты для этого. В противовес образовать кружок, который знает толк в наших целях и критериях и обозначает *для нас* похвалу и порицание.

11 [2]

Расширить понятие питания; правильно распорядиться своей жизнью, не так, как это делают те, кто думает лишь о сохранении себя.

Мы не должны позволить своей жизни выскользнуть у нас из рук по причине наличия «цели»: нужно собрать урожай плодов *всех* наших времен года.

Мы хотим гнаться за другими, за всем, что вне нас, как за своей пищей. Подчас это оказывается плодами, поспевшими как раз для нашего года. – Но всегда ли следует иметь только эгоизм разбойника или вора? Почему бы не садовника? Радость от ухода за другими, как за садом!

11[3]

Прежде полагали, в алхимии, что все можно объяснить *моральными* понятиями (родство, дружбу, инстинкт и т.д.). Царство морали все время сужается.

Употреблять, к примеру, единственный медикамент (например хинин) и его «*моральный*» эффект!

11[4]

Ларошф<уко> заблуждается лишь в том, что оценивает мотивы, которые считает истинными, ниже остальных, мнимых, т.е. *по сути он еще верит* в остальные, устанавливая

соответствующие *критерии*: он умаляет человека, считая его *не способным* на определенные мотивы.

11[5]

Наш инстинкт в любом случае хватается за то ближайшее, что ему приятно, а *не* за то, что полезно. Есть, правда, множество случаев (главным образом из-за естественного отбора), когда что инстинкту приятно, то и полезно! — Человек, высокомерный даже тогда, когда чувствует причины и цели, в морали закрывает глаза перед приятным: *он* хочет, чтобы его поступки предстали следствиями разумного стремления к долговременной пользе, *моментально-приятное* он презирает — хотя *именно оно* и является рычагом всех его сил.

Фокус счастливой жизни в том, чтобы *найти положение*, в котором моментально- приятное является также долговременно-полезным, когда чувства и вкус называют добром то же, что считают добром разум и осторожность.

11[6]

Образ жизни женщин, которые в большинстве не работают и их кормят, можно было бы *тотчас* обратить в философское существование! Но взгляните на них перед витриной, заваленной украшениями и бельем!

11[7]

Главная мысль! *Не* природа вводит нас, индивидов, в заблуждение, добиваясь своих целей через наш обман, но индивиды устраивают все свое бытие по индивидуальным, т.е. ложным, критериям; таким образом мы претендуем на правоту, а обманщицей должна предстать «природа». В истине нет *индивидуальных истин*, есть только индивидуальные *заблуждения*, да и сам *индивид - заблуждение*. Все, что в нас происходит, само по себе является *чем-то другим*, тем, чего мы не знаем: именно мы вкладываем намерения, и обман, и мораль в природу. — Я различаю, однако, между воображаемыми индивидами и истинными «жизненными системами», с которыми един каждый из нас; все смешано в одну кучу, тогда как «индивидуум» — это только сумма осознанных ощущений, и суждений, и заблуждений, *вера*,

кусочек настоящей жизненной системы или множество ее фрагментов, которые мыслятся и выдумываются вместе, некое «единство», которое оказывается несостоятельным. Мы почки на одном дереве — что мы знаем о том, что может статься с нами в интересах этого дерева! Но у нас есть сознание, будто мы хотим и должны быть *всем*, бредни «Я» и *любого* «не-Я». *Перестать ощущать себя подобным фантастическим эго!* Постепенно научиться *отбрасывать мнимый индивид!* Открывать заблуждения эго. Видеть *в эгоизме заблуждение!* И не противопоставлять ему альтруизм! Это было бы любовью к *другим мнимым* индивидам! Нет! **Выйти за пределы** *«меня»* и *«тебя»*! **Ощущать космически!**

11[8]

Эгоизм, как всеобщую «манию величия», тоже следует выводить из физиологии.

11[9]

Культивировать злые, но необходимые инстинкты так же, как и притворные (в искусстве), то есть безопасно. Искать *параллели* к «искусству».

11[10]

Желание познать вещи такими, какие они есть, — только это является *добрым* устремлением, а не внимание к другим, не взгляд чужими глазами, что было бы всего лишь *переменой места* эгоистичного видения! Мы хотим исцелиться от великого безумия, *все измеряющего нашей мерой:* любовь к себе — это ложное, слишком узкое определение; ненависть к себе и все аффекты непрерывно порождаются тем же образом — словно все *стремится к нам.* Идешь по переулкам и думаешь, что каждый взгляд предназначен тебе, — а что было бы, если бы какой-то взгляд и какое-то слово и впрямь относились к нам! — Это касается *нас* не более того, чем когда взгляд и слово относятся ко второму: мы должны уметь индивидуально оставаться столь же безразличными! Умножение безразличия! И *упражняться в умении* смотреть *другими* глазами — исключая человеческие отношения, то есть смотреть *по-деловому!* Лечить человека от мании величия! Откуда оно? От *страха:* все

духовные силы должны все время быстро перескакивать к личному видению. А это уже животное страдание. Противоположность высшего эгоизма — *отнюдь не* любовь к другому!! А нейтральный, объективный взгляд! *Страсть к «истинному»* вопреки всем личностным соображениям, вопреки всему «приятному» и неприятному есть высшая страсть — а потому встречается пока крайне редко!

11[11]

Нужно внушить людям мужество к новому большому **презрению**, например по отношению к богатым, чиновникам и т.д. Всякая *неличная* форма жизни должна считаться пошлой и презренной.

А. Сколько мне нужно для приятной и здоровой жизни?

Б. Как обрести это, чтобы процесс обретения был здоровым и приятным, чтобы оно отвечало моему духу, тем более как отдых?

В. Как мне думать о других, чтобы как можно лучше думать о себе и расти с ощущением власти?

Г. Как заставить других признать мою власть?

Д. Как организует себя новая аристократия в качестве власть имущего сословия? Как она проводит границу между другими и собой, не превращая себя в их неприятелей и врагов?

11[12]

Что предшествует действию, осознающему свою цель, например в сознании, когда образ жевания предваряет жевание, совершенно не выяснено; если я сделаю научные уточнения, это не окажет влияния на само действие. Производится бесчисленное множество отдельных движений, о которых мы ничего до того не знали, и *ум* языка, к примеру, гораздо больше, чем *ум нашего сознания* вообще. Я отрицаю, что эти движения производятся нашей волей,

они разыгрываются и *остаются неведомы нам*, даже процесс их мы способны постичь лишь в символах (осязания, слушания, видения цветов) и отдельных фрагментах и моментах – но его суть, как и продолжающийся *процесс*, остается нам чуждым. **Быть может, фантазия противопоставляет** нечто истинному процессу и истинной сущности, некие **измышления**, которые мы *привычно* воспринимаем как сущность.

11[13]

Мы слышим мало и не наверняка, если не понимаем языка, на котором говорят вокруг нас. То же с чуждой *нам* музыкой, вроде китайской. *Хорошо* слышать означает, вероятно, беспрерывное *угадывание* и *дополнение* немногих истинно воспринимаемых ощущений. *Понимание* – это поразительно быстрая фантазия и процесс умозаключения: по двум словам мы угадываем предложение (при чтении), по одной гласной и 2 согласным слово на слух, многие слова мы даже *не* слышим, хотя *полагаем*, что слышали их. – Что *произошло* на самом деле, трудно сказать на основе *видимости*, потому что мы постоянно при этом сочиняем и заключаем. В разговоре с людьми я часто видел перед собой выражение их лиц с такой ясностью, с какой их не могут воспринять мои глаза: это была фикция, вызванная их словами, истолкование посредством мимики.

Я подозреваю, что мы видим лишь то, что *знаем*; наш глаз постоянно упражняется в обращении с бесчисленными формами: бóльшая часть образа – это не чувственное впечатление, а *продукт фантазии*. Из чувств берутся лишь мелкие поводы и мотивы, которые затем подвергаются воздействию фантазии. *Фантазию* следует поставить на место *«бессознательного»*: это не неосознанные заключения, а скорее *подбрасываемые возможности*, которые дает фантазия (когда, например, барельеф обращается для зрителя в рельеф).

Наш «внешний мир» – это *продукт фантазии*, причем предыдущие фантазии вновь идут в ход как привычные заученные действия. Цвета и звуки – это тоже фантазии,

у них нет точного соответствия механическому, истинному процессу, они отвечают нашему индивидуальному состоянию. — —

11[14]

Я: не путать с органическим чувством единства. —

11[15]

Смутный, хитрый, насильственный, с самого начала избалованный ничтожным и угодливым окружением, — он блюдет *неясность превыше всех принципов*, чтобы менять позицию в зависимости от своей выгоды.

11[16]

Мнимая целесообразность природы — в эгоизме, сексуальном влечении, когда говорят, будто она использует индивид, в излучении света солнцем и т.д. — все это вымысел! Возможно, это последняя форма представления о *боге* — но бог этот не очень умен и весьма немилосерден. У Леопарди природа — злая мачеха, у Шопенгауэра — «воля». — Быть может, подобными мнимыми целесообразностями можно прояснить целесообразную деятельность человека. Мы чего-то достигаем, но то, чего мы достигаем и что происходит при этом, *тотально отличается* от образа, уже сложившегося в голове субъекта воли, — и нет никакого соединяющего моста. «Я ем, чтобы насытиться» — но что я *знаю* о насыщении! В действительности мы достигаем насыщения, но не *хотим* его — временное удовольствие, испытываемое с каждым укусом, пока голод не будет утолен, — таков мотив: не намерение «чтобы», а проба при каждом укусе, вкусно *ли* все еще. Наши действия — та же *проба* по удовлетворению тех или иных инстинктов, вплоть до самых запутанных, игровые проявления тяги к деятельности, превратно понятые и ложно истолковываемые нами с помощью теории целей. Мы шевелим своими щупальцами — и тот или иной инстинкт находит свою добычу в нашем улове, заставляя нас поверить, будто его удовлетворение было нашим *намерением*.

11[17]

Его скверный характер следует за ним на высочайшие вершины его гения. –

11[18]

Диапазон *поэтической* силы: мы ничего не можем сделать без *свободного* предварительного *образа* (хотя мы и не знаем, как относится этот образ к действию: оно есть нечто существенно иное и протекает в *недоступных* нам областях). Образ имеет очень общий характер, это схема – мы полагаем, что это не только путеводная нить, но и сама движущая сила. Бесчисленные образы не влекут за собой активности, а мы об этом забываем: в памяти остаются те случаи, в которых происходит то, что «мы хотели». – Всякому нашему развитию предшествует *идеальный образ*, продукт фантазии: истинное развитие нам неведомо. Мы *должны* создавать этот образ. История человека и человечества протекает неведомым образом, а идеальные образы и их история кажутся нам самим развитием. Наука не может создавать их, но наука является главной *пищей* этого инстинкта: мы боимся всего ненадежного, ложного на долгое время, этот страх и это отвращение стимулируют науку. Тот поэтический инстинкт должен *угадывать*, а не фантазировать, из реальных элементов угадать нечто неизвестное: он нуждается в науке, т.е. в сумме достоверного и вероятного, чтобы сочинять на этом материале. Такой процесс протекает уже в зрении. Это свободная продукция всех чувств, бóльшая часть чувственного восприятия *угадывается*. Все научные книги скучны, когда не дают пищи этому инстинкту, стремящемуся к угадыванию: *достоверное не дает нам удовлетворения*, если не хочет быть пропитанием ему!

11[19]

Быть может, все моральные инстинкты можно свести к желанию *обладать* и желанию *удержать*. Понятие обладания постоянно утончается, мы все больше понимаем, как сложно обладать и как ловко умеет *ускользать* от нас мнимое достояние, – так мы загоняем обладание в более тонкую сферу, пока, наконец, полное *познание* вещи не станет

предпосылкой стремления к ее обладанию; часто мы довольствуемся полным познанием как обладанием, у него не остается потайных уголков, чтобы ускользнуть от нас. Поэтому познание можно считать последней ступенью нравственности. Прежние — это, к примеру, создав для себя вещь силой фантазии, полагать, что обладаешь ею целиком, как любящий с любимой, отец с ребенком, и какое наслаждение в этом обладании! — но удовлетворяемся мы видимостью. Мы выдумываем себе вещи, *которых можем достичь*, и обладание ими кажется нам чрезвычайно ценным: мы создаем врага, которого *надеемся* победить, приспосабливая его для своей гордости, и точно так же с любимой женщиной и ребенком. Сперва мы прикидываем, что мы вообще *могли бы заполучить*, — и тогда уже включается наша фантазия, делающая эти будущие достояния (а также посты, почести, связи и т.д.) чрезвычайно *ценными* для нас. *Мы ищем философию, которая подошла бы пашей собственности*, т. е. позолотила бы ее. Великие реформаторы, такие как Мухаммед, умели придать новый блеск привычкам и достоянию людей: не стремиться к «чему-то иному» призывали они, а воспринимать как нечто высшее то, что люди *хотят и могут иметь*, (открывать в этом больше разумности, и мудрости, и счастья, чем находили раньше). — Хотеть *владеть* самими собой: самообладание и т. д.

11[20]

Главный вопрос: по какому принципу составляется и меняется *скрижаль ценности* имущества? Так, чтобы одно достояние казалось желанней другого?

То, чем обладать легко (например пища), ценилось относительно *низко*. Скрижаль ценностей *совсем* **не** отвечает *степени полезности* (против Спенсера).

11[21]

Описать историю *чувства Я* — и показать, что и в альтруизме это желание обладания играет существенную роль. Показать, что не в понятии «не-Я и Я» заложен основной прогресс морали, а в обостренном постижении истинного

в другом, и во мне, и в природе, то есть все больше освобождать стремление к обладанию от видимости обладания, от вымышленных достояний, очистить чувство Я от самообмана. Быть может, все кончится тем, что вместо Я мы познаем родство и враждебность вещей, то есть *множества* и их законы, — чтобы искать *свободы* от *заблуждений* Я (альтруизм все еще такое же заблуждение). Жить не «ради других», но ради «истинного»! Не «я и ты»! Как можно стимулировать «другого» (который и сам является *суммой иллюзий*!)! Преобразовать чувство Я! Ослабить личные склонности! Приучать глаз к истинности вещей! *Пока что как можно больше* отвлекаться *от личностей*! Каков от этого будет эффект! Стремиться повелевать *вещами* и так удовлетворять свою страсть к обладанию. Не стремиться к обладанию людьми! — Но не означает ли это также ослабление индивида? Создавать нужно нечто новое: не ego, не tu и не omnes![1]

NB. Не *быть обязанным* и не *желать* стремиться к *владению* в юности! и не искать *почета*, чтобы повелевать другими! — Вовсе *не развивать* оба инстинкта! **Пусть** вещи (а не лица) **владеют** нами, и как можно больше *истинных вещей*! Посмотрим, что из этого *произрастет*: мы *пашня* для вещей. Из нас должны прорасти *образы бытия* — и мы обязаны быть такими, какими нас понуждает быть это плодородие: наши симпатии и антипатии идут от пашни, которая должна приносить такие плоды. Образы бытия были до сей поры *самым важным* — они царят над человечеством.

11[22]

Воспитание гения.

11[23]

NB! Любить науку, не думая о ее полезности. Но, возможно, она является средством сделать из человека художника в неслыханном смысле! До сих пор она должна была *служить*. — Серия прекрасных экспериментов — это одно из высших театральных удовольствий.

---

1 я ... ты ... все (*лат.*)

11[24]

NB! «Химический процесс всегда больше, чем коэффициент полезного действия», — Майер. «В хороших паровых машинах в механический эффект переходит примерно 1/20 тепла, в орудиях 1/10, у млекопитающих 1/5». К вопросу о расточительности природы! А солнечное тепло у Проктора! Государство по отношению к его пользе! Великий дух! Наша интеллектуальная работа по отношению к пользе, которую извлекают из этого инстинкты! Итак, никакой ложной «полезности в качестве нормы»! Расточительность отнюдь не упрек: она, быть может, *необходима*. Сюда же *относится* и *сила инстинктов*.

11[25]

Иннервация, согласно Майеру, «управляет мускульными действиями, вероятно, без заметных затрат физической силы, без электрического потока и вообще без химического процесса» — «как затраты сил *машиниста* есть нечто *ничтожно малое*». (Контакт — влияние моторных нервов.)

11[26]

С прогрессом цивилизации чувства людей, глаза и уши, ослабевали, поскольку *страх* становился меньше, а разум тоньше. Возможно, с *ростом надежности* не будет больше необходимости и в *тонком разуме*: он будет *убывать*, как в Китае! В Европе *борьба* против христианства, *анархия* мнений и *конкуренция князей, народов и купцов* до сих пор *утончала разум*.

11[27]

Мы вступаем в век *анархии* — в тоже время, это век самых духовных и самых свободных индивидов. Невероятно много духовной силы на переломе. Век гения: до сих пор ему мешали нравы, нравственность и т.д.

11[28]

Расстройство как *неудавшийся* выход энергии. Основной принцип: не выход энергии, каким бы мощным он ни был, приносит наибольший вред человечеству, но препят-

ствие оному. Нам следует устранять расстройства, болезненные чувства неудовольствия — но для того, чтобы иначе, благоприятнее судить о страшных моментах такого энергетического выброса, требуется *мужество*. Посягательство лучше, чем глухое раздражение. Убийства, войны и т.д., открытое насилие, зло власти следует объявить добром — тогда как зло слабости отныне следует называть *злом*.

11[29]

Выявить заблуждения позитивной философии: она хочет уничтожить анархию умов, а будет производить тупое давление неутоленного выхода энергии (как в Китае)!

11[30]

В обращении с наукой пока нет красивых и здоровых обычаев. В нее бездумно переносят привычки из других занятий, например чиновника, приказчика, садовника, рабочего. Благородное сословие потому так плодотворно в великом, что оно привнесло в него благородные нравы, из коих самым благородным является умение выносить скуку. В самом деле, человек науки вынужден ежедневно по многу часов ограничиваться собственным обществом и, поскольку идеи не всегда приходят сразу, должен принимать скуку без нетерпения. Индийцы это понимали!

11[31]

Многие наши инстинкты находят себе выход в механической силовой деятельности, выбор которой *может быть* целесообразным: без этого выброс энергии порочен и вреден. Ненависть, гнев, половой инстинкт и т.д. можно было бы *установить на машину*, заставив совершать полезную работу, например рубить дрова, разносить почту, идти за плугом. Нужно разработать собственные инстинкты. Жизнь ученого требует чего-нибудь этакого. Несколько часов в сутки необходимо освободить от размышлений. Всякое *недовольство* требует разрядки — а ручная работа как раз под боком! Либо бег, прыжки, верховая езда. Будучи мыслителем, можно быть хорошим наездником. Или командовать.

11[32]

Всеобщая история науки в конце концов дает понимание того, как совершаются самые обычные духовные отправления.

11[33]

NB! В молекуле все еще могла бы разыграться история солнечной системы, могло бы вырабатываться тепло от падения и толчка.

11[34]

Китайцы: без стыда, без предрассудков, болтливые, сдержанные: их страсти – опиум, игра, женщины. Они чистоплотны.

11[35]

Присвоить себе преимущества мертвого – никто о тебе не печется, ни за, ни против. Мысленно вычесть себя из человечества, отучиться от всяких страстных желаний и употребить весь преизбыток сил на *созерцание*. Быть *незримым зрителем*!!

11[36]

Мы где-то *посередине* – между величием мира и малостью бесконечного мира. Или атом нам ближе, чем дальний конец мира? – Не *есть* ли мир для нас лишь сумма отношений с единой мерой? И когда эта произвольная мера исчезает, наш мир *растекается*!

11[37]

Мы не знаем: а) мотивов действия, б) самого действия, которое совершаем, в) того, что из этого выйдет. Но думаем мы обо всем этом *прямо противоположное*: мнимый мотив, мнимое действие и мнимые следствия относятся к известной нам истории человека, но они оказывают воздействие и на неизвестную историю человека как соответствующая сумма трех заблуждений.

В *любом* случае существует не *одно* действие, которое следует совершить, но столько, сколько существует *идеалов* совершенного человека. Полезный, губительный –

все это не «само по себе»; идеалы – это сгустки более или менее ограниченных знаний человека. – Я отрицаю абсолютную нравственность, потому что не знаю абсолютную цель человека. Нужно знать, что такое здоровое состояние, чтобы распознать болезненное, – но здоровье само по себе есть представление, которое производится в нас самих на основе *существующего.* Спенсер, стр. 302. «Переходные состояния пронизаны нищетой, проистекающей из неприспособленности», – говорит Спенсер – и все же именно эта нищета может оказаться наиболее полезной!

11[38]

Я *ищу* для себя и себе подобных солнечный уголок посреди нынешнего реального мира, тех солнечных представлений, которые дают нам ощущение преизбытка благодати. И пусть каждый сделает это для себя, а речи для всех, для «общества» оставит в покое!

11[39]

Обремененными самими собой, как болезнью, – такими я вижу таланты.

11[40]

Предпосылкой спенсеровского идеала будущего, чего он **не замечает**, является *величайшее сходство* всех людей, так что каждый действительно видит себя в alter[1]. Только так и возможен альтруизм! Я же думаю о неизменно сохраняющемся *несходстве* и максимально возможной *суверенности* отдельной личности: альтруистические удовольствия должны стать редкостью либо *обрести форму радости от другого,* подобно нашей *нынешней радости от природы.*

11[41]

Появление мыслителя и опасности, которые обычно губят это явление: 1) родители хотят сделать из него себе подобного; 2) его приучают к занятиям, которые отбирают у него время и силы для раздумий; профессии и т.п.; 3) его воспитывают для расточительного образа жизни, на ко-

---

1 другом (*лат.*)

торый он опять-таки должен тратить много сил, чтобы обеспечивать необходимые средства; 4) его приобщают к утехам, заставляющим потускнеть радости мышления и внушающим представление о неудобствах мыслителя и его трудов в наши дни; 5) половой инстинкт побуждает его связать свою жизнь с женщиной и жить *ради* детей — а не ради себя самого; 6) его талант приносит ему почет, что, в свою очередь, приводит его к влиятельным персонам, заинтересованным в превращении его в инструмент; 7) радость от успешных научных занятий уводит его от дальнейших целей: он цепляется за средства, забывая о целях. — Из этого можно вывести максимы воспитания независимого мыслителя. И предписания, чтобы запечатлеть эти предписания *наиболее действенным образом* (а именно: *удаление* от опасности, *принуждение* думать благодаря незанятости *остальным* и т.д.). Для меня важно *сохранить мой образ жизни*!!! —

11[42]

Изложить однажды всю тиранию *целесообразности вида*! Как! Мы должны ее еще и стимулировать? А не *отвоевывать как можно больше* в пользу индивида? Вся мораль должна быть заключена в этом: что наследуется всем видом, то и составляет ценность? — Давайте взглянем на *случайные приплоды*, которые должны при этом появиться, — не происходит ли здесь нечто, противоречащее идеалу вида, если предположить, что он однажды будет достигнут!

11[43]

Прославляющие целесообразность селекции (как Спенсер) полагают, что знают, какова роль *благоприятствующих обстоятельств* для развития! Не причисляя к этому *зло*. И что стало бы с человеком без страха, зависти, стяжательства! Его бы больше не существовало — и если мы будем представлять себе богатейшего, благороднейшего и плодотворнейшего человека *без* зла, то впадем в противоречие. Всеобщая благожелательность по отношению к гению и его собственная благожелательность — от этого гений должен *ужасно* страдать, потому что вся его плодотворность эгоистично хочет питаться за счет других, господствовать над ними, высасывать из них соки и т.п. Ко-

роче говоря, если сейчас добродетельный человек страдает от силы эгоизма, то *тогда* он будет страдать от силы альтруизма: всякое действие будет для него отравлено, поскольку *идет вразрез* с его главной склонностью и кажется ему злом. Сделать что-то для себя, убрать помеху со своего пути — все это вызывало бы у него угрызения совести; *удовольствие* проявлялось бы при вытеснении творческой страсти, на смену которой приходит *общее* ощущение. Возможно было бы и прекрасное, неподвижное, подпитываемое со всех сторон, процветающее человечество, но совсем иное, чем *наше лучшее* человечество, — а для этого тоже кое-что следует сделать действенным.

Впрочем, индивид мог бы во многих моментах *опередить* чудовищно долгий процесс селекции и предварительно продемонстрировать человека в своей цели — мой идеал! *Устранить* неблагоприятные обстоятельства, отстранив *себя* самого (одиночество). Обдумать *выбор* влияний (природа, книги, высокие события)! Хранить в памяти только благожелательных противников! Самостоятельных друзей! Изгнать из поля зрения все низшие ступени человечества! Либо не желать видеть и слышать их! Слепота, глухота мудреца!

11[44]

Предвосхищающие. — Я сомневаюсь в том, что тот *долговечный человек*, которого произведет наконец целесообразность видового отбора, будет стоять намного выше, чем *китаец*. Среди приплодов много *бесполезных* и, с точки зрения той самой цели вида, преходящих и *бездейственных* — но *более высоких*: нам следует обратить на это внимание! Освободимся же от *морали* целесообразности вида! — Очевидно, цель в том, чтобы сделать человека столь же однородным и стабильным, как это уже произошло с *большинством животных видов*: они *приспособлены* к условиям земли и т.д. и в сущности не меняются. Человек же еще меняется — он в процессе становления.

11[45]

Наибольшие влияния мы не упустим из виду: мы все еще в состоянии извести расу до основания, поскольку мерим результаты воздействия по индивидам, в крайнем

случае по векам. К примеру, не являются ли кофе или алкоголь ядами, которые при *регулярном* потреблении, как это заведено, через 2000 лет уничтожат человечество?

11[46]

«Рудиментарные люди» — те, кто уже не служит целесообразности вида, не став, однако, самостоятельными существами.

Нецелесообразность в отношении вида, но пока не в отношении к малым комплексам и *не* в отношении к индивиду! Являются ли цели индивида *необходимым* образом целями вида? Нет. Индивидуальная мораль: вследствие случайного выброса в этой игре в кости появляется существо, которое ищет *свои* условия существования, — давайте воспримем *его* всерьез и не будем дураками, *принося жертву во имя неизвестности*!

11[47]

Инстинкт собственности — это продолжение инстинкта *поиска пищи* и охотничьего *инстинкта.* Инстинкт познания также является более высокой формой инстинкта собственности.

11[48]

Люди цепляются за те *средства,* достижение которых доставляет им удовольствие. Роде.

11[49]

Кто не обретает прекрасное, ищет возвышенно-дикое, поскольку здесь и уродливое может проявить свою «красоту». Точно так же он ищет возвышенно-дикую мораль.

11[50]

В героизме чрезвычайно сильно *отвращение* (в бескорыстии тоже презирают ограниченность «Я» — у интеллекта своя экспансия). *Слабость* отвращения отличает индустриальную и утилитарную культуру.

11[51]

Два источника искусства: 1) безопасно поддаться обману (фокусники, актеры, рассказчики и т.д.), сюда же относится архитектура, *как будто* камни говорят (об обитателях дома или храма), 2) безопасно дать одолеть себя: упоение, музыка, лирика и т.д. Сначала забота, удивление от того, что не случилось ничего дурного, нет опасности, – в обоих случаях. Так состояния, **внушающие** *наибольший* **страх** и источающие наибольшую притягательность, становятся *желанной целью*: обман и подавление. Это с точки зрения *вкушающих.*

11[52]

Процент («ростовщичество») и нечистая совесть.

Театр и нечистая совесть.

11[53]

Очищение души. **Первый** источник *высокого и низкого.*

Эстетически оскорбительное во внутреннем человеке без кожи – кровавые массы, кишки, внутренности, вся та сосущая и перекачивающая нечисть, бесформенная, или безобразная, или гротескная, к тому же невыносимо зловонная. Следовательно, *мысленно устранить*! Что все же выступает оттуда, вызывает стыд (кал, моча, слюна, семя), женщины не желают слушать о пищеварении. Байрон не хотел видеть, как ест женщина. (Так задние мысли идут своим чередом.) Это *спрятанное* под кожей тело, которое, кажется, *стыдится* себя. Покровы на тех частях, где сущность стремится выйти наружу, – и рука, прикрывающая рот при сплевывании. Итак, существует нечто, вызывающее отвращение; чем меньше осведомлен человек о своем организме, тем больше впечатление от грубой плоти, разложения, вони, червей. Человек, если он не персонаж, отвратителен себе – и изо всех сил стремится *не думать об этом.* – *Похоть*, явно связанная с этим внутренним человеком, считается *низменной* – вследствие эстетического суждения. Идеалисты в любви – это поклонники прекрасных *форм*, они хотят обманывать себя и возмущаются, представляя коитус и семя. – Все мучительное, неприятное, чрезмерное человек приписал этому внутреннему те-

лу — тем выше поднял он зрение, слух, образ, мышление. *Омерзительное* должно было стать источником *несчастья*! — *Мы переучимся отвращению*!

Второй источник различия между *высоким* и *низким*. Все внушающее *страх*, как более мощное, считается *более высоким*, все остальное — низким и даже презренным. **Самое высокое** — это внушать страх и *все же* творить добро и желать блага!

11[54]

Какова *глубина преобразований*, неизбежно проистекающих из *учений*, согласно которым нет *бога*, заботящегося о нас, нет извечной моральной заповеди (атеистически-аморальное человечество)? Согласно которым мы *животные*? а жизнь наша пройдет? и мы не несем ответственности? *Мудрец и зверь сблизятся*, и в результате появится новый *тип*!

11[55]

Те, кто получает *выгоду* от благожелательного, предупредительного настроя, так его превозносят! *Похвала* — это следствие *пользы*! И благодетель удовлетворяется похвалой *в качестве компенсации*?

11[56]

Как возникает инстинкт, вкус, *страсть*? Последняя *приносит себе в жертву другие инстинкты*, которые слабее (другая потребность в удовольствии): это не свободно от эгоизма! *Один* инстинкт властвует над другими, включая так называемый инстинкт самосохранения! «Героизм» и т.п. **понимаются не** как страсти, а как нечто более *высокое*, благородное, иное, *поскольку* они принесли другим большую *пользу*! Ведь большинство других страстей оказались опасны для других. Это было весьма недальновидно! *Даже героизм* любви к отечеству, верности, «истины», исследований и т.п. также в высшей степени *опасен* для *других* — они просто слишком глупы, чтобы видеть это! Иначе они объявили бы неэгоистические добродетели вне закона, вместе с *корыстью*, половым инстинктом, жестокостью, стремлением к завоеваниям и т.п. Но те были названы

добром, воспринимались как таковые, постепенно совершенно *пропитались* благороднейшими и чистейшими чувствами – и были **идеализированы**! Сделаны идеальными! Так, *труд*, нищета, *пошлины*, *педерастия* в одни времена были развенчаны, в другие возведены в идеал.

11[57]

Люди восхищаются и восхваляют поступки другого, кажущиеся *нецелесообразными* для него самого, поскольку они полезны для *них*. (Нецелесообразность с точки зрения удовольствия или пользы.) Раньше удовольствие или пользу понимали очень примитивно и узко: кто, к примеру, совершал нечто во имя gloria, слыл *нецелесообразным* по мнению *грубых* людей, с точки зрения массы. Поскольку люди не понимали **утонченных** *форм* удовольствия, они отвели царству бескорыстия *такое большое* место. Недостаток психологической тонкости – вот причина **многих** *похвал* и восхищений! Поскольку у массы *нет* страстей, они ее *поражали* – ведь они связаны с жертвами и неразумны, – люди не могли представить себе **удовольствие** от страсти, *отрицали его*. Толпа **презирает** все *обычное*, *легкое*, *малое*.

11[58]

Перед каждым благодеянием и злодеянием стоит вопрос: *что* это другое, *кто* этот другой? Короче говоря, познание мира! *Для чего* творить благо и причинять боль – сперва нужно решить! До сей поры все благодеяния и злодеяния творились в **заблуждении**, будто люди знали «*что?*» и «*зачем?*». Оценку благожелательности следует сперва еще *доказать*, определить *степень*!

11[59]

Не счастье, а как можно более долгое *сохранение* – вот содержание всей прошлой морали общины и общества (даже за счет счастья всех отдельных членов). Значит, это тоже не польза. Кто заинтересован в *сохранении*? *Предводители*, стоящие во главе семейств, сословий и т.д., которые хотят продолжить свою жизнь в дальнейшем существовании своих институтов, те, кто простирает свое *властолюбие вдаль*. Все *старики*: кто тяжело переживает

свою *слишком короткую* или *пока еще короткую* личную жизнь, тот стремится *запечатлеть себя* в душах и нравах нового поколения и так *продолжить* свою *жизнь, продлить* свою *власть*. Это тщеславие. – Индивид *против* общественной морали *и в стороне* от нее – когда самая большая опасность для *всех* пройдет, тогда смогут вырасти *отдельные* деревья со *своими* условиями существования.

11[60]

Новый взгляд на мир относительно интеллекта и добра. Является ли человечество исключением? Имеет ли степень его интеллекта и доброты в *целом тот же ранг*, что и в природе? Да. – А теперь попробуем понять «целесообразность» и «интеллект» природы – их *здесь нет*! Так же мало здесь неэгоистичного! Для человечества это означает, что наша *целесообразность*, быть может, всего лишь сумма благоприятных случайностей, а наша «доброта» тоже лишь заблуждение. Попытаемся понять наш мелкий почерк, глядя на крупные росчерки природы! – Мы можем привести ряд последовательностей, ведущих к какой-то цели, но 1) это не *полный* ряд, а лишь жалкая выборка, 2) мы не можем *создать* ни одного звена этой цепи из свободных фрагментов, мы лишь более или менее знаем, что *оно возникнет*. Там, где мы целесообразны, мы действуем, тем не менее, не зная о средствах и целях с точки зрения *целого*. Из этого фатализма мы не можем выйти.

11[61]

Люди с удивлением обнаруживали, что некоторые *пренебрегают своими выгодами* (из страсти или из-за вкуса); не замечая внутренних выгод гордости, настроения и т.п., они считали тех либо 1) *безумными*, либо 2) *добрыми*, если *сами* получали из этого какую-то выгоду, и уверовали, что поступки совершаются лишь затем, чтобы сделать *им* благо. Восхваление таких поступков и таких людей преследовало свою корысть – *подвигнуть* личность на сходные, нецелесообразные для нее самой поступки. *Эгоизм* тех, кто *нуждается* в помощи и благодеяниях, поднял неэгоистичность на такую высоту!

11[62]

Иезуиты представляли по отношению к Паскалю просвещение и гуманность.

11[63]

Новая практика.

Смотреть на другого человека сперва как на *вещь*, *предмет познания*, которому следует воздать *должное*: *честность* запрещает *недооценку* предмета и даже его рассмотрение в свете надуманных и поверхностных предпосылок. *Совершить благодеяние* — это то же самое, что передвинуть растение на свет, чтобы лучше видеть его; *причинение боли* тоже может оказаться необходимым средством, заставляющим природу раскрыться. Рассматривать каждого не как человека, а как человека *с такими-то и такими-то* качествами: первая точка зрения! Как нечто, что должно быть *узнано* прежде, чем будет подвергнуто тому или иному рассмотрению. Мораль с ее *всеобщими* предписаниями несправедлива к *каждому* индивиду. Или есть *средства, подготавливающие познание*, применимые *сперва* к каждому существу как первая ступень эксперимента? — Как мы обращаемся с вещами, чтобы постичь их, так и с живыми существами, так и с нами. — Но как нам поступать до той поры, пока мы не придем к познанию либо поймем, что оно нам *недоступно*? И как поступить, *если* мы их познали? *Употребить* их как силы для наших целей — как иначе? Так, как всегда и делали люди (даже если они *подчинялись*, они извлекали свою выгоду благодаря власти того, кому они подчинялись). Наше обращение с людьми нужно строить на *выявлении сил*, которые есть у народов, сословий и т.д., — а затем извлекать из этих сил выгоду для наших целей (возможно, произойдет их взаимоуничтожение, если будет необходимость в этом).

Новое: **честность** отрицает человека, она не хочет никакой *всеобщей* моральной практики, она отрицает *общие* цели. *Человечество* — это **масса власти,** за *использование* и *направление* которой **конкурируют** индивиды. Это *часть господства над природой*: прежде всего природа должна быть познана, затем *направлена* и *использована*. — И моя *цель* опять *познание*? Поставить массу власти на службу п<ознания>?

11[64]

Оценивать *высшие* и *низшие* качества согласно моей *цели* – считать все суждения в этой области предрассудками. Мне должно быть безразлично, что думают о целомудрии: если оно окажется лучше *для познания*, его следует рекомендовать. Проверять *все* вещи на предмет их ценности для познания, к примеру искусство, политические обстоятельства и т.д., торговлю.

11[65]

Задача: *видеть* вещи *такими, каковы они есть*! *Средства*: иметь возможность смотреть на них сотней глаз, с точки зрения *многих* личностей! Мы были на ложном пути, подчеркивая безличное и называя моральным взгляд на вещи глазами ближнего. *Много* ближних, *множество* глаз и чисто личные взгляды – вот правильный путь. «Безличное» – это лишь *ослабленное*, приглушенное личное, оно может иногда принести пользу, когда требуется очистить замутненный страстью взор. *Наилучшим образом* возделаны те отрасли познания, которым полезны **слабые** личности (математика и т.п.). Наилучшая *почва*, сильные и мощные натуры завоевываются (возделываются) для познания довольно поздно. Здесь больше всего движущих сил, но совершенные заблуждения и одичание, а также рост в ботву (религия и мистика) по-прежнему *наиболее вероятны* («*философы*» – это *мощные* натуры, еще не возделанные для познания; они созидают, тиранят действительность, привносят *в* нее себя). Всюду, где **возможны** любовь, ненависть и т.п., наука оставалась абсолютно **ложной**: здесь «безличные» *не* имеют глаз, чтобы узреть истинные феномены, а сильные натуры видят лишь *себя* и мерят все по *себе*. – Должны сформироваться *новые* существа.

11[66]

Искать «правду ради нее самой» – поверхностно! Мы не хотим быть обманутыми, это оскорбляет нашу гордость.

11[67]

Вредность «добродетелей», полезность «пороков» никогда не рассматривались во всей широте. Кем был бы человек без страха и желаний! И даже без заблуждений!

11[68]

Насколько *склонность к честности* может *раздражать противоположную* силу природы – фантазию! Люди и впрямь становятся *более трезвыми*? – Наше **постижение** основано на *предвосхищениях* силой фантазии, мы пробуем, нельзя ли *случайно* достичь реальности в фантазийном образе; преимущественно в *истории* и т.д. Фукидид и Тацит *должны* быть *поэтами*. Даже в науке простейших процессов необходима фантазия (например Майер) – но *здесь* может возникнуть **иллюзия**, будто трезвость продуктивна!

11[69]

Страсть к познанию полагает *себя целью* бытия – если она отрицает цели, то видит себя *ценнейшим результатом* всех случайностей. Станет ли она *отрицать* ценности? Она не может утверждать, что **является** наивысшим *удовольствием*? А *искать* **его**? *Сформировать существо, наиболее способное на наслаждения*, как средство и задачу этой страсти? Чувства увеличивают и гордость, и жажду, и т.п.

Спуститься с горы, обнять взором местность, испытывая при этом неутолимое желание. Страстно влюбленные, которые не знают, как достичь *соединения* (у Лукреция). Познающий *жаждет* соединения с вещами и видит себя *отрешенным* – в этом его страсть. Либо все должно раствориться в познании, либо он растворится в вещах – в этом его трагедия (последнее – его смерть и ее *пафос*; первое – стремление все *превратить* в дух). *Наслаждение* – победить *материю*, испарить, изнасиловать и т.д. Наслаждение атомистики математических вопросов. *Алчность*!

11[70]

В корне ложная *ценностная* оценка *ощущающего* мира по отношению к *мертвому*. Потому что *мы* являемся им! *Принадлежим* ему! И все же с ощущениями приходит *поверхностность*, обман: что боли и желанию делать с *реальным* процессом! – Все вокруг и около, без проникновения вглубь. Но мы называем это *внутренним*, а мертвый мир рассматриваем как *внешний* – в корне неверно! «Мертвый» мир! вечно подвижный и без заблуждений, сила против силы! А в ощущающем мире все ложно, высокомерно! Это

праздник — перейти из этого мира в «мертвый мир». И величайшая жажда познания устремлена на то, чтобы противопоставить ложному и высокомерному миру вечные законы, где нет ни удовольствия, ни боли, ни обмана. Неужели это *самоотрицание* ощущения, в интеллекте? Смысл истины таков: понять ощущения как внешнюю сторону бытия, как огрехи бытия, как приключение. Оно длится так недолго! Давайте посмотрим эту комедию и *насладимся* ею! И *не* будем воспринимать возврат к бесчувственному как регресс! Мы станем абсолютно *истинными*, мы станем совершенны. *Смерть* нужно *переосмыслить*! Так мы *примиримся* с настоящим, т.е. с мертвым миром.

11[71]

По мере того как мир проявляет свою *исчислимость* и *измеримость*, т.е. *надежность*, – он обретает *достоинство* в наших глазах. Прежде таким достоинством обладал мир *непредсказуемый* (духов — духа), он внушал больше страха. *Мы* же видим вечную **власть** совсем в другом. Наше ощущение мира **переворачивается**: **пессимизм** *интеллекта.*

11[72]

Чудное открытие: не все непредсказуемо, неопределенно! Есть законы, которые остаются *истинными за* пределами мер **индивида**! **Мог бы** получиться *иной* результат!

Индивид уже не как *вечная диковина*, достойная почитания! А как *сложнейший* факт этого мира, *высочайший* **случай**. Мы верим и в *его* закономерность, хотя уже не видим ее. — **Или**? Непознаваемый, но в то же время являющийся средством познания, а также препятствием познанию — *не* заслуживающий почтения, нечто сомнительное!

11[73]

Нам не обойтись ни без зла, ни без страстей: полное *приспосабливание* всех ко всему и каждого к себе (как у Спенсера) является заблуждением, которое оказалось бы глубочайшей задержкой в развитии. Самое прекрасное, физически мощное хищное животное обладает сильнейшими аффектами: сильная ненависть и алчность необходимы для его здоровья и, если они удовлетворены, способствуют

его превосходному развитию. Даже для познания мне нужны все мои инстинкты, как добрые, так и злые, и я долго не выдержал бы, если бы не хотел быть враждебным, недоверчивым, жестоким, коварным, мстительным, притворным и т.д. по отношению к вещам. Все великие люди были великими благодаря силе своих аффектов. Даже здоровье никуда не годится, если не справляется с сильными аффектами, даже нуждается в них. Большие аффекты дают сосредоточенность и поддерживают силы в напряжении. Разумеется, они нередко приводят человека к гибели, но это вовсе не аргумент против их *полезности* в великом. — А наша мораль хочет противоположного — любезных и кредитоспособных плательщиков и должников.

11[74]

Вред добродетелей еще не доказан!

11[75]

Мы можем постичь лишь интеллектуальные процессы: познать в материи то, что является *видимым, слышимым, ощутимым* — либо *может* стать таковым! То есть мы постигаем возникающие при этом изменения в *нашем* зрении, слухе, осязании. То, для чего у нас нет *чувств*, для нас *не* существует — но от этого не должен настать конец мира. Электричество — к примеру, здесь наши чувства развиты весьма слабо. — Также и в страсти, в инстинкте мы понимаем лишь *интеллектуальный* процесс, а не физиологическое, существенное в них, лишь чуточку ощущений, испытываемых при этом. *Все* приписывать воле — очень наивное искажение! — Правда, тогда все было бы понятнее! Всегда, однако, существовала тенденция **редуцировать** все к единому интеллектуальному или воспринимающему процессу — например к целям и т.д.

11[76]

Изменение ценностной оценки — вот моя задача.

Тело и дух,
страсть,
зло,

община — мораль,
жизнь и смерть,
совесть, наказание, порок,
похвала и порицание,
цели, воля,
безразличие,
жизнь как заблуждение.

11[77]

Человек как ставшее безумным животное: живет в полном безумии, до сей поры, в большей мере, чем предполагалось кем-либо. Таким я его застал.

11[78]

Эстетические суждения (вкус, недовольство, отвращение и т.п.) — вот что составляет основу *скрижали ценностей.* А она, в свою очередь, составляет основу *моральных* суждений.

11[79]

Прекрасное, отвратительное и т.д. — это старые суждения. Как только они начинают претендовать на *абсолютную истину*, эстетическое суждение превращается в моральное *требование.*

Как только мы *отвергнем* абсолютную истину, мы должны будем отказаться от всех *абсолютных требований* и вернуться к *эстетическим суждениям. Вот задача:* создать полноту *эстетических и равноправных ценностных* оценок, каждая из которых является для индивида последним фактом и мерой вещей.

Редукция морали к эстетике!!!

11[80]

Значение познания: 1) опровержение «абсолютного познания», 2) открытие объективного, исчислимого мира необходимой последовательности.

11[81]

Для нас существуют не причина и следствие, а только следствия («приведение в действие»). NB.

11[82]

1.

Мудрецы должны присвоить себе монополию *денежного рынка*, возвышаясь над этим своим образом жизни и целями, а также указав богатству направление, — совершенно необходимо, чтобы высший интеллект задавал ему направление.

2.

Брак. Большинство наших замужних женщин поставлены слишком высоко. — Половое удовлетворение *никогда* не должно быть целью брака. — Рабочее население нуждается в хороших домах терпимости. — Временные браки.

3.

Самоубийство как обычный вид смерти: новая гордость человека, который сам устанавливает свой конец и изобретает новый *праздник* — кончину.

11[83]

Наука в 1650–1800 годах стремилась *доказать* мудрость и доброту бога — результат оказался обратным. Теперь же пытаются признать за тем, что *осталось от бога*, за ущербным интеллектом хитрые и злые окольные пути к добру и т.п. Но 1) выявляются *совершенно разные* степени безрассудства, 2) точно так же и добра: получилось бы существо *без* характера. Зачем *предполагать* такое *существо*? — Мир ни зол, ни добр! И человек тоже! —

11[84]

Весь наш мир — это *пепел* бесчисленных *живых* существ. Как ни мало это живое в сравнении с целым, *все* уже было однажды претворено в жизнь, и так продолжается дальше. Если предположить вечную длительность и, следовательно, вечную смену материи —

11[85]

Исследователи вроде Лекки никогда не смогут объяснить *провал* мнения после его величайшего господства. *Мнения* (на основе вкуса) — это великие *болезни* в нескольких поколениях, физиологически в конце концов *излечимые* и отмирающие, а сами мнения — это только известное нам выражение физиологического процесса. Существуют индивидуальные и надындивидуальные болезни. Следует изучать людей, у которых проявляются *противоположные мнения* или скепсис: в них новый физиологический признак, возможно, является зародышем *другой* болезни. — Люди как *безумные* животные.

11[86]

Факт *колдовства* заключается в том, что огромные массы людей испытывали тогда желание навредить другим и считать себя вредными, не хотели чувственно ограничивать себя в мыслях, ощущая свое *могущество* в зле и пошлости. «Откуда *это*?» — вот вопрос.

11[87]

Люди с *добродетелью* непреклонности, самопреодоления, героизма демонстрируют своими бесчувственными, жесткими и необузданными по отношению к другим мыслями и поступками, *где* заложен фундамент этой добродетели. Они поступают *с другими* так же, как *с собою*, — но поскольку последнее кажется людям полезным, редкостным и, следовательно, заслуживающим почитания, в то время как первое оказывается весьма мучительным, то их разделяют на добрую и злую половины! В конце концов, эта бесчувственная жесткость была, вероятно, весьма полезна человечеству в великом: она поддерживала воззрения и устремления, сообщив целым народам и эпохам как раз *эти* добродетели непреклонности, самопреодоления и героизма и сделав их великими, и сильными, и господствующими.

11[88]

Я должен отказаться не только от учения о *грехе*, но и от учения о *заслугах* (добродетели). Как в природе — остаются *эстетические* суждения! «Мерзко, обычно, редко,

притягательно, гармонично, резко, пронзительно, противоречиво, мучительно, восхитительно» и т.д. Однако эти суждения следует поставить на *научную* базу! «Редко» то, что *действительно* редко. Многое «обычное» как *чрезвычайно* ценное, в большей степени, чем редкое и т.д.

11[89]

Желание причинить боль, *удовольствие от жестокости* – у них большая история. Христиане в своем отношении к язычникам; народы в отношении к своим соседям и противникам; философы по отношению к людям, придерживающимся иных мнений; все свободные мыслители; репортеры; все, кто отклоняется от житейских правил, например святые. Почти все писатели. Даже в художественных произведениях есть такие черты, которые внушают намерения соперникам. Или как у Генриха фон Клейста, который своей фантазией желает совершить насилие над читателем; так же у Шекспира. – А также любой смех и комедия.

Такова и страсть к *притворству*: большая история. –

Поэтому человек *зол*?

11[90]

Люди средневековья, несгибаемые, *презирали* бы нас, мы ниже их вкуса.

11[91]

Довольствоваться духовными муками вместо телесных или лишь воображением этих мук и не желать более видеть – огромный шаг в жестокости.

11[92]

Ведьмы желали *видеть* вред, христианские гонители и инквизиторы тоже, даже бог пред вратами ада. В этом влияние варваров (немцев) на Европу – шаг назад. Рабы наделили христианство смирением, а варвары – жестокостью.

11[93]

Мы беспрестанно *чувствуем* и *обдумываем* (вспоминаем, фантазируем) то, что не доходит до сознания. Все это более низкого и плохого качества, и этого достаточно.

11[94]

Исповедующим мораль.

Deus nudus est[1],
Seneca.

11[95]

«Deus nudus est», – утверждает Сенека. Боюсь, что он весь закутан в одежды. И более того: не только людей встречают по одежке, но и богов.

11[96]

Вы полагаете, что грек, которому описали *нашу* культуру, будет ею восхищаться и считать ее желанной? Или пусть даже дикарь? Любое состояние видит идеал в себе самом: совершенно другое состояние всегда есть своего рода противоречие этому идеалу и потому *неприятно* и *достойно презрения*. Чем прикажете мерить понятие «прогресс культуры»! Каждый мнит себя на вершине и считает *свой* идеал идеалом для всего человечества. История этих пристрастий к идеалам! – В любом идеале не хватает того, что придает ценность другому идеалу, что является *лакомым куском* для его приверженцев. Разве существует прогресс в *кухне*? Да, внутри отдельных кругов, народов, городов, семей идеал развивается. – У свободного *индивидуума* свой собственный вкус, и он должен быть очень *сильным*, иначе будет лишь *мелкой страстишкой* в сравнении со вкусами семейными и народными.

11[97]

Появление **большого числа** *свободных* индивидов у греков: брак *не* из сладострастия. Упражнение и совершенствование искусства coi<tus>[2]. Любовь к мальчикам, отвлекающая от почитания и изнеживания женщин, как предотвращение женской слабости и излишней нервозности. Состязание и одобрение чувства зависти. Простой образ жизни. Рабы и оценка труда. Религия, не проповеду-

---

1 Бог наг (*лат.*)

2 соития (*лат.*)

ющая мораль и тем самым высвобождающая нравы в целом. Убийство эмбриона; устранение плодов неудачных coitus и т.д.

11[98]

Перед каждым мгновеньем в состоянии существа открыты бесчисленные пути его *развития*, но главенствующий инстинкт называет *хорошим* лишь один: тот, что ведет к его идеалу. Поэтому представления Спенсера о будущем человека не *естественнонаучная необходимость*, а *желание* вырваться за рамки нынешних идеалов.

11[99]

Что есть терпимость! А признание чужих идеалов! Тот, кто глубоко и энергично поощряет свой собственный идеал, просто не *в состоянии* верить в чужие идеалы, не подвергая их – идеалы *низших*, чем он сам, существ – пренебрежительной оценке. Абсолютной вершиной *нашего* критерия является именно вера в идеал. – Тем самым терпимость, чувство истории, так называемая справедливость являются свидетельством неуверенности в своем собственном идеале или его полного отсутствия. В чем же тогда *чувство науки? Возможно*, в стремлении к идеалу и в вере в то, что здесь ты обрел путь к абсолюту, к *неоспоримому* идеалу, – при условии, что у человека *нет* идеала и он страдает *от этого*! – Мне кажется, что многие, *разрушая* другие идеалы, *мстят* за отсутствие идеала у самих себя. Они актерствуют (как, например, Бэкон), притворяясь, что у них есть идеал. «Истина во имя истины» – это фраза, нечто *совершенно невозможное*, сродни любви к ближнему ради себя самого.

11[100]

История жестокости, притворства, *кровожадности* (последняя – в умерщвлении мнений, в осуждении трудов, личностей, народов, прошлого; судья – это утонченный палач).

11[101]

В том, что определенной эпохой воспринимается как зло, я вижу нечто, противоречащее ее идеалу, т.е. *атавизм*

прежнего добра, например более грубый, вид жестокости, кровожадности, чем тот, что выносят сегодня. Когда-то действия любого преступника считались *добродетелью.* Но сейчас он сам смотрит на них через призму совести *времени* — он толкует их как зло. Все или большинство из того, что делают или думают люди, *толкуется как зло* тогда, когда идеал совершенно не соответствует человеческому существу (христианство): так все становится первородным грехом, в то время как на самом деле это *первородная добродетель.*

11[102]

Несчастный! Вот ты и проник в тайну жизни человека одинокого, свободного — и вновь, как и прежде, именно своим познанием *преградил* себе путь к этому.

Я хочу упорядочить все, что я отрицаю, и спеть всю песню целиком: нет воздаяния, нет мудрости, нет доброты, нет целей, нет воли; чтобы действовать, ты должен верить в заблуждения, а если ты даже распознаешь в них заблуждения, ты и дальше будешь руководствоваться ими в своих поступках.

11[103]

Что есть нравственность! Подвергшись физиологическому изменению, человек, народ его ощущает *общим чувством,* толкуя его на языке своих аффектов и *в соответствии с уровнем* своих знаний, не замечая, что корень изменений лежит в физическом состоянии. Как если бы голодный человек решил утолить свой голод понятиями и обычаями, похвалой и порицанием!

11[104]

Вежливость — *утонченная* доброжелательность, потому как признает дистанцию и делает ее приятной, вызывающей у грубого интеллекта злость или не замечаемой им.

11[105]

В самых похвальных поступках и характерах необходимые элементы силы — убийство, воровство, жестокость, притворство. В самых порочных поступках и характерах есть *любовь* (уважение и излишнее уважение к тому, что

представляет собой вожделенный предмет обладания) и *доброжелательность* (уважение к тому, чем человек обладает и что желает сохранить для себя).

Любовь и жестокость не противоположности: они всегда соседствуют в лучших и прочнейших натурах. (Христианский бог — очень мудрая и выдуманная без моральных предрассудков личность!)

Люди не замечают малые сублимированные частицы и отрицают их: например, они отрицают жестокость в мыслителе, любовь в разбойнике. Или они отзываются добрым словом обо *всем*, что первым делом бросается в глаза в каком-либо существе, удовлетворяющем их *вкус*. «Ребенок» без стеснения выставляет напоказ все свои качества, как цветок — свои половые органы: тот и другой ничего не знают о похвале и порицании. Воспитание — это обучение нареканию новым именем или иному ощущению.

11[106]

«Полезный — вредный»! «Утилитаристский»! В основе этих разговоров лежит предрассудок, согласно которому уже давно *решено, в каком направлении должно* развиваться человеческое существо (или же животное, растение). Как будто из каждой точки не могут брать начало многие тысячи путей развития! Как будто решение о том, какой их них *лучше и выше всех*, не является исключительно делом *вкуса*! (Равнение на идеал, который *не* должен принадлежать другому времени, другому человеку!)

11[107]

Как ценно то, что человек испытал так много *радости* при созерцании или ощущении *боли*. Возвысился он и благодаря величине своего злорадства! (Радость, доставляемая в том числе собственными страданиями, — мотив многих моралей и религий.)

11[108]

Нет никакого инстинкта самосохранения!

11[109]

Эти проповедники терпимости! Пару догм («фундаментальных истин») они всегда исключают! Со своими

гонителями они расходятся лишь во мнении о том, что необходимо для спасения.

Было бы неплохо придерживаться разума, если бы существовал *единый* разум! Но терпимый человек вынужден зависеть от *своего* разума, от его слабостей! Более того: в конечном счете это даже не тот разум, что в своих решениях прислушивается к голосу доказательств и опровержений. Это пристрастия и антипатии *вкуса*. Гонители определенно были не менее *логичными*, чем вольнодумцы.

11[110]

Безразличие! Нам нет никакого дела до какой-либо вещи, мы вольны думать о ней все, что хотим, в ней нет для нас ни пользы, ни убытка – *вот* фундамент научной мысли. Число подобных вещей постоянно росло, мир становился все безразличнее – набирало силу беспристрастное познание, которое со временем стало *вкусом*, а в конце концов *станет* страстью.

11[111]

Paracelsi mirabilia[1]. Пересказанные Ф. Н. «Из всего чудесного, – рассказывал мне Парацельс, – что мне когда-либо приходилось видеть и слышать, есть одно наиудивительнейшее, и мне потребуется не только храброе сердце, как у льва, но и невинное терпение агнца, чтобы поведать все именно так, как было. Ведь если предположить, что это было наваждение духа, желающего мне зла, то не было никогда для меня большего соблазна, – а если то, что мне явилось, изрекло истину –

11[112]

Суть каждого поступка претит человеку точно так же, как и вкус любой пищи: он скорее умрет с голоду, чем съест ее, так велико зачастую его *отвращение*. Ему требуются *приправы*, в любой еде нам необходим соблазн – как и во всех поступках. *Вкус* и его отношение к голоду, а также отношение последнего к потребностям организма! Моральные оценки – это приправы. Но вкус повсюду считается

---

1 чудеса Парацельса (*лат.*)

тем, что *определяет ценность пищи, ценность поступков*: величайшее заблуждение!

Как изменяется вкус? Когда он становится слабым и несвободным? Когда он становится тираном? – И точно так же с суждениями о добре и зле; корень любых изменений в моральном вкусе – в физиологическом факте, но это физиологическое изменение не есть нечто, что в любой момент в силу необходимости требует *пользы* для организма. *История вкуса* – это особая история, а вырождение целого, как прогресс, есть следствие этого вкуса. Здоровый вкус, нездоровый вкус – надуманное различие: существует бесконечное множество возможностей развития, и то, что каждый раз приводит к одной из них, является здоровым – но может противоречить иному развитию. Только в отношении *идеала*, которого нужно достичь, имеет смысл рассуждать о «здоровье» и «нездоровье». Но идеал всегда крайне изменчив, даже у индивидуума (идеал ребенка и мужчины!) – и *знание* того, что необходимо для его достижения, почти полностью отсутствует.

Следуя своему *вкусу*, мы называем его самыми высокопарными словами: долг, добродетель и жертва. *Полезное* мы не замечаем и даже презираем, как презираем внутренность тела: для нас выносимо лишь то, что прячется в гладкую кожу.

11[113]

Попробовав что-либо на вкус, человек понимал, смертельно ли вещество, питательно ли и т.д., но он не мог знать, как отразится на нем длительный прием этого вещества (на протяжении поколений). Неизвестным оставалось также, как *неравномерно* поддерживался организм и каковы были последствия этих сильных колебаний. Депрессия, наступающая в результате недостаточного питания или нарушения пищеварения, определяет *идеал*.

11[114]

Благословенными считались стяжательство, обжорство, сластолюбие, жестокость, притворство, ложь, слабость, сумасбродство, суета, опьянение, чувствительность, леность, незнание, отсутствие имущества, душевная пусто-

та, злорадство, страх — все противоположные чувства, порожденные когда-либо вкусом и непреодолимым желанием (каждый раз человек с отвращением хулил противное себе и называл это плохим или низким).

11[115]

В *доброжелательности* заключены утонченное стяжательство, утонченная похоть, утонченная веселость надежности и т.д.

Как только происходит утончение понятия, его *прежняя* ступень ощущается уже не как ступень, а как противоположность. *Легче* мыслить противоречиями, чем степенями.

Пока еще столь сложный инстинкт, если он обладает *именем*, считается *единым целым* и тиранит все умы, стремящиеся найти ему определение.

11[116]

Не будем рабами удовольствия и боли, даже в науке! Отсутствие боли, ведь удовольствие *не* доказывает здоровья — а *боль не является доказательством* против здоровья (она лишь сильное раздражение).

11[117]

Моральные суждения — это эпидемии, у которых *свое время*.

11[118]

Формируется сословие рабов — посмотрим, сформируется ли также аристократия.

11[119]

«Наука», основывающаяся якобы на любви к истине ради истины! Якобы при совершенном молчании «воли»! В действительности же в ней задействованы *все наши инстинкты*, но в особом, схожем с государственным, порядке и в таком соотношении, что результат их не есть иллюзия: один инстинкт порождает другой, каждый из них фантазирует и настаивает на *своем* заблуждении — но

каждое их этих заблуждений тут же подхватывается другим инстинктом (пример – противоречие, анализ и т.д.). В конце концов за множеством иллюзий почти обязательно угадываются действительность и истина: мы создаем так много образов, что наконец один из них *подходит*, как при стрельбе из многих ружей по одному зверю; это большая игра в кости, в которую зачастую играют не в одиночку, а во множестве, целыми поколениями, – и если одна иллюзия, разыгранная каким-нибудь одним ученым, разносится в пух и прах другим, то *число возможностей* (среди которых *должна* скрываться истина) **уменьшается** – что означает успех! Это охота. Чем больше индивидуумов в человеке, тем больше шансов у него в одиночку найти истину – тогда борьба разворачивается *в* нем, он должен предоставлять *все* свои силы в распоряжение одной единственной иллюзии, чтобы затем противопоставить их другой: ему необходима огромная энергия, неприятие однообразия и сильное, внезапное отвращение. – Тем натурам, которые только сравнивают между собой порождения фантазии других одиночек, требуется прежде всего *холодность*: они твердят о «холодности науки», они непродуктивны и представляют собой очень важный класс людей, потому как устанавливают *обмен* между производителями, это своего рода торговцы, оценивающие стоимость продукта. *Подобное качество* может быть, в конечном счете, свойственно и обычно продуктивному человеку. Но он обязательно обладает еще *одной важной способностью*: способностью **наслаждаться** отброшенными иллюзиями, театром их борьбы – *умением видеть в этом природу*.

11[120]

Мне требуется *вся* моя желчь для науки. –

11[121]

В нашей душе продолжает хозяйничать *хаос*: понятия, образы, ощущения размещаются, раскидываются в нем **в произвольном порядке**. При этом случаются соседства, приводящие душу *в смущенье*: она вспоминает о *сходствах* и при этом ощущает *вкус*, фиксируя их и начиная работу над обоими, в соответствии со своим умением и знанием.

— Здесь — последний уголок земли, по крайней мере куда достает человеческий глаз, где составляется нечто новое. И, в конечном счете, получится новая изысканнейшая химическая комбинация, которой действительно еще не было равных во время становления мира.

11[122]

Все животно-человеческие инстинкты с незапамятных времен выдерживали испытания; если бы они вредили *сохранению вида*, они бы *погибли*, поэтому они все еще могут вредить и приносить страдания индивидууму — но принципом сохраняющей силы служит видовая целесообразность. *Искоренить* эти страсти и инстинкты в отдельно взятом человеке, во-первых, *невозможно*: он *состоит* из них, подобно организму, в строении и в движениях которого заложены, по-видимому, те же инстинкты, — а во-вторых, для вида это равносильно самоубийству. Разлад между этими инстинктами так же важен, как и любая борьба: ведь страдания столь же незначимы с точки зрения сохранения вида, как и гибель бесчисленного множества индивидов. И хоть это не самые разумные и прямые средства сохранения, которые можно себе представить, но зато они *единственно действенные*. — В *отдельной личности* инстинкты часто нагромождаются безо всякой цели, и тогда индивид погибает; *в целом* результатом является сохранение вида. Похвала и порицание инстинктов, непостоянство *вкуса* — достаточно **поверхностный** феномен, зависящий от *осознания* «пользы» и «вреда» — носящего весьма *ненаучный* характер! — Поэтому ненавидимые инстинкты все же продолжали трудиться, под иным именем или незамеченные. Не так уж и много зависело от господствовавших этик!

11[123]

В чем причина этих изменений *вкуса* в вопросах морали? Глубоки ли они? Как при отсутствии аппетита при приеме пищи или как при чувстве отвращения от гнили, дыма и т.д.? Истинно ли, что вкус определенного состояния (народа, человека) связан с *целесообразностью*? Или, в крайнем случае, с тем, что считается целесообразным? — Говорит ли он: «вот это мне *сейчас необходимо*, а то нет»? —

Или дело в меняющихся привычках, как с пристрастиями в еде, корень которых в чувстве приятного удовлетворения от тех или иных блюд, так что возникает привычка, привлекательность и стремление, а нечто *противоположное* и чуждое *воспринимается* противоположным образом? Или причина и в том, и в другом?

11[124]

Становясь *интеллектуальней*, инстинкт обретает новое имя, новую привлекательность и новую оценку. Он зачастую *противопоставляется* инстинкту на прежнем этапе развития, как будто он его противоречие (жестокость, например). Некоторые инстинкты, например половой инстинкт, поддаются значительному утончению посредством интеллекта (любовь к людям, почитание Марии и святых, художественный экстаз; Платон полагает, что любовь к познанию и философия суть сублимированный половой инстинкт), а *рядом* с ними застывает в неподвижности их прежний, прямой результат.

11[125]

Спасение от жизни и обратное превращение в мертвую природу может восприниматься как *праздник* – тем, кто хочет смерти. Любить природу! Вновь почитать мертвое! В этом нет противоречия, это материнское лоно, правило, в котором больше смысла, чем в исключении: ведь безрассудство и боль присущи лишь так называемому «целесообразному» миру, всему живому.

11[126]

Наибольшей силой будут обладать те индивидуумы, кто воспротивится законам вида и при этом не погибнет, – одиночки. Из них образуется *новая аристократия* – но бесчисленные индивидуальности *обречены* на гибель при ее становлении! Потому как лишь они *одни* утратят сохраняющую их законность и привычную им атмосферу.

11[127]

Удивительная работа интеллекта! Следуя половому инстинкту, один человек вожделеет к другому как к сред-

ству, позволяющему избавиться от семени или же оплодотворить яйцеклетку. Как раз этого интеллект и не знает, вопрошая: *в чем причина* этого вожделения? Он взвешивает все, *что* способно сделать человека желанным, и наконец говорит себе: этот человек *должен* обладать всеми этими, делающими желанным, качествами! — Придя к подобному *заключению*, он начинает *верить* в него так же сильно, как и мы в грезы, предстающие нам в сновиденьях. Интеллекту присуща вера в собственные заключения. В отношении всех аффектов он по-животному примитивен, как будто грезит. — Доказать подобные животные умозаключения для всех аффектов. — Что же тогда есть скепсис? *Когда* и в каком состоянии интеллект становится столь утонченным, столь недоверчивым к своим заключениям? столь мало склонным к грезам?

11[128]

Сегодня опять повсюду находят *борьбу* и говорят о борьбе клеток, тканей, органов, организмов. Но в них *можно* обнаружить все известные нам аффекты. С учетом этого *посмотрим на проблему с другой стороны* и скажем: то, что в действительности происходит при возбуждении наших человеческих аффектов, есть физиологические движения, а аффекты (борьба и т.д.) суть лишь интеллектуальные толкования в тех случаях, когда интеллект вообще ничего не знает, но *мнит* себя всеведущим. Он полагает, что словами «гнев», «любовь», «ненависть» он описывает «почему?», *причину* движения; то же со словом «воля» и т.д. — Наша естественная наука сейчас стоит на пути к тому, чтобы прояснить мельчайшие процессы взяв за основу усвоенные нами аффекты, короче говоря, подобрать *слова* для их описания: очень хорошо! Но это по-прежнему образный язык.

11[129]

Способность *слушать с умом*!

11[130]

Наши инстинкты и страсти на протяжении очень долгого времени взращивались в *общественных* и *половых*

союзах (а еще раньше, по всей видимости, в обезьяньих *стаях*), поэтому и по сей день социальные проявления инстинктов и страстей сильнее их индивидуальных проявлений. Человек *ненавидит* сильнее, внезапнее, *невинней* (невинность характерна для древнейших унаследованных чувств) как патриот, чем как личность; он пожертвует собой скорее ради семьи, чем ради себя, — или принесет себя в жертву церкви, партии. Честь для многих сильнейшее чувство, т.е. их оценка самих себя подчиняется оценке других и жаждет ее одобрения. — Этот неиндивидуальный эгоизм — явление более древнее, изначальное; отсюда такая преданность и пиетет (как у китайцев), беспечность в отношении собственного существования и благополучия: мы больше беспокоимся о благополучии группы. Поэтому столь легки войны: в них человек возвращается в свое прежнее состояние. — *Клетка* сначала скорее член, чем индивидуум; индивидуум в процессе развития *становится* все более сложным, превращаясь в группу членов, в общество. Свободный человек — это государство и общество индивидуумов. — Развитие стадных животных и социальных растений разительно отличается от развития их отдельно живущих собратьев. — Отдельно живущие люди, избежавшие гибели, развиваются в общества, в результате чего образуется множество сфер деятельности, а инстинкты часто борются за пищу, пространство и время. Саморегулирование возникает не сразу. Более того, в составе целого человек является существом, обреченным на гибель потому, что это целое еще не пришло к саморегулированию. Мы все гибнем слишком юными по причине тысяч ошибок и незнания практики. — Свободнейшему из людей свойственны наибольшее *чувство власти* над собой, наибольшее *знание* самого себя, наибольшая *упорядоченность* в необходимой *борьбе* между его силами, относительно большая *самостоятельность* его отдельных сил и относительно ожесточенная внутренняя *борьба*. Он существо, *наиболее раздираемое противоречиями*, *наиболее изменчивое* и *живучее* — существо с преизбытком желаний, питающее себя, больше всех *выделяющее* из себя и себя *обновляющее*.

11[131]

Источником движения может служить: 1) непосредственный *раздражитель*, как, например, у лягушки, у которой вырезали полушарие головного мозга, так что она утратила способность к автоматическим действиям, 2) *представление* движения, образ процесса внутри нас. Это в наивысшей степени *поверхностный* образ: что может *знать* человек о пережевывании, воображая его! – Но бесчисленное множество раз за вызванным раздражителем процессом следует зримый и мыслимый образ процесса, и *в конце концов* между ними устанавливается настолько крепкая связь, что начинается *обратный* процесс: как только возникает образ, возникает и соответствующее движение, *образ служит вызывающим реакцию раздражителем.*

Чтобы раздражитель на самом деле мог вызвать реакцию, он должен обязательно превосходить в силе противоположный раздражитель, который также всегда присутствует: так, например, необходимо устранить удовольствие от покоя и лености. *Образ* процесса *не всегда* оказывается вызывающим реакцию раздражителем именно потому, что существует более сильный действительный раздражитель, противоположный ему. В этом случае мы говорим о «желании и невозможности его исполнения»: противоположный раздражитель зачастую неподвластен нашему сознанию, но мы замечаем какую-то сопротивляющуюся силу, лишающую образ его притягательности, *несмотря на всю его отчетливость.* Налицо борьба, хотя мы и не знаем, *кто* борется. Воля, ведущая к действию, появляется тогда, когда противоположный раздражитель слабее: мы *постоянно* ощущаем некое сопротивление, и это обстоятельство, **ложно истолкованное**, заставляет нас испытывать *сопутствующее чувство* **победы** при достижении желаемого. В подобном ложном толковании – основа нашей веры в свободу воли. Не «*мы*» приводим представление о ней к победе, а она сама побеждает, потому как противный ей раздражитель оказывается слабее. И механизм процесса никак не зависит от нашего произвола: мы даже не понимаем его! Как же мы можем «желать» его?! Что, например, наша вытянутая рука для нашего сознания!!

11[132]

Разум! *Без знания* он совершенная глупость, даже у величайших философов. Чего только стоят выдумки Спинозы о *разуме*! *Главное из заблуждений* – вера в согласие и отсутствие борьбы: это означало бы смерть! Где жизнь, там обязательно существует общественное образование, члены которого борются за пропитание и территорию, а слабые приспосабливаются, жизнь их короче, потомство меньше: различия господствуют в мельчайших деталях, в сперматозоидах и яйцеклетках, тождественность – это огромное заблуждение. Бесчисленное множество живых существ гибнет в борьбе, и редко кто выживает. Правда ли, что разум, возомнивший себя всезнающим, знатоком тела, «волящим», до сих пор в целом больше сохранял, чем разрушал? Централизация мира вовсе не совершенна – и *самомнение разума*, считающего себя таким центром, определенно главный недостаток этого совершенства.

11[133]

Мы можем «желать» только *увиденное* нами – поэтому, с тех пор как существует зрение, в нашей памяти сначала запечатлеваются *представления* об увиденном и лишь затем, если в них достаточно привлекательной силы, следуют поступки. Прежде всего для поступков необходимы афферентные раздражители.

11[134]

Если свойства низшего живого существа перевести на язык нашего «разума», то получатся *моральные* инстинкты. Подобное существо ассимилирует все наиболее близкое к нему, превращая это в свою собственность (собственность на первых порах – это поглощенная и накопленная пища), оно стремится усвоить как можно больше, не только с целью *компенсировать* потери: оно **алчно**. Так оно *растет* в одиночестве, но, наконец, становится *репродуктивным* – и делится на 2 существа. За безграничным *инстинктом присвоения* следуют рост и генерация. – Этот инстинкт приводит к использованию слабейшего, и, в соперничестве с равным по силе, существо вынуждено бороться, т.е. оно **ненавидит**, *боится*, *притворствует*. Уже сам процесс асси-

миляции есть *превращение* чего-то чужого в подобное себе и *тирания* над ним — **жестокость**.

Существо подстраивается, превращаясь в *функцию*, почти вовсе отказывается от многих изначальных сил и свобод и продолжает в подобном виде существовать дальше: *рабство* необходимо для формирования высшего организма, как и наличие *каст*. Потребность в «*чести*» — это желание добиться признания своей функции. Покорность есть необходимость, условие жизни, наконец, жизненный стимул. — Кому больше всех достает сил унижать других до функции, тот правит, но и у подданных есть свои подчиненные: поддержание их непрерывной борьбы на определенном уровне является условием существования целого. Целое, в свою очередь, ищет выгоду и находит противников. — Если бы все, использовав «разум», решили разойтись по своим местам и прекратили выказывать свою силу и враждебность в количествах, необходимых для *жизни*, *исчезла бы* движущая сила в целом: в борьбе друг с другом функции одинакового порядка вынуждены постоянно быть *начеку*, любой слабостью тут же пользуются, противник *не дремлет*. Сообщество должно стремиться к сверхбогатству (к перенаселению) с целью создания нового сообщества (колонии), чтобы распасться на 2 самостоятельных существа. Средства, направленные на сохранение организма *без* цели его дальнейшего размножения, губят его, они противоестественны — подобно нынешним мудрым «нациям» в Европе. — Каждый организм постоянно производит *выделения*, он секретирует *не*нужное ему в ассимилированных существах: то, к чему человек относится с презреньем, что вызывает у него отвращение, что он называет злым, суть *экскременты*. Но его несведущий «разум» часто называет злым то, что тяготит и досаждает ему, — другого, врага; он **путает** *негодное* с трудноприобретаемым, труднопобеждаемым, трудноусвояемым. Когда организм «*бескорыстно делится*» чем-либо с другими, это, вероятно, лишь выделения *ненужных* **faeces**[1], от которых ему *необходимо* избавиться, чтобы не испытывать мучений. Он знает, что это удобрение *пойдет на пользу* чужому полю, и делает

---

1 отбросов (*лат.*)

добродетель из своей «щедрости». «Любовь» — это чувство к собственности или к тому, чем мы хотим обладать.

11[135]

«Следствие». Притягательность кого-либо и вызываемое им возбуждение, заставляющее других (например основателя религии) высвобождать свои силы, обычно путают со *следствием*: на основе значительного выплеска сил предполагают наличие значительных «причин». Неверно! Люди и раздражители могли быть незначимы, но уже накопилась сила, готовая вырваться наружу! — Взгляд на мировую историю!

11[136]

Когда какой-либо исследователь приходит к необычным результатам (как, например, Майер), это еще *не является* доказательством его необычайной силы: его талант был *случайно* приложен там, где была уже подготовлена почва для открытия. Случись Майеру стать филологом, он с его проницательностью наверняка бы достиг замечательных успехов, но не таких, за какие его произвели бы «в гении». — Не результаты доказывают величие познающего и даже не методы, вокруг которых во все времена роятся различные учения и претензии. А объем, в особенности объем неоднородных вещей, овладение огромными массами и приведение их в единообразие, способность новыми глазами взглянуть на старое и т.п.

11[137]

Моисей Мендельсон, этот архангел глубокомыслия, считал, рассуждая о цели, что Спиноза не мог быть таким глупцом, чтобы отрицать ее! —

11[138]

Наша *память* основывается на *одинаковом* видении и одинаковом восприятии окружающего, то есть на *неточном* видении; она изначально *крайне груба* и видит почти во всем *схожее*. — Наши представления потому побуждают нас к действию, что многие из них представляются нам и воспринимаются нами как *подобные* друг другу, то есть все дело в грубости памяти, которая *видит* одинаковое, и в вообра-

жении, которое из лености *придумывает* **одинаковым** то, что в действительности различно. – Движение ноги как представление в высшей степени отличается от ее последующего движения!

11[139]

В мельчайшем организме постоянно накапливается энергия, которая затем требует высвобождения: или собственными силами, если достигнута *полнота*, или за счет внешнего раздражителя. *Куда* обратится сила? Конечно же, к *привычному*: *куда ведут раздражители*, туда *спонтанная* сила и направится. Самые частые раздражители указывают **также** *направление спонтанного* выброса сил.

11[140]

О, ложные контрасты! Война *и* «**мир**»! Разум и чувство! Субъект и объъект! Ничего подобного *нет*!

11[141]

Возвращение подобного.
Набросок.

1. Усвоение основных заблуждений.
2. Усвоение страстей.
3. Усвоение знания и избирательного знания. (Страсть к познанию.)
4. Невинный. Отдельный человек как эксперимент. Облегчение жизни, унижение, ослабление – переход.
5. Новый *центр тяжести*: *вечное возвращение подобного.* Бесконечная важность нашего знания, заблуждения, наших обычаев и образа жизни для всего грядущего. Что делать нам с *остатком* нашей жизни – нам, которые бо́льшую ее часть провели в глубочайшем неведении? Мы *преподадим учение*: это сильнейшее средство для того, чтобы *усвоить* его самим. Наше блаженство, как учителей величайшего из учений.

Начало августа 1881 г. в Сильс-Мария,
6000 футов над морем и гораздо больше над всеми
человеческими вещами!

К пункту 4) Философия безразличия. Что раньше сильней всего раздражало нас, теперь действует совсем по-другому, мы видим в этом лишь *игру* и обращаемся с этим хладнокровно (страсти и труды), решительно отвергая его как жизнь во лжи, но получая эстетическое удовольствие от его формы и привлекательности, заботясь о нем: мы по-детски относимся к тому, что прежде составляло *важность бытия*. Для нас теперь важно стремиться видеть во всем становление, отрицать в себе индивидуум, смотреть на мир как можно *большим* числом глаз, *жить* инстинктами и занятиями, **чтобы** тем самым иметь возможность видеть, *временами* предаваться жизни, чтобы затем отдыхать, смотря на нее, *поддерживать* инстинкты как фундамент любого познания, но понимать, где они становится его противниками: in summa, **дождаться и посмотреть**, насколько **усвояемы** *знание* и *истина* – и насколько изменится человек, когда вся его жизнь наконец-то будет подчинена исключительно *познанию*. – Это следствие страсти к познанию: для поддержания *ее существования нет иного средства*, как сохранять источники и силы познания, заблуждения и страсти, в *борьбе* которых она черпает поддерживающую ее силу. – Как будет выглядеть такая жизнь в отношении к сумме ее удовольствий? *Игра детей*, за которой наблюдает око мудреца, распоряжение и *тем*, **и** *этим* состоянием – и даже смертью, если подобное невозможно. – И вот мы приходит самое тяжелое осознание, которое делает ужасно сомнительными все виды жизни: абсолютный избыток удовольствия **должен** быть доказуем, иначе средством уничтожения человечества следует избрать наше собственное уничтожение. Уже это: нам необходимо положить на весы наше прошлое и прошлое всего человечества и *вдобавок* перевесить его – нет! Этот кусок человеческой истории должен и *будет* вечно повторяться, *это* мы можем скинуть со счетов, здесь мы не в силах повлиять – пусть даже это обременит наше чувство сострадания и восстановит нас против жизни. Чтобы избежать потрясения, наше сострадание не должно быть большим. Мы обязаны глубоко проникнуться безразличием и наслаждением созерцания. Нам не должно быть *никакого* дела и до страданий будущего человечества. Но

захотим ли мы жить дальше и как захотим жить — вот в чем вопрос!

Следует взвесить: различные *возвышенные состояния*, испытанные мною, как основу отдельных *глав* и их тем — как регуляторы господствующей в каждой главе выразительной манеры, подачи материала, пафоса, — и таким образом запечатлеть мой идеал, словно посредством *сложения*. А затем еще выше!

11[142]

Неужели я говорю как тот, кто обрел откровение? Тогда презрите и не слушайте меня. — Вы все еще из тех, кто нуждается в богах? Неужели не претит вашему разуму, когда его пичкают столь дешевой и невкусной стряпней?

11[143]

«Но если все необходимо, то как я могу распоряжаться своими поступками?» Мысль и вера — огромный груз, давящий на человека наряду с другими тягостями и даже более них. Ты говоришь, что пища, обстановка, атмосфера, общество изменяют и определяют тебя? Но еще в большей степени это делают твои мнения, потому как именно они склоняют тебя к этой пище, обстановке, атмосфере, обществу. — Если ты проникнешься мыслью мыслей, она изменит тебя. Вопрос, задаваемый самому себе при каждом поступке, который ты желаешь совершить: «Действительно ли я хочу делать это бесчисленное множество раз?» — *величайшая* из тягостей.

11[144]

Было бы ужасно, если бы мы еще и верили в *грех*; напротив, что бы мы ни делали в бесчисленном повторении, все это *безвинно*. Если мысль о вечном возвращении всех вещей не завладеет тобой, то это не твоя вина — и не твоя заслуга, если это произойдет. — Обо всех наших предшественниках мы думаем намного снисходительнее, чем они сами, мы сожалеем о заблуждениях, усвоенных ими, но не об их зле.

1. *Могущественнейшее познание.*

2. Мысли и заблуждения меняют человека и снабжают его инстинктами — или *усвоенными заблуждениями.*
3. *Необходимость и невинность.*
4. *Игра жизни.*

11[145]

Новое воспитание должно *предотвратить* то, что человек предастся одной единственной страсти и превратится в орган, что было бы противно естественной тенденции к разделению труда. Необходимо создать управляющие, надзирающие существа, которые наблюдали бы за игрой жизни и временами *участвовали бы в ней, не особенно* втягиваясь в нее. В их руках в конечном счете должна оказаться *власть*, им она будет доверена, потому что они не злоупотребят ею в стремлении исключительно к *одной* цели. Вначале их следует снабдить деньгами на воспитание (первые наставники должны будут воспитывать себя сами!), а еще потому, что в их руках деньги будут сохраннее всего (сейчас повсюду средства расходуются на *чрезмерно горячие, однобокие тенденции*). Так образуется новая правящая каста.

11[146]

Отвращение к жизни встречается редко. Мы держимся за нее, и даже будучи на краю, в тяжелейших положениях, мы согласны продолжать жить, *не* из страха перед худшим, *не* в надежде на лучшее, *не* по привычке (скорее уж со скуки), *не* ради случайного удовольствия, а для *разнообразия*, и еще потому, что по сути ничто не есть *повторение*, но напоминание о пережитом. Притягательная сила нового, но все же с привкусом чего-то старого — подобно музыке с множеством мерзких тонов.

11[147]

Любое новое учение лишь в самую последнюю очередь находит своих лучших адептов, натуры крепкие и надежные, потому как в них, с плодородностью первобытного леса, сплетаются прежние идеи, образуя *непроходимую* стену. Более слабые, опустошенные, болезненные, страждущие — те, кто подхватывает новую инфекцию; первые последователи не являются свидетельством *против* какого-

либо учения. Полагаю, что первые христиане с их «добродетелями» были несноснейшим народом.

11[148]

В мире сил нет места уменьшениям: иначе в бесконечности времен он ослабел бы и погиб. В мире сил не может быть состояния покоя: будь оно достигнуто, часы бытия остановились бы. Следовательно, мир сил никогда не приходит в равновесие, в нем нет ни минуты спокойствия, его сила и движение постоянно велики во все времена. Любое состояние, которого только *может* достичь это мир, обязательно было им уже достигнуто, и не раз, а бесчисленное множество раз. Так и этот миг: он уже был когда-то, и не однажды, и он будет возвращаться снова и снова, и силы в нем будут распределены совершенно так же, как и сейчас, – и точно так же обстоит дело с мгновеньем, породившим этот миг, и с тем, кто отпрыск нынешнего. Человек! Вся твоя жизнь будет беспрестанно переворачиваться и вытекать, как в песочных часах, а в промежутке – долгая минута, пока все условия, из которых ты возник, вновь не сольются вместе в мировом круговороте. И тогда ты вновь обретешь каждую боль и удовольствие, каждого друга и врага, и каждую надежду, и каждое заблуждение, и каждую травинку и солнечный луч – порядок всех вещей. Этот круг, в котором ты зернышко, сияет снова и снова. И в каждом круге человеческого бытия обязательно есть час, когда вначале одному, потом многим, а затем и всем приходит в голову могущественнейшая мысль о возвращении всех вещей, – для человечества это каждый раз час *полудня.*

11[149]

Химические свойства тоже постоянно находятся в движении и меняются – и пускай пройдут века, но нынешняя формула соединения будет успешно *опровергнута.* Пока же формулы истинны: ведь они грубы; что значит 9 частей кислорода к 11 частям водорода! Невозможно достичь совершенно точного соотношения 9:11, на практике всегда закрадется какая-либо ошибка, следовательно, существует определенный промежуток, в рамках которого экспери-

мент удастся. Но даже внутри этого промежутка происходит вечное изменение, вечное течение всех вещей, в каждый следующий момент кислород уже не тот, что раньше, он нечто новое — но это новое слишком тонко для любых измерений: вероятно, все новое, возникшее за время существования рода человеческого, еще не достаточно развито, чтобы опровергнуть формулу. — Форм так *мало*, как мало *качеств*.

11[150]

Мы не в состоянии представить себе *становление* иначе, чем как переход из одного неизменного, «мертвого» состояния в другое неизменное, «мертвое» состояние. Ах, «мертвое» мы называем неподвижным! Как будто существует что-то неподвижное! Живое не противоположность мертвому, а особый случай.

11[151]

Наше предположение о том, что есть тела, плоскости, линии, формы, лишь следствие нашей догадки о том, что есть вещества и предметы, нечто неизменное. Математические образы такая же выдумка, как и наши понятия. Их просто не существует — мы точно так же не в силах *сделать явью* плоскость, круг, линию, как и какое-нибудь понятие. Целая бесконечность, как реальность и препятствие, всегда располагается между 2 точками.

11[152]

Если бы не *все* возможности были исчерпаны в расстановке и соотношении сил, тогда не было бы бесконечности. Но раз именно так и *должно быть*, то нет более новых возможностей и все уже имело место — бесчисленное количество раз.

11[153]

Наш интеллект не предназначен для понимания становления, он стремится доказать всеобщую неподвижность, в силу своего происхождения из *образов*. Все философы имели целью доказательство вечного оцепенения, потому как в нем ощущает свою форму и влияние интеллект.

11[154]

Ничто в реальности не *конгруэнтно*, поскольку в ней отсутствуют плоскости.

11[155]

Мы никогда не ощущаем одновременности, но всегда лишь последовательность. Пространство и человеческие законы пространства *предполагают* реальность образов, форм, веществ и их долговечность, т.е. наше пространство существует в вымышленном мире. О пространстве же, принадлежащем вечному течению вещей, нам ничего не известно.

11[156]

Наука в сущности призвана определить, как *человек* — **не** индивидуум — относится ко всем вещам и к себе самому, то есть *исключить* идиосинкразию отдельных личностей и групп и зафиксировать *неизменное* положение вещей. Познается не истина, а *человек*, причем во все времена, в которые он существует. То есть *конструируется* некий фантом, все постоянно находятся в поисках предмета, в отношении которого *необходимо прийти к согласию*, потому как это свойственно человеческой сущности. При этом выяснилось, что бесчисленное множество предметов было неважно, хотя долгое время полагали обратное, и что с установлением существенного не было доказано ничего для реальности, лишь только то, что *существование человека до сих пор зависело от веры* в эту «реальность» (тело, долговечность вещества и т.д.). Тем самым наука лишь *продолжает* процесс, *сформировавший* суть вида, — стремление превратить веру в определенные вещи в явление эндемическое, а неверующих отторгнуть и оставить умирать. Достигнутая таким образом *схожесть* восприятия (ощущение пространства, времени, больших и малых размеров) превратилась в условие существования вида, но с истиной это не имеет ничего общего. «Безумец», идиосинкразия служат доказательством не ложности представления, а его аномальности; с подобным представлением толпа не может *жить*. Это *массовый* инстинкт, господствующий и в познании: толпа стремится все глубже познавать условия *своего* суще-

ствования, с тем чтобы жить все дольше. *Единообразие восприятия*, к которому раньше стремились общество и религия, теперь ставит своей целью наука: определен *стандартный вкус* для всех вещей, знание, основывающееся на вере в постоянство, служит *более грубым* формам постоянства (толпе, народу, человечеству) и стремится к искоренению и умерщвлению более тонких форм, идиосинкразического *вкуса*. Оно направлено против *индивидуализации*, против *вкуса*, который является условием жизни лишь *одного* существа. — Вид — более грубое заблуждение, индивидуум — более тонкое, оно приходит *позднее*. Он *борется* за свое существование, за свой новый вкус и относительно *уникальную* позицию по отношению ко всем вещам — он считает их лучше, чем всеобщий вкус, который он презирает. Он желает *господствовать*. Но вдруг индивидуум обнаруживает, что он сам есть нечто изменчивое и что у него изменчивый вкус: его утонченность открывает ему тайну, что индивидуума не существует, что в каждый момент он не то, что в предыдущий, и что условия его существования такие же, как и у бесчисленного множества других индивидуумов: *бесконечно малое мгновенье* есть высшая реальность и истина, молниеносный образ в вечном потоке. Так он понимает, что любое *приносящее наслаждение* познание покоится на грубом заблуждении вида, на более утонченных заблуждениях индивидуума и на тончайшем заблуждении творческого мгновенья.

11[157]

Остережемся назначить этому круговороту какое-либо *устремление*, цель — или оценивать его, в соответствии со своими потребностями, как *нудный*, глупый и т.д. Определенно, ему присущи в равной степени как наивысшая степень неразумности, так и ее противоположность, но не следует судить о нем по этим качествам: рассудочность или неразумие *не* служат предикатами для вселенной. — Остережемся по ложной аналогии с круговращением *внутри* круга рассматривать *закон этого круга* в качестве *результата становления*; в начале был *не* хаос, а затем не было постепенного, все более гармоничного движения, оформившегося наконец в константное кругообразное

движение всех сил: скорее все было вечно, не как результат становления; если и существовал хаос сил, то и он был вечен, возвращаясь с каждым витком вновь. *Круговорот* не *результат становления*, он первозакон, как первозакон *количество силы*, без исключений и нарушений правил. Всякое становление происходит внутри круговорота и в рамках количества силы, поэтому не следует, проводя ложные аналогии, для характеристики вечного круговорота использовать становящиеся и преходящие круговороты, например вращение светил, прилив и отлив, день и ночь или времена года.

11[158]

Остережемся проповедовать подобное учение в качестве родившейся в одночасье религии! Оно должна впитываться постепенно, целые поколения должны работать над ним и благодаря ему обретать продуктивность — с тем, чтобы оно превратилось в огромное дерево, укрывающее в своей тени все грядущее человечество. Что такое пара тысячелетий, на протяжении которых сохранялось христианство! Самой могучей мысли необходимы многие тысячелетия — *очень долго* она должна быть мелкой и беспомощной!

11[159]

Наложим отпечаток вечности на *нашу* жизнь! В этой мысли больше содержания, чем во всех религиях, презирающих эту жизнь как преходящую и поучающих устремлять свои взоры к некоей *другой*, неопределенной жизни.

11[160]

Это учение снисходительно к тем, кто не верит в него, в нем нет ни преисподней, ни угроз. Кто не верит, у того в сознании *преходящая* жизнь.

11[161]

Не обращать свои взоры к далеким неизвестным блаженствам, и *благословениям*, и *милованиям*, а жить так, чтобы захотелось прожить еще одну жизнь, и жить *так* вечно! — В каждое мгновение наша задача приближается к нам.

11[162]

Чтобы стало возможным наличие в мире хоть толики разума, должен возникнуть нереальный мир заблуждения: нечто с верой в постоянство, в индивидуумы и т.д. Лишь после того, как в противоречии с абсолютным течением появится воображаемый мир, *на этой основе* можно будет что-либо *познать* – в конечном итоге можно будет даже постичь главное заблуждение, на котором все держится (потому как противоположности дают пищу для *размышлений*), но это заблуждение может быть искоренено лишь вместе с жизнью: последняя истина о течении вещей не поддается *усвоению*, наши **органы** (для *жизни*) настроены на заблуждение. Так в мудреце рождается *противоречие жизни* и ее последних решений: его *стремление* к познанию имеет своим условием веру в заблуждение и в содержащуюся в нем жизнь.

Жизнь является условием познания. Заблуждения – условие жизни, и притом заблуждения глубочайшие. Знание о заблуждениях не отменяет этого! В этом нет ничего горького!

Мы должны любить и беречь заблуждения, они суть лоно познания. Наш культ – искусство, лелеющее грезы.

Ради познания любить и лелеять жизнь, ради жизни любить и лелеять заблуждения и грезы. Стремление придать бытию эстетический смысл, *приумножить наш вкус к нему* – вот основное условие всякой страсти к познанию.

Здесь мы также находим ночь и день как условие *нашей* жизни: желание познавать и желание заблуждаться суть отлив и прилив. Если абсолютно господствует что-то *одно*, человек гибнет – а *вместе с ним* гибнет *и способность*.

11[163]

Политическая химера, над которой я смеюсь подобно современникам, насмехающимся над религиозными миражами прежних времен, – это, в первую очередь, *секуляризация*, вера в *мир* и вытеснение из сознания понятий «загробная жизнь» и «потусторонний мир». Ее цель в обеспечении благополучия **преходящего** индивидуума, именно поэтому ее продуктом явился социализм: **отдельные** *преходящие* личности хотят завоевать себе счастье посред-

ством обобществления, у них нет основания *ждать*, подобно людям, обладающим вечной душой, находящимся в вечном становлении и в будущем становящимся лучше. Мое учение гласит: жить *так*, чтобы обязательно *испытывать желания*, задача — вновь обрести жизнь, это свершится *в любом случае*! Кому больше всего по душе стремление, тот да стремится, кому покой, тот да покоится, кому упорядоченность, подчинение и покорность, тот да покоряется. **Пусть** *он только осознает*, **что** ему по душе больше всего, и не гнушается *никакими средствами*! Ведь речь идет о *вечности*!

11[164]

Я называю это *инстинктом*, когда какое-нибудь *суждение* (*вкус* на его низшей ступени) настолько усваивается, что само спонтанно проявляет себя и более не нуждается в ожидании внешних раздражителей. Оно растет само по себе и, следовательно, обладает собственной склонностью к деятельности, рвущейся наружу. Промежуточная ступень: полуинстинкт, реагирующий исключительно на раздражители и в остальном безжизненный.

11[165]

Мы хотим снова и снова переживать произведение искусства! Так нужно построить и свою жизнь, чтобы каждая ее часть заставляла нас испытывать то же чувство! Вот главная мысль! Лишь в конце следует преподносить *учение* о повторении всего бывшего, когда уже приживется тенденция *творить* нечто, что в солнечном сиянии этого учения *расцветет* с тысячекратной силой!

11[166]

Похожее есть не степень подобного, а нечто совершенно отличное от подобного.

11[167]

Как можно придавать значение ближнему, мелкому, мимолетному? А) Если увидеть в этом корень привычек; Б) если понять, что оно вечно и обусловливает вечное.

11[168]

Кто сеет в душе, тот сажает деревья, которые не скоро вырастут. По наследству от отца сыну передаются *наиболее усвоенные* привычки (*не* самые ценимые!). Сын *выдает* отца. Усердие ученого соответствует занятию его отца: например, если тот вечно сидит за конторкой или «трудится» всего лишь сельским священником. Греки из высших сословий потому и были столь индивидуально плодовиты, что не унаследовали бездумного *усердия*.

11[169]

От всяких необузданных проявлений энергии мы *защищаемся* до тех пор, пока не научаемся использовать их (как силу), и до тех пор зовем их *злом*. Но после уже нет! Вопрос: как извлечь пользу из преступления? Как извлечь пользу из собственной необузданности?

11[170]

Я хочу в противовес искусству произведений преподать искусство более высокое: искусство изобретения *празднеств*.

11[171]

Я познаю нечто истинное лишь в противопоставлении существующему в действительности ложному: истина как понятие появляется на свет совершенно беспомощной и вынуждена набирать *силы, сливаясь с существующими заблуждениями*! Поэтому необходимо дать заблуждениям жить и предоставить им большое пространство. – Чтобы иметь возможность жить индивидуально, нужно, в свою очередь, сперва помочь обществу достичь высокого уровня развития и продолжать развивать его и впредь. Противоречие: сначала индивидуальное обретает некоторую силу в союзе с обществом. – Наконец наступит момент, когда мы захотим вырваться за рамки индивидуального и идиосинкразического, – но лишь в союзе с индивидуумом, с противоположностью, мы сможем придать этому устремлению силы.

11[172]

Как придать нашей внутренней жизни значимость, не наполнив ее при этом злом и фанатической неприязнью к инакомыслящим? Религиозная вера ослабевает, человек научается ощущать свою мимолетность и незначительность и, в конце концов, становится слаб; он более не упражняется в стремлении и в терпении, он желает сиюминутного наслаждения, он облегчает себе жизнь – и это, вероятно, стоит ему больших душевных усилий.

11[173]

Каким бессильным было до сих пор любое физиологическое *познание*! в то время как прежние физиологические *заблуждения* набирали стихийную силу! Очень долго мы можем использовать новые знания лишь в качестве раздражителей – с тем, чтобы ослабить стихийные силы.

11[174]

Насколько *стало меньше* зла! Прежде в любом природном явлении человек видел вредное намерение!

11[175]

Сколь низким было отношение христианства к античности: оно *насквозь* его *демонизировало*. Верх очерняющей злобы!

11[176]

Рабский труд! Труд свободный! К первому относится любая работа, совершаемая не ради нас самих и не доставляющая удовлетворения. Потребуется еще много душевных сил, чтобы каждый выполнял свою работу *с удовольствием*.

11[177]

Эпоха экспериментов! Утверждения Дарвина следует проверить – опытным путем! Как и возникновение высших организмов из низших. Необходимо проводить эксперименты на протяжении тысячелетий! Воспитывать из обезьян людей!

11[178]

Ложная точка зрения: бесчисленное множество экземпляров приносится в жертву *ради* сохранения вида. Нет никакого «ради»! Как нет и вида, есть лишь различные отдельные существа! Потому нет ни жертв, ни расточительства! Как *нет* и *неразумия*! – Природа не стремится к «сохранению вида»! В действительности многие схожие существа, со схожими жизненными условиями, выживают лучше, чем существа аномальные.

11[179]

Во многих случаях рождение первого ребенка дает супругам достаточно оснований для того, чтобы больше не производить на свет детей, – однако брак вместе с тем не распадается, но *сохраняется*, несмотря на возможный убыток из-за новых детей (во вред всем последующим!). Какая недальновидность! Но государство никогда не стремилось к улучшению качества, ему важна *масса*! Поэтому ему нет никакого дела до *выращивания людей*! – Отдельные выдающиеся мужчины должны иметь возможность плодиться со многими женщинами, а отдельные женщины, обладающие наиболее благоприятными условиями, не должны зависеть от случайной возможности одного мужчины. С большей серьезностью относиться к браку! Потому как государство более не нужно.

11[180]

Роскошь зовется теперь сильнейшей притягательной силой для бедных, утомленных работой и семейных людей: <ради> нее они стремятся к *достатку*, состояние удовлетворенности и идиллическую философию клеймят врагами, вредящими *национальному богатству* и *национальной рабочей* силе. Как можно больше богатства, как можно больше зависти и неудовольствия, как можно больше конкуренции! Считается, что в *богатых* государствах искусства наиболее развиты благодаря роскошествующим людям; искусство здесь – средство вызывать зависть низших слоев, в качестве предмета роскоши. – С другой стороны, *рост* искусства в *роскоши* должен стать **апологией** роскоши и неудовольствия как цели: искусства, на время усмиряющие и усыпля-

ющие недовольные состояния и в любом случае прославляющие их.

11[181]

Ч<еловек> лишается моего уважения, 1) если у него 200–300 талеров годового дохода, а он, выбирая себе занятие, *становится* коммерсантом, чиновником или солдатом, 2) если он столько зарабатывает и все равно ищет себе должности, отнимающей много времени (в том числе становится ученым). Как! И это здравомыслящие люди! Они хотят связать себя узами брака и утратить тем самым *смысл* жизни!

11[182]

Сильный и свободный ч<еловек> в отношении всего остального проявляет *свойства* **организма**:

1) саморегулирование: в форме *страха* перед любым чужим вмешательством, в *ненависти* к врагу, в умеренности и т.д.;
2) обильное возмещение: в форме *алчности*, стяжательства, властолюбия;
3) ассимиляцию по отношению к себе: в форме похвалы, порицания, ставя других в зависимость от себя, а также в форме притворства, лукавства, обучения, привыкания, приказов, усвоения суждений и опыта;
4) секрецию и выделение: в форме отвращения и презрения в себе *ненужных более* свойств; делиться излишками, доброжелательство;
5) метаболическую силу: временное почтение, преклонение, зависимость, подчинение, почти полный отказ от проявления иных органических свойств, превращение себя в «орган», способность служить;
6) регенерацию: в форме полового инстинкта, инстинкта обучения и т.д.

Было бы заблуждением предполагать все эти органические свойства в человеке *изначально*: скорее он приобретает их *последними*, уже став свободным. Он начинал существование частичкой *целого*, обладавшего *собственны-*

ми органическими свойствами и превратившего отдельного человека в свой орган — так что **поначалу** человек, следуя стародавней привычке, испытывает по отношению к другим обществам и одиночкам, ко всему живому и неживому *общественные*, а *не* индивидуальные *аффекты*. Например, являясь членом рода или государства, он *страшится* и *ненавидит* сильнее всего *не* своего личного врага, а врага общественного, более того, он, в сущности, воспринимает личного врага как общественного (кровная месть). Он отправляется на войну, чтобы обогатить свое государство и вождя и обеспечить им избыточную компенсацию, подвергая себя опасности погибнуть, лишиться чего-либо или получить увечье. Как член своего общества, он ассимилирует чуждое ему, учится ради его блага; он презирает все качества, что больше не служат сохранению общества, он отталкивает от себя величайших индивидуумов, если те противоречат *этой* пользе. Человек превращается в орган, служащий своему обществу, и использует все свои свойства лишь в этих *рамках*. **Правильнее сказать**, у него *нет* пока никаких иных свойств, он *приобретает их лишь как орган общества*: *в качестве органа человек проявляет первые признаки всех органических свойств*. Общество сначала воспитывает отдельную особь, формируя из нее индивидуум либо наполовину, либо полностью. Общество **не** состоит ни *из* отдельных существ, ни из договоров между ними! Индивидуум необходим самое большее как центральная фигура (вождь), о «свободе» которой можно говорить лишь в сравнении с более низкими и высокими ступенями развития других. Таким образом, государство изначально *не* подавляет индивидуумы: их просто еще не существует! Государство делает возможным существование человека лишь в качестве стадного животного. Только здесь мы *обучаемся инстинктам и аффектам*: *они не присущи нам изначально*!
У них нет «естественного состояния»! Как части целого, мы участвуем в его деятельности и в условиях его существования, *усваивая при этом накопленный опыт и суждения*. Позднее они вступят в борьбу и в отношения друг с другом, когда распадутся общественные связи; человек должен сам *претерпеть* последствия общественного организма, он должен искупить нецелесообразность условий существования,

суждений и опыта, подходивших *целому*, и в конечном итоге ему удастся путем *новой* организации и ассимиляции, путем выделения инстинктов создать в себе *возможность собственного существования в качестве индивидуума*. Как правило, такие *подопытные индивидуумы* гибнут. Времена, в которые происходит становление индивидуумов, оказываются временем развращенности нравов, так называемой порчи, т.е. все инстинкты стремятся попробовать себя в отдельности и, пока еще не *приспособленные* к индивидуальной пользе, разрушают индивидуум своим избытком. Или они разрывают его на части в своей борьбе друг с другом. Тогда настает очередь этиков, которые пытаются показать человеку, как он может жить, не испытывая таких страданий из-за себя: чаще всего они навязывают ему *старый, условный образ жизни* под ярмом общества, только теперь место общества занимает понятие, — они *реакционеры*. Однако они *сохраняют* многих, хотя и возвращая их к стесненному состоянию. Они утверждают, что существует якобы *извечный нравственный закон*, не желая признавать закон индивидуальный и называя стремление к нему безнравственным и разрушительным. — Но в человеке, стремящемся к свободе, неизбежно побеждают те функции силы, которые он (или его предки) исполняли в обществе; эти выдающиеся функции управляют, поощряют или ограничивают остальные его функции — но *все* они необходимы ему, чтобы *жить* самостоятельным организмом, это *условия жизни*!

Но мы уже давно являемся *неправильно сформировавшимися существами*, и этим объясняется намного *большее неудовольствие* обретающих свободу индивидуумов, по сравнению с прежней зависимой стадией, и массовая гибель.

11[183]

Главные тенденции: 1) *всеми* способами взращивать любовь к жизни, к *собственной* жизни! *Какой* бы способ каждый отдельный человек ни избрал *для этого*, другой вынужден будет с ним согласиться и научиться новой большой терпимости — пусть даже ему часто бывает не по вкусу, когда кто-нибудь действительно умножает радость от собственной жизни!

2) Быть едиными во *вражде* против всех и вся, сомневающихся в ценности жизни: против темных, недовольных, брюзгливых людей. Запретить им плодиться! Но наша вражда сама должна стать средством для нашей радости! Значит – смеяться, высмеивать, уничтожать без сожаления! Это наша *смертельная схватка*.

Эта жизнь – твоя вечная жизнь!

11[184]

Реальному течению вещей должно соответствовать *реальное* время, не имеющее ничего общего с *ощущением* длинных и коротких временных отрезков у познающих существ. Возможно, реальное время проходит несказанно *медленней*, чем время в нашем человеческом восприятии: мы воспринимаем столь *немногое*, хотя даже нам день кажется чрезвычайно длинным, по сравнению с тем же самым днем в ощущении насекомого. Но наше кровообращение на самом деле могло бы быть равным по продолжительности обращению Земли вокруг Солнца. – Тогда мы, вероятно, казались бы себе *слишком большими* и вследствие этого переоценивали бы себя, ощущая пространство чрезмерно большим. Вполне возможно, что все много меньше. Что реальный мир *меньше*, но *движется много медленней* и бесконечно *богаче в движениях*, чем мы *предполагаем*.

11[185]

Эгоизм – явление позднее и все еще редкое: стадные чувства сильнее и древнее! Например, до сих пор человек *оценивает* себя столь же высоко, как его оценивают другие (тщеславие). До сих пор он желает *равных* прав с другими и испытывает удовлетворение при мысли об этом, даже если ко всем людям он относится одинаково (хотя это сильно противоречит справедливости по принципу suum cuique![1]). Он не видит в себе нечто новое, а стремится перенять мнения тех, кто господствует, и точно так же воспитывает своих детей. Это *предварительная стадия* эгоизма, не противоположность ему: человек действительно все еще не индивидуум и эго; в качестве функции целого он

---

1 каждому свое (лат.)

ощущает *свое* существование наиболее оправданным. Поэтому он позволяет распоряжаться собой родителям, учителям, кастам, правителям, с тем чтобы обрести своеобразное чувство **самоуважения**, — даже в любви он скорее ведомый, чем ведущий. Послушание, долг кажутся ему «моралью», т.е. он *прославляет* свои стадные инстинкты, выставляя их в качестве *серьезных добродетелей*. — Даже в *пробудившемся* индивидууме велико влияние первобытных стадных чувств, которые связаны с *чистой* совестью. Христианин с его extra ecclesiam nulla salus[1] *жесток* по отношению к противникам христианского стада; гражданин государства приговаривает преступников к *ужасным* наказаниям не как эго, а руководствуясь древним инстинктом: жестокость *поступка*, убийство, рабство (тюремное заключение) не оскорбляют его, когда он оценивает их с точки зрения стадного инстинкта. — Все свободные л<юди> средневековья полагали, что следует сохранять прежде всего стадное чувство, а редкие индивидуумы должны в *этой* связи учиться притворствовать; по их мнению, без пастырей и веры во всеобщие законы все провалится в тартарары. Мы больше не верим в это, так как увидели, что *привязанность к стаду настолько* велика, что снова и снова прокладывает себе дорогу, несмотря на всю свободу мысли! Эго все еще *встречается очень редко*! Тоска по государству, социальным образованиям, церквям и т.п. не стала слабее. V<ide>[2] войны! И «нации» тоже!

11[186]

Греческие законодатели потому уделяли столько внимания агону, что хотели отвлечь от *государства* с помощью мыслей о соревновании и обеспечить тем самым политическое спокойствие. (Сегодня нам приходит на ум конкуренция в торговле.) Пыл состязаний должен был увести от размышлений о государстве: граждане должны были заниматься физическими упражнениями и сочинительством, что помимо прочего делало их прекрасными и утонченными. — Точно так же они приветствовали любовь к мальчи-

---

1 вне церкви нет спасения (*лат.*)

2 См<отри> (*лат.*)

кам, во-первых, чтобы предотвратить перенаселение (порождающее беспокойство и обнищание, в том числе и среди аристократии), а во-вторых, чтобы воспитывать соревновательный дух: молодежь и старшее поколение должны были оставаться вместе, не разделяться и блюсти интересы молодежи — иначе отделенное от всех старшее поколение обратило бы свои честолюбивые устремления против государства; с детьми же невозможно было толковать о государстве. Возможно, Ришелье использовал так же галантность мужчин, чтобы усыпить их честолюбивые инстинкты и занять их иными, чем о государстве, *беседами*.

11[187]

В чем причина упадка александрийской культуры? Она была **не** в силах, несмотря на все свои полезные открытия и удовольствие от познания *этого* мира, поставить *этот* мир, **эту жизнь** *превыше всего, потусторонний мир был для нее важнее*! Пере*учиться* этому — по сей день важнейшая задача, которая, возможно, будет реализована, *если* именно *эта* жизнь станет *главным* объектом метафизики — в соответствии с моим учением!

11[188]

В целом, социализм, как и национализм, есть реакция против становления индивидуальности. *Проблема* человека в его эго, *полузрелом сумасбродном* эго: он хочет вновь накрыть его колоколом.

11[189]

Амебное *единство* индивидуума достигается последним! Философы же исходят из него, как будто оно присуще каждому! — Главным доказательством противного служит нравственность: повсюду вслед за индивидуумом шествует *испорченность нравов*, т.е. впервые используются индивидуальные критерии удовольствия и неудовольствия, и тогда становится очевидным, *в какой степени* внутри отдельного человека инстинкты еще не обучены уживаться друг с другом; единства еще нет, или же оно проявляется в форме самого грубого господства одного инстинкта над остальными — так что целое, как правило, погибает! — Так начи-

нается эпоха *свободных* людей, бесчисленное множество которых гибнет. — Глядя на это, «мудрецы» взывают к прежней морали и стараются доказать ее приятность и полезность *для отдельного человека.*

11[190]

Неустойчивое равновесие встречается в природе так же редко, как и два конгруэнтных треугольника. Как следствие, в ней невозможно бездействие сил. Если бездействие все же было бы *возможно*, оно бы наступило!

11[191]

Стадные люди и люди *самостоятельные*: последние сначала в роли пастырей.

11[192]

Желание навредить как тенденция лишилось своего негативного ореола в борьбе между *партиями* (как политическими, так и научными), а также в конкуренции торговцев, государств: участники противостояния отказываются от некоторых средств борьбы, но *не* от тенденции! Критика всего и вся — последнее проявление власти тех, кто не имеет влияния: продолжение колдовства.

Желание быть полезным посредством *молитв* и возвеличивания фантазии считалось когда-то основным занятием человека: учинять насилие над богом и заставлять его вершить добро — в этом некое подобие черной магии: учинять насилие над дьяволом и принуждать его ко злу — что, видимо, тоже было одним из основных занятий. *Наслаждение* волей и образом достигнутой цели, а также вера в то, что *это и есть средство* для *достижения* цели: здесь все были единодушны. Люди верили в некий сокровенный *путь*, отличный от пути поступков и механики и позволяющий прийти к той же цели.

11[193]

Спиноза: в наших поступках мы руководствуемся исключительно желаниями и аффектами. Познание должно быть аффектом, чтобы быть мотивом. — Я же утверждаю: чтобы быть мотивом, оно должно быть *страстью.*

Ex virtute absolute agere = ex ductu rationis agere, vivere, suum Esse conservare[1]. «В корне не стремиться ни к чему другому, как лишь к *собственной пользе*». «Никто не стремится сохранять свое существование ради какого-нибудь другого существа». «Стремление к самосохранению – условие любой добродетели».

«Люди тогда наиболее полезны друг другу, когда каждый из них стремится к собственной пользе». «Ни одно существо на свете не может быть для человека полезнее, чем человек, живущий под руководством разума, ex ductu rationis».

«*Хорошо* все, что действительно служит познанию; *дурно*, напротив, то, что ему препятствует».

Наш разум – наша величайшая сила. Из всех благ лишь это одинаково радует всех и не служит предметом зависти; каждый желает его другому, и тем больше желает, чем больше разума у него самого. – Люди согласны лишь в разуме. Они не могут достичь большего согласия, чем живя разумно. Они не могут быть сильнее, чем живя в полном согласии. – Живя в состоянии согласия с другими и с самими собой, мы в любом случае много сильнее, чем живя в разладе. Страсти порождают раздор: они сталкивают нас с другими людьми и с самими собой, они заставляют нас быть враждебными по отношению к внешнему миру и нерешительными по отношению к миру внутреннему. **Ego**: все это **предрассудки**. Подобного разума *нет*, и *без* борьбы и страсти все станет *слабым* – человек и общество.

(«*Желание* есть самая сущность человека, а именно стремление, в силу которого человек желает пребывать в своем существовании».

«Каждый бессилен настолько, насколько он пренебрегает своей пользой, т.е. самосохранением».

---

1 Действовать абсолютно по добродетели = действовать под руководством разума, жить, сохранять свою сущность (*лат.*)

«Стремление к самосохранению есть первое и единственное основание добродетели».)

Дух не обладает свободной волей, его желания – следствие определенной причины, в свою очередь, зависящей от какого-либо другого обстоятельства, которое опять-таки зависит от иной причины, и так до бесконечности.

Воля – это способность принимать и отрицать, ничего более.

Я, напротив, убежден: *пре*эгоизм, стадный инстинкт древнее «стремления к самосохранению». Вначале человек *развивается как функция*, позднее из нее выделяется индивидуум, который, будучи *функцией*, **познал** и постепенно *усвоил* бесконечное множество условий *целого*, организма.

11[194]

Иезуиты были на стороне эмпиризма, они являлись последователями Гассенди и противниками Декарта (на которого они нападают с позиций сенсуализма): например отец Бурден. То есть они на стороне Фомы, Аристотеля, Гассенди – *против* Августина, Платона, Декарта, идеализма. (Конгрегация отцов оратория Иисуса, а также Пор-Рояль.) Паскаль.

Арнольд *Гейлинкс* (родившийся в 1625 году в Нидерландах): impossibile est ut is faciat, qui nescit quomodo fiat. Quod nescio, quomodo fiat, id non facio[1]. – Qua fronte dicam, id me facere quod quomodo fiat nescio?[2] Моя воля не должна простираться дальше, чем мои возможности. Ubi nihil vales, ibi nihil velis[3].

---

1 невозможно совершить нечто, если не знаешь, как это происходит. То, о чем я не знаю, как оно происходит, я не совершаю (*лат.*)

2 Как я могу сказать, что делаю то, о чем не знаю, как оно происходит? (*лат.*)

3 Где не имеешь никакой силы, там ничего не желай (*лат.*)

Virtus est amor rationis[1]. – Amor rationis hoc agit in amante, ut se ipse deserat, a se penitus recedat. Humilitas est *incuria sui.* Partes humilitatis sunt duae: inspectio sui et despectio sui[2].

Мальбранш: «Чувства следует рассматривать не только в качестве ложных свидетелей в отношении истины, но и как верных советчиков в вопросах сохранения жизни и извлечения из нее пользы!» Мы впадаем в заблуждение, как только наши мысли попадают в зависимость от чувств, когда наш дух зависит от тела. *Грех* служит причиной этой зависимости. Желание познавать посредством чувств – этого источника заблуждений – есть *грех.* Причина *заблуждений* в *грехе*! Заблуждение становится возможным в результате *отпадения* от бога, под гнетом тела.

Спиноза, или телеология как Asylum ignorantiae[3].

11[195]

Полдень и вечность.

Указания для новой жизни.

Заратустра, рожденный на озере Урми, покинул в тридцатый год своей жизни родину, отправился в провинцию Ария и за десять лет, проведенных в одиночестве в горах, сложил Зенд-Авесту.

11[196]

Солнце познания вновь стоит в полудне – и, свернувшись кольцами, лежит в его лучах змея вечности – – пришло *ваше* время, полуденные братья!

---

1 Добродетель есть любовь к разуму (*лат.*)

2 Любовь к разуму действует в любящем так, чтобы он пренебрег самим собой, отступил от самого себя. Смирение – это беспечность по отношению к себе. Есть две составляющих смирения: рассмотрение себя и презрение к себе (*лат.*).

3 Прибежище невежества (*лат.*)

11[197]

К «Проекту нового образа жизни»

Книга первая – в стиле первой части Девятой симфонии. *Chaos sive natura*[1]: «*о расчеловечивании природы*». Прометея приковывают к Кавказу. Написано с жестокостью *Κράτος*, «власти».

Книга вторая. Небрежно-скептическо-мефистофельски. «*Об усвоении опыта*». Познание = заблуждение, ставшее органичным и организующим.

Книга третья. Самое проникновенное и возвышенное из того, что когда-либо будет написано: «о *последнем счастье одинокого*» – того, кто из «принадлежащего» стал в высшей степени «своим собственным»: совершенное *эго* – и лишь только у *этого* эго есть *любовь*; на более ранних этапах, когда еще не достигнуто наивысшее одиночество и самовластие, существует нечто, отличное от любви.

Книга четвертая. Дифирамбически-всеобъемлюще. «*Annulus aeternitatis*»[2]. Страстное желание пережить все еще раз и бесконечное множество раз.

Непрерывное *превращение* – ты должен за короткое время пройти через множество индивидуумов. Средство – *непрерывная борьба*.

Сильс-Мария, 26 августа 1881 г.

«Следует избегать всего прекрасного и приятного, подобно брутальному, презирающему мир человеку», – отзывается Я. Буркхардт о палаццо Питти.

11[198]

Величие формы произведения искусства проявится лишь тогда, когда есть величие формы в *существе* художника! Сами по себе великие формы нелепы и пагубны для искусства, они склоняют художника к притворству и превращают великое и редкое в разменную монету. *Искренность* худож-

---

1 Хаос или природа (*лат.*)

2 «Кольцо вечности» (*лат.*)

ника, в *характере* которого нет этой формирующей силы, – в нежелании ее присутствия в своих произведениях; если же он вовсе отрицает ее существование и клевещет на нее, то это понятно и, по крайней мере, простительно: он не *в состоянии* превзойти самого себя. Так у Вагнера. Но «нескончаемая мелодия» – это полная нелепица, «так и не ставший формой завершенный образ», в этом – проявление бессилия формы, возведенного в своеобразный принцип. Драматическая музыка и вообще манерная музыка лучше всего ладит с бесформенной, текучей музыкой – и поэтому принадлежит к *более низкому* виду.

11[199]

Покорность, ощущение функции и бессилия составили ценность «**неэгоистического**» – в тот миг, когда человек уверовал в совершенную зависимость от *единого Бога*. Презирать самое себя, но все равно искать цель для своей *деятельности*, причем деятельности **вынужденной** – во имя *бога*, а когда в конце концов перестали верить в бога, то во благо *другого*: химера, могучая мысль, облегчавшая человеческое бытие. Наши состояния тоже жаждут подчинения, а индивидуум должен быть подавлен – отсюда культура альтруизма. В действительности человек поступает «неэгоистически», поскольку это *единственное* условие, при котором он *продолжает существовать*, т.е. человек, как правило, заботится о существовании других более, чем о своем собственном (например правитель о народе, мать о ребенке), потому что иначе было бы невозможным существование правителя как правителя, матери как матери: они стремятся сохранить *собственное* чувство власти, несмотря на то, что ради этого им приходится проявлять постоянную заботу о своих чадах и совершать ради них бесконечные акты самопожертвования, а в других случаях совершать это приходится *ради властей предержащих* – если лишь так мы можем укрепиться в своем существовании (удовольствие, например в служении гению и т.д.).

11[200]

Права: обладающий властью определяет отношения *между* исполнителями. *Обязанности*: обладающий властью

определяет отношение исполнителей *к себе*: перед каждым стоит определенная задача, и с целью **регулярного** ее выполнения обладающий властью *отказывается* от дальнейшего вмешательства и *сам подчиняется* определенному *порядку*, это часть саморегулирования. В отношении *обязанностей исполнителей* существует согласие между властьимущим и функцией. В этом нет ничего «неэгоистического».

11[201]

Современное научное соответствие вере в бога — вера во *Вселенную как организм*: мне это противно. Из всего редчайшего, невыразимо производного, органического, что можно встретить лишь на земной коре, сделать существенное, всеобщее, вечное! Это все то же очеловечивание природы! И тайное многобожие в монадах, которые якобы образуют организм Вселенной! Предусмотрительно! Монады, способные препятствовать определенным механическим процессам, например установлению равновесия сил! Фантазерство! — Если бы Вселенная могла стать организмом, она бы им стала. Мы должны мыслить ее как целое и как можно дальше от органического! Мне кажется, что даже наше химическое сродство и когерентность суть поздние явления, относящиеся к определенным периодам *в* развитии единичных систем. Признáем присутствие во Вселенной абсолютной необходимости, но остережемся утверждать, рассуждая о каком-нибудь законе, пусть самом примитивном из известных нам, механическом, что он вечен и господствует во Вселенной. — Любое химическое качество может появиться, исчезнуть и вновь образоваться. Развитие бесчисленного множества «свойств» могло ускользнуть от нашего взгляда в силу нашего положения во времени и пространстве. Возможно, *изменение* какого-нибудь химического качества происходит и в данный момент, но в такой малой степени, что не поддается нашим даже самым тщательным расчетам.

11[202]

Величина силы Вселенной *определенна*, а не «бесконечна»: не стоит так искажать понятие! Следовательно, число состояний, изменений, комбинаций и путей разви-

тия этой силы хоть и необычайно велико и практически «*неизмеримо*», но все равно определенно и не бесконечно. Но время, в которое Вселенная задействует свою силу, бесконечно, т.е. сила вечно одинакова и вечно деятельна: настоящему мгновенью предшествовала вечность, т.е. всякое возможное развитие уже *имело место* раньше. *Следовательно,* нынешнее развитие должно быть повторением чего-то, как и то, которое его породило, и то, которое последует за ним, и так далее – в будущем и в прошлом! Все уже было бесчисленное количество раз, потому как совокупное состояние всех сил наступает снова и снова. *Кроме того,* совершенно невозможно доказать, появлялись ли когда-либо одинаковые вещи. Кажется, совокупное состояние до мельчайших деталей обновляет свои *свойства,* так что два различных совокупных состояния не могут иметь ничего общего. Может ли быть внутри одного совокупного состояния что-либо одинаковое, например *два листка*? Сомневаюсь: ведь это предполагало бы их абсолютно идентичное возникновение, так что нам следовало бы *допустить,* что *в прошлом во все времена* существовали некие тождественные вещи, несмотря на изменения совокупных состояний и создание новых свойств, – невозможное допущение!

11[203]

Посмотрим, какое влияние оказывала до сих пор *мысль* о том, что *нечто повторяется* (например год или периодические болезни, бодрствование и сон и т.д.). Если повторение по кругу есть всего лишь вероятность или возможность, то даже *мысль о возможности* в силах потрясти и изменить нас, не только восприятие или определенные ожидания! Каким влиянием обладала *возможность* вечного проклятья!

11[204]

Положение, в котором люди находятся по отношению к природе и другим людям, *определяет их свойства* – в этом они подобны атомам.

11[205]

Остережемся полагать, что во Вселенной заложена тенденция к достижению определенных *форм*, стремление стать прекрасней, совершенней и сложнее! Это очеловечивание! Анархия, безобразный, форма — неподходящие понятия! Для механики не существует ничего несовершенного.

11[206]

Все вернулось: Сириус, и паук, и твои мысли в этот час, и эта твоя мысль о том, что все возвращается.

11[207]

С какой отчужденностью и высокомерием мы относимся к мертвому, неорганическому, а между тем мы на три четверти водяной столб, содержащий неорганические соли, от которых наши радости и горечи зависят, вероятно, в большей степени, чем от всего живого общества!

11[208]

Философы поступали подобно народам, вкладывая свою узкую *мораль* в суть вещей. Идеал каждого философа должен также находиться в самих вещах.

11[209]

Стадные люди и *особые люди*!

11[210]

Нас целиком и полностью *обусловливает* неорганическое: вода, воздух, почва, характер местности, электричество и т.д. В этих условиях мы подобны растениям.

11[211]

Моя задача: расчеловечить природу и оприродить человека, после того как он осознает чистое понятие «природа».

11[212]

Все привычки (например принимать определенную пищу, в частности пить кофе, или определенным образом

организовывать время) имеют своим долгосрочным следствием *воспитание* людей *определенного типа*. Так что оглянись вокруг! Исследуй все до мелочей! Куда это ведет? Подходит ли это *тебе*, соответствует ли *твоей* цели?

11[213]

В бесконечном становлении нового заложено противоречие: подобное становление предполагает наличие бесконечно *нарастающей* силы. Но *в чем* залог ее роста? Что питает и *пере*насыщает ее? Теория о том, что Вселенная есть организм, противоречит *сути органического*.

11[214]

Любители соли *не* «плотоядные». Всегда найдутся чванливые и выставляющие напоказ свое богатство люди, которые попытаются скрыть, что едят *мало* мяса: пускай, мол, все смотрят, кому требуется много или мало соли!

11[215]

Чай слабый, или горький, или без особого запаха и вкуса — следовательно, нужно добавить в него цветы!

11[216]

Пища (например лук или тонизирующие наркотики, такие как табак) служит доказательством тому, что человеку важнее всего не получать удовольствие и избегать неудовольствия, а испытывать на себе *возбуждающее* воздействие. *Возбуждение* — это нечто отличное от удовольствия или неудовольствия (или они являются его крайностями).

11[217]

Временами мы нуждаемся в слепоте и не должны притрагиваться к определенным догматам веры и заблуждениям в нас самих — до тех пор, пока они *сохраняют* нам жизнь.

Мы должны быть *бессовестными* касательно истины и заблуждения до тех пор, пока речь идет о *жизни*, — именно **с тем**, чтобы потом снова поставить жизнь на службу истине и интеллектуальной совести. Это наш прилив и отлив, энергия нашего притяжения и расширения.

11[218]

Часто размножение происходит *без* всякого личного влечения.

11[219]

Эти рабы всегда и как правило *устают*, потому они довольствуются своими *развлечениями* (в этом чрезвычайно удивительное свойство нашего времени). Их пивные и винные погребки, приятные, по их мнению, знакомства, их праздники, их церкви — все это столь посредственно, ведь сюда не должно уходить много душевных и физических сил: они хотят отдохновения. — Да! Otium![1] Это праздность тех, у кого еще в достатке сил.

11[220]

Самая могучая мысль требует огромных сил, ранее служивших иным целям. Тем самым она оказывает *преобразующее* воздействие, устанавливает новые законы перемещения силы, но не создает новую силу. Зато в ней заключена возможность для нового определения и упорядочивания отдельных людей с точки зрения их аффектов.

11[221]

Рабство заметно во всем, хотя оно и не признает этого; мы должны стремиться быть повсюду, изучить все его возможности и наилучшим образом защищать его мнения, только так мы сможем овладеть и пользоваться им. Наша суть должна оставаться скрытой — подобно истинной сути иезуитов, установивших диктатуру посреди всеобщей анархии, но выдававших себя за *орудие* и *функцию*. В чем наша функция, наша рабская оболочка? Учительство? — Рабство нельзя искоренять, оно необходимо. Мы хотим лишь следить за тем, чтобы постоянно появлялись и такие, *на которых* работают, чтобы эта огромная масса политико-коммерческих сил не расходовалась впустую. Даже если будут появляться *зрители*, а также те, кто *больше не принимает участия в игре*!

---

1 Отдохновение! (*лат.*)

11[222]

Проникшись духом функции, философы теперь размышляют над тем, как превратить человечество в единый организм, — что противоречит *моей* тенденции. Напротив, *как можно больше меняющихся разнообразных* организмов, которые, достигнув *созревания и гниения*, будут сбрасывать свои плоды, индивидуумов, большинство из которых погибнет, — но дело ведь в единицах. — Социализм — забродившая смесь, предвещающая бесчисленное количество государственных экспериментов, в том числе падение одних государств и зарождение новых. Созревание нынешних государств происходит быстрее; военное насилие становится все больше.

11[223]

В каждом обороте я чувствую усилие, неповоротливость и желание обрести дух!

11[224]

Мы сделали молнию безвредной: мы должны быть изобретательны, чтобы сделать ее *полезной*, заставить ее работать.

11[225]

«Хаос Вселенной», как исключение любой целенаправленной деятельности, *не* противоречит идее круговорота: последний и есть как раз *неразумная необходимость* безо всякой формальной оглядки на этику и эстетику. Добрая воля отсутствует как в мельчайших вещах, так и в целом.

11[226]

Эгоизм *еще* бесконечно слаб! Этим именем называют проявления *стадообразующих аффектов*, весьма неточно: кто-то жаден и копит состояние (семейный, родовой инстинкт), кто-то развратен в любви, кто-то тщеславен (оценка самого себя с точки зрения стада), говорят об эгоизме завоевателя, государственного деятеля и т.д. — они думают только о себе, но о «себе», чье эго развилось благодаря стадообразующему аффекту. Материнский эгоизм, эгоизм учителя. Но следует задаться вопросом, сколь немногие

основательно проверяют: *почему* ты живешь здесь? *почему* ты общаешься с ним? Что привело тебя к этой религии? Какое воздействие оказывает на тебя та или иная диета? Построен ли этот дом для *тебя*? и т.д. Реже всего мы *определяем* свое собственное *эго*. Господствует *предрассудок*, согласно которому *мы знакомы с эго* и оно *успешно* проявляет себя; однако мы не прилагаем *к этому* практически никаких физических и интеллектуальных усилий — как будто интуиция освобождает нас от необходимости самопознания!

11[227]

Передо мной гряда из трех холмов; взглянув в более сильный бинокль, я обнаруживаю огромное количество новых холмов, все более сильный бинокль позволяет увидеть все новые линии, а старые очертания превращаются в произвольный вымысел. Наконец наступает момент, когда линия перестает быть видна, потому как *движение выветривания* ускользает от нашего взгляда. Но именно движение *стирает линию*!

11[228]

По большому счету мы почти не защищены: в любой момент какая-нибудь комета может разнести вдребезги солнце или появится некая электрическая сила, которая в одночасье расплавит звездную систему. Что значит «статистика» в подобных вещах! Земле и Солнцу всего каких-то пара миллионов лет, и пусть за это время *ничего* подобного *не* произошло — это ничего не доказывает. — Чтобы оприродить человека, требуется готовность к совершенно неожиданным и перечеркивающим все событиям.

Внезапные события приучили людей к ложному противоречию: они называют это постоянным, регулярным и т.д. — но внезапное всегда присутствует в мельчайших вещах, в каждом нерве, и происходит оно действительно регулярно, несмотря на то, что *нам* оно кажется непредсказуемым во времени. *Постоянное* — это то, в чем мы не замечаем изменений, потому что они слишком постепенны и тонки для нас.

11[229]

Постепенно формулируя *противоречия* для всех наших основополагающих мнений, мы приближаемся к *истине*. Поначалу это холодный, мертвый мир понятий; мы связываем их с нашими остальными заблуждениями и инстинктами и одно за другим переносим *в жизнь*. *Лишь приспособившись к живым заблуждениям, может обрести жизнь поначалу еще* **мертвая** *истина*.

11[230]

Люди рассуждают о больных желудком, имея при этом в виду страдающих от несварения, — как будто единственно желудок переваривает пищу! А ученые толкуют о «желудочном соке». — Хорошо еще, что подобные заблуждения не влияют на нашу организацию, иначе мы давно бы погибли. — Воплощенные в методах лечения и в несуразных диетах, они и так уже достаточно навредили человеку!

11[231]

Одновременное существование 2 совершенно одинаковых предметов невозможно: это предполагало бы наличие у них *абсолютно одинаковой истории существования*, во все времена. *Это*, в свою очередь, означало бы *всеобщую*, абсолютно одинаковую историю происхождения, т.е. все остальное также должно было бы быть одинаковым во все времена, т.е. весь *остаток* должен был бы постоянно повторяться внутри себя и *отдельно* от этих 2 одинаковых предметов. — Но точно так же с помощью одного отличия можно доказать существование абсолютного различия и неодинаковости в соседних вещах: *отделение* невозможно; когда изменяется одно, это влияет на все остальное.

11[232]

Существовало бесконечное *множество* состояний силы, но не бесконечное число их *различных* состояний: последнее предполагало бы наличие *неопределенной* силы. Существует лишь некое «число» возможных свойств силы.

11[233]

Механика рассматривает силу как нечто, поддающееся абсолютному *делению*, — но ей следует проверять каж-

дую возможность в реальности. В этой силе ничто не может быть разделено на равные части: в любом состоянии она свойство, а свойства невозможно *поделить пополам* — потому-то и не было никогда равновесия силы.

11[234]

Удивительно, что для удовлетворения *наших* потребностей (машины, мосты и т.д.) достаточно гипотез механики: ведь это очень большие потребности, а «небольшие погрешности» не берутся в расчет.

11[235]

Мы не в состоянии представить движение без линий: его сущность скрыта от нас. «Сила», выраженная в математических точках и математических линиях, есть последний вывод, свидетельствующий обо всей бессмысленности. — В конечном счете *практические* науки основываются на фундаментальных заблуждениях человечества, согласно которым существуют вещи и подобия.

11[236]

v<ide> Анализ д<ействительности>

Мы можем *воспринимать* одно и то же движение как звук, цвет, тепло, электричество. *Восприятие* делает для нас свойства вещей такими пестрыми и разнообразными. В действительности же все может быть намного проще и по-другому! Как мы отличаем красное от синего, чем это восприятие отличается, в ос<обенности> от заблуждения! — И все же! Восприятие делает различия, расхождения много *большими*, чем они есть в природе.

11[237]

«*Первообраз*» — это такой же вымысел, как и цель, линия и т.д. Природа не стремится к сотворению *подобного* по уже существующему образу, подобие возникает там, где действуют силы, *мало отличные* друг от друга по количеству. «Мало» отличные *для нас*! и «схожие» *для нас*!

Нам следует говорить о схожих качествах вместо «одинаковых» — даже в химии. И «схожих» для нас. Ничто не встречается дважды, у атома кислорода нет равных, на

самом деле *нам* **достаточно** считать, что в мире существует бесчисленное множество одинаковых атомов.

11[238]

Прежде л<юди> и философы занимались тем, что присочиняли человека к *природе*, — расчеловечим же ее! Позже они направят свое *сочинительство внутрь* самих себя и вместо философий и произведений искусств появятся идеальные люди, которые каждые 5 лет будут формировать из самих себя новый идеал.

11[239]

На 49 центнеров меньше — атмосф<ерное> давление здесь, на высоте 6000 футов; если же я дам слово моему ощущению, оно скажет: «на два фунта легче ноша, чем внизу у моря, — а может и меньше!»

11[240]

Вначале люди должны научиться новой *страсти* — и для этого им нужен кто-то, кто ее в них пробудит, учитель; я верю, что им хватит тонкости и изобретательности для того, чтобы самим найти пути к удовлетворению этой страсти — опытным путем, шаг за шагом, как у них это принято. — И не страшно, что мои предложения «непрактичны»: они призваны лишь возбудить аппетит (например обращение с преступниками).

11[241]

Если наши аффекты являются средством, обеспечивающим движения и поддерживающим образования *общественного* организма, то не было бы большего заблуждения, чем на основании этого сделать вывод о том, что и в низшем организме именно аффекты способствуют саморегулированию, ассимиляции, выделению, превращению, регенерации, — то есть предполагать аффекты и здесь: удовольствие, неудовольствие, волю, склонность, неприятие. Это было бы столь же нелепой ошибкой, как если бы мы на основании факта наличия кровообращения в человеческом теле сделали вывод о присутствии оного и у низших организмов. — Наши аффекты предполагают

наличие мыслей и вкусов, а последние, в свою очередь, — наличие нервной системы и т.д.

11[242]

Мы видим настолько далеко, насколько воспринимаем, — но восприятие есть идиосинкразия, поэтому и видение (широта обзора и степень ясности) тоже идиосинкразия.

11[243]

Странно: то, чем больше всего гордится человек, а именно саморегулирование посредством разума, тоже осуществляется низшим организмом, и причем лучше, надежнее! Но целесообразные действия на самом деле лишь самая малая составляющая нашего саморегулирования: если бы человечество в своих поступках действительно руководствовалось бы голосом разума, т.е. поступало в соответствии со своим *мнением* и *знаниями*, то оно уже давно бы погибло. Разум — это медленно развивающийся вспомогательный орган, у которого, к счастью, на протяжении очень долгого времени было *слишком мало* сил, чтобы располагать человеком; он *служит* органическим инстинктам и постепенно добивается *равноправия* с ними: тогда разум (мнение и знание), превратившийся в самостоятельный новый инстинкт, начинает борьбу с остальными инстинктами, а позже, много позже достигает *превосходства.*

11[244]

Различия в темпераментах, вероятно, обусловлены в первую очередь различным распределением и массой неорганических солей. У желчных людей — недостаток сернокислого натрия, меланхоликам не хватает сернокислого и фосфорнокислого калия; у флегматиков слишком мало фосфорнокислой извести. У мужественных натур — избыток фосфорнокислого железа.

11[245]

Если бы когда-либо в прошлом было достигнуто равновесие сил, то оно продолжалось бы по сей день, — значит, его никогда не было. Нынешнее состояние *противо-*

речит подобной гипотезе. Предположим, что однажды уже существовало положение вещей, совершенно подобное сегодняшнему; в этом случае современное состояние *не* будет служить опровержением. Среди бесчисленных возможностей *должно* было случиться такое, ведь до нынешнего момента протекла целая вечность. Если бы равновесие было возможным, оно бы обязательно наступило. — А если бы состояние в его нынешнем виде уже *было*, тогда было бы и то, которое его породило, и то, которое предшествовало последнему; отсюда следовал бы вывод: подобное состояние уже было во второй, в третий раз и т.д. и, с другой стороны, еще будет во второй, в третий раз и т.д., бесчисленное множество раз в будущем — и в прошлом. То есть всякий процесс становления представлял бы собой череду повторений определенного числа совершенно одинаковых состояний. — Человеческому сознанию не дано представить все *возможное* — но при всем этом теперешнее состояние возможно, независимо от нашей способности или неспособности суждения в отношении возможного, — потому что оно действительное. Таким образом, можно было бы утверждать следующее: все *действительные состояния* уже имели *подобные себе*, с условием, что число их не было бесконечным, и на протяжении бесконечности — лишь конечное число? потому, что с точки зрения каждого момента ему предшествует вечность? Покой сил, их равновесие мыслимы — но равновесие никогда не наступало, следовательно, число возможностей превосходит число действительностей. Невозвращение всех подобных вещей невозможно объяснить случаем, но лишь намерением, заложенным в сущности силы: ведь, учитывая, насколько велико число возможных случаев, случайное *достижение того же результата* вероятнее, чем абсолютное никогда-не-повторение.

11[246]

Главная идея коммерческой культуры: низшие массы с их малым достатком испытывают чувство недовольства при виде человека богатого, думая, что *богатый человек счастлив*. — Работающая, изможденная, редко отдыхающая масса рабов видит в человеке, *не отягченном физическим*

трудом, счастливого человека (даже в монахе — поэтому рабы так охотно становились монахами). — Мучимый желаниями и редко достигающий свободы полагает, что счастлив *ученый и невозмутимый* человек, а также духовное лицо. — Человек метущийся и нервический считает счастливым обладателя *одной великой страсти*. — Человек, снискавший скромные награды, считает счастливым того, кто окружен наибольшими почестями. В человеческой фантазии образ *счастливого* человека вызывают вещи, *которыми обладают редко и в незначительной степени*, — а *не* те, которых у людей нет: *отсутствие порождает безразличие по отношению к своей противоположности*.

11[247]

В молекуле происходят взрывы и изменения в связях между всеми атомами, происходит внезапное высвобождение силы. Вполне вероятно, что и в нашей солнечной системе вдруг появится подобный раздражитель, подобный нерву, оказывающему влияние на мышцу. То, что этого *никогда* не было или не будет, доказать невозможно.

11[248]

Гипотеза со временем обретет бóльшую силу, чем вера, — при условии, что она *продержится много дольше* рел<игиозной> догмы.

11[249]

Внутренняя *дерзновенность* и внешняя *сдержанность* во *всем* — этот союз немецких добродетелей, как их понимали раньше, — я до сих пор отчетливее всего наблюдал у швейцарских художников и ученых: в Швейцарии, где, по-моему, все немецкие качества, гораздо более заботливо лелеемые, расцветают с большей пышностью, чем в современной Германии. Какого поэта Германия может противопоставить швейцарцу Готфриду *Келлеру*? Есть ли у нее столь *ищущий* художник, как *Бёклин*? А *мудрый* мыслитель, подобный *Я. Буркхардту*? И может ли хоть в чем-то сравниться большая известность естествоиспытателя Геккеля с еще большим почетом, доставшимся на долю *Рютимайера*? — И это только самое начало перечня славных имен. Именно

там, на альпийских склонах и в долинах, по-прежнему растут цветы духа, и как раньше во времена юного Гёте мы черпали в Швейцарии наши высокие немецкие побуждения, как Вольтер, Гиббон и Байрон воспитывали там свое наднациональное восприятие, так и теперь временное «*ошвейцаривание*» можно посоветовать в качестве средства, которое позволит немного отвлечься от немецких сиюминутных порядков.

11[250]

Не раскаянием, а благим делом исправлять зло!

11[251]

В «Лоэнгрине» много *опьяняющей* музыки. Вагнеру знакомо действие опиума и наркотиков, и они необходимы ему для преодоления прекрасно им осознаваемого нервического разлада в его музыкальной творческой силе.

11[252]

Я всегда поражаюсь, находясь на природе, с какой великолепной определенностью все действует на нас, лес по-своему и гора по-своему, и в нас нет ни смятения, ни невнимательности, ни неуверенности, когда мы это воспринимаем. И все же когда-то в природе должно было быть место величайшей неуверенности и некоторому хаосу, и лишь через многие-многие годы все унаследовало свое теперешнее *постоянство*; люди, воспринимавшие все совершенно по-иному: расстояние, свет, краски и т.д., — были оттеснены в сторону и имели мало возможностей для размножения. Этот *иной* способ восприятия на протяжении многих тысячелетий, скорее всего, воспринимался как «*помешательство*», его избегали. Человек переставал себя понимать, он бросал «исключения» умирать на обочине. С момента появления всего органического существовала чудовищная жестокость, отторгавшая все, что «*воспринимало по-иному*». — *Наука*, по-видимому, лишь продолжение этого процесса отторжения, она возможна только тогда, когда признает «нормального человека» высшим «мерилом», для сохранения которого следует употребить все средства! — Мы живем среди остатков восприятий наших

далеких предков — словно среди окаменелостей чувств. Они творили и фантазировали, но решение о том, имеют ли эти творения и фантазии право на жизнь, принималось в зависимости от опыта: можно ли было с ними *жить* или же люди гибли вместе с ними. Заблуждения или истины — *если бы* только была возможна **жизнь** с ними! Со временем образовалась непроницаемая *сеть*! Мы появляемся на свет *запутавшимися* в ней, и даже наука не высвобождает нас.

11[253]

Если жизнь наша отягчена моральными *страданиями*, то причина здесь в том, что абсолютно невозможно относиться к моральному восприятию как чему-то относительному; оно по сути своей *безусловно*, как представляются нам безусловными такие органы, как государство, душа, общество. И хотя мы можем упрекнуть их всех в том, что они результат *становления*, но *действуют* они как извечное и непреходящее, возлагая на нас *абсолютные* обязательства. В том числе и «ближний», несмотря на всю нашу мудрость относительно него. *Стремление к абсолютному восприятию воспитано* в нас чрезвычайно сильно.

11[254]

Страдания не существовало бы, не будь ничего органического, т.е. без веры в **тождество**, т.е. без *этого заблуждения не было бы* в мире *боли*!

11[255]

Науке все больше приходится заниматься определением *последовательности* в ходе вещей с тем, чтобы процессы можно было *применить на практике* (например использовать в каком-либо механизме). *Понимания* причины и следствия при этом не происходит, но заполучить в свои руки *власть над природой* таким образом удается. Доказательство вскоре достигает своего предела, а дальнейшее совершенствование не имеет никакой пользы для человека. — До сих пор огромным достижением человека была его способность, достигнув *доступной ему* точности в наблюдении за последовательными процессами, воспроизводить их *в этом виде* для своих целей.

11[256]

Наши родители продолжают расти внутри нас, их приобретенным последними свойствам, которые есть и в эмбрионе, необходимо время. Свойства отца, когда он был мужчиной, мы познаем, только став мужчинами.

11[257]

Высоко над Вагнером я смотрел трагедию, наполненную музыкой, — а высоко над Шопенгауэром слушал музыку в трагедии бытия.

11[258]

К «Лечению одиночки».

1) Он должен исходить из ближайших и мельчайших вещей и понять всю зависимость, в которой он был рожден и воспитан.
2) Точно так же ему следует уловить привычный ритм своих мыслей и чувств и определить свои потребности в интеллектуальной пище.
3) Затем ему необходимо испробовать всевозможные *перемены*, сначала чтобы сломать привычки (частая смена диеты под пристальным наблюдением).
4) Он должен в духовном отношении опереться на своих противников, попробовать на вкус их пищу. Он должен *путешествовать*, во всех смыслах. В это время он будет «изменчив и небрежен». Время от времени он должен *отдыхать* от пережитого — и переваривать его.
5) Затем более высокая задача: попытка *сочинить* идеал. А после этого задача еще более высокая: жить с этим идеалом.
6. Он должен прожить ряд идеалов.

11[259]

Главный принцип: что должно *почитаться*, тому не следует быть *приятным*. Следовательно — — —

11[260]

Есть в ночи час, о котором я скажу: «здесь прекращается *время*!» После всех ночных бодрствований, а осо-

бенно после ночных поездок и странствий, у человека в отношении этого отрезка времени появляется странное чувство: он всегда был слишком коротким или слишком длинным, наше восприятие времени отмечает в этом аномалию. Возможно, мы наяву должны искупать свою вину за то, что мы как правило проводим эти часы в хаотическом времени сна! В общем, ночью между первым и третьим часом мы думаем о часах. Мне представляется, что как раз это выражали древние своими intempestiva nocte[1] и ἐν ἀωρονυκτί[2] (Эсхил): «там в ночи, где отсутствует время»; темное слово Гомера, обозначающее самую глубокую и тихую часть ночи, я также этимологически возвожу к этой мысли, пусть даже переводчики продолжают передавать его как «время ночной дойки»: где это видано, чтобы коров доили в час ночи! Где это водились такие дурни!

11[261]

Наша задача — сохранить *чистоту* музыки и уберечь ее, обретшую в форме барочного стиля и после долгого процесса усвоения способность к *огромным* и *неожиданным* проявлениям, от злоупотребления в мистических, полурелигиозных целях: каждый новый чародей и Калиостро будет пытаться действовать с помощью музыки и спиритизма, и на этом пути возможно возрождение религиозных и нравственных инстинктов — может быть, человек попытается через музыку вернуть христианскому причастию внутренний огонь. — В том, что музыка не нуждается в словах, ее огромное преимущество перед поэтическим искусством, которое апеллирует к понятиям и, следовательно, *наталкивается* на философию и науку, — но мы не замечаем, когда музыка уводит нас *прочь* от философии и науки, соблазняет нас!

11[262]

История философии пока что *непродолжительна*: это лишь начало, она еще не вела войны и не сводила вместе народы; высшей стадией, ей предшествовавшей, были

1 некстати наставшей ночью (*лат.*)

2 в полуночный час (*древнегреч.*)

церковные войны, эпоха религии еще далеко не окончена. Позже *философские* мнения будут восприниматься в качестве жизненно важных, подобно тому, как до сих пор воспринимались мнения религиозные и политические: в них будет заложено столько вкуса и чувства отвращения, что *не захочется дольше жить*, пока существует другое мнение. Вся философия будет отдана на публичный суд массового вкуса и массового отвращения – возможно, до эпохи религий существовали опережавшие свое время, но совершенно равнодушные религиозные личности, подобные нынешним опережающим время и равнодушным философам. – «Истиной» будет всегда считаться то, что соответствует необходимым жизненным условиям эпохи, группы; со временем человечеством будет *усвоена* определенная *сумма мнений*, приносящих наибольшую пользу, т.е. возможность наиболее длительного существования. Главные мнения, от которых зависит время жизни человечества, уже давно усвоены им, например вера в равенство, в число, в пространство и т.д. *Поэтому* борьба никогда *не* примет другой оборот – возможно лишь *развитие* этих ложных *основ* нашего животного существования. – Важнейшим памятником *долголетию духа* является *китайский* образ мышления. – История философии вряд ли станет историей «истины», скорее историей развития органических заблуждений, которые, переместившись в тело и душу, в конечном итоге подчинят себе *ощущения* и *инстинкты*. Будет проводиться постоянный отбор всего относящегося к жизни. Требование *сохранения жизни* будет все более властно вытеснять «чувство истины», т.е. оно *сохранит* и присвоит себе его *имя*. – Так будем жить по отдельности нашей прежней жизнью и предоставим новым поколениям вести войны за наши мнения: мы живем *посредине* человеческого времени – **величайшее счастье**!

11[263]

Глубочайшее заблуждение в *оценке людей*: мы судим о них по их *воздействию*, по принципу effectus aequat causam[1]. Но человек всего лишь оказывает раздражающее действие

---

1 следствие равно причине (*лат.*)

на других людей, и от того, *что имеется* в другом человеке, зависит, взорвется ли порох или же раздражитель не вызовет почти никакой ответной реакции. Кто будет судить о спичке по тому, что ее огонь разрушил город?! Но именно так мы и поступаем! Следствия доказывают, *какие элементы* были в других людях на тот момент времени, доказывают наличие раздражающего воздействия, а вот в том, какими средствами и с какими *действительными* намерениями оно было оказано, следует еще разобраться! — Это телеология — верить в то, что величина наличествующих и готовых взорваться элементов *должна* образоваться в нужное время. В любом случае важно, чтобы *возбуждающая* сила, присущая человеку, могла сохраниться и после его смерти, в его трудах или в легендах, сложенных о его жизни: об этом следует задуматься *тем*, кто *не* оказывает *«раздражающего» воздействия на эпоху.*

И последнее: мы точно так же заблуждаемся *насчет вещей*, так как судим о них по тому *воздействию, которое они оказывают на нас*: какими разными кажутся нам синий и красный цвета, а ведь дело в большей или меньшей длине нерва! Или одни и те же химические элементы в различных комбинациях приводят к образованию различных веществ, и *как* мы воспринимаем эти различия! Мы оцениваем *все по взрыву*, который *раздражитель* вызывает в нас, как маленькое, большое и т.д.

11[264]

Не *толчок* есть первая механическая данность, а тот факт, что существует нечто, способное совершить толчок, агрегатно-стадное состояние не мгновенно распыляющихся, а сплоченных атомов; здесь как раз *не толчок*, но сила, не только противодействия и отталкивания, но прежде всего упорядоченности, классификации и привязанности, *проводящая* и *связующая сила*. Такой комочек может затем, как целое, «*совершить толчок*»!

11[265]

Абсолютное равновесие либо невозможно как таковое, *либо* изменения силы начинают действовать в круговращении, прежде чем наступает возможное равновесие. — При-

писывать бытию «чувство самосохранения»! Безумие! Атомам — «стремление из-за удовольствия и неудовольствия»!

11[266]

Человек не ел мяса, потому что не хотел поедать человеческие души, то есть это было лишь отвращение к каннибализму, у Пифагора и у индусов. *Не* сострадать животным! Доставлять боль посредством убийства вовсе не нужно, а если принять во внимание возможную *естественную* смерть, то человек, убивавший животных, в целом **смягчал** *участь животного мира*, тем более что животные не предвидят смерть. — Кто не хочет жить «за счет живого», тот должен отказаться и от растений! — Сострадание христианских святых было состраданием к существам, одержимым дьяволом, — не к «*живым*»!

11[267]

У «безнравственности» Бок<к>аччо индийское происхождение.

11[268]

Чтобы существование *субъекта* было в принципе возможным, должно быть в наличии некоторое постоянство, а также множество тождеств и подобий. *Безусловно различное* было бы неудержимо в своем беспрестанном изменении и стекало бы вниз подобно потоку камней. А без постоянства не было бы зеркала, в котором смогли бы отражаться сосуществование и последовательность: зеркало уже предполагает некое постоянство. — Я же полагаю, что появление субъекта возможно в том случае, если возникнет заблуждение относительно подобия. Например, когда протоплазма различных сил (света, электричества, давления) будет воспринимать лишь один единственный раздражитель и на его основании придет к выводу о тождестве первопричин — или же вообще *станет способна ощущать только один раздражитель*, а *все остальное покажется ей одинаковым*, — вероятно, все так и происходит на низших ступенях органического. Вначале рождается вера в постоянство и в подобие *вне нас* — и лишь позднее мы, после чрезвычайно продолжительных штудий окружающего

нас, начинаем воспринимать и *себя* как нечто *постоянное и себе подобное*, как безусловное. *Вера* (суждение) должна была, таким образом, появиться **раньше** само-сознания: в процессе *ассимиляции* органического уже присутствует эта вера – т.е. это *заблуждение*! – В этом и заключается тайна: каким образом органическое пришло к суждению о тождественном, подобном и постоянном? Удовольствие и неудовольствие лишь *следствия* этого суждения, они уже предполагают наличие привычных раздражителей, позволяющих черпать силы из тождества и подобия!

11[269]

Когда-то человек полагал, что к деятельности, протекающей бесконечно во времени, прилагается и *бесконечная* сила, которая никогда не может быть исчерпана. Теперь же считается, что сила постоянна и ей более не нужно быть *бесконечно огромной*. Она действует вечно, но больше не в состоянии сотворить бесконечные случаи, она вынуждена повторяться: таков *мой* вывод.

11[270]

Раздражитель и *побудительный* мотив перепутаны с самого начала! Тождество раздражителей положило начало вере в «*тождественные* вещи»: *длительное тождество* раздражителей породило веру в «вещи», «субстанции».

В том, как первенцы органических образований реагируют на раздражители и судят о том, что вне их самих, следует искать принцип *сохранения жизни*: одержала верх и сохранилась та вера, при которой *стало возможно существовать дальше*, – *не* наиболее истинная вера, а наиболее полезная. «Субъект» – это условие органического существования, поэтому он не «истинен»: субъектное восприятие *может* быть во многом ошибочным, но оно единственное средство, сохраняющее жизнь. *Заблуждение – прародитель живого*!

Это *древнее заблуждение* можно рассматривать как *случайность*! Угадывать это!

В самых развитых состояниях мы продолжаем совершать древнейшую ошибку: например, мы видим в государ-

стве нечто целое, постоянное, действительное, некую вещь и *в соответствии с этим* подчиняемся ему в качестве функции. Без представления протоплазмы о находящейся вне ее «постоянной вещи» не было бы никакого подчинения, никакой ассимиляции.

Существует очень мало раздражителей и *большое число* истинных побудительных мотивов — на этом основывалось древнейшее заблуждение.

11[271]

В лесу дерево растет быстро, испытывая потребность в воздухе и свете, но «у него жидкие корни, и жизнь его поэтому коротка — в то время как деревья, имеющие свободный доступ к свету и воздуху, стоят веками: *глубина и разветвленность корней* обеспечивают им долголетие. Но, как следствие, и *замедленный* рост!»

11[272]

Я противоречу духу *коммерции*, как духу эпохи.

11[273]

Мне бы хотелось, чтобы Германия завладела *Мексикой* с тем, чтобы, создав показательное *лесоводческое хозяйство*, задать тон развитию консервативных интересов *будущего* человечества. — Придет время, когда развернется борьба за господство над землей — и вестись она будет от имени *основных философских учений*. Уже сейчас формируются первые группы сил, мы упражняемся в принципе кровного и расового родства. «*Нация*» — понятие более тонкое, чем «раса», оно, в принципе, является научным открытием, которое теперь *усваивают* наши *чувства*: *войны* есть и будут великими наставниками в подобных понятиях. — Затем настанет время *социальных войн* — и вновь будут усваиваться понятия! Пока, в конце концов, *понятия* не только будут давать народным движениям предлог, имя и т.д., но и утвердится *могущественнейшее из них*.

Социальные войны — это войны против коммерческого духа и против ограничения духа национального. В Америке — деление на народности и расы по *климатиче-*

скому признаку. — *Славяно-германо-нордическая* культура! *Не столь обширная*, но более мощная и работоспособная!

11[274]

Процесс в *акклиматизации* носит непрерывный характер, а сейчас он получил небывалое ускорение, потому как *отторжение* неприспособленных личностей сильно облегчено, — еще и потому, что процесс приспособления теперь получает поддержку со стороны науки (например тепло, грунтовые воды и т.д.).

Животным видам, как и растениям, *удалось* акклиматизироваться в определенных частях света, и лишь в тех условиях они могут сохранять свои свойства, по сути своей они *больше не меняются*. Другое дело человек, неоседлый и не желающий окончательно приспосабливаться к какому-либо одному климату; человечество стремится произвести на свет существо, которому *годился* бы *любой* климат (в том числе с помощью фантастических вымыслов, например «равенства людей»): должен возникнуть универсальный земной человек, *поэтому* человек до сих пор *претерпевает изменения* (где он успел приспособиться, например в Китае, там он на протяжении тысячелетий почти не менялся). Надклиматический человек искусства, могущий компенсировать недостатки любого климата и заменить все, чего в нем не хватает (например печи), — взыскательное, с трудом поддающееся сохранению существо! «Нужда рабочих» царит там, где климат *противостоит* человеку! и где лишь немногим удается создать для себя заменители (естественно, в борьбе, проявляя тиранию).

В северных странах образованные круги страдают от *зимней* болезни. — Возможно, дым печей вызывает хроническое отравление организма! По сравнению с французом немец выглядит домоседом, чахнущим у печи.

11[275]

Не презирать сладострастие!

11[276]

Превращение человека сначала требует тысячелетий, пока не образуется тип, затем поколений, а в конце

концов *один* человек на протяжении своей жизни проходит через *несколько* индивидуумов.

Почему бы нам не сделать с человеком то же, что китайцы с таким успехом могут проделывать с деревом – чтобы с одной стороны на нем были розы, а с другой – груши?

Человек мог бы, например, взять в свои руки природные процессы *разведения людей*, совершаемые до сих пор бесконечно долго и неумело, – и тогда исконную неповоротливость рас, расовые войны, национальную горячку и личные страсти можно было бы, по крайней мере в порядке эксперимента, свести вместе на коротком временно́м отрезке. – *Целые части* света можно было бы *использовать для осознанного экспериментирования*!

11[277]

Можно представить себе носы, обонятельные нервы которых отреагируют лишь на выбросы вулкана. И действительно, нам кажется, что поверхности всех вещей, источающих запах, находятся в состоянии постоянного взрыва; сила, с которой рассеиваются мелкие массы, должна быть чудовищно велика – мне приходит на ум, например, воздействие камфары на воду. – Получается, что Земля окутана толстыми облаками тончайших веществ: без них из *водяного пара* не образовывались бы облака.

11[278]

Попробуем вывести из великого малое: мы повсюду наблюдаем действие *потоков*, но они не линии! По всей видимости, то же самое происходит и в царстве атомов, *течение сил* оказывает одинаковое давление как в горизонтальной плоскости, так и в отношении того, на что оно направлено. Линия есть абстрактное представление возможного положения вещей: мы не можем подобрать знака для изображения силы в действии и *понятийно изолируем*: 1) направление, 2) объект приложения силы, 3) давление и т.д. В действительности *не* существует этих вещей в отдельности!

11[279]

Принцип «делать что-либо ради ближнего» есть либо *атавизм* чувства, испытываемого человеком во времена, когда ослабела его связь в общиной, либо *неясный* отголосок стадного чувства, которое не принимает во внимание людей вне сообщества, так как они слишком далеки, а в ближнем видит лишь члена этого сообщества (например, никому и в голову не придет вспомнить о готтентотах при словах «свобода» и «равенство»). Или же это маска для упомянутого чувства: *необходимо* создать сообщество, например христианское. Где провозглашается подобный принцип, там обыкновенно *хотят* создавать общины, как, например, в случае с приверженцами Конта.

11[280]

Законы *не* есть выражение характера народа: я имею в виду, что в них подчеркнуты *его ошибки*, как они видятся *властям предержащим* (как препятствия для их власти и намерений). К тому же они *зафиксированы*, а народ продолжает развиваться — так что очень скоро возникает диспропорция.

11[281]

Лишь в последовательности рождается представление *о времени*. Положим, мы воспринимали бы не причину и следствие, а некий континуум, тогда это значило бы, что мы не верим во время. Ведь движение становления состоит *не* из *покоящихся* точек, не из равных отрезков покоя. ◎ Внешняя окружность колеса, как и окружность внутренняя, находится в постоянном движении, пусть движется она медленней, но в сравнении с быстрее движущейся внутренней окружностью она *не покоится*. Посредством «времени» невозможно провести различие между медленным и быстрым. В абсолютном становлении сила никогда не может покоиться, *никогда* не может быть не-силой: «медленное и быстрое движение одного и того же» *нельзя* измерить единицей, которая здесь отсутствует. Континуум силы *лишен последовательности* и *одновременности* (это тоже предполагало наличие человеческого интеллекта и промежутки между вещами). Без последовательности и одно-

временности *для нас* нет становления, нет многообразия – мы *могли бы* лишь утверждать, что этот континуум един, покоен, неизменим, он не становление, без времени и пространства. Но это всего лишь человеческая *противоположность*.

11[282]

Какие догматы веры *необходимы* для **облагораживания** человека? – Сначала чтобы *не* впасть обратно в дикое, асоциальное состояние. Здесь тоже могут найтись необходимые заблуждения.

11[283]

Иисус был большим эгоистом.

11[284]

Властное чувство сперва захватывает, затем господствует (организует) – оно регулирует побежденное для *своего* самосохранения, и *с этой целью оно сохраняет и само побежденное*. – Функция также родилась из властного чувства, в борьбе с еще более немощными силами. Функция сохраняет себя, покоряя и господствуя над низшими функциями, – ***в этом она получает поддержку верховной власти!***

11[285]

Раньше я считал, что наше бытие есть плод художественного воображения бога, что все наши мысли и чувства по сути *его* изобретения при сочинении им своей драмы, а наши размышления «*я* мог бы подумать», «*я* бы поступил» суть *его* мысли. Закономерности природы можно было бы тоже считать закономерностями в его представлении – или было бы даже *достаточно* полагать, что в его мыслях *мы* воспринимаем природу так, как ее воспринимаем. – Не счастливый бог, а бог-художник!

11[286]

Без чрезвычайно прочной *веры* и без готовности *верить* человек и животное были бы *нежизнеспособны*. Они выжили благодаря тому, что обобщали на основании *элементарной* индукции, взяв за правило, что раз содеянное

и удавшееся есть *единственное* средство для достижения цели, — по сути выжили благодаря своему *грубому* интеллекту. Бесконечные заблуждения подобного рода и страдания от неверных выводов не столь губительны в целом, как скепсис, нерешительность и осторожность. Человеку *в высшей степени свойственно* рассматривать *успех* и *неудачу* в качестве доказательств за и против веры: «что *удается*, идея того *верна*». — Сколь прочным представляется нам мир вследствие этой беснующейся ненасытной веры! С какой уверенностью мы совершаем все движения! «*Я* ударяю» — сколько в этом уверенности! — Итак, *условие* бытия и поступков в *низком* интеллекте, *не*научной сущности, мы умерли бы с голоду без этого; лишь много позже допускаются скепсис и осторожность, но все еще редко. *Привычка* и *безусловная вера* в то, что все так и должно быть, как оно есть, есть залог всякого роста и укрепления сил. — Все наше миросозерцание так и возникло — своим *успехом* доказав себя: мы можем с ним *жить* (вера во внешние предметы, свобода воли). И любую нравственность доказывают лишь *так*. — Но возникает большой встречный вопрос: возможно, существует бесчисленное множество различных способов жизни, а соответственно и представления, и веры. Если мы установим все *необходимое* по нашему мнению, то мы не докажем «истину саму по себе», мы докажем лишь «истину для нас», т.е. то, что обеспечивает нам существование на основе опыта, — и процесс этот столь давний, что переосмыслить его невозможно. Все *a priori* принадлежит ему.

11[287]

Разложение нравов, общества — это состояние, при котором появляется новая *яйцеклетка* (или несколько *яйцеклеток*): яйцеклетки (индивидуумы) как зародыши новых обществ и объединений. Появление индивидуумов есть свидетельство достижения *способности общества к продолжению рода*: с их появлением *старое общество умирает*. Это не притча. — В наших вечных «государствах» есть нечто противоестественное. — Как можно больше новообразований! — Или наоборот: тенденция к *увековечению* государства означает сокращение числа индивидуумов и бесплодие целого — потому-то китайцы считают великих мужей

национальным бедствием: они нацелились на вечность. Индивидуумы суть признаки упадка.

11[288]

В *сладострастии* есть нечто упоительное, и этим пользовались древние религии. Поэты и музыканты до сих пор пытаются извлечь для себя пользу из этого элемента опьяняющей силы, пробуждая в человеке эротические чувства. — Художники оказывают воздействие любыми *возможными средствами*, весьма непринужденно.

11[289]

Сперва *необходимость* заставляет делать что-то, а позже возникает *потребность*, когда необходимость усваивается (например, животное, утратившее способность плавать, сначала идет поневоле, вопреки своему желанию; позднее это становится для него потребностью).

11[290]

Главная польза от познания и науки в обеспечении отделения новых яйцеклеток от яичника и в появлении все новых видов: ведь наука наделяет новые индивидуумы знанием о средствах самосохранения. — Без прогресса познания новые индивидуумы всегда очень быстро гибли бы, условия существования были бы слишком тяжелыми и случайными. Чего только стоит мука внутреннего противоречия!

11[291]

Возможно, существует множество разновидностей интеллекта, но каждый из них *устроен по собственным законам, не позволяющим* ему *представить* **другую** закономерность. И поскольку мы не *можем* обладать *эмпирическим знанием* о различных интеллектах, для нас закрыт любой путь к пониманию его *истоков*. Феномен интеллекта *в целом* нам недоступен, перед нами лишь *частный случай*, и мы *не можем обобщать*. Единственно здесь мы всецело являемся рабами, хотя и желали быть мечтателями! С другой стороны, *любой* разновидности интеллекта должно соответствовать определенное *понимание мира* — но я полагаю, что это лишь

подогнанная до предела закономерность отдельного интеллекта: он сам прокладывает себе повсюду дорогу. Любой интеллект верит в себя.

11[292]

Обратимся к прошлому. Если бы у мира была *цель*, она уже была бы достигнута; если бы у него было (непреднамеренное) *конечное состояние*, оно бы тоже уже наступило. Если бы он вообще был способен на косность и неподвижность, случись за время его существования лишь один миг «бытия» в строгом смысле, то не было бы больше становления, а значит и мышления, и наблюдения за становлением. Если бы мир находился в процессе *вечного обновления*, это означало бы его *чудесную*, свободную, *творческо-божественную суть*. Вечное *обновление* предполагает, что сила произвольно множится, что она не только намерена, но и в состоянии *оградить* себя от повторений, от обретения прежней формы, что она с этой целью ежесекундно контролирует каждое свое движение — или что она *не способна* обретать повторяющиеся формы; это значило бы, что величина силы не*постоянна*, как и свойства силы. *Не*постоянство силы, ее ондуляторность *не доступны нашему мышлению*. Не будем фантазировать о немыслимом и вновь обращаться к прежнему пониманию творца (умножение из ничего, уменьшение из ничего, совершенный произвол и свобода в росте и в свойствах) —

11[293]

К *нашему* опыту мы должны всегда относиться *скептически* и рассуждать, к примеру, так: мы не можем утверждать, что какой-либо «естественный закон» вечен, мы не можем приписывать ни одному химическому свойству вечное постоянство, мы недостаточно *утонченны*, чтобы разглядеть предполагаемое *абсолютное течение событий*: *постоянное* существует лишь в силу грубости наших органов, которые соединяют предметы и размещают их на плоскости, чего на самом деле никак не может быть. Дерево во всякий момент есть нечто *новое*: *форма* задается нами, потому как мы не в силах уловить мельчайшее абсолютное движение: мы вкладываем в него *математические линии*

пересечения, мы привносим в него линии и плоскости, основываясь на интеллекте, который есть *заблуждение*; мы строим предположения о тождественности и неизменности, потому что лишь неизменное мы в состоянии *узреть* и лишь схожее (тождественное) мы можем *припомнить*. Но само по себе все обстоит по-другому: нельзя переносить наш скепсис на суть вещей.

11[294]

Теперь мы жаждем благосостояния и удобства, ублажающего чувства, весь мир стремится прежде всего к ним. И движется тем самым навстречу *духовному рабству*, какого никогда еще не было. Ведь эта цель *должна* быть достигнута, и величайшие возмущения не должны сбивать нас с толку. Китайцы — пример тому, как долго это может продолжаться. Над всеми устремлениями коммерсантов и философов витает *дух цезаризма*.

11[295]

Наше теперешнее воспитание по своему значению сравнимо с *обязательным странничеством* во времена средневековья и цехов. Когда-то действовало противоположное правило: удобство обустройства у домашнего очага, в соответствии с родными ценностями. Сейчас же главное — стремление к чувственному процветанию, и *наряду с тем* образ всех остальных культур, стремившихся достичь чего-либо *благодаря* чувственному процветанию или *вопреки* ему.

Обязательная принадлежность к цеху приучала к *учению* — и, наконец, благодаря наследованию возникла индивидуальная потребность в знании. *Учение* изначально *тягостней* любой работы, потому и ненавистно. По этой причине в средневековье перевес был на стороне ученых.

11[296]

Кто ненавидит или презирает чужую кровь, тот еще не индивидуум, а некая человеческая протоплазма.

11[297]

Непрерывно стремись стать тем, кто ты есть, — учителем и ваятелем себя самого! Ты не писатель, ты пишешь

лишь для себя! Так ты обретаешь память о своих лучших мгновеньях и находишь им связь, златую цепь твоего «я»! Тем самым ты готовишь себя ко времени, когда тебе придется говорить! Возможно, ты будешь стыдиться этого, как порой стыдился письма, когда необходимо истолковывать себя, когда действий и бездействия недостаточно для того, чтобы *сообщить* себя. Да, ты хочешь сообщить себя! Придет однажды время культуры, в которой много читать будет признаком дурного тона, — тогда и тебе не придется более стыдиться возможности быть прочитанным, тогда как сейчас каждый, кто обращается к тебе как к писателю, оскорбляет тебя, а кто *хвалит* тебя за твои произведения, тот выказывает тем самым свою нетактичность, он создает пропасть между собой и тобой — и совершенно не подозревает, сколь сильно он себя унижает, полагая, что *этим* возносит тебя. Мне знакомо состояние современных людей, когда они *читают*: фу! И ради этого состояния творить, заботиться о нем!

11[298]

Когда не сходятся во мнениях, проливают кровь и приносят жертвы, тогда культура на высоте: мнения становятся благами.

11[299]

У Гельвальда, Геккеля и компании — самомнение специалистов и близорукая мудрость. Мелкий участок мозга, открытый для познания их мира, не в силах объять мир в целом, это узкий талантишко, подобно тому, когда один рисует, а другой играет на рояле; они напоминают мне честного старика Давида Штрауса, который совершенно простодушно рассказывает, скольких мучений стоит ему понять, не *утратил ли* он еще восприятие всеобщего бытия. У этих «специалистов» его нет, и именно поэтому они столь «холодны»; верблюды образования, несущие на своем горбу множество толковых идей и знаний, что, впрочем, никак не влияет на то, что в целом это всего лишь верблюды.

11[300]

Растительная пища и вино — это был бы самый нелепый из всех возможных образов жизни!

11[301]

Без фантазии и памяти не было бы удовольствия и боли. Пробуждаемые ими аффекты сразу же располагают знанием о подобных случаях в прошлом и о возможных дурных последствиях, они интерпретируют, наделяют значением. Поэтому *боль* в целом никак не связана с ее значением для жизни — она нецелесообразна. Но там, где рану нельзя увидеть или потрогать руками, боль намного слабее: здесь нашей фантазии недостает опыта. Сильней всего боль в пальцах, в зубах, в голове и т.д.

11[302]

Природное величие, все высокое, благородное, грациозное, прекрасное, благое, строгое, могущественное, захватывающее, ощущаемое нами в природе, в человеке и в истории, есть не *непосредственные чувства*, но отголоски бесчисленных, усвоенных нами *заблуждений* — нам все казалось бы холодным и мертвым, не будь этой долгой школы. Даже надежные очертания гор, безопасные оттенки цветов, наше удовольствие при виде различных красок — все это унаследовано нами: когда-то тот или иной цвет были менее других связаны в сознании с опасными проявлениями, и постепенно они начали действовать *успокаивающе* (например синий цвет).

11[303]

Эгоизм был предан анафеме теми, кому он был *свойственен* (общинами, правителями, партийными вождями, основателями религий, философами вроде Платона); им нужен был иной настрой умов у людей, служащих для них *функцией*. — Если эпоха, народ, город возвышаются над другими, значит, *эгоизм* их становится осознанным и не гнушается теперь никакими средствами (*более не стыдится* себя самого). Изобилие индивидуумов — это изобилие тех, кто не стыдится ни себя самого, ни своих отличий. Народ, обретающий гордость и ищущий противников,

набирает силы и крепнет. — И напротив, прославлять самопожертвование! и признать, как это делает Кант, что, возможно, ничего подобного *никогда* не было совершено! Лишь для того, чтобы дискредитировать противоположный принцип, принизить его значимость, заставить людей холодно и с презрением, а следовательно *бездумно*, осуждать эгоизм! — Потому как до сих пор именно *отсутствие* изощренного, планомерного, богатого идеями эгоизма было средством, поддерживающим человечество в целом на столь низкой ступени развития! *Равенство* считается обязательным и желанным! Отсюда появляется ложное понимание согласия и мира как *самого полезного* состояния. В действительности же во всем должен проявляться сильный *антагонизм*: в браке, в дружбе, в государстве, в союзе государств, в корпорациях, в ученых сообществах, в религии — с тем, чтобы росло что-то подходящее. Противостояние есть форма *силы* — как в мире, так и в войне, поэтому необходимо присутствие различных, а не одинаковых сил, которые поддерживали бы равновесие!

11[304]

Испейте до дна ваши жизненные ситуации и случаи — и переходите к другим! Недостаточно быть лишь *одним* человеком, хотя с этого и следует начинать! Но в конечном счете это значило бы требовать от вас ограниченности! Так что от одного переходите к другому и проживите *ряд жизней*!

11[305]

Бесконечное число новых изменений и состояний *определенной* силы окажется противоречием, если мыслить силу столь великой и экономной в своих изменениях, а к тому же предположить, что она вечна. Следовательно, можно сделать вывод: 1) или она действует лишь с какого-то определенного момента и так же внезапно прекращается — хотя думать о начале действия *абсурдно*: если бы сила находилась в равновесии, она была бы вечной! 2) или же *нет* бесконечных новых изменений и происходит постоянный круговорот их определенного числа: деятельность вечна, а число продуктов и состояний силы конечно.

11[306]

Природа творит не для глаза, *форма* — случайный результат. Предположим, что в отдельной яйцеклетке *все* атомы совершают движение, что *формы существуют лишь для глаз* и что незрячие атомы не могут их даже *желать*.

11[307]

Видимо, Шопенгауэру запала в душу идея Спинозы о том, что суть каждой вещи есть appetitus[1] и что appetitus заключается в неизменном бытии. Эта мысль, осенив его однажды, показалась ему столь ясной, что он никогда более не утруждал себя тщательным размышлением над процессом «воли» (впрочем, как и над всеми своими основополагающими понятиями: он не сомневался в них, потому как пришел к ним в обход истинного разума и эмпирического знания).

11[308]

Сколь беспорядочен *млечный путь*! (Фогт, стр. 110)

11[309]

Наблюдать, как *возникает* удовольствие, сколь *много* представлений должно сойтись вместе! И в конце это единое и целое, и оно больше не желает считаться множеством. Так *любая* радость может обратиться для любого болью! Это феномены *мозга*! Но уже давно усвоенные нами и проявляющиеся теперь лишь в целом множества! *Почему* болит *порезанный* палец? *Сам по себе* он не болит (хотя и испытывает «раздражение»); тот, кто находится под действием хлороформа, не испытывает «боли» в пальце. Необходимо ли вначале *суждение* о повреждении функционального органа со стороны некой *единицы* представления? Не эта ли единица, представив себе причиненный вред, теперь заставляет нас ощутить его как боль, посылая в поврежденное место *наиболее сильное* **раздражение**? Быть может, в боли также заложены намерение бежать, обороняться, проявить осторожность, искать спасения? Средство избежать дальнейшего вреда? Одновременно с этим

1 стремление, влечение (*лат.*)

ярость, вызванная ранением, а также желание отомстить? *Все* это **вместе** – боль? Вот так доходящая до **нашего** сознания – как смятение и единство чувств?

11[310]

Он стыдился своей святости и маскировал ее.

11[311]

Не является ли существование *каких-либо* различий и отсутствие совершенной кругообразности в окружающем нас мире *достаточным доказательством* **против** равномерной цикличности всего существующего? Откуда различие внутри круга? Откуда продолжительность этого различия? Не *слишком ли все разнообразно*, чтобы происходить из *одного*? И возможно ли объяснить многочисленные *химические* законы и те же *органические* виды и образования как происходящие из одного начала? Или из двух? – Если предположить, что существует равномерная «энергия сжатия» во всех силовых центрах Вселенной, то встает вопрос, откуда могло возникнуть даже мельчайшее различие? В этом случае Вселенная должна была разделиться на бесчисленное множество *совершенно одинаковых* кругов и шаров бытия, и у нас было бы **одновременно** бесчисленное множество *совершенно одинаковых миров*. А нужно ли мне предполагать? Для вечной смены одинаковых миров их вечное соседство? Но наличие *разнообразия и беспорядка* в *известном нам до сих пор мире* противоречит этому: не *могло* быть *такого* универсального подобия в развитии, иначе на нашу долю должна была бы достаться подобная шарообразная сущность! Может быть, действительно возникновение свойств само по себе *не подчинено никаким законам*? И из «силы» возможно появление различных вещей? Каких угодно? Может быть, *закономерность*, видимая *нами*, вводит нас в заблуждение? И она вовсе не изначальный закон? Может быть, и в нашем мире разнообразие признаков есть следствие абсолютного возникновения произвольных свойств? И только наш угол мира оно теперь обходит стороной? Или же оно установило себе *правило*, называемое нами *причиной и следствием*, которое вовсе таковым не является (**произвольность, ставшая правилом**, например химиче-

ские свойства кислорода и водорода)??? Может быть, это «правило» всего лишь продолжительная **прихоть**? – – –

11[312]

Кто не верит в *круговой процесс Вселенной*, тот *должен* верить в божественный *произвол* – таково мое соображение вопреки всем предшествующим теистическим соображениям! (см. Фогт, стр. 90)

11[313]

Мои аргументы **против** *гипотезы о круговом процессе вещей:*

Возможно ли законы *механического* мира рассматривать в качестве исключений и в некотором роде *случайностей всеобщего* бытия, как *одну* из бесчисленного *множества* возможностей? Считать, что мы случайно заброшены в этот край механического мироустройства? Что всякий *химизм* в механическом миропорядке есть исключение и случайность, как и, в конечном счете, *организм* внутри *химического мира*? – Следует ли нам *наиболее общей* формой бытия действительно считать *еще не механический* мир, не подчиняющийся законам механики (пусть и доступный им)? Наиболее общей теперь и всегда? Так что возникновение механического мира превратилось бы в игру без правил, которая в конечном итоге приобрела бы консистентность, подобную нашему нынешнему восприятию органических законов? И *все* наши законы *механики* были бы *не извечными*, а ставшими, наряду с бесчисленным множеством *иных* механических законов, были бы их остатками или же обрели бы господство в отдельных частях мира, тогда как в других нет? – По всей видимости, нам необходима *произвольность*, действительное беззаконие, лишь обладающее способностью обрести силу закона, некая изначальная нелепость, непригодная даже для механики? *Возникновение качеств* предполагает возникновение количеств, которые, в свою очередь, могут появиться тысячью механических способов.

11[314]

Наши *высшие* боли, так называемые душевные страдания, диалектику которых мы часто наблюдаем во время

какого-нибудь событий, *замедленны* и *протяженны* по сравнению с низшей болью (например при ранении), носящей внезапный характер. Однако последняя столь же сложна и диалектична по сути, а также интеллектуальна; главное в том, что множество аффектов одновременно вырывается наружу и устремляется *друг на друга* — подобное внезапное столпотворение и хаос воспринимается сознанием как *физическая боль*. — Радость и боль не «непосредственные факты», в отличие от представления. Множество *представлений, воплотившихся в инстинктах*, в один миг оказывается под рукой и сталкивается друг с другом. Противное происходит при удовольствии, когда представления, также мгновенно оказавшиеся под рукой, находятся в гармонии и равновесии друг с другом, — интеллект воспринимает *это* как удовольствие.

11[315]

Существовало бесчисленное множество modi cogitandi[1], но сохранились из них лишь те, которые способствовали развитию органической жизни, — были ли это самые тонкие из них? — *Упрощение* есть главная потребность органического. Воспринимать отношения намного более сжато, причину и следствие без многих промежуточных элементов, часто видеть в различном схожее — вот что было необходимо: ведь тогда *поиски* пропитания и способов приспособления становились несравнимо *интенсивнее*, потому как *вера* в необходимость поиска пропитания пробуждалась много чаще, — большое преимущество в органическом развитии! *Вожделение*, тысячекратно усиленное возросшей в тысячи раз вероятностью его удовлетворения, и *укрепление* органов *поиска*: количество ошибок и заблуждений может возрасти неимоверно, но *удачные* попытки будут случаться **чаще**! «*Заблуждение*» есть средство достижения *счастливого случая*!

11[316]

Последние *организмы*, за образованием которых мы наблюдаем (народы, государства, общества), следует ис-

---

1 способов мышления (*лат.*)

пользовать для объяснения первых организмов. Сознание Я добавляется к сформировавшемуся и функционирующему организму в последнюю очередь, оно *почти* излишне: сознание *единства*, хотя и нечто в наивысшей степени несовершенное и часто ошибочное в сравнении с действительно врожденным, усвоенным, работающим единством всех функций. Неосознанной является главная деятельность. Сознание *приходит* обычно лишь тогда, когда в целом появляется стремление к подчинению *более высокому целому*, чему-то вне себя, — прежде всего в качестве его сознания. Появление сознания связано с существом, *которому мы можем служить функцией*, — оно средство нашего усвоения. Пока речь идет о самосохранении, сознание Я не нужно. — Так, по-видимому, обстоит дело и в самом низшем организме. На месте Я мы сначала *представляем* чужое, более великое, более могучее. — Наши суждения о собственном «Я» плетутся в хвосте, возникая после появления внешней, правящей нами силы. Мы *значим для себя то, чем считаемся в* **высшем** *организме*, — таков всеобщий закон.

Восприятия и аффекты органического существа уже давно сформированы, задолго до того, как возникает в сознании чувство единства.

Древнейшие организмы: химические замедленные процессы, словно в оболочку заключенные в еще более медленные, время от времени взрывающиеся и затем рыщущие вокруг, добывая себе новую пищу.

11[317]

Вы говорите: «Заблуждения были необходимы на определенной ступени, в качестве исцеляющего средства, — *исцеление* рода человеческого имеет обязательное разумное течение!» В этом смысле я не приемлю разумность. Тот или иной догмат веры побеждает в силу *случайности*, а *не* необходимости — вполне возможно, что точно такое же исцеляющее влияние присуще любому другому догмату. Но главное! *Последствия* исцеляющего влияния были непредсказуемы, в высшей степени неразумны! Вдобавок ко всему почти все они несли в себе *иной* серьезный недуг! Но человечество — что самое удивительное — *выносило* это

исцеление! Оно, определенно, было не самым разумным и не *единственно* возможным! Но *возможным* оно все же было!

11[318]

Вы полагаете, что будете долго покоиться до нового рождения, — но не заблуждайтесь! Между последним мгновеньем сознанья и первым лучом новой жизни — «безвременье», это состояние проносится подобно молнии, если даже живые создания исчисляют его биллионами лет и все никак не могут измерить. Безвременье и наследование находят общий язык, как только исчезает интеллект.

11[319]

С точки зрения интеллекта сколь *ошибочны* удовольствие и боль! Каким заблуждением было бы судить о ценности жизни, исходя из *уровня* удовольствия или боли. *Боль* столь же глупа, как и слепые аффекты, ведь она сама *есть* гнев, месть, бегство, отвращение, ненависть, избыток фантазии (преувеличение). Боль — это слившаяся воедино масса аффектов; *без интеллекта* нет боли, но ведь здесь господствует низшая форма интеллекта: интеллект «материи», «атомов». — Бывают случаи, когда ранение случается столь *неожиданно* (пример — человек, сидящий на вишне и получивший ружейный заряд в щеку), что совершенно не *чувствуешь боли*. Боль есть *продукт мозга*.

11[320]

Если человек поймет, что и теперь еще *жизнь* в основном (в ходе развития государства, нравственности и т.д.) рождается из *заблуждений*, но что заблуждениям приходится становиться все возвышенней и утонченнее, — ему, возможно, откроется то, из чего *первоначально* зародилась жизнь, *грубейшее из* мыслимых *заблуждений*, — что это заблуждение развилось первым и что вообще именно в древнейших и лучше всего усвоенных заблуждениях залог дальнейшего существования общества. Не истина мнений, а их полезность и способность сохраняться должна была быть доказана в ходе эмпирического познания; то, что максимально возможное приспособление к *действительному* положению вещей якобы служит наиболее благоприятным

для жизни условием, есть иллюзия, которой противоречит и наш теперешний опыт. – И пусть было много иных, более близких к истине *подходов* к представлению о вещах (такие подходы есть и сейчас), но они гибнут, более не желая усваиваться: основа из заблуждений, на которой теперь все покоится, действует избирательно и играет регулирующую роль, требуя от всего «познанного» функционального приспособления, – иначе она отторгает его. – Внутри этого небольшого круга происходит повторяющийся процесс: начинает образовываться множество новых мнений, но происходит отбор, где все решает живое и стремящееся остаться в живых. Мнения никогда еще никого не уничтожали – но *гибель одних* открывала пространство для стремительного роста тех мнений, что раньше заглушались. Любое новое осознание вредоносно до тех пор, пока не превратится в орган прежнего и не подчинится иерархии старого и нового в нем: оно должно долго оставаться в зародышевом состоянии и быть слабым; зачастую идеи поздно открывают свою природу, им требуется время, чтобы усвоиться и вырасти.

11[321]

Корни неистинного следует искать в «истинной сути» самих вещей: распад на субъект и объект должен соответствовать существующему положению вещей. *Не* познание присуще вещам, но заблуждение. Вера в безусловное должна выводиться из сущности esse[1], из всеобщей обусловленности! Недуг и боль относятся к тому, что действительно существует, – но не в качестве продолжительных свойств esse. Ведь недуг и боль суть лишь *следствия* представления, а также того, что представление является вечным и всеобщим свойством всего существующего, – но возможны ли вообще продолжительные свойства, не исключает ли становление все подобное и постоянное, кроме как в форме заблуждения и видимости, в то время как представление само есть процесс *без* подобия и продолжительности? – *Возникло* ли заблуждение как качество бытия? И является ли оно постоянным становлением и изменением?

---

1 бытия (*лат.*)

11[322]

Чем выше интеллект, тем сильнее боль и удовольствие, тем шире их сфера.

11[323]

Сколь *ошибочно восприятие*! В основе всех наших движений, совершаемых вследствие восприятий, лежат суждения — усвоенные мнения об определенных причинах и следствиях, о некотором механизме, о нашем «Я» и т.д. Но все это неверно! И хотя мы *знаем* это, но, как только приходит время действовать, мы вынуждены поступать *вопреки* своему знанию, подчиняясь основанным на восприятии суждениям! Эта *ступень познания* более древняя, чем изобретение языка, — чаще всего животная!

11[324]

Само по себе представление *не* есть противоположность свойствам esse, но лишь его содержание и закон. — Чувство и воля известны нам лишь как представления, тем самым их существование *не* доказано. Если они, в соответствии с законом представления, известны лишь нам как его содержание, они должны казаться нам тождественными, подобными, неизменными и т.д. И действительно, *каждое* чувство воспринимается нами как нечто длящееся (внезапный удар?), не как новое и самостоятельное, а как подобное и тождественное известному нам.

11[325]

Без предположения о некоем виде бытия, противоположном реальной действительности, мы не имели бы ничего, с чем оно могло бы себя сравнивать и сопоставлять и в чем оно могло бы отображаться: заблуждение есть условие познания. Частичная неподвижность, относительные тела, тождественные процессы, схожие процессы — тем самым мы *подменяем* истинное положение вещей, но без подобной подмены было бы невозможно узнать о нем даже самую малость. И хотя любое познание ложно, но *есть* еще и *подобное представление*, а в череде представлений, в свою очередь, существует *множество степеней* **ложного**. Определить степень ложного и необходимость главного

заблуждения как **жизненно** важного *условия существования представляющего бытия* — задача науки. Вопрос не в том, почему возможно заблуждение, а в том, *как возможно достичь некоей истины, несмотря на* фундаментальную ложность в познании. — Представляющее бытие нам **известно**, более того, лишь оно известно нам; проблема в том, *что* и *как* оно представляет. Что бытие представляет — это не проблема, а *факт.* Проблема в другом: есть **ли** вообще бытие помимо представляющего бытия и не является ли представление одним из *качеств* бытия?

11[326]

Я узнаю все больше: людей *различает* то, *как долго* они могут оставаться в *приподнятом настроении.* Некоторые не могут и часу, а глядя на некоторых, начинаешь сомневаться, что они вообще на него способны. В этом есть что-то от физиологии.

11[327]

Женщины чрезмерно пылкие и стремящиеся притупить впечатление от своей пылкости выбирают *синие* цвета; в книгах можно также встретить синие тона, с помощью которых автор пытается уравновесить свою бурлящую раздражительность.

11[328]

Человек, вынужденный каждодневно давиться таким количеством ядовитого варева, всегда достоин восхищения, если он еще способен к великому восприятию и у него еще не выработалось принципиальное отвращение к «великому».

11[329]

Антиномия: «Элементы в данной действительности, *чуждые* истинной сущности вещей, *не* могут брать свое начало из нее и *должны,* таким образом, происходить извне — но откуда? Ведь кроме истинной сущности ничего нет — следовательно, объяснение мира в равной степени необходимо и невозможно». Мое решение этого противоречия таково: истинная сущность вещей есть *вымысел* представ-

ляющего бытия, без нее оно не способно представлять. Элементы данной действительности, чуждые этой воображаемой «истинной сущности», являются свойствами бытия, а *не* происходят извне. Но представляющее бытие, чье существование связано с *ошибочной* верой, *должно было возникнуть*, если эти свойства (изменение, относительность) присущи esse; *вместе с тем* должны были появиться представление *и* вера в самоидентичность и неизменность. — Я думаю, что *все органическое* предполагает представление.

11[330]

Основная уверенность.

«Я представляю, следовательно, существует бытие»: *cogito, ergo* **est**. — Но то, что представляющее бытие — это *я*, что представление — *деятельность Я*, более не очевидно — точно так же, как и все, *что* я представляю. — Единственное бытие, известное нам, — это *представляющее бытие*. Если мы *правильно опишем* его, то в подобном описании должны будут содержаться свойства сущего вообще. (Но если само представление рассматривать в качестве объекта представления, не пропитается ли оно *законами представления*, не станет ли искаженным и ненадежным?) Представлению присуща *изменчивость*, а *не движение*: исчезновение и появление — а в самом представлении отсутствует любая неизменность. С другой стороны, оно предполагает наличие двух неизменных величин, *веря* в неизменность 1) некоторого Я и 2) некоторого содержания; эта вера в неизменность вещества, т.е. в *одинаковое* состояние чего-либо, противоречит самому процессу представления. (Даже когда я вот так, в самых общих чертах, рассуждаю о представлении, я делаю его неизменным.) Но *ясно одно*: представление *не есть* нечто *покоящееся*, себе подобное, неизменное; таким образом, *бытие*, единственно гарантированное нам, *изменяется*, *не идентично себе самому* и вступает в *связи* (обусловленное, мышление *должно* обладать содержанием, чтобы быть мышлением). — В этом наша *основная уверенность относительно бытия*. Но представление *настаивает* на обратном! Впрочем, это еще не означает, что оно должно быть *истинным*! Возможно, утверждение обратного всего лишь *условие существования* подобной *разновидности* бытия,

представляющей разновидности! Значит, мышление было бы невозможным без заложенного в нем *непонимания* сущности esse: оно должно *настаивать* на существовании субстанции и тождества, так как познать нечто непрерывно текущее невозможно, и *выдумывать* его свойства с тем, чтобы существовать самому. *Наличие субъекта и объекта совершенно необязательно* для представления: главное, чтобы оно *верило* в их существование. – Короче говоря: то, что мышлением принимается и *должно приниматься* за действительность, может быть противоположно существующему!

11[331]

Мы *стали мягче* и человечней! Но вся наша мягкость и человечность заключаются в том, что мы многое стали списывать на *обстоятельства*, а не относить все на счет личности! А также в том, что мы в большей мере принимаем эгоизм и не рассматриваем его как нечто злое и неприемлемое само по себе (каким он почитается *общиной*). Итак, *ослабление* нашей веры в абсолютную ответственность личности и в неприемлемость индивидуального *отдалило нас от варварства*!

11[332]

Вы утверждаете: «определенные догматы веры *благотворны* для человечества, следовательно, в них надо верить» (подобное высказывалось всеми общинами). Но я позволю **себе** впервые *призвать вас к ответу*! – Я спрошу у вас: сколько невыразимых страданий принес человеку, сколь испортил его идеал самоотречения, назвавший эгоизм злым и заставивший *воспринимать его как зло*?! Разве не вы провозгласили свободу человеческой воли и возложили на нее всю тяжесть ответственности, а следовательно, и *ответственность* за все эгоистическое – «называемое злом» – т.е. за все физически необходимые свойства сущности человека? Разве не вы выставили человека в дурном свете и не сделали нечистой его совесть, поместив над ним святого бога и тем самым наделив *все* поступки злой сущностью, и тем больше, чем утонченней и благородней были чувства человека? – *Ослабление* этих чудовищных догматов веры и вообще ослабление насилия и принуждения веры

рассеяло варварство! — Хотя *еще более древнее* и грубое варварство удалось рассеять лишь посредством этих «благотворных» лжедогматов!

11[333]

Любое *представление* рождается благодаря памяти; несмотря на внезапность своего появления, оно продукт бесчисленных знаний, суждений, заблуждений, удовольствий, неудовольствий, прошедших моментов в жизни человека. Когда я представляю себе горное озеро, то представление мое основывается на совершенно ином прошлом, чем когда его себе представляет берлинец. Или: «церковь», «философ», «аристократ», «бездельник» и т.д.

11[334]

Любое наше *удовольствие* и *неудовольствие* — очень сложный результат, как бы неожиданно он ни являлся; в нем заключены весь наш опыт и бесчисленное множество его ценностных оценок и заблуждений. Степень боли не связана с опасностью: наше понимание противоречит этому. Точно так же степень удовольствия не связана с нашим нынешним познанием — но, скорее всего, с «познанием» древнего, самого примитивного и продолжительного периода в развитии человека и животного. Мы подчинены закону прошлого, *т.е. его допущениям и ценностным оценкам.*

11[335]

Только допущения, с которыми была *возможна* дальнейшая жизнь, сохранились — вот древнейшее *критическое замечание,* и с давних пор единственное! Тем самым нами были усвоены грубейшие и неискоренимые заблуждения — ведь зачастую они не препятствовали продолжению жизни. Наносит ли идея вред *в долгосрочной перспективе* (например, допущение, что тот или иной напиток полезен, хотя со временем он сокращал общую продолжительность жизни), никого не интересовало. Возможно, человеческий век краток *вследствие* усвоенных нами ошибочных допущений.

Начало любого мыслительного процесса составляют *грубейшие допущения* и вымыслы, например о подобии, о

вещи, о неизменности. Они схожи с нашим интеллектом, и он сконструировал себя по их образцу. — Остались только те допущения, которые подходили органической жизни.

11[336]

К Э. Р.

Себя толкуя сам, себя перевираю,
И потому сей труд я другу доверяю:
Идя своею собственной тропой,
Он образ друга понесет с собой.

Февраль 1882 г.

11[337]

Gaya Scienza.

Albas	Утренние песни
Serenas	Вечерние песни
Tenzoni	Воинственные песни
Sirventes	Хвалебные и хулительные песни
Soulas	Песни радости
Laïs	Песни печали

11[338]

История будущего: все чаще будет побеждать *эта* мысль — и не верящие в нее в конечном счете обречены по природе своей на *вымирание*!

Останутся лишь те, кто признает за своим бытием способность к вечному повторению, но в *их* среде *возможно* возникновение такого состояния, которого еще не достигал ни один утопист!

11[339]

Готовы ли вы? Вы должны пережить все степени скепсиса, искупать свое сладострастие в ледяных потоках — иначе вы не имеете права на эту мысль; я хочу оградить себя от легковерных и от мечтателей! Я хочу заранее *защитить* свою мысль! Она должна стать религией для самых свободных, светлых и возвышенных душ — прелестным лугом между сверкающим золотом ледником и чистым небом!

11[340]

1) Ужасный факт: корни всех наших моральных оценок — в оценках *противоположных*, *как* это произошло?

2) Как *возникло более древнее* моральное суждение?

11[341]

Наказание не *позорно* до тех пор, пока применяется и к причинившему *непреднамеренный* ущерб.

11[342]

Угрызения совести и после *непреднамеренного* злодеяния. Например Эдип.

Важно: *отвращение* к самому себе!

Эстетическая природа оценки.

11[343]

Против Спенсера: «это не целесообразно» *не моральная* оценка.

«Это неправильно, *хотя* и целесообразно».

«Это унижает меня», «это вызывает ужас и отвращение ко мне».

Внимание к собственной пользе **или** *к пользе для общества еще не* делает вещь «моральной»! «Это вредно другим, но полезно мне» — *что должно произойти*, чтобы подобные утверждения воспринимались как «унизительные» и вызывающие отвращение? — Сам по себе *правильный* поступок является естественным, обеспечивающим всеобщее оживление и процветание.

Свободная воля, *знание* **целей** *поступков* воспринимались как «*неморальные*»: это стадный инстинкт. *Знанию* была присуща нечистая совесть по отношению к себе.

11[344]

В стаде *нет* любви к ближнему: лишь чувство целого и *безразличие* к ближнему. Это безразличие есть нечто очень *высокое*!

11[345]

В каком постулате и в какой вере лучше всего отразить решающую перемену, начавшуюся вследствие

перевеса научного духа над духом религиозным, изобретающим богов? Мы настаиваем на том, что мир, как силу, нельзя мыслить безграничным: мы запрещаем себе понятие бесконечной силы как несовместимое с понятием «сила».

11[346]

Человек, берущий *природу* на службу к себе и подавляющий ее.

Научный человек работает под руководством инстинкта этой *воли к власти* и чувствует себя оправданным.

Прогресс в знании как прогресс во власти (но *не* в качестве индивидуума). Ученый скорее *принижает* индивидуум, обращаясь с ним как с рабом.

11[347]

антагонизм: || Возвышение и укрепление типа!
Возвышение и укрепление
его отдельных органов и функций.

11[348]

Лично для меня – ради чего?

12. Осень 1881

12[1]

Ночью, под звездным небом:
«О, этот шум, мертвый как тишина!»

12[2]
Игра слов:
Ридикультура человека.
отныне *духовное лакомство* для многих — Горгона-Золя
В *гроте своей нимфы Эгерии.*

12[3]
Генуя, *этот лишенный красок юг.*

12[4]
Художники, способные оказывать влияние своим побуждением и желанием, не в состоянии самостоятельно достичь *своей* цели. Однако они сообщают импульс другому — и тот обретает бо́льшую энергию в достижении или, по крайней мере, в *предвидении* цели.

12[5]
Наука устанавливает то, *в чем обрел прочность человек* (а не *в чем* обрели прочность вещи — хотя наука и говорит об этом, в данный момент!). Полипы *осознают* высоту гряды, сооруженной ими и состоящей из них, понимая, что они суть *живая* и необычайно прочная гряда.

12[6]
Эта ужасающая *реальность*, этот *ужас* реальности заметны также, и даже более явственно, в моральных и физических явлениях: здесь [+] в сущности все **вымысел! Мне предстоит это доказать!** — Это как сон: он осуществляет совершенно реальную власть, порождает веру в *истинность* происходящего (например при убийстве, казни, похоронах).

12[7]

Без представления о других существах, помимо людей, все остается мещанским, мелочным. Изобретение богов и героев было бесценным. Мы *нуждаемся* в существах для сравнения, даже ложно истолкованные люди, святые и герои служили весьма могущественным средством. Разумеется, этот инстинкт *использовал* часть силы, которая могла бы быть употреблена на нахождение *собственного* идеала. — Но поиски собственного идеала в прежние времена ничего не значили: наиважнейшим для человека было не *опуститься ниже* среднего уровня, а для этого человек выковывался по образцу некого обобщенного образа и ему проповедовали самоотверженность.

12[8]

Как я искал человека, который выше меня, поистине превосходит меня! Я не нашел его. Я не могу сравнивать себя с В<агнером>, но я принадлежу к более высокому рангу, если не принимать в расчет «силу».

12[9]

Если *смерть бога* не приведет нас к грандиозному *отречению* и не заставит беспрестанно одерживать *победы над собой*, то нам суждено *нести потери*.

12[10]

Новая проблема: следует ли воспитывать из *одной части человечества* высшую расу за счет другой ее части? Выращивание — — —

12[11]

И наконец: наши идеалистические фантазии *тоже* являются частью *бытия* и должны проявляться в *его характере*. Это не *источник*, но именно поэтому он существует. Наши самые высокие и дерзновенные помыслы суть часть характера «действительности». Наша мысль соткана из той же ткани, что и все вещи.

12[12]

Мы презираем того, кто не владеет ничем, — а *потому* и того, кто не управляет собой, не владеет собой. Такой

человек, согласно нашему восприятию, презренен не потому, что он эгоист, а потому, что он служит флюгером своим импульсам и испытывает недостаток в «я».

12[13]

Видя смышленого и бесцеремонного мошенника и преступника, мы осуждаем не его изощренный *эгоизм* как таковой, а то, что он направлен на столь *низменные цели* и ими *ограничивается*. Если цели высоки, то человечество пользуется иными мерками и оценивает его действия *не* как «преступление», даже если его средства самого ужасного рода. – Отвратительно, когда хороший интеллект служит убогому, непритязательному вкусу: нам *противна* **разновидность** эго, а не эго как таковое.

12[14]

Сейчас музыка *представляет* чувства, а *не возбуждает их*!

12[15]

Неорганическая материя (хотя она чаще всего была органической) *ничему не научилась* и никогда не имеет прошлого! *Если бы дело обстояло иначе*, то не существовало бы повторений, ведь из материи с *новыми* качествами и с *новым* прошлым всегда что-нибудь бы возникало.

12[16]

Испытывать различные ощущения, слушая одну и ту же *музыку*!

12[17]

Вещь не могла бы существовать в полном одиночестве: ведь тогда она бы ни с чем не соотносилась. К примеру, моя книга.

12[18]

Я изображаю перед самим собой злость, якобы вызванную холодностью и небрежением, которые я испытываю со стороны друзей; в глубине души это оставляет меня равнодушным, и я почти *желаю* превратить такое состояние в некий мотив, волнующий меня. Я ищу оснований против скуки и нахожу не так уж много.

12[19]

То, что человек не жаждет некоторых вещей, не любит их, воспринимается нами как признак его *низменности* и пошлости. «Самоотверженность» как *антипод*: человек любит некоторые вещи и жертвует другими инстинктами, любовь к которым *непонятна* для большинства людей. Поэтому они воспринимают «самоотверженность» как *чудо*!

12[20]

Люди всегда превратно понимали любовь: они считают себя бескорыстными в любви, поскольку хотят выгоды для другого существа, часто наперекор собственной выгоде. Хотят ли они *взамен* **владеть** этим другим существом? Зачастую они даже не желают этого!

12[21]

Первая книга как *надгробная речь* на смерть *бога*.

12[22]

Сотня Тангейзеров. – Не верить в Вотана! Истолкование прошлого.

12[23]

Этот самый одинокий из одиноких, человек, больше не ищет бога – он ищет *товарища*. Это станет инстинктом будущего, *порождающим мифы*. Он ищет *друга человека*.

12[24]

Весь этот мир, созданный нами, – о, как мы его *любили*!

Насколько же глубоко *чужд* нам мир, открытый наукой!

12[25]

Мы беспрерывно приносим жертвы. Эта страсть побеждает то одни, то другие страсти вместе с их требованиями. Ты удивишься, если я подсчитаю, скольких жертв стоит мне каждый день.

12[26]

Все, что человек отдает от себя окружающему миру, приводит к его все большему само*отчуждению*, так что это

воздаяние уже воспринимается как не-Я и терпеливо несет в себе моральные предикаты, которые человек не отважился бы дать себе самому. «Природа». Чем богаче становился его внешний мир (цвет, движение, а также красота, линия, возвышенность), тем больше человек *унижал* и *обеднял* себя.

12[27]

Хотя в крови и мозге каждого меланхолика очень не хватает фосфорнокислого калия, он видит причину своего ощущения нехватки и своей депрессии в *моральных* состояниях человека, вещей, в своих собственных моральных состояниях!!!

12[28]

Дети, запоминающие наказания, становятся коварными и скрытными. Но обычно они забывают – и остаются невинными.

12[29]

Мы не можем выйти за пределы эстетики. Когда-то я думал, что богу доставляет удовольствие созерцать мир. Однако именно в нас сосредоточена сущность мира, который *люди создавали* постепенно, – *их* эстетика.

12[30]

Музыка – тайное удовлетворение religiosi[1]. *Отвлечься* от слова! Вот в чем их преимущество! И даже от образов! Дабы не *стыдно* было интеллекту! В этом *здоровое* начало и облегчение для тех инстинктов, *которые все же требуют удовлетворения*!

12[31]

Охота за истиной – всего лишь форма *охоты за счастьем.*

12[32]

Ах, *теперь* мы должны обнять неправду! Лишь теперь заблуждение становится *ложью*, а наша ложь перед самими собой превращается в *жизненную необходимость*!

---

1 религиозных людей (*ит.*)

12[33]

Ах, я заглянул за кулисы маскарада великих людей, великих успехов, великих потерь. Все это следует рассматривать перспективистски: если не причислять себя к разряду маленьких людей, то не останется ничего, кроме шума, повода для смеха и душераздирающих эмоций.

12[34]

Моя задача: потребовать назад красоту и возвышенность, которые мы ссудили вещам и представлениям, — как *собственность и дело рук человека*, как его прекраснейшее украшение и апологию. Человек как поэт, как мыслитель, как бог, как власть, как сострадание. О, с какой царской щедростью одаривал он вещи, *обедняя себя*, чтобы почувствовать себя жалким. Вот в чем его высшее «бескорыстие»: в том, как он восхищается и молился, не зная и не желая знать, что сам *создал* то, чему изумлялся. — Это *поэзия* и *живопись первобытного человечества*, «истинные» природные сцены: тогда еще не могли слагать стихи и писать картины иначе, как *всматриваясь* в вещи и что-то вкладывая в них. И *это наследие* создали мы. — Возвышенность линии, чувство скорбного величия, ощущение волнующегося моря — все это *сочинили* наши предки. Какая устойчивость и четкость *видения*!

12[35]

Как это случилось, что мы удовлетворяем свои самые сильные склонности за счет более слабых? — Если бы мы сами по себе были единством, то этого раздвоения не существовало бы. В действительности же мы являем собой множество, *которое вообразило себя единством*. Интеллект как средство обмана, с его принудительными формами: «субстанция», «равенство», «продолжительность»; *он* заставил нас забыть о множестве.

12[36]

Музыка — это мой и наш общий *предвестник*: она говорит лично с нами, она так хороша и благородна! Есть невыразимое <множество> вещей, для которых еще не нашлось слова и мысли: наша музыка *доказывает* это — но *не* потому, что для них нельзя было бы найти слова и мысли!

12[37]

Nox intempesta[1], где, кажется, смещены причина и следствие и в каждое мгновение нечто может возникнуть из ничего. (Рихард Вагнер передал это посредством музыки в «Страже Хагена».)

12[38]

Ту красоту и возвышенность *природы*, перед которыми каждый человек кажется мелким, мы *привнесли* в нее — следовательно, *отобрав* их у человечества. Человечество должно за это поплатиться.

12[39]

Там, где мы, как нам кажется, распознали нечто ценное, достойное приобретения и сохранения, то есть в стремлении *обладать*, пробуждаются наши самые благородные инстинкты. Любящий человек есть *высший* человек — хотя при этом он больший эгоист, чем когда-либо. Но: 1. его эгоизм сконцентрирован, 2. один его инстинкт решительно *торжествует* над остальными и приводит к *экстраординарному* результату.

12[40]

Вначале должен быть создан бастион науки и ее разумного универсализма, а затем может происходить раскрепощение *инд*<ивидов>: здесь не должно быть никакой ошибки, ибо *границы* разумного были определены заранее, а совесть и тело усвоили их. *Вначале* усвоение науки, а затем:

12[41]

Мое чувство различает людей высших и низших. Что именно и как оно различает, я хотел бы выразить с максимальной твердостью и определенностью.

12[42]

Одно всегда необходимее другого.

---

1 некстати наставшая ночь (*лат.*)

12[43]

Поступки, посредством которых мы *удовлетворяем* аффект (будь то любовь, симпатия или антипатия к кому-либо), не называют «самоотверженными» (разве только при неточном словоупотреблении). Любящий человек явно утверждает самого себя больше, чем когда-либо, – и если он вынужден отказаться от проявлений любви и самопожертвования, то чрезвычайно страдает. – Но проблема заключается не в этом. Мы совершаем самоотверженные, на первый взгляд, поступки, направленные против ничего не значащих для нас и даже неприятных нам людей и вещей. Об этом мой [–]. – Но остается проблема: как можно любить кого-либо? Даже брата? Такого брата.

12[44]

Мыслитель, которому обычно приходится находить свою тишину между двух шумов, – если он вообще способен найти ее!

26. окт. 1881 г.

12[45]

Какое множество разных *возрастов* обладает нашими моральными качествами!

12[46]

Что происходит с избытком божественных чувств? Или *его* не существует?

12[47]

Беседы в одиночестве.

12[48]

12 летних сезонов.

12[49]

Насмешка *умиротворенного* гедониста как признак того, что дух не дремлет! А ненависть – – –

12[50]

Но мир, который открывает наука, – откуда берется он? Если бы все происходило от *нас*, то *такого* мира не существовало бы вовсе! Или же это только мир, *забытый* нами? Не было ли все когда-то лишь поверхностью, оболочкой и *предметом* сознания, а потом появилась новая поверхность и оболочка, и старая была предана забвению?

12[51]

Эстетические суждения суть *пережитки* наших суждений о счастье и несчастье. Например, мы видим в некоем ландшафте *богатство* красок, предметов наслаждения, изобилие спокойствия, четких линий. Все это символы и знаки человека, которого мы когда-то считали счастливым. В другой раз местность может быть *страстной*: страстность мы также воспринимали как состояние счастья. Возможна также благочестивая, священная, почитаемая, старинная, детская, женственная, гордая, дремлющая местность.

12[52]

Когда я говорю о Платоне, Паскале, Спинозе и Гете, то знаю, что в моих жилах течет их кровь, и *горжусь*, что говорю правду о них: семья хороша тем, что ей не требуется выдумывать и скрывать. Такова моя позиция по отношению ко всем мыслителям прошлого: я *горжусь человечностью*, а именно безусловной правдивостью.

12[53]

Для человека бездумного требуется урезанная философия и мораль: бог. Причем именно в трудную минуту!

12[54]

Высокие комнаты!

Многие глупые женщины не считают молоко пищей, зато считают таковой корнеплоды.

12[55]

Женщина – это такое создание, которое *должно любить* – и любит – своего врага и разбойника.

12[56]

Погибнуть от дурной склонности – не так уж плохо! *Обнаружить* фантазии, касающиеся зла и *боли*!!

12[57]

Насколько любой ясный кругозор выглядит как нигилизм.

12[58]

Мы, эстетики высшего порядка, не желаем *лишиться* преступлений, пороков, душевных мук и заблуждений – а общество *мудрецов*, вероятно, еще и *создало* бы для себя мир зла. Я имею в виду, что существование зла и боли не есть доказательство против божьего промысла – но, быть может, против «*доброты*» бога? – Но что такое доброта? Желание помочь и сотворить добро, опять-таки предполагая наличие тех, кому *хуже*, чем тебе! и которые *хуже*, чем ты!

12[59]

Достаточно чрезвычайно *небольших* изменений в ценностной оценке, чтобы прийти к невероятному *многообразию ценностных представлений* (распределение благ).

12[60]

Мы *не* остатки или пережитки человечества (каковыми наверняка являемся по отношению к Вселенной, претерпевающей органическое *становление*). Мы еще можем произвести на свет много нового, что *изменит* характер человечества.

12[61]

Кто изобретет для нас трагический балет с музыкой? Это особенно необходимо для народов, которые не могут петь, сорвав себе глотки на драматической музыке.

12[62]

«я забыл свой зонтик от дождя»

12[63]

Причина и следствие. По сути дела, под этим мы понимаем то, о чем думаем, мысля *самих себя* как причину удара и т.д. «Я хочу» есть предпосылка, собственно говоря, это и есть вера в магически действующую силу, вера в причину и следствие — вера в то, что *все* причины, как и человек, связаны с *личной волей*. Короче говоря, этот постулат a priori является составной частью первобытной мифологии — и ничем больше!

12[64]

Мы не должны развивать человеческий разум *вопреки ему*, но все устроено так, что мы и не можем этого сделать.

12[65]

Люди-*примирители* для меня фатальны!

12[66]

Пепельно-серый свет, отражаемый Луной от светящейся Земли.

12[67]

Страдание получилось таким в силу своей большой пользы: оно столь же полезно, как и удовольствие.

12[68]

Эмерсон

Я никогда не чувствовал себя в книге настолько по-домашнему и у себя дома, как... Я не могу хвалить ее, она слишком близка мне.

12[69]

Когда слышишь итал<ьянскую> музыку, приходят на ум маски.

12[70]

Я хочу описывать все как Манфред, очень лично. От людей я не жду *ни «похвалы, ни сочувствия, ни помощи»*: скорее я хочу их «*подавить* собой».

12[71]

Алкоголем мы возвращаем себя на те ступени культуры, которые мы преодолели. Любая пища открывает что-то о прошлом, из которого мы *возникли*.

12[72]

Нет! Я не хочу быть старше, чем я есть. Может быть, когда-нибудь настанет время, когда и орлам придется посматривать на меня с опаской (как на св<ятого> Иоанна).

12[73]

Книжные ученые — природные ученые.

12[74]

Вера в то, что все происходящее на свете есть следствие волевых актов и *тем самым* объяснено или же не поддается дальнейшему объяснению, — роднит дикарей с Шопенгауэром. Эта вера в свое время владела умами всех людей, и было чистым *атавизмом* по-прежнему обладать ею и преклоняться ей в центре Европы в 19 веке. Противоположный тезис: во всем происходящем воля не принимает участия, хотя кажется, будто все наоборот, — *почти* доказан! (Для той невыразимо малой доли происходящего, где воля вообще может участвовать!)

12[75]

Я *борюсь против того*, чтобы разделять разум *и любовь*, справедливость и любовь, даже противопоставлять их друг другу и придавать любви более высокий ранг! Любовь — это comes[1], сопровождающий разум и справедливость, она радость от вещи, желание ею овладеть, страсть полного обладания ею во всей ее красоте: *эстетическая сторона* справедливости и разума, побочный инстинкт.

После того, как мы обрели *разум* и *справедливость*, мы должны *сломать* лестницы, ведущие нас к ним; это печальный долг: ведь эти высшие достижения словно вынуждают нас привлечь к суду родителей и предков. *Быть справедливым к прошлому, стремиться познать его со всей лю-*

---

1 спутник, попутчик (*лат.*)

бовью! Вот когда наше благородство подвергается высшему испытанию! Я замечаю тех, кто с мстительным сердцем говорит о христианстве: это подло!

12[76]

Наука дает нам наше *благородное* генеалогическое древо, нашу геральдику: она дает нам предков, В отличие от нас, все люди прошлого были «мухами-однодневками», чернью с *короткой* памятью.

Историческое чувство — вот то новое, что вырастает в нечто *чрезвычайно великое*. Вначале оно было разрушительным, как всякое новое! Оно должно прижиться, пока не станет *здоровым* и не расцветет как следует. Мы слышим о том, чем *владели* наши героические предки. Нам следует от многого избавляться, но противопоставлять всем потерям *более высокие приобретения*.

Труднее всего ценить *разум* и *справедливость*, поскольку они *молоды, слабы* и зачастую вредоносны!

12[77]

Бог умер — но кто *убил* его? И это чувство — что мы *убили самого священного* и *могущественного* — еще должно посетить *отдельных* людей: сейчас еще слишком рано! оно еще слишком слабо! Убийство убийств! Мы просыпаемся убийцами! Как утешить себя, будучи убийцей? Как очистить себя? *Не должен ли он обратиться во всемогущего и священнейшего поэта?*

12[78]

Наши законы — это попытка сделать из бумаги мудреца, которому по плечу все обстоятельства жизни и чья справедливость столь же велика, как и его бесстрашие. Ах, куда же подевалось внушающее почтенный трепет лицо законодателя, который должен значить больше самого закона? Где желание *почитать* закон *с любовью и благоговением?*

12[79]

У меня есть *происхождение* — и это моя гордость, в противоположность cupido gloriae[1]. Мне не чуждо, что Заратустра — — —.

---

1 жажде славы (*лат.*)

12[80]

Оригинальность человека в том, что он *видит* вещь, которую не *видят* остальные.

12[81]

Люди неудовлетворенные должны иметь нечто, к чему они могли бы привязаться, — например бога. Сейчас, когда его *нет*, тот же *социализм* принимает к себе многих, кто раньше цеплялся бы за бога — или за patria[1] (как Мадзини). Всегда должен быть повод к грандиозной жертве, причем к *публичной* (ибо она дисциплинирует человека, дает ему опору и придает ему мужества)! «Здесь следует *изобретать*!

12[82]

Мы сами, как и бог, должны быть справедливы, милостивы и лучезарны по отношению ко всем вещам, должны постоянно создавать их заново, подобно тому, как уже их создавали.

12[83]

Мы ошибочно переносим наши сегодняшние ощущения (объяснимые при нынешних обстоятельствах, например с учетом *брака*) на прежние времена, когда брак был иным и мог вовсе не порождать *любви* между супругами.

12[84]

Р<ихард> В<агнер> стремился к великой культуре, чтобы найти место для своего искусства, — но ему не хватало новой мысли. Поэтому он заимствовал мысли отовсюду, под конец даже христианские ощущения, но еще не христианские мысли и т.д.

12[85]

Отречься от более низких степеней власти, чтобы прийти к более высоким.

12[86]

Мне, как *мужчине*, *претит* мечтательность мира — но, как *мужчина*, я говорю истину, как бы она ни претила мне.

---

1 родину (*лат.*)

12[87]

Разновидность эгоизма, побуждающая нас *совершать или не совершать нечто ради ближнего.*

12[88]

Собирать ситуации.

12[89]

Первый принцип *моей* морали: не следует стремиться к определенным *состояниям*: ни к счастью, ни к покою, ни к владению собой. Всякое *состояние* должно быть *лишь comes* и ни при каких обстоятельствах dux virtutis[1]. Почему? – Оно не должно быть и «идеалом»: *любые малые и большие поступки* следует совершать по возможности красиво и возвышенно, а также зримо! *То, как* мы совершаем поступки, *должно отличать нас*!

12[90]

Наука летит ввысь в столь стремительном темпе, что ее приверженцам трудно перевести дух: разреженный воздух причиняет им *боль*, как далеко бы ни простирался их незамутненный взгляд. Человечеству нужно догнать науку – оно должно это сделать, как делало *до сих пор*. Вся проницательность и весь разум, на которых теперь зиждется наша жизнь, были когда-то открытием отдельных личностей, а затем постепенно были навязаны, насильно привиты человечеству, усвоены им – так что теперь кажутся незыблемой сущностью человека:

12[91]

Те, кто изучает питание или отопление, знакомятся с огромным количеством правил поведения. Когда-то эти правила относились к морали – ныне же преподавание перестало быть столь торжественным, а спасение души не имеет к нему отношения. Насколько наука бесконечно превзошла магию по силе и художественности, настолько –

---

1 вождем добродетели (*лат.*)

12[92]

Мы, старые закоренелые вагнерианцы, являемся и самыми благодарными слушателями Беллини и Россини.

12[93]

Я постоянно наблюдаю несоразмерность науки и человека — она никогда не ускользает от моего взгляда. Существовало ли что-нибудь подобное? Священник и человек, пророк и человек, правитель и человек, судья и человек. Всякий раз казалось, что требование *устраняло* индивидуум.

12[94]

Фиоритуры и каденции в музыке подобны сладкому мороженому в летний день.

12[95]

За периодический стиль, как за одежду, хватаются все те, кто хочет прикрыть свою наготу — из-за отсутствия собственного образа или же привычно испытывая чрезмерный стыд. Мысли их без внешней оболочки робки и неуклюжи. Их мало*привлекательность* заметна лишь тогда, когда складки данного периода придают им мужество и веру в собственное достоинство. Это мы еще можем вынести и даже одобрить: мы лишь просим этих рядящихся в одежды с множеством складок не превращать себя в закон морали и красоты; периодический стиль был и остается временной мерой и — — —

12[96]

М<ои> братья! Не будем же скрывать этого от самих себя! Н<аука>, или, выражаясь более честно, *страсть к познанию*, уже здесь. Это огромная, новая, растущая сила, равной которой еще не было, — с орлиными крыльями, глазами совы и лапами дракона. Наука уже сейчас настолько могущественна, что воспринимает себя как проблему, вопрошая: «Разве я возможна среди *людей*?! Разве человеку будет возможно *со мной* сосуществовать?!»

12[97]

Эта страсть к позн<анию> нападает на себя, задаваясь вопросами «почему?» и «откуда?», — и — — —

12[98]

Человечество стало хуже.

12[99]

Чувство морального презрения стало теперь обычным явлением!

12[100]

Огромная длительность времени, для выражения которой у нас, косноязычных, не находится слов, — нам пришлось бы сказать: небольшая вечность времени —

12[101]

Здесь я живой моллюск среди скал на берегу.

12[102]

Тому, кто испытывает от трагедии *моральное* наслаждение, еще предстоит *подняться* на несколько ступеней.

12[103]

Даже самая прекрасная музыка мало дает нам, если певец или певица своим голосом, своим искусством не приводят нас в состояние нежного упоения: в *этом* случае *посредственная* музыка становится невыразимо возвышенной!

12[104]

Важны ли эти вещи? Я иду по большим городам и не нахожу никого, кто воспринимал бы их таковыми — или хотя бы притворялся, что это так, — из-за своей профессии! *Но важно, что они больше не считают это важным*! Уже нет во Флоренции Савонаролы! Совсем нет!

12[105]

Строитель задает себе вопрос: «Кто из зодчих *считается* образцом вкуса? Я *хочу* иметь его чувство вкуса». Он

свыкается с этой мыслью, она становится его *потребностью.* Так города в конце концов обретают вкус.

12[106]

Счастье – широкая лестница, по которой надо долго идти.

12[107]

Мысли древних обладают невероятной действенностью, ибо в течение веков копилась вера в них. Мои мысли затрагивают слишком высокие и тяжеловесные предметы, чтобы они могли воздействовать без величайшего *личностного давления* на них.

12[108]

Если этот ч<еловек> не станет человеком великих добродетелей, он будет ужасен по отношению к себе и к другим. Иным людям чрезвычайная забота о добродетелях не приносит плодов: из-за своей посредственности они подрывают уважение даже к добродетели.

12[109]

Разве не абсолютно все готово к этой революции? Следует обрисовать положение вещей.

12[110]

Парадоксальность женщины и ее воспитания: это таинственно и интересно. – *В этом* смысл всей морали.

12[111]

В природе не существует пристрастий в пользу живого или против неживого. Если что-то не остается в живых, то, следовательно, *это соответствует цели!*

«Полезный» и «целесообразный» характер второстепенен, человечен.

12[112]

«Если З<аратустра> хочет двигать массами, он должен разыгрывать самого себя».

«Праздность Заратустры — мать всех пороков».

12[113]

Есть ли во всем мире хотя бы один человек, кто сидел бы, как я, у моря и —

12[114]

Генуэзское безделье.

Если я правильно подметил, я здесь единственный бездельник.

12[115]

Среднее сословие изо всех сил стремится довести рабочих до *своего* состояния — но разве оно *более счастливо*?

12[116]

Родство истинных юдофобов (например В<агнера>) с евреями мне бросается в глаза больше, чем их несходство: речь о невероятной ревности. Немцы сейчас разделились на евреев и юдофобов, т.е. — — —

12[117]

Новый вид *оглупления* — посредством удовольствия от деятельности и предпринимательства.

12[118]

Ч<еловек> с бледным лицом глубоко склонился над моим столом. Эта картина стояла у меня в глазах какое-то мгновение, а в следующий момент я увидел *в паре шагов* от меня кошку.

12[119]

Музыка как *искусство утренней зари*!

12[120]

В чем ценность Р<ихарда> В<агнера> — может сказать только тот, кто наилучшим образом извлекает из него пользу. Когда-то мы верили В<агнеру> — верили в то, во что он хотел, чтобы мы верили.

12[121]

Своего рода Шамфор, который заставляет на один миг смеяться и на множество мгновений задуматься.

12[122]

Облагораживание проституции.

12[123]

К чести старых женщин.

12[124]

В Германии, где лучшие голоса погибают из-за некрасивого языка, так что в конце концов остаются прекрасные духовые инструменты и больше не —

12[125]

У брака была нечиста совесть — так ли это? Да, это так.

12[126]

Мое искусство — смягчать и преодолевать патетику.

12[127]

Я беру на себя смелость *забыть* о себе. Почему бы не противоречить?!

12[128]

Сегодня ты противоречишь тому, чему ты учил вчера. — Но ведь вчера — это не сегодня, — сказал Заратустра.

12[129]

Готовый ко всему.

Все виды храбрецов, чтобы — — —

Невыразимое чувство боли оттого, что жизнь так утекает.

Однажды я сказал себе: все вернется, и эта дивная капля грусти в море счастья победителя есть, быть может, самое прекрасное.

Он сказал своему ученику: «Вот пурпурная грусть, прекраснейшая раковина, которую ты можешь подобрать у моря бытия».

Чувство скорой *разлуки*, вещи освещены вечерним светом.

для **королей**

12[130]

Ты жесток по отношению к своему прежнему идеалу и к людям, с которыми он тебя связывал. — В самом деле, я поднялся выше, чтобы найти идеал более высокий. Для меня это было лестницей — а они думали, что я присяду на ней отдохнуть.

12[131]

К З<аратустре> привели двух учеников: «Этот будет делать любое дело посредственно, а тот не захочет никому причинять боль: он недостаточно жесток и героичен».

12[132]

Не видовой, а стадный эгоизм.

12[133]

Воспринимать именно слабые стороны вещей — это варварство. Напротив, следует вместо слабости уметь наделить вещь собственной силой, тем самым *одаривая* ее.

12[134]

Чудовищные крики, знаки, загадки — все, с чем пищеварение человека не умеет совладать («экскременты *бытия*»), — самое плодородное удобрение.

12[135]

Кто одерживает много побед, у того должно быть множество врагов. Все наши силы желают постоянной борьбы. А мораль желает, ***в первую очередь, врагов***! ***и войны***!

12[136]

«Как *много* благородных и прекрасных коз я повстречал в своих путешествиях!» — сказал З<аратустра>.

12[137]

У Верди мало находок в области прекрасной чувственности, он даже дает понять, что крайне скудно с ними обходится. Но и тем немногим, что его осенило, он крепко держит своих слушателей. Они стали даже беднее самого Верди, но, несмотря ни на что, не желают ничего другого, как и он сам: он их человек и мастер. У В<агнера> тоже скудная чувственность, и в его мелодиях эта бедность чувств проявляется с почти безумным упорством, — но из этого он смог выстроить мост к идеалу!

12[138]

Музыка В<агнера> схожа с облаком — и надо быть кем-то вроде Розенкранца и Гильденстерна, чтобы, подобно некоторым эстетикам, узреть в этом облаке *верблюда* и больше ничего.

12[139]

Из немецких поэтов Клеменс Брентано больше всех пронизан *музыкой.*

12[140]

Героизм — это сила, позволяющая терпеть и *причинять* боль.

12[141]

Стоицизм в самообладании и терпении есть признак подавленной силы: человек бросает свое безразличие к боли на чашу весов — нехватку героизма, который всегда борется (не страдает) и «добровольно ищет» боли.

12[142]

«Как я только выносил жизнь до сих пор!» — на Посиллипо, пока катился экипаж, — вечерний свет.

12[143]

От людей, которые скорее ответят на приветствие на улице, чем узнают того, кто с ними здоровается, мало что зависит.

12[144]

Пить чай или воду *«на средиземноморский манер»* (используя оранжад).

12[145]

Тот император постоянно напоминал себе о бренности всех вещей, чтобы не относиться к ним слишком серьезно и сохранять *покой*. На меня же бренность мира имеет противоположное влияние: мне кажется, что все гораздо ценнее, чтобы быть настолько мимолетным. У меня такое чувство, будто выливают в море драгоценнейшие вина и масла.

12[146]

Чтобы наше счастье не обмануло нас, мы вынуждены обладать заметными недостатками.

12(147)

Благородный: насколько иной моральный критерий в сравнении с сострадательностью? Еще выше — *степень способности к презрению*!

Можно *спросить*: была ли мораль средством *облагораживания* человека? В чем здесь «облагораживание»? Более изощренный вид самой морали? Быть о себе *более высокого* мнения? —

заранее объявленные преступления

12[148]

Без ощущения «я несу ответственность» — что было бы с человеком? Без *веры в совесть* — что было бы с ним? Ведь у него могут быть угрызения совести, хотя он, возможно, *скептичен* по отношению к ним, как и по отношению к другим инстинктам, которые себя проявляют.

12[149]

Паломничества как поездка бедняков на курорт, а храмы как их дворцы, их благородство.

12[150]

Надпись в комнате поэта.

12[151]

Из авторов этого ст<олетия> до сих пор наиболее богат мыслями был американец (к сожалению, замутненный молочным стеклом немецкой философии).

Три заблуждения: 1. возмездие — — —

12[152]

Гете удосуживался даже вести дневник своих страстей.

12[153]

Я по-прежнему иду навстречу всему, что светится, — а ты, когда ищешь, закрываешь глаза рукой.

12[154]

Я плыву на высшей волне.

12[155]

Дурной запах — это предубеждение. Все выделения отвратительны — почему? Потому что дурно пахнут? Почему же дурно? Ведь они не вредны. Слюна, слизь, пот, семя, моча, экскременты, частички кожи, слизистая оболочка носа и т.д. Все это нецелесообразно! — Чем утонченнее человек, тем больше его отвращение. Отвратительно также все, что ассоциируется с подобными отправлениями. — Отвращение следует воспринимать как позыв к рвоте: секреторно вызываемая рвота приводит к выделению непереваренной пищи (*словно она яд*). Суждение с точки зрения *съедобности*: это есть не следует! Основной принцип морали.

12[156]

Те, кого возраст делает, подобно благородному вину, все более духовным и сладостным, — такие люди, как Гёте и Эпикур, — вспоминают и о своих эротических переживаниях.

12[157]

Здесь З<аратустра> снова умолк и погрузился в глубокую задумчивость. Наконец он сказал, как будто мечтая: «Или же он сам убил себя? А мы были лишь его руками?»

12[158]

Чтобы увидеть всю красоту этой женщины, ее можно рассматривать слабыми глазами — но разглядеть ее дух можно лишь с помощью сильнейшего увеличительного стекла, ибо из тщеславия она скрывает его на своем лице, насколько его вообще возможно скрыть: ведь дух старит женщин.

12[159]

Счастье, сладкое желанье!
Всё погоня. Где ж конец?
Вечно длишь ты расстоянье:
Слишком молод твой ловец?
Иль тропа твоя греховна,

из всех грехов
сладчайшая провинность

12[160]

Каждая вещь измеряется посредством любой другой вещи. Однако вне вещей не существует другой меры. Вот почему каждая величина сама по себе является или бесконечно большой, или бесконечно малой.

В противоположность этому существует, по-видимому, единство *времени*, которое является постоянным. Силы нуждаются в определенном времени, чтобы стать определенными качествами.

12[161]

Мне не могло бы недоставать себя!

12[162]

Забрезжила утренняя заря — но где же солнце? Сегодняшний день принесет бурю: на горизонте стягиваются грозовые облака.

12[163]

Простейший организм совершенен: все более сложные организмы имеют больше изъянов, и многие из высших видов погибают. Стада и государства — эти высшие из

известных нам организмов – чрезвычайно несовершенны. Сейчас, наконец, *позади* государства возникает человеческая индивидуальность – высшее и *несовершеннейшее* из существ, которое, *как правило*, погибает и уничтожает образ, из которого возникло. Внутри него сосредоточена вся *программа* стадных и государственных инстинктов. Этот организм может жить один, в соответствии с собственными законами: он *не* законодатель и *не* **хочет** властвовать. Его *чувство власти* направлено *внутрь*. *Добродетели* Сократа!

12[164]

Утешение для тех, кто *гибнет*. Их страсти следует рассматривать как несчастливый лотерейный билет. Следует увидеть, *что* большинство попыток не удалось, что гибель столь же *полезна*, как и становление. *Никаких* раскаяний. Самоубийство как сокращение.

12[165]

Слово к тем, кто верит в бога: им следует взвесить, хочет ли бог уничтожения чего-то или *может* ли он это вообще, не в этом ли заключается божественное бессилие.

12[166]

Беспокойство ума, которое мне доставляет вино – хотя бы в количестве одной столовой ложки, – невыносимо для меня.

12[167]

Юность не знает добродетели.

12[168]

Возможно, еще родится музыка, по сравнению с которой все вагнерианское искусство будет определяться как recitativo secco[1] (и станет служить его оправданием). Тому, кто будет занят вопросом о нравственности музыки, придется принять во внимание и эту возможность.

---

1 сухой речитатив (*ит.*)

12[169]

Враждебность, властолюбие, жестокость, зависть, месть, насмешливость, придирчивость, лживость, похотливость и собственничество.

12[170]

Благородная респектабельность и манерность Вольтера.

12[171]

Малерб говорит своему духовнику, который вещал ему о блаженстве, используя корявые и грубые выражения: «Довольно! Оставим это! Ваш дурной стиль вызывает у меня отвращение».

12[172]

Индус, который во время мочеиспускания вбил себе в голову, что затопит весь Диснахан.

12[173]

«Этот теперешний мост был построен здесь»: деревенская простота.

12[174]

Дружба – нечто иное, чем любовь.

12[175]

Кардинал Ришелье хотел, чтобы к нему относились как к святому.

12[176]

«От кого ты научился всему этому», – спросил Саади у мудреца. «От слепого, который не сделает и шага, не прощупав палкой почву, на которую он должен ступить».

12[177]

Посиллипо и все слепцы, у которых открываются глаза.

12[178]

Мои мысли должны показывать мне, *где я стою*, но не выдавать, куда я иду: я люблю быть в неведении относительно будущего и не желаю погибнуть от нетерпения и предвкушения *обещанных* событий.

Я падаю, пока не достигаю основания — и больше не желаю произносить: «Я занимаюсь поиском причины».

Вероятно, моя незримая природа в сущности дальнозорка и пространна, а дух мой слишком краток для нее: он быстрым взглядом срывает с нее несколько последних побегов и не может пресытиться, восхищаясь их пестротой и кажущимся безрассудством.

12[179]

«В этом кубке *пенится* бесконечность».

12[180]

Софокл дает право или создает право каждому человеку.

12[181]

У меня недостаточно сил для севера: там властвуют тяжеловесные, искусственные души, которые с таким же постоянством и с такой же неизбежностью корпят над мерами предосторожности, как бобер над своей постройкой. Среди них я провел всю свою юность! Эта мысль напала на меня, когда я в первый раз наблюдал, как опускается вечер над Неаполем, с его серыми и красными оттенками, — меня словно охватила дрожь сочувствия к самому себе, из-за того, что моя жизнь началась со старости, потекли слезы и появилось чувство, что еще возможно спасение в последний момент.

Для юга у меня хватает духа.

12[182]

Ч<еловек>, живущий без любви и без всякого сочувствия к другим, является в моих глазах тем, кто не желает ничего приобретать, запрещает себе удовольствие или лишен ума. В его жизни отсутствует разнообразие, это бедный ч<еловек>.

12[183]

Взращивание греков.

Мужчины красивее женщин.

12[184]

Грильпарцер: «Шиллер идет вверх, а Гете спускается сверху».

Различение высших натур.

12[185]

Спенсер полагает, что истинная мораль состоит в том, чтобы принимать во внимание реальные естественные последствия поступка, а не хвалить, порицать или наказывать. Но *это «принимать во внимание»* уже *было неморальным.* Поступок совершается, *какой бы результат ни получился!* — До сих пор не требовалось учитывать *все следствия* поступка — а тот, кто потребовал бы этого, заставил бы людей бездействовать. Следствия невыразимы и непостижимы: ближайшие результаты будут перекрыты дальнейшими; так можно было бы обосновать каждое преступление.

12[186]

Индивидуум был долгое время «*неморальным*» — следовательно, он (например гений, такой как Гомер) скрывался под именем героя. Или же ответственность перекладывали на бога.

12[187]

«Высший человек имеет большую ценность, чем человек познающий, который может быть пошлым и глупым. Дело не в достижениях. В роли инструмента и функции человек ценнее всего — а гении редки».

12[188]

Задолго до того, как нам станет известно, что мы станем говорить, мы тренируем жесты, осанку, голос, стиль поведения, наиболее подходящий для этого. Эстетические инстинкты и наклонности, свойственные молодости, —

это провозвестники чего-то, что выше эстетического. Как странно!

12[189]

Мы не хотим поступать, как вагнеровский Вотан, который с невероятной важностью пытается пробудить старую Эрду ото сна, чтобы сказать ей, что она может продолжать свой сон. Но мы не хотим подражать и вагнеровскому Парсифалю — врачу, исцеляющему свою пациентку, но так, что она умирает вскоре после исцеления, а ее смерть имеет обратную силу: ведь по этой причине должен умереть некий старец. Да, мы хотим пробуждать и врачевать, но так, чтобы разбуженные не заснули снова, а исцеленные не умерли от исцеления.

12[190]

Похвала Вольтера.

12[191]

Какое удивление вызывает у меня Марк Аврелий и какое — Грациан!

12[192]

Совершенно иной способ увековечить себя: слава движется вперед в ложном направлении. Мы же должны вложить в нее вечную глубину, вечную повторяемость.

12[193]

Не блуждаем ли мы в необитаемой Вселенной?

12[194]

Долгая любовь — даже если это счастливая любовь — возможна потому, что нелегко до конца овладеть человеком, полностью покорить его: все время возникают все новые, еще не открытые причины и тайники души, и к ним устремляется бесконечная алчность любви. — Но как только мы почувствуем *границы* существа, любовь кончается.

Конфликт между долгой и короткой страстями возникает тогда, когда один считает, что до конца овладел

другим, а другой – еще нет. Тогда тот другой отворачивается, отступает и благодаря своей *отдаленности* еще сильнее побуждает партнера искать новые ценности – часто с намерением скорее убить его, чем отдать во владение другому. – К счастью, вещи лишены души: иначе мы бы постоянно наблюдали этот конфликт. Природа же, если бы она действительно испытывала любовь к бесконечному ч<еловеку>, давно уничтожила бы его из любви к нему – пусть даже только для того, чтобы не отдавать его, к примеру, богу в качестве добычи.

12[195]

Каждая мораль предполагает определенный вид *анализа поступков*: каждый поступок *ложен*. Однако каждая мораль имеет свои перспективы и озарения – свое *учение* о «мотивах».

12[196]

«Пусть каждый поступает так, как считает должным» – в этом случае у нас был бы регресс и застой.

12[197]

Это называют познанием, в действительности же люб<ящий> человек идет – – –

12[198]

«Нет ничего мудрее поговорки», – сказал морской еж, когда его ужалило солнце, и сразу же сделал из этого двадцать пять поговорок.

12[199]

Добрый человек

1. кто выполняет свой (законный) долг	но также	1. кто следует велению своего сердца
2. отважный		2. мягкий, миролюбивый
3. кто владеет самим собой		3. с добрым характером, без принуждения
4. уважительный		4. друг истины
5. набожный		5. повинующийся себе

6. благородный, знатный	6. лишенный презрительности
7. добродушный	7. стремящийся к борьбе и победе

противоположность этому тоже всегда называлась *доброй*

12[200]

Презрение к актеру (оказывает обратное действие на него, даже на Шекспира, Вольтера, освободителей).

12[201]

Пока мы молоды и не уверены в самих себе, существует немалая опасность того, что наука вызовет у нас отвращение из-за ученых мужей, или искусство — из-за художников, или жизнь — из-за нас самих.

12[202]

Бог

Мы любили его больше себя и приносили ему в жертву не только нашего «единородного сына».

А вы, безбожники, как легко вам! Возможно, вы правильно говорите: «человек создал бога» — но разве это причина, чтобы больше не заботиться о нем? До сих пор мы рассуждали иначе: бог, *потому что* он — — —

Ах, друг мой, люди только и делали на протяжении тысячелетий, что беспокоились о своем боге и т.д. И если теперь, несмотря ни на что, бог не может жить и никакая пища не может поддержать его силы, то — — —

12[203]

Это был гордый человек! «Лучше умереть, чем иметь благодетеля», — сказал он и прыгнул в воду. Полчаса спустя он приобрел благодетеля и остался в живых: бедный рабочий кинулся за ним в воду и спас его.

12[204]

Логика воровства. Быть способным на воровство. — Каждый покупает как можно дешевле, т.е. каждый обкрадывает ближнего своего до тех пор, пока тот позволяет себя обкрадывать.

12[205]

Я останавливаюсь, я вдруг чувствую себя уставшим. Сначала мне кажется: все катится вниз, молниеносно, в какую-то пропасть — я не хочу смотреть на это. За моей спиной возвышаются горы. Судорожно я хватаюсь за что-то, чтобы уцепиться. Как! Вдруг все вокруг меня превратилось в камни и в горную кручу? Рядом заросли кустарника — их ветви ломаются у меня в руках, и пожелтевшие листья и жалкие корешки падают вниз. Мне страшно, <я> закрываю глаза. — Где я? Я вглядываюсь в пурпурную ночь, она манит меня и кивает мне — каково же мне? Как это случилось, что у тебя вдруг отказывает голос и ты чувствуешь себя словно опрокинутым под тяжестью пьянящих и непроницаемых чувств? Чем ты страдаешь теперь? — Да, я *страдаю* — вот точное слово! — Что за червь грызет мое сердце?

12[206]

Я думал о нашей эпохе, когда сегодня увидел человека, который увильнул от внезапно появившегося экипажа, сделав антраша.

12[207]

Страхи боязливой и мнительной души, неспособность противиться злому умыслу, если у последнего есть дух, — вот что составляет комедию в жизни Р<уссо>.

12[208]

Более всего я любезен по отношению к людям, которые очень хорошо меня знают (включая меня самого). По отношению к чужому человеку я осторожен до тех пор, пока он не осознает все предгорья и рифы моего существа: я не хочу, чтобы он споткнулся об меня и при этом досадовал бы на самого себя.

12[209]

Угрызения совести при обращении к государственной справедливости (вместо мести):

при вступлении в брак,
во время работы,
при поиске учителя,
коммерсант,
актер.

12[210]

Я знаю, как лечить ставшую таким гурманом глотку! — Неужели это оно? — Ей нужно однажды проглотить жабу. После этого даже такие славные вещи, как похвала, вновь придутся ей по вкусу!

12[211]

Защитники предрассудков должны иметь много духа, если сами в них не верят, — а если у кого-то из них духа достаточно много, то он, как правило, борется с предрассудками.

12[212]

Последняя мудрость. Он боится зависти богов и добрых людей; он способен подвергнуть сомнению собственные заслуги с помощью своих глупостей, тем самым возместив ущерб.

12[213]

Эго как ощущаемый нами антипод стада («я» — стадо) и *ощущение себя частью стада* — той частью, которая не способна отличить собственные интересы от интересов стада. Не путать эти вещи!

12[214]

Люди становятся столь богатыми, потому что вещи, которые им *нравятся*, не имеют большой ценности: они неизобретательны в удовольствии.

12[215]

Кем бы ты ни был, дражайший чужеземец, которого я встречаю в первый раз, прочувствуй этот радостный час и эту тишину вокруг нас, и пусть к тебе обратится исходящая от меня мысль, подобная звезде, желающей светить тебе и каждому другому, как ей и подобает.

12[216]

В обмен на эту мысль мы не требуем 30 лет славы с барабанами и фанфарами, 30 лет работы могильщиком, а затем вечности мертвой тишины, как случилось со многими знаменитыми мыслями.

Простая, почти сухая мысль не должна нуждаться в красноречии.

Разве ты не замечаешь, как вокруг тебя внезапно становится все тише, тише, тише —

12[217]

Жестокость — это целительное средство для оскорбленной гордости.

12[218]

Заблуждение, в которое мы впадаем, слушая похвалу в свой адрес, состоит в том, что мы вкладываем в слова хвалящего *свое* понимание, а не то, который имеет в виду сам хвалящий: он чаще всего даже не подозревает об этой возможности. Обычно понимание, вкладываемое хвалящим, намного беднее, незначительнее, бледнее, чем в голове того, кого хвалят: последний чрезвычайно рассердился бы, узнав, *что именно* хвалят в нем и в его труде.

12[219]

Желудок, описанный с моральной точки зрения.

Предложить *темы*.

12[220]

Это предварительные расчеты с тем, что больше всего сдерживало меня и двигало мною в жизни. Это попытки избавиться от чего-то путем его посрамления или возвеличивания. (Ах, благодарность за доброту и зло всегда помогала мне совершать многое!)

Насколько мне известно от моих современников, я нашел наилучшее применение Шопенгауэру и Вагнеру, хотя, быть может, и не к их выгоде, ибо я познал их чуть глубже, чем следовало.

Я мог назвать их Juvenilia et Juvenalia[1], достаточно ясно, как я полагаю, но в латинском варианте, который заставляет меня краснеть. Здесь кроется много юношеской любви и ненависти, во всех отношениях.

Рождение трагедии

1) против вагнеровского тезиса: «музыка – это средство для достижения цели»; вместе с тем – апология моего удовольствия от Вагнера;
2) в противоположность Шопенгауэру и моральному толкованию бытия – я ставлю **выше эстетическое**, *не отрицая* и не меняя *морального*.

12[221]

Кезелиц: Эккерман о Вольтере: «он был слишком благороден – – –

12[222]

Стара история эта:
«Много крика, а шерсти – клок»,
Ее припомнят поэты,
Пожалуй, еще разок

12[223]

Incipit tragoedia[2].

---

1 Ювенилиями и Ювеналиями (*лат.*)

2 началась трагедия (*лат.*)

12[224]

«Музыкант, поэт, мыслитель et hoc genus omne»[1].
Случаи, наблюдения и вопросы Ф. Н.

12[225]

Праздность Заратустры.
Сочинение Ф. Н.
жидкая, огненная, горящая – но светлая:
последняя книга –
она должна выплыть величественно и блаженно. – Так говорил З<аратустра>: «я *не обвиняю, я даже не хочу обвинять обвинителей*».

12[226]

С того момента, как появилась эта мысль, все цвета меняются и наступает другая *история*.

12[227]

Собирать отрывки о счастье, например у Эм<ерсона>

12[228]

Философия *лишнего*. Против пожертвования: в долгосрочной перспективе оно вредно.

12[229]

Колония – коррупция.

12[230]

Форма лишь для глаза.

12[231]

Фридрих Ницше
в конце своего второго
пребывания в Генуе.
[lux mea crux[2]]
[crux mea lux[3]]

1 и тому подобное (*лат.*)
2 свет мой крест (*лат.*)
3 крест мой свет (*лат.*)

13. Экземпляр Эмерсона. Осень 1881

13[1]

Заблуждения были необходимы на той стадии как средство исцеления: воспитание человеческого рода — это *лечебный процесс*, который имеет необходимо-разумную последовательность. — Так говорите вы.

В этом смысле я отрицаю необходимость. Победа того или иного догмата веры случайна: тот же целебный эффект мог бы быть результатом чего-то *другого*. И прежде всего! *Последствия* исцеляющего влияния непредсказуемы, в высшей степени *неразумны*. Почти всегда следствием новой веры является тяжелый недуг, а не *лечение*!

13[2]

Вы живете словно опьяненные жизнью, в беспамятстве — и вдруг вы валитесь с лестницы, но *благодаря* своему опьянению и беспамятству *не* ломаете при этом себе конечностей. — Вот где кроется опасность **для нас**! Наши мускулы не вялы и болят значительно *больше*, чем ваши!

13[3]

*Ис*пейте до дна ваши жизненные ситуации и случаи — и перейдите к другим! Недостаточно быть *одним* человеком! Это значило бы требовать от вас ограниченности! Напротив, от одного к другому!

13[4]

Способность испытывать страдание — отличный кормилец, своего рода жизнеобеспечение; *вот то, что сохранило страдание*: оно столь же необходимо, как и желание, — так вкратце я сформулирую свою мысль. Мне смешно слышать, когда перечисляют разные виды страданий и лишений, с помощью которых стремится обосновать себя

пессимизм: Гамлет, и Шопенгауэр, и Вольтер, и Леопарди, и Байрон.

«Жизнь есть нечто, что не могло бы существовать, если было бы способно сохраняться лишь таким образом», — говорите вы. А я смеюсь над этим «могло бы» и обращаюсь к жизни, чтобы помочь ей произрасти как можно более богатой благодаря страданиям. — Уверенность, осторожность, терпение, мудрость, разнообразие, все тонкие оттенки светлого и темного, горького и сладкого — всем этим мы обязаны страданию, и все каноны красоты, возвышенного, божественного возможны лишь в мире глубоких, меняющихся и многообразных страданий. Все что ведет вас по жизни, не может называться справедливостью: ведь справедливость должна была бы знать, что страдание и зло — — — друзья! И мы должны приумножать страдания в мире, если хотим умножить удовольствия и мудрость.

13[5]

Ты хочешь стать всеобщим справедливым оком? Тогда ты должен пройти через *множество* индивидов, при том что все предшествующие будут *необходимы* как функции для последнего.

13[6]

Стань пластиной из золота — тогда все вещи отпечатаются на тебе золотыми буквами.

13[7]

Ох уж эта наша алчность! Я не чувствую в себе никакой к самоотверженности — скорее всепоглощающую самость, которая смотрит сквозь множество индивидов, как бы своими глазами, и как бы хватает все своими руками, — самость, притягивающую обратно все прошлое и не желающую потерять ничего, что *могло бы* вообще принадлежать ей.

13[8]

Мы почитаем и охраняем все, что *концентрирует* в себе *власть*, ибо надеемся когда-нибудь *унаследовать* ее — как *мудрецы*. Мы хотим быть также наследниками нравственности, после того как уничтожили мораль.

13[9]

Важно ответить на заданную загадку и *верить*, что решил ее. *Отважившись дать ответ* на загадку жизни, сфинкс потерпел крушение.

13[10]

Моя способность быть больным *и* здоровым является существенной чертой моего характера: она оправдывает себя и меня.

13[11]

Предположим, что моя книга существует лишь в умах людей. Тогда, в некотором смысле, все состояло бы из **их** мыслей и сущностей и представляло бы собой *«сумму соотношений»*. Разве по этой причине оно не представляет собой ничего другого? Подобие для всех вещей. А также наш «ближний».

То, что вещь распадается на сумму соотношений, отнюдь не свидетельствует *против* ее реальности.

13[12]

Моя философия – ценой *любой* опасности извлечь человека из *иллюзии*! И не бояться, что жизнь погибнет!

13[13]

Почему противоположные мне натуры более всего привлекательны для меня? Они заставляют меня почувствовать *необходимость пополниться* ими, они становятся частью меня.

13[14]

Реально существующий человек значительно отстает от человека эмбрионального, который возникнет из него лишь через три поколения.

13[15]

Все формы сотворены *нами*: мы выражаем *себя*, следуя тому, как мы отныне *должны* познавать все вещи.

13[16]

Чему я научился до сегодняшнего дня (15 октября 1881 г.)? Выходить из всех ситуаций *с пользой для себя* и *не испытывать нужды* в других!

13[17]

Какое мне дело до заблуждений философов!

13[18]

Характер = организм.

13[19]

Всякую новую величину следует не рассматривать как нечто высшее, внешнее по отношению к тебе, но создавать из нее новую функцию для нас самих.

Мы тот океан, в который должны стекаться все реки великого.

Как опасно, когда нам *не хватает* веры в свою универсальность! Нам *не хватает* множества видов веры.

13[20]

Исходить из малейших и ближайших вещей:

1) осознать всю зависимость, в которой мы рождены и воспитаны,
2) привычный ритм наших мыслей, чувств, наших интеллектуальных потребностей и вида питания;
3) *попытки* произвести перемены, прежде всего — сломать привычки (например диету).
   В духовном отношении опереться на своих противников, попытаться пожить в их среде.
   Путешествовать, во всех смыслах.
   «Изменчив и небрежен» — некоторое время.
   Время от времени *отдыхать* от своего опыта, *переваривать* его.
4) *Попытки сочинить* идеал, а потом и *жить* с ним.

13[21]

По ту сторону любви и ненависти, добра и зла — обманщик с чистой совестью, жестокий вплоть до причинения вреда самому себе, не уличенный, у всех на виду,

искуситель, живущий за счет крови чужих душ, он любит добродетель и порок как эксперимент.

13[22]

Ты сидишь здесь, беспощадный, как мое любопытство, насильно приведшее меня к тебе. Итак, сфинкс, я тот, кто задает тебе вопросы, подобно тебе: эта пропасть для нас одна. Возможно ли, чтобы мы говорили одними устами?

14. Осень 1881

14[1]

В современной музыке, какой я только что ее услышал, есть нечто *новое*! Она *представляет* чувства, но *уже не возбуждает их*. Мы довольны тем, что она помогает *понять* что-либо! Как скромно!

14[2]

Как холодны и чужды нам до сих пор миры, открытые наукой! И как отличается, к примеру, тело, каким ощущаем его мы, каким видим, чувствуем, какое боимся, каким восхищаемся, от того «тела», о котором учит нас анатом! Растение, пища, гора и все, что только может показать нам наука, — все это *совершенно чуждый* и только что открытый *новый* мир, входящий в величайшее противоречие с нашим восприятием! И все же постепенно «истина» должна превратиться в нашу мечту, и однажды мы станем *мечтать более реально*! — — —

14[3]

Это *совершенно новая ситуация*, но и в ней есть свое высокое начало, ее тоже можно считать героической — хотя никто еще не совершил подвига. Речь, разумеется, не идет об ученых: это такие же люди, как все, их ощущения отделены от области их духовной деятельности; для них наука есть прежде всего нечто строгое, холодное, трезвое, она не открывает перед ними потрясающей перспективы, не представляет собой риска и одинокого противостояния всем демонам и богам. Наука для них не важна, и это дает им *способность ею заниматься*! Если бы они испытывали страх или предчувствие чудовищного, то держались бы от нее подальше. Это и есть тот вид науки, который *до сих пор* поддерживало государство! Стремление к познанию *без героизма*, как занятие, полезное использование сил разума и т.д.

14[4]

Ночью, под звездным небом, приходит ощущение того, как бедна наша способность слышать. О, этот шум, мертвый как тишина!

14[5]

Теперь я представляюсь себе человеком, который научился плавать под всеми ветрами — и по *своему* пути! Теперь я охвачен своей генуэзской отвагой и не ведаю, куда еще лежит мой путь: мне тесно в рамках моего бытия, мне кажется, будто я должен открыть или создать его заново. *Мне необходимо пространство,* огромный, широкий, незнакомый и еще не открытый мир, — иначе мне становится тошно.

14[6]

Почему я не нахожу среди живущих тех людей, которые видят выше меня и должны смотреть на меня сверху вниз? Быть может, я плохо их *искал*? — Меня же влечет именно к *таким*!

14[7]

С моими подслеповатыми глазами, боящимися работы, я предпочитаю теперь идти такими дорогами, где моим ногам не надо больше *думать*; я больше не могу и не хочу жить в горах и в неухоженных мелких городишках, где жить *и спотыкаться* означает одно и то же.

14[8]

Весь этот мир, до которого нам действительно есть дело, мир, в котором укоренены наши потребности, желания, радости, надежды, краски, линии, фантазии, молитвы и проклятия, — весь этот мир *создали* мы, *люди* – и *забыли* об этом, выдумав для себя впоследствии творца всего мира и мучая себя извечной проблемой: «откуда?». Подобно тому, как язык является древней поэзией народа, так и весь наглядный и ощущаемый мир представляет собой древний поэтический вымысел человечества, и даже звери уже начинают в нем сочинять. Мы *наследуем* все это разом, как будто оно представляет собой реальность.

14[9]

Весь этот мир, созданный нами, — о, как мы его *любили*! Все, что ощущают художники по отношению к своему творению, ничто по сравнению с бесчисленными потоками счастья, которые испытывали люди в незапамятные времена, когда *изобрели природу*.

14[10]

Где найти нам, людям, самым одиноким из одиноких (а мы в один прекрасный миг обязательно *станем* таковыми из-за последствий науки), — *себе товарища*? Когда-то мы искали короля, отца, судию всего, ибо нам не хватало настоящих королей, настоящих отцов и судей. Впоследствии мы станем *искать друга*: люди станут великолепными и похожими на солнечные круги — но будут *одиноки*. И тогда инстинкт, порождающий мифы, отправится на поиски друга.

14[11]

Я мечтаю хотя бы раз встретиться с человеком, который видя все, что попадается ему в руки, спрашивал бы: «Нельзя ли это сделать лучше?» Прием пищи, диету, распорядок дня и т.д.

14[12]

Нынешнее состояние наших малых и больших городов таково, что мыслителю необходимо уметь найти себе место между двух шумов — или же он не найдет его и перестанет быть мыслителем. Античный Рим был более гуманен к мыслителям, чем наш мир!

14[13]

Так мы все и живем! — Жадно и с ненасытным взором хватаем вещи, столь же жадно выдирая из них лишь то, что нам вкусно и полезно, а остатки — все, с чем не справился наш аппетит и наши зубы, все, что мы проглотили, но не смогли усвоить, т.е. наши экскременты, — мы оставляем другим людям и природе. В этом мы неистощимо благотворны и отнюдь не жадны: мы *удобряем* человечество этими непереваренными отходами нашего духа и нашего опыта.

14[14]

За всем, где есть место почитанию, восхищению, облагодетельствованию, страху, надежде, предчувствию, все еще стоит бог, которого мы объявили умершим: он витает вокруг нас и не желает быть узнанным и названным по имени. В этот момент он *исчезает*, словно тень Будды в пещере, — и *продолжает* жить в странных и новых обстоятельствах, когда мы *больше в него не верим*. Он превратился в призрак! Это безусловно!

14[15]

В сущности все цивилизации испытывают глубокий страх перед «великим человеком», в чем признались себе лишь китайцы, сочинив поговорку: «великий человек — это общественное несчастье». По сути дела деятельность всех институтов направлена на то, чтобы такой человек появлялся как можно реже и вырастал при максимально неблагоприятных условиях. Что же в этом удивительного! Малые позаботились о себе, о малых!

14[16]

Разрешение рожать детей должно выдаваться как награда, а обыкновенная половая связь любыми способами должна быть лишена функции размножения: в противном случае на свет будет появляться все больше людей *с низменными чувствами* — ведь высшие умы не слишком усердны в эротических предметах. Впрочем, это не касается личностей, отличающихся храбростью и воинственностью: им мы в основном обязаны теми лучшими видами людей, что еще существуют на свете. Если же торгашеский дух возобладает над воинственным, то — — — С преступниками следует обращаться как с больными, в том числе *испытывая отвращение* к возможности их размножения. Вот первый общий шаг в улучшении нравов, о котором я мечтаю: больному и преступнику должно быть отказано в праве размножаться.

14[17]

Должен признаться: я изображаю *перед самим собой* злость, якобы вызванную периодическим равнодушием

и холодом со стороны моих друзей и прежних знакомых; в глубине души это оставляет меня *равнодушным*, и ощущение невозмутимости заставляет меня желать события, которое сильно потрясло и резко изменило бы меня. Я ищу средства против *скуки*, когда изображаю злость на подобные вещи, но мне это не слишком не удается: я добр **к вам** и остаюсь человеком с самым миролюбивым сердцем! —

14[18]

Главное осознание заключается в том, что человек, давая ценностную оценку всем вещам, более низко оценивает все *обыкновенное*, а тем более все *необходимое*. Обыкновенное, считавшееся «пошлым», противопоставлялось необыкновенному, а необходимое, как принуждение, считалось противоположностью тому, что свободный человек мог бы или не мог бы сделать для себя по собственной воле, т.е. всему излишнему, роскошному в жизни. Таким образом, все, что *необходимо*, и все, что *обычно*, стало заурядным: фатум превратился в пошлость. Капризность, произвол, свобода воли, аристократические наклонности правителей и тех, кто отдавал приказания по своему произволу, страсть ко всему редкому и труднодоступному — все это были признаки *высшего* человеческого рода: благодаря им человек стал считать, что он больше не зверь. И хотя разум и опыт предписывали определенные законы тому, кто *совершал поступок*, и неумолимо указывали на *необходимое* и *обычное*, *высшие* ощущения достаточно часто отделялись от разума и отдавали *приоритет* необязательному и необычному, а потому и в большинстве своем неразумному. Со временем основа нашей жизни и всего нашего *образа жизни* (эту основу составляет и всегда будет составлять необходимое и привычное) лишилась высших ощущений! Еда и жилье, рождение детей, торговля, доход, занятие и даже общественная жизнь отделились от идеала. Забота о самом себе, даже в самой утонченной форме, стала чревата изъянами, ключ к пониманию которых кроется в порицании эгоизма и похвале самоотверженности.

14[19]

Соединить себя с другим, чтобы его поработить или оттеснить в тень, — в этом искусство политиков всех времен, более изощренное, чем превращение другого в соперника для себя, чтобы благодаря уже закрепившейся за ним известности обрести собственную славу.

14[20]

Гордый человек ненавидит страх и мстит тому, кто заставил его дрожать: в этом причина его жестокости. Он страждет видеть перед собой того, перед которым не станет содрогаться, пусть даже этот человек чрезвычайно унизит его или причинит ему величайшую боль. — Гордец не признается в том, что подавляет его, пока не получит возможность отомстить за это. Его *ненависть* вырывается наружу в тот момент, когда эта возможность попадается ему на глаза. Все *могущественные* люди, которые ломают себя и подчиняют себя закону, жестоки: раньше им доставляло почти такое же удовольствие сломить волю других и месить получившуюся глину в соответствии с собственной волей. Все непризнанные, отошедшие от дел и скучающие жестоки из-за постоянного раздражения их гордости. И все *слабые* тоже жестоки, особенно в том, что они *хотят* сочувствия других. Это значит: если *они* слабы и страдают, они *требуют*, чтобы страдали и другие. Следовательно, это лишь половина несчастья: socios habuisse malorum[1]. И наконец, как жестоки все *художники*: они стремятся к тому, чтобы их переживания получили власть над другими, а их страдания стали бы нашими страданиями. И уж подавно жестокостью отличаются *проповедники покаяния*, испытывающие демонические уколы и соблазны от сознания того, что открыто презирают большую власть, что могут привести как самых могущественных, так и самых ничтожных людей к самоуничижению и воздержанию, — в этом ни с чем не сравнимая жестокость гордости! Иными словами, люди испытывают большое наслаждение от жестокости: это самое обычное из всех удовольствий, как бы ни клеймили «жестокого человека»!

---

1 иметь товарищей по несчастью (*лат.*)

14[21]

О, это новое тщеславие современных людей! Среди их художников наступило время поддельной оригинальности, а особенно поддельных страстей: они испытывают прежний страх перед заграницей, они недостаточно способны на страсти и даже вообще не способны на них; они сразу же строят гримасы и не знают меры в голосе и жестах, не из-за силы своего аффекта, а чтобы внушить себе веру в эту силу. Их театральные фигуры, словно персонажи их картин, так гонятся за страстями, что каждого из них можно было бы принять за сумасшедшего, если бы он проделывал это в реальной жизни. Становится страшно от того, что эта распространенная в обществе школа оказывает свое воздействие и на н<емцев>, заставляя их вести себя в жизни, например в политике, как безумцы. Их прежние стремления к уюту и спокойствию доставляют им отныне чувство стыда. Они боятся прослыть из-за них духовными посредственностями, не способными сказать свое слово в решении значительных проблем, в частности в вопросе о счастье. Отныне не желают счастья как такового, но всегда стремятся заслужить гордость благодаря своей принадлежности к последним судьям и испытателям счастья: здесь страсть соединилась с тщеславием их духа. К примеру, вопрос о *счастье в любви*, из которого немецкие художники создали вампирическую картину: их счастливая «любовь» желает затмить собой весь мир, испить его, осушив до дна; если это ей не удастся, то любовь должна, по крайней мере, отомстить всему, что еще осталось от счастья. Но ведь это любовь в сумасшедшем доме – или же она заслуживает того, чтобы ее там заперли, а может быть, она сама и *есть* сумасшедший дом.

14[22]

В игре на фортепьяно самое главное – дать певцу возможность *петь*, а аккомпаниатору – *аккомпанировать*. Я могу выдерживать музыку, не делающую подобного различия между основной мелодией и аккомпанементом, лишь в качестве короткой интерлюдии, идеального шума, который заставляет нас с жадностью ожидать, когда вновь зазвучит голос певца.

14[23]

Человеческий голос — это апология музыки.

14[24]

С какой благодарностью стареющий *Гёте* вглядывается во все эротические ощущения, которые подарила ему жизнь. Не в добрый час Софокл сказал об Эросе как о бешеном демоне. Или этот любезнейший из всех афинян был слишком любезен к себе и, вследствие этого, временами зол, коварен и утомлен самим собой — или же, что еще вероятнее, поносил бога, тем самым отплачивая ему за то, что он *оставил* его.

14[25]

Куда девался бог? Что мы наделали? Неужели мы выпили море? Какой губкой стерли мы горизонт вокруг нас? Как мы могли допустить, чтобы стерлась эта вечная четкая линия, к которой до сих пор сходились все линии и мерки, до сей поры служившие ориентиром всем архитекторам жизни, и без которой не существовало бы никакой перспективы, никакого порядка, никакой архитектуры? Стоим ли мы еще на собственных ногах? Не *падаем* ли мы непрерывно? Вниз, назад, в сторону, во всех направлениях? Не накинули ли мы на свои плечи бесконечное пространство, словно плащ из ледяного воздуха? Не потеряли ли точку опоры, ибо для нас больше не существует ни низа, ни верха? И если мы еще живы и упиваемся светом, то не благодаря ли блеску и мерцанию небесных тел, которые померкли? Пока мы не видим нашей смерти, нашего тлена, и это вводит нас в заблуждение, заставляя верить, что мы сами и есть свет и жизнь. Но это лишь наша прошлая жизнь, озаренная светом, это прошлое человечество и прошлый бог, тепло и свет которых все еще доходят до нас: даже свету требуется время, как требуют времени смерть и тлен! И, наконец, мы, живущие и излучающие свет: как обстоят дела с нашей силой излучения? В сравнении с прошлым поколением? Сильнее ли этот свет, чем тот пепельно-серый, отражаемый Луной от светящейся Земли?

14[26]

Еще слишком рано, невероятное событие еще не дошло до ушей и сердец людей: великие новости требуют продолжительного времени, чтобы быть понятыми, в то время как мелкие новости дня обладают громким голосом и мгновенно осознаются всеми. Бог умер! *И мы его убили*! Чувство того, что мы убили самое могущественное и священное, что только было в мире, еще придет к людям, это необычайное и *новое* чувство! Какое утешение может найти убийца из убийц?! Как он очистит себя?!

15. Осень 1881

15[1]

Я осознал, в каком странном *упрощении вещей и людей* мы живем! Как мы *легко* и *удобно* устроились и разрешили нашим чувствам развлекаться *поверхностными* наблюдениями, а нашему мышлению – совершать *самые безумные* и резвые скачки и *ложные* заключения! Картина, которую постепенно рисует нам наука, *не* составлена из других источников познания: все те же чувства, суждения и умозаключения – но при этом как будто бы *ставшие моральными*, стоически терпеливыми, мужественными, справедливыми, неутомимыми, недоступными для обид и восторгов. Все, что работает в науке, – это хорошие чувства и хорошие мысли. Такая наука, наконец, раскроет и *доброму человеку* тайну его поверхностности и ошибочных заключений, объяснит принципы его ценностных оценок, но также и его *предрассудков* относительно того, что *моральному* человеку человечество обязано столь длительным развитием: человек неморальный внес в это развитие не меньший вклад. Ведь и в науке постоянно действуют и требуются в малых дозах враждебность, недоверие, месть, противоречивость, хитрость, подозрительность: во всей ее мужественности, справедливости и *ἀταραξία*[1] присутствует этот злой элемент. Если бы отдельные исследователи не относились столь пристрастно к своим открытиям, если бы они не желали *своих* развлечений и не опасались презрения, если бы их не сдерживали зависть и недоверие по отношению друг к другу, то *науке недоставало бы ее справедливого и мужественного характера*. Но в целом она воспитывает способность к определенным *ценностным оценкам*: res publica[2] ученых диктует определенный моральный образ

---

1 невозмутимости (*древнегреч.*)

2 общее дело (*лат.*)

действий, по крайней мере, его проявление: *оно сублимирует зло в добродетели*!

15[2]

Я признаю, что мир, каким он представляется мне по самом зрелом размышлении, этот растущий фантом человеческих умов, над которым мы все трудимся совершенно вслепую, творя, любя и созидая, — все это результат, собственно говоря, противный моему мужскому инстинкту. Этим результатом должны наслаждаться женщины и художники в соответствии со своими инстинктами и в силу родства со всем фантомным. При виде его я опасаюсь за мужские добродетели и не знаю, как могут обрести силу мужество, справедливость, жесткая и терпеливая рассудочность, если все находится в процессе становления, все так фантастично, так неопределенно, так беспочвенно. По крайней мере, нам остается одно: будучи мужчинами, мы хотим высказать эту истину, если она, конечно, является истиной, и не утаивать ее от себя! Ведь зачастую труп противен даже анатому — но мужественность последнего проявляется в его упорстве. *Я хочу познавать.*

15[3]

Это приводит в отчаяние: на примерах из истории нас учат, что все великие люди были в высшей степени несправедливыми и что, если бы их мысли и планы не получили излишне высокой, не подвергающейся сомнению оценки, если бы не была совершена эта глубокая, внутренняя, несокрушимая, несомненная несправедливость, они бы не достигли своего величия — даже Иисус, который в действительности судил людей несправедливо. Как! Значит, воспитанное в нас чувство справедливости, которое нам предлагают, должно было бы *удержать* людей от того, чтобы становиться великими? Лишить их великолепного порыва и почти всех инстинктов? А тем, кому предназначено величие, следовало бы закрыть глаза, набросить на себя петлю *самообмана* и быть благодарными, если судьба полностью ослепит их? — Пусть так: мы хотим стать справедливыми — настолько, насколько это возможно для нас. Быть может, нас обманули, и многие из великих л<юдей>

не были великими, но лишь несправедливыми, а некоторые из них развили в себе чувство справедливости до такой степени, до какой их проницательность, их эпоха, их воспитание, их противники сделали это возможным. Возможно, *они верили в свою справедливость* больше, чем мы — в их несправедливость!

15[4]

Бога создали люди — в этом нет сомнений. Но значит ли это, что мы не должны в него верить? Ему так нужна вера, чтобы он жил, — будем же милосердны!

15[5]

Солнце закатилось за море, и от скал, на которых оно отдыхало днем, исходит теплое дыхание.

15[6]

Многим следует наслаждаться так же, как южные американцы наслаждаются свои чаем: они пьют его, не глядя, ибо он становится все *чернее.* Мы же наслаждаемся и *цветами* всех продуктов: сравнение.

15[7]

Является ли «истиной» то, что постепенно определяет наука? Не человек ли в большей мере определяет все, не он ли порождает массу оптических обманов и ограничений или выводит их друг из друга, пока не испишет всю доску и не *установит* себя в отношении ко всем остальным силам. Наука лишь продолжает этот гигантский процесс, начавшийся с первого органического существа: наука — это творящая, образующая, конститутивная сила и никакой не антипод творящей, образующей, конститутивной силы, как полагают неучи. Друзья мои, мы поддерживаем науку! Иначе говоря, на много лет вперед мы не делаем ничего другого, как *поддерживаем человека,* делая его все более прочным и неизменным, какие бы сиюминутные препятствия ни стояли перед нами. Так мы выбиваем почву из-под ног у многого, в чем более ограниченные эпохи видели основу всей человеческой прочности и долголетия, — например у общепринятой морали.

15[8]

Человечество погибло бы от любой моральной системы, если бы в главном придерживалось ее, — это легко понять. Человечество еще существует только благодаря своей непреодолимой «неморальности». Менее очевидно, но столь же определенно то, что отдельные личности, которые в своей вере были совершенны как исполнители *своей* моральной воли, как, например, Иисус, Эпиктет, Заратустра, Будда, могли существовать и продолжать жить лишь в силу своей глубочайшей и чрезвычайно основательной «неморальности», пусть даже это и не приходило им в голову.

15[9]

В конечном счете, для нас познание — как паутина для плетущего ее паука, охотящегося и высасывающего добычу: он хочет жить и получать удовлетворение благодаря этому умению и своей деятельности. Того же самого желаем мы, познающие, когда пытаемся поймать и удержать солнце и атомы и как бы дать им определение. Мы идем кружным путем *к себе*, к нашим потребностям, которые, в свете любой ошибочной, бесчеловечной и чисто произвольной перспективы, продолжают испытывать голод и *доставляют нам хлопоты*. Наука имеет тонкий слух, улавливающий крик о помощи, издаваемый потребностями, — и зачастую это пророческий слух. Чтобы видеть вещи такими, какими они должны быть, дабы удовлетворить наши потребности, мы должны до крайности обострить нашу человеческую оптику. Ты, человек, со своими пятью-шестью футами высоты, сам включен в эту оптику, ты, вплоть до своих слабых органов чувств, сконструирован самим собой — и горе, если это было бы иначе: если бы наши органы были еще слабее и глаз не видел бы даже руки или видел бы ее в смутных и отдаленных очертаниях, тогда бы целостная конструкция человека была невозможной для самого человека. — Наше познание не есть познание само по себе, оно вообще не есть познание, как умозаключение и домысливание: это блистательное, развивавшееся в течение тысячелетий следствие неизбежных оптических заблуждений (неизбежных при условии, если

мы вообще хотим жить) — заблуждений, если все законы перспективы сами по себе должны быть заблуждениями. Мы привнесли в мир *наши* законы и закономерности, хотя видимость и убеждает нас в обратном, представляя нас самих как следствие того мира, а законы — как его законы, воздействующие на нас. Наши зрительные возможности возрастают — и нам кажется, что растет и мир. Наше око — неосознанный поэт и логик одновременно! Сейчас оно представляет собой зеркало, в котором вещи отражаются не плоско, а в виде тел, существующих и неизменных, чуждых и не принадлежащим нам, — в виде силы, существующей наряду с нашей силой! *Это* доступное глазу зеркальное *отражение* наука дорисовывает до конца! Тем самым она *описывает* и власть, доселе проявляемую человеком, продолжая при этом ее проявлять, — нашу творчески-логическую власть, позволяющую по отношению ко всем вещам определить перспективы, благодаря которым мы *сохраняем* свою *жизнь*.

15[10]

Заурядные мысли (и все, что подразумевается под здравым человеческим рассудком) вызывают столь высокое уважение и в сущности воспринимаются как обязанность для любого человека по той причине, что этот вид мышления прошел великое испытание: *с ним человечество не погибло*. Этого достаточно, чтобы убедить человечество (оно охотно и быстро делает свои выводы!), что *истина* на стороне здравого рассудка. В основном, же «истинным» является лишь то, что целесообразно для сохранения человечества. Отчего же тогда я погибну, если я верю (такой вывод можно сделать), что это для меня *не истинно*: это произвольное и неуместное соотнесение моего существа с другими вещами.

15[11]

И для морали существует свой вид оптики. Насколько безответственным чувствует себя человек, оказывая опосредованное и отдаленное влияние! И с какой жестокостью, как преувеличенно воспринимается ближайшее влияние, которое мы оказываем на внешнюю среду, —

влияние, которое мы видим достаточно ясно нашим близоруким взором. Как остро мы воспринимаем нашу вину лишь потому, что она так близко стоит перед нашими глазами! Как по-разному мы измеряем *тяжесть в зависимости от удаленности*!

15[12]

В свое время люди доказывали правоту учения о *несвободе воли*, уверенно ссылаясь на предсказателей, которым весьма доверяли даже философы-скептики. Однако искусство предсказания предполагает существование мира, представляющего собой не что иное, как фатум, а следовательно, в этот мир также поверили. Когда же предсказатели были дискредитированы, учение о несвободе воли также стало непопулярным — в соответствии с ложным методом умозаключения, который более употребителен, чем правильный метод.

15[13]

Мы, современные люди, независимо от того, религиозны ли мы или моральны, являемся по сравнению с религиозными людьми средневековья глубоко неверующими, а по сравнению с моралистами античности — глубоко неморальными людьми. Все античные философы были моральными фанатиками, безоглядно верившими в *свое* «спасение души». Именно из-за них античность в конце концов стала пользоваться дурной славой, сомневаться в себе: та избыточная ценность, которую они вкладывали в «спасение души», была полезнейшей подготовкой христианства, которое унаследовало их идеи, не проявив благодарности за это. (Религиозные люди никогда не отличались чувством благодарности.)

15[14]

Как я думаю о жизни и о мире: я будто нахожусь в *трагической обстановке* и, куда бы ни упал мой взгляд, повсюду нахожу поводы сочинять трагедии. Я даже не могу воспрепятствовать тому, что эти праздничные и страстные маски сами играют трагедию и вовлекают меня в свою игру: вот какой порыв я сейчас наблюдаю вокруг меня.

15[15]

«А что станет после конца морали?» О, вы, любопытные! Зачем спрашивать об этом *уже сейчас*? Давайте пробежим этот путь, и быстро! Иначе мы упадем: здесь сплошной лед и скользко.

Любой образ действий, которого *требует* мораль, был ею востребован в силу недостаточных познаний человека и его многочисленных глубочайших и тяжелейших предрассудков: если разоблачить этот недостаток и этот вымысел, *уничтожается моральная* обязательность того или иного действия (несомненно!), уже потому, что мораль сама требует прежде всего истины и честности, а тем самым накидывает себе на шею веревку, которой ее можно — и *нужно* — задушить: *самоубийство морали* есть ее последнее моральное требование! — И все-таки требование делать что-то или чего-то не делать еще не может быть уничтожено: для этого будет не хватать морального импульса, и только в том случае, если не будет никакого иного импульса для определенного образа действий, это требование будет задушено вместе с моралью. Но тут вступают утилитаристы, указывая на полезность как повод к выдвижению такого же требования, — на полезность как на необходимый обходной путь к счастью. Затем эстетики, действующие во имя красоты и возвышенности или хорошего вкуса (что одно и то же), повторяют это требование. Появляются и любители познания, указывающие, что необходимо жить определенным образом, чтобы лучше всего подготовить себя к познанию, и что *желание* жить иначе, противясь прежним требованиям морали, свидетельствует не только о дурном вкусе, но и об упрямом сопротивлении мудрости. — Наконец, на сцену выплескиваются идеалисты всех мастей, которые рисуют нам образ, стоящий у них перед глазами: «Ах, достичь этого образа, обнять его, отпечатать его на себе и самим *стать* этим образом — на что бы мы только ни пошли *ради этого*! Что значат для нас польза, вкус, мудрость, аргументы “за” и “против” по сравнению с этим *стремлением* к нашему идеалу, к этому моему идеалу!» И они тоже выдвигают это требование, каждый — для *себя*, как средство удовлетворения своей страсти, как утоление своей жажды.

15[16]

Иметь более тонкий голос и более тонкий вкус, привычку к изысканному и наилучшему как к правильной и естественной пище, наслаждаться сильным и отважным телом, чье предназначение состоит в том, чтобы быть хранителем и блюстителем (а еще в большей степени инструментом) еще более сильного, отважного, отчаянного и рискованного духа, — кто бы не хотел обладать всем этим, быть в этом состоянии! Но следует помнить, что, владея всем этим и обретая такое состояние, человек становится существом, *наиболее способным к страданию*, и только *такой* ценой можно купить себе награду — *быть и самым способным к счастью существом.* На такого человека обрушивается бесконечный шквал различных *видов* страдания: он словно служит громоотводом сильнейших молний боли. Лишь при условии, что человек со всех сторон, до глубочайшей степени открыт для страданий, он в такой же степени может быть открыт и самым высшим и тончайшим видам счастья, превращаясь в чувствительнейший, чрезвычайно возбудимый, самый здоровый, изменчивый и устойчивый орган радости и всех грубейших и тончайших восторгов духа и чувств. Это может произойти, если боги возьмут его хотя бы в малейшей степени под свою защиту и не сделают из него (как это, к сожалению, часто бывает!) лишь громоотвод для своей зависти и насмешек над человечеством. В течение пары столетий такими личностями были чрезвычайно богаты Афины. В другие эпохи они встречались во Флоренции, а в более позднее время — в Париже. В свете последних и наивысших достижений культуры все еще действует вера просветителей в то, что счастье, увеличение счастья, будет плодом растущего просвещения и культуры, и никто не добавляет к этому: «Но также и несчастье, растущее число несчастий, все бóльшая способность к страданию, все более многообразные и еще бóльшие страдания, чем когда-либо!» — Почему же тогда философские школы, существовавшие в Афинах в 4 веке, именно в период расцвета просвещения и культуры проявляли себя с таким упорством, каждая на свой манер, убеждая афинян в правильности сурового, отчасти внушающего страх или, по крайней мере, чрезвычайно тягост-

ного и скудного образа жизни и ставя своей целью нечувствительность к боли, своего рода оцепенение? Вокруг них существовали люди, чрезвычайно способные к страданию, и они сами принадлежали к их числу. Они начисто отказывались от счастья на лоне этой высшей культуры, потому что «счастье», по их убеждению, невозможно, если его не тормозит и вечно не подстегивает страдание! Если *хорошо поразмыслить*, то посвященная познанию и nil admirari[1] жизнь, несмотря на все ее тяготы и неудобства, *легче переносима*, чем жизнь счастливых, богатых, здоровых, образованных, наслаждающихся, восхищающихся и являющихся предметом восхищения, принадлежащих к «высшей» культуре, — с такими парадоксами выступила философия в Афинах, и в целом она обрела чрезвычайно много сторонников и последователей! И, разумеется, не только среди любителей парадоксов! — Странность этого факта нельзя не принимать во внимание. — — —

15[17]

В античности каждый высший человек жаждал славы: он верил в то, что человечество начнется именно с него персоны, и лишь таким образом мог приобрести достаточный размах и долговечность, примысливая себя ко всем следующим поколениям, участникам трагедии на вечной сцене. Моя гордость, напротив, говорит: «У меня есть *происхождение*» — поэтому мне не нужна слава. То, что волновало Заратустру, Моисея, Магомета, Иисуса, Платона, Брута, Спинозу, Мирабо, я уже переживаю, а в некоторых вещах во мне выходит на свет то, что тысячелетиями находилось в эмбриональном состоянии. Мы первые аристократы в истории духа — исторический смысл только зарождается.

15[18]

Не будем забывать: новый инстинкт именно потому новый, что он еще слаб и хрупок, часто ребячлив, иногда вреден, у него нет тонкого вкуса, подчас он овладевает мелкими натурами и избегает крупных. Часто он действу-

---

1 отсутствию восхищения (*лат.*)

ет как болезнь, он горек и жесток — и нет ничего удивительного в том, что его неверно описывают, ведь мы не способны угадать дерево по его плодам, а новое растение в его первоначальном облике сравниваем с уже известными растениями и оказываемым ими действием; наверное, его назовут ядовитым кустарником.

15[19]

Не является ли кощунством, если влюбленный думает: «не к этой возлюбленной стремлюсь я, а к любви»? Не каждое ли обобщение цели есть кощунство? Конечно, нечто грубое и оскорбительное уже содержится в словах «мне нужна эта возлюбленная»: язык страсти довольствуется малым, однократным, лишь знаком и символом. Кощунство уже назвать целью все в целом. Идеал как целое должен быть слишком велик: тебе дано лишь уловить его отдельные лучи.

15[20]

Вначале — необходимое, и так прекрасно и совершенно, как ты только можешь! «Люби то, что необходимо»: *amor fati*[1] — вот в чем моя мораль; сделай все возможное для нее и донеси ее до себя, возвысив над ее ужасающим происхождением.

15[21]

Два великих противника видимости — Коперник и Бошкович, оба поляки и оба священники; последний развеял предрассудки относительно материи с помощью учения о математическом характере атома.

15[22]

Шамфор — человек *великого* характера и *глубокого* духа, но ни его характер, ни его дух еще не получили признания. Добродетели всегда должны сначала образовать *пару* — в противном случае люди в них не поверят. Мирабо называл его своим *лучшим* другом: «У Шамфора мой склад мышления и чувств».

---

1 любовь к судьбе (*лат.*)

15[23]

Жесты, вызванные внезапным испугом, никоим образом не представляют собой язык испуга, как если бы тот желал себя *сообщить*: они лишь отражают ближайшие меры защиты, а потому весьма разнообразны. Я это понял, когда на меня чуть не опрокинулся экипаж.

15[24]

Насколько отличается ощущение выполняемого тобой занятия и дела твоей жизни, если ты первый в семье, кто занимается им, от того, когда ты продолжаешь дело своего отца и деда! В первом случае ты испытываешь больше внутренней потребности и спонтанной гордости, но зато у тебя еще нет чистой совести, ты чувствуешь в этом нечто «случайное».

15[25]

Крапивная лихорадка: сейчас это считается болезнью, а изначально она, как мне кажется, была защитной реакцией кожи на насекомых и на прочие раздражители, еще с тех времен, когда у человека были более длинные и более жесткие волосы; быть может, мелкое ороговение кожи человек мог вызвать произвольно, но сейчас это атавизм. У некоторых людей это состояние возникает при употреблении в пищу определенных фруктов, например клубники, — вероятно, по той причине, что насекомые, от которых мы некогда так пытались защитить себя, как раз роились вокруг именно этих плодов, а люди применяли защитные меры, *чтобы* самим наслаждаться этими плодами.

15[26]

Любая страсть затуманивает взор: 1) объекта страсти и 2) одержимого ею. И вот! *парадокс*! Страсть познания, желающая познать и само познание, и того, кто охвачен страстью! *Невозможно*!!! Быть может, чудесная невозможность и есть ее последнее чародейство?

15[27]

Разве *лучшие* люди не должны быть *самыми злыми*? Их знания и совесть сформировались тоньше и крепче

всего, так что все, что они совершают, воспринимается ими как несправедливость, а сами они считают себя *вечно злыми, вечно несправедливыми*, злыми по необходимости. Но кто ощущает себя таковым, *им и является*!

15[28]

Забравшемуся высоко в горы нужно, прежде всего, остерегаться считать опасность своего положения *большей*, чем она есть!

15[29]

На севере побаиваются *теплых красок*: они там считаются пошлыми, свойственными черни. Там *я* принадлежу к черни, *на юге* же – нет!

15[30]

Первое, с чем знакомятся при изучении иностранного языка, – это формулы вежливости, принятые в чужой стране. *Второе* – это названия потребностей. Однако с ними знакомятся лишь во вторую очередь: в худшем случае можно обойтись и вежливостью: кто даст вежливому человеку (у которого хватает манер и денег) *голодать*?

15[31]

Когда ругают лотереи, обычно забывают, *какое счастье* и какие радужные горизонты несут нам приятные надежды *всех* людей! Насколько беднее станет народ, если отнять у него лотереи, – беднее в отношении приятных ощущений! Разочарование происходит один раз и довольно быстро забывается – но как часто человек мечтает о выигрыше и строит планы! И как это обогащает *вкус к занятиям*!

15[32]

Нет, не для того я создан, чтобы обременять совесть людей! Я хотел бы, чтобы они обращали больше внимания на свое счастье, на «все сто его источников», даже находясь в пустыне (как говорит немецкий поэт), – и чтобы они лучше, чем прежде, думали о своем несчастье, немочи, пороках: ведь и в этом есть польза, а может быть, именно *здесь* залог их удовольствия, счастья, силы и добродетели.

15[33]

То, что мы любим, не должно показывать своих изъянов: этого требует эгоизм тончайшей *страсти обладания*, называемой любовью.

Предположим, наша возлюбленная певица. С каким страхом мы вслушиваемся в ее пение в присутствии публики! Мы судим внимательно, чрезвычайно внимательно, никоим образом не предвзято, не как влюбленные, связанные узами чувств. Более того, ни малейшая ошибка, ни одна мимолетная фальшь или неточность не ускользнет от нашего слуха. Несмотря на восторг и овации публики, мы знаем, что для самой певицы не все прозвучало и прошло гладко — так, как того требовала ее тончайшая натура, — и, поскольку мы чувствуем, что она полностью отдает себе отчет в своих крупных и мелких неудачах, *мы невыразимо страдаем* и бываем тронуты и благодарны за все, что ей удалось. Подобное мы испытываем и по отношению ко всем мастерам искусства, друзьями которого являемся. Мы ощущаем радость от их удач и, как только осознаем *их* способ наслаждаться собой, даже забываем о собственном вкусе.

15[34]

Мораль в сущности враждебна по отношению к науке: примером служит даже Сократ — а причина в том, что наука признает важными вещи, не имеющие ничего общего с добром и злом, а следовательно, *лишающие* «добро и зло» их *веса*. Мораль же хочет распоряжаться всеми силами человека: она считает человека расточительным и в то же время *недостаточно богатым для этого*, если он печется о звездах и растениях.

15[35]

У греческих философов строго созерцательного склада ума был выбор: либо стать злыми зверями, либо превратиться в суровых, лишенных радостей укротителей, как, например, Сократ. Они были достаточны умны, чтобы понять, что тот, кто становится человеком-хищником, в первую очередь постоянно *разрывает на части* самого себя. Но они вместе с тем верили, что каждый человек, как

и они сами, подвержен опасности стать *таким хищником*, — вот в чем заключалась *великая вера всех* великих моралистов, их сила и заблуждение! — Вера в то, что каждому грозит ужасная звероподобность. — Едва ли это были прекрасные люди.

15[36]

Наше зрение и наше эстетическое чувство сидят с нами за одним столом, и многие лакомства для нас запретны, ибо наше зрение говорит нам: «это выглядит отвратительно», «эти линии чужды моему вкусу». Когда нам подают устрицы — многие не выносят даже их — мы видим благородную раковину, которая как бы ходатайствует за ту мерзкую и скользкую массу, которая находится внутри, и умоляет наше зрение не смотреть на нее, когда ей надлежит быть проглоченной. — Быть может, по этой же причине нам не суждено познать и тех лучших женщин, которые представляют собой истинное лакомство — как в смысле доброты, так и силы души. Пара других линий (или, как говорят физиологи, немного больше или немного меньше жира, который— — —

15[37]

Разумное во Французской революции — это разум Шамфора и Мирабо, а неразумное — отсутствие разума у Руссо.

15[38]

Неужели моя задача — déniaiser les savants[1]? Они не понимали, что творили, и не очень-то задумывались об этом, но совершали все со смехотворным высокомерием, как будто именно они произвели на свет саму добродетель.

15[39]

Вкус сильнее любой морали. Я не могу жить рядом с человеком, который беспрерывно плюется, когда ест свой суп: по мне лучше жить вместе с вором или клятво-

---

1 учить уму-разуму ученых (*фр.*)

преступником. Когда-то и новаторов мышления воспринимали с неловкостью, как нечто неприличное.

15[40]

Мои мысли затрагивают слишком высокие и далекие предметы; они могут оказывать воздействие лишь при сильнейшем личностном давлении на них. Возможно, вера в мой авторитет лишь спустя столетия окрепнет настолько, что люди смогут, не стыдясь, строго и серьезно подойти к истолкованию моей авторитетной книги, словно к труду древнего классика (например Аристотеля). – *Вера в человека* должна взрасти – только тогда его труд найдет необходимую степень понимания: вера и предубеждение. Именно поэтому когда-то так настаивали на «вдохновении»; сейчас – – –

15[41]

Море убывает, а человека, *суши*, – становится все больше. Но, поскольку человек видит лишь повсеместные изменения, он думает и чувствует ровно наоборот, полагая, что возрастает его непрочность и что в конце концов он не сможет больше противиться морю. – *Медлительность* событий в истории человечества несоизмерима с чувством времени, свойственным человеку, а тонкость и незначительность любого развития делают человеческое зрение смехотворным. Поэтому *истинная* история человека всегда будет оставаться лишь догматом веры! Она вынуждена вести нелегкую борьбу против всех прочих догматов веры и к тому же не может показываться ad oculos[1]. – Да, видимость говорит не в пользу всех наших «истин», легко становясь адвокатом любой иллюзии и даже лжи.

15[42]

Я представил себе жизнь, которая была бы ужасна *для меня*: жизнь царедворца, прокурора, таможенника, регистратора, кассира, короля, лавочника, лакея и всех тех, чья наибольшая заслуга состоит в *ожидании* – ожидании прихода и начала разговора, – причем в процессе ожида-

---

1 на глаза (*лат.*)

ния нет никакой возможности заняться чем-то получше («это противоречит долгу»). Согласно моим наблюдениям, в больших городах люди заняты настолько и обучены таким образом, что, по всей видимости, переносят это обязательное ожидание вполне сносно.

15[43]

Издалека, находясь за границей, мы видим вещи у себя на родине не черными или белыми, но все же не такими пестрыми, каковы они на самом деле: мы упрощаем краски. В качестве примера значительного упрощения приведу следующее суждение: «Все немцы разделяются теперь на евреев и юдофобов; последние слишком сильно хотят считаться истинными немцами».

15[44]

Отнюдь не смешно, что люди по-прежнему верят в святые, нерушимые законы: «не лги», «не убий» — хотя характер нашего бытия предполагает постоянную ложь и постоянные убийства! Каким же *слепым* нужно быть по отношению истинной сущности этого бытия, чтобы верить в возможность *жить* в соответствии с подобными законами! Какая слепота по отношению к самим себе! Какое ложное истолкование всех наших замыслов и поступков! Как много патетической лжи, как много убийств *честных людей* — т.е. уничтожения тех, кто отважился быть или казаться злым, — вновь пришло в наш мир по этой причине! Мораль так долго пользовалась доверием лишь благодаря неморальности.

15[45]

Роскошь — это разновидность постоянного *триумфа* над всеми бедными, отсталыми, бессильными, больными и алчущими. Нельзя сказать, что мы умеем наслаждаться роскошью: что значат для триумфатора золотые колеса его колесницы и прикованные к ней рабы! — Но он получает удовольствие от того, что колесница *проезжает* сквозь бесчисленные толпы, *подавляет* или *сминает* их.

15[46]

Человечество давно бы вымерло, если бы половой инстинкт не обладал таким слепым, опрометчивым, торопливым и бездумным характером. В сущности его удовлетворение отнюдь не связано с продолжением рода. Как редко целью продолжения рода является coitus! – Подобным же образом обстоит дело со стремлением к борьбе и соперничеству: стоит лишь на несколько градусов *охладить инстинкты* – и жизнь остановится! Она зависит от степени нагрева и температуры кипения безрассудности.

15[47]

Легко говорить обо всех видах безнравственности! Но как их вынести?! Например, я не смог бы *вынести* нарушенного слова, а уж тем более убийства: продолжительная или краткая болезнь, а за ней смерть – вот какой была бы моя участь! Независимо от того, будет ли раскрыто и наказано преступление.

15[48]

Если присмотреться, то можно увидеть все *в движении*: подобно тому, как корчится горящая бумага, так и все остальное непрерывно погибает и при этом корчится.

15[49]

До сих пор за все живое ответственным был бог – и невозможно было угадать, в чем его намерения. Именно тогда, когда на живое существо легла печать страдания и хрупкости, родилось предположение, что оно быстрее, чем другие существа, исцелится от жажды «жизни» и «мира» и таким образом отмечено печатью милосердия и надежды. Но стоит перестать верить в бога и в предназначение человека для потустороннего мира, *как человек становится ответственным за все живое*, рождающееся в муках и обреченное на нежелание жить. «Не убий» относится к порядку вещей, в котором бог решает вопросы жизни и смерти.

15[50]

«Друзья, – сказал З<аратустра>, – вот новое учение и горькое лекарство, оно не придется вам по вкусу. Посту-

пайте же так, как делают хитроумные больные: выпивайте его длинным глотком и быстро заедайте чем-то сладким и острым, что очистит вашу глотку и обманет вашу память. Действие же сохранится: ведь отныне "в вашем теле дьявол" — как скажут вам священники, которые неблагосклонны ко мне».

15[51]

Вы не испытываете жалости к прошлому? Неужели вы не видите, как оно отдано на произвол судьбы и, словно нищая женщина, зависит от милости, духа и справедливости каждого поколения. Разве не может в любой момент явиться к нам какое-нибудь огромное чудовище, которое заставит нас начисто забыть наше прошлое, сделавшись глухими к нему, или даже даст в наши руки плетку, чтобы издеваться над ним? Разве у прошлого не такая же участь, как у музыки — у самой лучшей музыки, которая есть у нас? Быть может, новый злой Орфей, которой может родиться в любой час, окажется способен своими звуками убедить нас в том, что у нас не было никакой музыки вообще и что самым лучшим было бы избегать всего, до сих пор именовавшегося ею.

15[52]

«"Ты пришел слишком рано!", "ты пришел слишком поздно" — такие крики раздаются вокруг всех тех, кто прибыл *навсегда*», — сказал З<аратустра>.

15[53]

«Думать о людях хорошо — это объяснимо, когда речь идет о тебе! — В твоем присутствии люди притворяются и, возможно, даже становятся лучше: короче говоря, ты знаешь их так, будто они зеркала, в которых отражаешься ты сам». В дорогу! Ego.

15[54]

Ты чувствуешь, что надо *расставаться*, и, возможно, расставаться скоро, — а вечерняя заря этого ощущения бросает свои отблески на твое счастье. Обрати внимание на этот признак: это значит, что ты любишь жизнь и себя

самого, а именно – ту жизнь, что выпала на твою долю до сей поры и что тебя сформировала, и *что ты стремишься увековечить ее*. Non alia sed haec vita sempiterna![1]

Но знай также: быстротечность поет свою короткую мелодию снова и снова, и, слушая ее первую строфу, можно едва не умереть от тоски, при мысли о том, что она может исчезнуть навсегда.

15[55]

Я думаю, что стоицизм недооценивают. Самой существенной чертой стоического характера – еще до того, как философия подчинила его себе, – является отношение к боли и к представлению о неудовольствии: приложение *огромных усилий* и проявление крайней *инертности* для того, чтобы меньше чувствовать боль. *Оцепенение* и *холодность* – это уловки, искусные приемы, то есть анестезирующие средства. Главная цель стоического воспитания – устранить *легкую возбудимость* и все более сужать круг причин, способных *приводить в движение*, привить презрение и веру в ничтожную ценность большинства вещей, которые возбуждают, воспитать ненависть и враждебность против возбуждения и самой страсти, как если бы она была болезнью или чем-то недостойным, обратить внимание на все отвратительные и неприятные проявления страсти: in summa, *окаменение* как средство против боли, желание приписать статуе все высокие имена божества и добродетели. Что чувствуем мы, когда обнимаем статую зимой, когда становимся безразличны к холоду? – А какие чувства испытывает статуя, когда обнимает другую статую? И если стоик достигает такого состояния, к которому стремится, – *в большинстве случаев он изначально обладает им* и потому выбирает *эту* философию. – Тем самым ему передается *сила той давящей повязки*, которая делает его невосприимчивым к боли. – Подобный образ мыслей мне крайне неприятен, ибо он недооценивает ценность *боли* (она столь же полезна и необходима, как и желание), недооценивает ценность *возбуждения* и *страсти*. Стоик в конечном счете вынужден признать: все происходящее

1 Не другая, а эта жизнь вечна! (*лат.*)

меня устраивает, я не хочу иного. Он *больше не устраняет нужду*, поскольку убил в себе все ощущения нужды. Все это он облекает в религиозную форму, как то, что полностью согласуется со всеми поступками божества (так, например, у Эпиктета).

15[56]

Я даже не касаюсь верхушек волн: бытие, по которому мне суждено плыть,— словно *вне меня*, и я с благодатной дрожью ощущаю его подвижную оболочку. Неужели я стал летучей рыбой? —

15[57]

Когда я посмотрел вверх, мне показалось, что передо мной мелькнул, как молния, какой-то бледный человек, глубоко склонившийся рядом моим столом. В следующий момент, когда мой глаз привык к темноте и присмотрелся к этому объекту, я увидел в паре шагов от моего стола *кошку*: моя фантазия использовала ее окрас, предположив наличие иной перспективы. Во время оживленной беседы я часто вижу лицо собеседника с предельной отчетливостью, различаю тончайшую игру его мускулов и выражения глаз, в зависимости от мыслей, которые он высказывает или которые я, как мне представляется, вызвал у него. Мое истинное зрение *не в состоянии уловить* эти тонкости, а следовательно, *должно* представлять собой вымысел. По всей вероятности, мой собеседник делает совершенно другое лицо или не делает никакого. —

15[58]

Мне ни на минуту не приходило в голову, будто что-то из написанного мною по истечении нескольких лет просто умрет, и что, если ему суждена слава, оно обязано прославиться в ближайшее время. Не мечтая о gloria, я никогда не сомневался, что мои труды проживут дольше меня. Когда я думаю о своих читателях, то всегда лишь об отдельных личностях, рассеянных по столетиям. Я не чувствую себя певцом, которому необходим полный зал слушателей, чтобы продемонстрировать гибкость голоса, выразительность взгляда и красноречивость жестов.

15[59]

Относительно практики: отдельные моральные школы я рассматриваю как экспериментальные заведения, в которых основательно тренируют и додумывают до конца некоторое количество хитроумных приемов житейской мудрости. Результаты деятельности всех этих школ и их опыта принадлежат *нам*, и поэтому мы не менее охотно перенимаем приемы стоиков, поскольку уже усвоили приемы эпикурейцев. *Односторонность* таких школ была весьма полезна и необходима для закрепления результатов. Стоицизм, к примеру, продемонстрировал, что человек в состоянии произвольно наделить себя более грубой кожей и своего рода крапивной лихорадкой: у него я научился в трудную минуту говорить себе: «что с *того*?» и «что за важность во мне?». От эпикурейцев я взял готовность наслаждаться и способность видеть, что посылает на наш стол природа.

15[60]

К тому же я плохо вижу, и моя фантазия (во сне и наяву) ко многому привыкла и многое считает вероятным, к чему другие не всегда были бы готовы. – Я летаю во сне, я знаю, что в этом мое преимущество, и я не помню состояний, в которых мне не удавались бы мои полеты. С такою легкостью исполнить любые дуги и углы, воздушная математика, – это такое несравнимое счастье, которое, вне всяких сомнений, надолго наполнило меня ощущением счастья. Если я хочу прийти в хорошее расположение духа, я всегда свободно парю, произвольно направляя себя вверх и вниз, мне не нужно *напрягать* одно, чтобы принизить и *унизить* другое. «Порыв» – в том смысле, как многие *его* описывают, – представляется мне чересчур мускульным и насильственным. – Я понимаю корибантов и суть дионисизма прежде всего как попытку бескрылых животных представить у себя крылья и подняться над землей. Шум натужных движений, неимоверный треск крыльев – и в конечном счете у них возникает впечатление, *будто* они в небесах.

15[61]

Я не выношу *придворный церемониал* повсюду, где его соблюдают: зачем, разодевшись пестро, словно фламинго, стоять часами на мелководье?! Все придворные считают *сидение* счастьем «жизни после смерти».

15[62]

Только женщины способны совместить в одной интонации сострадание, насмешку и соблазн.

15[63]

В мелкой и убогой жизни все-таки звучат аккорды *великой жизни* людей *прошлого*: каждая *ценностная оценка* берет свое происхождение в великих порывах отдельных душ.

15[64]

И, как говорит возлюбленный: ваша холодность заставляет мои воспоминания застыть; не доводилось ли мне когда-нибудь почувствовать в себе пламень и биение сердца? — Так — — —

15[65]

Быть может, сейчас имеет смысл искать в *коммерсантах* те свойства, которые когда-то сделали человека великим: кипучее честолюбие, предпринимательский дух и т.д., в том числе дух корпоративности.

15[66]

Морализаторство в Европе в целом является *еврейским*: между нами и греками все еще существует глубокая отчужденность. Но именно евреи, которые презирали людей и считали их *злыми и ничтожными*, создали своего бога более чистым и далеким, чем любой другой народ: они *питали его* всем добрым и высоким, что зреет в человеческой груди, — и эта редчайшая из жертв постепенно создала между богом и человеком пропасть, которую считали *ужасной*. Только у евреев было возможно и даже необходимо, чтобы некое существо, наконец, бросилось *в* эту пропасть, — и снова это должен был совершить «бог»:

лишь ему приписывали нечто высокое. Тот человек, который ощущал себя *посредником, должен был вначале почувствовать себя богом,* чтобы поставить перед собой эту посредническую задачу. Там, где пропасть была не столь глубока, человек, вероятно, мог *не* ощущать себя совершенным сверхчеловеком, а выступал как герой, распространяя ощущение радости — пожалуй, *высшее из тех, что знало древнее человечество:* возможность *увидеть гармонию и переход от бога к человеку.*

15[67]

Почему меня с почти регулярной периодичностью охватывает тяга к Жиль Бласу и в то же время к новеллам Мериме? Разве «Кармен» не заворожила меня больше, чем любая другая опера, в которой слышен отзвук этого любимого мною мира (который я, в сущности, покидаю лишь на половину года)?

15[68]

За каждой трагедией таится нечто *смешное и нелепое* — потребность в парадоксальном. Например, заключительные слова последней трагической оперы: «Да, *я* убил ее, мою Кармен, мою обожаемую Кармен». Такие пикантности в эпосе отсутствуют вовсе: он более невинен и обращен к более ребячливым и примитивным умам, которым еще претит все кислое, горькое и острое. Трагедия — это предвестник того, что люди стремятся шутить, что esprit[1] хочет дать себе выход.

15[69]

«Польза, полезный»: при этом подразумевают ум, осторожность, холодность, сдержанность и т.д., то есть такие состояния души, которые противоположны аффекту. Несмотря на это, наверняка бывали страшные времена, когда человек совершал *полезные ему* поступки лишь под влиянием аффектов, когда разум и холодный рассудок вообще у него отсутствовали. В те времена высшая utile[2] еще

---

1 остроумие (*фр.*)

2 польза (*ит.*)

говорила на языке страсти, безумия и ужаса: не будь она столь красноречивой, было бы невозможно подвигнуть человека совершить нечто «полезное», т.е. выбрать кружной путь к «приятному», т.е. *отдать временное предпочтение неприятному.* Тогдашняя мораль еще не была внушена благоразумием: необходимо было на какое-то время словно *забыть* о разуме и об обычном способе проявления воли, чтобы в этом смысле совершить нечто моральное.

15[70]

Я хочу иметь свою геральдику и знать все благородное генеалогическое древо моего духа, — его может дать только *история. Без* нее мы остаемся мухами-однодневками и чернью: наши воспоминания простираются не дальше дедов — и на этом время обрывается.

15[71]

«Кто в 40 лет не стал мизантропом, тот никогда не любил людей», — говаривал Шамфор.

15[72]

Бальзак: pour moraliser en littérature, le procédé a toujours été de *montrer la plaie*[1].

---

1 чтобы морализировать в литературе, всегда было необходимо *показать язву* <общества> (*фр.*)

16. Декабрь 1881 – январь 1882

16[1]

Продолжение «*Утренней зари*».

Генуя, январь 1882 г.

16[2]

Мы выздоравливаем только тогда, когда забываем о враче и о болезни.

16[3]

Я стремлюсь лишь к одному виду равенства – такому, которое создает крайняя опасность, когда тебя окружает дым от пороха. Тогда у нас всех один ранг! Тогда нам может быть весело друг с другом!

16[4]

Вы жалуетесь на то, что я использую кричащие тона? Что ж, я беру их из природы – разве я отвечаю за нее? – Вы говорите, что это моя природа, но никак не ваша и не всего мира! Наверное, вы правы: возможно, моя природа *кричит*, «как кричит олень, жаждущий свежей воды». Если бы вы сами были этой свежей водой, как приятно звучал бы для вас мой голос! Но вам досадно, что вы не в состоянии утолить мою жажду, и, быть может, вы охотно хотели бы мне помочь? – – –

16[5]

Неужели я исследователь? Я всего лишь *тяжел*: я падаю, падаю все глубже – пока не достигну *основания*.

16[6]

Наши добродетели, подобно стихам Гомера, должны появляться *и уходить*.

16[7]

Некоторым людям необходима темнота, чтобы зажечь свой свет, — какое дело до них мне, который не годится для ночного света? Да, я отрицаю ночь чаще, чем следовало бы, — тогда, когда ее не нужно устраивать.

16[8]

Самое достойное представление о богах имели эпикурейцы. Как соотнести безусловное с условным? Как первое могло служить причиной другого, или его законом, или его справедливостью, или его любовью и предвидением! «Если боги и существуют, до нас им нет дела» — вот единственно истинный постулат всех религиозных философий.

16[9]

«Но куда в конце концов стекаются все реки того великого и величайшего, что есть в человеке? Не существует ли для них особый океан?» — Пусть этот океан возникнет: тогда он будет существовать.

16[10]

Когда, поднимаясь вверх, ты переступаешь через человека, трудно не быть в его глазах жестоким. Никто не даст тебе права видеть в нем лишь *ступеньку*. — И все же тебе *нужно* пройти всю лестницу до самого верха!

16[11]

Рецепт против лекарства. — «Все больше появляется новых учений и новых лекарств, — говорите вы мне, — и это нам не нравится!» Поступайте же так, как делают все хитроумные больные: выпивайте питье длинным глотком и быстро заедайте чем-то сладким и острым, что очистит вашу глотку и обманет вашу память! «Действие» же сохранится — будьте в этом уверены! Ведь отныне «в вашем теле дьявол», как скажут вам все древние целители.

16[12]

Эгоизм! Если бы мы в самую первую очередь и постоянно не вращались бы вокруг самих себя, мы бы не выдержали движения за каким-нибудь солнцем!

16[13]

Лишь поносив цепь, ты сможешь чутко уловить ее позвякивание.

16[14]

Кто стремится к славе, тот должен вовремя научиться жить без чести.

16[15]

Вперед! Как только мне захочется остановиться, я буду думать, что заблудился: нет проку останавливаться, зато есть ужасная вероятность, что у меня закружится голова. Итак, вперед!

16[16]

Последействие древнейшей религиозности. – Мы все твердо и неколебимо верим в причину и следствие, а некоторые философы называют эту веру – в силу ее твердости и неколебимости – «познанием a priori», сомневаясь и обдумывая, не следует ли предположить наличие какого-нибудь познания и какой-нибудь мудрости сверхчеловеческого происхождения; в любом случае эти философы находят человека непостижимо мудрым в этом отношении. Однако происхождение этой непреклонной веры мне кажется предметом весьма прозрачным и скорее смехотворным, чем заслуживающим уважения. Человек полагает, что, делая нечто, например производя удар, ударяет *он* сам, и ударяет потому, что *хотел* ударить, короче говоря, что его воля была тому причиной. Он не видит в этом ничего проблематичного, ему достаточно и чувства *воли*, чтобы объяснить себе связь между причиной и следствием. Он ничего не знает о механизме события, о стократно тонкой работе, которая должна быть совершена, чтобы дело дошло до удара, а равным образом и о неспособности воли самой по себе принять хоть малейшее участие в этой работе. Воля для него – магически действующая сила: вера в волю как причину действий есть вера в магически действующие силы, в непосредственное влияние мыслей на недвижимые или подвижные материи. Первоначально человек повсюду, где он видел какое-либо событие, думал

о воле как о причине, иначе говоря – верил в личную волю существ, действующих на заднем плане: до понятия механики ему еще очень далеко. Поскольку человек невероятно долго верил *только в личность* (а не в материю, силы, вещи и т.д.), вера в причину и следствие стала в нем основной верой, которую он применяет повсюду, где что-то происходит, – даже и теперь, инстинктивно, как элемент атавизма древнейшего происхождения. Положения «нет следствия без причины», «всякое следствие есть новая причина» – предстают обобщениями гораздо более узких положений: «если нечто свершилось, то в результате воления», «можно воздействовать лишь на волящие существа», «не бывает чистого, лишенного последствий претерпевания какого-либо действия, но всякое претерпевание есть возбуждение воли» (к действию, обороне, мести, воздаянию), – однако в незапамятные времена человечества как те, так и это положения были идентичны: не первые являлись обобщениями вторых, но вторые – объяснениями первых, в то время как основой всего мышления было: «Природа – это сумма личностей». Если бы для человечества вся природа с самого начала была, напротив, чем-то безличностным, а следовательно, не волящим, то образовалась бы противоположная вера – fieri e nihilo[1], следствия без причины, – и, быть может, она получила бы славу сверхчеловеческой мудрости. – Таким образом, «познание a priori» есть никакое не познание, а укоренившаяся в нас *первобытная мифология*, взятая из времен глубочайшего невежества!

16[17]

А: «То, как он публично не понимает меня, доказывает мне, что он даже слишком хорошо меня понял». – Б: «Посмотри на это с лучшей стороны! Ты очень вырос в его глазах; он уже считает необходимым порочить тебя».

16[18]

Кто хочет значительно превзойти своего отца в прилежании, доведет себя до болезни. Так же обстоит дело и со всеми добродетелями: ведь наша постоянная задача –

---

1 возникновения из ничего (*лат.*)

сохранять добродетель на той высоте, на какой мы ее *унаследовали*, потому что *эта ее высота* будет способствовать нашему здоровью; повысить ее — — —

16[19]

Только наличие потомков придает человеку прочность, связность, способность терпеть лишения: это лучшее воспитание. Родителей всегда воспитывают дети, причем дети во всех смыслах, в том числе в духовном. И только наши труды и ученики дают кораблю нашей жизни компас и великое направление.

16[20]

«Самые прекрасные вещи стали ему невкусны!» — Что ж, против этого есть лечебное средство: он должен однажды проглотить жабу!

16[21]

Что произошло со мной вчера на этом месте? Я никогда не был так счастлив, и прилив бытия вынес мне на высочайших волнах счастья свою самую драгоценную раковину, пурпурное уныние. Я не был к этому готов! Какой опасности я не сумел бы противостоять! Разве пространство не казалось мне слишком узким — — —

16[22]

«Да! Я все еще хочу любить лишь то, что необходимо! Да! Пусть amor fati будет моей последней любовью!» — Быть может, ты дойдешь до этого, но сначала тебе придется стать возлюбленным фурий: я сознаюсь, змеи свели бы меня с ума. — «Что ты знаешь о фуриях! Фурии — это лишь злое слово, которым именуют граций». — Он сошел с ума! —

16[23]

Вы, самонадеянные! Вы, самовластные! Все те, чья *суть* состоит в *принадлежности* к чему-то! Только на вас работает несчитанное множество людей, хотя поверхностному наблюдателю картина покажется иной! Те самые князья, торговцы, чиновники, пахари, солдаты, которые, возможно, думают о чем-то помимо вас, — все они *рабы*

и трудятся, испытывая вечную потребность, не для самих себя: никогда не было рабов без хозяев — и *вы* всегда будете хозяевами, на которых работают; будущее столетие почувствует вкус к этому! Оставьте им их взгляды и фантазии, которые им помогают оправдать перед самими собой их рабский труд и утаить его от самих себя, — не противоборствуйте мнениям, которые несут рабам пощаду! Но всегда помните, что эти чудовищные усилия, этот пот, пыль и рабочий шум цивилизации существуют лишь для тех, кто умеет пользоваться всем, не принимая в этом участия. Должны быть *лишние*, которые содержатся за счет общих излишков труда, и эти лишние — смысл и апология всего процесса. Так будьте же мельниками и позвольте этим потокам вертеть ваши жернова! И пусть вас не волнует их борьба и этот бушующий водный поток! Какие бы формы государства и общества ни возникали, *все они вечно будут лишь формами рабства* — и при всех формах господствовать будете вы, ибо только вы одни принадлежите самим себе, а те, другие, всегда должны быть чужими *принадлежностями*!

17. Отрывки из «Опытов» Эмерсона. Начало 1882

17[1]

Во всяком действии есть краткая история всего становления. Ego.

17[2]

Я слышу похвалы мира, но они адресованы не мне: в них я слышу лишь более милую моему слуху похвалу характеру, к которому я стремлюсь, внимая каждому слову, каждому факту, – в стремящемся потоке и колышущейся ржи.

17[3]

То, что я делаю сегодня, имеет такой же глубокий смысл, как и нечто прошедшее.

17[4]

Я хочу прожить всю историю в собственной личности, пропитаться всей мощью и силой и не склонить головы ни перед королями, ни перед другими великими.

17[5]

Творческий инстинкт души проявляется в той пользе, которую мы научились извлекать из истории: есть *только* биография. Каждый человек должен целиком осознать *свою* задачу. – Эти непланомерные, грубые и противоречивые «там» и «тогда» должны исчезнуть, а на их место должны прийти «здесь» и «сейчас».

17[6]

Превратить пережитки нашей звериной сути в драгоценнейшее украшение, подобное месяцеподобным рогам Изиды, оставшимся после ее превращения.

17[7]

Кто может нарисовать дерево, не став деревом!

17[8]

Художник обладает властью пробуждать в других душах дремлющую в них *энергию.*

17[9]

Истинное стихотворение — это душа поэта: оно служит достаточным доказательством ее наивысшего великолепия. Св. Петр — его слабая копия.

17[10]

Гении в лесу ждут, пока странник не пройдет мимо.

17[11]

Если глаз благодаря природе уже привык к огромным размерам, искусство не может позволить себе более мелкий масштаб, не деградируя при этом. (*пустоты* —)

17[12]

Проходя по просеке в еловом лесу, помнить о соборах: лес оказал *грандиозное* влияние на зодчего.

17[13]

Духовное кочевничество — дар объективности или дар во всем находить отраду для глаз. Каждый человек, каждая вещь — это моя находка, моя собственность. Любовь, которая вдохновляет его на все, *разглаживает морщины* на его лбу.

17[14]

Мой глаз не должен быть способен смотреть искоса, я всегда должен поворачивать голову: это благородно.

17[15]

Ни поэт, ни герой не могут относиться свысока к словам или жестам *ребенка.* Детское существо с его врожденной энергией. Для этого существа его нужды значат мало, оно

совершенно поглощено собой и благородно принимает подаяние, прося его от имени бога.

17[16]

Обязанность почитания угнетает его: он хотел бы украсть свет у творца и жить отдельно от него.

17[17]

Когда бог приходит к людям, они не узнают его.

17[18]

Важно ответить на заданную загадку, но важно также *верить*, что ты решил ее. Уже *отважившись* дать ответ на загадку жизни, сфинкс терпит крушение (ego).

17[19]

Он должен быть храмом славы, он должен появиться в одеждах, расшитых чудными картинами событий и опыта.

17[20]

Доверять своей собственной мысли — верить, что истинное в глубине твоей души истинно и для всех людей: вот что такое гений.

17[21]

В каждом творении гения мы узнаем свои собственные греховные мысли: они к нам возвращаются с некоторым отчужденным величием.

17[22]

В развитии каждого человека есть этап, когда он приходит к убеждению, что зависть — это лишь незнание, подражание, убийство из-за угла и что, хотя огромная Вселенная полна добра, ему на своем участке земли даже зернышко достанется тяжелым трудом.

17[23]

Обычно мы только наполовину проявляем себя и стыдимся божественной мысли, которая выражается через нас. — Нужно всем сердцем отдаться работе: если мы

лишь пытаемся это сделать, тогда наш гений оставляет нас, и рядом с нами нет ни музы, ни надежды.

17[24]

Раздвоенный и сомневающийся дух, доведенное до высот умение рассчитывать, что может помешать нашей неколебимости в замыслах и средствам для их достижения, — это отсутствует у детей; когда заглянешь в лицо ребенка, становится неловко. Дети ни с чем не считаются, все подстраивается под них; последствия или интересы других никогда не беспокоят их: они всему выносят свой собственный искренний вердикт. Они не стараются тебе понравиться: *ты* должен искать их расположения.

17[25]

Вновь и вновь совершать наблюдения с точки зрения неподкупной, бесстрашной невинности — это внушает страх: здесь чувствуется власть бессмертной молодости.

17[26]

Ни один закон не свят для меня, кроме закона моей природы. Единственно законно то, что для меня естественно, а незаконно лишь то, что противоречит моей природе.

17[27]

Вот различие между возвышенным и низменным: я думаю лишь о том, что кажется мне справедливым, а не о том, что думают об этом люди. Это тем более трудно, потому что ты повсюду встретишь людей, которые воображают, что больше знают о твоем долге, чем ты сам.

Велик тот, кто в суете мира с полнейшей ясностью сохраняет свободу, даруемую нам одиночеством.

17[28]

Когда бедняки и невежды приходят в возбуждение и эта неразумная животная толпа начинает рычать и кривить рот — нужна великая душа, чтобы, подобно богу, не замечать этой ничтожной малости. NB.

17[29]

Человек не может насиловать свою природу: его характер, в какую сторону ни крути им, говорит мне тоже самое. Что значат самые высокие горы в сравнении со всем земным шаром!

17[30]

Сила характера проявляет себя сама: прошедшие дни, полные добродетели, передают тебе свое духовное здоровье. Через осознание множества одержанных побед проявляется величественная суть героя.

17[31]

Честь потому так ценят, что она не порождение сегодняшнего времени: это всегда древняя добродетель.

17[32]

Истинный мужчина – это центр вещей: он стремится завладеть всем, что создано, он ни о ком не напоминает, все обстоятельства он отодвигает в тень. Чтобы осуществить свои идеи, ему необходимы бесконечность пространства, чисел и времени: последующие поколения шествуют по его стопам.

17[33]

Поступки королей послужили миру уроком. В них есть дальний прицел: благодаря их колоссальной символике они учат нас тому, каким уважением обязан один человек другому. Всегда существовала радостная привязанность к тому, кто действовал по созданным собой законам, создавал собственную скрижаль ценности людей и вещей, отметая общепринятые мерки и *воплощая закон в собственной личности.*

17[34]

История – это нелепица и оскорбление, если она претендует на то, чтобы быть не только развлекательным рассказом и притчей моего бытия и становления. – Обращая назад взор, человек оплакивает прошлое или встает на цыпочки, чтобы подсмотреть что-то из будущего. Но ему

надлежит жить сегодня вместе с природой, *возвысившись над временем.*

17[35]

Добродетель есть внутренняя сила: человек, который докапывается до изначальной *творческой* силы, в соответствии с законом природы покоряет города, народы, королей, богачей и поэтов.

17[36]

Что мы любим, то принадлежит нам. Однако, стремясь к нему, мы отнимаем его у себя.

17[37]

Я сам даю людям власть огорчать меня. Не опускайся столь глубоко, сохраняй свое достоинство и ни на миг не прислушивайся к их обстоятельствам, к их воплям: пусть в этот беспорядок проникнет свет твоего внутреннего закона.

17[38]

Тому, кто избавился от традиционных мотивов гуманности, необходимо быть существом богоподобным. Великодушие, верность воле и ясный рассудок – вот те черты, которыми должен обладать человек, стремящийся сам стать учением, обществом и законом. Тогда *его простой замысел станет для него тем же, чем для других – железная необходимость.* Стр. 57.

17[39]

Наш обиход нищенски беден; наше искусство, наши занятия, наши браки – не мы их выбрали, а общество выбрало их для нас. *Жестокая борьба с судьбой,* в которой рождается наша внутренняя сила, отпугивает нас.

18. Февраль–март 1882

Пять сотен надписей
настенных
и стишков
рукою дурака —
для дураков.

18[1]

Кто горд, тот ненавидит лошадь даже,
Что тянет на себе его поклажу.

18[2]

Перо — как я: хотя оно из стали,
Готово с легкостью сорваться в дали.
Чтоб с нами справиться и столковаться,
Нужны терпенье, такт и тонкость пальцев.

18[3]

Играл я золотом, его в руках вращая,
На деле золото крутило мной, играя.

18[4]

У поэтов некогда было другое представление о собственности: матерью всех муз была память. Новое считалось вдохновением. Они почти не чувствовали себя ответственными.

18[5]

Эмерсон созвучен моей душе: «Для поэта и философа, как для святого, все вещи дружественны и священны, все события полезны, все дни святы, все люди божественны».

18[6]
Вести из рая.

«Добро и зло суть предрассудки Божьи», — змий изрек,
а сам поспешно прочь утек.

18[7]

Победитель говорит:
«Неслучайно все на свете».
Накануне ж весь дрожит,
Не уверенный в победе.

19. Весна 1882

19[1]

Два категорических императива. — Конечно же! Костяк иметь необходимо — иначе милая нам плоть не будет иметь опоры. Но вы, господа без плоти, вы, костяк стоицизма, ваша проповедь должна звучать так: «И на костях нужно иметь плоть!».

19[2]

«Я слишком высоко ценил это и слишком дорого платил — как и за многое другое! Я воображал, что платил, а на самом деле одаривал. Я обнищал, так как верил, что некоторые вещи обладают наивысшей ценностью, — увы, я так устроен, что неизменно буду только нищать!»

19[3]

Omnia naturalia affirmanti sunt indifferentia, neganti vero vel abstinenti aut mala aut bona[1].

19[4]

Умей найти свое общество

Лучше всего шутить с остряками:
Щекочущего — щекочите сами.

19[5]

Из бочки Диогена

«Нужда доступна всем, а счастью нет цены;
И потому не золото протрет мои штаны».

---

1 Утверждающему все сущее безразлично, отрицающему же или воздерживающемуся — либо плохо, либо хорошо (*лат.*)

19[6]

Тимон говорит.

«Не расщедривайтесь лаем,
Всюду лапу задирая».

19[7]

Заключительная рифма.

Смех — искусство непростое.
Завтра лучше я освою,
А сегодня — ваш ответ?
Искра шла от сердца все же?
Голова шутить не может,
Если в сердце жара нет.

Ешьте мой обед смелее!
Завтра будет он вкуснее,
Послезавтра — ах, обед!
Вам добавки? Я устрою,
Семь вещей идут со мною
Мужествам семи вослед.[1]

19[8]

Правила жизни.

Чем жизнью наслаждаться,
Умей собой владеть!
Учись-ка подниматься!
Учись-ка вниз глядеть!

Чистейшие стремленья
Облагородь спокойно:
Добавь грамм униженья
К кило любви достойно!

Не стой на ровном месте,
Вверх не взбирайся ты!
Мир выглядит чудесней
Со средней высоты.

---

1 Это и следующие три стихотворения приводятся в переводе Е. Зейферт.

19[9]

В отчаяньи.

Мне страшны, как никогда,
Лица, что плюются!
Я уже бегу, куда?
Волны вдаль несутся.

Рты раскрыты посильней,
Все полощут глотки.
Стены и полы в слюне.
Прочь — ответ короткий!

Лучше б в нищете жил я,
Птичкою летая,
Среди черни и ворья,
Клятвы нарушая!

Просвещенье чёрт дери!
С ним и добродетель!
У святых во рту, смотри,
Злата не заметил.

19[10]

Песни Навсикаи.

Я вчера вдруг мудрой стала
В раз, в семнадцать-то годков. —
И похожа небывало
На седых-седых отцов!

Мысль вчера ко мне примчалась —
Мысль? От смеха умереть!
К вам приходит мысль? Ах, жалость!
Нет же, чувствицу б успеть!

Если баба думать смеет,
Афоризм идет на ум:
Баба править не умеет,
Только следовать — без дум.

Что-то скажет – нет ей веры;
Пусть кусает, как блоха!
«Бабьи думы – вот химеры,
Бесполезная труха!»

Старой мудрости народной
Мой глубокий реверанс!
В этой мудрости народной
Новую нашла я грань!

Что вчера во мне звучало,
Замолчало – вот причина:
«Баба-то красивей, стало б,
Интереснее – мужчина!»

19[11]
Святой Януарий
Женщина, бог и грех
Искусство и сочинение
Изречения

19[12]
Веселая наука.
1. Святой Януарий.
2. О художниках и женщинах.
3. Мысли безбожника.
4. Из «нравственного дневника».
5. «Шутка, хитрость и месть». Изречения.

19[13]
Песни и афоризмы.
Ритм в основе, рифмы в строчках,
Музыка в душе жива:
Писк божественный – назвать
Можно песню. Иль короче –
В ней «как музыка слова».

Афоризм хорош в другом:
Он смеется, грезит, скачет,

Спеть его нельзя, а значит,
«Смысл без песни» — назовем. —

Я вручу их — на удачу?[1]

19[14]

Святой Януарий.
Сочинение
Фридриха Ницше

Моим друзьям
в качестве
привета и подарка.

---

1 Пер. Е. Зейферт.

20. Весна–лето 1882

20[1]

КНИГА ДУРАКА
Песни и изречения
Фридриха Ницше

20[2]

У нас всегда есть только одна добродетель — или нет ни одной.

20[3]

Нравственные слова одного народа одинаковы в разные времена, зато чувства, сопровождающие их произнесение, всегда меняются. Каждое время придает старым словам новый оттенок: выставляет одни из них вперед, а другие отодвигает на задний план — ну, это дело известное! Разрешите сделать некоторые заметки о сегодняшнем употреблении нравств<енных> слов. В тех кругах, в которых я вращался, различают хороших людей, благородных людей и великих людей. Слово «хороший» употребляют в зависимости от позиций, меняющихся иногда на прямо противоположные, — как именно, я сейчас покажу. Тот, кто называется благородным, тем самым характеризуется как существо более чем хорошее — не особенно хорошее, а отличное от хороших людей, а именно такое, что это слово причисляет его к более высокому классу. Великому человеку (если следовать современному словоупотреблению) не требуется быть ни хорошим, ни благородным. Я помню лишь один пример, чтобы человек нашего столетия получил все три эпитета, да еще и от своих врагов: Мадзини.

21. Лето 1882

Всевозможные этюды к «веселой науке». (la gaya scienza)

21[1]

Вступление с точки зрения трубадура.

21[2]

Меня учили связывать мое происхождение и мое имя с польскими дворянами, носившими фамилию Ниецки [Niëtzky] и около ста лет назад отказавшимися от своей родины и своего дворянства, в конце концов уступив невыносимым религиозным притеснениям (они были протестантами). Не стану отрицать, что мальчишкой я испытывал немалую гордость по поводу моего польского происхождения: то, что есть во мне от немецкой крови, происходит только от моей матери, из рода Элер, и от матери моего отца, из рода Краузе, и мне хотелось думать, что я, несмотря на это, все же в самом главном остался поляком. То, что у меня до сих пор польский тип внешности, очень часто подтверждалось: за границей, например в Швейцарии и Италии, ко мне часто обращались как к поляку, а в Сорренто, где я проводил однажды зиму, меня звали в народе «il Polacco». Во время моего пребывания в Мариенбаде мне неоднократно напоминали о моей польской крови: поляки подходили ко мне и здоровались по-польски, путая меня с кем-то из своих знакомых, а один из них, перед которым я отрицал свое польское происхождение, представившись ему швейцарцем, долгое время печально рассматривал меня и, наконец, произнес: «Это же еще старая раса, но сердце бог знает где». Небольшой сборник мазурок, которые я сочинял мальчишкой, носил заголовок «Памяти наших предков» — и они напоминали

мне о себе во всевозможных суждениях и предрассудках. Поляки были для меня самым одаренным и рыцарским народом среди славян, а одаренность славян казалась мне значительней, нежели одаренность немцев, я даже считал, что немцы, пожалуй, вошли в ряды одаренных наций только благодаря сильному вливанию славянской крови. Мне было отрадно думать о праве польского дворянина, с его простым вето на решение собрания, и мне казалось, что поляк Коперник воспользовался этим правом, выступая против решений и взглядов всех других людей, самым достойным и величавым образом. Политическая неукротимость и слабость поляков, так же как и их необузданность, свидетельствовали для меня скорее об их одаренности, нежели об ее отсутствии. Особенно почитал я Шопена за то, что он освободил музыку от немецкого влияния, от тяги к безобразному, смутному, мещанскому, неуклюжему, тщеславному: красота и аристократизм духа и, в особенности, благородная веселость, открытость и великолепие души, зной южных земель и весомость чувств до него не находили отражения в музыке. По сравнению с ним, сам Бетховен был для меня полуварварским существом, великая душа которого была столь плохо воспитана, что так и не научилась отличать возвышенное от авантюрного, скромность от незначительности и безвкусицы. (К несчастью, хотел бы я теперь добавить, Шопен жил слишком близко от опасного течения французского духа, и у него есть немало музыкальных произведений, которые бледны, бедны солнцем, угнетены и притом богато разодеты и элегантны, — более сильный славянин не смог устоять перед наркотиками чрезмерно утонченной культуры.)

21[3]

1. Отдавать лишнее. В долгосрочной перспективе пожертвование вредно для целого.
2. Угрызения совести при взывании
   к государству (вместо мести)
   к работе
   к браку
   к учителям	к стыду
   к торговцу, к ремесленнику, к ростовщикам

к актерам
к великим людям

3. Культивирование расы у греков.
Облагораживание проституции. 34, 38b, 39b, 72.
4. Добровольная смерть как праздник. 27, 73b.
5. Довести людей до крайних выводов, и принудить тех, кто отрицает ценность, к отказу от продолжения рода. Стр. 70 (ср. номер 11, примечание).
6. Гомер: скрытый индивидуум.
7. Войны будущего. 45.
8. Новый ранговый порядок умов: трагические натуры уже не во главе.
9. Отсутствие тяги к познанию, интелл<ект>
на службе разных инстинктов. 41, 45.
10. Приготовление мысли. Стр. 79.
11. Способ ее распространения. 79, 57, 58b, 62, 67, 72.

Знание о будущем всегда *воспитывало* людей — так что смеющие надеяться выживают.

12. Как меч правосудия для религий. Антихрист.
13. Откуда скрижаль ценностей благ? 11b.
14. Последняя ценность бытия не последствие понимания, а состояние, предпосылка познания.
15. Новые ценностные оценки — моя задача.
Тело и дух.
Страсть брак. 66.
Зло.
Община — мораль.
Жизнь и смерть.
Совесть, наказание, грех.
Похвала и порицание.
Цели, воля.
Безразличие. 53.
16. Исправлять несправедливость — быть позитивным.
17. О вреде добродетелей.
18. Предпосылка абсолютной морали: *моя* ценностная оценка окончательна! Чувство власти! 52b.
19. Мудрец и рынок золота. 56.

20. Колдовство – использование любой *власти.* Обращение. 74.
21. Чувство власти и функция. 33b, 66.
22. Власть, функция – и *совесть.*
23. Причина и следствие. Описание. 34b.
24. Сладострастие на службе у религии. Также наслаждение обедом. Посвящение. Стр. 40.
25. Научный смысл – требование абсолютной морали. Толерантность? Стр. 35, 38.
26. Зло – атавизм прежнего добра. 36, 37b.
27. Элементы силы. Стр. 32.
28. Вкус, а не польза, придает ценность. Стр. 39, 40.
29. Человек среди животных. Стр. 43b.
30. Здесь все инстинкты сохранения вида. 57, 43, 44.
31. Мы оцениваем людей по их воздействию. Стр. 44, 50. Результат не доказательство силы. 50.
32. Протоплазма и мораль. 45, 48, 58. Борьба как *сущность мира.*
32. Наши инстинкты стадные инстинкты. 46.
33. Свобода воли. Стр. 47.
34. Отдельные силы познания как яды. Стр. 48.
35. Лечение одиночки. Стр. 49b.
36. Что берет более низкая культура от более высокой (использование у Шопенгауэра)?
37. Менее значительные степени и недовольство, стр. 55b.
38. Остерегайтесь! Стр. 55, 61, 71b.
39. Сейчас самое время поверить в невинность! 56.
40. История отвращения к жизни. Стр. 56.
41. Давайте возвысимся – вместо того, чтобы наказывать!
42. Усвоение заблуждения. 64, 62.
43. Как ничтожен эгоизм! Стр. 63b, 71.
44. Необходимость средства против стремления *мимолетного* индивида к счастью. Стр. 63, 65, 72.
45. Против апологетов роскоши. 66.
46. Ложность искусства Вагнера из-за Шопенгауэра. 66.
Только моя философия подходит для этого. Зигфрид.

47. Свободный человек как завершение органического. Стр. 67, 73.
48. Вселенная не организм. Стр. 73.
49. Неэгоистично. 74b.
50. Крупная форма бытия как условие крупной формы в произведении искусства. 76.
51. Идеализирующая власть угрызений совести. В облагораживании важны не подлинные мотивы, а те, в которые верят.
52. Представить мою версию «идеализма» — и к тому же абсолютную необходимость даже грубейших заблуждений. Всякое ощущение содержит ценностную оценку. Всякая ценностная оценка фантазирует и изобретает. Мы живем как наследники этих фантазий: мы *не* можем отбросить их. Их «реальность» совсем *другая*, нежели реальность закона падения.
53. В «силе» должно быть противоречие, если рассуждать *логически*. Борьба и т.д. Если бы она была единой и существующей, она бы не менялась.
54. Не существует ни материи, ни пространства (нет actio in distans[1]), ни формы, ни тела, ни души. Нет «созидания», нет «всезнания» — нет бога; нет даже человека.
55. Chaos sive Natura[2]. 71b, 73b, 70b, 63b, 55, 43b, 23a.

21[4]

Ответственность давно отделена от «совести».

21[5]

Разные инстинкты удовлетворяются так, что мы чувствуем себя *подчиненными* им. Вся наша гордость и мужество ежедневно изнемогают при осознании *малейшего* поражения.

21[6]

Если стою на одной я ноге,
Значит, что скоро я встану на две.

---

1 воздействия на расстоянии (*лат.*)

2 Хаос или Природа (*лат.*)

21[7]

Если хочешь оставаться молодым, поскорее становись старым.

21[8]

Груз опыта везя,
стремительно проходит время.

21[9]

для слуха это очень нежная вещь

21[10]

бросить свечу вниз, чтобы она погасла
[—] позвонить в маленький колокольчик

21[11]

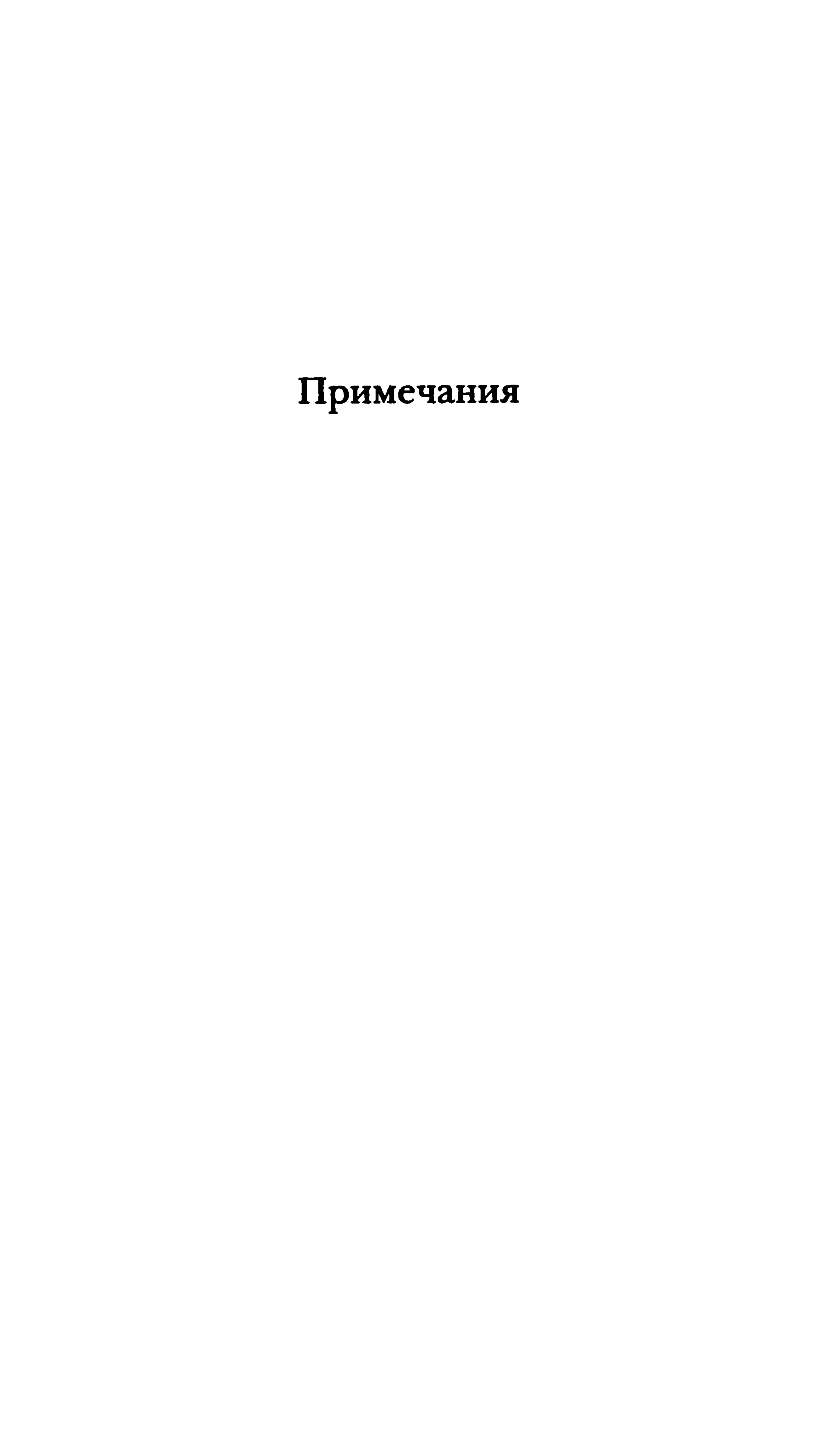
Во время беременности мы прячемся и боимся: мы чувствуем, что нам тяжело дается защищать себя, и еще больше чувствуем, что тому, кого мы любим больше себя, было бы плохо, если бы мы должны были защищаться.

21[12]

Странный у человека жребий! Он живет 70 лет и думает за этот промежуток времени стать чем-то новым и доселе небывалым — а он всего лишь волна, подхватывающая прошлое людей, он неизменно трудится над одним произведением чудовищной длительности, даже если ощущает себя мотыльком-однодневкой. Ведь он считает себя свободным, а на деле он всего лишь заведенный часовой механизм, не способный даже отчетливо разглядеть этот механизм, не говоря уже о том, чтобы изменить его, как он хочет.

21[13]

Если стыд есть причина любви: везде, где удовлетворение инстинкта затруднено, возникает новое состояние, своего рода стыдливая мука и удовлетворение, и зарождается некий идеал — нечто чувственно-сверхчувственное.

Примечания

Список сокращений

Произведения:

ЕН – «Ecce homo».

ВН – «Веселая наука».

ВН (ПР) – «Веселая наука» («Шутка, хитрость и месть: Прелюдия в немецких рифмах»).

ГМ – «К генеалогии морали».

ДД – «Дионисовы дифирамбы».

НР – «Несвоевременные размышления».

ДШ – «Давид Штраус – исповедник и писатель».

ПВИ – «О пользе и вреде истории для жизни».

ПСДЗ – «По ту сторону добра и зла».

РВБ – «Рихард Вагнер в Байройте».

СВ – «Случай “Вагнер”».

СИ – «Сумерки идолов».

ТГЗ – «Так говорил Заратустра».

ЧСЧ – «Человеческое, слишком человеческое».

ЧСЧ (СЕТ) – приложение к ЧСЧ «Странник и его тень».

Издания:

GA – Großoktav-Ausgabe (Nietzsche F. Werke. 19 Bde. u. 1 Registerband. Leipzig: C.G. Naumann / A.Kröner, 1894–1926).

GAK – Großoktav-Ausgabe, под ред. Фритца Кёгеля (1894–1897).

KSA – Nietzsche F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bde. Hrsg. v. G. Colli u. M. Montinari. München: Deutscher Taschenbuch Verlag / Berlin: W. De Gruyter, 1999.

НП – Ф. Ницше. Письма. М.: «Культурная революция», 2007. Пер. и сост. И. Эбаноидзе.

ПСС – Ф. Ницше. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. М.: «Культурная революция», 2005 –.

Специальные обозначения, используемые в комментарии:

Cb (Korrekturbogen) – корректурные листы

Rs (Reinschrift) – чистовая рукопись, предшествующая рукописи для печати

Vs (Vorstufe) – предварительная стадия: заметки, использованные в чистовой рукописи

КиМ – Дж. Колли и М. Монтинари

КН – книги из библиотеки Ницше

[?] неточное чтение

[–] нечитаемое слово

[   ] вычеркнутый Ницше текст

< > добавление издателя

– – – незавершенное предложение или отсутствующая часть предложения

[+] лакуна

1. Начало 1880

Записная книжка N V 1

1[4] *Как ... формы жизни?* – Ср. 3[171].

1[11] См. использованное Ницше нем. изд. «Принципов этики» Герберта Спенсера: Herbert Spencer, Die Thatsachen der Ethik, Übers. von B. Vetter, Stuttgart 1879, КН. Ср. 1[17]; 1[105].

1[12] Ср. *УЗ* 397.

1[13] Ср. 1[58]; 1[109].

1[17] Ср. 1[11]; 1[105].

1[23] Недописанный фрагмент.

1[24] Ср. 2[35]; 2[39]; 4[128].

1[30] *Жалкая комедия ... христианством.* – Н. имеет в виду творчество Р. Вагнера.

1[54] Ср. 3[85].

1[57] Ср. 3[17].

1[58] Ср. 1[13]; 1[109].

1[61] Ср. 1[80]; 1[43].

1[73] *Пиндар* (522/518–448/438 до н.э.) – знаменитый древнегреческий поэт, включенный александрийскими грамматиками в канонический список Девяти лириков.

1[75] Ср. 3[38].

1[79] Ср. 3[63].

1[80] Ср. 1[61].

1[83] Ср. 3[121].

1[84] Ср. 1[103].

1[90] Ср. 3[123].

1[100] Ср. 1[16]; 1[96].

1[103] Ср. 1[84].

1[105] *Спенсер (стр. 52).* – Ср. 1[11].
Георг-Густав *Роскофф* (1814–1889) – протестантский богослов.

1[106] *Спенсер путает ... морали.* – См. Спенсер, op. cit., 53.

1[109] Ср. 1[13]; 1[58].

1[110] Ср. 3[85].

2. Весна 1880

Записная книжка N V 2

2[5] Ср. 2[54].
2[6] Ср. 2[52]; 3[14].
2[12] *Ст. Милль (Конт).* – См. работу Ст. Милля «Огюст Конт и позитивизм»: John Stuart Mill, Gesammelte Werke in 12 Bänden (Hg. von Th. Gomperz), Bd. IX: Auguste Comte und der Positivismus, Leipzig 1874, KH.
2[13] Ср. 3[131].
2[19] Ср. *УЗ* 141.
2[35] Ср. 1[24]; 2[39]; 3[16]; 4[128].
2[36] Ср. 3[153].
2[39] Ср. 1[24]; 2[35]; 3[16]; 4[128].
2[52] Ср. 2[6]; 3[14].
2[59] Ср. 3[8].
2[73] Ср. 3[17].

3. Весна 1880

Рукопись M II 1

L'Ombra di Venezia. – «Ombra» буквально переводится с итальянского как «тень». В Венеции это слово означает «стакан вина».
3[1] Ср. 10[E94].
3[8] Ср. 2[59] и *УЗ* 291.
3[9] Ср. *УЗ* 550.
3[12] Ср. *УЗ* 312.
3[14] Ср. 2[6]; 2[52].
3[16] Ср. 1[24]; 2[35]; 2[39]; 4[128].
3[17] Ср. 1[57]; 2[73].
3[18] Ср. *УЗ* 145.
3[24] Ср. *УЗ* 104.
3[30] Ср. *УЗ* 133.
3[38] Ср. 1[75]; 3[70].
3[50] Ср. *УЗ* 141.
3[66] Ср. *ПСДЗ* 149.

3[67] Ср. *УЗ* 210.
Винэ Александр (1797–1847) – швейцарский теолог, философ и историк литературы, слывший «Шлейермахером французского протестантизма».
3[69] Ср. *ПСДЗ* 219.
3[71] Ср. *УЗ* 11.
3[73] *быть может ... так часто.* – Ср. *ТГЗ* IV *О высшем человеке* 16.
3[77] Ср. *УЗ* 42.
3[80] Ср. *УЗ* 5.
3[85] Ср. 1[54].
3[98] Ср. *УЗ* 174.
3[104] *«Credat Judaeus Apella»* – «Пусть этому верит иудей Апелла» (*лат.*). Фраза из «Сатир» Горация (I, 5, 100), означающая «пусть верит кто угодно, только не я».
3[115] *ленивым ... германцем...* – получивший широкое распространение в кругах гуманистов в 16 в. образ ленивого, праздного «германца», как он описан в «О происхождении германцев и местоположении Германии» Тацита (гл.15).
3[121] Ср. 1[83].
3[125] *Едва лишь ... одной вещью больше.* – Ср. Шекспир, Гамлет, I, 5: «Есть многое на небе и земле, / Что и во сне, Горацио, не снилось / Твоей учености» (пер. А. Кронеберга).
3[128] Ср. 1[90].
3[131] Ср. 2[13].
3[134] Ср. *УЗ* 231; *ГМ* I 4.
3[146] Ср. *ПСДЗ* 41.
3[153] Ср. 2[36].
3[161] *запретить ... свою нить.* – Ср. Гёте, Торквато Тассо, V, 2: «Кто шелковичному червю пред смертью / Прясти его одежду запретит?» (пер. С. Соловьева).
3[169] Ср. *УЗ* 388.
3[171] Ср. 1[4].

4. Лето 1880

Записная книжка N V 3

4[6] Ср. *УЗ* 150.

4[7] Ср. *УЗ* 424.

4[8] См. Byron, Vermischte Schruften, Briefwechsel und Lebensgeschichte, hg. von E. Ortlepp, Stuttgart, Bd. III, 248, KH.

Сэмюэл Тейлор *Колридж* (1772–1834) – английский поэт, теоретик искусства и философ.

4[11] Ср. *УЗ* 107.

4[12] Ср. *УЗ* 107.

4[13] Ср. *УЗ* 33.

4[21] Ср. 9[1].

4[23] Ср. 4[146].

4[24] Ср. *УЗ* 235.

4[25] *Адам Бид.* – «Адам Бид» (1859) – первый роман английской писательницы Джордж Элиот.

4[36] Ср. K. Semper, Die natürlichen Existenzbedingungen der Thiere, Leipzig 1880, 1. Teil, 97 сл., KH.

4[40] Ср. *УЗ* 197.

4[43] Ср. *УЗ* 42.

4[44] Ср. *УЗ* 550; 474.

4[46] Ср. *УЗ* 440.

4[48] Ср. *ТГЗ* IV *Чародей* 1.

4[49] Ср. *УЗ* 226.

4[52] *учтивость ... добродетель.* – См. J. J. Baumann, Handbuch der Moral nebst Abriß der Rechtsphilosophie, Leipzig 1879, 177 сл., KH.

Китайцы ... к родителям. – Там же, 161 сл.

4[53] *говорят неоплатоники.* – См. J. J. Baumann, op. cit., 155.

4[54] Ср. *УЗ* 427.

4[56] Ср. *УЗ* 88.

4[57] Ср. *УЗ* 90.

(Баум<анн> 243). – См. J. J. Baumann, op. cit., 243. Ср. 4[52].

Мальвида фон *Мейзенбуг* (1816–1903) – немецкая писательница, входившая в круг друзей Ницше.

4[58] Ср. *УЗ* 41.

4[59] Ср. *УЗ* 88.

4[66] Антуан Луи Клод Дестют де *Траси* (1754–1836) – французский философ и экономист. Пьер Жан Жорж *Кабанис* (1757–1808) – французский философ и врач. Де Траси и Кабанис – основатели учения об «идеологии».

4[68] Ср. *УЗ* 207.

4[72] Ср. 10[A3] и *ВН* 14.
Анакреонт (582/570–485/478 до н.э.) – древнегреческий лирический поэт, знаменитый, в частности, своими гимнами и любовными песнями.

4[80] Ср. 4[90].

4[81] *amour-passion или amour-physique.* – См. Стендаль, О любви, I, 1.

4[84] Ср. *УЗ* 211.

4[86] Ср. *УЗ* 197.
Ст. Милль о Кольридже. – См. John Stuart Mill, Gesammelte Werke in 12 Bänden (Hg. von Th. Gomperz), Bd. X: Vermischte Schriften politischen, philosophischen und historischen Inhalts, Leipzig 1874, 195, KH.

4[88] Наброски к предисловию. Ср. 4[303].

4[90] Ср. 4[80].

4[95] Ср. *УЗ* 122.
Земпер. – K. Semper, op. cit., 2. Teil, 222 сл., 229–232.

4[97] K. Semper, op. cit., 1. Teil, 35.

4[103] Ср. *УЗ* 304.

4[108] Ср. *УЗ* 20.

4[109] Ср. *УЗ* 20.

4[114] *post hoc.* – Ницше имеет в виду латинское выражение «Post hoc non propter hoc» (После этого, но не вследствие этого), означающее, что временная последовательность событий не обозначает их причинную зависимость.

4[128] Ср. 1[24]; 2[35]; 2[39].

4[130] См. J. J. Baumann, op. cit., 98.

4[131] См. J. J. Baumann, op. cit., 99.

4[132] См. J. J. Baumann, op. cit., 99 слл.

4[133] Ср. *УЗ* 209.

4[134] Ср. *УЗ* 125.

4[139] *«И это желает ... иметь взгляды.* – См. статью Стендаля «Лорд Байрон в Италии» («Lord Byron en Italie»), в сб.:

Racine et Shakespeare, Paris 1864, 267 сл., КН: «Монсиньор ди Бреме напомнил известный анекдот о том, как генерал де Кастри, возмущенный тем уважением, с которым слушали Даламбера, воскликнул: "Этот человек хочет рассуждать, не имея и тысячи экю дохода!"» (пер. Б. Г. Реизова).

4[143] Ср. *УЗ* 33.

4[144] Ср. *УЗ* 35.

4[146] Ср. 4[23].

4[150] Ср. *УЗ* 483.

4[151] Ср. *УЗ* 59.

4[155] Ср. *УЗ* 114.

4[157] Ср. Hermann Lüdemann, Die Anthropologie des Apostels Paulus und ihre Stellung innerhalb seiner Heilslehre. Nach den vier Hauptbriefen dargestellt, Kiel 1872.
Чтение книги Людемана также повлияло на возникновение фрагментов 4[158–164], 4[167] и 4[170–172]. См. также Jörg Salaquarda, Dionysos gegen den Gekreuzigten. Nietzsches Verständnis des Apostels Paulus // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte, XXVI (1974), 97–124. См. также подробное упоминание о неопубликованной работе Михаэля Якоба (Michael Jacob, Gott am Kreuz. Studien, Thesen und Texte zur Relation von metaphysischer Gottesrede und Leben Jesu bei Fr. Nietzsche, Berlin (DDR) 1978) и о составленном им конкордансе в сб.: Nietzsche, Wege der Forschung, Bd. 251, Darmstadt 1980, 321 сл.
Филон Александрийский (ок. 25 до н.э. – ок. 50 н.э.) – античный философ, наиболее известный еврейский мыслитель эллинистического периода.

4[158] См. Lüdemann, op. cit., 26 сл., 33, 35 (прим. 1).

4[159] См. Lüdemann, op. cit., 35 (прим. 4).

4[160] См. Lüdemann, op. cit., 36 (прим. 2), 37.
Ессеи – Иудейская секта, основанная в первой четверти 2 в. до н.э.

4[161] Ср. *УЗ* 72. См. также Lüdemann, op. cit., 37–38 и прим. 1. Здесь имеется в виду описанная во 2-й Маккавейской книге (14,46) сцена мученической смерти старца Разиса, прозванного за свою добродетель «отцом иудеев».

4[162] *«Плоть ... плоти».* – См. Гал. 5:17.
«В плоти ... грех». – Ср. Рим. 7:17–18. См. также Lüdemann, op. cit., 52, 69, 87.
4[163] См. Lüdemann, op. cit., 92 сл.
4[164] См. Lüdemann, op. cit., 106–148; упомянутые Н. термины в основном взяты из послания Павла к римлянам. Ср. *УЗ* 68.
«Следует ... плоти». – Ср. Рим. 8:12–13.
4[165] Ср. *УЗ* 87.
4[166] Ср. *УЗ* 66.
4[167] Ср. *УЗ* 68. См. также Lüdemann, op. cit., 147.
4[170] Ср. *УЗ* 68.
4[171] Ср. *УЗ* 68. См. также Lüdemann, op. cit., 214 сл.
4[172] См. Lüdemann, op. cit., 217.
4[181] *dulce ... locus.* – Гораций, Оды, IV, 12, 28.
4[186] Ср. *УЗ* 96. Ницше цитирует здесь сочинение швейцарского ориенталиста Якоба Вакернагеля (1853–1938). Цит. по: J. Wackernagel, Über den Ursprung des Brahmanismus, Basel 1877, 28 сл., КН.
4[189] *Киприан* Карфагенский (ок. 200 – 14 сентября 258) – христианский богослов, епископ Карфагена, автор труда «О единстве церкви» («De unitate ecclesiae»).
«всякое ... никчемно». – Отсылка к знаменитому месту из письма Киприана (LXXII, 21): «вне церкви нет спасения» («salus extra ecclesiam non est»).
4[197] Ср. *УЗ* 188.
4[201] Ср. Alfred Espinas, Die thierischen Gesellschaften, übers. von W. Schloesser, Braunschweig 1879, 150 слл., КН.
Комменсалы – организмы, живущие за счет других организмов, не причиняя им вреда.
4[208] Ср. *УЗ* 405.
4[209] Ср. *УЗ* 6.
4[210] Ср. *УЗ* 147.
4[217] См. Lüdemann, op. cit., 13. См. также Деян. 2:4.
«говорит на языках». – Имеется в виду глоссолалия.
4[218] См. Lüdemann, op. cit., 17–19. Ср. 4[293].
4[219] См. Lüdemann, op. cit., 8, 9, 110, 168 сл., 172, 183, 190–192. Ср. *УЗ* 68.
Павел верит ... очень робким. – См. 1 Кор. 15:35–55; 2:3–6.
«Ибо если бы ... напрасно». – См. Гал. 2:21.

«Не я живу ... пособником греха». – См. Гал. 2:16–20.

4[220] Ср. *УЗ* 68.

4[224] *Нинон де Ланкло* (1620–1705) – французская куртизанка и писательница, хозяйка литературного салона.

4[227] *«лугам злополучия».* – Ср. *УЗ* 77 и прим.

4[228] *Все тщетно ... Соломон.* – См. Пс. 126.

4[231] Ср. *УЗ* 68.

4[235] Ср. *УЗ* 84.

4[237] Ср. *УЗ* 188.

4[240] Ср. *УЗ* 366.

4[242] *Марш Ракоци.* – Марш, названный по имени Ракоци Ференца II (1676–1735), князя Трансильвании и Венгрии, был написан венгерским скрипачом Яношем Бихари и включен Гектором Берлиозом в оперу «Осуждение Фауста» (1846).

4[243] Ср. *УЗ* 176.

4[244] Ср. *УЗ* 189.

4[245] Ср. *УЗ* 189.

4[246] Ср. 12[112] и *ВН* 236.

4[247] Ср. *УЗ* 189.

4[248] Ср. *УЗ* 188.

4[249] Ср. *УЗ* 188.

4[252–255] Ср. *УЗ* 68.

4[258] Ср. *УЗ* 68.

4[261] Ср. *УЗ* 88.

4[279] *Как я уже говорил.* – См. *РВБ* 4.

4[280] Ср. *УЗ* 26.

4[281] Ср. *УЗ* 309.

4[286] Ср. *УЗ* 496, 542.

4[288] Ср. *УЗ* 130.

4[293] Ср. 4[218].

4[295] Ср. 4[316–317]; 6[3].

4[299] Ср. *УЗ* 360.

4[301] Ср. *УЗ* 360, 199.

кольцом Гига. – Согласно Платону, кольцо Гига позволяло его владельцу становиться невидимым. См. Государство, II, 359 d – 360 b; X, 612 b.

Гиерон Ксенофонта. – Имеется в виду диалог Ксенофонта «Гиерон, или Слово о тирании», в котором Гиерон обсуждает с Симонидом достоинства и недостатки тира-

нии. Гиерон I – греческий тиран на Сицилии, правил в Сиракузах в 478–467 до н.э.

эпикурейцы торжествовали ... перед природой. – Ницше имеет в виду стих из посвященной Эпикуру поэмы Лукреция «О природе вещей», заимствованный Вергилием в его дидактической поэме «Георгики» (2, 490–493): «Счастливы те, кто вещей познать сумел основы / Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к моленьям / Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта» (пер. С. Шервинского).

4[304] *Милль ... Стр. 67.* – См. John Stuart Mill, Gesammelte Werke in 12 Bänden (Hg. von Th. Gomperz), Bd. XII: Vermischte Schriften, übers. von Sigmund Freud, Leipzig 1880, KH.

4[307] Ср. *ВН* 99.

будь мужественным ... примеру! – Ницше цитирует строку из стихотворного эпиграфа Гёте ко второму изданию его романа «Страдания юного Вертера» (1775): «Sei ein Mann und folge mir nicht nach».

4[309] Ср. 5[5].

4[316] Ср. 4[295]; 4[317]; 6[3].

4[317] Ср. 4[295]; 4[316]; 6[3].

4[318] Ср. *УЗ* 52.

4[320] *Вторая Венгерская рапсодия* – произведение Ференца Листа.

5. Лето 1880

Папка Mp XV 1 a

5[5] Ср. 4[309].

5[7] Ср. *УЗ* 543.

5[21] Ср. *УЗ* 205.

5[23] Ср. открытку Н., отосланную Генриху Кезелицу из Мариенбада 2 августа 1880 г.

5[25] *верное ощущение.* – Ср. *РВБ* 5.

5[28] Ср. *УЗ* 73.

5[37] Ср. *УЗ* 192.

Квиетизм или молинизм – оформившееся в середине 17 в. направление в католицизме, центрирующееся вокруг презумпции душевного покоя, основой которого служит полное делегирование Христу ответственности за свою судьбу.

Франциск Сальский (1567–1622) – французский теолог, автор «Трактата о Божественной любви» (1616), основатель ордена салезианок.

Франсуа де Салиньяк, маркиз де ла Мот *Фенелон* (1651–1715) – французский религиозный мыслитель, один из важнейших представителей квиетизма.

5[41] Ср. *УЗ* 449.

5[42] Хельмут Карл Бернхард фон *Мольтке* (1800–1891) – прусский генерал-фельдмаршал, военный теоретик, один из основателей Германской Империи.

5[43] Ср. 5[47], 6[119] и *УЗ* 124.

5[47] Ср. 5[43], 6[119] и *УЗ* 124.

6. Осень 1880

Записная книжка N V 4

6[2] Ср. *УЗ* 109.

6[3] Ср. 4[295]; 4[316]; 4[317].

6[9] См. «Мемуары» Клары Елизаветы Жанны де Ремюза: Mme de Rémusat, Mémoires 1802–1808, publ. par Paul de Rémusat, en 3 tomes, Paris 1880, II, 246, KH (далее – Ремюза, Мемуары).

6[10] Ср. *УЗ* 46 и прим.

6[11] Ср. *УЗ* 308.

6[12] См. Ремюза, Мемуары, I, 267.

6[13] См. Ремюза, Мемуары, I, 267 сл.

6[14] См. Ремюза, Мемуары, I, 268.

6[15] См. Ремюза, Мемуары, II, 247.

6[16] См. Ремюза, Мемуары, II, 245, 242 сл.

Анн Жан Мари Рене *Савари* (1774–1833) – французский генерал и дипломат.

Дюрок, герцог Фриульский (1772–1813) – гофмаршал Франции. С 1804 г. обер-гофмаршал. Был необычайно

предан Наполеону, которого сопровождал во всех походах.

6[17] См. Ремюза, Мемуары, I, 271.
6[19] См. Ремюза, Мемуары, II, 241.
6[21] См. Ремюза, Мемуары, I, 273.
6[22] См. Ремюза, Мемуары, I, 274.
6[24] См. Ремюза, Мемуары, I, 392.
6[25] См. Ремюза, Мемуары, I, 393.
6[26] См. Ремюза, Мемуары, I, 384 сл.
6[27] См. Ремюза, Мемуары, I, 385.
6[28] См. Ремюза, Мемуары, I, 385 сл.
6[29] См. Ремюза, Мемуары, I, 387.
6[30] См. Ремюза, Мемуары, I, 389.
герцога Энгиенского. – Луи Антуан Анри де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский (1772–1804) – сын Луи IV Конде, расстрелянный по приказу Наполеона I.
6[31] *современный.* – GAK, GA: *утомленный.*
6[33] См. Ремюза, Мемуары, I, 395. Ср. 7[67], 7[284] и *УЗ* 251.
6[34] См. Ремюза, Мемуары, I, 402 сл.
6[35] См. Ремюза, Мемуары, I, 407.
6[36] См. Ремюза, Мемуары, I, 407 сл.
6[37] См. Ремюза, Мемуары, I, 409. Ср. Монтень, Опыты, III; 7: «Не имея возможности достичь высокого положения, давайте в отместку его очерним» (пер. Я.Я. Рыковой).
6[38] См. Ремюза, Мемуары, I, 409 сл.
6[40] *человека.* – Имеется в виду Рихард Вагнер.
народов. – Из: *немцев.*
6[41] См. Ремюза, Мемуары, I, 321.
6[42] См. Ремюза, Мемуары, I, 333 сл.
6[43–44] См. Ремюза, Мемуары, I, 334.
6[45] См. Ремюза, Мемуары, I, 336.
6[46] См. Ремюза, Мемуары, I, 335.
6[51] См. Ремюза, Мемуары, II, 271.
Тильзитского мира. – мирный договор, заключенный в начале июля 1807 г. между Александром I и Наполеоном.
6[52] См. Ремюза, Мемуары, II, 273.
6[54] Ср. *ВН* 14.
6[55] Ср. 6[141]; 6[145].
6[56] *Поглощение ... кровью.* – См. J. J. Baumann, op. cit., 270 и 273 сл.

6[66] Ср. *УЗ* 77.
6[68] Заметка Ницше, сделанная им во время чтения «Мемуаров» Клары Елизаветы Жанны де Ремюза.
6[69] См. Ремюза, Мемуары, II, 400.
6[72] Ср. *ВН* 22.
Эмиль *Ожье* (1820–1889) – французский драматург. Источник цитаты не найден.
6[73] См. Ремюза, Мемуары, II, 323.
6[79] Вероятно, цитата из Эмерсона.
6[84] См. Ремюза, Мемуары, I, 140 сл. (о Жозефине Богарне).
6[85] См. Ремюза, Мемуары, I, 41.
6[86] См. Ремюза, Мемуары, I, 153.
6[87] См. Ремюза, Мемуары, I, 154 (о Гортензии Богарне).
6[89] См. Ximénès Doudan, Mélanges et lettres, 2 tomes, Paris 1878, II, 350 сл., КН.
6[90] См. Ремюза, Мемуары, I, 142, 144.
6[91] См. Ремюза, Мемуары, I, 151 сл. (об Эжене Богарне).
6[92] См. Ремюза, Мемуары, I, 157 (о Гортензии Богарне).
6[93] *Non consilia ... differo.* – См. Doudan, op. cit., II, 566.
6[94] См. Ремюза, Мемуары, I, 120, прим. 1.
Шарль Морис де *Талейран*-Перигор (1754–1838) – известный французский политик и дипломат, занимавший пост министра иностранных дел в период Великой французской революции, Наполеоновских войн и во время Венского конгресса.
6[95] См. Ремюза, Мемуары, I, 124.
Жан-Николя *Корвизар* (1755–1821) – французский врач, лейб-медик Наполеона I, автор трудов о болезнях сердца и крупных сосудов.
6[96] См. Ремюза, Мемуары, I, 124 сл.
6[97–99] См. Ремюза, Мемуары, I, 125.
6[100] См. Ремюза, Мемуары, I, 126.
6[101] См. Ремюза, Мемуары, I, 128.
6[102] См. Ремюза, Мемуары, I, 136.
6[103] См. Ремюза, Мемуары, I, 139 (со ссылкой на поэму Лафонтена «Адонис»).
6[112] Ср. *ВН* 152.
6[116] Ср. 4[57], *ВН* 5 и *УЗ* 207.
6[117] Ср. *УЗ* 339.
6[119] Ср. 5[43], 5[47] и *УЗ* 124.

6[123] *этим ... слугой!* – Ср. 6[16].
6[128] Ср. Гёте, Фауст, I, 465.
6[136] Этьен *Вашеро* (1809–1897) – французский философ, ученик Виктора Кузена.
к «истинной природе». – Ср. 6[150].
6[141] Ср. 6[55]; 6[145].
6[145] Ср. 6[55]; 6[141].
Поль-Максимильен-Эмиль *Литтре* (1801–1881) – французский лексикограф, философ и историк медицины, получивший наибольшую известность благодаря свой работе над словарем французского языка. См. также прим. к 6[160].
6[150] Ср. 6[136].
6[151] Ср. *УЗ* 122.
6[154] Ср. *ВН* 26.
6[160] См. E. Littré, La science au point de vue philosophique, Paris 1876, КН.
6[161] См. там же.
6[163] Ср. *УЗ* 132, 174.
6[164] Ср. *ВН* 14.
6[175] Ср. *ВН* 3, 55.
6[177] См. Ремюза, Мемуары, I, 113.
6[178] Ср. *ВН* 55.
6[179] Ср. *УЗ* 67.
6[185] *Как суровы ... казни!* – Ницше имеет в виду казнь испанского мыслителя и врача Мигеля Сервета (1509 или 1511–1553), обвиненного по указанию Ж. Кальвина в ереси и сожженного на костре.
6[188] Источник цитаты неизвестен (возможно, «Мемуары» графини де Ремюза).
6[190] См. Ремюза, Мемуары, II, 274.
6[192] Ср. 6[220].
6[194] См. Гёте, Итальянское путешествие, Сицилия, Алькамо, 19 апреля 1787 г.
6[197] См. Гёте, Итальянское путешествие, Сицилия, Палермо, 9 апреля 1787 г.
6[200] Ср. 6[221].
6[201] Ср. *УЗ* 267.
6[202] *Многие ... незаурядное!* – Ср. *ВН* 186.
6[204] Ср. *УЗ* 38.

6[205] Ср. *УЗ* 364, 473.
6[207] Ср. 7[236].
6[213] См. Ремюза, Мемуары, II, 274.
6[217] См. Якоб Буркхардт, «Цицерон. Введение в созерцание произведений искусства Италии»: J. Burckhardt, Der Cicerone, Leipzig 1869, 396, KH.
Джованни Франческо *Поджо* Браччолини (1380–1459) – итальянский писатель, один из наиболее выдающихся гуманистов итальянского Ренессанса, заново открывший широкой публике тексты Цицерона, Тацита, Лукреция, Стация, Витрувия, Петрония и др. античных авторов.
Фернандо Довици да *Биббиена* (1696–1757) – итальянский писатель (известный, в частности, своей комедией «La Calandria»), кардинал и секретарь Папы Льва X.
6[220] Ср. 6[192].
6[221] Ср. 6[200].
6[222] См. J. Burckhardt, Der Cicerone, 339.
6[227] Ср. *УЗ* 335.
6[237] Ср. 11[283].
6[240] Ср. *УЗ* 84.
6[260] Ср. *УЗ* 270.
6[271] Ср. 9[6].
6[276] Зигфрид *Липинер* (1856–1911) – писатель и драматург, оказавший (наряду с Ницше) существенное влияние на идейный мир ранних симфоний Густава Малера.
6[281] Ср. *УЗ* 45.
6[283] См. Тацит, История, V, 5, 9 (пер. Г. С. Кнабе).
6[284] *«Они ни с кем ... разврату».* – См. Тацит, История, V, 5.
«Всякий ... жил». – Источник цитаты неизвестен.
6[285] *Тацит ... суеверию.* – См. Тацит, История, V, 4, 5, 13.
6[288] Источник цитаты неизвестен.
6[290] Ср. *BH* 205.
6[291] Ср. 6[438].
6[299] См. Тацит, Анналы, XV, 44 (пер. А.С. Бобовича). Ср. 9[2].
6[301] Ср. *УЗ* 387.
Pique-bonheur. – Ср. Стендаль, О любви, XXVIII.
6[311] См. Тацит, История, V, 4, 5.
6[315] Ср. *УЗ* 447.

6[322] Ср. *ВН* 235.
6[325] См. Стендаль, Рим, Неаполь и Флоренция, 16 марта 1817 г. Ницше цитирует Стендаля по изданию: Stendhal, Rome, Naples et Florence, Paris 1854, 255, КН.
6[326] См. там же.
6[327] Вероятно, цитата из Стендаля.
6[328] См. там же, Приложение, Падуя, 19 июня 1817 г. (стр. 387 сл. по франц. изданию).
6[329] Ср. характеристику книги Анны-Луизы Жермен де Сталь «Размышления об основных событиях Французской революции» (1818) в письме Стендаля Ромену Коломбу от 17 июня 1818 г.: Stendhal, Corrénspondance inédite, précédée d'une introduction par P. Mérimée, Paris 1855, 77, КН.
6[330] *Новелла д'Андреа* – итальянская исследовательница 14 в., дочь юриста Джованни д' Андреа, учителя Петрарки, читавшая вместо отца лекции в Болонском университете.
6[335] См. Стендаль, Рим, Неаполь и Флоренция, Приложение, Падуя, 19 июня 1817 г. (с. 387 по фр. изд.).
6[337] Ср. *УЗ* 193. Вероятно, отсылка к Стендалю.
6[338] Вероятно, отсылка к Стендалю.
6[341] Фердинанд *Лассаль* (1825–1864) – немецкий писатель, юрист и политический деятель, один из идеологов Немецкого рабочего союза.
6[343] *«предмет ... и упражнение»*. – Ницше имеет в виду теорию Й. Баумана (см. прим. к 4[52]) о природе воли и законах ее возникновения. См. J. J. Baumann, op. cit., 1 слл., 17 сл., 59.
6[355] Ср. *УЗ* 130.
6[364] Ср. заключительные строки стихотворения «Бесконечное» Джакомо Леопарди: «[...] Так помысл / В неизмеримости плывет – и тонет, / И сладко мне крушенье в этом море» (пер. В.И. Иванова). Ср. также *УЗ* 575.
6[367] *он.* – Ницше имеет в виду Рихарда Вагнера.
6[374] Ср. *УЗ* 129.
6[375] Ср. 9[9–10].
6[376] Ср. *УЗ* 514.
6[379] Ср. *УЗ* 467.
6[383] Ср. *УЗ* 168.

6[390] Ср. 4[240] и *УЗ* 366.
6[395] Ср. *ВН* 277.
6[408] Вероятно, продолжение 6[379].
6[410] Ср. 6[418], 6[419] и *УЗ* 118.
6[411] Ср. *УЗ* 536.
6[414] Ср. *ВН* 225.
6[418] Ср. 6[410].
6[419] Ср. 6[410].
6[425] Ср. K. Semper, op. cit., 1. Teil, 93.
6[426] Там же, 93 сл.
6[427] Источник цитаты неизвестен.
6[428] Ср. *УЗ* 197.
6[429] Ср. 6[431], 6[433], 6[435], 6[441], *УЗ* 121 и *УЗ* 243.
6[430] Ср. *УЗ* 444.
6[431] Ср. 6[429], 6[433], 6[435], 6[441], *УЗ* 121 и *УЗ* 243.
6[432] Ср. *УЗ* 438.
6[433] Ср. 6[429], 6[431], 6[435], 6[441], *УЗ* 121 и *УЗ* 243.
6[435] Ср. 6[429], 6[431], 6[433], 6[441], *УЗ* 121 и *УЗ* 243.
6[436] Ср. *УЗ* 549.
6[437] Зачеркнут рукой Ницше.
6[438] Ср. 6[291] и *ВН* 1.
6[439] Зачеркнут рукой Ницше.
6[441] Ср. 6[429], 6[431], 6[433], 6[435], *УЗ* 121 и *УЗ* 243. *Наше познание ... живые отражения.* – Зачеркнуто рукой Ницше.
6[446] Ср. *ВН* 14.
6[450] Ср. *УЗ* 468.
6[451] Ср. Эмерсон, Опыты, стр. 149 по нем. изд. (Versuche, Hannover 1858, KH): «Что такое друг? Это то лицо, с которым я могу быть откровенен; откровенен, начиная от самой поверхности кожи до сокровенной глубины души. При нем я мыслю вслух, в его присутствии вижу человека до того истинного и до того равного мне, что могу наконец сбросить все до одной личины притворства, околичностей и эту заднюю мысль, неотвязную от людей. С ним же я обхожусь с простотою и естественностью химического атома, который сплотился с другим единородным ему атомом» (пер. по изд.: Эмерсон Р. Нравственная философия. – М.: АСТ, 2001). На той же странице Ницше оставил пометку: *Это пред-*

мет, а не просто подобие. Я подозреваю, что мы обладаем языком для описания химических фактов.

6[454] Ср. *ВН* 14.

7. Конец 1880

Записная книжка N V 6

7[1] Ср. *УЗ* 169 и *ВН* 122.

7[6] См. Стендаль, История живописи в Италии, кн. III, гл. 66: Stendhal, Historie de la peinture en Italie, Paris 1868, 179, KH.

7[13] Ср. *УЗ* 242.

7[15] Ср. *УЗ* 553. Зачеркнут рукой Ницше.

7[16] См. Стендаль, История живописи в Италии, V, 91 (стр. 208 по фр. изд.).

7[20] *Один из людей ... оклеветать науку.* – Ницше имеет в виду Рихарда Вагнера.

7[29] *Беседа Паскаля с Иисусом.* – См. Блез Паскаль, Тайна Иисуса (фр. изд.: Pensées, fragments et letters de Blaise Pascal, publiés pour la première fois par M. Prosper Faugère, tome II, Paris 1844, 340–343). Ницше ссылается на немецкое издание: B. Pascal, Gedanken, Fragmente und Briefe, nach der Ausgabe Prosper Faugères, Übers. von C. F. Schwartz, 2. Auflage, Bd. II, Leipzig 1865, 244–247.

после Пор-Рояля – Пор-Рояль – женский монастырь около Парижа, в 17 в. центр французской литературной жизни, философской мысли, янсенизма. С Пор-Роялем были связаны Б. Паскаль, Ж. Расин, Р. Декарт.

7[30] Ср. 7[96]; 7[211].

7[32] Ср. *УЗ* 172.

7[36] Ср. *УЗ* 238.

7[37] Ср. 15[60].

7[41] См. Стендаль, История живописи в Италии, VI, 112–113 (стр. 255 и 258 по фр. изд.).

7[42] Ср. *УЗ* 357.

7[45] Ср. 7[102]; 7[126]; 7[181].

7[54] Ср. 7[62]; 7[65].

7[55] Ср. *УЗ* 38.

7[62] Ср. 7[54]; 7[65].
7[63] Ср. *УЗ* 189.
7[65] Ср. 7[54]; 7[62].
7[74] Источник цитаты неизвестен.
7[78] Ср. 11[72] и *ВН* 46.
7[79] Ср. 7[37].
7[81] Ср. *ВН* 77.
Жиль Блас. – «История Жиль Бласа из Сантильяны» (1715–1735) – плутовской роман Алена Рене Лесажа, считающийся последним значительным произведением плутовского жанра.
7[86] См. Стендаль, История живописи в Италии, II, 34 (стр. 118 по фр. изд.).
7[87] См. Стендаль, Расин и Шекспир (О морали Мольера): Stendhal, Racine et Shakespeare. Études sur le romantisme, Paris 1854, (De la moralité de Molière), KH.
Д'Эпине Луиза Флоранс Петронилль де ла Лиф (1726–1783) – покровительница Ж.-Ж. Руссо и энциклопедистов.
7[89] См. Стендаль, История живописи в Италии, II, 34 (стр. 119 сл. по фр. изд.).
7[92] См. Стендаль, История живописи в Италии, VI, 127 (стр. 278 сл. по фр. изд.).
7[96] Ср. 7[30], 7[211] и *УЗ* 131.
7[97] Ср. *УЗ* 206.
7[100] Фрагмент не был включен в GA. В то же время, Элизабет Фёрстер-Ницше цитирует его в своей статье о личной библиотеке брата («Nietzsches Bibliothek») в сб.: Arthur Berthold (Hg.), Bücher und Wege zu Büchern, Berlin 1900, 452.
Фрэнсис *Брет Гарт* (1836–1902) – американский писатель и журналист, прославившийся своими новеллами об Америке времен калифорнийской «золотой лихорадки» середины 19 в.
7[102] Ср. 7[45].
7[107] Ср. 7[196].
7[108] Ср. *УЗ* 175.
7[111] Ср. 7[118].
7[112] См. Стендаль, История живописи в Италии, III, 66 (стр. 184 по фр. изд.).

Боссюэ Жак Бенинь (1627–1704) – французский писатель и теолог, назначенный Людовиком XIV в 1670 году воспитателем его сына.

7[113] Фрагмент добавлен позднее (возможно, как ремарка к 7[112]).

7[114] См. Стендаль, История живописи в Италии, III, 66 (стр. 183 по фр. изд.).

7[118] *к предыдущей странице.* – Т.е. к фрагменту 7[111].

7[119] См. Стендаль, Расин и Шекспир (О морали Мольера): «Подавить гражданское мужество было главной задачей Ришелье и Людовика XIV» (зд. и далее пер. Б.Г. Реизова).

7[120] См. Стендаль, Расин и Шекспир (О морали Мольера): «Мы испытываем ужас перед опасностью, которая, может быть, окажется смешной. Самый отважный человек не посмеет отдаться своему порыву, если он не уверен, что идет по одобренному пути. Зато когда порыв, противоположность тщеславию (господствующей страсти), проявляется в действии, то происходит невероятное и возвышенное безумие, штурмы редутов, внушающие ужас иностранным солдатам и называемые furia francese».

7[126] Ср. 7[45].

7[129] Ср. *УЗ* 64.

7[130] *керкирская душа.* – См. Фукидид, История Пелопоннесской войны, III, 70–85. Ср. *ЧСЧ (СЕТ)* 31.

7[131] Ср. ПСС 8, 31[4].

7[134] См. Стендаль, История живописи в Италии, III, 66 (стр. 184 по фр. изд.).

7[135] Ср. 9[13].

7[139] Ср. *УЗ* 327.

7[140] См. Стендаль, История живописи в Италии, V, 89 (стр. 205, прим. 2 по фр. изд.). Ср. 7[214] и *УЗ* 161.

7[142] См. Стендаль, История живописи в Италии, V, 89 (стр. 205 сл. по фр. изд.).

7[143] См. Стендаль, История живописи в Италии, V, 90 (стр. 207 по фр. изд.).

7[144] См. Быт. 8:21. Ср. Паскаль, op. cit., т. I, стр. 42 (по нем. изд.).

7[145] См. Стендаль, История живописи в Италии, III, 66 (стр. 184 по фр. изд.).

7[148] Вероятно, цитата из Стендаля.

7[149] См. Стендаль, История живописи в Италии, VI, 122 (стр. 270 по фр. изд.).

7[150] Ср. *УЗ* 170.

7[151] См. Стендаль, Лорд Байрон в Италии: Stendhal, Racine et Shakespeare. Études sur le romantisme, Paris 1854, (Lord Byron en Italie), 268, КН.

7[152] См. Стендаль, Лорд Байрон в Италии (стр. 274 по фр. изд.).

7[153] См. Стендаль, Вальтер Скотт и «Принцесса Клевская»: "Искусство, следовательно, – только прекрасная ложь; но Вальтер Скотт был слишком большим лжецом. Он больше нравился бы душам возвышенным, суд которых в конце концов всегда остается решающим в литературе, если бы в своем изображении страстей он допускал большее число естественных черт. Его персонажи, охваченные страстью, словно стыдятся самих себя..." (пер. Б.Г. Реизова, под ред. Ю.Б. Корнеева).

7[160] Отсылка к книге Стендаля «О любви».

7[161] *Способность ... Стендаль.* – Источник неизвестен.

7[173] *Марини* или Марино Джамбаттиста (1569–1625) – итальянский поэт, положивший начало одному из направлений барокко – маринизму, галантно-эротическому течению, отличающемуся вычурностью стиля.

7[181] Ср. 7[45].

7[184] *Дурные вожделения.* – В нем. тексте: «Die "bösen Lüste"». Букв. перевод французского слова «concupiscence» в использованном Ницше немецком издании «Мыслей» Паскаля (т. I, стр. 219, 241; т. II, стр. 119, 127, 246; многие места подчеркнуты рукой Ницше). Ср. прим. к 7[29]. *Смысл смерти.* – Паскаль, op. cit., т. I, стр. 40 (по нем. изд.).

7[188] Фрагмент написан неровным почерком, возможно, на ходу.

7[195] *у Бетховена.* – Из: *у Р. Вагнера.*

7[196] Ср. 7[107].

7[198] Заметка Ницше, сделанная им во время чтения Стендаля («Расин и Шекспир»).

7[205] Ср. 7[59].

7[208] См. Паскаль, op. cit., т. I, стр. 369 (по нем изд.) = т. I, стр. 407 (по фр. изд.).

7[211] Ср. 7[30], 7[96] и *УЗ* 560.

7[214] Ср. 7[140] и *УЗ* 161.

7[216] Ср. *УЗ* 207.

7[217] Ср. 7[230].

7[224] Ср. 1[54]; 3[85].

7[228] *помнить о Пор-Рояле.* – См. прим. к 7[260].

7[230] Отсылка к Стендалю. Ср. 7[217] и *BH* 29.

7[232] Источник цитаты неизвестен (возможно, Стендаль).

7[233–234] Заметки Ницше, сделанные им во время чтения «Мыслей» Паскаля.

7[236] Ср. 6[207].
lago maggiore. – Лаго-Маджоре (букв.: «большое озеро») – озеро в южной части Альп, на границе Швейцарии и Италии.

7[238] *они сгорают ... характер.* – См. Стендаль, История живописи в Италии, VI, 131 (стр. 280 по фр. изд.).

7[239] Ср. *УЗ* 38.

7[240] См., например, Эсхил, Хоэфоры, 596–601.

7[250] Христиан Фюрхтеготт *Геллерт* (1715–1769) – немецкий поэт и философ-моралист эпохи Просвещения.
молодой Германии. – литературное течение, возникшее в 1830 годах в Германии и объединившее Г. Гейне, Л. Бёрне, К. Гуцкова, Т. Мундта, О. Лаубе и других писателей либерально-революционного направления.

7[254] См. B. Pascal, Gedanken, Fragmente und Briefe, Bd. I, Leipzig 1865, 111–125.

7[258] Ср. *УЗ* 347.

7[260] *Паскаль ... Перье.* – Ницше имеет в виду историю чудесного исцеления племянницы и крестницы Паскаля Маргарет Перье, которая в 1656 г. после усиленного лечения от глазной болезни, которое к тому времени уже продолжалось около трех с половиной лет, пошла в церковь Пор-Рояля, где была выставлена игла из «настоящего тернового венца Спасителя». Маргарет приложилась к святыне и исцелилась. См.: Паскаль, Письма к провинциалу, XVI; Sainte-Beuve, Port Royal, III, 84.

7[261] См. Sainte-Beuve, Port Royal, III, 83 слл.

7[262] *Сравнить с Паскалем.* – См., например, Мысли, 502/603: B. Pascal, Gedanken, Fragmente und Briefe, II, 270: «[…] sub te erit appetitus tuus. Укрощенные, страсти его становятся добродетелями […]. Их нужно заставлять служить себе, как рабов […]» (пер. Ю. Гинзбург).

7[267] Заметка Ницше, сделанная им во время чтения Стендаля («Расин и Шекспир»).

7[268] См. прим. к 7[267]. Ср. *УЗ* 192.

7[269] Неточная цитата из «Риторики» Аристотеля (1372 а, 4–6).

7[270] Источник неизвестен.

7[271–272] Источники цитат из Паскаля не обнаружены.

7[273] Жак Бенинь *Боссюэ* (1627–1704) – французский богослов, писатель и епископ.
Жан де *Лабрюйер* (1645–1696) – французский писатель-моралист, член Французской академии (1693).

7[276] Источник цитаты неизвестен.

7[278] См. Sainte-Beuve, Port Royal, III, 83 слл.
Демосфен … Филиппа. – Ницше имеет в виду т.н. «Филиппики», обличительные речи Демосфена против македонского царя Филиппа II.

7[282] См. B. Pascal, Gedanken, Fragmente und Briefe, II, 111–125.

7[284] *Н<аполеон> … придворных.* – См. Ремюза, Мемуары, I, 395. Ср. 6[33], 7[67] и *УЗ* 251.

7[285] Ср. *УЗ* 134.

7[292] См. Гёте, Торквато Тассо, V, 5: «И если человек в страданьях нем, / Мне бог дает поведать, как я стражду» (пер. С.М. Соловьева).

7[295] Отсылка к Стендалю.

7[297] Источник цитаты из Стендаля не обнаружен.

7[298–299] Возможно, отсылки к Стендалю.

7[301] Возможно, отсылка к Стендалю. Ср. 7[306].

7[302] Ср. *УЗ* 429.

7[305] Ср. 9[12].

7[306] Ср. 7[301]; 7[308].

7[308] Ср. 7[306].

7[312] *velle non discitur.* – Фраза из «Нравственных писем к Луцилию» Сенеки (81,13).

7[313] Ср. *УЗ* 207.

8. Зима 1880–1881

Записная книжка N V 5

8[5] Ср. подзаголовок *УЗ*: *Мысли о моральных предрассудках.*

8[9] *кровь святого Януария.* – Януарий (Ианнуарий) Беневентский, Путеольский (Неапольский) (ум. ок. 305), епископ, священномученик, умерщвленный во время гонений императора Диоклетиана. Святой-покровитель Неаполя. Со времени позднего средневековья ему приписывается чудо превращения засохших капель его крови в жидкость.

8[14] Заметки Ницше, сделанные им во время чтения Стендаля («Расин и Шекспир»).

8[16] Ср. *УЗ* 174–175.

8[21] Ср. *УЗ* 157.

Septem. – Ницше имеет в виду драму Эсхила «Семеро против Фив» (латинское название – «Septem contra Thebas»).

8[22] См. Байрон, Манфред, I, 1. Ср. *УЗ* 437.

8[23] Ср. открытки Ницше, отосланные Генриху Кезелицу, Овербеку, а также матери и сестре 8 января 1881 г.

8[24] *Вернер Захариас* (1768–1823) – немецкий поэт и драматург.

Генрих фон *Клейст* (1777–1811) – немецкий писатель, поэт и публицист.

Клеменс *Брентано* де ла Рош (1778–1842) – немецкий писатель, один из главных представителей т.н. «гейдельбергского романтизма».

8[27] Ср. *ВН* 140.

8[29] Ср. 7[238]; 8[50].

8[31] *Паскаль советовал ... угасают.* – Источник неизвестен.

8[32] Ср. *УЗ* 172.

8[34] Ср. *ВН* 283.

8[39] *На Коркире ... масштабе!* – см. в «Истории» (III, 82) Фукидида описание междоусобной борьбы между городами Эллады во время Пелопонесской войны: «Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага, например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради дру-

зей, благоразумная осмотрительность – замаскированной трусостью, умеренность – личиной малодушия, всестороннее обсуждение – совершенной бездеятельностью... Удачливый и хитрый интриган считался проницательным, а распознавший заранее его планы – еще более ловким... Хвалили тех, кто мог заранее предупредить доносом задуманную против него интригу или подталкивал на это других, даже не помышлявших о подобных действиях» (перевод Г. А. Стратановского).

8[40] *Кристаллизация* – центральное понятие в сочинении Стендаля «О любви», означающее главную движущую силу в процессе зарождения любви: «То, что я называю кристаллизацией, есть особая деятельность ума, который из всего, с чем он сталкивается, извлекает открытие, что любимый предмет обладает новыми совершенствами» (пер. М. Левберг и П. Губера, под ред. А. А. Смирнова).

8[42] *Вечный.* – GA: *чистый.* GAK: *Я чистый.*

8[44] *Сента* – дочь моряка Даланда в опере Р. Вагнера «Летучий голландец».

Брунгильда – героиня скандинавской мифологии, образ которой был использован Р. Вагнером в его «Кольце Нибелунга».

8[45] Ср. *УЗ* 207.

8[47] Ср. *УЗ* 174.

8[48] Ср. 9[6] и *ВН* 267.

8[50] Ср. 8[29].

8[51] Заметки Ницше, сделанные им во время чтения Стендаля («Расин и Шекспир»).

8[54] Ср. 8[65].

8[57] Ср. 14[20].

8[58] Ср. *УЗ* 86.

8[59] Ср. *УЗ* 102.

8[65] Ср. 8[54].

8[68] Жан Батист Пьер Антуан де Моне *Ламарк* (1744–1829) – французский зоолог и ботаник, первый исследователь, сформулировавший целостную теорию эволюции живого мира (т.н. «ламаркизм»).

Огюст *Конт* (1798–1857) – французский философ, один из основоположников позитивизма.

8[69] Ср. 12[111] и *ВН* 71.

8[74] *«Le long espoir et les vastes pensées».* – Цитата из басни Лафонтена «Старик и трое молодых» («Le vieillard et les trois jeunes hommes»). Ср. переложение В.А. Крылова: «Оставь, старинушка, свои работы: / Тебе ли затевать столь дальние расчеты? / Едва ли для тебя текущий верен час! / Такие замыслы простительны для нас».

8[79] Ср. *ВН* 180.

8[81] *у Стендаля.* – См. Расин и Шекспир (а также прим. к 7[87]).

8[91] Ср. *ВН* 96.

8[92] Ср. *ВН* 328.

8[97] Ср. *ВН* 137 и *УЗ* 38.

8[99] Ср. *УЗ* 113.

8[101] Ср. *УЗ* 38.

8[103] Ср. *УЗ* 174.

8[104] См. Ремюза, Мемуары, I, 115 (а также прим. к 6[9]).

8[105] См. Ремюза, Мемуары, I, 116 сл.

8[106] См. Ремюза, Мемуары, I, 112. Ср. *ВН* 362.

8[107–109] См. Ремюза, Мемуары, I, 108.

8[110] *Вотану.* – Вотан (Один) – верховный бог в германо-скандинавской мифологии, образ которого был использован Р. Вагнером в его «Кольце Нибелунга».

8[111] См. Ремюза, Мемуары, II, 280.

8[112] См. Ремюза, Мемуары, II, 299 сл.

8[113–114] См. Ремюза, Мемуары, II, 303.

8[115] См. Ремюза, Мемуары, II, 167.

8[116] См. Ремюза, Мемуары, I, 114 сл. Ср. *ВН* 23.

8[117] См. Ремюза, Мемуары, II, 280.

8[118] См. Ремюза, Мемуары, II, 277 сл.

8[119] См. Ремюза, Мемуары, II, 278.

9. Зима 1880–1881

Рукопись M II 2

9[1] Ср. 7[268]; 8[56].

9[2] Ср. *УЗ* 343.

9[3] Ср. *УЗ* 482.

9[6] Ср. 6[271], 8[48] и *ВН* 267.

9[7] Ср. *УЗ* 190.
в стиле Кановы. – Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор, считающийся важнейшим представителем классицизма в европейской скульптуре.

9[9] Ср. 6[375]; 9[10].

9[10] Ср. 6[375]; 9[9].

9[11] Фрагмент изначально задумывался как продолжение *УЗ* 132.

9[12] Ср. 7[305].

9[13] Ср. 7[135]. Фрагмент изначально задумывался как продолжение *УЗ* 207.

9[15] Фрагмент изначально задумывался как продолжение *УЗ* 44.

9[17] Строка из «Ригведы», сборника индуистских религиозных гимнов, оформившегося к 10 веку до н. э. Использована Н. как эпиграф к *УЗ*. Ср. открытку Ницше, отосланную Генриху Кезелицу 9 февраля 1881 г.

10. Весна 1880 – весна 1881

Папка Mp XV 1b

10[A3] Ср. 4[72] и *ВН* 14.
Софокл ... урок Периклу. – Возможно, речь идет о драме Софокла «Антигона». Некоторые исследователи считают, что образ Креонта был во многом списан Софоклом с Перикла и служил своего рода скрытой критикой автократических тенденций в политике последнего. См. V. Ehrenberg, Sophocles and Pericles, Oxford 1954, 95 слл., 145 слл.

10[A5] Ср. *ВН* 306.

10[A6] См. статью Р. Вагнера в «Байройтских листках» за 1880 год.

10[A13] См. Ремюза, Мемуары, III, 224 сл.

10[A14] См. Ремюза, Мемуары, III, 225.

10[A15–A16] См. Ремюза, Мемуары, III, 170.

10[B17] Ср. *УЗ* 26.

10[B19] Ср. *УЗ* 471.

10[B20] Ср. *УЗ* 460.
10[B23]Ср. *ВН* 83.
10[B26] *«Альпа ... на гору?»* – Ср. ПСС 8, 23[197] и *ТГЗ* II, *Профицатель* (а также прим. к этой главе в ПСС 4).
10[B30] Ср. *УЗ* 167.
Лазар *Карно* (1753 –1823) – французский политический и военный деятель, инженер и математик. Выступал против учреждения почетного легиона, против пожизненного консульства и против установления империи. В начале 1814 года, когда Франции грозило вторжение союзных войск, Карно предложил Наполеону свои услуги и был назначен губернатором Антверпена, оборона которого стала одним из его замечательнейших военных подвигов.
Жан-Батист *Журдан* (1762–1833) – французский военный, маршал Франции при Наполеоне I.
Луи-Лазар *Гош* (1768–1797) – французский генерал, один из самых популярных военных деятелей своего времени.
10[B32] См. B. G. Niebuhr, Geschichte des Zeitalters der Revolution, Hamburg 1845, т. I, 334–339. Ср. *УЗ* 167 и прим. Бартольд Георг *Нибур* (1776–1831) – немецкий историк, наиболее известный своими исследованиями античности.
10[B37] Ср. *УЗ* 130.
10[B43] Ср. *УЗ* 87.
10[B44] См. John Lubbock, Die Entstehung der Zivilisation und der Urzustand des Menschengeschlechtes, erläutert durch das innere und äußere Leben der Wilden. Übers. von A. Passow, nebst einleitendem Vorwort von Rudolf Virchow, Jena 1875, 189, КН.
10[B45] Там же, 312.
10[B59–B60] Ср. *УЗ* 132.
10[B68] Вероятно, цитата из Паскаля.
Жан Жерсон (1363–1429) – французский теолог, мистик, канцлер Парижского университета.
10[D70] Антонио *Эскобар*-и-Мендоза (1589–1669) – испанский иезуит. Паскаль полемизировал с ним в своих «Письмах к провинциалу».
10[D74] Ср. *УЗ* 207.

10[D80] См. Moritz von Engelhardt, Das Christenthum Justins des Märtyrers, Erlangen 1878, 312, 322. Ср. открытки Ницше, отосланные Овербеку 22 июня 1880 г., а также письмо Овербека к Ницше от 10 июля того же года.

10[D81] *Юстин* Мученик (ок. 100 – ок. 165 г.) – один из наиболее видных апологетов, умерший мученической смертью. Автор сочинения «Разговор с Трифоном иудеем», представляющим собой сборник проповеднических бесед Юстина с его учеником Трифоном, где на основании пророческих книг Ветхого Завета доказывается прообразовательно-служебное, подготовительно-провиденциальное значение иудейства по отношению к христианству, а также высказывается мысль о всеобщности христианства в отличие от узконациональных взглядов иудеев.

10[D88] Ср. *УЗ* 180 и 197.

11. Весна – осень 1881

Рукопись M III 1

11[8] Ср. *ВН* 162.

11[13] Ср. *ПСДЗ* 192.

11[24] *Майер.* – См. J. R. Mayer, Mechanik der Wärme, Stuttgart 1874. Ср. письмо Ницше к Генриху Кезелицу от 10 апреля 1881 г. и посланную ему же открытку Ницше от 16 апреля того же года. Ср. также письмо Ницше к Кезелицу от 20 марта 1882 г.
у Проктора. – См. R. A. Proctor, Unser Standpunkt im Weltall, Heilbronn 1877, 29, КН.

11[25] Ср. 11[24].

11[37] *Спенсер, стр. 302.* – См. прим. к 1[11].

11[48] *Роде.* – Сомнительное чтение рукописи.

11[49] Ср. ТГЗ I, *О войне и воинах*; ТГЗ IV, *Праздник осла* 1.

11[53] Ср. *ВН* 59.
Очищение ... низкого. – Более позднее добавление.

11[61] Ср. *ВН* 21.

11[69] *у Лукреция.* – См. О природе вещей, IV, 1058–1120.

11[72] Ср. 7[78] и *ВН* 46.

11[77] Ср. 11[85].

11[85] *Лекки.* – Ницше ссылается здесь на труд ирландского историка и эссеиста Уильяма Эдуарда Хартпола Лекки (1838–1903) «История возникновения и влияния рационализма в Европе» (W. E. H. Lecky, Geschichte des Ursprungs und Einflusses der Aufklärung in Europa, aus dem Engl. von H. Jolowicz, Leipzig 1873), КН.
Люди ... животные. – Ср. 11[77].

11[94] *Deus nudus est.* – См. Сенека, Письма, XXXI; W. E. H. Lecky, op. cit., 178 (прим. 3). Ср. 11[95].

11[108] Ср. *ВН* 109, 349.

11[122] Ср. *ВН* 1.

11[124] *Платон полагает.* – См. Пир, 207 c – 212 a.

11[128] Этот фрагмент, а также фрагменты 11[130–132], 11[134], 11[182], 11[241], 11[243], 11[256] и 11[284] возникли во время чтения книги немецкого биолога Вильгельма Ру (1850–1924) «Борьба различных частей в организме» (W. Roux, Der Kampf der Teile im Organismus. Ein Beitrag zur Vervollständigung der mechanischen Zweckmäßigkeitslehre, Leipzig 1881, КН). См. также статью В. Мюллера-Лаутера «Der Organismus als innerer Kampf. Der Einfluß von Wilhelm Roux auf Friedrich Nietzsche»: Nietzsche-Studien 7 (1978), 189–223. Ср. прим. к ПСС 7, 7[33].

11[130] Ср. прим. к 11[128].

11[131] Ср. прим. к 11[128]. В. Мюллер-Лаутер на стр. 193 своей статьи о влиянии В. Ру на Ницше (см. прим. к 11[128]) указывает, что начало данного фрагмента представляет собой цитату из книги Михаэля Фостера: Michael Foster, Lehrbuch der Physiologie, Heidelberg 1881, 524, КН.

11[132] Ср. прим. к 11[128]. См. W. Roux, op. cit., 65, 71.

11[134] Ср. прим. к 11[128].

11[136] *Когда ... Майер.* – Ницше имеет в виду закон сохранения энергии, впервые сформулированный немецким естествоиспытателем и врачом Юлиусом Робертом Майером (1814–1878) в 1842 году в работе «Замечания о силах неживой природы».

11[137] *Моисей Мендельсон* (1728–1786) – философ, первым из еврейских философов интерпретировавший иудейскую

религию с помощью современных философских понятий.

11[141] Ср. *ЕН*, *Так говорил Заратустра* 1.

11[157] Ср. *ВН* 109.

11[161] Ср. *ТГЗ* I, *О грезящих об ином мире.*

11[170] Ср. *ВН* 89. Зачеркнут рукой Ницше.

11[176] Ср. *ВН* 42.

11[182] Ср. прим. к 11[128].

11[185] Ср. 12[213].

11[193] *Ex virtute ... conservare.* – См. Спиноза, Этика, IV, теорема 24.
Н. цитирует Спинозу по книге Куно Фишера «История новой философии»: Kuno Fischer, Geschichte der neuern Philosophie I, 2, Descartes' Schule. Geulinx, Malebranche. Baruch Spinoza. Zweite völlig umgearbeitete Auflage, Heidelberg 1865, 479–489. Книгу Фишера прислал Н. в Сильс-Мария его друг Франц Овербек в июле 1881 г.

11[194] Ср. прим. к 11[293]. См. Fischer, op. cit., 32 сл., 15 (прим.), 18, 24 (прим.), 26 сл. (прим.), 56 сл., 236 слл.
Арнольд Гейлинкс (1624–1669) – голландский философ, последователь Декарта, один из важнейших представителей окказионализма (наряду с Николя Мальбраншем). Николя *Мальбранш* (1638–1715) – французский философ, модифицировавший картезианский дуализм.

11[195] Ср. *ТГЗ* I, *Предисловие Заратустры* 1.

11[197] *отзывается ... Питти.* – См. Якоб Буркхардт, «Цицерон. Введение в созерцание произведений искусства Италии»: Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuß der Kunstwerke Italiens. Leipzig 1865, 175, КН.
палаццо Питти. – Флорентийский палаццо, построенный по заказу банкира Луки Питти, а позднее служивший резиденцией герцогам Медичи. В 1919 году открыт для публичного доступа. На сегодняшний день является одной из самых больших художественных галерей Флоренции.

11[198] *манерная музыка.* – Ср. ПСС 11, 25[254].

11[201] Ср. *ВН* 109.

11[206] Ср. *ВН* 341.

11[213] Ср. *ВН* 109.

11[224] Ср. *ТГЗ* IV, *О высшем человеке* 7.

11[226] Ср. 11[185].

11[236] *Анализ д<ействительности>*. – Имеется в виду книга Отто Либмана (1840–1912), немецкого философа, одного из основоположников неокантианства, Zur Analysis der Wirklichkeit, Straßburg 1880. КН.

11[241] Ср. прим. к 11[128].

11[243] Ср. прим. к 11[128].

11[249] Готфрид *Келлер* (1819–1890) – швейцарский писатель и политик, ставший при жизни одним из самых популярных немецкоязычных авторов 19 века.

Арнольд *Бёклин* (1827–1901) – швейцарский живописец, график и скульптор, один из наиболее значительных представителей символизма в изобразительном искусстве 19 в.

Людвиг *Рютимайер* (1825–1895) – швейцарский зоолог, геолог, анатом и палеонтолог.

которое позволит ... порядков. – Зачеркнуто рукой Ницше.

11[256] Ср. 13[14] и прим. к 11[128].

11[258] Ср. 13[20].

11[260] Ср. ПСС 12, 4[5].

в темном слове Гомера. – Вероятно, речь идет о словосочетании «νυκτὸς ἀμολγῷ». См., например, Гомер, Илиада, XV, 324; Одиссея, IV, 841.

переводчики ... дойки». – См. Philipp Buttmann, Lexilogus, oder Beiträge zur griechischen Wort-Erklärung, hauptsächlich für Homer und Hesiod, Berlin 1837, 34 слл.

11[267] Источник неизвестен.

11[271] Источник цитаты неизвестен.

11[274] Ср. *ВН* 134.

11[280] Ср. *ВН* 43.

11[283] Ср. 6[237].

11[284] Ср. прим. к 11[128].

11[285] Ср. 12[29].

11[298] Ср. *ВН* 144.

11[299] Фридрих Антон Геллер фон *Гельвальд* (1842–1892) – австрийский этнограф, географ и историк.

Эрнст *Геккель* (1834–1919) – немецкий зоолог и философ, развивший эволюционное учение Чарльза Дарвина и способствовавший популяризации трудов Дарвина в Германии.

Давида Штрауса. – См. *НР* (*ДШ*).

11[308] *Фогт, стр. 110.* – См. J. G. Vogt, Die Kraft. Eine real-monistische Weltanschauung. Bd. I: Die Kontraktionsenergie, die letztursächliche einheitliche mechanische Wirkungsform des Weltsubstrates, Leipzig 1878, KH.

11[312] *Фогт, стр. 90.* – См. прим. к 11[308].

11[317] Ср. 13[1].

11[330] *cogito, ergo est.* – Ницше пользуется многозначностью «cogito», которое можно перевести и как «мыслю», и как «представляю»/«воображаю», для иронической отсылки к знаменитому высказыванию Декарта.

11[332] *(подобное ... общинами).* – Позднее дописано карандашом над строкой.

11[335] Ср. *ВН* 110.

11[336] Ср. *ВН (ПР)* 23.

11[337] Gaya Scienza. – См. прим. к заглавию *ВН* в ПСС 3. Словосочетание «веселая наука» («gaya ciencia», «gay sabèr») встречается, в частности, в письмах Иоганна Готфрида Гердера: J. G. Herder, Briefe zur Beförderung der Humanität, Siebente Sammlung, 1796, 81.–90. Brief.

Albas ... Laïs. – Ницше перечисляет традиционные формы провансальской поэзии трубадуров: альбы, серены, тенсоны, сирвентес, утешительные песни («soulas» – от лат. «solacium», «утешение») и лэ. Ср. Theodor Gsell-Fels, Süd-Frankreich, nebst den Kurorten der Riviera di Ponente, Corsica und Algier, 2. Aufl., Leipzig 1878, KH, 312 слл. Подробнее см. Giuliano Campioni, Nachweis aus Theodor Gsell-Fels, Süd-Frankreich, nebst den Kurorten der Riviera di Ponente, Corsica und Algier (1878), Nietzsche-Studien 38 (2009), 327.

11[343] Зачеркнут рукой Ницше.

12. Осень 1881

Записная книжка N V 7

12[1] Ср. 14[4].

12[2] *Ридикультура.* – Игра слов, основанная на латинском «ridiculus» («смешной», «достойный осмеяния»»).

Горгона-Золя. – Игра слов, основанная на названии итальянского сыра «горгонзола» («Gorgonzola»), которое Ницше разбивает на две части («Gorgon-Zola»), получая совершенно новое значение.

Эргерии. – Ницше придумывает несуществующую древнегреческую нимфу, олицетворяющую гнев («Ärger»), – по аналогии с другими, действительно упоминающимися у древнегреческих авторов божествами.

12[4] Ср. *ВН* 79.
12[7] Ср. *ВН* 143.
12[8] Ср. 14[6].
12[14] Ср. 14[1].
12[17] Ср. 13[11].
12[20] Ср. *ВН* 14 и ПСС 13, 11[89].
12[23] Ср. 14[10].
12[24] Ср. 14[2. 9].
12[26] Ср. 12[34. 38]; 14[8].
12[27] Ср. 11[244].
12[29] Ср. 11[285].
12[30] Ср. ПСС 13, 11[88].
12[34] Ср. 12[26. 38], 14[8] и ПСС 13, 11[87].
12[36] *множество.* – Добавлено КиМ при сверке с GA.
12[37] Ср. 11[260], *ВН* 87 и ПСС 12, 4[5].
12[38] Ср. 12[26. 34]; 14[8].
12[41] Ср. *ВН* 2, *ВН* 301 и ПСС 13, 11[112].
12[42] Ср. *ТГЗ* IV, *В полдень* и *Вечерняя трапеза.*
12[44] Ср. 14[12] и *ВН* 331.
12[54] *Многие … корнеплоды.* – Ср. ПСС 13, 11[86]. Возможный источник Ницше (согласно Й. Залакварда): Ch. Linné, Lappländische Reise von 1732, Leipzig 1980, 57 сл.
12[55] Ср. ПСС 13, 20[145].
12[63] Ср. *ВН* 127.
12[66] Ср. 14[25] и *ВН* 125.
12[67] Ср. 13[4] и *ВН* 12.
12[69] Ср. *ВН* 77.
12[70] См. Байрон, Манфред, II, 1.
12[71] Ср. ПСС 13, 11[85].
12[74] Ср. *ВН* 127.
12[76] Ср. 15[18], 15[70] и *ВН* 337.
12[77] Ср. 14[26] и *ВН* 125.

12[79] Ср. 15[17].
12[80] Ср. *ВН* 261.
12[81] Ср. *ВН* 5.
Джузеппе *Мадзини* (1805–1872) – вождь республиканско-демократического крыла Рисорджименто (национально-освободительного движения итальянского народа).
12[85] Ср. *ВН* 27.
12[86] Ср. 15[2].
12[90] Ср. *ВН* 293.
12[95] Ср. ПСС 10, 1[45. 109].
12[96] Ср. 12[97]; 15[26].
12[97] Ср. 12[96]; 15[26].
12[98] Ср. *ВН* 33.
12[106] Ср. *ВН* 288.
12[107] Ср. 15[40].
12[110] Ср. 8[69] и *ВН* 71.
12[112] Ср. *ВН* 236. Ср. также *СИ*, *Изречения и стрелы* 1 и ПСС 13, 11[107].
12[113] Ср. 12[101].
12[116] Ср. 15[43].
12[117] Ср. *ВН* 278.
12[118] Ср. 15[57].
12[119] Ср. *ВН* 106 (вариант заглавия).
12[121] Себастьен-Рош Николя де *Шамфор* (1741–1794) – французский писатель, известный своими эпиграммами и афоризмами.
12[122] Ср. 21[3] 3 и ПСС 13, 11[91].
12[123] Ср. ПСС 13, 11[91].
12[125] Ср. ПСС 10, 1[79] и ПСС 13, 11[91].
12[129] Ср. 15[54], 16[21] и *ВН* 302.
12[130] Ср. *ВН (ПР)* 26.
12[131] Ср. *ВН* 32.
12[132] Ср. *ВН* 1.
12[134] Ср. 14[13] и ПСС 13, 11[93].
12[136] *коз.* – Сомнительное чтение рукописи.
12[140] Ср. *ВН* 48 и *ВН* 325.
12[142] Ср. 12[177. 181].
Посиллипо – возвышенность на берегу Неаполитанского залива (сейчас имя Посиллипо носит квартал, являющийся частью Неаполя). Ср. письмо Ницше к Мальвиде фон Мейзенбуг от 12 мая 1887 г.

12[144] Ср. 11[215].
12[145] Ср. ПСС 13, 11[94].
12[151] *американец.* – Ницше имеет в виду Эмерсона.
Три. – Сомнительное чтение рукописи.
возмездие. – Возможная отсылка к одноименной главе «Опытов» Эмерсона (стр. 70–96 по нем. изд.; ср. прим. к 6[451]).
12[153] Возможно, заметка к *ВН* 16.
12[154] Ср. 15[56] и *ВН* 256.
12[156] Ср. 14[24].
благородному вину ... духовным. – В немецком тексте – игра слов: употребленное Ницше слово «geistig» может значить как «духовный», так и «спиртной» / «алкогольный».
12[157] Ср. *ВН* 125.
12[161] Ср. *ВН* 311 и письмо Козимы Вагнер к Ницше от 22 августа 1872 г.
12[168] Ср. *ВН* 80.
12[170] Ср. *ВН* 101.
12[171] Источник неизвестен.
Франсуа де *Малерб* (1555–1628) – французский поэт, один из зачинателей классицизма.
12[172] Источник неизвестен.
12[174] Ср. *ВН* 14.
12[175] Источник неизвестен.
12[176] Ср. Саади, Гулистан, Предисловие 6. Источник Ницше неизвестен.
Абу Мухаммад Муслих ад-Дин ибн Абд Аллах *Саади* Ширази (ок. 1181–1291) – персидский поэт-моралист, представитель практического суфизма.
12[177] Ср. 12[81. 142].
12[178] Ср. 16[5], *ВН* 287 и *ВН (ПР)* 44.
основания ... причины. – В обоих случаях Ницше употребляет слово «Grund» («дно», «основание», «причина»).
12[179] См. стихотворение Шиллера «Дружба» («Die Freundschaft», в сб. «Антология на 1782 год»), 59–60.
12[181] Ср. 12[142. 177].
12[184] Ср. *ВН (ПР)* 60.
Грильпарцер. – См. Sämtliche Werke, hg. von H. Laube und J. Weilen, Bd. IX, Stuttgart 1872, 229. О Грильпарцере, которого Ницше цитирует в *НР (ДШ)* и *НР (ПВИ)*,

см. также письмо философа к Эрвину Роде от 7 декабря 1872 г.

12[185] *Спенсер.* – См. «Принципы этики». Ср. прим. к 1[11].

12[187] Источник цитаты неизвестен.

12[189] Ср. *СВ* 9.
должен умереть некий старец. – Речь, по всей видимости, идет о Титуреле, отце Амфортаса, страдающего от раны, нанесенной священным копьем.

12[191] Флавий *Грациан* (359–383 н.э.) – император западной части Римской империи, ревностный защитник христианства.

12[193] Ср. ВН 125: *Не блуждаем ли мы словно в бесконечном Ничто?*

12[200] Ср. рассуждения Лекки о театре: W. E. H. Lecky, op. cit., II, 252–258. Ср. прим. к 11[85].

12[202] Ср. 15[4] и *ВН (ПР)* 38.

12[205] Ср. стихотворение Ницше *В горах* (ПСС 10, 1[105]).

12[210] Ср. 16[20] и *ВН (ПР)* 24.

12[213] Ср. 11[185].

12[217] Ср. 14[20].

12[220] *Juvenilia et Juvenalia.* – Ювенилии – произведения, написанные автором в юном возрасте. Ювеналии – игры, учрежденные римским императором Нероном и посвященные богине юности Ювенте.

12[223] Ср. *ВН* 342.

12[225] Ср. *ВН* 276.

12[228] Ср. 21[3] 1.

12[229] Ср. 11[134] и *ВН* 23.

12[230] Ср. 11[306].

12[231] *в конце ... в Генуе.* – В конце марта 1882 г.

13. Осень 1881

Экземпляр Эмерсона

Ralph Waldo Emerson, Versuche (Essays), aus dem Englischen von G. Fabricius, Hannover 1858, КН. Фрагменты настоящего раздела представляют собой записи, сделанные Ницше в его личном экземпляре книги Эмерсона.

13[1] Запись на оборотной стороне крышки переплета. Ср. 11[317].
13[2] Запись на оборотной стороне крышки переплета. Ср. *BH* 154.
13[3] Запись на оборотной стороне крышки переплета. Ср. 11[304].
13[4] Запись на титульном листе. Ср. 12[67], *BH* 12 и *BH* 318.
13[5] Запись на оборотной стороне титульного листа. Ср. 11[65].
13[6] Запись на оборотной стороне титульного листа.
13[7] Запись на полях стр 1. Ср. *BH* 249.
13[8] Запись на стр. 3 (внизу).
13[9] Запись на полях стр. 25. Ср. 13[22]; 17[18].
13[10] Запись на стр. 105 (внизу).
13[11] Запись на стр. 108 (внизу). Ср. 12[17].
13[12] Запись на стр. 119 (внизу).
13[13] Запись на стр. 203 (внизу).
13[14] Запись на стр. 205 (сверху).
13[15] Запись на полях стр. 281.
13[16] Запись на стр. 344 (внизу).
13[17] Запись на стр. 346 (внизу).
13[18] Запись на стр. 348 (внизу).
13[19] Запись на последней чистой странице. Ср. 16[9].
13[20] Там же. Ср. 11[258].
13[21] Там же.
13[22] Там же. Ср. 13[9]; 17[8].

14. Осень 1881

Рукопись M III 5

14[1] Ср. 12[14].
14[2] Первоначальное продолжение Vs к *BH* 337. Ср. 12[24].
14[4] Ср. 12[1].
14[6] Ср. 12[8].
14[8] Ср. 12[26] и *BH* 301.
14[9] Ср. 12[24].
14[10] Ср. 12[23].

14[11] Ср. *ВН* 7.
14[12] Ср. 12[44] и *ВН* 331.
14[13] Ср. 12[34].
14[14] Ср. *ВН* 108.
14[17] Ср. 12[18].
14[19] Ср. 10[A14] и *ВН* 30.
14[20] Ср. 8[52]; 8[57].
socios ... malorum. – См. Спиноза, Этика, IV, теорема 57 (схолия): «Несчастному утешение иметь товарищей по несчастью».
14[24] Ср. 12[156] и *ВН* 14.
14[25] Ср. 12[66] и *ВН* 125.
14[26] Ср. 12[77] и *ВН* 125.

15. Осень 1881

Рукопись M III 4a

15[1] Ср. *ПСДЗ* 24.
15[2] Ср. 12[86].
15[4] Ср. *ВН (ПР)* 38.
15[5] Ср. *ДД Солнце садится.*
15[8] Ср. *ВН* 1.
15[16] Ср. *ВН* 302.
15[17] Ср. 12[79].
Оноре Габриэль Рикетти, граф де *Мирабо* (1749–1791) – французский политический деятель, писатель и публицист времен Просвещения.
15[18] Ср. 12[76] и *ВН* 337.
15[21] *оба поляки.* – Бошкович был не поляком, а далматинцем.
15[26] Ср. 12[96–97].
15[28] Ср. 16[15] и *ВН (ПР)* 27.
15[32] *«все сто ... поэт.* – См. Гёте, «Зимняя поездка на Гарц».
15[37] Ср. *ВН* 95.
15[39] Ср. 10[B40] и стихотворение *Отчаянье* (19[9]).
15[40] Ср. 12[107].
15[43] Ср. 12[116].
15[44] Ср. *ВН* 26.
15[49] Ср. *ВН* 26.

15[50] Ср. *ВН (ПР)* 24.
15[51] Ср. *ТГЗ* III, *О старых и новых скрижалях* 11.
15[52] Ср. *ВН (ПР)* 45.
15[54] Ср. 12[129].
15[56] Ср. 12[154], *ВН* 45 и *ВН* 256. Ср. также открытку Ницше, посланную Генриху Кезелицу 8 декабря 1881 г. (*НП* с.173): *Странно я живу, будто на самых гребнях волн бытия – как какая-нибудь летучая рыба.*
15[57] Ср. 12[118] и *ПСДЗ* 192.
15[59] Ср. *ВН* 306.
15[60] Ср. 7[37].
Я понимаю корибантов. – Корибанты – мифические фригийские жрецы, совершавшие свои служения с музыкой и танцами.
15[62] Ср. *ВН* 339.
15[65] Ср. *ВН* 31.
15[66] Ср. *ВН* 135.
15[67] Ср. открытку Ницше, посланную Генриху Кезелицу 28 ноября 1881 г.
15[70] Ср. 12[76] и *ТГЗ* III, *О старых и новых скрижалях* 11.
15[71] Ср. *ВН* 167. См. фр. изд. «Максим и мыслей» Шамфора под ред. Пьера-Жюля Этцеля (под псевдонимом П.-Ж. Сталь): Sebastien Roch Nicolas Chamfort; penseés, maxims, anecdotes, dialogues. Précédés de l'histoire de Chamfort, Paris 1860, 32.
15[72] Источник неизвестен.

16. Декабрь 1881 – январь 1882

Рукопись M III 6a

16[2] Ср. *ВН (ПР)* 4.
16[3] Ср. *ВН (ПР)* 41.
16[5] Ср. 12[178] и *ВН (ПР)* 44.
16[6] Ср. *ВН (ПР)* 5.
16[8] *«Если ... дела».* – Ср. Диоген Лаэртский, О жизни, мнениях и изречениях знаменитых философов, X (Эпикур), 123–124.
16[9] Ср. 13[19].

16[10] Ср. *ВН (ПР)* 26.
16[11] Афоризм 228 в Cb к *ВН* (позднее заменен на другой).
16[12] Ср. *ВН (ПР)* 29.
16[13] Ср. *ВН (ПР)* 32.
16[14] Ср. *ВН (ПР)* 43.
16[15] Ср. *ВН (ПР)* 27.
16[16] Первоначальная редакция *ВН* 127.
16[18] Ср. *ВН* 210.
16[20] Ср. 12[210], 15[50] и *ВН (ПР)* 24.
16[21] Ср. 12[129], 14[5] и *ВН* 302.
16[23] Афоризм 335 в Cb к *ВН* (позднее заменен на другой).

17. Начало 1882

Рукопись M III 7

Фрагменты из «Опытов» Эмерсона. Впервые опубликованы Эдуардом Баумгартеном: Eduard Baumgarten, Das Vorbild Emersons im Werk und Leben Nietzsches, Heidelberg 1957. Страницы даны по нем. изд. из личной библиотеки Ницше (ср. прим. к разделу 13 настоящего тома).

17[1] Ср. *ВН* 54.
17[2-4] Эмерсон, стр. 5.
17[5] Эмерсон, стр. 6 сл.
17[6] Эмерсон, стр. 10.
17[7-8] Эмерсон, стр. 12.
17[9] Эмерсон, стр. 13.
17[10] Эмерсон, стр. 14.
17[11-12] Эмерсон, стр. 15.
17[13] Эмерсон, стр. 13.
17[14] Эмерсон, стр. 18.
17[15] Эмерсон, стр. 20.
17[16] Эмерсон, стр. 23.
17[17] Эмерсон, стр. 24.
17[18] Эмерсон, стр. 25. Ср. 13[9. 22].
17[19] Эмерсон, стр. 29.
17[20] Эмерсон, стр. 32.
17[21-22] Эмерсон, стр. 33.

17[23] Эмерсон, стр. 34.
17[24] Эмерсон, стр. 35.
17[25] Эмерсон, стр. 36.
17[26] Эмерсон, стр. 37.
17[27] Эмерсон, стр. 39.
17[28] Эмерсон, стр. 41.
17[29] Эмерсон, стр. 43.
17[30–31] Эмерсон, стр. 44.
17[32] Эмерсон, стр. 45.
17[33] Эмерсон, стр. 47.
17[34] Эмерсон, стр. 50.
17[35] Эмерсон, стр. 53.
17[36] Эмерсон, стр. 55.
17[37] Эмерсон, стр. 54.
17[38–39] Эмерсон, стр. 57.

18. Февраль – март 1882

Папка Mp XVIII 3

Ср. заглавие с 20[1].
18[1] Ср. *ВН* 198.
18[3] Ср. письмо Ницше к Генриху Кёзелицу от 4 марта 1882 г.
18[4] Ср. эпиграф к первому изданию *ВН*.
18[6] Ср. *ВН* 259.
18[7] Ср. *ВН* 258.

19. Весна 1882

Рукопись M III 6b

19[8] Третья строфа представляет собой Rs к *ВН (ПР)* 6.
19[9] Ср. 10[B40]; 15[39].
19[11] Наброски к *ВН*.
19[12] Наброски к *ВН*.
19[14] Ср. четвертую книгу *ВН*.

20. Весна – лето 1882

Рукопись M III 3a

20[1] Ср. заглавие в разделе 18.

21. Лето 1882

Рукопись M III 2a

21[2] *«Это же ... знает где».* – Ср.: НП, с. 162.
поляк Коперник. – Ср. 15[21].

21[3] Рубрикация записей Ницше в рукописи M III 1, страницы которой были пронумерованы самим философом.
Культивирование ... проституции. – Ср. 11[96–97], 11[276], 11[274] и 11[186].
Добровольная ... праздник. – Ср. 11[70], 11[125] и *ВН* 131.
Довести людей ... рода. – Ср. 11[183].
Войны будущего. – Ср. 11[262].
Отсутствие ... инстинктов. – Ср. 11[119] и 11[127].
Приготовление мысли. – Ср. 11[338].
Способ ее распространения. – Ср. 11[338], 11[147], 11[240], 11[158–161] и 11[187].
Откуда ... благ? – Ср. 11[20].
брак. – Ср. 11[179].
Безразличие. – Ср. 11[141].
Предпосылка ... власти! – Ср. 11[253].
Мудрец ... золота. – Ср. 11[145].
Колдовство ... Обращение. – Ср. *ВН* 250.
Чувство ... функция. – Ср. 11[284] и *ВН* 119.
Причина ... Описание. – Ср. *ВН* 112.
Сладострастие ... Посвящение. – Ср. 11[114].
Научный смысл ... Толерантность? – Ср. 11[99] и 11[109].
Зло ... добра. – Ср. 11[101] и 11[279].
Элементы силы. – Ср. 11[87].
Вкус ... ценность. – Ср. 11[112] и 11[113]
Человек среди животных. – Ср. 11[266].
Здесь ... вида. – Ср. 11[243], 11[122] и 11[124].
Мы оцениваем ... силы. – Ср. 11[263], 11[135] и 11[136].

Протоплазма и мораль. – Ср. 11[128], 11[134] и 11[241].
Наши ... инстинкты. – Ср. 11[130].
Свобода воли. – Ср. 11[131].
Отдельные ... яды. – Ср. *ВН* 113.
Лечение одиночки. – Ср. 11[258].
Менее значительные ... недовольство. – Ср. 11[246].
Остерегайтесь! – Ср. 11[157], 11[205] и *ВН* 109.
Сейчас ... невинность! – Ср. 11[144].
История ... к жизни. – Ср. 11[146].
Усвоение заблуждения. – Ср. 11[171] и 11[162].
Как ... эгоизм! – Ср. 11[226] и 11[185].
Необходимость ... к счастью. – Ср. 11[163], 11[172] и 11[187].
Против ... роскоши. – Ср. 11[180].
Ложность ... Шопенгауэра. – Ср. *ВН* 99.
Свободный ... органического. – Ср. 11[182] и 11[189].
Вселенная не организм. – Ср. 11[201].
Неэгоистично. – Ср. 11[199].
Крупная ... искусства. – Ср. 11[198].
Chaos sive Natura. – Ср. 11[204], 11[199], 11[211], 11[225], 11[60] и *ВН* 109.

21[5] Ср. *ВН* 308.

21[6] Ср. *ВН (ПР)* 28.

Неизданные тома ПСС:

том 1/2 («Несвоевременные размышления», «Лекции о будущности наших образовательных учреждений», статьи из наследия) выйдет в декабре 2013 года.

том 3 («Утренняя заря», «Мессинские идиллии», «Веселая наука») выйдет в апреле 2014 года.

Фридрих Ницше
Полное собрание сочинений
Том 9

Заведующий редакцией
И.А. Эбаноидзе
Оформление и верстка
И.Э. Бернштейн
Корректор
Е.П. Лесничая

Подписано в печать 17.07.2013.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура NewBaskervilleC.
Усл. печ. л. 21,5. Тираж 1500 экз. Заказ № 2669

Издательство «Культурная Революция»
Адрес: Москва, ул. Новосущёвская, д. 19б
Телефон (499) 973 1662, e-mail editor@kultrev.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru
8 (495) 988-63-76, т/ф. 8(496) 726-54-10